

ШИШЕВ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Памятник

Лама: О наречении патриарха

Работы разных лет

НАСЛЕДИЕ ЕВГЕНИЯ ШИФФЕРСА

Евгений Шифферс

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Памятник

Лама: О наречении патриарха

Работы разных лет

УДК 111
ББК 87.3(2)6
Ш65

Редакционный совет по изданию наследия Е.Л. Шифферса

О.И. Генисаретский, Ю.В. Громыко, Л.М. Данилина (председатель),
М.Ю. Оганисьян, В.Р. Рокитянский, Е.Е. Шифферс, М.Е. Шифферс

Составление и общая редакция

В.Р. Рокитянский

Вступительная статья

О.И. Генисаретский

Дизайн

С.И. Серов

Настоящее издание стало возможным благодаря финансовой поддержке Г.О. Павловского. Финансовую помощь в подготовке наследия Е.Л. Шифферса к изданию также оказали С.М. Бархин, О.Н. Гавриленко, О.И. Генисаретский, А.С. Кривов, М.Я. Макаренко, В.В. Малявин, Г.И. Маневич, М.Ю. Оганисьян, ООО «Орфографика», А.Р. Рокитянская, В.М. Слуцкий, Э.Д. Траковская, В.И. Хэтчер (Генисаретская), Э.А. Штейнберг, Р. Эйзлвуд.

Шифферс Е.Л.

Религиозно-философские произведения — М.: Русский институт, 2005. — 656 с., ил.

ISBN 5-98379-041-2

Собрание религиозно-философских произведений замечательного театрального и кинорежиссера, писателя, религиозного философа, мистика Евгения Львовича Шифферса (1934–1997) включает в себя произведения разных жанров, написанные в период с конца 1960-х гг. по 1995 г.

УДК 111
ББК 87.3(2)6

© Л.М.Данилина, 2005
© В.Р.Рокитянский, 2005
© О.И.Генисаретский, 2005
© Русский институт, 2005

Оглавление

От издателей 7

О.Генисаретский. Читая Шифферса 9

Памятник 25

Вслушивание. Время славянофильствует 29

В поисках утраченной памяти 63

Пространство 80

План к будущей монографии 93

Маковец 98

Лама: О наречении патриарха

(материалы частного расследования) 123

Аргушти: О поведении царей 127

Библиотекарь: Самоубийство 160

Акума: Россия 191

Работы разных лет 1968–1995 243

Обрезанное сердце 245

Богооставленность 345

Введение в богословскую проблематику 400

В каком пространстве мы находимся? 444

Русское море 462

Беседа о храме 488

К 1000-летию Крещения Руси 513

Ложный оптимизм П.А.Флоренского 519

Путь (опыт магического искусства) 523

Выступление в Доме Кино 572

Путь Евгения Шифферса 574

От издателей

В рамках предпринимаемого издания наследия Евгения Львовича Шифферса, удивительного писателя и мыслителя, безусловно одного из выдающихся представителей русской культуры XX века, в 2004–2005 гг. издается двухтомник:

- «Смертию смерть поправ» (роман)
- «Религиозно-философские произведения» (настоящий том).

Настоящий том религиозно-философских произведений состоит из трех разделов — двух сборников, «Памятник» и «Лама: О наречении патриарха», составленных Шифферсом, соответственно, в начале и середине 1980-х, и раздела «Работы разных лет», в который включены произведения разных жанров, написанные в течение большого периода времени, начиная от первых религиозно-философских произведений рубежа 1960-х и 1970-х и кончая записью его выступления 1995 года. В него также включены большая подборка фотографий Е.Л. Шифферса, а также составленные В.Р. Рокитянским хроника «Путь Евгения Шифферса» и вынесенные в отдельную книгу «Комментарии и указатели».

Читая Шифферса

Взяв в руки двухтомник Евгения Львовича Шифферса, скажу себе: вот еще одно имя достучалось в дверь памяти наших притворно беспамятных современников. И достучавшись, обещает чтение, отныне отмеченное печатью этого славного имени.

Хотя все тут будет не просто: начиная с распознавания имен, которыми автор, — вынужденно или по собственному усмотрению, — подписывал свои произведения, и кончая полным отказом от образа автора, когда, приближаясь к порогу жизни, начал писать в тетради, доступные разве что самым близким людям.

Открыв это первое собрание сочинений Шифферса, читатель впечатлительный литературно, возможно, начнет с романа «Смертию смерть поправ»; темперированный драматургически — с материалов театральных постановок и фильмов (большой частью не увидевших свет при жизни автора); отзывчивый к поступи дискурса — со статей по семиотике современного искусства; а имеющий вкус к историософским разысканиям — с материалов частного расследования гибели семейства Государя Императора Николая II и членов его семьи.

Уверен, не заставят себя ждать и те, кто обратят внимание на совсем уж ни на что не похожие в нынешней русской словесности тексты, которые не берусь — в этом предисловии — отнести ни к одной из текстологических рубрик. О них можно составить себе впечатление по фрагментам тетрадных записей, включенных в жизнеописание Шифферса и комментарии к настоящему изданию, дотошно выстроенные Владимиром Рокитянским.

Чтение и письмо — занятия куда более древние, чем привычное нам блуждание взором по страницам журналов и книг, будто бы заведомо обращенных к нам, анонимным читателям. Но стоит лишь на вершок приподняться с земли, отринуть житейские попечения рассудка, как чтение открывается свободе понимания, воображения и памяти, все более сливаясь с ними; и становится чтением ритуальным, литургическим, расцветиваясь всеми присущими ему молитвенно-созерцательными (психопрактическими) эффектами... теми, что ждут нас чуть ли не на каждой странице предлагаемого издания.

И всяк, кто даст себе волю и найдет в себе силы для такого воистину *свободного чтения*, вскоре убедится, что... не будет одинок в этом занятии.

Идентификация автора

Как читатель, выросший в советское время, я всегда был против пухлых разъяснительных предисловий, по необузданности нрава подозревая в них ущемление прав на свободу сознания. Но и «по праву понимания» не хотел, как повелось в Отечестве, нести отсебятину, выдаваемую за самобытность. Со временем, уязвившись ограниченностью (само)понимания, стал больше ценить ссылки и сноски, помогавшие опознать пространство мысли, в каком — при том или ином событии чтения — оказывался. Так и поступлю сейчас, представляя читателю дискурс Шифферса.

Нет, я вовсе не о читательской герменевтике, и уж тем более не о конспирологии! Тайного и сокрытого в практике чтения ничуть не больше, чем открытого и явного; но дается эта явь доверием к метафоре, именами нарицательными, а не собственными.

Назначение же метафоры — раскрывать пространство сознания для действия мысли, для обнаружения ее присутствия в событиях сознания (рефлексии) и общительности (коммуникации), в оценивающих и решающих суждениях (дискурса)¹.

В случае Шифферса метафорическая *рецептура чтения* столь же, казалось бы, проста, сколь и неразрешима без радикальной переоснастки читателя. Ясное дело: Шифферс до сих пор более всего известен как практикующий режиссер театра и кино. Но по ходу знакомства с настоящим собранием текстов убеждаемся, что перед нами не столько исполнитель привычных на театре институциональных ролей (автор пьес, режиссер-постановщик, театральный педагог, актер, наконец), сколько режиссер-методолог, режиссер-стратег и, если угодно, интеллектуальный провайдер.

Это значит: в каждом творческом и жизненном проявлении драматургически и сценически претворяющий свою мысль; собирающий для постановки очередного «духовно-творческого действия» труппу, команду исполнителей; обучающий ее членов *той* именно технике «игры», прививая им те именно способности и побуждения, что нужны для реализации его, режиссера-стратега, замысла, его видения плацдарма планируемого действия, выбора прото- и антагонистов, их инструментальных и коммуникативных действий, критериев успеха и ловушек удовлетворения и т.д.

Не станем спотыкаться о подозрение в навязывании биографической или социологической интерпретации предлагаемого чтения. Речь об ином: о раскрытии в гуманитарном и художественном творчестве Шифферса ритуально-

¹ Эта когнитивная функция метафоры была описана нами в терминах процепции и инкультурации, как собственная функция самообраза автора в концепции автопоэзиса: *Генисаретский О.И.* 1) Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1993; 2) Образ жизни и личностный рост: опыт экспозиции гуманитарно-экологической перспективы развития // Конструирование будущего. Т. 1. № 1 (июль–сентябрь 2003).

архетипических интенций современной сценической и экранной культуры, о том пути, на котором культура наша от метафоры «мира как театра» сначала шагнула к «театру — истоку общительности», а затем — к «театру личностно-родового предания» и двинулась... к какому-то новому, не отождествленному еще постановочному постанову².

Здесь где-то, на мой нынешний взгляд, и упрятан промежуточный ключ к эффективному (дающему максимум креативных эффектов) и гуманитарно-корректному чтению представленных в данном томе сочинений. Сие дознано читательским и редакторским опытом, о чем и свидетельствую этим предисловием, не желая в нем ничего иного.

Не стоит упускать из вида и того, что жизненному опыту Шифферса-режиссера предшествовал опыт Шифферса-офицера, что вкупе с дворянским родовым самосознанием воина-защитника, воина-родотворца давало тот характерный сплав чувства чести и вкуса, что и в письменной речи звучит явственно-звонко.

«Князя века того», причастники советского правящего класса, в большинстве своем возросшие на обломках Российской империи и крови ее элит, вполне сознавали свою глубинную чуждость *русскому миру, русской духовно-творческой традиции*. А потому имели причины относиться к Е.Л. Шифферсу с подобающим его творческому самообразу недоверием. Он же со своей стороны не считал себя диссидентом в отношении к власти — ни государственной, ни церковной, и ставил воинско-мужескую статью служения Отечеству выше вертляво-похотливого гениальничанья персонажей «хит-парадов» и «аллей звезд».

Остро модное ныне словцо «амбициозность», применяемое к корпорациям и группам влияния, нимало не передает той интонации дерзновения, что усваивается доверием к отеческому завету «смиряться, но не смущаться». А она звучала в начинаниях и свершениях Шифферса во всех частях его творческой жизни, включая и те, что уже выходят за экранно-сценические рамки и принадлежат сферам, не имеющим определенных, общепринятых имен в современной гуманитарной мысли.

Начиная с медитативно-трансговых опытов, нашедших отражение в романе «Смертию смерть поправ», Шифферсу приходилось полагать на все большее число *неологизмов — языковых*, вроде «трансммиграции», и еще чаще *концептуальных*, — прибегая к метафорическому использованию терминов и образов традиционных исповеданий, культурно-психологических традиций, в том числе этнических, оккультных и терапевтических, и художественных концепций.

² Передавая словом постав «способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники», русские переводчики Хайдеггера оставляют его открытым не только для означения событий становления, поставки продуктов технического производства, но также для событий сюжетно-драматических и деятельности инсценирования: *Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. В.В.Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 229.*

Так амплу режиссера-стратега незаметно переплавлялось в амплу методолога, выбирающего оснастки мысли везде, где они есть, — при сохранении верности Пути, Истине и Жизни и постоянном о том свидетельствовании.

Не слишком ли вычурно для читательской рецептуры: режиссер-стратег, методолог, провайдер? Не слишком ли далековато от едва проросших сегодня фигур гуманитарной интерпретации сценической, да и экранной практики?

Но не даром же «Параграфы к философии ученичества» открываются словами: «Есть потребность в Предупреждении сказать хотя бы несколько слов благодарности корректным ученым: историкам культуры, философам и семиотикам... знают они или не знают об этом, но вскрывая корни *общечеловеческой культуры*, они помогают человеку Церкви осуществлять Благое Послание о Евхаристии „все языкам“»³. И не даром тут все дело в корректности и... реализме благодарного отношения к труду добросовестных умов!

Шифферс мог выразить основанную на собственном молитвенно-созерцательном опыте уверенность в том, что «святой Серафим Саровский договорился бы с Падмасамбхавой», но добавить при этом: «он ничего не мог бы сказать тому „буддисту“, который лишь „на словах“ буддист... ничего не мог бы сказать всерьез и тому „христианину“, который лишь „на словах“ христианин»⁴. И с не меньшей определенностью возразить Д.Зильберману: «Мне трудно понять и принять некое нарушение корректности... ибо „савеллианство“ не может корректно мыслиться вне учения о Святой Троице, вне учения о Церкви... „Брахманизм“ не может быть „савеллианством“, ибо он есть „брахманизм“... Мне трудно говорить всерьез об иудейских или эллинских компонентах в христианстве, ибо, по Павлу, Христос Распятый — краеугольный камень христианства — есть „соблазн“ для иудеев и „безумие“ для эллинов»⁵.

Был позитивистки трезвенным, говоря, что «некоторые современные экзистенциалистские зрелища... могут стать исходным пунктом для разработки формулы европейского театра, в котором спектакль будет специфическим видом антропологической медитации». И полагал, что развивать принципы медитативного театра можно, выявляя «йогизм, заключенный в системе Станиславского»⁶. Но поскольку логика верного свидетельствования — в «шамбалический», буддо-христианский период творчества Шифферса — требовала от его оптики предельной ясности и отчетливости, не считал за грех экранно представить свидетельский подвиг св. Александры средствами йогической пантомимы.

Раздвигая пределы сценического и экранного воображения, изощряясь в оснастках умного делания и смертной памяти, Шифферсу, — до конца дней

³ Опубликовано в качестве приложения к книге: *Генисаретский О., Зильберман Д.* О возможности философии. М.: Путь, 2001. С. 231. Видимо в порядке выражения такой признательности в «Параграфах» поименно упомянуты прот. Н.Афанасьев (со ссылкой на «Церковь Духа Святого»), С.Булгаков, П.Флоренский, М.Хайдеггер, А.Пятигорский и Э.Гуссерль.

⁴ Там же, с. 242.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Беседа Евгения Шифферса и Збигнева Подгужеца «О проблемах театра» (неопubl.).

своих искавшему учительной ясности, — все чаще приходилось выходить за пределы помышляемости возможного им. Теряя при этом не только прибавшихся к нему «прихожан» и «послушников», но и друзей. Такова, по свидетельству свящ. Павла Флоренского, судьба настойчиво углубляющегося в свой предмет творчества: чтобы дать что-либо людям, заплатить за это должен дающий. У отдающего все, и плата — непомерная!

Предвосхищения воображения, забегающие в буддистскую пустотность мысли и чувства? Эту ситуацию на взлете Нового времени критически опознал Ф.Бэкон: и как раз в терминах театральной метафоры.

Исследуя заблуждения человеческого ума, этот современник Шекспира опознал серию идолов, каждый из которых может быть приурочен к той или иной фигуре театральности. *Идолы рода* отвечали у него за искажения восприятий чувства и рассудка (отсюда начинается путь к театру личностно-родовых отношений). *Идолы пещеры* — за «ослабление и искажение света природы», в котором сознание видит мыслимые им вещи (к театру самодостовой спонтанности). *Идолы площади* — за подверженность страстям речевого общения (к перформативному театру общительности сквозь события). А замыкавшие эту серию *идолы театра* — венчали людское обыкновение «безумствовать по одному образу и форме» и при этом «достаточно хорошо... приходит к согласию между собой» (предельная устремленность ритуального театра — к предустановленной гармонии всечеловеческих отношений)⁷.

Подробнее о предвосхитивших современную театральность идолах театра было сказано: «сколько есть принятых и изобретенных философских систем (далее сэр Френсис добавит: «аксиом... которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности» — *О.Г.*), столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. <...> Вымысел этого театра свойственно то же, что бывает и в театре поэтов, где рассказы, придуманные для сцены... скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории»⁸.

Английский философ, посчитавший, что «тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений»⁹, в строительстве царства человека сделал, тем не менее, ставку на спасительную силу науки. Наша речь — о тонкостях общения и предания, воспринятых мыслью Шиффера в его опытах «медитативного театра» и «объективного кино». Но мы не можем не слышать, как развитые им дискурсивные практики отдаются эхом на дальних рубежах борьбы с «честолюбием разума», усердием которого «из безрассудного смешения божественного и человеческого выводится не только фантастическая философия, но и еретическая религия»¹⁰.

⁷ Бэкон Ф. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 16.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С.16.

¹⁰ Там же. С. 30–31.

Поэтому хочется спросить: не воздержаться ли нам в начале чтения пока еще не прочтенного автора, — в порядке методологического эпохэ, — от поспешных суждений о гностическом или оккультном характере его духовно-творческих трансмиграций? Не всмотреться ли сначала в то, с какой серьезностью воспринял он уроки русской духовно-творческой традиции, прорываясь по возвращении в Москву — сквозь поток стремительного чтения — к осознанию того, чем стала для нас в XX веке «московская калакагафия» века XVI?

Возвращение в Москву, или Приемлющее *восприятие* русской духовно-творческой традиции

Тема о творчестве и об оправдании творчества — одна из основных в русской художественной и религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX века. Может быть, самая важная из продумывавшихся тогда тем, оставшаяся, однако, не только не разрешенной, но и не раскрытой вполне. Вместе с заметным оживлением интереса к русскому мыслительному материалу в 60-е годы прошедшего века неминуемым стало и новое обращение к теме о творчестве (и культуре).

«Оправдание творчества» — название книги Н.А. Бердяева (1910), стоящей в ряду характерных для русской мысли изысканий под жанровой рубрикой «оправдания»¹¹. Расхожее мнение возводит этот жанр к «Теодицее» Лейбница, хотя примелькавшееся к тому времени в России различие «правды-истины» и «правды-справедливости» придавало исконному отечественному правдоверию привкус бытийной заведомости (аксиоматичности).

Завязавшаяся с изданной в 1897 году книги В.С. Соловьева «Оправдания добра»¹² нить взыскуемых оправданий, кроме Бердяева, была подхвачена свящ. Павлом Флоренским: сначала в его работе над «Столпом и утверждением истины»¹³, а затем — уже во второй половине 10-х и особенно в 20-х годах — в его многотканной антроподицее, посвященной оправданию человека и культуры¹⁴.

Приверженность к оправданию правдой была в России столь сильна, что когда уже в 50-е годы, находясь в Америке, Михаил Чехов читал лекцию «О пяти великих русских режиссерах», он постарался в одну меру правдоподобия вписать и Станиславского, «одержимого чувством правды», и Мейерхольда, «демо-

¹¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.

¹² Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.

¹³ В подзаголовке «Столпа» значит: «Опыт православной теодицеи», тогда как во вступительном слове пред защитой на степень магистра речь шла о диалектических отношениях теодицеи и антроподицеи: Флоренский П.А. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1(2). С. 817–837.

¹⁴ Свящ. Павел Флоренский. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004.

ническое воображение» которого устремлялось за пределы той «жизненной правды, которой был так предан Станиславский». Оправдывающие оценки явно не сходились, но ценностная значимость правды оставалась вне сомнения: «Да, странные, демонические, безумные (не буквально, конечно...) создания Мейерхольда были по-своему правдивы. Станиславский и Мейерхольд были олицетворениями двух противоположных крайностей. Но их творения были таковы, что вы постоянно чувствовали: это правда — очень разная, но всегда правда»¹⁵.

Кажется мне, ставка на оправдание правдой была на переломе тех веков стратегической — и притом гуманитарной, ценностно-интонационной — ставкой.

Оправданность при этом принималась как эффект более сильный, чем осмысленность (сознания) или целесообразность (желания). Суть оправдания виделась в прояснении тех условий и условностей, тех оправдывающих ценностей, в отнесении к которым жизнь, творчество и свобода могли бы мыслиться/переживаться в качестве аксиоматически *самоценных* (в любых возможных жизненных мирах, а не только в повседневно-бытовом или цеховом её выражениях).

При таком повороте внимания, оправдание оказывалось плотно связанным с глубинной структурой *антропологического воображения*, с его способностью не только распознавать ценности самоценного существования, но и переоценивать их, наново устанавливая их ценностные значения.

В каждом акте своего воображения человек позван пройти путь от осознания открывшихся ему в опыте жизни экзистенциальных возможностей — через обретение уверенности в сохранении своей человечности в этом вновь открывшемся мире — до решения принять его (и себя в нем) в качестве своего... или отвергнуть.

Оправдание понято было как *превозмогающее отношение*, свершительная сила которого состоит в сохранении за человеком свободы его сознания/воли, голоса совести и различительной способности чувства. Это всегда — выбор для человека и во имя его такого угла зрения на открывшееся, такого поворота событий, когда подтверждается его личностное достоинство и — гласно или в глубоком молчании — говориться «Axios!», «Оправданно достоин!»¹⁶.

Да и время тогда, на пороге катастрофических войн и революций, приспело такое, что на оправданное принятие или отвержение испытывалось буквально все: права человека на достойную жизнь, равенство мужчины, женщины и ребенка, прочность устоев и преданий, связи отцов и детей, призванность к свободе и творчеству «бесчисленных образов жизни», возможность встречи Востока и Запада, все вплоть до богосынових прав человека и... обязанностей перед ним его Отца, Вседержителя и Творца.

¹⁵ Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. Т. 2: Об искусстве актера. М.: Искусство, 1986. С. 392–396.

¹⁶ А пребывая в имени собственном, по слабости человеческой и попустительству греху просим: «Научи мя оправданием Твоим!».

Не получившие ответа в 10-е и 20-е годы, вызовы эти вновь заскреблись у порога в годы 60-е: надо было перестать отождествлять себя со «способом существования белковых веществ» и «совокупностью общественных отношений», и вновь — после «антропологической катастрофы» застенка и застоя — выбирать свою человеческую идентичность; когда мы в России оказались перед необходимостью переоткрытия и публичного признания реальности духовной жизни¹⁷. Разве большая их часть не осталась вызывающей до сих пор?

В.Р.Рокитянский открывает этот том публикацией двух наиболее законченных, словесно сработанных сборников Шифферса: «Памятник» и «Лама: о наречении патриарха». Свидетельская обращенность «городу и миру» еще неотделима тут от принятой по умолчанию уверенности в наличии добросовестного внимания со стороны опекаемых им друзей, общавшихся с ним «деятелей культуры» и некоторых посещавших его «ответственных сотрудников». Позже, когда мысль Шифферса, оттолкнувшись от усвоенного им русского духовно-творческого наследия, переступит порог интеллигентски понятой культуры, круг тем, намерений и соразработников его существенно изменится. Но найденный в период создания этих сборников ответ на вопрошание о творчестве войдет в число оснасток и способностей всей его дальнейшей работы.

Большое место в «Памятнике» и «Наречении патриарха» принадлежит теме, которую я когда-то в послесловии к книге Галины Маневич «Оправдание творчества», обозначил словами *духовно-творческая традиция*.

Слово «традиция» казалось тут вполне уместным, поскольку речь шла о свободном свидетельском и исповедальном служении ряда русских поэтов, художников, мыслителей (от А.С.Пушкина — до А.А.Ахматовой); о «взаимной обусловленности каждого предыдущего (представителя этой традиции. — О.Г.) с каждым последующим и каждого со всеми». И об опыте, выводящем человеческое творчество за пределы социально-культурных установлений работы, игры и ритуала — в то место самоценного, истинного бытия/деятельности, в центр которого поставлена ни много, ни мало как *святость*¹⁸.

Как всякая собственно духовная традиция, традиция о творчестве — прикровенна. Художественное восприятие, эстетическое переживание, философское промышление относящихся к ней произведений вовсе не обеспечивает еще свободного вхождения в пространство её оправданности. Она открыта для сродной себе направленности ума и сердца, доступна лишь такому творческому ведению, которое хоть толику знает, что есть святости и святость, почему

¹⁷ Об антропологических коллизиях этого процесса мы имели возможность высказаться в работе: *Окрест вершин: антропологическое воображение и перфективный праксис // Совершенный человек: Теология и философия образа*. М., 1997. С. 261–290.

¹⁸ *Маневич Г.* Оправдание творчества. М.: Прометей, 1990. Книга эта, написанная во времена плотного творческого и дружеского общения Е.Л.Шифферса с известными художниками И.Кабачковым, В.Пивоваровым, Э.Штейнбергом (мужем Г.Маневич), В.Янкилевским, заслуживает отдельного упоминания. В ней ключевая для Шифферса того периода тема гениальности и святости отражены хотя и несколько приглушенно, но зато как бы сквозь увеличительное стекло.

в предании Церковь именуется «таинством таинств», почитается святой и соборной, телом Христовым, исполненным верными свидетельствованиями и живущем энергиями благодати Духа Святого.

Таинства, в отличие от секретов, столь же реальны, сколь и не разоблачимы: именно прикровенностью защищена традиция от нецеломудренных вторжений. Таинственны святость, творчество, таинственна их связь, составляющая сокровенную суть духовно-творческой традиции русской культуры. И этим — в немалой степени — сохранена она для нас среди волнений моря житейского и грохота социальных разломов.

Сводя в целое религиозно-эстетические воззрения интеллектуальных лидеров русского серебряного века, Г.Маневич вторила Вяч. Иванову: «Отношение к святости и святым есть мерило верности религиозного мыслителя нашей народной религиозной стихии. Для человека западной обмирщенной образованности лучший свет человечества — гений, для русского народа — святой <...> гениальная душа в своем росте в мгновения пробуждающейся в ней творческой воли... делается восприимчивою к воздействию на нее незримых деятелей духовного мира, какими, прежде всего, являются, по своему конечному освобождению от всех уз отрицательного самоопределения личности, те великие и воистину Христа вместившие души, коих Церковь чтит под именем святых»¹⁹.

Шифферс куда радикальнее мыслителей «серебряного» и не состоявшегося «золотого» веков столетней давности: и в прямых ссылках на данные личного умоделательного опыта, и в гуманитарных толках о его содержании. Но главным образом — в стратегических ставках и бросках. Его намерения скорее нарицательно-учредительны, чем дидактичны. Он, говоря языком методологической дихотомии Канта, *конституирует*, полагая основы, *а не регулирует*, возвращая уклоняющихся к установленным основным состояниям.

Постепенно отходя от романтической и символистской установки на самоценность творчества, увидев за частным лицом — личностную выраженность рода, за гениальностью — святость, а за царственностью первосвященство, находит в пределах развитого им театрально-драматического дискурса основание для какого-то нового ее, мысли, суверенитета, для куда более далекого, чем это принято, бега мысли: мысли прямого действия, мысли самодеказательной и, как ему тогда казалось, риторически убедительной.

И потому, аки нож сквозь масло, проходит между различными ловушками юрисдикции разума, лишь иногда, когда уже стало совсем не перед кем держать спину, преступая дарованные нам свыше его, разума, полномочия.

Но и зная это, я считаю за благо держаться куда более щадящей рецептуры чтения. И потому предлагаю читателю отправляться от гуманитарно-посильной

¹⁹ *Иванов Вяч.* Старая или новая вера? // *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 356. Ныне, после публикации «Философии культа» свящ. Павла Флоренского, мы знаем куда больше о развивавшихся в то время воззрениях из области гуманитарной агиологии и агиократии.

синергийной трактовки духовно-творческой традиции, различая в ней, вслед за самим Шифферсом, три уровня духовно-душевно-знаковой конкретности:

Во-первых, уровень восприятия энергий благодати Духа Святого, стяжаемой святыми подвижниками равноапостольного духовного опыта (лично-предельный мистико-аскетический аспект синергии).

Во-вторых, уровень восприятия духовно-творческих энергий творящим лицом — в состоянии гениального творчества — при посредстве стяжателей благодати Дух Святого, живых или усопших святых подвижников (собственно духовно-творческая, лично ответственная синергия).

В-третьих, уровень восприятия энергий, проецирующихся в поэтический мир через персонажи творческой психодрамы, обычно именуемых «музами», «духами», «ангелами» и т.п. (лично-остаточный, родовой мифопоэтический аспект синергии).

Об осуществимости прямого стяжания благодати Духа Святого в творчестве художественном или мыслительном на первых порах говорить не приходится. И не потому, что для этого нет данных в истории мысли или искусства. Случай Шифферса подтверждает очевидное: разговор о таком стяжании предполагает изрядную опытность в искусстве «различения духов», в чем мало кто из наших современников осмелился бы признаться, даже если бы и имел его.

Обращаясь к уровню собственно духовно-творческой синергии, еще раз вспомним слова Г.П.Федотова: «в опыте таинства, молитвы и духовной жизни... подаются силы и для прямого культурного творчества», и заметим, что даже приблизившись — в наивысшем творческом подъеме — «к состоянию святости под воздействием благодатной энергии, посылаемой в мир стяжателями Духа Святого — святыми», художник вовсе не становится святым²⁰.

Выражаясь в духе Н.А.Носова, можно сказать, что состояние гениального творчества виртуально, а это значит — свободно в своей событийной неуловимости. В нем происходит мгновенное претворение залученной духовно-творческой энергии в творимый поэтический мир. Такие события можно помнить, можно ожидать, быть готовым — в пределах отпущенного творческого времени — к претворению их, но энергию эту нельзя присвоить. Тут все упирается в соответствующую направленность, открытость сердца и ума, в личный *самообраз*, обеспечивающий *причастность* к свободно разделяемой традиции творчества и ритуально-символическую общительность с предыдущим уровнем синергии.

И потому духовно-творческая синергия ценностно избирательна и совершительна. Свящ. Павел Флоренский со свойственной ему чеканностью суждений говорил: «в пределах самой культуры нет критериев выбора», например, между «покаянным каноном Андрея Критского и произведениями маркиза де Сада... нельзя, оставаясь верным культуре, одобрять одно и не одобрять другого... Не

²⁰ Федотов Г.П. О Св. Духе в природе и культуре // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris: YMCA-PRESS, 1973. Т. II. С. 227.

имея критерия, различающего потребности, не имеем самопринуждения человекобога; а затем, мгновенно, из человекобога выльется и звериная морда. Но это не по личным недостаткам, а с роковой необходимостью, *по законам аскестики*», хранящей знание о «духовных связях нашего существа». Поэтому-то «для расценки ценностей нужно непременно выйти за пределы культуры», до конца перестать «отождествлять себя, как деятелей культуры» и признать, что «аскетизм... есть синоним культуры»²¹.

Упоминание об аскетизме, о борении со стихийными силами души, искажающими путь вдохновения, обращают к третьему, мифопоэтическому уровню духовно-творческой традиции. И здесь тех, кто не чужд агиологического взгляда на творчество, поджидают вопросы: каковы различия общительности поэтов со святыми подвижниками (в историческом или жизнеспасительном времени), с одной стороны, и с музами в их собственно поэтическом времени, с другой; в каких отношениях мифика музы состоит с благовестием Нового Завета? Вопросы, ответы на которые оттачивались Шифферсом на многих страницах его сочинений.

Когда А.Ахматова с уверенностью произносила: «Я никогда не улетала и не уползала из Поэзии», она не настаивала ни на самозамкнутости поэтического мира, ни на закрытости его для благодатных внушений²². Это был упор на избранничестве и ответственном участии в домостроительном служении слова. Кажется, она допускала, что пушкинское настояние о послушании воле Божией может быть услышано Музой.

Что же касается поэтического знахарства и ведовства, его столь далекой, казалось бы, от аскетизма мистики, то, на мой вкус, стоит принимать их в духе мифопоэтического реализма, не опускаясь до неуместной в отношении искусства подозрительности в ересь. Родовые чувства, сознание и воля, которым столь многое посвящено в мысли Шифферса, — не менее правомочная реальность жизни, чем ее личностная заостренность. Душа вплетена в родовую жизнь человека, а потому благочестивая чистота поэтического служения достигается не отрывом от родовых стихий человеческой природы, но их олицетворенностью, преображением в личностное самобытие.

О.Мандельштам, чье творчество и взгляды на культуру были далеко не безразличными Шифферсу, однажды так сформулировал одну из аксиом поэтической антропологии: «Самое удобное и правильное — рассматривать слово... словесное представление... не только как объективную данность сознания, но и как *органы человека* (выделено мною. — О.Г.), совершенно так же точно, как печень, сердце»²³.

²¹ Свящ. Павел Флоренский. Философия культа: Опыт православной антропологии. М.: Наука, 2004. С.

²² Эйхенбаум Б. Об Ахматовой // Ахматова Анна. После всего. М.: Изд-во Московского полиграфического института, 1989. С. 222–226.

²³ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 66. В данном случае пишу «поэтическая антропология», имея в виду книжицу В.П.Зинченко «Возможна ли поэтическая антропология?» (М., 1994), в которой дана гуманитарно-психологическая трактовка взглядов Мандельштама, созвучная его разночинно-науковерческому взгляду на культуру и человека.

Образы внешнего и внутреннего миров, и ценности, в них представленные, суть органы творящего лица. Но также и *персонажи мифопоэтической психодрамы*, живые лица, наделенные свободой говорить и слышать, видеть и являться.

Мы столь подробно задержались на мифопоэтической ступени синергии, поскольку исходя из ее аксиоматики — в отечественной семиотике — была развернута гуманитарная версия агиологии, многие тексты которой Шифферсу были известны²⁴. И дело тут не только в маске библиотекаря, в которой он иногда выступал «в миру»: без мифопоэтической музыкальности гуманитарные начинания склонны перерождаться в технологический позитивизм, в «реальную» (то есть по нынешним временам торговую) политику, что можно видеть на примере особо кичливых гуманитарных технологов, обитающих в их выморочном, но почему-то называемом *русским*, мире.

Сказанное о трех уровнях осуществления синергии имело целью обратить внимание на тот *поворот в оправдании творчества*, который совершил Шифферс, энергично переосваивая умоделятельную оснастку духовно-творческой традиции: так на первичной сцене сознания был поставлен голос и слух практического богословия, видение/смотрение о деятельности, включившие в себя, помимо творчества, также игру, обряд и служение.

Если при этом служение понимать как деятельность *связанную*, вынужденную долгом, а игру как *свободную*, спонтанную деятельность, то творчество оказывается состоянием одновременно свободно-достоверным (аксиоматическим) и свободно-произвольным (аксиономическим), а обряд (ритуал) — смысло-свободным, но целезависимым, что на богословском языке и означает свободное взыскание мыслью воли Божьей²⁵.

Обрядовая мысль эта уверенно расположилась на почве преемственности равноапостольного духовного опыта, которая хоть и опирается на институциональное апостольское преемство, но никак не сводится к нему. Адресат апостольских писем, входящих в состав Нового Завета, опознан Шифферсом как «избранные», имеющие опыт веры и именуемые «царственным священством», поскольку являются они причастниками Царствия Божьего, Царями и Священниками «по благодати».

Вникнув в первозданные царственность воли и священство сознания, познав в них синергийную вершину деятельности и софийную вершину мысли, *мы*, вслед за Шифферсом, пойдем, почему *он* имел право говорить: «родовое сознание (сознание и воля принадлежат роду, а не «я») тяготеет через гениальность — йогу (метанойю. — *О.Г.*) — к святости». Так в пределах православного

²⁴ Две недавние обобщающие публикации В.Н.Топорова: *Топоров В.Н.* 1) Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995–1998. Т. 1–2; 2) Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1.

²⁵ Думаю, именно это состояние мысли/деятельности было описано Вс. Семенцовым под именем символического ритуала в известной работе: *Семенцов В.* Проблемы интерпретации брахманической прозы: Символический ритуал. М.: Наука, 1981.

богосмыслия был распознан своеобразный полупроводниковый эффект сквозного восхождения, проводящего нас по оси личностно-родового измерения человеческой жизни.

Для обозначения состояния *цельной деятельности*, охватывающей творчество, игру, обряд и служение, Шифферс использовал различные слова-заменители, и чаще других — технический термин буддийской йоги *siddhi*. Но в практике своей ставил на Москве действие о преображении ума (метанойю), строил педагогику царственного священства, чести и славы.

Еще раз о драматическом поставе

Драматическое ведение, поставленное в фокус общественного внимания, начинает радикально структурировать образность образа жизни во времена общественных перемен, ускоренного бега исторического времени. Таковыми были наши 20-е годы XX века, когда театральная (а затем и кино-) режиссура заявила себя закваской революционного жизнестроительства²⁶.

В новом трудовом обществе, пророчествовал Вс. Мейерхольд, работа актера «будет рассматриваться как продукция, необходимая для правильной организации труда всех граждан»²⁷. Созданную для этих целей биомеханику другой пионер театрального конструктивизма, Борис Арватов, подавал как первую в мировой истории попытку «научить тому, чему должен учиться каждый человек, если он хочет быть квалифицированным членом общества. Биомеханика есть поэтому первый действительный прыжок из театра в жизнь... стык между организацией в искусстве и организацией в жизни (выделено автором. — О.Г.)»²⁸. Речь шла о «тщательной обработке человека», о проектировании образцов нового поведения и деятельности, в различных жизненных ситуациях²⁹.

Искать новое поведение в новой предметной среде подвизался театр: «На сцене будет работать людской материал. Его работа должна быть связана с какой-то материальной средой... состоящей из ряда предметов, вещей» и пространственных конструкций. Эти вещи и конструкции должны стать «орудием актерского производства, а не формой, не декорацией, не бутафорией». Хотя дело не в самих вещах и конструкциях, а в той работе с ними, «которую должны были демонстрировать действующие лица». Новые зрелищные возможности должна была дать сценическая конструкция и «тейлоризированная» работа персонажей. Целью же было: «нанести смертельный удар спекулятивной

²⁶ Сидорина Е.В. Русский конструктивизм: истоки, идеи, практика. М., 1995 (гл. 3: Театральный октябрь).

²⁷ Актер будущего: Доклад Вс. Мейерхольда // Эрмитаж. 1922. № 6. С. 10.

²⁸ Арватов Б. Театр как производство // О театре: Сб. статей. Тверь, 1922. С. 120.

²⁹ Гастев А.К. Бьет час // Правда. 1922. 3 июня. № 122.

театральной работе»³⁰ и «в 1 час сыграть столько, сколько сейчас мы можем дать в 4 часа»³¹.

Под давлением инспирированного после 1929 года усиления классовой борьбы судьба театрального (да и всякого иного) авангарда была предрешена. Идеологическому официозу казалось: можно бы и забыть об акмеистах и футуристах, производственниках и конструктивизме.

Случилось иначе: 60-е годы — в нашей стране, да и в мире — стали повтором 20-х годов в новом витке социальной истории. То, что было зачато, манифестировано в виде *сильного* — художественного, интеллектуального, социокультурного авангарда — в 20-е годы, было повторено в другой, столь же авангардной, но более *слабой* и мягкой форме в годы 60-е³².

Многие из выпускников ВХУТЕМАСа (Всероссийские художественные театральные мастерские) в 60-х годах были вполне дееспособными и творческими людьми. Живы были их ученики, дети или внуки, наследники плотские и духовные. 60-е стали в некотором роде реваншем за то, что потеряно, затоптано в 20-е.

Но не только. Сильный авангард 20-х годов стал первой заявкой на новую *гуманитарно-цивилизационную платформу*, благодаря которой общеевропейская перестройка 1789 года должна была найти более внятное «человеческое лицо», предъявить позитивные жизненные ценности. Чуткий к историческим сдвигам историк и искусствовед С.О.Хан-Магомедов как-то сказал, что «стилеобразующий фундамент, заложенный в 20-е годы, — это стилевая система... на очень длительный срок, причем вполне возможно, что XX век — во многом еще архаика большого стилевого периода, который уйдет в третье тысячелетие... [Новый стиль] продолжает отрабатывать фундаментальную основу стилеобразования... и явно не успевает с отработкой наиболее близких ценностным ориентациям человека слоев своей художественной системы... „утепленно-человеческие“ уровни нового стиля явно отстают»³³.

Так что, сценические эскапады 20-х годов — в театре-искусстве и театре-жизни — признать провозвестием грядущего тысячелетнего стиля? Если принять оговорки Хан-Магомедова в расчет, почему бы и нет, коль обещано было, реализовать проект *антропной цивилизации*, создать *глобальную цивилизационную платформу*³⁴.

Тогда она была предъявлена в форме сильного авангарда на фоне всего еще живого, признававшего свою связь с традициями русского прошлого исто-

³⁰ Ганн А. Смертельное явление в доме не умершего Тарелкина // Зрелища. 1922. № 16. С. 10–11.

³¹ Актер будущего....

³² Важное в данном контексте различение сильной и слабой проектности было сформулировано Г. Курьеровой: Курьева Г. Что впереди? // Дизайн на Западе. М.: ВНИИТЭ, 1992. С. 47–66.

³³ Хан-Магомедов С. Стилевое единство или эклектика? // Декоративное искусство СССР. 1981. № 4. С. 19–21.

³⁴ Генисаретский О.И. Культурно-экологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1993.

рического предсостояния. К 70-м, когда новый советский человек был в основных чертах своих произведен, «предъява» 20-х чуть было не обернулась — в воображении наследников биомеханики — новой исторической общностью людей (социально однородным советским суперэтносом).

Шифферс вступил на путь театрального творчества, когда сценический конструктивизм, актерская психотехника, режиссерский театр вдохновляли многих и многих: до такой степени, что даже антифашистский протест М.А. Лифшица в полемической статье «Почему я не модернист?» вызвал дружное улюлюканье либеральной общественности. По возвращении Шифферса в Москву *этот* уровень поколенческой ангажированности был пройден энергично и быстро. Остался характерный жест режиссера-методолога и стратега, по прошествии времени воспринимаемый как ярко расцвеченный личностью автора постановочный постав, изготовленный к дальнейшей культурной трансляции и проектной коммуникации. Об одной черте ее и скажем в докончание.

После «поэта» и «художника» среди главных персонажей мысли Шифферса появляются фигуры менее всего, казалось бы, принадлежащие миру искусств — следователь, а затем и разведчик. Следователь Н.А.Соколов, положивший начало расследованию убийства Государя Императора Николая II и членов его семьи, ныне причисленных к лику святых мучеников Русской Православной Церкви, и следователь/разведчик, как обобщенная символическая роль на театре умного делания, смертной памяти, упражнений в смерти (как словами Сократа поименована была философская любовь к мудрости). О значении, какое Шифферс придавал драматургической эпифании фигур следователя и разведчика можно судить по тому, что дело, которому он посвятил последнее десятилетие жизни часто обозначалось как «частное расследование».

Кто вспомнит в этой связи «Историю пугачевского бунта» или «Моцарта и Сальери» Пушкина, «Преступление и наказание» и «Бесов» Достоевского, «Петербург» Белого или «Мастера и Маргариту» Булгакова, — произведения, в которых следственному поиску и «специальным операциям» уделена заметная доля сюжетного пространства, — тот вряд ли удивится признанию за Н.А.Соколовым роли не только исторического, но и культурного героя. (Да и сам Соколов полагал, что «дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество» и «поиск истины» в уверенности, что в будущем она «найдет свое полное разрешение»³⁵.)

В хорошо документированной статье Карло Гинзбурга «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» показано, что концу XIX века «бесшумно сформировалась... эпистемологическая модель», которой до тех пор не уделялось достаточно внимания, но которая «широко применяется на деле». В ней показано, как деятельностью искусствоведа Дж. Морелли, предложившего новые методы атрибуции произведений искусства, вымышленного детектива Шерлока Холмса,

³⁵ Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. Берлин, 1925.

или психоаналитика З. Фрейда «в гуманитарных науках утверждается *уликовая парадигма*, опирающаяся на медицинскую семейотику» (от *semeion*, то есть симптома), методы археологии и... корнями уходящая к древнейшему опыту охотников-следопытов и гадателей-предсказателей³⁶. Речь шла, как выразился в середине XVIII века Г. Уолпол, о *serendipity* — искусстве непредвиденных открытий, совершаемых благодаря случаю и проницательности. И, что куда важнее, об искусстве обособления и собствования (индивидуализации), которое, благодаря распространению буржуазного образа жизни, широко распространялось по миру, принимавшему все более рутинно-технологический вид.

Расследование, разведка и поиск по уровню культурной всеобщности вставали в один ряд с научным исследованием, а социальная аналитика — с исторической наукой. Театральная интуиция Шифферса, свободная от ведомственной интеллектуальной логики, дала ему возможность оказаться буквально в эпицентре этого эпистемологического синтеза Новейшего времени. И тут мы имеем дело вовсе не с оккультной конспирологией, как бы хотелось это дьякону Андрею (Кураеву) со товарищи, а с творческим раскрытием неотсознанных еще до конца возможностей мысли.

И вот что любопытно. Рассказывая американским коллегам о мейерхольдовской постановке «Ревизора», М. Чехов через тридцать лет остался замороженным странным воспоминанием: «Совершенно неожиданно на сцене появляется некое действующее лицо, которого у Гоголя нет... Он одет в ярко-голубую униформу, которой никогда не было в России... Чем-то до крайности удрученный, расхаживает он... среди своих партнеров, ничего не делает, ничего не говорит. Никто его не замечает... Это было как эксперимент психоаналитика. Это заставило меня, да и не меня одного, а, пожалуй, любого зрителя внезапно почувствовать: „Да это же я... Я чувствую это. Где-то в потаенных коридорах и лабиринтах души спрятан вот этот некто в ярко-голубом, и никто об этом не знает, даже я сам“»³⁷. Вспомнили лермонтовские «мундиры голубые», почувствовали свою причастность безмолвию «внемлющего народа»? Такова вмещающая сила драматического дискурса, что бы мы ни думали про человеческую оправданность «инженерии человеческих душ» 20-х или 30-х годов.

И Бог весть, что ждет нас еще впереди в судорожном беге времени: в анатомическом театре терроризма нам уже довелось побывать.

Олег Генисаретский

³⁶ Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.

³⁷ Чехов М. Указ. соч. С. 395–396. О других восприятиях мейерхольдовского «Ревизора» см.: Мейерхольд в русской театральной критике 1920–1933 гг. М.: Артист.Режиссер.Театр, 2000. С. 206–256.

Памятник

Содержание

1. Вслушивание. Время славянофильствует.*
2. В поисках утраченной памяти.
3. Пространство.
4. План к будущей монографии.
5. Маковец.

Величественные картины происхождения человеческого рода, рассеяния народов и их распространения по земному шару свидетельствуют о том, как люди

з а б ы л и

свое прошлое и, заблудившись, создали множество различных объяснений своего происхождения, – все это либо полные глубокого смысла символы, либо просто гипотезы.

Карл Ясперс

Этот текст, если ему суждено хорошо записаться, при налично-фиксируемой повествовательности будет иметь странную форму перечислений развернутого плана работы или программы исследований. Невозможно (визуально) перед каждой фразой ставить цифры 1, 2, 3, 4 и т.д., – но внутренне такое перечисление идет и не следует обманываться связностью повествования: возможны и даже необходимы частные исследования и экскурсы, свернуто присутствующие в перечислениях. Сложность записываемого состоит еще и в том, что порождаемый текст должен (по интуиции) как бы дискурсивно описать

* См. продолжение «Поиск архитектурных форм, сокрытых в гениальных русских стихах», которое могло бы быть названо «Время евразийствует» (1983 г.), «Detectio. Всадник» (1984 г.).

некий визуальный объект, с большей или меньшей степенью ясности встающий перед внутренним зрением, — по сути надо бы сделать макет коллективом исследователей и специалистов в частностях под руководством Помнящего, а потом уже этот явленный «визуальный подлинник» истолковывающе описать, — тогда как мы будем описывать или приближаться к описанию лишь в внутренних предвидениях, правда, всегда стараясь помнить, что наилучшим методом было бы осуществление макета-памятника, вокруг которого ведутся комментирующие и понимающе-истолковывающие разговоры. Почти непреодолимая сложность состоит в том, что парадоксальным образом «визуальный объект» п у с т, возникает в лоне Пустоты, а явиться ему суждено как бы в пространственно-временной расчлененности. Но, — «ищущий да обрящет»!

ВСЛУШИВАНИЕ. ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ

Начнем с приведения некоторых цитат из прежде живших и нечто, как кажется, относящееся к нашей программе, уловивших (при вслушивании в Пустоту). Набор зафиксированных слов должен убедить нас до возможного незабываемого понимания в правильности суждений обрусевшего немца по крови и философа по привязанностям Владимира Эрна, что время действительно славянофильствует: в раскавыченном виде название его статей взято в оглавление §1. После цитат должно последовать неторопливое вменение того, что эти, столь разные по внешним признакам человеки, утоляли духовную жажду из одного потока. Для нас это прослушивание должно играть роль настройки, ибо, если мы, столь разные по внешним признакам, не сумеем вдохнуть хоть влажного воздуха около их источников, то есть не сможем хотя бы приблизиться к уровню их бытия как вслушивающихся в говорящую или молчащую к ним Тайну, но останемся неизменными в своем наличном горизонте, наши контуры, наши внутренние органы, будут радикально иными, и мы будем воспроизводить лишь собственные шумы, накладывающиеся на их слова. Не для оправдания нашего наличного состояния ссылкой на «авторитеты», которые мы обращаем в своих слуг, но для прослушивания символов говорящей Тайны, чтобы не лукаво узнать в себе хоть какое-то приближение к воспоминанию, узнаванию. Культивируя в себе «пафос дистанции», все же скажем вместе с М.Цветаевой: «Все мое писание — вслушивание. Отсюда — чтобы писать дальше — постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь — некая мелодическая или ритмическая кар-

тина ее — точно вещь, которая вот сейчас пишется (никогда не знаю, допишется ли), уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстанавливаю...»¹.

Цитаты будут приводиться как бы для подобного п е р е ч и т ы в а - н и я, ибо, повторим, есть предчувствие, что упоминаемые о п и - с ы в а л и уловленную в иных ритмах ткань как уже существующую, внимали излучениям этого существующего, настраивались до смертной переделки всех органов-приемов по парадигме пушкинского «Пророка», как бы уничтожали замутняющий ре-трансляцию контур «я», чтобы з е р к а л ь н о, без ряби возмущения, отразить тонко работающим э х о л о т о м у ж е таинственно ткущееся. Поэтическая «радиолокация» улавливает («зондирует») какие-то объекты, обычными средствами наблюдения не фиксируемые. В процессе, описывающем радарный поиск, можно отметить как бы два шага: критику наличной практики и, второе, описание переделки-перестройки с уловлением, уже на самобытных частотах, существующего в пространствах «сверхкоротких волн». Приступим к перечитыванию:

АЛЕКСАНДР ПУШКИН: «... у нас нет еще ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует»².

ИВАН КИРЕЕВСКИЙ: «Между тем, как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилom их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества»³.

ИОСИФ БРОДСКИЙ: «Теоретически, достоинство нации, униженной политически, не может быть сильно уязвлено замалчиванием ее культурного наследия. Но Россия,

в отличие от народов счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т.п., в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнивания к несуществующим трудов даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению против будущего нации»⁴.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат к уразумению эпох-организмов во времени и народов-организмов в пространстве»⁵.

«...дело-то в том, что как искусство, так и критика искусства подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая — разъяснение отражения. Законы, которыми отражение разъясняется, извлекаются не из отражения, всегда как явления более или менее ограниченного, а из существа самого идеального... между искусством и критикой есть органическое родство в сознании идеального, и критика потому не может и не должна быть слепо историческою, а должна быть, по крайней мере, стремиться быть столь же органическою, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает плоть и кровь искусство»⁶.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ: «...мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, — точно так, как мы не могли [бы] носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную,

родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»⁷.

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: «Вера у нас греческая издавна; государственность со времен Петра почти немецкая (см. жалобы славянофилов); общественность французская; наука до сих пор общеевропейского духа... Я не вижу еще того страстного русизма, которого желал бы видеть в жизни своих сограждан... у нас слишком еще мало своих смелых мыслей; своего творчества, своей, скажем вообще, культуры»⁸.

«Что он несет в своих недрах — этот колосс, доселе только эклектический колосс, почти лишенный собственного стиля? Готовит ли он миру действительно своеобразную культуру? Культуру положительную, созидающую, в высшей степени новую и новосложную, простирающуюся от Великого Океана до Средиземного моря и до западных окраин Азии, которые зовутся теперь так торжественно материком Европы... смысл слова Европа есть смысл исторический, т.е. место развития или поприще особой, последней по очереди культуры, сменившей древние предыдущие культуры, романо-германской. Представим ли мы, загадочные славяно-туранцы, удивленному миру культурное здание, еще не бывалое по своей обширности, по роскошной пестроте своей и по сложной гармонии государственных линий... Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!»⁹.

(вот, собственно, созданием макета культурного здания, еще не бывалого по своей обширности, нам и следует заняться в игрово-исследовательском проекте).

ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ: «Сущность той жизненной правды, которая противопоставляется древне-русским религиозным искусством образу звериному, находит себе

исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древне-русском храме в его целом. Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь. И именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противоплагается факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты. Нам предстоит проследить здесь развитие этой темы в древне-русском религиозном искусстве. Здесь мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществленную еще надежду всей твари. В мире, в котором мы живем, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма. И поскольку храм олицетворяет собою иную действительность, то не б е с н о е б у д у щ е е, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло...»¹⁰.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ: «Утверждение жизни и смерти в „Элегиях“ становится единством. Признать одну без другой, как это выявляется и торжественно утверждается в „Элегиях“, в конце концов только ограниченность, исключаящая все бесконечное. Смерть — это лишь другая, невидимая и еще не освещенная нами сторона жизни. Мы должны попытаться достигнуть высшего сознания нашего бытия, которое у себя дома в обеих неразграниченных между собой областях и питается из неисчерпаемого источника обеих... Истинная жизнь простирается на обе области, большой круг кровообращения проходит через обе: нет ни того, ни этого света, но лишь одно огромное единство, в котором пребывают стоящие над нами существа, „ангелы“... „Элегии“ и рисуют нас в этом деле, в деле непрестанного превращения

любимого видимого и осязаемого мира в невидимые вибрации и возбуждения нашей природы, вводящей новые частоты вибраций в вибрационные сферы вселенной (а так как всякие виды материи во вселенной суть лишь различные проявления вибраций, то мы, таким образом, готовим не только интенсивности духовного рода, а, кто знает, может быть новые тела, металлы, звездные туманности и созвездия). ...Ангел „Элегий“ — создание, в котором превращение видимого в невидимое, осуществляемое нами, уже совершилось»¹¹.

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: «Свою жизненную задачу Флоренский понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению. Основным законом мира Ф. считает принцип термодинамики — закон энтропии, всеобщего уравнивания (хаос). Миру противостоит закон эктропии (логос). Культура есть борьба с мировым уравниванием — смертью. Культура (от „культя“) есть органически связанная система средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, которая принимается за безусловную и потому служит предметом веры. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура»¹².

Еще раз **РИЛЬКЕ:** «„Видите ли... людей испортило чтение карт. Там все плоско и ровно, и когда нанесены четыре стороны света, людям кажется, что все уже сделано. Но ведь страна — не атлас. В ней есть горы и низины. Она должна упираться во что-то вверху и внизу“. „Гм... — задумался мой друг. — Вы правы. Но с чем же может граничить Россия с этих двух сторон?“ Вдруг больной стал совсем похож на мальчика. „Вы это знаете!“ — вскричал я. „Может быть — с Богом?“ — „Да, — подтвердил я, — с Богом“»¹³.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта».

«В жизни слова наступила героическая эра. Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время может пожрать государство... **Говорят, что причина революции — голод в междупланетных пространствах.** Нужно рассыпать пшеницу по эфиру»¹⁴.

Читателю, проявляющему интерес к проблемам и вопрошаниям культуры, с почтением цитированные «авторы» известны. О многих из них написаны и пишутся серьезные исследования (пожалуй, только князь Евг. Трубецкой не столь известен), ознакомление с которыми предполагается в нашей работе. Оно (знакомство с частными исследованиями) должно служить основой, дающей возможность нам соблюсти и «пафос дистанции», и, все же, подчеркнуть некую своеобразную **т о н а л ь н о с т ь** и интонацию наших исследовательских интересов. Боярский отпрыск с курчавой головой африканского божка-тотема; бедный офицер, забежавший в опыт смерти, а потом спеленутый каторгой в одинокое взросление идиота и эпилептика; бешеный барин и дипломат, по обету, данному в смертной истоме Божьей Матери, постригшийся в монахи и находящийся в послушании у старцев, благословивших безумные историософские споры с Соловьевым; арийский отшельник, осознавший и исполнивший творческий обет как монашеский постриг и слова, настагающие его, превративший в чтение «часов» часослова; гордый и нищий иудей по крови, отринувший праздник отцов ради вознесения слова и в небесные миры, и в пращу Давида, сокрушившую ассирийца; пьяница-гитарист, с уникальным самосознанием критика; тихий юноша умирающих дворянских усадеб, знакомый с Гегелем, и в свой черед склонившийся пред волей старцев, — все эти столь разные по внешним признакам люди кажутся нам кровными родичами, **к л а н о м**, охваченным в **д р у г** испепеляющей ответственностью за **в с е л е н н у ю**. И, почти как итог: математик, музыкант, историк культуры, принимает таинство священства, чтобы остановить у Престола **с м е р т ь**. Да, они лично, тайно, одиноко почували, что каждый их вздох, каждая мысль **ч т о - т о** меняет в вибрациях вселенной: голоса умерших, или голоса ангелов, или даже голос Бога, хотят они услышать,

выдержать, стоя на коленях, чтобы в о с - п р о и з в е с т и, чтобы в долгом, в идее, ни на час не прекращающемся часослове, все вспомнать, все преобразить, все спрятать в Невидимое, пайщиками которого они себя остро (и неожиданно, шквалью) опознали. Ничто из окружающего не говорило об этом странном, пугающе странном, е д и н с т в е. Ну, скажем в символах Книги, если не а д а м и т ы, то н о а х и т ы. Да, мы хотели подчеркнуть в этой компании, кажущейся нам достаточно сумасшедшей, а в этом подчеркивании и прояснить своеобразие интонации, — их с в я щ е н с т в о, «антропологическое священство»*, их опознание человека как человека с в я щ е н н и к о м б ы т и я. Не по «хиротонии» католиков или православных, не по роду иудеев, а по самому имени ч е л о в е к а, вдыхающего и выдыхающего мысли, чувства, и вдохом и выдохом что-то м е н я ю щ е г о во вселенной, связанной с ним родовыми узами.

Европейская наука к моменту вопрошаний Пушкина уже сформулировала науку о «физической», независимой от к а ч е с т в а присутствия человека-в-мире, вселенной, существующей по каким-то своим законам. Странно, как это могло произойти? Каким образом ч е л о в е к, в культуре римско-византийских рецензий на Новый Завет, был лишен своего бытийного статуса ответственного т в о р ц а и с в я щ е н н и к а? Быть может это произошло из-за фиксированного внимания на «папстве», «епископстве», или предопределенности в замысле о бытии одних к спасению, других к осуждению, по кальвинизму? Или иудейскому (осознанному или неосознанному) презрению к иным как гоям, ни на что не годным? Как? Как человек по имени человека был лишен своего «экологического» статуса в широком и глубоком смысле охранника и преобразователя бытия?

... И эти кончиной

Живущие вещи твою понимают хвалу,

Преходящие, в нас, преходящих, они спасения чают.

*«адамическое священство» как оно изображено в иконе «Сошествие во Ад» → Адам и Ева, Авель и Даниил, Моисей и Предтеча, цари и т.д. «Род» Адама идет за Гробом из Ада → за Иисусом → к Отцу –

«ПАСХА», исход. Эти «ветви рода» находят на земле «цветок-из-почвы».

Кто бы мы ни были, в нашем невидимом сердце,
В нас без конца мы обязаны преображать их.

Не этого ли, Земля, ты хочешь? Невидимой в нас
Воскреснуть? Не это ли было
Мечтой твоей давней? Невидимость! Если не преображенья,
То чего же ты хочешь от нас?
Земля, я люблю тебя...¹⁵

Почему эти слова «серафического доктора», как его называла умная княгиня, и до сей поры «европейцам» кажутся в лучшем случае поэтическими изысками? И разве же не близнецы «пророки» Пушкина и Рильке, внимающие Голосу, исторгающему сквозь них плавающую лаву камней-слов? И как нам быть с этой информацией о нас самих? Ибо истолкование смыслов, уловленных поэтом в состоянии «пророка», невозможно даже для него же, когда он в ином, житейском, состоянии: «... И мне ли подобает давать истинное толкование „Элегий“? Они бесконечно превосходят меня», — так напишет Рильке (в состоянии «пишущего письмо», но не житейски-мертвого, ангелами переделанного «пророка», вслушивающегося в Голос Бытия), и эта запись свидетельствует о серьезности. Гениальность, как у р о в е н ь б ы т и я, как некое «тело», возвращенное внутри всеми наблюдаемого «физического тела», имеет свою форму, и, по-видимому, явление ее неукоснительно связано с переживанием смерти как порождающего лона: гениальность, как уровень более тонкого бытия, как «тело» р о ж д а е т - с я при переживании е д и н с т в а жизни-для-смерти. Только обретя состояние «как труп в пустыне я лежал», можно и обрести о р г а н и з м, который скажет потом о себе «и Бога глас ко мне воззвал», — уловленное в таком состоянии бытия и п е р е в е - д е н н о е на язык житейских, как п и с ь м о, как п а м я т к а, воспринимается как «бесконечно» высшее наличного состояния, для житейских, быть может, кажущееся с - у м а - с ш е с т в и е м, а для пережившего подобную б е р е м е н н о с т ь смерти иным «телом» безусловной реальностью. Столь мощной, что он уже не может и не хочет возвращаться в «мир живых»: он обрел какую-то п а м я т ь; то, что живые, как живые-только-здесь-и-теперь з а б ы в а ю т, теряя память, делая себя, с позиций обретенного

знания, в свой черед безумными, ибо «потерять память» и «быть безумным» почти синонимы:

И этою дорогой шли они...
Шла рядом с богом между тем она,
Хоть и мешал ей слишком длинный саван,
Шла неуверенно, неторопливо.
Она в себе замкнулась, как на сносях,
Не думая о том, кто впереди,
И о пути, который в жизнь ведет.
Своею переполнена кончиной,
Она в себе замкнулась.

Как плод созревший — сладостью и мраком,
Она была полна своею смертью,
Своею непонятной, новой смертью.
Вторичным девством запечатлена,
Она прикосновений избегала.
Закрылся пол ее. Так на закате
Дневные закрываются цветы.
От близости чужой отвыкли руки
Настолько, что прикосновенье бога
В неуловимой легкости своей
Болезненным казалось ей и дерзким.
Навеки перестала быть она
Красавицею белокурой песен,
Благоуханным островом в постели.
Тот человек ей больше не владел.

Она была распущенной косою,
Дождем, который выпила земля,
Она была растраченным запасом.

Успела стать она подземным корнем.

И потому, когда внезапно бог
Остановил ее движеньем резким
И горько произнес: «Он обернулся», —
Она спросила удивленно: «Кто?»...¹⁶

Мифема об Орфее, Гермесе и Эвридике, согласимся удивленно, получила в этой записи уникальное истолкование: смерть стала для нее «сносями», родилось иное, «девственное» существо и претензии «того человека» показались излишними. Пока Орфей пел в загробных селениях, чтобы увести ее оттуда, он, видимо, и сам еще не прозрел, но вот теперь, когда они трое шли, он уловил ее иные излучения, и: ОБЕРНУЛСЯ, чтобы оставить ее там, чтобы рассмотреть ее новую, чтобы теперь уже не различать единства целого мира. Поэт осознал свой акт. Итак: трудность постижения информации, добытой в засмертной радиолокации иных «вещей», связана с потерей памяти. Во времена наших «пророков» это забвение приобрело уже и устрашающее качество: если ранее, как кажется, все же помнили о том, что «забыли себя», то сейчас забыли о забвении себя, как «сон во сне». Если для Египта, для фараона, как «отца» страны, наиважнейшим делом было строительство памятника-надгробия, некоего музея любимых вещей, запакованных в пирамиду для переноса в загробные измерения, чтобы там, в блаженном «там», воссоздать в Невидимом «Царство Египет», со всеми большими и малыми, но любимыми, мелочами, если фараон еще помнил себя творцом и священником Египта по причастию памяти-о-человеке, то Леонтьев с ужасом увидел порождение странных «людей в пиджаках», «средних европейцев», уравнивающих в пыль все прежде [существовавшие] культуры, превращающих «пирамиды» или в пыль музеев, для нашего развлечения, или в туристский каталог, опять-таки для нас, отдыхающих! Памятники культуры как бы перестали быть памятками, напоминанием о, как минимум, «двойном бытии», и с забвением о забвении себя превратились в туристский комплекс, в дизайн для отдыхающего дельца. Мощь работы Федора Достоевского в этом контексте трудно переоценить: он записал информацию о том, что подобное забвение связано с необычной «моровой язвой», с тем, что в людей вселяются странные микроскопические существа, наделенные волей, и двигаются людьми, как марионетками, как роботами, тогда как людям именно в эти жуткие, болезненные, эпидемические времена с маниакальной ясностью кажется, что они достигли предела власти и свободы, что никогда они не были «так сильны», — таков сон Раскольникова — РОДИНЫ РОМАНОВА, — и если помнить,

что русский всегда «всечеловек», то в с е ч е л о в е к а , «среднего европейца». И в самом деле: человек не помнит себя (Гюрджиев начинал свои пробы с этого буддийского упражнения)¹⁷; уже теперь не помнит, что он не помнит себя. Можно предположить, что на предложение «истолковать» символику, или точнее, священную иероглифику пространств романов, Достоевский бы ответил словами Рильке: они бесконечно выше меня, — чтобы их истолковывать как к р и т и к у в системе органической критики, надо вновь погружаться туда, где диктуют, но не в качестве художника, улавливающего синтетические образы, но в качестве а н а л и т и к а . В одном лице это трудно достижимое обретение, ибо подобное с о - е д и н е н и е дает уже как бы третье «тело», контролирующее еще более тонкие вибрации, дающее рождение в еще более тонких пространствах: смерть гения беременеет «телом» осознанного п у т н и к а , или аскета. Художник обычно не является таковым, хотя т в о р ч е с т в о может стать, по-видимому, п у т е м к пробуждению от забвения, от гипнотического сна, ибо там, где е с т ь п а м я т н и к - п у т ь , там всегда на «своем месте» есть и гениальное искусство. «Ему грезились в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу*. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые т р и х и н ы , существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были д у х и , о д а р е н н ы е у м о м и в о л е й (разрядка наша). Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе.

* «сионизм»?»

Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса», — трихины «Преступления и наказания» уже очень скоро в радиолокационной разведке будут опознаны Достоевским как «бесы», — уникальное свидетельство соименного с этими существами романа, с эпиграфом из Пушкина, показало, что человеческая история в значительной степени определяется в н у ш е н и я м и* иных существ, о существовании которых независимая «физическая» вселенная современной науки, в своей гордой автономности человеческого существования как вершины эволюции от животных, уже забыла, или даже считает «донаучными суевериями» непросвещенных дикарей¹⁸. Зараженные беснованием «пятерки» начнут раскачивать Россию планомерными зверствами, и самозванец покончит самоубийством в соблазне стать «как боги». В пространстве романа будет угадана уже и фигура Тихона, «епископа на покое», — епископа, снявшего омофор и ушедшего в келью, епископа, знающего в себе о существовании некоего старца, мудрость которого выше даже его, Тихона, понимания, — к этому с т а р ц у в п о с л у ш а н и е приглашал Тихон Ставрогина, чтобы излечить больные ум и волю. Так стала виться тропка к «Братьям Карамазовым», где старчеству,

* объединение, которое «тайно» могло бы создать лучистое оружие по облучению-впечатыванию программ типа «трихин», могло бы поработать другие объединения без «физического» оружия.

как врачеванию беснующейся страны, отданы нежнейшие страницы. В пространстве романа, как и е р о г л и ф е вселенной, уже дана и неусомневающаяся историософская модель «Легенды»: одни, те, кого Инквизитор дела Тайны Завета называет избранными и почти уж и не людьми, строят вместе и на Краеугольном Камне

Г Р А Д Б О Ж И Й,

и другие, которых этот слуга Умного Духа Небытия считает собственно людьми, а потому (по определению) ничтожными, слабыми бунтарями, под водительством иерархии строят

В А В И Л О Н С К У Ю Б А Ш Н Ю.

Уникальность предсказания и угадывания романа состоит еще и в том, что обычно в традиционной письменности экспертов пневматологии, знающих о «Невидимой Брани», этой своеобразной оккультной или парапсихологической войне, которая ведется между Врагом и Царем, а «поле битвы сердца людей», описывается техника «борьбы с помыслами»¹⁹, диагностика отравляющих облучений, способы залечивания ран и т.д., то есть показываются люди, «до крови» старающиеся бороться, а монастыри были и училищами, военными училищами, и госпиталями, тогда как Достоевский показал фигуру, о с о з н а н н о вступившую в контакт с Врагом, осознанно поднявшуюся против Царя, спокойно и даже по-своему торжественно сказавшую, что мы давно «не с Тобой, а с ним, вот наша тайна». Парадоксальным образом инквизиция строится на обвинении Царя в том, что Он слишком в ы с о к о задумал людей, что они не таковы. Замечательная позиция м и н и м а л и з а ц и и замысла о человеке как человеке. Человек низводится на уровень ниже среднего, его совесть и тяготы берутся на себя вождями, знающими тайну, — какие-то растленные и испорченные д е т и! Без-ответственные. Получается (в традиционной модели Книги), что искупления, исправления состояния падшести не произошло после Св. Креста? Человек и после Нового Завета о Царстве как бы н и ч е г о н е м о ж е т

т в о р ч е с к и с т р о и т ь*,

не годится в сотрудники Царю, не годится о с у щ е с т в л я т ь замысел Завета о Царстве, о Новом Небе и Новой Земле, которые он

* Господь НЕ совершил Сошествия во АД, и «адамиты» НЕ пошли с Господом из Ада к Отцу, в землю обетованную, т.е. НЕТ «ПАСХИ»!

призван вместе с уникальным Творцом **сотворить**, которые без его со-участия не будут со-творены. Согласимся, не сглаживая, а заостряя углы, что таковой вселенной и таких замыслов уже давно не было на «Западе», наука, политика и ученость которого, по Пушкину, прививалась молодому народу.

В исследовательской работе, занимающейся **т е к с т а м и** в широком контексте, надо отмечать **р а д и к а л и з м** иероглифов, — различие может дать на большей глубине и сходство, и диагностику болезни. Скажем, св. Симеон Новый Богослов, уже не в «болезни» Раскольникова, но в наставительных, **л е к а р с к и х** словах к собравшейся в госпиталь монашеской братии, говорит: «Если же не войдет в кого божественный свет, то он устами будет произносить или читать молитву, и ушами слушать, а ум его будет оставаться бесплодным; и не только это, но он не будет стоять на одном, а будет кружиться там и сям, и помышлять о том, о чем не подобает, держа притом ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чем думает, и позаботиться о том, в чем прельщается, не понимая, что состоит в сие время рабом **м ы с л е н н о г о** **т и р а н а** **д и а в о л а**, и им **м ы с л е н н о** влачим бывает туда и сюда. Тем-то и бедственна и пагубна эта болезнь, что тогда как враг мой влачит туда и сюда мой собственный ум, я думаю, что все эти кружения моего ума, все эти заботы и попечения суть мои собственные и неотложно необходимы для меня. Вот первая и величайшая из всех болезней душевных, для уврачевания которой, как первой, худшей и сильнейшей всякой другой болезни душевной, надлежит нам подвизаться до пролития крови»²⁰. Св. Симеон жил в начале XI века, накануне схизмы Рима и Византии. Европейское развитие (в основном) пошло в рецензии католической версии Нового Завета «почвой» народов (греко-римской древностью) с какой-то вакциной еврейства. Здесь в наибольшей степени вызрела идея «свершения в прошлом», при минимализации вселенской ответственности человека за Град Божий на Новом Небе и Новой Земле: епископ Рима считается «преемником Петра», сам Петр — «вершиной апостолов», апостолы же «умерли»... Когда Лютер поднялся против папы, будучи доминиканским монахом, то есть, по-видимому, мыслившим все в тех же парадигмах «свершения в прошлом», а не в **п р е д с к а з а н и я х** **о б о с у щ е с т в л я е м о м** **с в е р х - б у д у щ е м** («верующий в Меня, дела, которые Я творю, сотворит, и **б о л ь ш е**

сих сотворит»), то он свел влияние ума и воли человека на судьбу Вселенной до минимума, ибо все уже осуществлено в «уме» Творца еще даже «до» призыва твари. Вакцина еврейства сводилась к идее «гоев». Но вся беда в том, что человек по имени человека, даже в смертной униженности своей, не может отказаться от творчества, — так он начинает творчески строить и любуясь реальностью, или Вавилонскую Башню, свою собственную тюрьму, где он заточен в болезни, где его постепенно высасывает Враг-Паук.

Не стоит обольщаться и думать, что наставления Св. Симеона Нового Богослова, обращенные к «греческой ветви», были услышаны и приняты к практике епископатом, который крестил Русь в близкие сроки. Нет. Россия росла и взрослела в массе своей не в идеях Нового Богослова, но в идеях все того же, правда несколько смягченного, фундамента «свершения в прошлом», ибо обосновался опять-таки авторитет епископата как преемников умерших апостолов. И это в православии, где мощно засвидетельствовано литургической практикой пребывание Св. Марии и «по успении живой», и таинственно знается о «пребывании» Св. Иоанна Богослова. Достоевский, конечно же, не пересказывал в снах Раскольникова текст Св. Симеона, нет, — и тот, и другой, в разной степени ясности, прикасались в пограничные, переломные моменты вселенского строительства к излучениям Реальности, — святой создает иконический абрис, а гений вселенской всеотзывчивости, и ероглифический. Парадоксальным образом свидетельство гения в чем-то убедительнее, быть может потому, что врачующий желающих исцелиться не сосредотачивает внимания на пришедших «причастие буйвола», а гений ретранслирует уловленное и вскрывает как бы корень болезни, отыскивает слова, являясь носителем слов-имен, и высказывает суждение о минимализации человеческого творчества, меняя все местами. Но, как говорят эксперты, Дьявол лишь обезьяна Бога, — он может внушить людям сознание гордости и значительности в их «земных успехах», отвлекая их мысль от гигантского замысла соучастия в строительстве Нового Неба и Новой Земли, строительстве Града, духовными камнями которого они могут осуществиться. Грандиозный замысел предлагает человеку парадоксальным образом осуществить самого себя, создать

самого себя, — но, согласимся, ведь мы сочтем сумасшедшим того, кто скажет нам с горящими глазами или со скорбью, что нас е щ е н е т? Как нет? Вот я? Я-Я-Я-Я-Я-Я! И идет окрест манифестирующего «Я» и з л у ч е н и е ф о р м, излучение контуров, того, что тихий Шакьямуни назвал «нама-рупа»²¹. Муравей знает свою формулу, скажет Достоевский, а человек — нет.

ВНИМАНИЕ: появление вращающегося колеса больных «пьедестализмом почета».

Если бы (гипотетически) можно было бы прикрепить записывающее-прочерчивающее перо (своеобразный кардиозаписывающий аппарат) к с о з н а н и ю логического пространства философской вселенной европейцев (скажем, Канта), то на этой карте можно было бы получить графики, быть может, геометрические построения, математические формулы и пр. и пр., но среди этих ф и г у р м ы ш л е н и я «человеческой фигуры», в той или иной «стоп-кадровой позе» обрести бы не удалось. Но у Достоевского «заламывают руки»? Профессор бы ухмыльнулся подобному наивному антропоморфизму в мышлении. Да: на картографии европейского мыслящего субъекта можно увидеть абрисы математических функций, но, повторим, «заламывающих» рук ф и г у р - ф о р м марионеток не обретем. Но в Азии Шакьямуни (и почти все до него, рядом с ним, и после него даже в среде иных школ) утверждал, что излучение магии сознания исходит от лучеиспускающего устройства в ф о р м е к о н т у р а, — фигуративно. Это знание добывается при открытии и владении «пятью глазами», то есть п о л н о м п р о б у ж д е н и и (иероглиф пробуждения связан с открытием глаз): «Как ты думаешь, Субхути, существует ли телесный глаз у Татхагаты?». Субхути сказал: «Это так, Бхагават, телесный глаз у Татхагаты существует». Бхагават сказал: «Как ты думаешь, Субхути, существует ли дивный глаз у Татхагаты?». Субхути сказал: «Да, Бхагават, дивный глаз у Татхагаты существует». Бхагават сказал: «Как ты думаешь, Субхути, существует ли у Татхагаты глаз интуиции-праджни?». Субхути сказал: «Да, Бхагават, у Татхагаты есть глаз интуиции». Бхагават сказал: «Как ты думаешь, Субхути, есть ли у Татхагаты глаз Дхармы?». Субхути сказал: «Да, Бхагават, у Татхагаты есть глаз Дхармы». Бхагават сказал: «Как ты думаешь, Субхути, есть ли у Татхагаты глаз Будды?». Субхути сказал: «Да, Бхагават, у Татхагаты есть глаз Будды»²². И еще маленькая цитата: «В тибетском

изображении будд в глубокой медитации или в акте провозглашения Дхармы, а у ра, окружающая тело будды, состоит из бесчисленных дхьяни-будд. Это означает, что активная сила высочайшего просветления (и в меньшей степени, каждый процесс глубокого погружения или творческого внутреннего видения) не только субъективный процесс, но и могучее духовное излучение, или проекция, при которой реализация Дхарма-Кайи в индивидуальном человеческом сознании разрывает пределы индивидуальности и, пронизывая вселенную во всех направлениях, вызывает во всех отзывчивых центрах сознания подобные вибрации и творческие силы»²³, — так вот, точно также, как сила просветления будд излучается в форме или «асане» будды, так и (в меньшей степени проницания из-за длины волн и плотности вибраций) каждая мысль излучается в «форме» кармического контура, и этот контур суть «я-на пьедестале-почета», вращающийся во все стороны света м о н у м е н т, собственное надгробие, ибо выстроено по-смертно к пред-идущему п а м я т ь ю. Человек в последующий пред-идущему миг существования выстраивает надгробие существа на пьедестале почета. И эти «фигуры» заламывают руки, плачут, произносят пламенные речи, — и все это и л л ю з и я с точки зрения «пятиглазого», или имеющего в н у т р и «пять тел», взаимопронизывающихся тончайшими вибрациями света пустоты. В доктрине будд не было с явностью выведенного на сцену Врага: он предпочитал оставаться за кулисами, лишь дергая за веревочки (за мысленные провода) умы спящих и грезящих о своем н е з ы б л е м о м в е л и ч и и надгробного памятника, разрушить который может только осквернитель могил... Редко кому при жизни удастся обжечься подобным видением «живых существ» как вращающихся надгробных памятников, вступающих в обрывочные связи «коммуникаций», что-то бормочущих о себе, плачущих, размахивающих руками, и все это в и л л ю з и и р е а л ь н о с т и. И еще меньшему числу существ удавалось осознать это в себе, выткать в себе внутренние тела с системой более тонкого зрения, чтобы п р о б у д и т ь с я, и с о й т и с пьедестала почета, и сесть в «недвижную» позу мертвого и нищего, и протянуть Чашу в Ожидании Животворящей Крови, которая вольется в мертвого, и оживит его. Да, — пробуждение из колеса иллюзорных перерождений, связанное с мифемой обретения «глаз Пустоты», поставляет проснувшегося в знание собствен-

ной и всеобщей смертности, из которой два направления: или в причастие Жизни Вечной, или во смерть вторую, — в каждой мысленной проекции каких-либо «надежд» надо привыкнуть фиксировать «всю фигуру»: мыслительный контур-в нем-эмоциональный контур-в нем-физический контур, и тогда, постепенно, если обучиться этой трудной науке бдительности, можно заметить далее, что тянется лишь иллюзионная лента кинематографа, где «стоп-кадры» сменяют друг друга с обычно не фиксируемой частотностью, и этой скоростью вращения «колеса перерождений» создается иллюзия непрерывности и единства «я». Вместо «я» налицо быстро-течная смена «пьедесталов почета», манифестирующая наличную «высшую неизменность» и принадлежность «богам» во все стороны света, порождая пространства на юг, север, запад, восток, верх, низ, — и всегда жест властно указующих дланей. Человек не помнит себя, — одним из фундаментальных упражнений буддийского пути являет себя попытка «вспоминания» вот таких «стоп-кадров» целостных фигур в обращенном беге времени: от настоящего-к-прошлому. Это крайне трудное, но и эффективное, лечение беспамятства, — учатся помнить себя: «Ученики Готамы, обладающие великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем, и ночью, и всегда их внимание направлено на Будду... на дхамму... на сангху... на тело». «...Бхикку пребывает постоянно осознающим то, как он приходит и уходит, как он смотрит вперед или назад, как он сгибается или выпрямляется, как он носит свою чашу для подаяний, как он испражняется или мочится, как он ходит, как он стоит, как он сидит, как он лежит, как он засыпает или пробуждается, как он говорит или молчит...»²⁴. «Нельзя говорить о существовании „я“ прежде чем обретишь его сознательно, и нельзя быть и быть сознательным, если ты не „помнишь себя“, если с тобой, как хорошо было сказано, „все случается“»²⁵, а не ты сам, которого помнишь, нечто делаешь. Делаящий знает, что «он делает», — и этот «он» виден ему в определенной форме-позе. Когда будда излучает о-к-рест себя свет Пустоты, то знает, что он «сидит», — и поэтому излучения, несущие «квант» энергии контуры рованы: из всеобъемлющего лона Пустоты, где нет пространства и времени, тянется контур будда-тела, как бы «геометризируется-фигурируется квант излучения»²⁶. Сказано, поэтому, что внимательные «приемники» могут принять эти излучения, и перестроить наличный

контур «пьедестала почета», — сложность именно в том, что надо у б е д и т ь больного в его болезни, чтобы начать исцеление! Но и излучения более плотных вибраций происходят постоянно: так родители, склоняющиеся над ребенком, излучают определенные частоты и определенные «контуры», и, скажем, у с ы п л я ю т р е б е н к а, закрывают его «пять глаз», настраивают телепатически и неосознанно зрение ребенка через аккомодацию хрусталика т а к , к а к они «видят» мир. Обучив ребенка подобным образом, то есть первично своими излучениями, своей аурой, испещренной «контурами», потом своими «словами» и сокращениями гортани, они усыпляют ребенка, обычно годам к пяти, и он уже не помнит во взрослом состоянии ни своего явления на свет, ни своего пребывания во чреве и т.д. Потом взрослая наука создает «детскую психологию»²⁷. К сожалению мы не знаем в текстах опыта воспитания ребенка святым или буддой от рождения. Своих детей первично телепатически н а с т р а и в а ю т на определенные частоты родители, излучающие ауру собственных «контуров», которую воспринимает крайне совершенное соединение «организма» ребенка, крайне послушное, чтобы настраиваться по «образцу» внушения. Родители как бы первые «гипнотизеры» маленького, — но все же есть тексты, показывающие возможность как бы нового рождения: так, скажем, ученики Иисуса Христа, бывшие вместе с Ним на Горе Фавор, преобразились и преобразили «глаза», ставшие способными принимать более тонкие вибрации, что дало возможность им увидеть Сияние Славы Христа, которое, как догматически уяснено, «всегда» было окрест Него, но никто этого сияния не видел; современник Пушкина св. Серафим Саровский дал возможность дворянину Мотовилову, излеченному им и уже некоторое время находящемуся р я д о м с ним в благодарности, увидеть сияние Света, которое исходило окрест святого; пушкинский пророк обретает открытие вещей зениц от прикосновения ангельских перстов; присуждение телепатической передачей «дароносных волн» является реальностью посвящения в буддийских ритуалах. Нам важно отметить, что мифемы «пространство» и «время», некритично перешедшие даже в понятия «научной физики» или «философии», связываются со в з г л я д о м, а самое зрение может быть многоплановым, в о с п и т у е т с я, приучается: глаза как бы закрываются на одно, исключая его из поля зрения. Сложность

нашего описания состоит в том, что мы собираемся иметь дело с визуальными объектами, вытканными из Пустоты, тогда как явлены они будут как «пространственно-временно» организованные; скажем, статуя Будды не суть «трехмерное тело», но иероглиф Пустоты:

Центр всех центров и зерно всех зерен,
сладкий замкнутый в себе миндаль,
ты до звезд до самых плодотворен.
Мякотью своей вбирая даль,

ты всю тяжесть гирь с себя совлек,
затянувшись твердой скорлупою
вечности, в которой бродит сок.
В высоте огромной над тобою

солнца раскалились до предела,
сделав полный оборот.
Но в тебе уже созрело
то, что их переживает, —

«Будда во славе» Райнера Рильке сбросил гири часового завода, отсчет времени солнечными восходами преодолен им (уничтожение времени), и он центр всех центров (уничтожение пространств), и тем не менее это «фигура», «поза», «асана Будды», — пустотный контур излучается «мгновенно» и «в любую точку» («центр всех центров и зерно всех зерен»), — иллюзия пространства преодолена. Огромное впечатление, как известно, произвела на путешественника Рильке Пасхальная ночь в Кремлевских Соборах, — при ошеломляющей детской восприимчивости его, словно не склонялись над ним родители, а лишь «феи», иконические знаки запечатлели, по-видимому, его целостность своими энергиями, ибо «образ обладает энергией первообраза», и у него настроились «глаза» и «уши» видеть во многом то, что не видят обычно взрослые. Он неоднократно пишет о «вибрациях», о «глазах Езекииля» и т.д. Он крайне интересен нам в этой тональности внимательного, но одновременно и постороннего наблюдателя русских иероглифов, — он может расшифровывать их очень мощно, ибо они преобразуют его своими напоминательными энергиями, поставляя

приемник в резонанс. Он увидел иероглифы «поз» монахов, огненные ручейки пасхальных свеч, увидел А Н Г Е Л О В фрески Успенского Собора, Софийной фрески. Эти Ангелы смогли вместить в себя и Бога-Младенца (Ангел Мария), и собственную смерть и глас Бога (Ангел Предтеча), да, еще и таинственно указуя склониться перед Неявленным, Неосуществленным Ангелом Царицей, Центрующим все и вся, воистину Центре всех Центров, — о, эти ангелы столь же велики и «ужасны», как и ангелы Дуинских Элегий! Они спрятали в Невидимый Храм своего сердца не только уходящие милые вещи наличного горизонта, не только весь свой Египет, как «фараоны», но и Самого Великого Младенца. И спрятавшая Младенца дана в каноне «Знамение», и Она радостно и царственно-смирненно указывает на Ангела-Царицу, которая... СПРЯЧЕТ КОГО? (оговорим уже здесь необходимость экскурса для высветления идеи «Св. Софии» в русском философствовании окрест сугубо русского иконического свидетельства). Восприимчивая целостность гения обрадовала нас словами ж а л о с т и к Богу, монах часослова называет его порой «птенцом», этими мощными иероглифами реальной п а м я т и Божией Матери: опять-таки гений уловил даже более мощное «слово», чем канонически данные, ибо описал р е а л ь н о с т ь памяти Святой Марии Богородицы, то есть реальность памяти о скорби за обижаемое и убиенное Дитя. Быть может ж а л о б а о мире уходящих вещей суть теперь отзвуки ж а л о б ы о Мальчике?

Частные исследования стилистики стихотворений Рильке, особенно «Новых стихотворений», откуда стих о Будде, отмечали их некую и к о н и ч н о с т ь, пластичность, лепную образность увиденного. Затрудняются вместить этот этап в общую концепцию творчества, как упрятывания любимых вещей в Невидимый Храм, торжественно провозглашенную в «Элегиях», хотя очевидно, что именно любовное к о п и р о в а н и е ценностей в иные ритмы-вибрации, как схоронение их от американизма, дает стиль новых стихотворений. Используя запись Мандельштама о том, что «стихотворение живо внутренним образом, ...что его осязает слух поэта», стоит отметить и е р о г л и ф и ч н о с т ь всей концепции творчества Рильке, как описания «внутреннего образа» — н е з ы б л е м о й п а м я т и Ангелов, сокрывающих в Невидимый Храм своего сердца не только вещи, но и Бога для п е р е -

рождения Его в Град Нового Неба и Новой Земли. Рильке интересен в соотношении с иными записями о тайне творчества, именно как чуткий улавливатель незыблемой реальности, той внутренней формы, которая дана как задание святым. Так можно (предварительно) установить иерархию уровней: реальность, икона реальности, иероглиф реальности, и, как это ни парадоксально, иллюзия все той же реальности. В опыте Рильке грезится нам и своеобразный ответ начавшему вопрошающий диалог Пушкину: самостоятельный русский метафизический язык существует, но он дан не в понятиях, как все еще в европейском смысле «языка», но в иконах*. Высокие иконостасы русских соборов — это самобытный русский метафизический язык; таинственная икона Св. Софии — это, опять-таки, самобытный русский метафизический язык. Тучный русский князь, как дитя обрадовавшийся «умозрению в красках» русских икон, Евгений Трубецкой уже впрямую говорит об «открытии» России в «ее иконе», которую Пушкин еще в оочию не видел... Священник Павел Флоренский будет строить свою философскую систему уже последовательно на идее формующей силы «священного архетипа» через «анамнезис» той хаотической неопределенности, которая дана. Он будет реконструировать платонизм как «визуальную эйдологию», и, по-видимому, подражание («мимезис») как устройство жизни именно творческим структурированием, творческой кристаллизацией данной неопределенности по видовому мистериальному архетипу. Если мышление есть припоминание, причем припоминание мистериального архетипа, даваемого в посвящении, то оно, мышление, обретает онтологический (а не только гносеологический) статус: мышление осуществляет бытие, «есть бытие»; и «я» обретается как воспоминание предстоящего Единому, как, опять-таки, ВИДОВОМУ АРХЕТИПУ, а не «понятию»: я — это тот, кто помнит себя, как отражение Священного Предка, данного в Священном Видовом Архетипе. Этот Священный

* Идеографический язык икон универсален в точном смысле: и за гробом *видят* Сошедшего во Ад к Адаму; иконопись — это «язык Адама» ДО разделения на «фонемы»... Иконостасы, пошедшие после Сергия, в своей целостности указывают на: а) Св. Марию с Младенцем (чины праотцов и пророков), и б) Св. Марией, Предтечей, Иисусом сверху и всеми Святыми на Престольное Распятие или **Ангела Св. Софии**, — Главы Тела Иисуса в Самоглавстве Тела как Невесты (Ева суть «тело» Адама).

Видовой Архетип и есть сокровенная ценность, добытая Предком в нездешних мирах и явленная «здешним» для миметического усвоения, и тем самым рождения, в культе, вокруг которого, как организм, вьется и культура. Таковая реконструкция жизни как «тео-мимезиса» достаточно легко могла быть проведена, осмысляя факты и полевых исследований индейцев, или иных «аборигенов», или наличной, скажем, живой и мощно артикулированной тибетско-буддийской традиции. Не очень понятно, зачем Флоренскому понадобилось подобным образом «реконструировать» платонизм? Для некоторого «научного открытия»? Это кажется чем-то мелким для его уровня дарования, — но... несколько позже проследим систему его доказательств или показателей более подробно, сейчас же вновь подчеркнем, что мысль о формирующей силе созерцания небесных образов была его музыкальной темой: так пишет он о св. Кирилле, так же и о св. Сергии: «Да, равноапостольный Кирилл узрел в таинственном сновидении, в видении детского возраста, когда незапятнанная душа всецело определяется явленным ей первообразом горнего мира, узрел Софию, и, в его восприятии, Она — божественная восприимчивость мира — предстала как прекраснейшая дева царственного вида... Новое видение горнего первообраза дается русскому народу в лице его второго родоначальника — Преподобного Сергия, и опять небесный знак выкристаллизовывается в его душе с детского, на этот раз еще более раннего, а по сказанию жития — даже утробного возраста. Нам нет надобности опровергать или защищать сказание жития о том, как младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу, ибо важно народное сказание, имеющее этим сказать: „Вот как глубоко определяется дух Преподобного горним первообразом, еще в утробе материнской весь ему преданный и весь им проработанный“»²⁸.

Быть может идея создания всенародной академии в Троице-Сергиевой Лавре, около гробницы преподобного Сергия, предносилась Флоренскому в проекте визуальной формы, созерцание и воспоминание которой вновь формовало бы неопределенность народа в «этот» русско-сергиев народ? Во всяком случае живая традиция монастырей-университетов Тибета хранила во времена Флоренского практику подобных кристаллизую-

щ и х м е д и т а ц и й, где тщательно скрываемый «священный архетип» играет роль кристаллической решетки, в которую отливается расплавленная лава; в праздники они структурировали и обновляли не только Лхасу, но и всю вселенную. Священный предок давал своему народу видовой архетип, и именно поэтому «время праздника» было уничтожением текущего потока, было постоянным воспроизведением причастности «телу» священного предка. Будда в своем созерцании провозглашения Дхармы п р и ч а щ а е т на глубине всю вселенную форме Пустоты, — в «богоподражании» святой свидетель, этот подлинный и е р а р х Дионисия Ареопита, причащает на глубине всечеловека ф о р м е Нового Адама своим воспоминанием, своим «тео-мимезисом», — всечеловек имеет память причастия ф о р м е своего подлинного Тела. Замечательно, что Достоевский устами Шатова определяет «бога, как синтетическую личность народа».

Царь показывает призванному в Небесный Дворец «рожденному свыше» святому свидетелю те или иные священные образцы, с той или иной степенью ясности, приближенности, [с той или иной] длительностью пребывания, [с тем или иным] количеством слов и т.д., — нисходя в ветхое тело, святой п р и п о м и н а е т священные образцы, Лик Царя, слова и этим свидетельским «воспоминанием Господа и Спаса нашего Иисуса Христа» облачает свой ум подражанием Первообразу-в-образ, в «тело Тела», т в о р и т Новый Град, преображая изнутри всечеловека и вселенную, — это уровень реальности; сакраментальная служба в Храме по каноническим книгам в каноническом облачении суть и к о н а р е а л ь н о с т и (причем истолкование иконного подлинника не входит в канон, но прилежит причастному уровню реальности); гениальность суть иероглифика реальности или п р о р о ч е с т в о, и зачастую сила иероглифических слов становится более мощным знаком к восстановлению памяти, нежели и к о н и ч е с к и й п а м я т н и к храмовой литургии, делающийся как бы «природно» обычным; так и иудейские пророки обличали забывающих (и по сути забывших!) тайноводство Скинии и Храма, устроенное «по образу, показанному на Горе»:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей, —

так у Пушкина, а вот как у Рильке:

Все они вместили — лица, крылья,
и горят карающим огнем
тех судилищ, что его щадили, —
таковы глаза Езекииля
под надбровьем хмурым. И в горниле
горла слов грохочет гром —

не его (его слова могли бы
их утешить, как самообман), —
те же — словно каменные глыбы,
он их только плавит, как вулкан,

чтобы ртом извергнув эту лаву,
ниспослать проклятий тьму и тьму,
голову свою, как пес лягавый,
кротко повернув к Нему —

к Господу, вершителю судеб.
Все Его найдут без исключенья,
если не пропустят рук движенья,
что свидетельствуют: Бог свиреп²⁹.

Пророки — псы Господни, охраняющие стадо, прогоняющие волков хищных, не щадящих стада, хотя иногда и являющихся в овечьем обличье. Глаза свидетеля «горят» излучением форм, которые Царь показал в Алтаре и которые суть необходимые энергии и этому мигу строения Града, этому моменту преображения и суда вселенной: для одних излучения форм-энергий будут пищей, укрепляющей их контуры, повышающей их напряженье, для других — испепеляющим сожжением. Враг Царя, Князь мира сего и вдохновитель строительства Вавилонской Башни, делает все возможное, чтобы а) не допустить длящегося «рождения свы-

ше» и вхождения святых свидетелей к Царю и б) добиться уничтожения их, похуления их, нанесения им максимальных житейских страданий, чтобы не смогли они исполнить порученное им, врученное им Царем реальное делание. Ибо они делают, с остальными же все лишь случается. «Глаза» — лазерные генераторы, можно «сглазить» человека; можно взглядом излечить больного; можно себя «сглазить», если постоянно воспроизводить «себя» по пьедесталистским архетипам, можно излечить себя, подражая небесным образцам, — свидетель «очами сердца» низводит во вселенную «пустые» архетипы, ибо они добыты вне пространственно-временных координат. Зная этот уровень «реальности», реальный делатель вмещает наличные горизонты как иллюзорные. Весь вопрос, стало быть, сводится к нахождению реальной, неотменяемой парадигмы Бытия, — и она-то для Священного Предка неусомневаема, а для коллектива принимается верой и хранится в «культе», вокруг которого, по Флоренскому, как организм, ветвится культура. Для Достоевского русская культура была задачей раскрытия «русского Христа», — то есть идеи агиократии*, или реальной власти длящейся цепи живых святых. Византия и Рим строили свою культуру на «патриархе» и «папе»... Тибет строит свою культуру на Далай-Ламе, как воплощению уровня «бодхисаттвы Авалокитешвара», — но «тысячерукий сострадалец» не суть «трехмерное» изображение, но иероглиф Пустоты, где сострадание мгновенно достигает любого места вселенной.

Теперь я хочу привести несколько знаменательных выдержек из работ Павла Александровича Флоренского разного времени и разного уровня сложности, чтобы показать вглядывающемуся краеугольность обрисованной темы для своеобразия философской системы «софийствующего славянофильства», что в свой черед приблизит нас и к телеологическому финалу первого параграфа, проименованного «время славянофильствует».

«...Примитивизм иконы, ее порой яркий, почти невыносимо яркий колорит, ее насыщенность, ее подчеркнутость есть тончайший

*«агиократия» же русских святых выявляется в служении Живой по Успении БОГОРОДИЦЕ как Путеводительнице к IV уделу. ОНА → «ОДИГИТРИЯ»-ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА, МАТЬ МЕССИИ, Она Сама, вместе со Всей Церковью, укажет на Ангела иконы Св. Софии, т.е. *Невесту* Иисуса...

расчет на эффект церковного освещения. Тут, в храме, вся эта преувеличенность, смягчаясь, дает силу, недостижимую обычным изобразительным путем, и в лице святых (подчеркнуто нами) усматриваем мы тогда, при этом церковном освещении, лики, т.е. горнии облики, живые явления иного мира, первоявления ...в храме мы стоим лицом к лицу перед платоновскими м и р о м и д е й» («Храмовое действо как синтез искусств»).

«Провозглашая догмат иконопочитания вселенский смысл человечества определил природу изобразительного искусства, как ценную безусловно. Согласно этому провозглашению, эстетический феномен на своей вершине, как икона, а следовательно — и вообще искусство, хотя и не столь вразумительное как его высший род, не есть только комбинация внешних впечатлений, поражающая нашу особенность впечатляться, но воистину явление, в чувственном и посредством чувственного, сущей действительности, — нечто безусловное и вечное. Искусство не психологично, но онтологично, воистину есть откровение первообраза. Искусство поистине показывает новую, доселе неизвестную нам реальность, воистину подымает a realibus ad realiora, et a realioribus ad realissimum» («Моленные иконы преподобного Сергия»).

«...Обсуждение проблемы портрета, т.е. в сущности проблемы лика, еще приближает нас к пониманию идеи как некоторому „εν και πολλα“, как „некоторому бесконечному синтезу“ или „бесконечной единице“, если употребить выражение о. архимандрита Серапиона Машкина. Да и что есть лик человека, как не сквозящая в лице его идея его? Запечатление лика человека в портрете — это доступная внешнему созерцанию идея данного лица... Тайная цель платонизма — мистерия. Ведь задачей посвящения было именно то, что ставила себе задачей и философия, — а именно развить способность мистического созерцания (!) и непосредственно, лицом к лицу зреть „μυστικὰ θεάματα“. „Священные призраки“ несказанной красоты, лучезарные „зраки-είδωλα“, которые проходили пред восторженным созерцателем иного мира, — вот горнии лики или сверхчувственные идеи Платона... таково, предположительно, происхождение философии Платона» («Смысл идеализма»).

«...Писание иконы, этой наглядной онтологии, повторяет основные ступени божественного творчества, от ничто, абсолютного ничто, до Нового Иерусалима, святой твари... одна и та же духовная сущность раскрывается как в теоретической формулировке, этой иконописи понятиями, так и в письме красками, этом умозрении наглядными образами... Не случайно древние свидетельства высоких мастеров иконописи называют философами, хотя в смысле отвлеченной теории они не записали ни одного слова. Но, просветленные небесными видениями, эти иконописцы свидетельствовали воплощенное Слово пальцами рук своих и воистину философствовали красками. Только так может быть понимаемо бесчисленно повторяемое отеческое утверждение о равносильности иконы и проповеди: **икона для глаза есть то же, что слово для слуха**. И так, не потому, что икона условно передает содержание некоторой речи, но потому, что **И** речь, **И** икона непосредственным предметом своим, от которого они не отделимы, и в объявлении которого вся их суть, имеют одну и ту же духовную реальность. Свидетельство же о мире духовном есть, по воззрению всей древности, философия... иконопись есть метафизика, как и метафизика — своего рода иконопись слова (прервемся, чтобы подчеркнуть ответ Пушкину: русская иконопись есть самостоятельный русский язык — Е.Ш.), тема о внутреннем соответствии богословия и иконописи, как по содержанию, так и по стилистике, ждет своего исследователя. Но мне-то сейчас хотелось отметить самое главное, **МЕТАФИЗИКУ СВЕТА**, ибо она есть основная характеристика иконописи... Даже там, где Апостол (имеется в виду «Послание к Эфесянам») только как будто назидает, пред ним предносится с одной стороны образ живописи как плодотворного искусства света... а во-вторых, образ **ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА**, Светом зиждущего в «похвалу славы Своея» картину мира — все домостроительство Божие. И когда Апостол говорит в самом начале об избрании нас во Христе прежде сложения мира, а кончает увещеваниями **б ы т ь** чадами Света, раскрывая конкретно жизненный образ таковых, то разве не проходит пред нами в великом тот самый процесс, что в малом совершает иконник, начиная с пред-изображения-назнаменования в золоте будущих образов и кончая Светом явленными и золотом разделки озаренными изображениями этих чад Света...» («Иконостас»).

Остановимся: Флоренский мощно преодолевает некое литературоведение в философствовании, преодолевает увлечение университетской профессуры письменными памятниками, возвращает в сферу метафизики обряды, способы захоронения, ритуальные танцы, костюмы, орнаменты, архитектуру, брачные закономерности и пр., и пр. Все многообразие и разнообразие культур древних было отнесено русским философом к культу, а культ, зафиксированный в священных иероглифах, как творчество себя-к-бытию по мистериальному видовому первообразу, возникающему, как откровенно-данному, даже в НЕТВАРНОМ СВЕТЕ, то есть за всеми характеристиками пространства-времени. Сакральное сооружение как минимум ПУСТО, возникает во «Свете Пустоты». Будь это египетская пирамида или буддийская ступа, или шиваитский храм, или юрта, или барабан шамана, или сакральный костюм китайского императора, — все это и есть философствование, ибо суть иероглифы духовных реалий, добытые предками в «упражнении-в-смерти»³⁰. Вся мировая символика, созданная человеком-творцом, может быть опознана как путь к Откровенно Данному Храму-Пути, то есть к Царю, который суть путь к Небесному Отцу... Почти как в видении св. Иоанна Богослова: квадратный Град, центрующийся вокруг Престола, а с четырех сторон Града, к вратам его, несут свою честь и славу народы, а «вне» — огненное колесо Князя мира сего... Наша исследовательская работа опознается нами как философствование в русском смысле слова. Создав проект домостроительства, подняв пред чувственные очи в чувственных же материалах «здание культуры», мы, тем не менее, являем пустоту, являем если и не первоявленно увиденную икону, то все же осторожно реконструированный иероглиф. Высокие иконостасы храмового действия являют зрителю ту духовную реальность, которая является слушателю в чинопоследовании молитвенного пения, а именно тело Церкви, тело Святых, ибо святой и есть «тело-молитва». Если наличное «тело» как «пьедестал почета», как «кафедральная непогрешимость», суть лишь явленная магия ума и воли или явленная «карма»; если «тело Будды» суть «тело-пробуждение» от иллюзии, то храм-служба суть икона и для зрения и для слуха того «тела-молитвы», той ПАМЯТИ, которая в реальности всегда есть в лице святых. Нет, — это уже не «греческая

вера», — можно было бы сказать и Константину Леонтьеву. Преп. Сергей не написал ни одного слова. Но он, конечно же, являет себя величайшим философом, ибо строит Храм во Имя Св. Троицы, ибо создает школу «метафизики света» в иконописи, ибо с него начались ч и н ы иконостасов, являющие структурно расчлененное целое и ЕДИНОЕ. Деизисный чин являет «форму» т е л, — руки свидетельствуют, — такие руки, оставаясь в именовании «руками», не могут украсть, ударить и пр. и пр.³¹, — нет, они могут только благоговейно свидетельствовать о той духовной реальности, которая есть за иконами красок и иконами звуков. Явленные святые не безгласны, нет: они «молятся», молитвой созидавая «в мимезисе» себя.

В стяженном виде иконостас и «моление» даны в иконе Св. Софии, Премудрости Божией, опять-таки явленной самостоятельным русским каноником и до сей поры удовлетворительного истолкования не получившей, из-за рационализирования в богословии и имплицитной предпосылки «свершения-в-прошлом». На иконе дан в предобразе предельный замысел о святой твари как о с в я щ е н н о т в о р ч е с к о м ч е л о в е ч е с т в е, дана **ВСЯ ЦЕРКОВЬ, ВОЗГЛАВЛЕННАЯ ЕЩЕ НЕ ЯВЛЕННЫМ ГЛАВОЙ-АНГЕЛОМ.** Когда это свершение будет достигнуто, тогда во вселенной будет явлено благовестие Царства Божьего, как конец служения оглашения, — приявшие эту весть не останутся перед «закрытыми воротами», но войдут, принеся себя как «просфоры» к «предложению», войдут Великим Входом, изменяясь по пути, преображаясь и преображая вселенную; изменятся и вознесут и себя и Своего Царя в Престольный Град Новый на Новом Небе и Новой Земле. Мысли эти кажутся достаточно верными, ибо они достаточно абсурдны, ибо в юродстве своем они не приемлемы ни «уже существующим» г л а в а м Церкви в «Риме, Москве и Византии», ни позитивистически настроенному человечеству, крепко занявшему «пьедесталы почета» или «кафедры». Ибо занятие «непогрешимой кафедры» порождает себя в центр мироздания, и от себя, как центра излучения, лучится в з г л я д п р я м о й п е р с п е к т и в ы, который не видит з д е с ь святых, — когда человек приближается к иконостасу, то там н а н е г о с м о т р я т, в некоторой «обратной перспективе»; т а к смотрящие в и д я т, им принадлежит право фиксации: с нами ли, «вошел» ли к нам, выткал себе «тело» как ч л е н нашего единого «тела», или нет, не вошел, хотя все «входишь

и входишь», — символике «входов», переходов, порогов, облачений при переходе посвящены тайноводческие толкования свидетелей, особенно св. Максима Исповедника. Человеку очень трудно начать смотреть на себя «со стороны», изнутри наблюдать «его», трудно вместить, что «его» внимательно и доброжелательно разглядывают святые, чтобы буквально броситься на помощь, когда он двинется в сторону Отчего Дома; что «его» вяжет мысленными путями Враг, чтобы не пустить «его» идти к рождению, чтобы убедить «его» по-прежнему быть «как боги» и с этой «непогрешимой кафедры» отрицать либо вообще таинственное бытие, либо, иллюзорно считая себя ответственным за учение, не склоняться, и тем самым, отрицать бытие святых свидетелей: что толку «входить» в каменный храм, или даже двигаться в иконе храма по ступеням вплоть до Престола, если бдительно смотрящие не знают тебя, ты не знаком им, ибо не вошел в тело-молитву их? Только Врагу выгодно продолжение этого соблазна...

Заключение: время, действительно, кажется нам софийно славянофильствующим, и, если это странное введение окажется продуктивным, то можно приступить ко второму этапу работы как созданию художественного проекта «мандалы вселенной», более внимательно и подробно остановившись на азиатско-буддийских текстах (скажем, прокомментировав «Сердцевинную Сутру Запредельной Мудрости»), или тайноводческих текстах (скажем, прокомментировав «Тайноводство» св. Максима Исповедника или книги св. Дионисия Ареопагита).

Схема: В центре Белый Престол Премудрости,

О-крест иконостас святых-тел,

Далее — врата Града с четырех ветров — сторон света,

Далее честь и слава народов, как культуры — пути ко Граду,

Далее внешний круг спящих автоматов по шести секторам,

Далее Враг, Паук, дергающий марионеток за мысленные путы,

словом,

вселенная, как поле битвы строителей Града и строителей Вавилона, визуальный п а м я т н и к того образа, который осязал слух русского гения Достоевского: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Подобный п а -

м я т н и к, артикулированно показывающий символы уровней бытия, может стать «школой XXI века», где будут обучаться в с п о м и н а т ь с е б я. Где, как, кто, когда?! — каждый сможет увидеть «свой» уровень и, опознав всеобщую перспективу п у т и, осознанно, то есть помня себя, стать под те или иные знамена. Философия лишь проясняет ситуацию.

Литература

- ¹ М.Цветаева. «Поэт о критике. Кого я слушаюсь». Russika, Нью-Йорк, М. Цветаева, Избранная проза, 2 т.
- ² А.Пушкин. «О причинах, замедливших ход нашей словесности».
- ³ И.Киреевский. «Обзор словесности за 1831 год». Москва, «Искусство», 1979 г, И. В. Киреевский, Критика и Эстет[ика].
- ⁴ И.Бродский, «Предисловие. Поэт и проза», см. прим. № 1.
- ⁵ А.Григорьев. «После „Грозы“ Островского. Письма к Ив. Серг. Тургеневу». Москва, 1967 г, А. Григорьев, «Литературная критика».
- ⁶ А.Григорьев, «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (там же, что и № 5).
- ⁷ Ф.Достоевский, «Объявление о подписке на журнал „Время“ на 1861 год». Москва, «Наука», 1978 г., Ф. Достоевский, Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 18.
- ⁸ К.Леонтьев, «Письма к В. С. Соловьеву», Пг, Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 6.
- ⁹ К.Леонтьев, «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (там же).
- ¹⁰ Кн. Евг. Трубецкой, «Три очерка о русской иконе», «Умозрение в красках».
- ¹¹ Р.-М.Рильке, «Письмо к фон Гулевичу», Москва, «Искусство», 1971 г., Р.-М. Рильке, Ворпсведе–Стихи.
- ¹² Энциклопедический словарь «Гранат», статья «Флоренский П.А.».
- ¹³ Р.-М.Рильке, «Рассказы о Господе Боге», см. прим. № 11.
- ¹⁴ О.Мандельштам, «Слово и культура». Москва, О. Мандельштам, О поэзии, 1922 г.
- ¹⁵ Р.-М.Рильке, «Дуинские Элегии, 10», см. прим. № 11.
- ¹⁶ Р.-М.Рильке, «Орфей, Гермес и Эвридика», Москва, «Наука», 1977 г, Новые стихотворения.
- ¹⁷ Г.Гюрджиев, «Взгляды из реального мира», запись бесед, Нью-Йорк, 1975 г. М.Мейлах, «Теория психотрансмутации» Г.И.Гюрджиева, Москва, ИНИОН, «Рациональное и иррациональное в современном буржуазном сознании», вып. 2-ой.
- ¹⁸ Сравни, впрочем, «Transpersonal psychologies», Ed. by Tart, NY, 1976, vol. 10.

- ¹⁹ См. «Добротолюбие», тт. I–V.
Иеромонах Софроний, «Старец Силуан».
- ²⁰ Св. Симеон Новый Богослов, «Слова», «Слово 9-ое».
- ²¹ О. Розенберг, «Проблемы буддийской философии», Пг., 1918 год.
- ²² Рукописный перевод «Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутра». Пер. О. Волкова, Л. Мяль.
- ²³ Б. Дандарон, «Содержание мантры ОМ-МА-НИ-ПАД-МЭ-ХУМ». Tartu, 1973,
Труды по востоковедению, том 2.
Lama A. Govinda, «Foundations of Tibetan Mysticism», London, 1960.
- ²⁴ Цит. по А. М. Пятигорский, «О психологическом содержании учения раннего буддизма», отд. оттиск.
- ²⁵ Г. Гюрджиев, см. прим. № 17.
- ²⁶ Finkelstein D., «Space-time structure in high energy interactions», University of Miami, 1969.
- ²⁷ Идеи о воспитании зрения ср. с М. Д. Ахундов, «Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы». Москва, «Наука», 1982.
- ²⁸ Свящ. П. Флоренский, «Троице-Сергиева Лавра и Россия», 1918. Сравни с высказыванием В. Розанова в «Уединенном»: «трех людей я встретил умнее, или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и **Фл-го...** Замечательное в их уме, или, вернее, их душе, **в их метафизической (до рождения) опытности**, — было то, что они не знали ошибок; их суждения можно было принимать «в слепую», не проверяя, не раздумывая. Их слова, мысли, суждения, самые короткие, освещали целую мировую область».
- ²⁹ Р.-М. Рильке, «Пророк», см. прим. № 16.
- ³⁰ Платон, «Федон», также см. Д. Н. Ляликов, «Муди Р. Жизнь после жизни. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела» и «Жизнь после смерти», — рефераты в сб. ИНИОН «Рац[иональное] и иррациональное в современном буржуазном сознании», вып. 3-й.
- ³¹ Сравни с Пушкинским определением гения: «гений и злодейство две вещи несовместные», — ибо «рука», записывающая небесные звуки, не может оставаться по имени «рукой» (все той же), если вливает яд. Сравни также с чином облачения в «поручи» при архиерейском поставлении.
- ³² Интересно было бы провести исследования «молитв» и «хореографии» чинопоследования архиерейского поставления, — они недвусмысленно говорят о «рукоположении во святого».

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ПАМЯТИ

... если один умер за всех, то и все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего. Потому отныне мы никого не знаем по плоти...

2 Кор. 5: 14–16

§0. ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Май-июнь-июль 1978 года от рождения Царя Неба и Земли Иисуса Христа были, судя по всему, весьма знаменательными для любителей русского живописного творчества. В СССР, в Москве, в выставочных залах объединенного комитета художников-графиков, и в ФРГ, в Кёльне, в галерее А.Гмуржинской, состоялись выставки «работ» художников Э.Штейнберга, В.Янкилевского (Москва) и К.Малевича (ФРГ) (перечисление идет в порядке открытия выставок). Нижеследующие заметки вызваны (ближайшим образом) этими событиями. Выставка Э.Ш. и В.Я. была первой «персональной» выставкой, прошедшей относительно спокойно и в процессе организации ее, и в длительности экспозиции. Академизм ее распространился до той степени «все, как у людей», что был выпущен даже каталог. Галерея Гмуржинской также выпустила каталог, в котором представлены эссе учеников; тексты Мастера; весьма квалифицированные размышления искусствоведов, научившихся постепенно осмыслять ф а к т ы русского искусства, учитывая своеобразный «онтологический фон», столь свойственный русским

в их осмыслении и опознании своего места в культуре вселенной: о Малевиче пишут не только как о художнике, но и реконструируют по картинам и текстам, воспоминаниям и письмам, его философскую, религиозную и творческую позицию. Судя по грамотно составленной библиографии интерес к творческим свершениям Казимира Малевича возрастает. Каталог выставки в Москве бесспорно более скромный, я бы даже сказал, нищий, если бы не видел в критерии **н и щ е т ы в ы с ш у ю ц е н н о с т ь**, — а мне не хотелось бы «рассставлять отметки», хотя, конечно же, какой-то ценностной шкалы все равно избежать не удастся. Скромный каталог содержит объявление о выставке, фотографии художников с краткими перечислениями их «творческого пути», посвящения, подписанные Евг. Данилиным, и два рисунка. Библиографии о творчестве художников нет, ибо **н е т** и статей о них, кроме нескольких строк, написанных в разное время. Христианским святым царевичам свойственно сравнивать течение жизни на земле с деятельностью художника (Павел, св. Василий Великий, Григорий Нисский, Симеон Новый Богослов), который своими сознанием и волей **п и ш е т** на материале сердца **э н е р г и я м и**, имеющими цвет и форму, некий **о б р а з**, соотносимый с **п е р в о о б р а з о м** Господа Иисуса Христа. Смерть в этой притче уподобляется **в ы с т а в о ч н о м у з а л у**: «каждый есть живописец собственной жизни, и художник дела жизни есть свободная воля, краски же для воспроизведения образа добродетели, и не малая опасность вместо подражания Первообразной Красоте, начертать какое-нибудь гнусное и безобразное лицо, вместо вида Владычного грязными красками изобразив образ порока» (св. Григорий Нисский) и «каждый человек, в теле сем живущий, походит на живописца, рисующего какой-нибудь **о б р а з** в сокровенном месте. Как этот живописец, когда, кончив картину, вынесет ее из сокровенности на выставку, хвалим бывает зрителями, если хороший избрал для нее предмет и нарисовал его хорошо, и напротив, бывает порицаем, если и предмет избрал дурной, и нарисовал его плохо; так и каждый человек, когда **п о с м е р т и** **п р е д с т а н е т** на Суд Божий, имеет быть похвален и ублажен Богом, ангелами и святыми, если украсил ум свой и свое воображение светлыми, божественными и духовными образами и представлениями, и, напротив, имеет быть посрамлен и осужден, если наполнил свое воображение картинами страстными, срамными и низкими»

(св. Вас. Великий). Смерть, как зеркало сцены, где проходит парад «фигур» и «фантомов», созданных магией сознания, лежит фундаментом всей йогической практики буддизма, ибо в миг смерти «созерцающий» видит либо «кармические образы», созданные его неведением и страстями, которые уведут его в ненужные и мучительные перерождения, или «дхьянические образы», созданные его медитативной практикой вступившего на Путь Освобождения, которые уведут из Колеса Перерождений. Да и житейски мы знаем, что у умирающего «вся жизнь пролетает перед глазами». В факте смерти, как выставочного зала, и выставочного зала, как абриса фантомов умирания художника, встречаются два направления в р е м е н и: от-рождения-к-смерти и от-смерти-к-новому-рождению. Выставка в Москве показывает, на мое проглядывание, все возрастающую степень о т в е т с т в е н н о с т и представленных художников за чистоту океана сознания, в который погружены в с е; явление, противоположное началу века.

§1. НАЧАЛО ВЕКА

Это было время, когда долго таившаяся где-то по углам потеря интуиции с в я щ е н н о г о вдруг выплеснулась наглым воем на поверхность. Мир был расколдован, все можно было пощупать, попробовать на зуб. Время обезумевших патологоанатомов, — так напишут об этих скорбных днях. Это было время фантастической, угарной безответственности об океане сознания, о его «чистоте». Всякий без удержу и даже с каким-то сладострастием спешил в ы б р о с и т ь свою мысль, причмокнуть при этом, и опять-таки потрогать, пощупать, понюхать. Океан превращался пляжной публикой, мутящей пену и водоросли взапуски, в сточную канаву. Редко можно было слышать голоса, взывающие к ограничению в извержениях и пробах «на вкус», к созиданию «внутреннего канона» (В. Иванов), требующего правильного различения иерархии ценностей. Совсем одинокой плакальщицей, властно не соревнующейся с наличным, звучал голос Анны «всея Руси», уже оплакивающей и отмаливающей Россию и детей.

Конечно же, на последней глубине океана сознания по-прежнему царило с в е т л о е безмолвие святых, сдерживающих и по-

сильно очищающих сточные воды, но на поверхности каждый старался хоть что-то урвать себе для «анализа» из покрывала Изиды. «Сезаннизм, кубизм, футуризм», — лишь фиксировали на холстах, этих окнах взгляды в мир, к л о ч ь я, которые остались и из которых все вновь и вновь воссоздавались перекроенные миры. Из ключев «землян» и их культуры составлялись «будетляне» (Хлебников) расшалившейся на русской почве братией, искавшей и находившей свои «имена» не в имперской «табели о рангах», не, к сожалению, в реализации христианских таинств, о «цели» которых уже не помнил «никто» из архиереев (Св. Серафим Саровский), но в мирах, которые они создавали из обломков старого. Они обретали свое «я» перед лицом послушных им творений... — маскарад, который вставал бесовским мороком перед глазами Ахматовой в «Поэме без героя». Да: потеря «чувства священного», — так напишет будущий историк, собрав воедино многие следы их плясок... Казимир Малевич, судя по тому, что доступно для проглядывания, был здесь среди «наших», хотя во многом его грузная серьезность отличалась от мелкоты. Его записки «Бог не скинут» просто поражают отсутствием интенции на постижение религиозного как «священного», поражают именно «беспредметностью» его анализа: нет ни одной строчки, где говорил бы он о БОГЕ, хотя вся книжка написана об этом. Его философские записки не вызывают такого отклика, напротив, в них можно проглядеть мощные феноменологические интуиции «хайдеггеровской» интерпретации феноменологии. Конечно же, не следует ограничивать его постижения и его проповеди лишь чисто технической и живописной сферой, покровительственно похлопав его по плечу, дескать, простим чудачку, что влез не в свою сферу. Нет, действительно, супрематизм не суть живопись, а некое достаточно последовательное мировоззрение, касающееся всех оттенков достигнутой культуры, именно социологии, экономики, философии, искусства и религии. «О живописи в супрематизме не может быть речи. Живопись давно изжита и сам художник — предрассудок прошлого» («Супрематизм», Уновис, Витебск, 1920 г). Он не только писал кистью, но и «пером». Если статья по возможности зеркалом, то его знаки могут о т р а з и т ь с я (Ин. Анненский) в вас, и эти отражения могут быть посылно уловлены на бумагу. Займемся этим. Он назвал свою теорию познания «беспредметной» («О субъективном и объективном

в искусстве и вообще»). В самом деле, наблюдаемый мир вещей («объектов») дан человеку в его волчьей оглядке-разведке-к-выживанию в наличности как сподручный, как ф у н к ц и о н а л ь н ы й к моей («субъект») озабоченности. Когда мир так оглядывается многими, то он дробится, ибо «объект» релятивен «субъекту», и невозможно установить точные границы «субъекта», всматривающегося в мир вещей, ища орудия. Границы субъекта размыты, ибо неизвестны его «начала и концы». А поскольку в мире разведки нет «объекта» без восприятия его «субъектом», а «субъект» размыт, то познание мира становится без-объективным, релятивным, б е с п р е д м е т н ы м. Мир людей исчезает, и полотна-холсты, исполненные изображениями, просматриваемыми «субъектом» в прямой перспективе, также исчезают. В храм «субъект» также не идет, чтобы обрести свои «начала и концы» в таинствах перед Ликом Бога Живого, а потому и обратная перспектива икон также исчезает, ибо нет «субъекта», на которого смотрит Бог Живой, и... появится наиболее экономная форма: «черный квадрат» на белом фоне, который может стать «прямой перспективой», а может стать «обратной перспективой», наезжая на вас и т.д. От еще постимпрессионистской «Аргентинской польки», через кубистические хлопья «Портрета молодого крестьянина» к «черному квадратику» как наиболее экономной форме изображения взгляда на бесконечно текущее взаимодействие исчезающего мира объектов, — таков, повидимому, путь художника Малевича... но, здесь, стоп! «Художник Малевич» — это ф у н к ц и о н а л ь н о е и сподручное определение утилитарного мира, которое есть такое же орудие сподручного мира, как и преодоленная фигуративная живопись. Нам, остающимся в этом грешном мире, надо серьезно прислушиваться к кому-то, кто или уже ушел от нас или пришел к нам откуда-то, чтобы не счесть слышимое и видимое за знаки элементарного сумасшествия одного из «наших же». «О живописи в супрематизме не может быть и речи. Живопись давно изжита и сам художник — предрассудок прошлого». Итак, после серьезных цеховых штудий «некто» зафиксировал «черный квадрат» и после чрезвычайно сильного проживания этого акта (по воспоминаниям А.Лепорской он неделю не ел, не пил и не спал) вместил, что не суть «художник Малевич», который может посмотреть в окно или зеркало, чтобы потом написать фигуративную картину в какой-либо освоенной

технике или автопортрет, но «некто», которого я без шуток буду называть далее К.М. «черный квадрат». Под всем, что будет произведено в дальнейшем, он рядом со своей подписью будет ставить «черный квадрат». Вскоре провозглашается манифест о гибели старого искусства, лишь копировавшего вещи, и рождение нового теургического творчества новых вещей и нового супрематического мира. Творчество новых вещей (осталось откуда-то из прошлого) совершается по «идеям» вещей, или «парадигмам», или прообразам. Так, с мрачноватой серьезностью, которую нельзя принимать за мрачноватый юмор, и сказано: «Супрематические формы, как абстракция, стали утилитарным совершенством. Они уже не касаются земли, их можно рассматривать и изучать, как всякую планету или целую систему. Я говорю, не касаются земли, не в смысле отрыва, оставляя ее брошенной, указываю только на построение прообразов технических организмов будущего супрематического...» («Супрематизм»). Нет, нет, пусть не думают «земляне», к которым обращается К.М. «черный квадрат» на их языке, чтобы быть понятым, он не оставит землю в ее потемках, но научит созидать супрематические прообразы, которые могут напомнить землянам их «эйдосы» Платона или «энтелехийные формы» Аристотеля, чтобы затем перенестись, переродиться в супрематическую систему, разорвав «голубой абакур неба» (Эль Лисицкий). Из солнечной системы, которая преодолена, в супрематическую систему, которая свободно сотворится по прообразам, которые будут созданы в нашем Уновисе в Витебске. Сам К.М. «черный квадрат», оставив разработку парадигм зданий, пейзажа, пейзаж ученикам, этим «молодым архитекторам в широком смысле», занимается оттачиванием комментариев к открытому, оттачиванием «пером» пространства под черепом, и созданием наиболее ценных супрематических прообразов «себя», «жены», «друга Пунина» и иных приближенных (ну, вот как Бог землян Сам занялся творением Адама!). Эти возвышенные прообразы князей супрематического мира К.М. «черн. кв.» созидает к 1930–33 гг., а затем, исполнив тяжелую, но и радостную работу... «уходит», или, как сказали бы земляне, «умирает». Когда ученики пришли ко гробу, то гроба не было, был ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ. И учителя не было, а был ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ и СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КНЯЗЬ в ризах, которые бы напомнили землянам нечто об их

средних веках или загадочных брахманах Востока. Разрушив предметный мир людей, художник Малевич обрел свое «я» перед черным квадратом, а потому был обречен рисовать супрематические миры и фигуры, как до него это делали земляне, обретавшие свое «я» и мир «объектов» здесь на земле. Они земляне, по-видимому, все опошили и не поняли, ибо сохраняют о супрематическом князе свою старомодно жалеиную память как о художнике.

§2. «Я» — КАК ПАМЯТЬ О ПРЕДСТОЯНИИ АРХЕТИПУ В МИСТЕРИИ

Искусство, повидимому, конститутивно культу. Там, где мы видим предметы культа, мы видим и искусство, даже если не можем воочию видеть того «синкретического прадейства» (Веселовский), распад которого породил разнообразие изящных искусств. Там, где мы видим предметы искусства, мы можем выявить и культ творцов его, ибо человек, пока он не потерял этого именованного, есть существо культовое по преимуществу. Высочайше это открыто в явлении Господа Иисуса Христа, говорящего о Своем Телe как о Храме и явившего Его, Тело, как благоугодную Отцу Жертву. Знали о сакральной природе человека и древние. Искусство и предметы искусства разоблачают природу поклонения человека: он может поклоняться истинному Богу, себе, бесам, Врагу, природе и т.д., — и он будет созидать искусственные знаки, разоблачающие «идола» его поклонения. Искусственное сооружение не существует обособленно от целостного мирозерцания, которое утверждают вожди общины или уже существующей, или же имеющей быть созданной вокруг новой священной фигуры. Человек как культовое существо обречен создавать искусственную визуальную среду, которая и есть мир его культа, мир его мистерий. Трудно сказать как и в какой момент и почему «художники» решились изображать «лицо» человека, одетого в земные одежды и помещенного в пространство холста. Это не было копированием наблюдаемой природы и «человека житейского» в этой природе, нет, это было провозвестие нового культа о человеке, ибо в прежнем культе человек знал свое «я» перед ликом-архетипом мистерии, когда он принимал то или иное посвящение. Быть может, это произошло

массово на Западе из-за отсутствия в католицизме иконопочитания в той мере, как оно существовало в Византии: на иконе изображается в континууме сакрального пространства лик святого. Икона не есть живопись! И лик святого не есть «портрет» вот этого милого человека, которого мы все знаем. Писать «лица» людей запрещается во всех доктринах с традиционным мистическим чутьем, ибо написание «лица» есть помещение этого человека в пространство этого мира как священного пространства, тогда как древние искали свои корни в иных за-п р е д е л ь н ы х измерениях. Быть может, протестантские страны, исходившие из доктрины предопределения, позволили себе вольность в изображении, ибо: «изображай или не изображай», — на волю Творца мы повлиять не можем. Во всяком случае путь художника вплоть до «черного квадрата» в его отрицательном отношении к иллюзорной фигуративной живописи, пришедшей с Запада в обход и к о н о п и с а н и я, может быть понят: действительно, писать «портреты» нельзя, ибо только то, что с т а т и ч н о в в е ч н о м п о к о е может быть изображено, как сущее, а релятивизм бесконечных связей бесконечно меняющихся впечатлений принципиально неизобразим, — писать можно только и к о н ы, как лики, которые обретыены в рождении от Бога и помнимы Им, а потому и суть вечно сущии. Икона пребывает во Свете, пребывает в сакральном пространстве, как истинно реальном, — если же пишется «портрет» человека, то ему усвоятся определения иконы, ему и «земному» окружению. Смотри на свой «портрет» или портреты других людей и окружение этого мира, человек постигает себя как уже существующего, а мир этот, как последнюю реальность, — то есть он, как не могущий быть не культовым существом, утверждает тот культ, который иногда именуется «человекобожеством», причем на этой земле. Разрушение подобной точки зрения, повторим, вплоть до «черного квадрата», вполне правомерно, но... вот здесь-то мы и стоим вновь перед трагическим вопрошанием всех древних о «я» как п а м я т и, вспоминающей предстояние перед мистериальным архетипом. Начала и концы «субъекта» давались ему в его п о с в я щ е н и и, вспоминающая процедура которого, посвященный з н а л с е б я к а к «я». Память есть знание. Тот, кто не помнит, тот в «беспамятстве», сошел с ума, болен. Почему, дойдя до «черного квадрата», художник опознал свое «я» и его миры перед этим посвящением, а не стал

искать и к о н н о с т и? Почему не обрел свое «я» перед Престолом Божиим в рождении от Бога через соучастие в смерти Христа и причастие Его ВОСКРЕСЕНИЮ? Почему он не возжелал воскресения из мертвых через сопричастие Св. Кресту Господа, а приял как бы с а м о в о с к р е ш е н и е в с у п р е м а т и ч е с к о м м и р е?!

§3. БЕРЕМЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВОМ И МУКИ РОДОВ

Хорошо известно стихотворение А.С. Пушкина «Пророк». Русский гений здесь в с и м в о л и ч е с к о й ф о р м е, в иероглифах своего со-служения светлomu безмолвию святого свидетеля, конкретно св. Серафима Саровского, описал как беременеют творчеством, чего это стоит, и когда разрешаются от бремени полновесным плодом в свой срок. Духовная жажда, столь сильная, что ничто из личного не может ее утолить, заставляет влачиться, выбиваясь из последних сил, в пустыне. В пустыне нет никаких примет «фигуративной» природы. Духовная жажда обжигает и заставляет идти и идти, пока, если нигде не утолишься, н а п е р е п у т ь е в п у с т ы н е, тебе не встретится Ангел. Он откроет тебе вещие зеницы; и ты начинаешь видеть иные знамения! Но, забегаю вперед, не с а д и ш ь с я т у т ж е «рисовать» это увиденное. Потом он открывает вещей слух, а ты опять-таки не садишься к инструменту и не бежит рука в нотных знаках, чтобы прославиться неземным композитором. Затем он вынимает лживый язык, дает мудрость ведения, и рассекает грудь, — т ы м е р т в; не только тому миру, который не мог насытить тебя и от которого ты побрел в пустыню, «духовной жаждою томим», но и всему тому, что шаг за шагом открывалось вещими постижениями. Ты мертв, и... только не дерзай самовоскрешения, ибо оно невозможно! Будет обман, будет прельщение Врагом и его энергиями, когда он шепнет: «будьте как боги»! Нет, надо лежать недвижимым трупом, хотя какие картины могли бы быть созданы, какие звуки могли бы быть занесены на землю, какие слова могли бы быть уже составлены в гармоничные песни! Но для этого н а д о в о с к р е с н у т ь. Как? ГЛАС БОГА ИМЕНУЕТ ТЕБЯ, ВЗЫВАЕТ ТЕБЯ, и тем вызывает к новой жизни, где п а м я т ь будет хранить «глаголы», которые смогут ж е ч ь сердца людей,

опалить их, иссушить их и пробуждать в их опаленных сердцах духовную жажду, чтобы «духовной жаждою томим» побрел он на встречу. Поэт здесь описывает в с т р е ч у, которая всегда е с т ь, между сознанием «и вот этого человека» и сознанием с в я т о г о, этого Ангела, в данном случае св. Серафима Саровского. Иероглиф поэта показывает в своем смиренном служении и таинство святого крещения, и ранг поставления на служение благовестия. Если бы «пророк» на любом этапе его страшной переделки удовлетворился и восстал ранее зова, он обрел бы свою «субъективность» не в призыве Бога, воззывающего его к бытию, а в самовоскрешении перед «лицом» иных измерений, к которым вещи прикоснулся, перед «лицом» своей непостижимой для просто смертных одаренности. Он обрел бы «я» и вместе с ним обрел бы весь предметный мир «своего» творчества. Итак: выдержка, смирение, муки и радости зачатия и вынашивания плода, и опять смирение, и различение иерархии ценностей, чтобы не вернуться к рисованию «портретов» и их миров, созданных из более тонких субстанций, которых и не видели «земляне», пусть это будут хоть и «супрематические» первоэлементы. Л и к е с т ь только у святого, ибо святость есть в о с с т а н и е из мертвых по зову Бога Живого. Когда Бог говорит тебе «ТЫ», тогда у тебя, в твоей памяти, в твоём самосознании, появляется «Я». И лик этого «я», окруженный Нетварным Светом, можно п и с а т ь. И это будет икона.

§4. РЕАЛЬНОСТЬ, ИКОНА, ИЕРОГЛИФ

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул...

— Федор Михайлович Достоевский на празднествах в честь открытия памятника Пушкину (в июне 1980 года будет сто лет) сказал, что русский гений обладает всеотзывчивостью, вселенскостью. Что гении иных наций творят знамения как бы частные, а русский гений, позже других выходящий на арену, являет знамения как бы всечеловеческие. Вечером того же дня Ф. Михайлович читал «Пророка»

Пушкина. Читал вообще часто это сочинение и свидетели (Ин. Анненский) говорят об огромном впечатлении, которое производило его, к финалу уже почти глухое и несколько недоуменное бормотание-жалоба о бремени пророческого служения. Я думаю, что следует прислушаться к этой «методологической предпосылке», когда прикасаешься к актам русского искусства, особенно в анализе судеб незаурядных дарований. Гений творчества творит и е р о г л и ф ы, которые могут быть д е ш и ф р о в а н ы, и тем самым обретают свою неотменяемую ценность поиска, через соотнесение с Абсолютным, с Реальностью. Соотносима с Реальностью и и к о н а. Она разнится от иероглифичности знамения Реальности гением тем, что суть такое знаменование, где означаемое и означающее как бы «пригвоздены», совпадают при наложении. Проф. П.Флоренский называл икону «обведенным видением». Иероглиф же художника требует истолкования, а потому апеллирует к свободе истолкования и как бы скоординированности постигающего и иероглифа. Иероглиф бездонен и прозрачен, тогда как икона пригвоздена к своему основанию, есть образ первообраза. Реальность же явлена в мир тварный Св. Крестом и Гробом Господним: тогда погасла вселенная и воссиял Свет из Гроба. Этот Свет сияет и «просвещает всякого человека, грядущего в мир», ибо через 50 дней после Св. Распятия была явлена в «снятом мире» Церковь в лице поименно возрожденных царевичей, сынов Царя Небесного и братьев Иисуса Христа. Они пришли от Престола Небесного в мир, вновь в мир, в «ветхое сознание». Пребывая здесь в «ветхом сознании», которое е д и н о всем человекам, они, посланные от Престола, ибо не может никакой маг своей силой «вернуться» от Нетварного Престола, в с п о м и н а ю т в с в е т л о м б е з м о л в и и Царя, Его Престол, Его окружение. Эта прорись их воспоминаний есть для твари р е а л ь н о с т ь п е р в о о б р а з а, которая будучи обведена дает икону литургического храмового действия, и будучи уловлена гением дает иероглифы. Светлое безмолвие святого удерживает вселенную и ее энергии от сгорания и распада. Иероглиф «и сердце трепетное вынул и уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул...» приближает нас именно к постижению того, что делает святой царевич с н а ш и м с о з н а н и е м и н а ш и м с е р д ц е м е ж е м г н о в е н н о. В недрах нашего «трепетного»

сердца, которое мы склонны считать за реальность и последнюю реальность, соотносимую с нашей самодостаточностью жизни в этом мире, пылает горящий и обжигающий пламенем уголь, странным образом молчащий в нас о том, что «смерть раньше рождения»! Искры этого пламени видятся мне в цвето-формах полотен Э.Штейнберга, являющего то поле световой глубинности, которое раскрывается за всеми проломами художественных объектов Вл.Янкилевского. Они – символисты, или иероглифисты по волевой установке «внутреннего канона», по правильному различению иерархии ценностей: для тварного постижения Нетварного Бога и Его Нетварного Света дана всегда символы. Дана радикальным образом, ибо тварное не может познать и изобразить Нетварное никаким иным способом, как только символически. Символ – это такой знак, который сохраняет ценность и означаемого и означающего, соединяя их. Для твари символом реальности является бытие в мире святого царевича, который вспоминает и прочерчивает-изграфляет «сердце всечеловека» символическими первообразами. Обведение этих первообразов «паз-в-паз» дает икону литургического чинопоследования; иероглиф прикосновения и «обжиг» от этого прикосновения дает служение гения и близких к гениальности незаурядных дарований. В этом смысле символизм не есть «супрематизм». Если бы «черный квадрат» и создатель его опознали себя как иероглифы-к-первообразам еще более сокрытой и смиренной в Своей ненавязчивости Реальности, то явили бы энергии чрезвычайной силы. Но супрематический мир самовоскрешается, сам творит «прообразы». Хотя... хотя есть и несколько карандашных рисунков, говорящих, быть может, и о возможности переосмысления К.Малевичем всей «супрематической вселенной» с позиции тайны: имеем в виду особенно рисунок «Мистик», где вместо лица начертан крест, который может быть легко дешифрован-к-первообразу таинств, как иероглиф человека: человек есть пламенеющее таинство рождения во Христе перед архетипом Св. Распятия. Здесь, в случае Малевича, и в случае Пушкина, надо говорить о проклятии русского гения берременеть всеотзывчивостью. Быть может именно поэтому автор посвящений Э.Ш. и В.Я. решил оценить их достижения фразой из канонических буддийских сутр Запредельной мудрости: «Пустота есть форма и форма есть пустота». Иероглифы, явленные пред

очи смертных, возносят сознание и волю к первоисточникам Света, который пуст и безмолвен для твари, ибо не может быть уловлен ею, как Нетварный.

§5. МУТАНТЫ

Да, думается мне, что границы творчества как такового в его созидании иероглифов-к-дешифровке определены извлечением из последних глубин рассеченного трепетного сердца искр пылающего огня. Даже «как бы» вовсе и без участия в о л и, как бы безвольно... О связи «безвольности» художника над собой в миг творчества с глубиной дарования уже отмечалось. Да, как бы и нет вовсе того, кого мы знаем как «имярек» в нашем житейском горизонте, как бы рассечено его сердце, и он «как труп» в руках Ангела п о с л у ш е н, и вот пламенеющий уголь воссылает свои искрящиеся знаменования в мир смертных. Да. Так было бы всегда и сладостно и тихо, если бы не было в пустыне еще «кого-то», кого русский гений в его вселенской всеотзывчивости уловил и явил в стихах, прозе, графике. Имеется в виду тот, кого монахи называют ВРАГОМ, князь тьмы, о существовании которого, видимо с его помощью, ибо в этом смысле он не тщеславен, напрочь забыло человечество. Но Пушкин написал своих «бесов», но Достоевский написал своих «бесов», поставив эпиграфом строчки Пушкина, но Янкилевский явил их нам, назвав и поместив их в серии «Город и маски», «Музыканты», «Апокалипсис». Здесь, честно говоря, я никого не могу поставить рядом с ним из современников. Он идет вослед Достоевскому и Ахматовой. И нам надо постепенно привыкнуть к тому, что эти столь дорогие нам имена (Достоевский, Ахматова) будут писаться в строчку с именем Янкилевского. Анна «всея Руси» написала о своем памятнике: «И если когда-нибудь в этой стране, воздвигнуть задумают памятник мне, согласие на это даю торжество, но только с условием — не ставить его ни около моря, где я родилась, последняя с морем разорвана связь, ни в царском саду у заветного пня, где тень безутешная ищет меня, а здесь, где стояла я триста часов, и где для меня не открыли засов. Затем, что и в смерти блаженной боюсь, забыть громохание черных Марусь... (Или еще: ш и н ы ч е р н ы х м а р у с ь... следы жутких колесниц, которые

народ назвал «черными марусями», юродствуя и именуя Блудницу, обезьянничающую и передразнивающую Давшую Миру жизнь св. Марию). Достаточно посмотреть на иероглифы Янкилевского, чтобы увидеть эти «черные следы черных шин», но увидеть и другое, а именно то, что чернота их л и ш ь т е н и, отбрасываемые от Врага и Той, которую он несет на себе (последние рисунки) как уже несокровенную с м е р т ь. Работа Янкилевского в этом аспекте предельно тяжела, требует большого мужества и, я бы сказал, даже «чопорной» щепетильности в повседневных мелочах. Враг — губитель. Это очень хорошо знают монахи. Он — безжалостен, и, вероятно, будет стеречь того, кто уловил его и явил как действующее лицо в тайне жизни. Мутанты — это те, кто уже м у т и р о в а л, кто уже отверг свой прообраз в архетипе Св. Распятия. Осторожно скажу: часто ведутся школьные споры о том, как-де будет после Страшного Суда, ведь жалко же будет «людей», если они будут осуждены, и как-де смогут наслаждаться святыне, видя мучения «людей», — так вот: иероглиф художника дает основание постигать, что в случае нераскаянности (а это есть единственная вина) уже нельзя будет говорить о «людях», ибо будет потерян о б р а з Б о ж и й в ч е л о в е к е. Те, кто пойдет «в смерть вторую», не будут «людьми»... В работах Янкилевского иероглифы «лжелитургии» Врага и Блудницы и масок (вместо ликов святых) их, легко дешифровываются именно как обезьянничание через соотнесение с храмовой литургией: каждения, звоны, центровка, ходы с плакатами, хореография, — все эти знаки открывают ту черную черноту, которой облучает Враг на глубинах «рассеченное» сердце, чтобы соблазнить, чтобы угасить пламень серафического огня, вносимого в сердце свидетельской памятью святых царевичей. Угасить их огонь невозможно: Свет во тьме светит и тьма не угасит его, — но... в последнем даре свободного самосотворения, твари после Креста дано и п р а в о, повидимому, самосотвориться в подражании не образу Божьему, но «образу тьмы», то есть самосотвориться не в сынов Божиих по причастию Свету, но в детей Дьявола по причастию темным энергиям. В этом контексте работы Янкилевского «Апокалипсис» не суть иллюстрации к книге Иоанна, а именно иероглиф о т к р о в е н и я.

§6. СИМВОЛИЗМ — ЭТО НИЦЕТА

В самом деле, бытие иероглифа-к-дешифровке полагает в нем некую ницету, некую прозрачность, некое нежелание быть богатым для задержки дешифровки вниманием на себе и своих собственных достоинствах. Достоинство иероглифа как раз и состоит в том, что он смиренен, совсем не берет внимания на себя самого без сопутствующей ницеты самоотрицания, без как бы возгласения: не на меня, не на меня смотрите, а **сквозь** меня! Есть словесный иероглиф «светлое безмолвие», «созерцательная молитва», имеющий первообразы. Можно ли изобразить эти первообразы для глаз, ибо иероглифы слов бытийствуют для слуха? В иконе чинопоследования храмового действия **м о л и т в а** изображается «курением кадильного ладана»... восходит, умирая в ницету, дым благоухания приятного, весь умирая в Боге... И вот я часто думаю теперь, что иероглифом нищей молитвы святого, желающего как бы и не быть, чтобы предоставить всего себя в жилище Богу Духу Святому, чтобы Тот Сам слышал все воздыхания людей и судил Сам всесправедливо и всемилостиво, чтобы не мешать Ему своей молитвой, являются полотна Эд. Штейнберга последних лет. Да. Нищее струение знаков, не обращающих на себя внимания ни цветом, ни формами, — как зернится дым, восходя в отблесках света от свеч и лампад в храме, так и струится ницета иероглифов, **жмет**ся к холсту, чтобы скрыться и за него.

«И тем более приобретет душа убеждений или ведения вещей божественных, чем более не хочет принадлежать себе самой и чем менее сама по себе может быть познана из себя самой через себя или другого кого, кроме одного Всесовершенного Бога, благолепно всецело приявшего ее и благолепно, бесстрастно соединившего Себя с нею, всецело обожившего ее по Своему о б р а з у так, что она, как говорит святой Дионисий Ареопагит, становится о б р а з о м и п р о я в л е н и е м н е в и д и м о г о С в е т а, чистым и прозрачным, неповрежденным, незатемненным и незапятнанным зеркалом, которое, если можно так выразиться, воспринимает всю Красоту Благого Первообраза, и богообразно, и неумалимо отражает в себе, как только может, благие свойства сокровенные в неприступной тайне» (св. Максим Исповедник, «Тайноводство», гл. 23).

Тем более приобретает душа познания всеобъемлющего, чем менее хочет быть познанной из себя самой чрез себя или чрез иное, кроме Единого Бога, — иероглифы К. Малевича говорят нам, что довлеет восхотеть быть познанной чрез себя и через «черный квадрат», и тогда уже утвердится в самобытии супрематического «я» и супрематических «объектов», связанных с «я» в горизонте этического мира; иероглифы Эд. Штейнберга, как знаки, устремленные не к воспроизводству уже своего мира, но к нищему истощанию-дешифровке со стороны Абсолюта, говорят нам о наличии в недрах «души», обретающей себя не чрез себя и не чрез иное что, только чрез и перед Лицом Бога. Вспоминая Бога первично, видя как «ТЫ», душа постигает и себя как «я», предстоящее «ТЫ» Бога. Бог есть то несмываемо-фундаментальное, то первичное, обращаясь от Которого на себя, душа познает себя как себя. Святая безмолвная молитва есть отражение сквозь себя, как бы «нет меня вовсе», чтобы никакой мыслью своей не «загрязнить» зеркала, Нетварного света, — и это есть исполнение первой заповеди о блаженстве «нищего духом, ибо его есть Царство Божие». В первообразе есть духовная нищета зеркальности святого царевича; в иконе этого первообраза, данного в храмовом действе, струится дым ладана, кружась и уничтожаясь в выси купола храма; в иероглифе смиренной работы художника струятся геометрические формы, истощаясь, как дым, в тихом струении к холсту и за холст.

§7. ОБРЕТЕНИЕ ПАМЯТИ

На земле, в «ветхом теле», начиная с дня Пятидесятницы и до Второго Пришествия есть святой царевич, законный наследник Небесного Престола по крови. Святой есть единственно законная власть на земле, и его постоянным Врагом, поднимающим в безднах рассеченного мечом Слова Божьего сердца людей на бунт, на созидание незаконной власти на земле, является Сатана, князь тьмы. Князь тьмы — против царевича Света, — такова невидимая брань, которая ведется во вселенной, и имеет свои знамения в катаклизмах земной истории. Ценность русских дана особенно в том, что они с мощной силой выявили этот скрытый нерв истории. Пушкин, Достоевский, Иванов, Розанов, Ахматова осмысляют

высшую ценность святости, одновременно показуя и «бесов», как вражью силу. В культуре невозможно самозванство. Нет, в культуре должно присутствовать нечто от аристократического, традиционного, почти семейственного наследования. Мне кажется, что Штейнберг и Янкилевский законные наследники русской культуры. В своих иероглифах они выявили молитву, как святость святого, и тьму, как безжалостную радиацию Сатаны, жаждущего погубить своими облучениями. Они сделали это с прирожденным артистизмом и аристократизмом дарования, имея свой почерк, но эти их достижения, как, скажем, и бесспорные достижения в «языке» у Достоевского, как бы хотят быть незаметными, смиряясь и не задерживая на себе внимания, но устремляясь к сути. И если учесть, что уловленное русской культурой и явленное ею пред очи смертных, всеотзывчиво, то является и некая надежда, что реальность, раскрываемая иероглифами, будет опознана и припомнена наличным человечеством. Итак: наши друзья служат человечеству в обретении им п а м я т и и в преодолении той шизофрении, которая явила себя полным забвением категории священного.

ПРОСТРАНСТВО

§1. ХРАМ И СТАДИОН

Быть может, потеря интуиции «священного» или ее обретение в правильном проращении п а м я т и наиболее впечатляют тем или иным отношением к п р о с т р а н с т в у. Десакрализация пространства, профанизация пространства отмечается некоторыми (Леви-Брюль, Элиаде) как краеугольная характеристика «здания» культуры нового времени. Равномерное и равнозначное, бесконечно открытое, молчащее и никем не населенное, приглашающее активного и волевого «чемпиона» к освоению, покорению, заполнению им себя, — то есть пространство ровной беговой дорожки или бетонированной взлетной площадки, по которым шаг за шагом, отмечая бесконечно побиваемые рекорды восхождениями на пьедесталы почета, устраиваемые «здесь и там», чтобы вновь побеждать, осваивая технику «тренировки» и т.д., — пространство **стадиона**; или же: неравномерное, неравнозначное, конечное и населенное существами, живущими в тех или иных измерениях, многоголосое и говорящее «нищему поэту» что-то о себе, — то есть пространство артикулированное, являемое в символах мистерий, центрующееся и собирающееся в иерархию все-единых и гармоничных соподчинений о-крест ж е р т в ы, — пространство храма, — вот, собственно, метафоры умирающей культуры, забывшей «посвящения отцов» (В. Иванов) и нарождающейся, прорекающей о себе сквозь нищих «сновидцев» (Ин. Анненский), в л а ч и м ы х в ровной ровности неразличного праха пустыни, но не упруго бегущих чемпионов в пустынях звездных песков вселенских «олимпийских игр». Если Казимир Малевич и его «ребята из

Уновиса», эти молодые «архитекторы в широком смысле», конструировали из открытых «чемпионом-тренером» супрематических единиц супрематические организмы, чтобы оторваться от земли в некие иные измерения, то «грешным землянам», пожалуй, надо не полениться вычленить некоторые скрывающиеся предпосылки таковой практики, а именно предпосылку о п у с т ы н е п р о с т р а н с т в а, явленную К.М. «черным квадратом», в знакоизъявлении именно «черного квадрата». Улететь на супрематических организмах во главе с Супрематическим Князем и окружением в супрематические города можно только в том случае, если вокруг «пустыня», «черный квадрат», то есть т а м, куда в конечном итоге «при-супрематятся» «супрематяне» или «будетляне», н и к о г о н е т, не было, не будет, — и б о н е т, категорически НЕТ, ячеечного пространства, разнозначного и т.д. Действительно, в архитектуре Малевича есть нечто от «классика», — и лучше всего было бы использовать его достижения для проекта эталонного «олимпийского стадиона». Фактически оказалось, что «власть» обрели несколько более примитивные представители революции, чем «ребята из Уновиса», иначе бы мы, вероятно, уже рождались бы «зрителями олимпийских игр» и более никем, если бы вообще рождались, а не конструировались какими-нибудь «впрыскиваниями» из супрематических био-единиц, — ибо супрематизм, конечно же, суть некая «генетика», имеющая «эволюцию видов», «дарвинизм» как свои непоследовательные предпосылки. Да: если XIX век мог хлопотать под лозунгами идей о «происхождении человека от обезьяны» (предполагающими опять-таки беговую дорожку чемпиона «от-и-до»), то почему бы XX-му не ошалеть в «эволюции планетных цивилизаций»? Если «человек» есть просто «обезьяна-чемпион», п о б е д и т е л ь в б о р ь б е в и д о в за медали, то и «супрематический князь» есть «человек-чемпион», в нашей тренерской школе в Витебске получивший академическое и высочайшее образование. Скажем грустно, тихо, но пусть эта грусть и тихость не обманут нашей твердости: мир стадионов, чемпионов и тренеров, это не мир нищих, сидящих у стен Храма, — не мир Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, не мир святых свидетелей, «нищих духом, ибо их есть Царствие Божие», служение которых есть провозвестие свидетелей о ПОЭМЕ Бога-Творца, о вселенной, как «стихотворении», как «храме», едином в единстве

здания как целого и строго артикулированном, расчлененном, гармонично звучащем, полном, центрующемся в Адаме как медиуме царе и священнике-жертве.

§2. НИЩИЙ И ЧЕМПИОН

Если «стадион» и «храм» кажутся нам с о д е р ж а т е л ь н ы м и к а т е г о р и я м и, которые могут быть вычленены из символики культур, то «чемпион» и «нищий-у-стен-храма» произрастают в «деспотизме идеи» (К. Леонтьев) кристаллизации. Чемпион — это, в пределе, бесперебойно действующий «механизм», хорошо прилаженный, смазанный, испытанный в тренировке, созданный с учетом последних «достижений техники», могущий достигать определенных результатов при сходных условиях эксперимента, бегун-ракета, чемпион-снаряд, гладкий, отточенный, принципиально не могущий встретить никаких преград на своем пути в пустынном пространстве, неумолимо устремленный от «Канта к Круппу» (Вл. Эрн). Да, все они чемпионы: «трансцендентальный субъект» Иммануила Канта, властно и безудержно продвигающийся в технике «априорных категорий» с пролегоменами ко всякой «будущей философии»; всеразрушающий снаряд Круппа или ракета межзвездных полетов, властно и безудержно продвигающиеся в технике «математических формул» по пустым пространствам, где нет ничего живого, что, быть может, мог бы «убить» снаряд или «ракета»; космополитический художник, владеющий техникой, знающий спрос рынка, желающий участвовать в международных выставках, чтобы получить дипломы и медали, — да, все эти чемпионы есть что-то полярное нищему страдальцу, сидящему у паперти храма с протянутой рукой, ждущему подаяния от п р о х о д я щ и х, ибо он «прикован» к этому месту, проклят сидеть здесь, ибо у него сил нет о т о р в а т ь с я от ОДЕРЖАЩЕГО его ПРИСУТСТВИЯ храма. Нищий живет (сидит) на «паперти Храма», это его «место», он не может его «оставить», чтобы бежать наперегонки за медалями, которые раздаются чемпионами чемпионам. Он сидит и просит «копеечку», он не знает, как бегать, он не знает, как «учить», как достигать запланированных результатов, он знает только то, что нищим и голым должен он сидеть з д е с ь, и тогда, быть может,

сквозь его усталое, немытое, нетренированное тело, исторгнется нечто, то самое нечто, целое и гибельное для спортсмена нечто, которое и делает этого нищего г е н и е м, п р о р о к о м. Произведение, исторгнутое сквозь прикованного к нему нищего, есть «трансцендентальный субъект» его воли, а не он «сам», сильный, тренированный, гладкий и стальной, чемпион-спортсмен, чемпион-снаряд, — вождь или фюрер.

Смешно ведь, действительно, предполагать, что Достоевский мог бы взяться н а у ч и т ь писать романы! Или Пушкин? Или Ахматова? Ведь творчество, это:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь, —

ну, посудите сами, куда же, собственно, может бежать вот такой нищий? Куда он может предсказуемо и к определенному сроку добежать, если «вдруг» его где-то «охватит» истома, оторвет память и пр., и пр. — уж лучше сидеть себе здесь, на своем месте, — «знай, свое место, прах», и думать: вдруг минет меня в этот раз гибельный, всеохватывающий смерч свидетельства от имени «неузнанных и пленных голосов»?! У-у, что я такое сделал, что «выбрали» меня?! О, я хотел бы судиться с бытием, которое отобрало у меня все и приковало сюда, как раба, стонущего от ужаса, что он о б р е ч е н т в о р и т ь? Эти «стенания Иова» были так понятны

Достоевскому. Когда приходит один, «все победивший звук», приносящий не по правимост тишины, делается ясным, что на Божьей земле в Божьем лесу все еще по-прежнему растет трава. В лесу и по траве бежать «кто первый» невозможно.

§3. НЕПОПРАВИМАЯ ТИШИНА

После выставки 1978 года на Малой Грузинской в Москве работы Э.Штейнберга и В.Янкилевского вернулись домой. Кто-то из прохожих подал «копеечку», но в странствие по миру «выставка», как и следовало ожидать, не отправилась. Нищие вернулись к своей царственной нищете. Удивительным представляется то, что нищета еще углубилась. Да: последующие строки есть иероглифы удивления той всепоглощающей мощью Храма, как «памяти» святого свидетеля, которая, уловленная приникшей нищей головой, дает подобные результаты, «подписанные» результаты, отмечающие для потомков тех, кто все нищал и нищал и сквозь кого все мощнее и мощнее, все объективнее, все, пожалуй, более «иконично» даже, проступают контуры Храма. Да: это фиксация удивления, восторженного удивления. Икона, как обведенное свидетельство святого, обведенное как бы уже не им самим как «ветхим человеком», но и нынче, свидетельство святого, зафиксированное в ином материале как свидетельство его п а м я т и, есть дело уже не совсем человеческое, ибо святой не может вернуться из небесного Храма без прямой воли Божией в Духе Святом, икона, говоря, не имеет «подписи»; художественное произведение, где нищий сновидец обвел эту же «память святого» своими иероглифами, своей мукой и своей прикованностью, справедливо имеет подпись, имя художника. Удивление описывается здесь, удивление Э.Штейнбергом и В.Янкилевским, удивление за явленный иероглиф не по правимой тишины. Нищие, «сухие листья сумасшедшего» (Ин.Анненский) лежат на полу в мастерской Штейнберга словно ему захотелось уж вовсе обнищать, осваивая на оставленных картонках в мастерской, купленной у уехавших за лучшей тренировкой и диетой спортсменов, непривычную для себя «технику», почти оставив покоренные холсты. Иероглиф курящегося дыма, соотносимый с храмовым каждением в «памятнике»

святого и нищим безмолвием святого, в реальности самоим этим же ртвенным молчанием, созидующим и соучаствующим в созидании с Духом Святым из ветхого тела храма, иероглиф курящегося дыма, как молитвы, открылся на большей глубине иероглифом храма. Это — удивительно. Изнутри, словно притягивая-к-себе нищее тело, нищий разум, почти «фотопленку», почти «плащаницу», чтобы проявить сквозь нее, без ее собственных чемпионских усилий, абрисы артикулированного пространства, ясного, зернистого, храмового. Если стихотворение подлинного поэта даже почти глухому говорит, что от перестановки двух «фонем» разрушится целое, то картина или картон требуют все же уже культуры всматривания, чтобы разглядеть в явленном алмазную крепость граней. Особенно трудно, порой, увидеть это в столь чистых «абстракциях» геометрических форм, какие предлагает Штейнберг, а потому и особенный трепет радости приходит тогда, когда явлено стихотворение на картоне или холсте, как здание, воздвигнутое из жертвы. Художник и его творение являются иероглифами жертвы и храма, — «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», — пушкински ясно дано это в работах Эд. Штейнберга. Непоправимое молчание дано и в удивляющей силой работе В.Янкилевского «Адам и Ева». На помойке разрушенных домов нашел наш друг и нищий свои «двери», «звонки», «номерки». В холодном подвале, куда он является рано утром, с головной болью от спазм, с обреченной невозможностью бросить свою работу и со стенаниями по поводу ее житейской незащищенности, растет памятник, иероглифический памятник, прозрачный к иконическому памятнику-храму с его тайнодейственными изводами. В самом деле, здесь с поражающей выразительностью выявлено знание святых, что мышление есть жертвоприношение, что внутреннее «слово» не случайно человеку и не суть некое внешнее добавление ему, но и есть «человек»; когда Адам и Ева отдали свою память и свое внутреннее слово Князю Тьмы, они принесли ему жертвоприношение, а поскольку «ум» и «душа» и «тело» и есть триединая связь целостного человека, то отторгнутое к Тьме слово принесло смерть. Свет стал все более заволакиваться тьмой, а Адам и Ева все более и более мертвли, утыкаясь в черную стену и оградительный шлагбаум лагеря смерти. Да, если смотреть со стороны пролома Света, то он все

более обволакивается свинцовой тьмой, которая порождает уже ограду загона, в свой черед порождающего гробы с уже совсем обезжизненными манекенами. Но если взглянуть со всей мерой трагизма и невозможности «жить» в присутствии вот так явленной скорби и печали, то делается ясным, что с м е р т ю с м е р т ь п о п р а в ш и й нужен, что Он пришел взяв на Себя грехи и болезни Адама, вплоть до уничтожения страшной и безжалостной смерти «раба Рима», чтобы проломить пространство тьмы, чтобы воссиял Свет во Тьме.

Непоправимая тишина разлилась тогда на лысом лбу Голгофы. Пространство сомкнулось здесь: Иоанн и Мария стояли у Креста, прорывающего Тьму столь же скорбно, как Адам и Ева, когда приходила Тьма, и эта их скорбь о Спасителе, эта их невозможность жить без Него, Любимого, невозможность жить до с м е р т и, невероятным образом попирала заложенную в них смерть: верное жертвоприношение внутреннего слова открывало в них пространство престола, святилища, храма, чтобы после Воскресения Иисуса Христа и им двигаться к совоскресенью. Любовная молитва есть жертвоприношение внутренней и «самой лучшей» части человека, а значит и всего человека тому существу, которому он поклоняется, и жертва, дойдя до божества, возвращается с его, божества, энергиями. Если молитвенное слово жертвится истинному Богу, то оно вернется не «пустым» назад, но с энергиями Бога и п р е о б р а з и т и т е л о до воскресения и последующего вознесения в Небесный Храм. Если же внутреннее слово жертвоприносится Князю Тьмы, то оно возвращается, неся энергии Тьмы вплоть до полного истощения тьмой в манекена и пальтишко из ширпотреба конкретного режима сатанократии. Иероглиф Янкилевского просто не может быть описан никаким иным языком, кроме языка метафизики, языка сакральных пространств.

§4. РАЗЛИЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВ

«...Форма есть деспотизм внутренней идеи, не позволяющей материи разбегаться...» (К. Леонтьев), — когда нет деспотизма внутренней идеи, пронизывающей своими силовыми полями внешнее, структурирующей это внешнее, когда нет «деспотизма»,

быть может, уже потому, что нет «внутренней идеи», тогда внешнее, «материя», начинает разбегаться, расплываться, гнить. Собственно «смерть», «разложение тела» есть разбегание «материи» из-за нарушения деспотизма внутренней идеи человека, как образа и подобия Господа Иисуса Христа. Господь же сказал, что Его Тело есть Храм; внутренней идеей Храма является жертва Богу, — истинному Богу. «Вот идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего», — сказал Иисус Христос перед Крестом, и явил это: ибо в о с к р е с. Его Воскресшее тело есть ф о р м а, верно произросшая из Жертвы Богу, а не князю Тьмы. Он воскрес, — это было чрезвычайно важно для благочестивых иудеев, которыми были первоапостолы; преодолел смерть. Здесь Господь выступил как НОВЫЙ АДАМ, ВСЕЧЕЛОВЕК по человечеству. И как человек по человечеству Он соучаствовал в воскресении и созидании Своего Воскресшего Тела как п р о и з в е д е н и я сверхреальности.

Интересно, что поэт-ниций жертвится ради произведения; поэт-ниций в своем делании выступает в иероглифе ч е л о в е к а, а не просто «того или иного человека» с его житейскими заботами. Чем меньше житейско-личного в произведении искусства, тем оно более суть произведение ч е л о в е к а как такового, а потому и может быть в пределе воспринято «любим конкретным человеком» т о й е г о ч а с т ь ю, где он «всечеловек». Произведение национального гения универсально, что и обеспечивает ему возможность понимания сквозь века и народы, сохраняя тем не менее очарование неповторимости национальной специфики. Мощное, прекрасно и ясно артикулированное, неумолимо сцепленное внутренними силовыми полями, являющими власть в с е д е р ж а н и я ф о р м о й м а т е р и а л а, — не вялое, не «червиво расползающееся», произведение искусства есть именно про-изведение, изведение изнутри идеи храма, как живого созидания о-к-рест молитвенного и жертвенного горения. Произведение определяет автора, — если оно мощно сцеплено, расчленено, ясно и т.д., то самой своей таковой структурой оно характеризует автора как ж е р т в у. Если же оно и в своей «сюжетной» части содержит органически идею ж е р т в ы, явленную чрезмерно просто и даже бесхитростно, то исследователь вправе удивляться подобной удаче, — что и удивляет в работе Янкилевского «Адам и Ева». Здесь сочленения согбенных фигур с центрующим проломом темного неба во

вспышку Света, согбенно жертвенных фигур, даны столь кристально крепко, что невозможно, кажется, переменить и складку у запавших на жертвах пальтишках массового пошива. Здесь, кроме всего прочего, можно уяснить, что хотел от поэзии «акмеизм» или «адамизм», — здесь «вещи», мир «вещей» даны столь мощно и вместе с тем столь прозрачно-символически, столь неуничтожимо конкретно и предметно, но и бесспорно нездешне, что удивление, это начало философии, так и толкается прорваться словесностью категорий: если есть истинная жертва, то и мир «вещей» останется в своей неповторимости иероглифа, ибо войдет какой-то составляющей в целое вселенной как храма, и, по-видимому, если нет истинной жертвы, то и мир «вещей» пропадает, ибо сгниет, проржавеет, будет съеден молью или плесенью, — то есть: культура, если она хочет быть именно культурой «вещей», должна быть кристаллической формой внутренней идеи жертвы Богу. Только тогда «вещи» останутся «вещами», не будут гнить, ибо будут пронизаны все-сохраняющими лучами Божественного Света, останутся «вещами» в своей неуничтожаемой неповторимости в с е - д е р ж и м ы е храмом, святилищем, престолом, жертвой, Богом. Если же не будет все-держания и все-удержания «вещей» лучами, исходящими от жертвы, то они «разбегутся», распадутся, сгниют и превратятся в прах. «И тем более душа приобретет убеждений и ведения вещей божественных, чем более хочет принадлежать себе самой и чем менее сама по себе может быть познана из себя самой через себя или другого кого, кроме одного Всесовершенного Бога, благолепно всецело приявшего ее и боголепно, бесстрастно родившего Себя с нею, всецело оживившего ее по Своему образу, так, что она, как говорит святой Дионисий Ареопагит, становится о б р а з о м и п р о я в л е н и е м н е в и д и м о г о С в е т а...» — это и к о н а, слова святого о святости, о роли святого, ставшего «образом» вседержавшего Света и «проявлением» Его, — святыми держится мир, говорил Достоевский, — иероглифом к иконе святого может стать гениальное художественное произведение, столь более гениальное, сколь «автор» не захочет принадлежать самому себе и т.д. Итак, мы повторим ту лестницу взаимопросвечивающих уровней, которая была отмечена: реальность есть пребывание святого в ветхом теле, своим созерцанием и безмолвием-жертвой во Свете делающего ветхую природу х р а м о м Духа Святого; икона есть

такой знак, который обрисовывает безмолвие святого «прорись-в-прорись» и автором иконы всегда является святой, обведший в материале п а м я т н и к а свою свидетельскую память; таковой иконой являет себя канонический храм с совершаемыми там по каноническим книгам чинопоследованиями таинств; иероглиф есть такой знак, который порождается гением культуры и его нищей прикованностью к реальности памяти святого, т.е. к храму; иероглиф есть обведение памяти святого не им самим, но гением. Здесь выявляется очень важный момент «служения гения», ибо национальный гений как бы наиболее тонко улавливает с в о е о б р а з и е святости в той или иной культуре; гений своими иероглифами обведения памяти святого свидетельствует не столько об онтолого-универсальном нюансе святости, сколько о с в о е о б р а з и и святости «здесь и теперь», и этим самым как бы создает парадигмы культуры. Гений своими формами как бы преодолевает «канон» ж и т и я с в я т о г о, как тяготения ко вселенской типологии, и являет иероглифы «собственного лица» святого в культуре. Это р а з л и ч е н и е, это в ы я в л е н и е собственного лица при сохранении «нераздельности» дает п е р в о о б р а з всей культуре, которая, по-видимому, должна р а з в и т ь с я цветением форм, подчиненных внутренней идее и святости, и своеобразия святости*. Кроме этого поэт необходим в общей экономии культур и провозвестия еще и в следующих нюансах: а) поскольку икона чинопоследования таинств как обведенной памяти святого созидалась самим святым особыми дарами Духа Святого, являющего здесь единство святости и гениальности в том или ином лице, ибо предельным служением святого свидетельства является светлое безмолвие, то и «истолкование» иконы, ее «тайноводство» также принадлежит святому, но не «епископу», не всегда святому, а чаще ересиарху; но фактически «истолкование» иконического чинопоследования таинств усвоилось епископам; б) нищий знак поэта может помочь верному припоминанию истолкования иконического знака и, более того, как непосредственное обведение памяти святого в иероглифическом знаке может н е п о с р е д с т в е н н о возводить к высветлению памяти в недрах всечеловеческого сознания.

* Скажем, в иероглифах Пушкина, Достоевского, Ин. Анненского, Штейнберга, Янкилевского видится неповторимость «страстотерпца», как слова русской культуры.

Гений своим иероглифом являет центральную значимость служения святого как «внутренней идеи» христианства в универсальности провозвестия и выявляет, не отделяя, но различая, своеобразный лик культуры, через своеобразие святости. О необходимости изучения русской святости для уяснения лика России хорошо писал Г.Федотов, скорбя об отсутствии «словесности» для описания ее своеобразия, — так вот эта словесность обретается в про-изведениях гениев русской культуры. Гений своим иероглифом утверждает центральную значимость святости (Ф.Достоевский), а святой своим присутствием в ветхом теле с полной благовествующего благодарения утверждает служение гения как ценное, то есть единственно фундаментально оправдывает культуру. Можно сказать, что чем гениальнее будет провозвестие, тем яснее в нем будет виден концентр святости, тем сильнее будут проступать «церковные стены», к которым прилепляется гений своим собственным служением как бы из **инстинкта самосохранения**, — да, это удачное определение: инстинкт самосохранения будет двигать поэтом-художником в его «прилепленности» к памяти святого. Здесь не будет в наличии волевой и рациональной установки к выживанию в наличном мире по законам этого мира, но будет инстинкт необычного «зверя», влачащегося к выживанию, к храмовым стенам памяти святого. Для Достоевского центральная роль святого стала очевидной. Интересно, что и «тайноводственные» слова, являемые при совпадении святости и гениальной философской одаренности в одном лице (св. Максим Исповедник), то есть иконы, и иероглифы нищих поэтов напоминают о ценности различения пространств, связанного с постоянством памяти. Память всегда пространственно очерчена. Когда гений пребывает в гениальности, то он очерчивает в иероглифе память реальности; когда он выходит из этого состояния и делается житейским с памятью житейских пространств, то ему полезно не считать «себя гением»; епископ, выходя из иконического пространства памяти святого, разоблачившись от «омофора», выходя из пространства храма как иконы памяти святого, если не обладает этой памятью, но входит в житейское или гениальное пространство творчества, не должен считать себя все еще «епископом», подписывая ученые или литературные труды; в своей деятельности вне иконического

напоминания о Христе в каноническом чинопоследовании таинств он оценивается или как «святой», или как «гений», или как «обычный смертный». Святой, в пределе постоянно в безмолвии вспоминающий свое вознесение и нисхождение, свидетельствует в благодарном служении с в и д е т е л я, но не учителя, ибо без Духа Святого он не мог вернуться в ветхое тело после вознесения к Престолу, сопряженного с переживанием опыта смерти, — святой свят не собой, но Духом Святым. Епископ «епископен»* (да простится этот чудовищный варваризм!) не собой, но «омофором», служением чинопоследования канонических изводов чинопоследования таинств. Гений гениален не собой, но иероглифом-произведением, исторгающимся сквозь него почти инстинктивно.

Все эти вопросы предельно важны еще и потому, что «крещение» Руси совершалось тем византийским епископством, который, судя по свидетельству святого Симеона НОВОГО БОГОСЛОВА, о т р и ц а л возможность пребывания на земле в ветхом теле святого свидетеля с ясной и осознанной благодарственностью. Святой Симеон Новый Богослов называл такое мнение уже даже не ересью, но «извращением» всего домостроительства Нового Завета. Современник Пушкина, Достоевского, Киреевского и К. Леонтьева святой Серафим Саровский сказал, что «никто» из архиереев не знает о цели христианской жизни и явил, открыв затвор и безмолвие по прямому д а р у к созиданию иконического истолкования, свою «беседу», которая и по сей день не доведена «епископством» до ясного осмысления. Но... это «уже другая тема», и ее нельзя профанировать несколькими строчками напоминания. Русская культура в лице своих поэтов поставила в иероглифах вопрос о п р и с у т с т в и и с в я т о г о и в «формуле великой инквизиции» (Ф. Достоевский) о н е п р о н и з а н н о с т и е в р о п е й с к о г о м и р а (Византия и Рим) и ф о р м ы е г о ц в е т е н и я э т о й в н у т р е н н е й и д е е й. Более того: Достоевский сказал в своем иероглифе «великого инквизитора», что форма западной культуры произросла со всем деспотизмом «внутренней идеи» из п р и н я т и я трех искушений Врага, то есть из принятия «помыслов» Сатаны, из сосложения с Сатаной, а не о т р е ч е н и я от него, как

* служитель служителен службой, а не «собой».

этого требует начало иконического чинопоследования таинства крещения «во еже сотворити оглашенного».

Борьбе «с помыслами» подчинен титанический труд монашеской умной молитвы. Ибо не-отречение от Сатаны есть в тот же миг и жертвоприношение Князю Тьмы внутреннего слова, а значит и всего человека в смерть. Достоевский часто отождествлял католицизм и социализм, ибо видел, по-видимому, в последнем интернациональном социализме лишь предельно выявленную форму сатанократии. Сатанократия, как смерть Адама и Евы, смерть последняя и окончательная, пришла на поле зарождающейся русской культуры. Здесь война, воистину, не на жизнь, а на смерть. Сатанократия может быть преодолена только изнутри, только покаянием, как верноподданной жертвой внутреннего слова, чтобы вернуться не праздным, чтобы принести с небес преображающую благодать: «Егда ты чтеши, Бог к тебе беседует, а егда молишься, ты беседуешь с Богом. И есть твоя молитва Ему жертва приятная... Аще от чистаго горе возсылается сердца, небеса пронизает, и оттуда не возвращается тща, но низводит дары благодати, умудряющия ум и спасающия души». Этими словами св. Иоанна Лествичника начинался Учебный Часослов, по которому учились читать предки россиян.

ПЛАН К БУДУЩЕЙ МОНОГРАФИИ

§1. СЛЕДЫ АЗИАТСКИХ ПОДОШВ¹

В изображении Великого Символа азиатские подошвы вывернуты в экзотической позиции сидящего Будды. Не стоит забывать, что эта странная и явно неудобная для европейца поза есть абрис способа захоронения. Поскольку же налицо всегда и какой-то «престол», то и позиция жертвы. Великий Символ молча говорит: нужно жертвенно возложить чистую форму человечества (Ади-Будда) на престол Великой Матери, и Она, осемененная плодом жертвы, родит теперь уже Пробужденного от иллюзии существования в секторах печального колеса. На фотографиях пока «единственного поэта» мы не видим азиатских подошв, но только бесконечно вытягивающуюся шею на прямом позвоночнике и птичий клюв, проклевывающий небеса, — Осип Мандельштам всегда знал, что лежит в ы т я н у в ш и с ь в гробу, — хотя многим казалось, что он сидит, говорит, ходит. Манифестируется необычная точка зрения: азиатские подошвы есть стопы мертвого, который внутри себя «ветхого» должен свободно и ответственно избрать благобытие и в этом великом творчестве сложить «дом духовный» из элементарных частиц-стихий, на которые расплылось «тело» в акте Великой Жертвы, — и н а я, нежели средне-европейская, по которой «я-уже живу», резво бегаю, а когда-то, неизвестно когда, и как-то случайно, и всегда кто-то «другой», споткнется, отпрыгается, вытянется, «протянет ноги». Европейцы уверены, что сладостно и упоенно живут, «уже» живут, а потом как-то случайно умрут, притом мрут-то всегда «другие». Немец Макс Шелер знал, что память о смерти вытесняется из ясной сферы сознания на периферию в суете дел.

Но ведь философы только тем и занимались, что упражнялись в смерти², стало быть средний европеец, действительно, перестал любить мудрость и бросился наперегонки за чудесами индустриального общества. Азиаты по-прежнему хмуро знают, что мертвые стопы не могут участвовать в забеге, что надо еще суметь р о д и т ь с я, сложив ноги в жертвенную позицию, а лучшие из них понимают и то, что подошвы подлинно нужны лишь для того, чтобы прибить их к перекладине: ведь если Один умер за всех, то и все умерли.

§2. ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЭТ

Когда на пребывающего во гробе Осипа Мандельштама набросились слова, он е д и н с т в е н н ы м образом опознал их не как «представления», но как «органы» некоего будущего тела; слова, настигшие его, он узнавал как возможное «сердце», «печень», «глаз» и т.д., и тихо и сосредоточенно начал ткать внутри себя «ветхого» т е л о п о э т а, — поэзия зачала п о э т а и выносила нашего легкого жокея, нашего светлого Давида, метнувшего свой «камень» в Голиафа, и тот рассыпался в прах. Рябой Деспот стал звонить Пастернаку: «он — мастер, мастер?»³, ибо азиаты говорят о «мастере» как о «мастере медитации»³, — мысль, отлитая в огне шаманского волхвования⁴, п о р а ж а е т сильнее нейтронного облучения, разрушая «тонкое тело». Мандельштам называл интуиции Гумилева, Ахматовой и свои «органической поэтикой»: слова, ритмы, рифмы, строки, все это постигалось как органы будущего н о в о г о п о э т и ч е с к о г о тела, — поэтому мы и называем Осипа Мандельштама «единственным поэтом», хотя и до него, и после него были знаменательные предчувствия.

§3. ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Не очень ясно пока, сумеет ли Эдуард Штейнберг стать «единственным художником» в том смысле, в каком Осип Мандельштам стал «единственным поэтом», — «посмотрим, как будет умирать», — как сказали бы афонские монахи, но то, что мы имеем дело с о р - г а н и ч е с к о й ж и в о п и с ь ю, кажется бесспорным. На квад-

ратном полотне во Свете струятся элементарные частицы стихий, которые и греки, и янтра-йога обозначают геометрическими символами. Пронизанные Световыми вибрациями элементарные частицы земли, огня, воды, воздуха и эфира ткуют некое н о в о е тело, некую фигуру, — если Штейнберг придет к «фигуративной» живописи, он станет писать иконы, ибо «лики» и уже неотменяемые «ризы тела» имеют лишь святые, подлинно и неизменно ж и в ы е, которых средний европеец, конечно, не признает, ибо о н «подлинно жив», а святые — это понятия из области до-индустриальных суеверий. Пока же «землемерные» формы, застигшие Штейнберга, существо, не принимающее участия в массовом забеге из-за все той же неурядицы с азиатскими подошвами, строят «дом», «башню», напоминая детям старые песни о городах, слагающихся из камней самими звуками неземных композиций.

§4. ПО ТУ СТОРОНУ «ЧЕРНОГО КВАДРАТА»

Казимир Малевич уже прикоснулся к прозрениям о выжженной земле или «черном квадрате», отказавшись от фигуративности, ибо элемент «земля», из которого [создан] библейский ветхий человек, во всех культурах символизируется квадратом. Это постижение записано где-то в звездной голограмме, и Штейнберг в транс поиске, конечно же, прикоснулся к этой записи, ибо искал на подобных глубинах (глазами на выставке он увидел «черный квадрат» лишь в конце 1981 года). Удивляет то, что в дальнейшем Малевич стал созидать супрематические миры, крестьян с черными масками и парадигмы друзей для перевоплощения на супрематические поселения, а Штейнберг пошел в другую сторону, пребывая в трагизме с в о б о д ы. Быть может, это случилось потому, что время Штейнберга более чутко к своеобразию р у с с к о й (сибирской, сказал бы Шпенглер) рецензии на Завет Царя-Слуги.

§5. НЕМНОГО «ВСЕГДА ОПАСНОЙ» ИСТОРИОСОФИИ

Римско-византийская рецензия на Завет Царя Иисуса (а сама эта рецензия, переплавленная с римско-греческой языческой культурой,

стала дрожжами европейской культуры) исходит из радикальной предпосылки «умерших первосвидетелей», которые каким-то образом, с той или иной мерой полноты, передали «нечто» своим преемникам-е п и с к о п а м. Отрицается дьящаяся «золотая цепь» (св. Симеон Новый Богослов) святых на земле. И (в н и м а н и е!) не постигается п р е б ы в а н и е п е р в о с в и д е т е л е й в л и к а х св. Марии, и «по смерти живой»⁵, и св. Иоанна Богослова, пребывающего в каком-то таинственном экстатическом состоянии⁶ до прихода Царя. Русская рецензия Завета исходит из приятия этой фундаментальной предпосылки. Св. Мария по Успении не оставила землян, Иоанн где-то пребывает. Здесь очень интересен венчающий опыт «припоминания в творчестве», свершенный Вяч. Ивановым в его предсмертной ритмической прозе⁷.

§6. БОГОСЛОВСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ТВОРЧЕСТВА

Но если св. Мария, не отъемлемая от человечества, первая исповедовавшая Младенца Царем и Богом, и по смерти жива, то н е д в о й с т в е н н ы е⁸ сознание и воля всечеловека постоянно облучаются Божественным Светом и Её п а м я т ь ю: все умерли, ибо Мой Мальчик Царь жутко умер за всех. Если Свет постоянно чрез Нее п р и е м л е т с я преобразуемым умом и волей, то есть если «дары спасения» всегда е с т ь (св. Максим Исповедник), то актуализировать их, то есть выткать себе «ризу-в-царство», можно и уловлением ритма звуков-слов, и уловлением ритма цвето-форм. Творчество может стать преобразующей молитвой, — каждая мыслеформа на вибрационной глубине свободно и ответственно участвует с Творцом в творчестве «себя» и «вселенной», Нового Града, из светозарного гроба и ада воссоздавая праздник встречи Царя. Если самобытно-эмбриональная русская культура созреет, то она, по-видимому, будет иметь краеугольным камнем своего здания русскую рецензию на Новый Завет и азиатское (шаманско-сибирское), колдовское отношение к творчеству, как именно б ы т и й - н о м у а к т у, но не психологическому, социологическому, пропагандистскому или эпатажному.

§7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ГЕНИАЛЬНОСТИ

Гений, по-видимому, есть существо, смертно лишенное интересов к деяниям по охвату наличного мира, просто потому, что он, действительно, как-то сразу «протянул ноги». Он слушает и записывает послание к нему, мертвому, данное в произведении-организме. Если он опознает это послание как «генетический код», как «организм», он может организовать из себя, вытянувшегося подошвами к Кресту, п о э т а или х у д о ж н и к а, музыканта или философа. Во всяком случае, он будет вмещать произведение, как письмо-дар е м у л и ч н о. Я думаю, что слава мертвецу не очень нужна, думаю, что ему нужны «грошики» на малые нужды, и если и хочет он выставить послание на всеобщее обозрение, то не из-за тщеславия, а из-за смутного ощущения, что быть может «дар» пригодится кому-нибудь еще, а? Посмотрим, как будет умирать, как говорят афонские монахи, ибо смерть входит в художественное произведение, как говорил Осип Эмильевич Мандельштам. Обмануть здесь можно только самого себя, разменяв дар на суету сует.

Примечания:

- ¹ Ср.: «Конец петровской Руси близок... и слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!». К. Леонтьев, «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения».
- ² Ср. у Платона и, особенно, в «Тибетской книге смерти».
- ³ Ср.: А.Пятигорский, «Философия доктора Живаго».
- ⁴ Ср.: «Слово кудесника, рожденное в восторге, несет в себе, воз-носит с собою отторженный кусок его воления. И потому слово кудесника само по себе есть новое творение, мощное, дробящее скалы, вверзающее смоковницу в море идвигающее горою, низводящее луну на землю, останавливающее облака, меняющее все человеческие отношения, все могущее». П.А.Флоренский, «Общечеловеческие корни идеализма».
- ⁵ Ср. песнопения двенадцатого праздника Успения Божьей Матери; иконография чина Оранта и Одигитрия.
- ⁶ Ин. 21:26.
- ⁷ Вяч. Иванов, Собр. соч., т. 1. «Введение» О.Дешарт и повесть о Светомире.
- ⁸ «Недвойственность» (advaita) — основная категория буддийской йоги, характеризующая просветленное сознание. Может быть соотнесена с догматическим термином «единосущие».

МАКОВЕЦ

Нестъ убо добре еже всем человеком хотети угодно быти. Еже хоцещи убо избери: или о истине нещися и умерети ее ради, да жив будещи во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же ненавидимым быти

Св. Нил Сорский

§1. ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Конечно же «морфологический принцип» не есть выдумка К.Леонтьева, Данилевского, Шпенглера и других. Принцип произрастания тех или иных плодов на тех или иных деревьях был категорически высказан Господом Иисусом Христом: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7:15–18). То же самое у Луки: «...Всякое дерево познается по плоду своему; потому что не собирают смокв с терновника, и не снимают винограда с кустарника» (Лк. 6:44). Продолжая «морфологический принцип», Господь на Тайной Вечере именуется Себя «истинной виноградной лозой», а Отца — «Виноградарем», учеников Нового Завета «ветвями», которые должны «приносить плоды», привившись к лозе, иначе они будут «обрублены» и «бро-

шены в огонь», чтобы некоторое время еще пламенеть, потом тлеть, потом остыть и превратиться в прах...*

Все старые культуры и культы после нисхождения на первоучеников Духа Святого или «привыются» или, желая оставаться по-прежнему в самодостаточности, отсохнут, ибо в этот День СВЕРШИЛОСЬ то новое, чего еще никогда не было, а именно: исполнился установленный Иисусом Христом как «новым Моисеем» новый завет всечеловека, где нет уже культового иудея, элина, скифа, йога, буддиста, даоса и пр., и пр., с БОГОМ – СВЯТОЙ ТРОИЦЕЙ, ОТЦОМ и СЫНОМ и СВЯТЫМ ДУХОМ**. Бог Дух Святой нисшел в сердце рожденных свыше чад Божиих и сияет НЕСОТВОРЕННЫМ СВЕТОМ. Рожденные свыше, постигшие Тайну Отца и Сына в Небесном Храме, могут «вспомнить» об этом в ветхом теле только «в» Духе Святом, и потому благовестие о Боге Святой Троице как бы «прирождено» по крови рожденному свыше. Деяния Апостолов описывают резкий перелом в поведении первоучеников Христа, а теперь уже «рожденных свыше» детей Божиих: если ранее мы видели «иудеев», боящихся, трепетных, плохо соображающих или остро реагирующих, то теперь мы видим новые фигуры свидетелей, «наднационально-культовых» наставников, провозвестников Нового. Пребывая уже в Новом, они могли «оттуда» проглядеть многие культы как более или менее ясные и ероглифы-к-истине, будь то «ветхий завет» иудеев, мистерии египтян и элинов, тайны центральноамериканских пирамид, йога азиатов и т.д. Люди подобного типа культуры могли создать послания к евреям (Павел) или «ареопагитики», – это было время поразительного восхищения новорожденных детей премудростию их Отца и Бога во Святой Троице Суцаго. Пламенела «анафора», хотелось угадывать, узнавать, припоминать, словом, если бы можно было написать все то, что сделал Иисус, то, действительно, и самому миру не вместить бы написанных книг. Рожденные свыше остро постигали, что их «вспомина-

* Вероятно, к этому месту можно отнести неоконченную запись от руки на обороте листа: Чудесный символ древних культур Великой Матери «шаманское дерево», подтвержденный учением Существ Света, был санкционирован и Иисусом Мессией: «

** Все культы утверждаются как «ступени» Пути. Культ есть ПУТЬ – это сказала Шамбхала и свидетель Её Будда Шакьямуни.

ние» е с т ь благоприятная духовная жертва, себя же эти дети Божии «по крови» знали и самосознавали царями и священниками. Их праздником, их ядром был Троицын День.

§2. ЖИЗНЬ ЕСТЬ СЛУЖЕНИЕ

Троицын День был днем празднования установления Царствия Божия, пришедшего во вселенную через новорожденных свидетелей. Поскольку на земле есть святой свидетель, вспоминающий на земле в Духе Святом Святую Троицу, постольку е д и н а я п а м я т ь в с е ч е л о в е к а возносится в Нетварный Свет, удерживается в благодати и т.д. Мышление, как припоминание, делается о б ó ж и в а н и е м, а вся тварная вселенная п о д д а н с т в о м Царя и Бога Иисуса Христа, Которому дана всякая власть на Небе и на Земле. В Завете с Троицей уже нет никакого иного подданства, кроме как Царю Иисусу, если... если н е к т о конкретно сам не пожелает о т р е ч ь с я от Князя мира сего, от Сатаны.

Мышление определяется как жертвоприношение и преобразование вплоть до обожения Нетварными Энергиями, а потому в с е м предлагается совершить «перемену ума» («метанойя», покаяние), то есть взглянуть на свою жизнь как на ответственное с л у ж е н и е, как на священное деяние, где каждый с в о б о д е н стать под знамена Христа, как ЗАКОННОГО ЦАРЯ, и тем самым выбрать свое бытие в Боге как бытие рожденного свыше, или остаться с бунтовщиком Сатаной, поднявшим бунт против законной власти Царя и Бога Иисуса Христа, чтобы «преобразиться» его энергиями тьмы во вторую смерть. Земля законного Царя захвачена сейчас сбродом Сатаны, выдающим себя за иудеев.

Иконическое чинопоследование таинства крещения, в том виде, в котором оно хранится в уставных записях, содержит чин «отречения от Сатаны». Отречение от Сатаны есть пресечение «пленения» ума от облучений «помыслов», — кажется только монахи-исихасты знают всю реальность, которая сокрыта за этими иконическими прорисьями: «Отрекаешься ли от Сатаны?» — «Отрекаюсь!». Титанический труд «умного делания» с тонко разработанной методикой показывает чего стоит эта «мысленная брань». Князь мира сего, бунтовщик и хулиган, осужден, но он хочет через облучение

помыслами утащить вместе с собой в осуждение как можно больше конкретных человек, а цари и священники Святой Троицы, имея по сонаследству Христу вселенную как «свою», хотят, чтобы «все спаслись». Ибо Сам Отец не пожалел Сына Единородного, чтобы спасти всех. Жизнь со Дня Святой Троицы о т к р о в е н н о и н е с м ы в а е м о открылась как служение, как воинская служба по уставным заповедям*, как «вещь» чрезвычайно серьезная, ибо немислимо высока и серьезна была цена: **ВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ БОГА ИИСУСА ХРИСТА**, с одной стороны, и **УБИЕНИЕ ЦАРЯ И БОГА** взбунтовавшейся чернью вселенной, с другой стороны. Ни иудейский закон, ни римское право не защитили Иисуса и иных от «ужаса» предания на Распятие Царя и Бога. Человек, поистине, «не имеет права» дать себе возможность з а б ы т ь этот факт: ни иудейский закон, ни римское право не дали нам в о з м о ж н о с т и р а з г л я д е т ь вот в этом оборванце, тихо и скорбно стоящем перед нами, **ЦАРЯ И БОГА**. Ритуализм внешних предписаний иудеев и юридикализм внешних предписаний римлян не дали возможности д у х о в н о почувствовать присутствие и пришествие Царя и Бога. Сердце молчало. Действовал закон: умертвить богохульника, умертвить врага кесаря. Духовное чувство молчало. Ум молчал, — они были давно уже н е т р е н и р о в а н ы на восприятие кратких и тончайших веяний, ибо жизнь была «просто жизнь», а «служба — службой». Человек, созданный и призванный к существованию как «образ» Божий, п о т е р я л н е п о с р е д с т в е н н о е ч у в с т в о Бога, Его присутствия. Бог стоит перед человеком «лицом к лицу», а человек даже н е ч у в с т в у е т э т о г о. И вот самой насущной стала перед первосвидетелями задача п е р е м е н ы у м а, очищения ума, чтобы пробудилось вновь духовное чувство Бога. Царь оставил **С В О И З А П О В Е Д И**, как нормативы поведения всем тем, кто свободно признает Его Царство. Жизнь по заповедям есть служение Царю, — ну, кто же — сейчас — воспринимает исполнение заповедей как с л у ж е н и е, как «литургию», а? И «епископы», и «миряне» твердо знают, что «служат» священники, а мы... мы «просто живем», ибо хотя и приняли «чинопоследование крещения», «миропомазания», «причастия», то есть «рождение

* Вероятно, к этому месту запись от руки на обороте листа: «Заповеди – уставное (военное) поведение; **устав караульной службы**; обязанности *воина*».

свыше», но ничего с нами жизненно не произошло, как были «мирянами», подданными, скажем, СССР, так и остались ими же... Жрец, знающий «формулы», совершает таинства над «водой», «маслом», «хлебом», «вином» и т.д., но не надо «мной»... Да и как может «принести меня в жертву» кто-то другой, кроме «меня самого»?!

§3. СОБИРАНИЕ ПЛОДОВ. СВВ. ГРИГОРИЙ СИНАИТ, СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ, НИЛ СОРСКИЙ

«Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом» — эта запись принадлежит святому Григорию Синаиту, византийскому современнику Сергия Радонежского. С именами «двух Григориев» (Синаит и Палама) связано то животворное движение, которое историки культуры называют «православным возрождением» в противовес «ренессансу», охватившему Западную Европу, то есть страны Римской юрисдикции, а затем и реформации. Сразу же необходимо сказать, что это животворное провозвестие умирающей Византии не произошло целостной культурой еще нигде (патриарх Филофей, один из замечательных деятелей того времени, фигурирует в легенде о «белом клобуке», как завещатель византийской светозарной вспышки русской культуре), хотя Соборы утвердили «догматически» учение о необходимости, а не только возможности, личного обожения и познания Бога Живого во Святой Троице Сущего и Осиянного Нетварным Светом в «личной встрече», — то есть ТО, ЧТО отстаивал святой Симеон Новый Богослов на рубеже схизмы Рима и Византии, теперь умирающей Византией в лице уже «не греков», а вселенски мыслящих «православных», было утверждено догматически. К этому времени «псевдоморфозы» христианского провозвестия о Новом Завете всечеловека с Богом Святой Троицей в лице рожденных свыше царевичей и священников достигли, пожалуй, предельного усыхания, — что и сделало возможным языческий ренессанс, — то, что было скрыто в недрах культуры, просто стало явным, ибо не может быть ничего скрытого, что когда-то не станет явным. Быт, искусство, философия, богословие, аскеза, — все эти «ветви» были не привиты

к Единой Лозе, а потому отсекались и начинали гореть в «пламенеющей готике». Догматические определения не вытекали и не выводили [из благовестия] ту или иную литургию в ее целостности чинопоследования таинств; литургия не предполагала той или иной формы аскезы; философия и искусства не укоренялись в благовестии и т.д. И вот вспыхнул Свет, СВЕТ ЦАРСТВИЯ Св. Троицы, чтобы передать эстафету животворящего пламени молитвы, а не «олимпийских игр». Трудно установить, хотя было бы очень интересно сделать это, этнический ранг вождей благовестия о Свете Благодати. Известно, что Григорий пришел из СИНАЯ, — «синаит», что у Филофея — мать еврейка, что Сергей был русским боярским сыном... Это было наднациональное «равноапостольное» движение (ибо в пределах самой Византии была «национальная» партия, боровшаяся с исихастами, как и в современной России может развиваться «национально-православная» партия, но не «исихастская», в предощущении опасности от теократического нацизма Израиля, типологически соотносимого с агрессией ислама против Византии), где «истина» стала дороже «родины», где свидетели истины в Византии и с к а л и к о м у п е р е д а т ь н е «греческое» православие, а равноапостольное свидетельство. Историки (И.Мейендорф, Г.Прохоров) задумываются над тем, почему Византия сосредоточила усилия своей «восточной политики» на зарождающейся конфедерации княжеств о-крест Москвы, а не, скажем, на Литовском княжестве, свободном от татар и имеющем под своим контролем и древний Киев и территории современной Украины и Белоруссии. Это интересный вопрос, действительно интересный вопрос*. Я думаю, что они искали «чистое поле», работников «одиннадцатого часа», как бы не имеющих губительного наследия языческой культуры, не «имеющих классики», чтобы новая нация зарождалась как чистое древо наднационального всечеловеческого служения под властью святых. Закат Европы, видимо, уже грезился византийским книжникам, и на поле культуры выступали работники «одиннадцатого часа». В этой мысли меня укрепляет и «археология» исторических исканий, — действительно, после странного возвышения Москвы (кажется, длящегося и поныне)

* он открылся в 1830-х гг как предизбранность России в Дивеево, IV уделе.

русские как-то «сразу» являются на мировую арену, стараясь «одеться» в чужое платье, ибо «своего», кроме Православия, не имеют; у РУССКИХ НЕТ «античности», нет «арийства», чтобы восстал будда, нет «иудаизма»; и «археология» поэтов своими транспоисками, припоминающими «душу народа» (В. Иванов, Ин. Анненский). Достоевский говорит о русском гении как о гении «всечеловеческой отзывчивости». Не имея достаточных исторических свидетельств о русском «язычестве», можно изыскивать его в произведениях национальных гениев: «Все за всех виноваты», это, собственно, гениальность буддийской мудрости: сознание недвойственно у всечеловека, и священная фигура «молчальника» есть высшая ценность: «в тибетском изображении Будд в глубокой медитации и в акте провозглашения Дхармы а у р а, окружающая тело Будды, состоит из бесчисленных Дхьяни-Будд. Это означает, что активная сила высочайшего просветления (и в меньшей степени, каждый процесс глубокого погружения или творческого внутреннего видения) не т о л ь к о с у б ь е к т и в н ы й п р о ц е с с, но и могучее духовное излучение или проекция, при которой реализация Дхарма-Кайи в индивидуальном человеческом сознании разрывает пределы индивидуальности, и, пронизывая вселенную во всех направлениях, — вызывает во всех отзывчивых центрах сознания п о д о б н ы е в и б р а ц и и и т в о р ч е с к и е с и л ы» (Лама Говинда, «Основы тибетского мистицизма»). «Молчальники»-исихасты п о н я т н ы народу, но не понятны «профессорам», привыкшим читать лекции; и враждебны всегда «жрецам», которые владеют формулами... Молчащая Русь и великий Сергей, строящий Храм во ИМЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, — это очень высокий уровень мистического богословия. Но «редактируемые» жития обычно говорят нам о чудотворцах, воскрешающих мертвых и кормящих диких зверей, а то и «благословляющих» государственную власть, и не говорят о детях Божиих, наследниках Небесного Престола по крови, имеющих в л а с т ь на земле, власть, постоянно узурпируемую у них человеками, соблазненными Бунтовщиком, Врагом. История св. Сергия и вел. кн. Дмитрия с его «Митяем» лежит символом всего дальнейшего пути с о б л а з н я ю щ е г о с я м о с к о в с к о г о ц а р с т в а до наших дней. Святой Нил Сорский уже сочтет необходимым з а п и с а т ь, гениально записать, аскетическую технику для всех

келейников будущего. Свершилось нечто подобное деяниям апостолов: Свет Пламенел ярко и явно, так что не надо было «книг», — весь мир раскрывался книгой и храмом, ибо сердце зналось как святилище, где б л а г о д а р е н и е было жертвой воспоминания, где все писалось на «скрижалях сердца» (ап. Павел), а потому и книжные записи постигались как иконические. Не «обрело» свой голос «молчаличество» Севера (Г.Федотов), а в ы н у ж д е н о было высказаться для будущих «одиноким». «Слово — серебро, а молчание — золото». Молчание в ы ш е л ю б ы х с л о в, выше любых знаков, ибо знаки лишь должны, умирая в нищете, возводить к молчанию, а не задерживать внимание в восторгах о себе. «Устав» святого Нила Сорского как завещание «одиноким» очень скоро пригодится, ибо очередной «Митяй» уже предложит своему князю чин «венчания» на царство, и царь сделается на долгие годы «помазанником Божиим»: как смех ада этот «помазанник Божий» будет явлен человечеству Иваном Грозным. 200 лет отделяют Сергия от Грозного... далее: смута, раскол, империя, бунты, атеизм царей, — святой Серафим Саровский, русские гении, революция, попытка оккупации интернациональным еврейским коммунизмом России, как «вновь» (после 600 лет) поднявшей глас свой в лице святого и гениев о высшей ценности с в я т о г о, как царевича и священника по крови причастия — Христовой Крови...*

Действительно: или автор «Устава» — сумасшедший, или — автор «Домостроя». Совместить эти два «культурных» идеала невозможно.

§4. ЦАРЕВИЧ СЕРАФИМ

Если к великому Сергию стекались последователи, принимавшие постриг, что дало среди лучших из них цветение северной Фиваиды, если, далее, ранее постригшийся в монастыре св. Кирилла Белозерского Нил Сорский ушел на Афон в поисках материалов для исихастского молитвенного синтеза и, вернувшись, все же обрел

* является государство Сборища Сатаны, захватившее землю Св. Марии и распятого Царя Иудейского, т.е. землю тех, в ком «течет» Св. Кровь Царя Иисуса, — а никто из этих царей и священников по «крови» не горит гневом отмщения, а «христианская» Европа-США собирает крестовый поход против IV удела Св. Марии!

учеников и «собеседников», и был призываем на поместные соборы, то царевич Серафим был в этом «традиционном контексте» о д и н о к. У него «нет» учеников среди наличного монашества, нет тех, кто бы шел за ним в «пустынь»; с ним не беседуют «архиереи», к нему не идут за советом государственные мужи, — когда он открыл затвор по повелению св. Марии, Царицы-Матери, к нему пошли за советом те, кто именуется «мирянами». Свою «беседу» как некое завещание, ибо через год после нее святой царевич Серафим прекратил свое служение «по плоти», он также доверил не монаху, не епископу, не священнику, но «дворянину Н.А. Мотовилову». Известно, что Царица Небесная, Царица-Мать, дважды являлась св. Серафиму для исцеления его от земных болезней в сопровождении свв. апостолов Петра и Иоанна, и дважды же говорила им: этот «нашего рода»*. Известно, что Она же являлась в сопровождении и царственной свиты, и это явление видела старица. Я хочу подчеркнуть именно этот момент «именования» святого принадлежащим к «царскому роду», ибо традиционные жития, как и «тропари» святому, этого «момента» не подчеркивают. Это особенно важно еще и потому, что один из тех, кто, по определению царевича Серафима, не знал о «целях христианской жизни» (ибо «никто» не знал из великих духовных особ, то есть архиереев, поставляемых по традиции из монахов), написал: «Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства — царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века — царя наследственного» (митрополит Московский Филарет!). Филарет был не самым глупым из иерархов. Да, после открытия затвора мы видим в России царевича Серафима, к которому тянутся измученные «подданные Небесного Царя», чтобы обрести утешение от мук и издевательств земных владык, как прислужников Врага и Бунтовщика. И каждого приходящего царевич покрывает любовью и именует «ВАШЕ БОГОЛЮБИЕ»! Это в стране, где есть «табель о рангах», где все распределены по классам со своим жалованьем, чинами и т.д. Явление Серафима — есть явление и провоз-

* русский святой именуется «нашего рода», т.е. Св. РОДОВОЙ КРОВИ Иисуса, Крови царей и священников, наследственным уделом которых является земля, захваченная Сбором Сатаны, выдающим себя за «иудеев».

вестие реальности Царства Святой Троицы, царства, которое исповедуется в чинопоследовании крещения и молитве «Отче наш», центральной в благовестии... Ибо он со всей простотой вновь сказал, что «цель» христианской жизни есть «рождение свыше». Он сказал это и только это, и этого «только» сверхизбыточно! Я писал уже, что его «беседа» должна быть донесена православием всему миру как «равноапостольный катехизис», тем более, что он сам сказал, что откровение дается всему миру. Русские эмигранты-ученые не сосредоточили свое внимание на провозвестии святого царевича (ну, вот хотя бы так, как «пушкинисты» сосредотачивают внимание на наследии поэта!). Архиереи, как кажется, подтверждают суждение о них святого, ибо «никто» из них не высказался по поводу «беседы», если, конечно же, не считать «высказыванием» то, что синод не хотел канонизировать Серафима, и канонизация состоялась по настоянию Николая II... быть может, более других понимавшего реальность необходимости пресечения династии после слов Небесной Царицы о царевиче «нашего рода»...

§5. НЕТВАРНЫЙ СВЕТ-ХРАМ. ИТОГИ: РЕАЛЬНОСТЬ, ИКОНА, ИЕРОГЛИФ

В целом «беседа» святого царевича Серафима напоминает «беседу» апостола Петра с Корнилием-сотником, когда Петр сказал ему слова жизни и Дух Святой нисшел на Корнилия и дом его; «стилистически» беседа легко «инкрустируется» (В. Розанов) в словесность книги «Деяния апостолов». Собору (проблематичному) надо будет «просто» шаг за шагом осмыслить все те догматические и литургические выводы, которые следуют из провозвестия Царства Святой Троицы, явленного Серафимом. Я напомню лишь следующее: «...что же касается до того, что я монах, а Вы мирской человек, об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного, за что и подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему; вот престол, на котором Он любит восседать и являться в полноте Своей небесной Славы. Сыне, даждь Ми сердце Твое, говорит Он, а все прочее Я Сам приложу те-

бе; ибо в сердце человеческом Царствие Божие вмещаться может, почему и Господь ученикам Своим заповедует: „Ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложится вам, вестъ бо Отец ваш небесный, яко всех сих требуете“». Все храмово-иконические молитвы исполнены моления о ниспослании Духа Святого, — они есть не цель в себе, но средства в ряду «других» средств, ибо «целью» является с о б и р а н и е п л о д о в, то есть осознанное шаг за шагом до предельной полноты и ясности «пребывание» причастником Света. Святой царевич просит Бога, и Бог являет Духа Святого в обильной полноте «вне» каменного храма, вне «иконической службы», но в р е а л ь н о м х р а м е, ибо «престол» есть сердце святого, или сердце «любящего» Бога. Явление Духа Святого в «реальности» храма-престола не отвергает возможности «иконического» обретения благодати, но поставяет иконическое чинопоследование на правильное место: средство в числе иных средств, не самодостаточное, не самодовлеющее, но прозрачное к единственной цели: собирания, стяжания п л о д о в. Одни средства для тех или иных времен могли быть наиболее плодоносными, другие средства для других времен могут стать более плодоносными, важно лишь одно: исповедание реальности пребывания на земле в ветхом теле святого царевича, который вводит в единую память всечеловека Свет НЕТВАРНЫЙ, ибо в о з н о с и т п а м я т ь с в о и м в о с п о м и н а н и е м в Несотворенный Свет. Свет сияет всегда: в прошлом, настоящем, будущем. Он сияет «вне» замысла о Творении и не по поводу замысла о творении. Парадоксальным образом тварь должна вместить, что этот Свет Сиял бы, если бы и «не было твари», — парадоксом здесь является подобное суждение как и самая возможность подобного суждения, но есть факт, ибо есть провозвестие н о в о й т в а р и, то есть тех «рожденных свыше», которые соумерли Христу, были вознесены к Престолу Святой Троицы в Храм Света и посланы на служение «воспоминания» и воспоминанием в о з н е с е н и я единой человеческой памяти в Свет. В каждое мгновение измерения времени и пространства «свет просвещает всякого человека, грядущего в мир». Он есть. Он сияет. И каждый конкретно должен «стяжать» этот Свет многоразличными делами «ради Христа» делаемыми и контролируемым делателем о степени этого потрясающего «барыша», о котором говорит Серафим. Свет Сияет и в Него м о ж н о

п о г р у з и т ь с я (или креститься!), чтобы затем войти в Храм, пройти к Царю Иисусу Христу, чтобы тот произнес «суд» и «имя», чтобы далее пройти к Нему на возвышение, чтобы далее пройти с Ним к Престолу, обрести причастие Невидимому, – словом, проделать все то, что «иконически» сохранено в своем первоначальном ядре в чинопоследовании литургии. Когда «икона» бывает записана поздними записями, то мастер неторопливо и терпеливо расчищает икону, вплоть до первозаписи... Первозаписью литургии является воспоминание святых свидетелей. Оно всегда есть. Созерцание Света утверждено Соборами 14-го века. Оно явлено великим Сергием, Нилом Сорским, и вот, Серафимом Саровским. Разве мыслим бы был «раскол», если бы знали так, как св. Серафим? Но ведь должно же быть ясно и то, что его «убили» бы как «прелестника и богохульника» за его беседу в те годы?!

Римская доктрина не сможет принять в наличном состоянии учения о Нетварном Свете. Не сможет принять и потому, что в сроки свидетельства царевича Серафима Рим утверждал непогрешимость суждений римского епископа в вопросах догматики*. Этих вопросов нельзя затушевывать поверхностным экуменизмом. Единение христиан возможно «принципиально» лишь на приятии Соборами всех последствий о реальности пребывания на земле святого. Но протестантизм в наличном состоянии отрицает такую возможность, сводя все к «книге», протестантская «научная» историография не может описать историческую ситуацию России, ибо в ее номенклатуре нет категории «святой свидетель»; католицизм отрицает возможность бытия равноапостольного свидетеля, сводя все к «папе», как «преемнику» первоапостола; православие «пока» мечется между этими двумя последовательно интеллектуальными доктринами, но может принять догматические определения хотя бы потому, что не имеет «уже» других. Можно сомневаться в том, будет ли это сделано и, если да, то когда. Но работать надо в этом направлении, чтобы не сказать: «только» в этом. При пока янном приятии пребывания длящейся «золотой

* Восстание польско-католической Варшавы происходит **буквально** в дни беседы св. Серафима с Н.[иколаем] А.[Александровичем] М.[отовиловым] и явления в «схизматической» (слова папы Пия IX) России Ип. Духа Святого! Польские претензии на протекторат над славянскими племенами России высочайше отвергаются, а санкционируется русское Возрождение: «*этот* нашего рода» (а не тот: Пий IX).

цепи» (Св. Симеон Новый Богослов) святых от первоапостолов доныне, покаянном в том смысле, что «все» исповедания гнали святых, как реальных детей Божиих, может родиться и возможность серьезной постановки вопроса об экуменизме, ибо наличная практика может быть истолкована как в той или иной степени «поврежденная икона». Более того: догматическое и покаянное признание христианами своего гонения на детей Царевых по крови, может открыть двери и к вхождению в Храм Святой Троицы и у д е е в и... о, Боже Святой... всех рассеянных чад Божиих, овец разных дворов. Если это будет, то будет самостоятельная русская культура как всечеловеческая культура, как «агиократия» взамен «сатанократии»... Если же этого не будет, то не будет и самостоятельной русской культуры, но будет «псевдоморфоза», задушившая собственные побегии... Русские гении с большей или меньшей ясностью просвечивания и е р о г л и ф о в я в и л и художественные ценности как иероглифы храма и ж е р т в ы, — гениальное произведение, нищее в своих составляющих, несет великую идею храма и жертвы, то есть несет в себе зашифрованное имя Иисуса Христа и вызывает р е з о н а н с н а п о м и н а н и я образов Истины, хранимых в недрах сознания, — наслаждение произведением искусства есть прикосновение к Истине. Реальность Царства, икона Царства, иероглиф Царства Бога во Святой Троице Отца и Сына и Святого Духа, поклоняемого и славимого во Свете Нетварных энергий, — вот то п л е т е н и е, вот та т к а н ь, которую хотелось бы нам вы тк а т ь на плащаницу Господню: «признание святости за высшую ценность — основа народного мирозерцания и знамя тоски народной по Руси Святой. Православие и есть соборование со святыней и соборность вокруг святых. Достоевский неоднократно указывает на подмеченное им в народе верование, что земля только тем и стоит, что не переводится на ней святость, что всегда есть где-то, в пустыне, в непроходимых дебрях, несколько святых людей. Православный мир располагается кругами окрест этого таинственно рассеянного братства и, как ни черен по своей окружности, но все же духовно жив живоносными притоками как бы самой крови Христовой из этого своего средоточия, из этого сердца, пламенеющего и воздыхающего к Духу „воздыханиями неизреченными“. Кто же отрывается от внутреннего общения со святыми, отрывается и от правосла-

вия, и наоборот: отметающий православие уходит и от его святых», — Вяч. Иванов, «Лик и личины России», 1916 год.

§6. КАНОНИКИ МЕРТВОГО ДОМА

К а н о н и к и М е р т в о г о Д о м а — так могло бы называть себя над-национальное движение по русской инициативе, охватывающее по преимуществу «пьяниц и грешников» из философствующей, пишущей, рисующей, танцующей и пр. братии нашей. «Каноники» есть производное от слова «внутренний канон» (Вяч. Иванов), то есть канониками будут считать себя те, кто примет для внутренней ориентации установку сознания на различие «уровней реальности», свойственное всем философским школам индоевропейского ареала. «Мертвый Дом» отсылает ближайшим образом к книге и опыту русского гения Ф.Достоевского, а на большей глубине высвечивается с и м в о л о м р е а л ь н о с т и, которую-то и следует в первую очередь различать «каноникам». Предельно, конечно же, хотелось бы добиться общими над-национальными усилиями четкого и ясного различения уровней реального символизма со-отнесенных символов, скрыто присутствующих в русской рецепции православия, а именно: уровень реальности как памяти святого свидетеля-царевича, в недрах которого живет Дух Святой Животворящий; уровень (2-ой) сакраментальной иконы чинопоследования таинств Святой Церкви, как обведенной памяти святого, обретающей благодать образа «здесь и теперь» через отсутствие «хулы на Духа Святого» сослужащими, то есть через присутствие почитания святых и знания «своего места»; и (3-ий) уровень иероглифа как культурного делания, приносящего свои плоды благодати опять-таки при отсутствии «хулы на Духа Святого», или присутствии в культурном делании почитания святых и знания «своего места». Я предлагаю некоторые положения и некоторую схему «мифа каноников Мертвого Дома».

Поэт как маска Вселенского Адама

Когда «русские» (Пушкин, Достоевский, Анненский, Вяч. Иванов, Анна Ахматова) выступили в поэзии и в осмыслении «поэтического творчества», то есть в попытке самосознания поэта, то они сразу

и категорически заявили об этой деятельности не как о «субъективно-лично-лирической», но как о «рупоре», «резонаторе» неких «вселенских голосов». Поэт утверждал о «не-я» как «творце». Всплывали сразу же индоевропейские истоки, или, как минимум, «не-я» буддизма... Не лирик, трансформирующий мир «субъективным» взглядом, но «рупор» «таинственных и пленных голосов», символизирующих наличность. Русские говорят о поэте как мифической маске вселенской всеотзывчивости. В этом «теоретически» смысл речи Федора Достоевского по случаю открытия памятника «русскому поэту» Пушкину. В этом «теоретически» смысл статей Ин. Анненского о Достоевском, в этом «теоретически» смысл статей Вяч. Иванова о «келейном» творчестве. Лиризм русских поэтов-гениев не суть их «субъективизм», но г о л о с х о р а (а не голос из хора). Запекшимся от горя ртом Анны Ахматовой говорит «стомиллионный народ», ее «Реквием» не суть «лирика», но мифическое поминовение замученных пленников. Я говорю о русских поэтах как масках вселенского мифа потому, что «трагическая» маска пришла позже «мифа-мистерии» эллинов.

Маска сущего во гробе Вселенского Адама

Хор неузнанных и пленных голосов, точно так же как вселенская отзывчивость к твари вообще, открывается в поэте-маске как сущем во гробе, как «труп в пустыне» («Пророк»). Русский поэт через утверждение творчества как «не-я-маски-мифа», свидетельствует о с м е р т и, как уровне реальности. Ветхий Адам суть «сущий во гробе», суть надгробная маска, которая может т в о р ч е с т в о м преобразиться и оживотвориться в реальность иконы святого, или же пре-образиться и о-мертвиться в небытие «личины» смерти 2-ой. Русский гений говорит как транслятор вселенной о необходимости избавления от иллюзии «уже жизни» как жизни «некоего я», которое потом почему-то умирает, и утверждении реальности пребывания «сущим во гробе», откуда есть д в а в ы х о д а в каторжно-кандальной прикованности к свободе выбора: или через оживотворение Духом Святым в святость и реальность «вечной жизни», или через о-мертвление смертью второй к вечному небытию «мутантов» (Янкилевский), вечно распадающихся мутаций потери «образа

Божия». Маска, как таковая, «нейтральна», чистая каторжная свобода творчества, которая может со-твориться в со-служении с Духом Святым, живущим во святых, в святость же и жизнь вечную, или со-твориться в со-служении с Князем Тьмы, действующем в сынах противления, в смерть вторую и вечную. Гений русского поэта-маски дал в «Легенде о Великом Инквизиторе» псевдо-анафору Умному Духу, Духу уничтожения и небытия. Монолог Великого Инквизитора есть псевдо-анафора, есть литургия Князю Тьмы.

Здание как маска вселенной

Храм есть икона Церкви в мире. Здание же есть иероглиф или маска культуры. В здании культура видит себя как со-здание. Культурные эпохи принято различать по различию архитектурных стилей, — поэтому-то архитектор С.М.Бархин думает (инициатива, к которой приглашаются все) о создании здания Мертвого Дома, как Дома Достоевского, где, если будет создана, будет исполняться мистерия-миф «каноников Мертвого Дома». Он исходит в своих замыслах из принципов простоты и пронизанности формы в н у т р е н н е й и д е е й. Символы «гроба», «каторги», «кельи», «облачения», «слоев реальности как символов», находят свое выражение в замыслах, являемых в форме макета. Здание будет иметь входы с улицы, как уровня «хаоса»; чтобы встретить уровень «музея» Достоевского, который будет поначалу восприниматься «как мы»; далее будут «кельи-гробы», куда входят единично, чтобы затем «заглянуть» в пространство «общего гроба» и загробного мира; поднимется погребальная пелена с прорисями «доличного» и т.д.

Икона как высшее явление искусства

«Иконопись есть чисто выраженный тип искусства, где все одно к одному — и вещество, и поверхность, и рисунок, и предмет, и назначение целого, и условия его созерцания; эта связность всех сторон соответствует органичности целостной церковной культуры», — эти удивительные слова принадлежат Павлу Александровичу Флоренскому. «Каноники Мертвого Дома» хотели бы, конечно же, явить такую живую пронизанность о р г а н и з м а и с к у с с т в а, как и иконопись. Фазы созидания иконы (доска, ковчег, левкас

белый, печатление перевода, прорись, золочение, раскрышка доличного, инкарнация личного и именованье) будут иметь свои отзвуки в иероглифе, ибо самая иконопись есть обведение памяти святого о себе: положение во гроб ковчега, самоим умирающим выдолбленного, пеленание смертными пеленами белой земли — как отречение от помыслов Сатаны, грязнящих землю, запечатление-знаменованье прежде бывшей памятью святых, чтобы затем, по ознаменовке уже, — прорись именованья от Бога, которая золотится благодатью Духа Святого, дающего помнить о задаче воскресения из мертвых, что является созданием доличного и лика, — иероглиф маски как за гробной реальности будет, собственно, тяготеть к этим же фазам: разоблачение от наличных одежд «пустыни», где влачится «пророк», чтобы облечься шаг за шагом в одежды «каноника Мертвого Дома» и «маску», чтобы затем «одеться» в персонажей мифа (скажем, Великого Инквизитора и др.). Эти фазы в медитации будут проходить и зрители, которые, «выходя», вновь увидят куклы «музея» Достоевского, но поймут, что они, куклы, с и м в о л ы, соотносясь с которыми свершается «мир я».

Прорись мифа

- Здание каноников Мертвого Дома;
- посвящение в поэты: разоблачение-смерть-облачение-маска-одежда (по ярусам «Пророка» Пушкина и «Творчества» Ахматовой);
- появление хора-масок;
- облачение в одежды персонажей;
- собственно «миф» (легенда о Великом Инквизиторе);
- финал;
- возможное желание «зрителей» принять чинопоследование крещения;
- баптистерий;
- храм;
- утверждение реальности храма — как сердца святого — и постижение иерархии уровней: культовое иконическое служение дает «стяжание» Духа Святого Божьего, если нет хулы на Него; культурное делание также дает «стяжание» Духа Святого Божьего, если нет хулы на Него.

Хула на Духа Святого есть хула на святых (св. Василий, св. Симеон Новый Богослов).

Работы хватит для всех

Художникам, композиторам, балетмейстерам и исполнителям, знатокам йоги и ученым, — всем хватит радостной работы, несоревнующейся, ибо нет «я», ибо не с кем и некому соревноваться для обретения реальности **МАСКИ ВСЕЛЕНСКОГО СУЩЕГО ВО ГРОБЕ АДАМА**, чтобы кандално прикованным к свободе выбрать свободно и благодарно бытие перед Лицом Бога Живого Святой Троицы: вспоминая Бога как некоего абсолютного «ПРЕ», станете вы «ПРЕ-ПОДОБНЫМИ», печатлеющими маску «образом Бога», и тем уподобляя ее Богу Живому. Второго же «печатления» не хочу я желать даже злему врагу, а тем более потенциальному «канонику Мертвого Дома». Пусть Бог лишит меня радости видеть Его Лик, если я «преследую» здесь какие-либо «личные цели». Пусть будет так, Боже мой, пусть омоются русские радостными слезами о гении их от всех плевков и всей крови, которой они помазаны пока еще! Пусть, Боже Святой, будет это, пусть будет.

Приложение:

«41-ое СЛОВО» св. Симеона Нового Богослова

1. Кто добре познает и уразумеет, что он создан из ничего, и что нагим вошел в мир сей, тот познает и Творца своего, и Его единого будет бояться и любить, и Ему единому служить от всей души своей, ничего из видимых вещей не предпочитая Ему. Убеждаясь из познания себя самого, что странник есть для всего земного или, лучше сказать, и для всего небесного, он всю ревность души своей отдает на служение Творцу своему и Богу. Ибо если он странник для земного, из которого взят (при сотворении), среди которого живет и проводит век свой, тем паче странник для небесного, от которого так далек и по образу бытия своего здешнего, и по образу жизни своей. Кто же убедится таким образом из познания себя самого, что странник есть на земле, и будет содержать в мысли, что как нагим вошел в мир сей, так нагим и выйдет из него, тому что предлежит кроме плача и рыдания не о себе только одном, но

и всех сродных с ним, и подобострастных ему людях? Равным образом, кто любит и боится Бога, и Его единого, тот, скажи мне, прошу тебя, согласится ли блистать чем либо плотским и вещественным? Или, если праздник придется ему отпраздновать, станет ли он праздновать и торжествовать по общему всех людей обычаю, — несмысленно и без толку? Или как возможно, чтоб он подумал что-либо, или сделал какое-либо дело, зная, что оно неугодно Богу? Также, кто убежден, что странник, беден, наг от всего, хотя бы многим обладал, возможно ли, чтоб он стал хвастаться богатством своим? Или, возможно ли, чтобы гордиться стал тем, что делает в праздники свои? Выситься по причине множества поставленных им свечей и возженных лампад, или из-за духов и ароматов, или по причине многолюдства собравшегося народа и обильных и дорогих трапез? Или величаться знатностию друзей и посещением славных вельмож? Нет, не станет он много о себе думать из-за этого: ибо знает, что все это ныне есть, а завтра прейдет, ныне занимает, а завтра исчезнет. Таковой, зная, в чем состоит богоугодное празднество, совсем не имеет в уме своем и в чувстве своем того, что обыкновенно бывает чувственного на праздниках (ибо этим обыкновенно заняты бывают те лишь, которые не помышляют ни о чем высшем видимого); но умом премудрым раждает помышления духовные и восторгается к созерцанию празднественного веселия, имеющего быть в будущей жизни, и им сердечно соуслаждается, как бы там уже был самым делом и духовно праздновал со ангелами и святыми, у которых на небе всегда праздник. Таковой не смотрит на свечи и лампы, ни на множество народа, ни на собрание друзей, но к тому устремляет ум свой, что вскоре имеет быть по сих, когда т.е. погаснут все вещественные светы, и самый свет очей, и всякий отойдет в дом оный на вечное пребывание.

2. Итак, не считай ты мне, возлюбленный, годы, месяцы и круговращения праздников, и не говори: вот спраздновал я Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Воскресение, Вознесение и Пятидесятницу. Не говори этого, брате мой, не пересчитывай отпразднованных праздников и не думай, что этого достаточно для спасения души. Не думай также, что будь светлые одеяния и убранства, ястие и питье, ценные благоухания, свечи и лампы, и множество народа, то тут и весь праздник. Не это делает светлым праздник,

и не в этом одном состоит празднество: это только видимость празднественная. Какую пользу доставлю я себе, если возжгу, не говорю, множество свеч и лампад в церкви, но если зажгу столько светильников, чтоб они издали столько света, сколько светло солнце на небе, а вместо лампад вставлю звезды в своде церковном, и таким образом устрою второе небо долу на земле, буду восхищаться светом от всего сего и составлять предмет удивления и похвал от пришедших в церковь? Какая, говорю, будет польза для меня от этого, когда спустя немного все это погаснет, и я останусь во тьме? Или какая для меня польза, если ныне я намащу разными духами себя и всех празднующих, а завтра опять стану наполнен зловонием плотским? Скажи ты, хвальный светлыми празднествами, скажи, если, по слову Премудрого, есть у тебя разум, какая польза от этого? Конечно, никакой, хоть ты и молчишь, побеждаемый истиною. Ибо если ныне я залит светом, а завтра окружен буду тьмою, если ныне избыточествую веселием, а завтра обременен буду печальями, если ныне здравствую, а завтра болеть стану, скажи, какая мне от этого прибыль? И что за утешение во всем этом? Не такие праздники любит Господь. «Кто изыска сия из рук ваших», вопрошает Он? (Ис. 1, 12). Не законоположил Христос, чтобы мы праздновали праздники свои таким образом. А как? Вот послушай со вниманием. Впрочем скажу наперед, что говорят некоторые в защиту сего. — Что ж, по-твоему? Не возжигать ни лампад, ни свечей? Не воскурять фимиама и никаких благовоний? Не созывать народа на праздники и не приглашать ни певчих, ни друзей и знакомых, ни людей знатных? Это ли ты говоришь? Так ли велишь? — Нет, этого я не говорю. Да не будет. Напротив, советую тебе все это делать, даже в больших размерах. В этом я совершенно с тобою согласен. Но желаю, чтобы ты знал, каким образом при всем том надлежит христианам праздновать праздники свои. И вот я изъясню тебе таинство празднества христианского.

3. Что же это за таинство? — То, что образно представляет делаемое тобой в праздники. Возжигаемые тобой лампы представляют мысленный свет, чтобы напоминать тебе, что как церковь вся в свете от множества лампад, так и дом твоей души (который тоже Божий есть), честнейший паче рукотворенного храма, должен быть весь в духовном свете, т.е. в нем должны светить все духовные добродетели, быв возжены божественным огнем благодати, и освещены.

щать всего тебя так, чтобы в душе твоей не оставалось ни одного местечка неосвященного. Множество возженных свечей означают светлые помыслы, которые должны светить в тебе, подобно свещам, так чтобы не было ни одного мрачного помысла в доме души твоей, но чтобы все были огненны и блистали светом Духа Святого, и в тебе не было недостатка ни в одном из светоносных помыслов рассуждения. Благоуханные масти, разливающие благовоние, указывают тебе на духовное миро, т.е. на благодать Святого Духа, и тем, что они составлены из разных специй, научают, что сие духовное миро надлежит стяжать и тебе так, чтоб оно было разнообразно, т.е. было составлено из различных даров Святого Духа. Сие духовное миро предъизображая, пророк называет его в псалмах то росой, сходящей на горы Сионские, то миром, сходящим на браду Аарону и на ометы одежды его (Пс. 132, 2. 3). Таков есть Дух Святой, Который сходит от Отца светов на достойных духовных мужей, а от них передается и другим, и освежает всех, как роса. Фимиам кадильный, который, воскурясь, издает дым благовонный, указывает тебе на ту же благодать Святого Духа, но в том уже отношении, как она изнутри восходит горе, или как она из того, кто восприял действие Святого Духа, исторгается как источник воды, текущей в живот вечный. Тут она и освещает светозарно, и в то же время облагоухавает чувства духовным благоуханием: освещает, яко свет, видимый теми, кои чисты сердцем; облагоухавает, как древо жизни, которое, умерщвляя пожелания плотские, разливает всюду благоухание духовных стремлений и чувств и радостию чистою возвеселяет сердца всех верных. — И не это только означает бывающее на праздниках, но и ко многим другим духовным помышлениям подает оно повод. Так, если Бог так украсил и прославил благоуханием это бездушное миро; то не украсит ли Он и тебя, которого создал по образу и подобию Своему (конечно, если захочешь) разными видами добродетелей и не прославит ли благоуханием Святого Духа? Эти масти, составляемые руками человеческими и благоуханием своим услаждающие чувства твои, мудрым образом представляют создание тебя самого: ибо как эти масти, сложенные из разных ароматов, приготавливают руки миротворцев, из разных специй делая едино благоуханное вещество; так и тебя создали руки Божии и премудро сгармонировали с духовными видами мира духовного, т.е. с дарами Животворящего Духа. И надле-

жит тебе благоухать вонейю разума и премудрости, чтобы слушающие словеса учения твоего были облагоухаваемы в чувствах души своей и радовались радостию духовною. — А толпы народа, собирающиеся на праздник и велегласно воспевающие хвалу Богу, означают небесные чины и несметные воинства ангелов, которые воспевают и славословят небесного Владыку за великое спасение, устроенное тебя ради. Хвала и песнь, поемые народом, представляют таинственное оное пение, немолчно совершаемое ангелами, чтоб и тебя научить соделаться земным ангелом и таинственно и немолчно петь невещественными устами сердца Бога, создавшего тебя. — Други и знаемые, и знать, собравшиеся на праздник, научают тебя присутствием своим, что и тебе надлежит возревновать о том, чтобы посредством делания всех заповедей и чрез богатство добродетелей сочислиться и сделаться сожителем с апостолами, пророками, мучениками и всеми святыми.

Если так празднуешь ты, возлюбленный, праздники свои, и если сам ты таков, как показало мое слово, то воистину духовное совершаешь ты празднество и спразднуешь Ангелам. Если же не так празднуешь и самого себя не поставил таковым, как мы сказали; то что пользы для тебя от твоих празднеств? Боюсь, не услышать бы и тебе от Бога, как древние иудеи: «превращу праздники твои в жалость, и вся песни твои в плач» (Амос. 8,10). Может быть вы спросите меня: так по-твоему если уж мы не таковы, как показало твое слово, то нам и не праздновать праздников, хоть бы то телесно и чувственно? — Нет, брате, я не говорю тебе этого. Празднуй усердно, и делай все, что относится к Богопочтению и чествованию Ангелов, как можешь. Призывай на праздник, если можешь, всех, — царей, вельмож, архиереев, иереев, диаконов, мирян, да чрез тебя славится всеми Бог, и слава сия, ими Богу возсылаемая, да вменится тебе, как виновнику ее, и да явишься ты угодным Богу. Но не думай, что тут и все, что ты должен делать для прославления Бога в честь Ангелов Его, и тем паче, будто чрез то прибавляешь нечто к славе Всевышнего или святых. Ибо, как говорит Апостол, «не прославится прославленное за превосходящую славу» (2 Кор. 3, 10). И святые не имеют нужды в человеческой земной славе. А празднуй, да обрящешь милость у Бога молитвами святых Его; но и при этом опять не думай, что то видимое и чувственное, что ты делаешь для праздника, есть настоящее празднество, но что это есть

только тень и образ празднества. Ибо, скажи мне, прошу тебя, это видимое, бездушное и чувства не имеющее само по себе какое общение имеет с невидимым, божественным, духовным, — живым и живоносным? — Посему, если хочешь разумно и благочестно праздновать праздники, да будет у тебя празднеством не свет лампад, которые спустя немного погашаются, но чистая лампада души твоей, т.е. ведение небесных и божественных вещей, которое подается Духом Святым тому, кто есть израильтянин, — человек высокого и созерцательного ума. Оно да сияет в тебе все дни жизни твоей паче лучей солнечных. Оно да светится во всех христианах чистым светом слова, так чтобы благодатию Духа Святого исполнялась в них заповедь: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесах» (Матф. 5, 16). **Вместо** многих лампад да будут в тебе светосиятельные помышления, из которых составляется ткань на украшение добродетелей, и чрез которые для имеющих правое умное зрение явным бывает все благообразие духовного храма души твоей. **Вместо** благовонных курений да облагоухает тебя благоухание Святого Духа неизъяснимое. **Вместо** множества народа да будут с тобою сонмы святых Ангелов, которые бы славили Бога за твои добрая дела и радовались о спасении и преспеянии души твоей. **Вместо** друзей, вельмож и царей да спразднуют тебе, как други твои духовные, святые, паче вельмож и царей досточтимые. Сии святые да будут возлюбленными твоими, предпочтительно пред всеми, чтобы они по смерти твоей приняли тебя в вечные кровы свои, как Авраам принял Лазаря на лоно свое.

4. Вместо трапезы, обремененной разными яствами, да будет тебе единый хлеб животный, который для чувств видится хлебом, а мысленно есть тело Христово. Сей есть хлеб, сходящий с неба и дающий живот миру, от которого вкушающий не только питается, но животворится и возставляется как бы из мертвых. Сей хлеб да будет для тебя и пищею и услаждением, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое в сем таинстве воистину есть кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостию несказанною, радованием вечным. Если будешь пить от сего вина достойно, то не вжаждешься во веки, только пей с чувством душевным и с мирным настроением душевных сил. — И добре вникни в смысл глаголемого.

Если причащаешься небесного хлеба и вина, т.е. тела и крови Христовых с чувством и сознанием того, что они суть, то ведай, что причащаешься их достойно; если же не таким образом причащаешься, то ешь и пьешь недостойно. Причащаясь с чистым сердцем и верою, ты являешься достойным таинственной трапезы; если же ты не удостоиваешься сего, то не имеешь единения со Христом.

5. Те, которые причащаются божественных Тайн недостойно, пусть не думают, что через них, так просто, соединяются с Богом; потому что этого не бывает с ними, и быть не может никогда, пока они таковы. Одни те, которые чрез причащение божественной плоти Господней, удостоиваются зреть умным оком, осязать умным осязанием, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и не невкусимое Божество, — одни эти ведают, яко благ Господь. Они не чувственный только хлеб вкушают и не чувственное только вино пьют, чувственно, но в тоже самое время вкушают и пьют мысленно Бога, двоякими чувствами — души и тела: вкушают плоть чувственно, Бога же мысленно и соединяются таким образом и телесно и духовно со Христом, Который двойствен по естествам, яко Бог и человек, и бывают сотелесники с Ним и сообщники славы Его и Божества. Сим-то образом соединяются с Богом причащающиеся достойно, — вкушающие от хлеба и пьющие от чаши, с видением и созерцанием силы таинства, и с чувством душевным. А те, которые причащаются недостойно, бывают пусты от благодати Св. Духа, и питают только тело свое, а не души свои.

6. Но, о возлюбленне, не возмущайся против меня, слыша истину, мною тебе возвещаемую: ибо это истина. Ибо если ты веруешь и исповедуешь, то Тело Христово есть хлеб животный и дарует живот вечный тем, которые вкушают его, и что Кровь Его для пьющих ее бывает источником воды, текущей в живот вечный, то скажи мне, прошу тебя, почему ты, причащаясь сих божественных Тайн, не приемлешь в душу свою ничего особенного сравнительно с тем, что имел прежде причащения. Но если и чувствуешь малую некую радость, когда причащаешься, то спустя немного времени опять становишься таким же, каким был прежде того, и совсем не ощущаешь в себе самом какого-либо притока жизни или какого-либо прилияния света. Хлеб сей для тех, которые не возвысились над

чувственным, является простым хлебом, хотя таинственно он есть свет невместимый и неприступный, — равно как и вино таинственно есть свет, жизнь, огонь, вода живая. Итак, когда вкушаешь ты божественный хлеб сей и пьешь сие вино радования, а между тем не ощущаешь, что зажил жизнью бессмертною, восприняв в себя силу светоносную и огненную, как пророк Исаия приял в уста уголь горящий, и что испил кровь Господню, как воду живую и обрадовательную, если, говорю, не ощущаешь в себе, что приял нечто из того, о чем я сказал теперь; то как думаешь, что приобщился жизни вечной, приступил к неприступному свету Божества, причастен стал света непрестающего? Нет, брате мой, нет; ничего такого не совершилось с тобою, так как ты не чувствуешь в себе ничего из сказанного. Но свет оный светит на тебя, а ты слеп, и не освещаешься; и огонь оный испускает на тебя теплоту, а ты остаешься хладным; и жизнь она вошла в тебя, а ты не чувствуешь, и пребываешь мертвым; и вода живая протекла по душе твоей, как желобу, но не осталась в тебе, потому что не нашла в тебе достойного себе вместилища, чтоб вселиться внутрь тебя. Посему, если ты сим образом причащаешься пречистых Таин, без того, чтоб ощущать какую-либо благодать в душе своей; то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступают к сим таинствам и достолично приготавливаются к принятию в них Сына Божия — сего хлеба животного, сходящего с неба, к тем Он прикасается ощутительно, и с теми соединяется несмесно, давая осязательно испытывать свое благодатное присутствие.

Итак, если ты будешь праздновать праздники, как я тебе изобразил, и будешь причащаться Божественных Таин, как я тебе указал, то вся жизнь твоя будет одно непрерывное празднество, одна непрестающая пасха, — прехождение от видимого к невидимому, туда, где престанут все образы, сени и символы празднеств, бывающих в настоящей жизни, и где вечно чистые вечно имеют наслаждаться чистейшею жертвою, Христом Господом, в Боге Отце и единосущном Духе, всегда созерцая Его и видимы бывая Им, сопребывая и соцарствуя с Ним, — выше и блаженнее чего ничего нет в царствии Его. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Лама: О наречении патриарха
(материалы частного расследования)

ВСТУПЛЕНИЕ

«Красота духовная», усвояемая проф. Флоренским («Столп...») «старцам», была явлена в двухчасовой беседе блаженной старицы Паши Саровской и Николая II-го (в присутствии Императрицы, которой был обещан наследник). Блаженная благословила Николая на монашеский постриг и послушание «патриарха» при св. мощах Сергия и под Путеводительством Живой Богородицы. Объединение Рима и Москвы стало возможным: «папа» Римский, несущий послушание при св. мощах Петра, и «патриарх» Московский, несущий послушание при св. мощах Сергия, обоюдно знающие о Живой Путеводительнице. Эта икона была осквернена Русским Синодом, отвергшим предложение Николая II-го. Зная о его предложении с 1905 года, они по его отречению в 1917 году все же избрали «своего» ставленника, осквернив икону, предначертанную блаженной старицей Пашей Саровской. Осквернение красоты духовной длится и до сей поры.

Диагноз болезни (в медицинских терминах) или преступление (в следственных терминах) схематично описывается в «записках частного детектива» о поругании Дивеевской Иконы. Исцеление — раскаяние возможны. Остальное — губительно. И не только для судьбы России. Массадизм будет неумолимо возвращать губительные цветы и плоды.

- 1831 — великое «Благовещение» св. Марии в Дивеево о Ее IV-ом уделе на земле
 — еврейско-польское восстание в Варшаве
- 1833 — успение «до времени» преп. Серафима Дивеевского
- 1837 — убийство А.Пушкина
- 1896 — Чичагов «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»
 — Герцель «Еврейское государство»
- 1897 — I сионистский конгресс в Базеле
- 1903 — прославление св. Серафима в России. Общедоступность идей о Дивеево как последнем прибежище св. Марии на земле
- 1914 — I мировая война для расчленения России и физического уничтожения «идей Дивеева»
 — публикации С.Нилуса о «тайне беззакония»
 — расцвет Тель-Авива
- 1917 — отречение «арийских семей» от престола в России во имя «идей Дивеева». Явление чудотворной иконы Божьей Матери «Державная»
- 1918 — мученическая смерть семьи Романовых
- 1929 — государство Ватикан
- 1930 — публикации семьи Рерих о Шамбхале. Возможность синтеза по оси Дивеево — Ватикан — Шамбхала
- 1941 — II мировая война для расчленения России
 — государство Израиль
 — сокрытие «царя Израиля»
- ??? — III мировая война для расчленения России
 — торжество массадизма в мире
 — осуществление синтеза Дивеево — Ватикан — Шамбхала

АРГУШТИ: I О поведении царей

настоящий русский

— «настоящий русский» — так сказал о Пушкине Достоевский.

— вдумчивые внешние наблюдатели, пожалуй, также поняли, что это и есть «настоящий русский», пока еще в единственном экземпляре и, чтобы их не развелось побольше, его решили убить. Тренированный террорист сделал это.

— Пушкин очень любил Россию. Мы все сейчас мало любим, поэтому проще обучить кого-либо ненависти. А мы **сознательно** хотим разбудить в читающей элите любовь к России, ибо ее, Россию, полюбила Богородица. Как бы нам всем всерьез не ошибиться, поддавшись ненависти, излучаемой от «интернационала сопротивления». Если это, вообще, не безумная затея, то сделать что-то можно через «выставку» образцов и сильных комментариев на «выставке». Нужно говорить о Пушкине и русских иконах, о «России в ее иконе», особенно софийского канона.

— сложность в нахождении *с т и л я*. В словах Пушкина есть причастность *г е н и я* словам Благой Вести, произнесенным Иисусом Мессией и алмазно стоящим скрепой мира. Гений во вдохновении делается причастником мужественной нежности Спасителя, Сына Человеческого, — постигая «пафос дистанции», писать даже «тезисы лекции» трудно.

– Пушкин был гениальным историком: «министры шведские объявили намерение короля (Карла XII-го) свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное войско и разделить Россию на малые княжества. Генерал Шпар был назначен уже московским губернатором и хвалился, что они русскую чернь не только из России, но со света плетью выгонят...» (История Петра, 1707 г.)... забавно, что неистребимые «карловцы» никакой другой схемы придумать не могут, по-прежнему (а) следует упразднить наличную администрацию, (б) уничтожить регулярное войско, (в) расчленить Россию на мелкие этнические объединения, (г) губернатор Московии уже готов на въезд, чтобы (д) возглавить изгнание русских и из России, и со всего света.

– Пушкин любил Россию и ему не хотелось, чтобы русских били плетью. Преодолевая унижение, которое чувствует гений, общаясь с человеком не его ранга, он нанялся по внутреннему постригу в «дядьки», чтобы учить любви к России Николая I. Неясно, удалось ли ему это сделать всерьез, но, во всяком случае, государь открыл ему совершенно секретные архивы, что говорит о политической зрелости Николая. Он разрешил издать гениального «Бориса Годунова», этот опыт «драматических изысканий» России, разрешил издавать и собственный журнал.

– вот тут-то внешние наблюдатели и убили «настоящего русского», ибо двору и шпионам двора, и вождю Варшавского бунта каббалисту Иоахиму Лелевелю, так до смерти и утверждавшему, что в русском языке нет слова «честь», а потому русские не знают, что это за зверь такой, внешним наблюдателям, повторим, стала очевидной все возрастающая близость Управителя России и «настоящего русского», знающего и любящего свою землю, ее святыни, простой люд, ее уникальных древних ученых-монахов, святых, славящих Богородицу... Управитель России узнавал Россию в своем «историографе», открывшем Россию.

– как написать об этом явленном чуде, ясном, кротком, бесстрашном мудреце, порожденном любимой землей? Собственно, все последующие поколения, разглядывая софийские иконы, в словах Россию постигать должны по его запискам, по его опытам «драма-

тических изысканий». Ибо он и был Россией, уже свершенной (что и поразило Достоевского). Вот, к примеру, как бы появился первый «лев», а потом от этого предка пойдет **вид** львов — так и он: русский, первый вполне состоявшийся в синтезе русский. И вот, чтобы «вид» русских не распространился на земле, внимательные наблюдатели и подстрелили его.

— дальше в работу подключились критики лелевельской школы, бесцеремонно явившиеся в собирательном «Абраме Терц»... терц-терц — и вытрем вашего «настоящего русского» из статей, а читать мало кто любит, да еще «полные собрания сочинений»! Вместо подлинников — наши «терц-терц» и вся недолга!

— когда Пушкин писал свое «Клеветникам России», буквально в эти же дни, св. Мария Богородица разговаривала в Дивеево со святым Серафимом об избрании России. «Карловцы» знают об этом, но когда строят свою дымовую завесу, то пользуются, путая «народы», словарем Карла Маркса (Карла XIII, а?). Разрушают-то они пушкинскую Россию, а пугают гоев «русским Марксом»...

— если Богородица разговаривает со святым о будущем России, когда гаснет Варшавский бунт 1831 года, то ведь папе-поляку есть о чем подумать, если остались серьезные мысли о судьбах земли, об угадывании человеком Воли Божией о сроках и местах.

— еврейские наблюдатели изучили «феномен Дивеева» досконально, иначе они были бы такими же плохими работниками, как и гои, которых они учат плохо работать. И неутомимо, как мышки (терц-терц зубками), точат и точат Святой Крест.

— и беглые архиереи земли русской, и местные архиереи земли русской, исполняя сказанное о них святым, **не собрались** до сей поры, чтобы, позвав хорошо обученных западных ученых-монахов, решить что-то определенное о разговоре Богородицы и святого Серафима о будущем мира и России. Хорошо потрудившись в любви, могли бы сделать и последнюю попытку предложить спасение евреям — но нет! подвывают «интернационалу» в карловом словаре, забыв свои слова!

— а как бы было хорошо: смирились бы перед иконами Св. Софии, думали бы о «Тайноводстве» замученного Максима Исповедника на этом фоне и, пользуясь языком Пушкина, составили бы определение о судьбах мира; России к ее 70-летию октябрьского рождения; Израиля — к его 40-летию.

— «настоящий русский», гений исторического видения, Пушкин не оставил бы все эти странности без внимания. Быть может, он, просветленный мученической смертью, как Сократ Платону, что-то шепчет в наши уши?

Приложение

«...величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и **окруженный почти совсем не понимавшими его людьми**, нашел твердую дорогу, нашел великий и вожденный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был — народность, преклонение перед правдой народа русского. „Пушкин был явление великое, чрезвычайное“, Пушкин был „не только русский человек, но и первым русским человеком“. **Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским.** Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многоразличные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всё возрождающего в нем начала. Не скажу и о том даже, что Пушкин первый у нас, в тоске своей и в пророческом предвидении своем, воскликнул:

Увижу ли народ освобожденный
И рабство, павшее по манию царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина к народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не

выказывал до него. „Не люби ты меня, а люби мое“ — вот что вам скажет всегда народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему.

Полюбить, то есть пожалеть народ за его нужды, бедность, страдания, может и всякий барин, особенно из гуманных и европейски просвещенных. Но народу надо, чтобы его не за одни страдания его любили, а чтоб полюбили и его самого. Что же значит полюбить его самого? „А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту“ — вот что это значит и вот как вам ответит народ, а иначе он никогда вас за своего не признает, сколько бы вы там об нем ни печалились. Фальшь тоже всегда разглядит, какими бы жалкими словами вы ни соблазнили его. Пушкин именно так полюбил народ, как народ того требует, и он не угадывал, как надо любить народ, не приготавливаясь, не учился: он сам вдруг оказался народом. Он преклонился перед правдой народной, он признал народную правду как свою правду. Несмотря на все пороки народа и многие смердящие привычки его, он сумел различить великую суть его духа тогда, когда никто почти так не смотрел на народ, и принял эту суть народную в свою душу как свой идеал. И это тогда, когда самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа русского сожалели откровенно, что народ наш столь низок, что никак не может подняться до парижской уличной толпы. В сущности эти любители всегда презирали народ. Они верили, главное, что он раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб все-таки был отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. **Было рабство, но не было рабов** (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) — вот тезис Пушкина. Он даже по виду, по походке русского мужика заключал, что это не раб и не может быть рабом (хотя и состоит в рабстве), — черта, свидетельствующая в Пушкине о глубокой непосредственной любви к народу. Он признал и высокое чувство собственного достоинства в народе нашем (опять-таки в целом, мимо всегдашних и неотразимых исключений), он предвидел то спокойное достоинство, с которым народ наш примет освобождение свое от крепостного состояния, — чего не понимали, например, замечательнейшие образованные русские европейцы, уже гораздо позднее Пушкина и ожидали совсем другого от народа нашего. О, они любили народ

искренно и горячо, но по-своему, то есть по-европейски. Они кричали о зверином состоянии народа, о зверином положении его в крепостном рабстве, но и верили всем сердцем своим, что народ наш действительно зверь. И вдруг этот народ очутился свободным с таким мужественным достоинством, без малейшего позыва на оскорбление бывших владетелей своих: „Ты сам по себе, а я сам по себе, если хочешь, иди ко мне, за твое хорошее всегда тебе от меня честь“. Да, для многих наш крестьянин по освобождении своем явился странным недоумением. Многие даже решили, что это в нем от неразвитости и тупости, остатков прежнего рабства. И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я ли слышал сам, в юности моей, от людей передовых и „компетентных“, что образ пушкинского Савельича в „Капитанской дочке“, раба помещиков Гриневых, упавшего в ноги Пугачеву и просившего его пощадить барчонка, а „для примера и страха повесить уж лучше его, старика“, — что этот образ не только есть образ раба, но и апофеоз русского рабства!

Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением. Пушкин любил все, что любил этот народ, чтил все, что тот чтил. Он любил русскую природу до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его. Умаление Пушкина как поэта, более исторически, более архаически преданного народу, чем на деле, — ошибочно и не имеет даже смысла. В этих исторических и архаических мотивах звучит такая любовь и такая оценка народа, которая принадлежит народу вековечно, всегда, и теперь и в будущем, а не в одном только каком-нибудь давнопрошедшем историческом народе. Народ наш любит свою историю главное за то, что в ней встречает неизблемую ту же самую святыню, в которую сохранил он свою веру и теперь, несмотря на все страдания и мытарства свои. Начиная с величавой, огромной фигуры летописца в „Борисе Годунове“, до изображения спутников Пугачева, — все это у Пушкина — народ в его глубочайших проявлениях, и все это понятно народу, как собственная суть его. Да это ли одно? Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жилка бьется везде. В великих, неподра-

жаемых, несравненных песнях будто бы западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа, вылилось все воззрение русских на братьев славян, вылилось все сердце русское, объявилось все мировоззрение народа, сохраняющееся и доселе в его песнях, былинах, преданиях, сказаниях, высказалось все, что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы. А какие прелестные шутки Пушкина, как, например, болтовня двух пьяных мужиков, или сказание о медведе, у которого убили медведицу, — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное в его созерцании народа. Если б Пушкин прожил дольше, то оставил бы нам такие художественные сокровища для понимания народного, которые влиянием своим, наверное, сократили бы времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, столь возвышающейся и до сих пор над народом в гордости своего европеизма, — к народной правде, к народной силе и к сознанию народного назначения».

(«Дн. Писателя», декабрь 1877 г.)

настоящий еврей и русская революция

— эти заметки являются откликом на тезисы о «настоящем русском».

— здесь читатель легко заметит явную слабость автора в диалектике. Особенно в понимании столь трудного закона «перехода количества в качество». Хотя, казалось бы, ясно, что $1р$ (рубль) + $1р$ + $1р... + 1р!$ = 1.000.000 р, — то есть один рубль качественно отличается от миллиона рублей, а миллион это просто количественное сложение рублей. Здесь автор как будто поспекает за передовыми умами и кое-что в этом труднейшем законе диалектики вмещает. Но дальше дело останавливается, ибо: $1д$ (дурак) + $1д$ + $1д$ + ... + $1д!$ = 1.000.000 д, — то есть миллион дураков, по недомыслию автора, составить все же о д н о г о у м н о г о не могут. Но, скажут, что ты тычешь в нос дураками. Хорошо, возьмем 1 оуб (очень умный Буковский) + 1 оуб + 1 оуб + ... + 1 оуб! = 1.000.000 оуб, — один милли-

он очень умных Буковских, почти транснациональное сопротивление, одного Александра Блока, или одного Льва Платоновича Карсавина, или одного Павла Александровича Флоренского составить и заменить не могут. Они, 1.000.000 оуб, будут транснационально сопротивляться одному гению нации.

— поэтому автор остается при своих ретроградных идеях и своих ретроградных любимцах: Пушкине и Достоевском.

— мнение этого последнего о «настоящем еврее» мы и припомним, чтобы, быть может, прояснить и странные речи «одного» Александра Блока по поводу Октябрьской революции, речи, радикально противопоставляющиеся манифестам 1.000.000 оуб.

— все цитаты и комментарии без цитат отсылают к статье «Дневника Писателя» за март 1877 года «Еврейский вопрос» и т.д.

— уже в своем «Современнике» А.С. Пушкин публикует летописные записки Конисского, где показывает чудовищную практику католиков, отобравших православные храмы и отдавших ключи от этих храмов жидам, которые и торгуют «ключами». Наместники Апостола «ключей».

— Федор Михайлович Достоевский предавался на страницах своего аналитического журнала всевозможным ретроградным фантазиям: «конечно, мне приходит тут же на ум, например, такая фантазия: ну что если пошатнется каким-нибудь образом и от чего-нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бедного коренника-мужика от стольких зол, — ну что если тут же к этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь не умеющему сдержаться себя от соблазна и которого именно опекала доселе община, — нахлынет всем кагалом еврей — да что тут: тут мигом конец его: все имущество его, вся сила его перейдет назавтра же во власть еврея, и наступит такая пора, с которой не только не могла бы сравняться пора крепостничества, но даже татарщина».

— это нам надо хорошо усвоить: русский гений, долгое время про-
бывший с народом на каторге, видит опасность «жидовского зака-

баления» коренного населения через систему «процентных кредитов» и **спайвания** на столь высоком уровне, что сравнивает ее с отмененной указом Александра II крепостной зависимостью, и даже с татарщиной. Еврейская финансовая империя закабалит Россию и ее коренное население столь же мощно, как татарщина. Вспомним (самое время) Блока: сюжет Куликова Поля будет повторяться! Во главе русской революции «Двенадцати» идет Иисус Христос в старорусском написании Имени, идет во главе гвардии (а гвардейские полки давно уже в России занимались революциями, ибо революция — это вопрос о власти), гвардии, которой надо бы нашить «бубновый туз» прямо наверх, ибо внутри-то он у этих каторжан нашит! Со времен Петра I эти украшения пришивались на одежды раскольников, а во времена каторжанина Достоевского эти нашивки, как и весьма странные прически, сделались собственным гербом народной гвардии. Народ-то, по Достоевскому, был на каторге в «Мертвом Доме», а не в «Доме Романовых».

— вот эти русские гвардейские полки с бубновым гербом-тузом и пошли на Куликово Поле против новой исламско-жидовской каторги, пошли в полночь, в 12 часов, раскрывая евангельский образ Христа как Разбойника, грядущего в полуночи.

— когда-то оружием было оружие: сабли, пики, пистолы, ядра, луки. Воин-князь должен был быть и умным, но и крепким, хорошо сидеть в седле, уметь и мечом работать. Тут евреям соревноваться в чистом поле с русской ордой бессмысленно, как, стало ясным, и татарве. Но времена идут, и оружие, оставаясь оружием, меняется. Достоевский увидел, что этим оружием стали «жидовские кредиты под проценты» и «наркотики», наиболее простой из них — водка. Заложил под проценты одежонку, затем епископский омофор, чтобы получить ключи от жида на арендованное помещение церкви... Словом: финансовое имперское жестокое ростовщическое измывательство при «скорбной брезгливости» к коренному населению, — **в р а г № 1** (один, единственный враг, враг-единица, **к а ч е с т в е н н ы й в р а г!**) для национального русского гения.

— но фокус далее состоит в том, что в «скорбной брезгливости» и никакого-то «национального гения», кроме как у еврея, быть не может ибо «... существует в мире лишь одна народная личность — еврей, а другие хоть и есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало...». Ну-с, отсюда, для настоящего еврея делается ясным, что и веры у гоев настоящей быть не может, что БОГ есть только у евреев, а у всех остальных это просто болезненное недомогание, вызванное с одной стороны рабским подражанием гоев еврею с его верой, а с другой из-за неудовлетворенности инстинктов наслаждения, которые, инстинкты, не удовлетворяют начальники гоев, грезящие о своем величии и т.д. Надо гоев накормить, напоить (водкой), дать им самок, постоянно совершенствовать их технику, ибо в математике гои не так сильны как еврей, держать их в кабале процентной финансовой империи, — и тогда «религиозная болезнь», как, к примеру, сифилис при профилактике, пройдет у этих а-теистов, в болезненном бреде посчитавших, что и у них есть БОГ.

— вот какие пироги пекутся для россиян, а россияне, словно оправдывая суждения о них единой народной личности, с в о и голоса слушать не хотят, слушают интернациональные запевы «сопротивлений». А как не слушать-то, здесь высшая мудрость, диалектика! Ты-то вот со своим Достоевским ее не сечешь, а здесь... количество переходит в качество: 1.000.000 оуб п л ю н у т, так это же, дурак ты дурак, во какой плевок будет, целая река слюней, а ты все со своими ретроградами, которые и п л е в а т ь с я - т о не умеют!

Приложение

непонятно, почему еврей Яков Цур, боевик Хаганы и Массада, а затем посол Израиля, в своей книге «И восстал народ» говорит о страницах национального гения «... мистические бредни в „Дневнике писателя“ Достоевского». Приведем несколько цитат из книги Цура, полностью подтверждающие «мистические бредни»:

(стр. 45–46) «... только Палестина давала им право заявить о восстановлении исторической справедливости. Во всем мире нет

страны, о которой евреи могли бы сказать: здесь наши праотцы создавали нашу цивилизацию, из которой мы еще сегодня черпаем свою силу и волю к жизни. С трудом найдешь хоть одну страницу в молитвеннике, который набожный еврей листает трижды в день, где бы не фигурировало слово Иерусалим. „И глаза наши увидят возвращение в Сион по великой милости Твоей“, — эта формула постоянно повторяется в ежедневной молитве. На любых широтах праздники природы еврейского календаря вычисляются в соответствии с климатом Израиля. Зимой, с октября по апрель, древние жители Иудеи молились о дожде; летом, после периода окончания дождей, они просили Бога ниспослать им росу. На протяжении веков просили об этом в неизменной последовательности, находились ли они в снежной России, или в Южной Африке, или в Аргентине, где этим месяцам соответствуют другие времена года...».

Яков Цур, по-видимому, умный человек, отчего же он брюзжит на Достоевского, ведь если XX веков строить свой календарь по Иерусалиму, где бы ты ни находился, среди любой иной природы и любого иного народа с его календарем, то ведь вроде бы они есть, но думать надо, что их как бы и нет, а есть только одна народная личность — еврей с его онтологическим календарем по Иерусалиму? Ведь если в снежной России зимой молиться о дожде, веря в силу молитв, то что же это будет с климатом России? Об этом и речь у Достоевского: ждут Мессию; где бы ни жили «телом», в какой бы географии с любым коренным «телом», евреи душою и духом живут в Иерусалиме, куда и пойдут «настоящие евреи» при первом зове, а «плохих» евреев заставят идти всевозможными методами, где «страх погромов» или «страх уничтожения» может ведь быть вызван?

(стр. 184–85) «... что бы было, если бы нацистская армия вошла в Палестину? В душе мы были готовы к такому обороту событий, и нам ничего больше не оставалось, как умереть, сражаясь. Эта гипотеза не была просто риторикой. Летом 1941 года, до нападения нацистов на Советский Союз, малочисленные силы союзников не смогли бы помешать немцам пересечь Средиземное море... секретно, но при поддержке британской разведки, был тщательно разработан план строительства укреплений вокруг Хайфы и в окружающих ее горах, где евреи Палестины намеревались сконцентрировать свои силы и дать последний бой в случае наступления немцев. Операция полу-

чила название «Массада» в честь отчаянного сопротивления, оказанного еврейскими бойцами-зилотами римлянам на горе Массада, на берегу Мертвого моря, после разрушения Иерусалима в 71 году новой эры. Они выдержали тяжелую 3-х летнюю осаду и, когда стало ясно, что надежд на победу не осталось, совершили массовое самоубийство, чтобы не сдать врагу...» — странно, что Яков Цур, очень умный человек, не развил хотя бы в нескольких строчках естественно возникающий вопрос: отчего же, действительно, нацизм-Гитлер, имеющий как бы цель уничтожения евреев, не пошел летом 1941 года на Палестину, а пошел на Россию? В исторической перспективе, не правда ли, он этим походом «работал» на сионистскую идею собирания евреев под угрозой уничтожения в Палестине в собственном государстве? Ведь в исторической перспективе уничтожение евреев Палестины и жертвенных молодых сил Массада Гитлером зачеркнуло бы уже сделанное сионизмом?

(стр. 23) «... богатой аристократии в местечках не было. Правда, иногда появлялись богачи, этакий гвир, преуспевающий делец, заключивший выгодный контракт на снабжение царской армии или владелец фабрики, либо, что чаще, подрядчик на строительстве железных дорог, которые стали пересекать просторы царской России. Наиболее удачливые покидали местечко и переселялись в Варшаву, Вильно, Одессу, кое-кто проникал в узкий круг миллионеров-банкиров Петербурга...», — картина, действительно, весьма идиллическая; стоит только напомнить, что служили в царской армии, на фабриках и на строительстве железных дорог те самые освобожденные от крепостной зависимости коренники, о которых болело сердце Достоевского в его «мистических бреднях». Этих мужичков и прибирали к рукам «чистые ангелы» из местечек, а? Похоже, что так.

(стр. 55–57) «Теодор Герцель не был выходцем из гетто... когда этот молодой блестящий журналист, с бородой ассирийского царя, облаченный в редингтон, в цилиндре, проездом в Санкт-Петербург вышел на платформе в Вильно, евреи выпрягли его лошадей и провезли его по улицам с возгласами: „Да здравствует король!“ ... в 1896 году... он лихорадочно писал брошюру, которую озаглавил „Еврейское государство“ ... при переводе книги Нахум Соколов дал

ей библейское название „Тель-Авив“, что означает „Руина и Весна“. По названию книги Герцеля было дано имя городу Тель-Авив, основанному в 1909 году около Яффы».

Ну-с, со вкусом у Якова Цура дело слабовато, — настоящий еврей в цилиндре, этот «орел» и «король», может вызвать слезы восторга у весьма своеобразной аудитории. По Цуру Герцель «лихорадочно» писал свою брошюру под впечатлением дела Дрейфуса. Я думаю, что он писал ее под еще более сильным впечатлением от прочитанной книги, а именно книги Чичагова «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», где черным по белому было написано, что Святая Мария Богородица, мать Иисуса Мессии, выбрала свой последний удел на земле в России, в Дивеево. Через год после выхода этих двух книг собрался в 1897 году 1-ый сионистский конгресс в Базеле, где религиозный сионизм, без которого еврейство немыслимо, оформился в политическое движение за «Тель-Авив»... ось и узел мировой политики, руководимой, по Достоевскому, евреями, прояснились очень четко: Дом Марии Богородицы в России и Дом матери иного мессии в Палестине. Частные, секретные акции лишь нанизывались (да и нанизываются до сих пор) на эту стрелу.

После торжеств прославления св. Серафима Саровского (1903 год), в котором участвовала царская семья, идеи IV-го удела Богородицы в Дивеево стали широкодоступными. Перед евреями мира и России стал **радикально** вопрос их самосознания и самоориентации. Они выбрали не Дивеево, а Тель-Авив. Не, так сказать, «крещение» в Лавре Богородицы, а отвержение Ее перед лицом мира, собираясь в Тель-Авив в ожидании «иного мессии».

(стр. 243) «И вот мы стоим перед еврейской общиной, свободной и процветающей, для которой создание еврейского государства является актом личного освобождения, вестником свободы и предвестником Мессии». Россия, повторим, в этой оси будет для евреев неумолимым стратегическим врагом. Положение осложняется тем, что Лавра Богородицы не стала краеугольным камнем мировидения и русских, и шире, христианского мира в целом. Быть может, осуществление Лавры Богородицы дало бы еще одну попытку «обращения» евреев, или действительного преодоления «сионизма».

настоящий русский

— монах Климент (Константин Николаевич Леонтьев) называл Федора Михайловича Достоевского «Фед. Мих.» (это отметил уже зоркоглазый Розанов). Считал монах писателя (будучи сам гениальным писателем!) «р о з о в ы м х р и с т и а н и н о м».

— монах Климент пережил своего с т а р ц а Амвросия ненадолго и, испросив у старца благословения и за гробом, все же расхохотался, безудержно по-степному расхохотался, когда прочитал мысли о «короле в цилиндре» 1.000.000 ууцц (1 ууцц — ужасно умный Цур-Цилиндр).

— Пушкин описал к р а с о т у русского мировидения в художественной целостности, улавливая во вдохновении светлое безмолвие старца Серафима, — монах Климент попытался осуществить эту красоту русского мировидения в «эстетике жизни», — он нашел старца во плоти и радостно положил пред стопы его свои сочинения. Язык этих сочинений, особенно письма и политические открытия, равногениален Пушкину. Розанов сравнивал Леонтьева с Достоевским и Толстым, — вернее увидеть в нем силу Пушкина.

— вот как бы Пушкин встретился со старцем Серафимом и, радостно обретя красоту своего Пимена во плоти, склонился перед ним, — это Леонтьев перед старцем Амвросием. Да: Пушкин, ставший монахом, — таково измерение Константина Николаевича Леонтьева, настоящего русского.

— как политический писатель и ученый монах Климент гениален. В оккультно-идеократических измерениях реальности он и был «царем России», а не только «Торквемадой», раскладывающим гран-пасьянс, по Розанову.

Он видел, как врач, губительную мощь раковой инфильтрации русских системой ценностей еврейско-цилиндрической цивилизации.

— не столь явно, но с достаточной силой, вновь расцвел подлинно русский цветок: идеократический царь идет в послушание к святому старцу, который после реального переживания опыта смерти

знает о живой и прославленной Матери Подлинного Мессии, — как в свое время пошел на поклон к святому старцу Сергию великий князь Дмитрий.

— Время, это плодоносящее Древо Жизни, явило в «эстетике жизни» свой своевременный плод: тогда воин-князь пришел за благословением к старцу-служителю Богородицы в воинствовании «простым оружием» против жидовско-мусульманского стана, теперь «царь идей», воинствующий оружием пера и научной объективности, приходит опять к служителю Дома Богородицы.

— выявляется своеобразная харизматическая демократия (почти по Максиму Веберу!) «спарки» святого старца (ранг вселенского служения) и национального лидера (ранг поместного служения). Это «квант» самобытного русского мировидения, уходящий, быть может, в мировидение пра-арийской целостности: воин-царь и учитель-аскет.

— сделав открытие о «триедином» развитии культур (от первичной неразличимой простоты через цветение разнообразия при внутреннем единстве к вторичной предсмертной неразличимости), Леонтьев стал диагностом гибели европейских культур, подверженных «вторичному смещению».

— «все идут к одному какому-то средне-европейскому типу общества, и к господству какого-то с р е д н е г о человека. И будут идти так, пока не сольются все в какую-то одну все-европейскую федерацию...» (письма к о. И. Фуделю). «Отклониться, по возможности, от того пути, который ведет к размножению этих с р е д н и х людей и к господству их; сохранить (и если возможно, то и с о з д а т ь) наиболее разнообразные пути для развития человеческого: вот о чем я мечтал тогда для России»... «прав теоретически тот русский, который желает наибольшего обособления русской жизни от жизни новейшего, демократического Запада; он верно судит о том, что для России полезно и что для нее губительно»... «русским в наше время надо, в виду всего перечисленного мною прежде, стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой...» (письма к Вл. Соловьеву).

— теоретики предреволюционного и постреволюционного периода, известные как «евразийцы», считали монаха Климента своим предтечей, ибо они в общем и целом вмещали октябрьскую фазу борьбы за власть как движение по нахождению Россией самобытных путей развития. Они считали, что революция продолжается и завершится тогда, когда появится ясное и ответственное самосознание идеократического слоя.

— слова о Шамбхале были сказаны «миссией Рерих», хотя по видимым источникам эта арийская семья не принадлежала кружку кн. Трубецкого, Ф.Самарина, С.Мансурова, затем географа Савицкого, историка Вернадского.

— эта семья пошла искать евразийскую пра-родину.

Приложение:

«... 6) В ответ на вашу просьбу — объяснить вам, что заставило меня оставить дипломатическую карьеру, которая шла так хорошо (и даже очень хорошо под конец, судя по отзывам кн. Горчакова и обещаниям Игнатьева), и думать о монашестве, скажу вам следующий афоризм: „Полуоткровенность и недосказанность часто больше вредят настоящему пониманию чужой жизни, чем совершенное умалчивание“. А с полной откровенностью я об этом в письме распространяться не могу. Если Бог поможет, наконец, нам увидаться (не отчаиваюсь!), то на словах — другое дело! Постараюсь, однако, кое-как объяснить... Причин было разом много, и сердечных, и умственных, и, наконец, тех внешних и, по-видимому (только), случайных, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях. Думаю, впрочем, что в основе всего лежат, с одной стороны, уже и тогда, в 1870–71 году, давняя (с 1861–62 года) философская ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни (Петербург, литературная пошлость, железные дороги, пиджаки и цилиндры, рационализм и т.п.); а с другой — эстетическая и детская какая-то приверженность к внешним формам Православия; прибавьте к этому сильный и неожиданный толчок сер-

дечных глубочайших потрясений (слыхали вы французскую поговорку „Cherchez la femme!“, т.е. во всяком серьезном деле жизни „ищите женщину“); и наконец, внешнюю случайность опаснейшей и неожиданной болезни (в 1871 году) и ужас умереть в ту минуту, когда только что были задуманы и не написаны еще: и гипотеза триединого процесса, и „Одиссей Полихрониадис“ (лучшее, по мнению многих, художественное произведение мое), и, наконец, не были еще высказаны о „юго-славянах“ все те обличения в европеизме и безверии, которые я сам признаю решительно исторической заслугой моей (сам Катков этой опасности не понимал, или не хотел на нее указать по свойственному ему оппортунизму и хитрости)... Одним словом: все главное мною сделано после 1872–73, т.е. после поездки в Афон и после страстного обращения к личному православию... Личная вера почему-то вдруг dokonчила в 40 лет и политическое и художественное воспитание мое. Это и до сих пор удивляет меня и остается для меня таинственным и непонятным. Но в лето 1871 года, когда, консулом в Салониках, лежа на диване в страхе неожиданной смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божией Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я ничего этого предвидеть еще не мог, и все литературные планы мои были даже очень смутны. Я думал в ту минуту даже не о спасении души (ибо вера в Личного Бога давно далась мне гораздо легче, чем вера в мое собственное личное бессмертие); я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о телесной смерти и, будучи уже заранее подготовлен (как я уже сказал) целым рядом других психологических превращений, симпатий и отвращений, я вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество этой Божией Матери; поверил так ощутительно и твердо, как если б видел перед собой живую, знакомую, действительную женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнул: Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...

Через 2 часа я был здоров; все прошло еще прежде, чем явился доктор; через три дня я был на Афоне; постригаться немедленно меня

отговорили старцы; но православным я стал очень скоро под их руководством.

К русской и эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще то, чего недоставало для исповедания даже „середы и пятницы“: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного. Для достижения этого страха духовного — нужно было моей гордости пережить всего только 2 часа физического (и обидного) ужаса. Я смирился после этого и понял сразу ту высшую телеологию случайностей, о которой говорил. Физический страх прошел, а духовный остался. И с тех пор я от веры и страха Господня отказаться уже не могу, если бы даже и хотел... Религия не всегда утешение: во многих случаях она тяжелое иго, но кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется! И всякое сомнение, всякое невыгодное для религии философствование он будет с ненавистью и презрением легко от себя отгонять, как отгоняют несносную муху... А что было после обращения, после 1871–72 года, — об этом рассказывать невозможно здесь! Эти 20 лет, от 40 до 60, я прожил совсем иначе, чем первое 20-летие зрелости (от 20 до 40). Я не говорю — лучше, безгрешнее, а только иначе, совсем с другим основанием, глубже и полнее... В эти последние 20 лет (после Афона) я и написал все лучшее и оригинальное...

Больше ничего на этот раз не могу вам сказать.

Приезжайте на Рождество ко мне в Троицкий посад (если я там останусь; ибо это только там решится), и тогда о многом скажу яснее и подробнее.

7) Об отце Амвросии позвольте тоже отложить подробную беседу. Скажу только следующее: святость, признаваемая церковью, может быть благодатью Божией усвоена людям самых несходных натур и самых разнообразных умов. О. Амвросий по натуре и по уму склада более практического, чем созерцательного. „Практического“, разумеется, не в каком-нибудь мелком смысле, а в самом высоком и широком. В том смысле, например, в каком и Евангельское учение можно назвать в высшей степени практическим. И любовь, и жестокие угрозы, и высшие идеалы отрешения, и снисхождение к кающимся грешникам. Прибавлю еще: он скорее весел и шутлив, чем угрюм и серьезен, — весьма тверд и строг иногда, но чрезвычайно благодотворителен, жалостлив и добр...

Теорий моих и вообще «наших идей», как вы говорите, он не знает, и вообще давно не имеет ни времени, ни сил читать. Но эпоху и людей он понимает превосходно и психологический опыт его изумительный. Иногда, впрочем, приказывает себе вслух читать некоторые рекомендованные ему небольшие статьи. Так, мою статью в „Гражданине“ о связи сословных реформ Толстого и Пазухина — с замедлением прихода антихриста, он велел прочитать себе 2 раза и чрезвычайно одобрил. Он „равенства и свободы“ не любит, как и все духовные люди.

Sapienti sat!»

(из письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову
от 14 августа 1891 года
из Оптиной Пустыни).

идеократия Шамбхалы

— недостаточность Леонтьева, как писателя, в том, что критерием целостности была взята категория «государства», тогда как «государство» — это уже вторичное предсмертное смешение.

— живым Древом цветет Дхарма, — вселенское, а не географическое, измерение многих путей по преодолению иллюзии жизни, а стало быть, и «государства». Поэтому Леонтьев у протославян «ничего» не увидел, считая их аморфными. Ибо не видел «государства».

— ну, а если протославяне были страстными последователями Дхармы в ее наиболее мистическом ключе — учении 4-х Будд о Шамбхале? Тогда бы они членились и ветвились, скажем, по 41-ому уровню вселенских секторов; по традиции, вошедшей в плоть и кровь, стремились бы избавиться от иллюзии бытия и т.д.?

— общей бедой научной мысли 19-го столетия было крайне плохое знание учения 4-х Будд. До сей поры это длится. Плохо и то, что еврейские священные книги получили в общем мнении «статус священности» (боговдохновенности) через соотнесение с Благовестием Иисуса, а «буддийские» священные книги все еще считаются какими-то «ошибками» язычников.

— священные книги учения 4-х Будд должны получить в общем мнении статус «священных» книг, Священного Писания, Библии. После этого классификационный анализ живых существ Дхармы должен войти в плоть и кровь мыслящих, особенно «вождей».

— та партия, или правящий слой, которые вместят это, станут и д е о к р а т и е й, соотносящей свое управление с Шамбхалой.

— только с последовательно идеократических позиций можно принять «партократию» России и ф а к т свершившейся Революции как пресечение европейских иллюзий и провозглашение миссии Шамбхалы в тот самый момент, когда сионистское «государство» Синагоги появилось на земле.

— ни одно «государство», пребывая в идеологии «государства», не сможет противостоять массадизму.

— две предельные идеи должны выявить себя: Синагога и Шамбхала. Тираническое государство земного праха и учение 4-х Будд вселенских горизонтов. Русская революция и русская «партократия» должны быть опознаны и осознаны как и д е о к р а т и я ш а м б х а л ы. Партия должна осуществлять руководство, постепенно внедряя идеи 4-х Будд. Тогда, когда Дхарма войдет в плоть и кровь, тогда и только тогда, в л а с т ь идеократического режима партии может прекратить свои функции «государства» как охранительные и педагогические.

$\mathcal{D}\eta * \Psi \sim \nu^8$ или «звездная морфология»

— современный научный метод характеризуется ясным описанием эксперимента на каком-то символическом языке, обычно математическом, чтобы последующий ученый мог воспроизвести описанное открытие в своей лаборатории и, подтвердив полученные результаты, признать н о в ы й научный факт. После теоретических открытий Вернера Гейзенберга эксперимент получил ограничения измерительных неопределенностей, ибо квантовые процессы не могут быть в точном смысле воспроизведены. Режим приборов, язык описания, — взаимосвязь объекта измерения и приборов из-

меряющих, — все стало более ясным. Гениальный Анри Пуанкаре считал «человека» главным измерительным прибором.

— «преамбула» приведена для того, чтобы наиболее простым способом (но резко и определенно) попытаться приблизить современное «экономизированное» сознание к т р а д и ц и о н н о м у мировидению человечества. Человек, как человек, иерархически выделившийся из животной среды, заявляет о себе в памятниках культуры как «смотрящий на звезды». Человечество осознает тонкую связь своих ритмов с ритмами космоса. Первые ученые создают «календари» и замечают связь циклов наблюдаемого неба с жизнью коллектива. Эта связь фиксируется двойко: на уровне культовых календарных установлений для «всех» и на уровне персональных спектроскопических «звездных карт», позволяющих раннее психофизическое прогнозирование способностей и возможностей индивидуума в его служении общему делу. Везде в той или иной мере (идеально!) моделировались «кастовые» обязанности.

— традиционная звездная спектроскопия в современном «не-традиционном» мире излагается астрологами на их символическом языке. Эти факты могут быть л е г к о проверены учеными с «экономизированным» сознанием.

— $\text{Pl} \star \Psi \sqrt{\text{}}^{\text{}};$ планета «плуто́н» медленно движется **сейчас** в своем зодиакальном знаке «скорпион». Она проходит один знак или 30 градусов за 20–30 лет. «Плуто́н» суть квантовый генератор высокочастотных колебаний, несущих информацию записей сознания, которые, по традиции, аннигилируют, трансформируют и возрождают психофизические энергии космоса-человека. Планета излучает свой канал наиболее эффективно, когда находится в своем знаке, то есть не блокируется излучениями чужого знака. «Плуто́н» сейчас в своем знаке! Это — «скорпион», традиционно описанный как канал интересов к тайне рождения, смерти, развития паранормальных способностей, скрытых источников энергии и т.д. Грядущее д в а д ц а т и л е т и е на земле и в космосе будет находиться под доминантным облучением «плуто́ниевое» канала информации; будут сделаны новые открытия в атомной физике, физике «живого», системах квантовых генераторов, системах «живых»

квантовых генераторов или людей с паранормальными психофизическими способностями, будут развиваться исследования психологии измененных состояний сознания, вновь с мощью возродится интерес к тайне смерти и, связанный с нею, религиозный интерес.

— в стратегическом планировании «образа» политического лидера, получающего возможность «прямого» воздействия на умы и сердца людей через достигнутые и вновь порождаемые системы «массовой информации», необходимо учесть методiku традиционного прогнозирования связей человек-космос. Тот лидер, который правильно оценит возникающую ситуацию «дополнительности» к «экономизированному» сознанию, победит на арене «массовой информации». Тайная дипломатия будет постепенно сходить на нет, — человечество будет искать «звезду».

— по Макс фон Планку «информация» противостоит «энтропии» как наименее вероятное сообщение тривиальному или наиболее вероятному.

— одним из наименее «вероятных», а потому несущих информационный взрыв, событий XX-го века было признание царствующей семьей в России сугубо народной святыни, почти словами Достоевского о Пушкинском величии: «перевоплощение сердцем своим в простолюдина», а именно: инициатива и осуществление прославления удивительного русского человека святого Серафима Саровского. По Достоевскому: царская семья «перевоплотилась в простолюдина», постигла и приняла тайну народной гордости и святыни, а не только «свысока» пожалела темный народ и цивилизованно управляла им. В дни прославления святого в 1903 году Николай и Алиса навестили в Дивеево (частный визит!) юродивую и блаженную Пашу Саровскую, хранительницу заветов преподобного Серафима по преемству от блаженной же Пелагеи. Паша Саровская воскликнула, увидев царицу: «... знаю, зачем пришла ты! мальчишка нужен тебе — будет!»... дело все в том, что «придумать» подобную фразу о «мальчишке» невозможно. Поэтому она несет максимум информации, она — истинна (если же гиперкритика текста Нилуса все же посчитает эту сцену и эту реплику

выдуманной, то тогда ее выдумал гений, равновеликий пушкинской прозе!). После пророчества блаженной родился через год страдалец-«мальчишка» Алексей. В 1917 году царствующая семья отреклась от русского престола, преодолев «византийскую» идею государственности и передав Россию под покров Живой Марии, матери Иисуса. Явилась обновленной и икона Богородицы «Державная». В 1918 году Николай, Алиса, пять дочерей и мальчик, рожденный по молитвам, были убиты.

— современному политическому руководству России можно было бы посоветовать (информационный взрыв!) найти какой-то элегантный способ признать глупость, грубость, злобность убийства. Не нужно (для коммунистов) употреблять термины «покаяния» или «раскаяния» (эти жесты можно было бы ожидать от верующего слоя России), но отметить определенную «эстетическую неприемлемость» убийства в подвале необходимо.

— $\Psi\sqrt{8}$ и $\mathcal{D}\mathcal{M}$; свершенное записано на подобных частотах: образ Николая-отца, спускающегося с младенцем на руках в подвал для приятия муки, неумолимо будет ассоциироваться в сознании простолюдина или с иконой Богородицы Владимирской, или... даже с Образом Отца, страдающего вместе с Сыном Своим Иисусом. Для русских же особенно: замученные «мальчишки»: Иисус, царевич Дмитрий, царевич Алексей.

— п е р в ы м и, спокойно, зрело, скорбно, не боясь своих «простолюдинов», не считая их вторым сортом, русским лидерам следует сделать к р а с и в ы й (для посторонних наблюдателей) неожиданный жест.

<...>

— «византийская» идея земного государства, оформившаяся, по-видимому, в хитросплетениях перед вызовом еврейско-исламского союза 7–10 веков («золотой век» еврейства, по раввину Максуду Даймонту), идея, выводящая за скобки присутствие Живой Богородицы Марии как Царицы Небесной на земле, была, повторим, преодолена арийской царствующей семьей в России. Их смирение

«простолюдинов» перед блаженной Пашей Саровской демонстрировало и преодоление «римской» идеи, быть может, оформлявшейся также перед вызовом еврейско-исламского союза, идеи о земном «священстве» епископа.

— святой свидетель, а «святость» вменяется «епископу» по последованиям поставления в литургических таинствах, знает о Живой Богородице Марии, о Ее «лаврах». Можно вместить, что «епископ» Рима есть глава монашеского ордена при святых мощах апостола Петра, — но Петр, бесспорно, признает над собой главенство Живой Богородицы. Точно так же можно вместить, что «патриарх» России есть глава монашествующих Лавры при мощах равноапостольного свидетеля преподобного Сергия, а «епископы» — это монахи, несущие послушание «епископов» вне стен Лавры. Пример: святой епископ новгородский Никита, схимонах Киево-Печерской Лавры Богородицы. Но, естественно, преподобный Сергий знает и свидетельствует о Живой Богородице Марии.

— признание Живой Богородицы Марии и ветвей лавр «рима» и «москвы» дает серьезное обоснование к преодолению схизмы.

— отречение от престола в России совпадает с появлением Тель-Авива и выявлением идеи земного государства в подлиннике. Только для гоев создается ширма буржуазного многопартийного парламента, тогда как е с т ь и с к р ы в а е т с я «царь Израиля». Этот царь, наблюдая дивеевские события, объявляет о сборе своих подданных в Тель-Авив. Верноподданные идут в первых рядах поселенцев. Ленивые запугиваются спровоцированными погромами и сочиненным «антисемитизмом». Упорствующие уничтожаются руками гоев (скажем, немцев), особенно «крещеные собаки».

Приложение:

приведем цитату из хорошей книги иеромонаха Иоанна Кологривова, русского католика, члена Общества Иисуса: «Действительно, для Киевской, как и для Московской Руси, монастырь является академией и парламентом. Там и только там обсуждались национальные

и гражданские интересы, там вершился суд каждому царствованию, там зарождались надежды будущего и хранилась память прошлого...» («Очерки по истории русской святости», стр. 374).

«...там вершился суд каждому царствованию...» (припомним и гений Пушкина с его летописцем Пименом, пишущим в келье перед иконой Богоматери при свете своей лампы «суд Борису»!), — именно перед лицом блаженной Паши Саровской, хранительницы заветов Богоматери о Дивеево, в этом «дивеевском университете-академии и парламенте» вместили суд своему царствованию Николай II-ой и Алиса-Александра. Если от силы молитв блаженной зависит появление «наследника» престола, то для красиво мыслящих делается ясной реальная власть Царства Божьего, данного здесь конкретно. Николай и Алиса, «наследник» престола Алексей, отказываются от идеи самодержавного государства во имя «парламента» святой Марии, то есть во имя идеи святой Руси, руководимой блаженными старцами перед омофором Богородицы. Прерванная «идея» смирения великого князя перед старцем (опыт Дмитрия и Сергия), восстанавливаемая гением Пушкина в художественно-символическом пространстве «Бориса Годунова», реализуемая склонением философа Ивана Киреевского перед старцем Макарием, ученого Леонтьева перед старцем Амвросием, получает свое завершение в смирении царствующей семьи перед блаженной Пашей Саровской. Это — «онтологически» русское. Если 24 старца Откровения, как шесть крыльев каждого из престольных ангелов, ориентированных по сторонам света, имеют свой «образ», то и русские имеют свой неповторимый «образ» (как и каждый народ). Если «образ» народа в его единстве живых и мертвых и ангелов совпадает при наложении с «образом» политического руководства, то можно говорить об органичности последнего, если нет, — то это насильственная механически разрушающая агрессия организма. В акте отречения от престола произошло «наложение» образов народного самосознания и политического руководства. Имеет смысл в «культурологической разведке» находить подобные «образы» народов и сравнивать при наложении их совместимость. Станет ясным, что массажирующие образы никоим образом не совместимы с образами святой Руси. Механизмы массажа будут неумоли-

мо пытаться разрезать, исковеркать, разрушить, расщепить органический образ святой Руси, этого «университета и парламента» Богородицы.

Вместе с тем, вполне возможно нахождение и наложение «образов» иных путей (Дао, Дхарма) от периферийной обособленности «я» через объединение (йога) с родовой формой-к-престольным Ангелам. Все культуры суть путь. Путь от периферии-к-священному центру, к Престолу.

настоящий американец

Брат мой Рональд,

Вы, конечно же, улавливаете грустную иронию подобного обращения, но тем не менее Вы решились так обратиться ко мне в день рождения Мессии Иисуса (по русской службе «Голоса Америки»!). Правда, Вы не назвали меня по имени, я растворился для Вас в общей «массе темных и забитых», Ваших «братьев и сестер». Кто помогает Вам составлять такую наивную картину о России? Беглые писатели? Эксперты? Ученые? Разведка? Несколькими строчками ниже я обрисую Вам **схему** реального знания, которую Вы сможете уточнять, сейчас хочу поставить перед Вами вопросы, требующие незамедлительного решения.

Вопросы: где скрывается «царь» Израиля? Когда «у них» произошла буржуазная революция, свергшая «царя» и утвердившая буржуазную многопартийную демократию? Как «это» совместимо с Библией, где санкционирована власть «царей» в кастовой структуре иудаизма? Почему «евреи» и «мусульмане» спорят о правах на землю Мессии Иисуса (посмотрите на надпись на Распятии, сделанную на многих языках по указанию Пилата) и Его Святой Матери, а «христианские» наследники, и Вы, брат мой Рональд, молчите? И весь ваш праведный пафос направлен против России-СССР, географического места, где изгнанная со Своей Земли Мария выбрала Себе убежище?

...так мы естественно перешли к сфере реального знания, которым я считаю своим долгом с Вами поделиться (быть может, даже из «трансцендентального эгоизма», как любил выражаться Константин Леонтьев, чтобы «крови» Вашей не было на мне в День

Гнева). В 1831 году св. Мария объявила о том, что Дивеево, местечко в России, выбрано Ею в Свое последнее прибежище **изгнанной** евреями и мусульманами Матери Мессии Иисуса. Вы, вероятно, знаете, что католики и особенно русские святые свидетельствуют о **ЖИВОЙ** по Успении Марии. Все Успенские храмы говорят об этом. В 1903 году по инициативе и усилиями царской четы был канонизирован святой Серафим Саровский, — все это происходило на фоне участвовавших международных сионистских конгрессов. Вскоре был основан Тель-Авив и, таким образом, Дивеево в России и Тель-Авив на земле Иисуса стали «узлами» истории. Во время торжеств прославления царская чета навестила блаженную Пашу Саровскую, и та воскликнула: «... мальчишка нужен тебе, будет!». Это гениальное, подлинно русское по стилю, пророчество исполнилось: Алиса-Александра родила мальчика-страдальца. В 1917 году царская семья по высоким критериям красоты постижения присутствия **ЖИВОЙ** Марии отказалась от престола, передав Россию под покров Богородицы. Это происходило на фоне войны, — Вы уже были разумным младенцем, — этому таинственному факту придали «политические» мотивы... «февраль» стал делить и расчленять Россию Богородицы, сионистские акты здесь могут быть легко прочтены, «октябрь», так ненавидимый Вами, лишь вновь собирал расчлененную Русь... Повторим: арийская царская чета, постигнув через чудеса канонизации Серафима, встречу с блаженной и рождение «сына молитв», **п р и с у т с т в и е Живой Царицы**, изгнанной со Своей Земли, на фоне сионистских сборов в Тель-Авив на «историческую родину», отдала «свое» царство Марии: пригласили, обняли, обласкали Ее. Потом они были убиты, став мучениками. «Братья и сестры», к которым Вы обратились, с большей или меньшей силой знают и любят и Серафима, и Марию. Причем и «простолюдины», и «утонченные интеллектуалы», хотя Ваша певица-подруга и написала, что все, в ком осталось хоть что-то от «божеского и человеческого», уехали из России. Это заблуждение, друг мой, скорбное заблуждение средних людей. В заключение я предостерегаю Вас от каких-либо решений «военного» уровня в адрес России без прямого указания Вам от Святого Распятия. В России выросла в уединенных и «неусыпных» занятиях (слова Пушкина о Грибоедове) молодежь, и эта молодежь постепенно будет обретать государственное значение.

настоящий еврей

— поскольку персональный компьютер купить не на что (и это надолго, если не навсегда!), то предадимся-ка ретроградным фантазиям, этому весьма своеобразному и когда-то (до компьютеров) весьма эффективному способу *м о д е л и р о в а н и я* мира и способов поведения насельников этого фантастического мира. Вперед!

— почему же все-таки 1 ууцц (ужасно умный Цур-Цилиндр) выбрал именно Федора Михайловича Достоевского мишенью своих просвещенных обвинений в «мистическом бреде»? Яков Цур, очень умный человек, боевик Массады, посол, а в последние времена министр иммиграции? Почему этот человек афишируемой «сионистской» идеи, то есть идеи сбора на историческую родину, где распяли «царя иудейского» по нашим источникам, так придирчив к русскому каторжанину? У которого так неожиданно на расцвете сил пошла кровь горлом?

— ну-с, ретроградные модели, что же вы медлите, что же не торопитесь на дисплей гусиных перьев и теней ретроградных свеч? Перечтем кое-что, чтобы *в о з р о д и т ь* стары е русла, старые каналы живой воды, заваленные мусором отходов от электронной промышленности: «Видите ли, чтоб существовать сорок веков на земле то есть во весь почти исторический период человечества, да еще в таком плотном и нерушимом единении; чтобы терять столько раз свою территорию, свою политическую независимость, законы, даже почти веру, — терять и всякий раз опять соединяться, опять возрождаться в **прежней идее**, хоть и в другом виде, опять создавать себе и законы и почти веру, — нет, такой живучий народ, такой необыкновенно сильный и энергический народ, такой беспримерный в мире народ не мог существовать без *status in statu*, который сохранял всегда и везде, во время самых страшных тысячелетних рассеяний и гонений своих. Говоря про *status in statu*, я вовсе не обвинение какое-нибудь хочу возвести... не настали еще **все времена и сроки**, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди... но чтоб сохранялась такая суть дела, уж конечно необходимо, чтобы сохранялся самый строгий *status in statu*.

Он и сохраняется. ... если же существует вправду такой особый, внутренний, строгий строй у евреев, связующий их в нечто цельное и особое, то ведь почти еще можно задуматься над вопросом о совершенном сравнении во всем их прав с правами коренного населения...» («Дневник писателя», март 1877 года).

— ууцц очень хорошо знает, что «государство в государстве», этот строгий кастовый порядок евреев, с о х р а н я е т с я. Если бы не так, то он перестал бы «вешать лапшу на уши» россиянам (он = ууцц), а рассказал бы, когда и где народ еврейский перерезал своих царей, освященных Торой, и совершил буржуазную революцию... рассказал бы изумленному миру о судьбах кастовых родов, р о д о с л о в и я х царей и князей еврейских, священников и первосвященников, финансистов и пр., и пр. То есть рассказал бы изумленным россиянам о р а з р у ш е н и и «[statu]», но он, как министр иммиграции, лишь интенсивно призывает в Тель-Авив.

— ну-с, предадимся ретроградным фантазиям; а что если: сионистское государство Израиль и вся эта «сионистская» пропаганда лишь отвлекающий момент серьезных стратегов, а настоящее «государство в государстве» е с т ь в России-СССР со всем своим «строгим строем», воплями пропагандистов о «правах» еврея-человека и т.д. Что, так сказать, если все эти интернационалисты-еврей-коммунисты, да и не партийцы, а академики, инженеры, режиссеры, критики и литературоведы, экономисты и советники высших, что если все это веточки «[status in statu]» и, скажем, вот там где-то евреи и измаильтяне воюют, а все это лишь стратегически отвлекающие боевые действия, отвлекающие от основной стратегически важной «группы войск захвата», дружно, как и мечтается раввину Максуду Даймонту, в союзе с измаильтянами, в России, пожирающей и экономику, и управленческий слой, и пр., и пр.? А вполне может быть.

— и вот тогда-то ясным становится, почему Яков Цур, посол иммиграции и элиты Массады, ругает Достоевского мистическим ретроградом. Яков Цур, очень умный человек и настоящий еврей хороших родословий, выполняет очень хорошо очень важную работу по дезинформации гоев: чтобы гои думали, что **все** идеи сосредото-

точены в государстве Израиль, что все идеи во вражде с палестинцами-измаилитами. А ретроградный писатель Достоевский, работающий без компьютеров, по старинке со старыми **ключевыми словами**, может кого-то насторожить, повернуть чью-то гойскую голову в Россию, да и вдруг эта голова усмотрит в 3,5 миллионах евреев на территории русского государства не пламенных марксистов-ленинцев, а «государство в государстве»?

— да вдруг это будет еще и мерзостный немец-фашист, которому наплевать на избранный народ Якова Цура?

— да: россиянам великое племя вешает лапшу на уши. Но россиянам надо знать, что как только появится автор, подобный Достоевскому, автор, свободный от компьютерного угара, по-прежнему любящий Мать Иисуса Мессии, то «строгий строй» вычислит его и убьет, если не удастся спойть, перекупить, развратить девочками или золотишком, карьерой или еще чем, столь притягательным для грешника-человека.

Приложение:

мы не слышали от академика Арбатова, что книга раввина Макса Даймонта, срочно переведенная на русский язык, уже пятнадцать (до перевода) лет является «настольной книгой» каждой американской еврейской семьи. Замечательный ученый и пламенный академик не снизошел к книге своих сокровников. Книга называется «Евреи, Бог и история». Мы несколько нарушим принятую схему «приложений»: цитаты и страницы — обратим внимание, так сказать, на глобальные «долготы и широты» этой весьма примечательной книги.

— «полукровки» из больших городов, да еще из читающих семей, после Осипа Манделштама и Бориса Пастернака явно тяготели к «христианству»; в приятии Иисуса Мессии и культуры обретали они свой интеллектуальный «исход» от плоских доктрин. С е й ч а с это не так. Сейчас «полукровки» одевают ермолки и здесь, по-видимому, книги Цура, Даймонта играют свою роль.

— в книге Даймонта призыв к единству евреев и измаильтян при задаче остаться в СССР столь нагл, что переводчик и редактор вынужден даже не согласиться с автором, который (автор) излагает лишь одну сторону еврейской миссии служения «в рассеянии» просвещению темных аборигенов, в данном случае наследственных чингизидов и казаков, совсем недавно еще евших «живых кошек».

— и если Яков Цур сосредотачивает пыл критика на Достоевском, то Макс Даймонт — на публицистике Сергея Нилуса. Он очень высоко оценивает «дневник писателя» Нилуса, приравнивая автора к создателям доктрины антисемитизма такого ранга, как Дрюмон во Франции и Альфред Розенберг в Германии.

— семья Нилусов, особенно его жена, были в какой-то мере близки императрице Алисе-Александре. «Дневник писателя» Сергея Нилуса, выходящий под разными заголовками и не регулярно, не может, конечно же, сравниться по стилю и языку с Пушкинской или «Достоевской» прозой. Это наивные (в этом сила!) публикации о «снах», «видениях», вообще о странной и трогательной жизни «православных простолюдинов», — во всяком случае р о с с и я,двигающаяся к «святым угодникам», тянущаяся к «святым старцам», в этих публикациях дана документально хорошо, и, для аналитика, вполне дополняет, скажем, «антиков» Лескова.

— считать Нилуса творцом «антисемитизма» нечистоплотно.

— понять же, почему Макс Даймонт, военный разведчик, раввинисторик, недвусмысленно выбирает Нилуса основной мишенью обстрела, важно. Нилус писал неутомимо о Дивеево. Нилус написал дневник «На берегу Божьей Реки», второй том был издан в Сан-Франциско и, если бы дошел до «полукровок» мандельштамо-пастернаковского набора, то помог бы им увидеть Дивеево, Богородицу (весь круг идей и проблем, очерченных в наших записках); быть может, «креститься», то есть стать «собакой».

— да: война, братцы, идет, оказывается, всерьез.

ретроградные фантазии:

— ну, а что если за «двадцать веков бытия» действительно образовалось совершенно новое образование, на которое намекает Откровение: «синагога Сатаны», выдающая себя за иудеев? Что если царские и первосвященнические роды вымерли за двадцать веков странствия, вымерли сами или их вырезали синагогальные старцы?

— читающая публика знает евреев Закона и Пророков и евреев, принявших Иисуса как Мессию, то есть принявших Новый Завет в Его Крови. Но евреев, которые не чтут Закон и Пророков, нарушив кастовую структуру, и не нашедших своего Исхода-Пасхи в имени Иисуса, — читающая публика должна опознать как «террористические бригады», какое-то новое совершенно секретное объединение, имеющее «ширмой», выдающее себя за иудеев.

— да, да. Террористическая совершенно секретная организация, вырезавшая своих царей и первосвященников, поправшая свои собственные религиозные установления, изменившая имя, — вот «что» такое наше страдающее еврейство.

— «схема» государства Массادا, предложенная в предисловии — это огромный аванс синагоге Сатаны. Повторим: мы имеем дело с какой-то неведомой ни Ветхому Завету, ни Новому Завету террористической тайной организацией, государством террористов, выдающих себя за иудеев. Если же не так, то, оставаясь в пределах «схемы», нужно попросить их назвать местопребывание царских и первосвященнических родов, строго артикулированных по Моисею и пророкам.

— «вместо» убитых царских и первосвященнических родов, какие-то семьи (итальянская мафия кажется здесь гимназическими упражнениями!), жестко управляющие еврейством и, теоретически, миром, под паранджой религиозно-синагогального еврейства. Действительно: среди грешных земель действует какая-то сверхчеловеческая «семья»; почти «инопланетяне» или механизмы-роботы, ибо они как бы лишены органов, способных внушить им, что

они могут быть обнаружены. Какое-то «презрение» механизма ко всему иному, «органическому». Паровозу, скажем, абсолютно (абсолютно!) наплевать на цветы и травы, которые могут вырасти на рельсах, или, скажем, на человека, легшего на рельсы. Что-то такое «нелюдское» есть в террористах Массады; именно, что они как бы даже не имеют сигналов о том, что их обнаружат, как чужое.

— вероятно, что серьезных наблюдателей, скажем, в Испании, уже охватывал трепет от прозрения. «Общество Иисуса» — прекрасный пример осознанного ужаса при «всеобщем» сне. И это на замкнутой территории горячих и красивых детей — трепетных испанцев. Механизмы, «незаинтересованно» выполняя свою, вложенную в них программу, сжирали страну, — что-то похожее испытали, видимо, и немцы, «северяне».

— **«худший» вариант:** уничтожив остатки родословий по Моисею, перетолковав в устных и талмудических крючках писание, синагогальные старцы начинают «продажу титулов-имен», селекционируя новую знать, под **именами** прежних. Объединившись с измаильтянами, создают скрытую террористическую сеть захвата... террористы, усваивающие спящим землянам свои пороки... масса-дизм, масса-дизм — да сгинет это слово и племя!

БИБЛИОТЕКАРЬ: II самоубийство

К сожалению, я не присутствовал на том собрании, где обсуждалась исходная идея этих встреч, не слышал предыдущих выступлений, да и сам не имею опыта публичных выступлений в незнакомой аудитории. Поэтому мне не очень понятно, с какой же ролью мне отождествиться, выступая перед вами, каким «голосом» говорить и в какой «маске» являться. Однако, если вы не возражаете, я буду вести себя как **информатор**, рассказывающий о содержании ряда традиционных святоотеческих воззрений на душу человеческую, и как **комментатор**, толкующий эти воззрения психологически.

Все, о чем мне придется говорить, — в общем когда-то хорошо известные вещи, несколько подзабытые сейчас; завуалированные идейно-терминологическим фоном научной и обыденной психологии, с которым связан способ именования мира, радикально отличный от традиционного.

Я буду говорить об опыте — душевном и духовном, — называемом в христианской (преимущественно, православной) аскетике «невидимой бранью».

Из чтения книг и частных бесед с психологами у меня сложилось впечатление, что в основе современной психологии лежит следующая скрытая предпосылка: есть нормальное существование человека, в котором он нисколько не помышляет о самоубийстве и уж конечно не прибегает к нему; и есть катастрофическое событие, которое внешний наблюдатель его обозначает словом «самоубийство». Может быть, вы, размышлявшие над этими вопросами, уже и не принимаете подобной предпосылки, но само ее появление было и остается симптоматичным для психологии (научной или обыденной) и культуры, ее породившей.

Я же, со своей стороны, хотел поделиться с вами информацией о точке зрения прямо противоположной: в православной аскетике, которую я более или менее знаю, утверждается, что душа человека изначально пребывает не в состоянии очаровательно-безмятежного мира, но в состоянии непрестанной, ни на миг не прекращающейся войны, брани. В идеальной, чеканной формулировке эта мысль высказана Исихием Иерусалимским: «Ум с умом невидимо соединяются на борьбу — ум демонский с нашим умом». Душа наша не «чистая доска»: с момента рождения человека в мир, его ум (глубинная структура, определяющая все энергии души) постоянно ведет борьбу с облучениями, обстрелами, отравлениями, поджогами и прочими военными действиями со стороны Врага человеков. Ум наш с демонским умом борется, но если он падает от полученных ран, то будет «пленен в страсть».

«Страсти» в аскетике — это терминологически поименованные и технически описанные структуры, попадание в которые приводит человека в отчаяние. И вот тогда, как утверждали святые отцы, «сатана набрасывает на человека петлю». Самоубийство — отнюдь не само-убиение-себя в катастрофе на фоне нормативного покоя («субботы»), но тео-драма с несколькими действующими лицами и многими коридорами в лабиринте «сошествия во ад».

Мои собственные аскетологические занятия сводятся в последнее время к размышлениям о соотношении имени и именуемого — с точки зрения того, кто есть эксперт, знающий имена.

Приходя в мир, мы застаем готовую номенклатуру имен. Общество методом кнута и пряника заставляет нас именовать вещи мира так, как оно считает нужным. Например, именовать занимающую вас проблему «суицидом». Но вот вопрос: откуда мы могли бы почерпнуть (видимо, теоретически) имена-слова, имена-понятия для адекватного описания этого таинственного понятия? И еще: как опознать подлинность самих наших вопрошаний на этот счет, самим не впадая в одну из «страстей»?

Я, например, изо всех сил стараюсь не забывать, что дело «изыскания имен», да еще на таком «страстно-терпном» поле, — на самом деле очень опасное: в указанном выше воинском смысле слова «опасность». Могут «попасть».

Кроме того, я не чувствую желательной для меня каратистской внутренней необходимости «стоять к победе» именно в этой проблеме,

не чувствую, что «суицид» — для меня — смертная проблема и ловлю себя на том, что — по крайней мере, пока — все это не более чем интеллигентский разговор; хотя есть действительно несчастные люди, попадающие в плен к Сатане, впадающие в совершенное отчаяние, которым приходит в гордой мести миру и Творцу его — мысль «вернуть свой билет, — как говорил И.Карамазов, — назад».

Альбер Камю, которого я с удовольствием цитирую, сказал, что существует лишь один, действительно серьезный философский вопрос — вопрос о самоубийстве. Это цитата из «Мифа о Сизифе», и в «Мифе о Сизифе» есть большая глава «Кириллов». Известно, что Камю был под очень большим влиянием Ф.М.Достоевского (может быть, через Л.Шестова, с которым он был знаком).

Кириллов — персонаж «Бесов», удивительного произведения Ф.М.Достоевского. Кириллов — фигура, уловленная русским гением в таком странном способе выражения мысли, как роман. Это человек, который совершенно осознанно кончил жизнь самоубийством. Поэтому, если вы согласитесь считать гения экспертом в области психической жизни человека, то весьма вероятно, что мой анализ проблем, выявленных Достоевским, будет интересным для вас. А после этого я через идею личного врага, супостата, Сатаны попробую перейти к святоотеческой точке зрения на самоубийство. Пока — о Кириллове и «Бесах».

На фоне обычного вопроса: «Почему тот или иной человек кончил жизнь самоубийством?», позиция Кириллова действительно приобретает философское звучание. Его занимает вопрос: «Почему не все люди кончают самоубийством?». Мне кажется, что на это вопрошание имеет смысл обратить самое пристальное внимание. Мы удивляемся, почему человек накладывает на себя руки. Кириллов недоумевает, почему, собственно, все думают, что жить так самоочевидно и очаровательно.

Кириллов — образ художественный. А вот в «Дневнике писателя» (октябрьская книжка за 1876 год) та же позиция выражена в форме личного письма к Ф.М.Достоевскому, которое он опубликовал под названием «Приговор». Это — исповедь самоубийцы. Ход мыслей его таков: всё — материя, смысла ни в чем нет, жизнь жестока, с нами кто-то играет, мы обмануты: «В моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло призвала и произвела меня на

страдания, вместе со мною к уничтожению, а так как природу я истребить не могу, то истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого». Решение о самоубийстве, как видим, принимается доказательно, без аффектации и видимого умопомрачения. Достоевский настаивал на онтологической серьезности вопроса.

Но его долго никто не слышал. Если посмотреть на прижизненное журнальное окружение писателя, то, кажется, никто его просто всерьез не принимал: ... пишет плохо... говорит невесть о чем... ведь всем окончательно ясно, что никакого Бога нет... никаких славян также давно нет... и вообще, сначала уничтожим самодержавие, а уж потом... мы наш, мы новый мир построим. Одним из первых в русской критике обратил внимание на предельную серьезность Ф.М.Достоевского Василий Васильевич Розанов. В «Легенде о Великом Инквизиторе» он выделил пять структурообразующих идей творчества Достоевского, а среди них: **оправдание самоубийства и бессмертия души**, как единственно возможное опровержение вывода о его оправданности.

Образ Кириллова (и плоды его гневливой интуиции) отсылает читателя не к житейским, а к метафизическим горизонтам: последнее оправдание того, что, родившись, люди живут и не налагают на себя рук (не поставляются в темнослужители Князя Смерти), Достоевский видел в бессмертии души. Вот «если Бога нет», то тогда, действительно, «все позволено».

Метафизическая диагностика Розанова уводит нас из чертогов философии, где поселил вопрос о самоубийстве А.Камю, далее — в богословские сферы. И здесь нам опять понадобится взгляд и мнение эксперта.

В исповеди самоубийцы из «Дневника писателя» есть страшные слова о природе, «которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание...». Видимо, исповедник считает состояние страдания столь же катастрофичным, как наши современники — самоубийство. Но вот гениальный арийский философ Будда Шакья-Муни, говоря, что «жизнь есть страдание», имел в виду, видимо, иную ценностную перспективу.

Я думаю, всерьез уязвленных страданием (в социальном, психологическом и метафизическом горизонтах) травмирует прежде всего неучастие в выборе собственного рождения, несвобода жизни

в самом начальном акте ее, в акте рождения в этот мир. Видимо, те, кто видит решающую проблему философии жизни в самоубийстве, т.е. в пресечении жизни, не согласятся со мной, поскольку они открыто допускают нетравматичность рождения. Говоря это, я имею в виду не психоаналитический термин Ранка «травма рождения», а нечто более глубокое: если человек — существо свободное, он всю жизнь будет нести в себе рану неучастия в выборе собственного рождения. По мне именно это — «единственная философская проблема», ибо самоубийство — это уже собственно человеческий, внутрочеловеческий ответ на нее.

Если самоубийца говорит, что он пресекает жизнь из-за того, что его так нагло произвели на страдания, то, видимо, на каком-то более глубоком уровне его травмирует неучастие в выборе рождения. Надо сказать, древние архаические культы никогда не относились к кровному рождению как к последней фазе; напротив, естественное рождение как бы не почитается рождением, и в акте инициации, через систему культовых отождествлений вы отождествляетесь с архетипом, выбирая свое собственное рождение (и тем самым на каком-то уровне снимаете эту травму).

Для Будды Шакья-Муни тезис «жизнь есть страдание» — не последний вывод (перед принятием решения), а исходная посылка, за которой следует утверждение о «пути избавления от страдания», выраженном в аскетической системе буддизма. Человеку предлагается путь (ведение и сила) выбора своего рождения, способ участия в нем, а не только пресечение последствий несвободы (насилия и бессмысленности).

Я подозреваю, что христианство покрыло все аскетические вопрошания буддизма. Оно не отвергло их как неуместные, а покрыло своим благовестием. Оно предложило соучастие в выборе своего собственного рождения через принятие таинств Церкви.

Должен сказать, что когда мне предложили высказаться по вопросам суицида, я надеялся найти невероятное количество свидетельств святоотеческой письменности на этот счет. Оказывается, есть только редкие замечания, не более. По-видимому, на фоне памяти о раннехристианском мученичестве, в контексте общехристианской установки на «страстотерпчество» и в условиях монастырско-аскетического подвига «против страстей», но «посредством них» — самоубийство никогда не считалось серьезной жизненной

и духовной проблемой для православного способа существования. Возвращаясь ранее к проблеме эксперта, который наделяет нас именованиями, я упоминал о гении и о русском гении, в частности о Ф.М.Достоевском. Мне хотелось поделиться здесь одной очень близкой мне мыслью, связанной с Пушкинской речью Достоевского. Он говорил там о некоей русской всеотзывчивости как о типологической характеристике русского этноса. Это, конечно, не строгое суждение, это более высказывание артиста, к тому же сделанное в определенном состоянии. Оно тут же было встречено общим хохотом. В России всегда с чарующим артистизмом плюют на все русское; я не русский человек и поэтому очень замечаю, как люди русской культуры ко всему своему относятся с загадочным пренебрежением. Так вот, высказывание Достоевского о всеотзывчивости русского человека тоже было встречено хохотом: о чем речь, какой человек, что за всечеловеческая отзывчивость? Но мне кажется, в этих словах есть правда, даже большая правда. И как бы продолжая эту мысль, после утверждения о гении как центре нации, после признания Ф.М.Достоевского таким источным центром (одним из) русского народа, наконец, после принятия его высказывания о всеотзывчивости русского человека — я, поставляя Достоевского, как гения, в центр всемирной отзывчивости, хотел бы сказать, что он в гениально творческом поиске уловил нарождающуюся тогда культовую практику человекобожества и художественно выявил ее в Кириллове, высказавшем мысль: «Кто смеет убить себя, тот Бог».

Если когда-нибудь исполнятся, не дай Бог, страшные слова Достоевского об оскудении святости на земле, вопроса «почему человек кончает самоубийством» просто не будет: все будут поступать так. А если кто-то останется в живых, то соберется семинар вроде этого, и скажут: а почему, собственно, этот один не кончил самоубийством?

Гений улавливает происходящее в океане сознания и через свои символы выявляет увиденное пред очи смертные. Я так говорю не потому, что я юнгианец, и не потому, что в снах художника мы можем узнать, что ожидает нас всех в последующих измерениях. Просто, как эксперт в русской словесности, Достоевский видит в Кириллове персонаж с «ново-речью»: если вы помните, лицо, от имени которого ведется повествование в «Бесах», замечает Кириллову:

«А почему вы так странно говорите по-русски, из-за того, что вы так долго были за границей?». Речь у поборника человекобожества меняется: он излагает свои мысли иначе, чем другие русские люди.

Но гением Достоевского уловлено не только это. В «Бесах» самоубийством кончает не один Кириллов, но и человек, вокруг которого вертится все в романе, Николай Ставрогин. Именно в связи с ним мы можем подойти к святоотеческой мысли о том, что после пленения в страсть человек впадает в отчаяние (а отчаиваться хуже, чем грешить, по выражению святых отцов), и тогда враг набрасывает петлю.

Достоевский, опять-таки, если не под общий хохот, то под интеллигентские ухмылки, дважды — в своих, для него, видимо, наиболее важных романах, в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» — вывел такое действующее лицо, как черт. И назвал он роман — «Бесы». И это не было иносказательно-ругательной кличкой террористов. Он действительно считал, что его герои — люди одержимые, и потому выявил как активнейшее действующее лицо черта. Томас Манн потом в «Докторе Фаустусе» сделал то же самое, но у него есть только чарующий художественный флёр, и все как бы не всерьез. В «Бесах» — всерьез.

Выводя для себя легко проглядываемую культоцентрическую структуру, я установил, что гений — это, видимо, такое состояние, когда выплеснутые иероглифы символотворчества наиболее легко подлежат дешифровке в каком-то культе. Кириллов — это явная культовая пародия на св. Кирилла — просветителя славян. Петр Верховенский, уговаривающий Ставрогина стать Иваном-царевичем и мессией, — это, конечно, очевидная пародия на Святого Петра, Верховного Апостола. Сам Ставрогин — это по-гречески, если перевести его фамилию с греческого на русский язык, — это Крестов. Он сначала соглашается на лжекультовое жертвоприношение своей жены, которая по православному вероучению является его телом (жена есть тело мужа). Поэтому поначалу он соглашается на убиение Хромоножки, которая приходится ему женой-телом, а после этого вешается и сам. Притом Достоевский с горькой иронией пишет: когда открыли светелку, то за дверь висел гражданин кантона Ури. Это очень важно: он не говорит, что висел Ставрогин, он говорит: висит гражданин кантона Ури, т.е. швейцарец, а швейцарец — это протестант. И если Ставрогин-Кириллов-Верхо-

венский — это выявление анти-культа человекобожеского, смертобожеского, культа уничтожения, то подлинный богочеловеческий культ Достоевским выявлен в фигуре Тихона, к которому Ставрогин приходит с исповедью. Тихон прозревает воочию то, что сделает со Ставровиным бес, о котором Ставрогин рассказывает шутливо: «да нет, я этому не верю, я пойду к психиатру, это же, конечно, — галлюцинация, этого же не может быть, он такой пошлый, семинарист и т.д. и т.д.»... А Тихон говорит: «Он действительно у вас сидит в углу». Ставрогин неумело отбивается: «Но ведь это же не он, он меня убеждает, что это он». И так далее.

Я хочу высказать суждение об экспертизе именованья: я думаю, что гений правильно именуется в мифеме романа «Бесы» нарождающийся анти-культ человекобожества с его жертвоприношением тела, ибо самоубийство — мне страшно это произносить, но внутренне помолясь за то, чтобы мне не очень отвечать за эти слова, скажу — ложное жертвоприношение своего тела какому-то идолу. Ну какой же интеллигент не ухмыльнется, услышав эти слова. Мы же все знаем, что не только Бога нет, но и черта нет, что нечистая сила приказала долго жить, и даже когда мы считаем себя «верующими», то скорее поверим в биополя, летающие тарелки, астралы и менталы, арканы и эгрегоры, во что угодно, хоть в классового врага, только не во врага личного, не в беса и черта, искушающего именно нас. Да, есть разные неурядицы, но их можно исправить в фазу нормативного, очаровательного и спокойного существования. Ф.М.Достоевский сказал со всей серьезностью (а не с поэтической метафоричностью) о реальном существовании личного носителя зла и вывел его как вдохновителя убийства Карамазова (ибо его черт убил, конечно, руками Смердякова) и самоубийства Ставровина.

У меня теперь есть внутренняя художественная возможность перебросить мост через экспертизу именованья личного носителя зла, выявленного русским гением, к тому, что об этом — на более высоком уровне — говорили святые — эксперты в этой области, потому что вся их жизнь была посвящена созданию пограничных ситуаций с целью выявления козней «вражьей силы» и «невидимой брани» с нею. Они уходили в пост, пустыню, в затвор, проводили ночи в бдениях (т.е. без сна), пели, молились (все это входит в норму аскезы), чтобы выявлять весь тот энергетический и символи-

ческий потенциал, который на уровне неструктурированного бессознательного присутствует в человеке, чтобы — в нем — познать себя, свое реальное духовное окружение, чтобы опознать реальные «условия человеческого существования».

Прежде чем перейти к этой науке борьбы с помыслами (потому что, пока мы говорим о человеке, можно полагать, что мысль о самоубийстве — это все равно мысль), я хочу привести определение Иоанна Карпафского, относящееся к самоубийству: «Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда-предатель был малодушен и не искусен в брани, почему впал в отчаяние, и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же, сей камень твердый, подвергшись страшному падению предательства Христа, как искусный в брани — не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но, вскочив, излил горчайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного, и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лицо, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли». Я хочу обратить внимание на невероятную конкретность описания: св. Иоанн Карпафский может так описывать эту ситуацию только потому, что сам прошел искусы и отчаяние: тогда не писали необязательную художественную литературу для анонимного пользования (эти слова скорее напоминают рецепт врача), книги писались для того, чтобы конкретный человек ими пользовался. Так вот, я подчеркиваю предельную конкретность описания: обстрел, облучение, опаление, возможность принести покаяние, облучение Сатаны, его побег и т.д.

«Отчаяние», как страсть, связано со страстью, которая называется «уныние», а уныние порождается как неудовлетворенная гордость. А горд, по определению Максима Исповедника, единственно только тот, кто не хочет признавать Божью помощь и человеческую немощь. Кто не может признать человеческую немощь, тот и есть человекобог, ибо он мнит себя полновластным, ему не перед кем смириться, не у кого попросить помощь. Такой человек попадает в палящее облучение энергиями мыслеформ, излучаемых в космосе личными носителями зла. Есть проанализированная аскетами связь: ум, энергии ума отравляют энергии души, энергии души отравляют энергии тела и, находясь в ложном, гиблом, облученном состоянии, человек в отчаянии кончает жизнь самоубийством, а на самом деле — совершает лжежертвоприношение Сатане.

Духовная атмосфера, которой дышит душа — через ум, как свою определяющую силу, — совсем не чиста, как кажется, и совсем не однородна. В ней постоянно находятся мыслесигналы, мыслепрограммы, мыслеформы, именуемые в аскезе **помыслами**. Как радиостанции постоянно излучают радиоволны, а мы все время находимся в их поле, — включаем приемник, слышим передачу, так духовная атмосфера наполнена потоками мыслеформ.

Очень схематично я берусь вычленить в ней определенные ярусы и сферы. Там постоянно — с мига распятия Господа Иисуса Христа и наличия на земле святого по причастию Телу и Крови Спасителя — находится Благая Весть. В океане сознания постоянно идет световой сигнал Благой Вести. Далее: постоянно находится сигнал Князя Тьмы, который излучает мыслеформы также в океан сознания. Далее: там находятся мыслеформы всех культовых практик, какие только есть: буддийской, индуистской, суфийской, иудейской, каких-то племен и так далее. Мыслеформы людей, поскольку каждая нормальная мысль имеет форму и существует как реальная вещь. Словом, мыслью можно ранить, убить, а можно поддержать — на расстоянии, сквозь время. Поэтому душа постоянно принимает — через свой ум — какие-то сигналы, и дальше — перестраивает свой контур на прием других новых сигналов.

Механизм таков: есть энергии ума, которые воспринимают облучение; они изменяют энергии души, а те — энергии тела. Вообще, связь ума и тела — не интеллигентская, не кантиански-профессорски-лекторская. Во всем реализме она проходит через христианскую аскезу, где вершинно говорится, что Господь Иисус Христос воскрес по человечеству потому, что Он был безгрешен, ибо смерть пришла через нарушение ума, нарушение энергий души, отравление энергий тела. Воскресение Христа произошло из-за того, что по-человечески он был безгрешен, в нем и у него нигде не было ошибки. И смерть, которую мы воспринимаем как обыденность и естественное явление, религиозное сознание не воспринимает как естественное явление — это не природный факт, а следствие ошибки. Но та же самая связь ума и тела проходит через все аскетические системы — буддийскую или тантристскую йогу, дзен-буддийскую практику, каратэ, и пр., и пр. Это не лекторски-профессорское, а реальное и очень мощное ощущение. Слово, мысль несет в себе энергию. Энергия воздействует и облучает какие-то структу-

ры тела, и вы можете от ее излучения заболеть, упасть, отравиться. Итак, в океане духовного дыхания, в духовной атмосфере находится «непрестанная молитва» (а это очень высокий уровень святости, созерцания), постоянно воспроизводится сигнал Благой Вести, дающей возможность противостоять этому облучению личного носителя зла, Сатаны, и присутствующих около него умных сил. В чем страшность этой войны, по свидетельствам аскетов? В том, что это невидимая брань и что не различаются помыслы. А человеку, в его творческой предпосылке — в замысле о нем Бога — свойственно вообще авторское отношение к миру. Человек вообще много на себя берет. По замыслу ему и положено брать безмерно много. И вот каждую мысль, которая приходит к нам в голову, мы считаем собственной. Аскеты так не считали. Вот святой Серафим Саровский три года стоял на камнях для того, чтобы побороть «хульный помысел». Он уже умеет контролировать мысль, но вот он хочет помолиться, а раньше его — ибо он в теле — Сатана ему всылает хульный помысел, и он — вместо молитвы — произносит хулу на Бога. Это страшное испытание, и выдержать его можно только через полнейшее смирение. Говорят, это последнее испытание подвижника в его гордости. Хульный помысел — последняя попытка сломать его, а он воспринимает, «сослагается» с ним только потому, что у него есть начатки гордыни. Нормальный средний человек не различает помыслы и каждую мысль воспринимает как собственную авторскую.

Я сказал уже, что через страсть изменяется соотношение энергий души, управляющих энергиями тела. Сейчас цитирую из Максима Исповедника: «Говорят, что состояние тела изменяют, и чрез то подают страстные или бесстрастные помыслы, следующие четыре причины: ангелы, демоны, воздух, пища. Ангелы изменяют словом (мыслеформой — *Е.Ш.*), демоны — прикосновением, воздух — переменами своими, пища — качеством яств и питий, их излишеством или скудостью. Кроме сего сказанного изменения производимы бывают еще памятью, в теле — слухом и зрением, когда душа наперед постраждет под действием печальных или радостных обстоятельств. Пострадав от них, — душа производит перемену в телесном состоянии».

Каким же образом выяснена аскетами наука этой невидимой брани, где каждый призывается на подвиг, где идет война; вся тайно-

водческая символика, уясняющая таинство святого Крещения, которое принимает человек, говорит человеку, что он становится под знамена невидимой борьбы с Космократором, Князем космоса; что молитва — это его оружие и т.д. Прямо-таки современная, научная фантастика, но понимаемая как реализм.

Каким же образом анализируется и выясняется возможность этой борьбы? Онтологически она возможна, потому что **есть святой** и потому, что вы приняли таинства Церкви: Господь с вами — и Сатану можно побороть. Это онтологический фундамент. Далее проанализировано, что впадение в страсть проходит пять фаз. Первая — это **прилог**, когда человек, который начинает контролировать, что происходит в его душе, ловит какую-то мысль. Говорят так: прилог — это не грех, мы за него не ответственны, потому что в океане бродит огромное количество мыслеформ и излучений, и когда вы хотите контролировать свой способ именованя мира (свое мышление), вы начинаете осознавать это. Прилог — не от нас, мы над ним не властны и не отвечаем за его появление. Следующий этап — **сосложение**. Это волевое обращение внимания на прилог. Святой, который находится в непрестанной молитве, не имеет прилогов — это называется бесстрастием. Его сознание сосредоточено в центре единой памяти о Боге и ничто другое не входит в него, потому что сознание — это постоянное мысленное воспроизведение того уровня памяти, который мы отождествляем с собой, со своим горизонтом. Видимо, если бы не было отождествления с собой, человек не мог бы переключаться от одного к другому. Святой в непрестанной молитве — это не переключающийся человек, он постоянно думает о Боге, и поэтому свободен от прилогов. Сосложение означает волевое восприятие, фиксацию того, что все-таки прошла эта мысль. Это, конечно, еще и не страсть, и не грех, но этим нам говорят: внимание! раз ты замечаешь это, значит в твоём приемнике есть структуры, которые готовы раскрыться к приему помысла. Следующий этап — **сочетание**. Если из океана мыслеформ я заметил, а не прогнал, на секунду заметил эту мысль, то на следующей, третьей, фазе будет сочетание. Это уже сигнал опасности: одна и та же мысль начинает удерживаться мною в сознании. И в следующий, четвертый момент — **пленение**, когда мыслеформа, пришедшая через прилог, сосложение и сочетание, пленяет ум самым наркотизирующим, гипнотизирующим образом. Тогда говорят:

«Я не могу от этого отвязаться». Допустим, меня кто-то вчера обидел, я вспылал в тот момент, через секунду попросил прощения и больше об этом не вспоминаю — это нормальный способ существования, это маленькое ранение от Сатаны, я его перевязал, могу дальше воевать. Но, допустим, я и завтра вспоминаю, как меня обидели, и послезавтра, а потом начинаю строить мысленные формы: как я ему, ух, как я ему не успел ответить, вот бы надо мне ему сказать... Я начинаю говорить внутренние монологи... Все, человек пленен, вся вокруг нечестивая компания радуется, что попал человек в плен. Следующий пятый этап — собственно **страсть**. После пленения, которое все еще пока в уме происходило, но через отравление энергиями ума происходит изменение энергий души, а потом и тела — это уже страсть. Она проявляется в теле, во всем, так сказать, чувственном опыте. Сейчас цитирую святого Филофея Синаита: «Наперед бывает прилог, приражение — действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена; потом сочетание, содвоение — внимание сковано предметом, так что только и есть, что душа да предмет, приразившийся и ее занявший; далее сосложение; засим пленение — предмет взял в плен душу, возжелавшую его, и как **рабу** связанную ведет к делу; наконец, страсть — болезнь души, частым повторением (удовлетворением одной и той же страсти) или привычкою к тем или иным делам, которыми удовлетворяются, происходит вкачествование», изменение качества всей энергии и соотношений энергий. Какие же бывают страсти? Вычленено очень много их разновидностей и нюансов, но в целом аскеты различают восемь классических страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Все они суть конститутивы самолюбия. (Вспомним еще раз определение Максима Исповедника: «Горд один тот, кто не признает ни Божеской помощи, ни человеческой немощи»). Эти восемь страстей врачуются добродетелями. Если, допустим, монах идет в послушание, то на первом этапе — упражнения тела (пост, обет воздержания и полная нищета), противостояние трем телесным страстям, т.е. чревоугодию, сластолюбию (блуду) и сребролюбию (деньгам). Он принимает эти обеты раз и навсегда. Но это только первый этап. В монашестве есть ступени послушания; после этого человек принимает схиму, а потом великую схиму, когда становится молитвенником за весь мир, уходит в затвор. Гнев, печаль, уныние — это душевные страсти. А вот тщеславие и гордость —

страсти духовные. В православии нет деления на смертные и иные грехи, как это есть в римско-католической церкви. Но считается все же, что уныние — смертный грех, оно порождает отчаяние. Отчаиваться же хуже, чем грешить. Отчаяние порождает полное пленение помыслом о самоубийстве. И враг набрасывает петлю. Значит, уныние возникает как результат неудовлетворения других — телесных или душевных — страстей.

Эта черная лестница, приводящая к унынию, начинается снизу, от телесных страстей. Например, я хочу удовлетворять чревоугодию; питание чрева (гормонально, наверно) связано с железами половой секреции (аскеты это знали категорически). Если ты в посте, то блудить не очень хочется, сил нет. А если ты хорошо поел острого мяса и довольно выпил, то возникает блудный помысел. Но для всего этого нужны деньги... Если же их нет, появляется гнев, [который всегда от] невозможности реализовать какую-то свою налично существующую страсть. Если же нет возможности и гневаться (попробуй гневаться перед начальством), тогда я пленяюсь страстью печали. Печаль — это невозможность прогневаться всерьез и тем «как бы» удовлетворить невозможность получения всего отсутствующего. Укореняющаяся печаль приводит к унынию. Со стороны духовных страстей — то же самое. Тщеславие, суетная слава... если нет возможности ее продемонстрировать, возникает уныние. Я, наверное, сейчас своим сообщением удовлетворяю страсть тщеславия, т.к. произношу эти вещи с удовольствием, меня радует, что вы пока еще меня слушаете; смертная заинтересованность в проблеме как бы уходит, и, конечно, тонкий анализ мог бы показать, что где-то происходит сложение с тщеславным помыслом поучения.

Сейчас я вам прочту высказывание великого святого, Иоанна Лествичника. Он знаменит тем, что он составил «Лествицу», такую книгу, где в тридцати главах описано тридцать ступеней духовной борьбы (и на каждом этапе — со своими пространственно-временными координатами, рекомендациями). Вот его определение гордости: «Гордыня — есть отречение от Бога, внутреннее отречение от Бога» (Кириллов горд: «Кто смеет убить себя, тот Бог»), это «демонское изобретение лжеуничижения человека, мать осуждения, укрывательство от Божией помощи, предшественница умоисступления, предуготовительница немилосердия, неведение сострадания, противник Богу, корень хулы». Я говорил о хульном помысле. Вот она,

предуготовительница немилосердия: несчастный, плененный личным носителем зла и решающий убить себя, мне представляется чрезвычайно немилосердным существом. Чрезвычайно несчастным, но и чрезвычайно немилосердным: он не думает о близких, давно не думает о Боге, — он мстит, конечно же, мстит. Гордость категорически связана с немилосердием, а милосердие — это и есть смирение, это знание своего места. Как говорил святой Дионисий Ареопагит — мы не мучаем слепых, а ведем их за руку. В святоотеческой перспективе человек воспринимается как существо, живущее в очень сложной, трагически сложной ситуации. Если он пленен, если он ослеплен, то его не надо мучить, не надо добавлять ему больше, а надо стараться вести его за руку, каким-то определенным путем.

Заканчивая сообщительную, предвопросную часть своего выступления, повторю слова, уже произнесенные мною: если попущением Божиим действительно произойдет такой ужас, что иссякнет на земле святость, и в духовном океане сознания не будет непрерывного светового, оздоравливающего, лечащего и целящего излучения святости, то вопрос «почему некоторые кончают самоубийством?» будет смешон, все будут самоубийцами (в том или ином виде). Это будут страшные времена Антихриста или человекобога. И вот гениальное, культоцентрическое выявление (в лице Ф.М.Достоевского) всеотзывчивого русского гения: Кириллов — это прообраз, пророк нового, лжепросветительного культа. Гений и святые — в номенклатуре наименования, с которой сейчас работает наше сознание, — говорят о самоубийстве как о лжекульте жертвоприношения своего тела в энергиях гордыни, отчаяния, немилосердия, которое приносит плененная душа Сатане.

Вот все, что я хотел сказать, выполняя роль информатора-комментатора, и мне бы хотелось, чтобы и далее я остался в этих пределах.

Прения, сиречь вопросы и ответы, а также ответственные и безответственные заявления

— Если принять схему, которую вы нарисовали, то как бы вы объяснили такой социологический факт. Известно, что самоубийства — по странам — обладают за определенные сроки редкостной устойчи-

востью. Например, каждый год во Франции кончают с собой 12 чел. на 100 тыс. жителей, в Норвегии — 7 чел., а совсем рядом, в Швеции — 22 чел. Как бы вы взялись объяснить этот феномен?

Может быть так: бес, который опекает эти страны, требует для своего подкармливания именно столько жертв. Потому что ведь есть ангелы стран, есть и бесы стран, как личный ангел и личный бес. Я сказал это, оговаривая свою осторожность. Но, поверьте, я не могу исходить из предпосылки, что Бога нет, я так не могу думать.

— Нет, я все прекрасно понимаю...

Поэтому я не могу сказать, что самоубийство есть полное самоуничтожение. Есть расчленение души и тела. Душа бессмертна, она падает в свое измерение, будет нести свое наказание и т.д. Поэтому я очень осторожно в своем психологическом комментарии попытался связать самоубийство с традиционным культовым термином «жертвоприношение». Вот я и думаю, что если есть такая статистика, и если верить науке и ее горизонту времени, т.е., в данном случае, считать, что есть названные вами суицидологические константы, то, видимо, в невидимой брани между силами света и тьмы последним на данной территории нужно столько-то жертв; ибо им нужно жить, все живое требует пищи.

Это один из принципов аскезы — дух кормится молитвой, душа — энергиями духа, тело — энергиями души. И когда она [душа] их теряет, тогда она начинает брать что-то извне для окормления. Сатане нечем кормиться у Бога, ибо Крест уничтожил его царство. Когда хоть на одну секунду на земле усиливается поток праведности, «они» сразу сжимаются, хиреют; напротив, скудеет праведность, и «они» раздуваются, тучнеют. Не надо смеяться, это рассказано так, как дети рассказывают о своем, не рефлектируя... Весьма вероятно, что этот прикрепленный «враг места» для того, чтобы не иссохнуть, требует обязательного количества жертв, которые здесь — в отчаянии — принесут ему энергию.

— А не получается ли слишком жесткий детерминизм в таком смысле: если, допустим, в Швеции Сатана требует 22 чел. в год на 100 тыс. жителей, он всегда их и требует, что ли? Это детерми-

низм, задающий структуры деятельности одной личности, задающий структуру деятельности этноса. Наверное, нехорошо, если свобода уничтожается...

Наверное. Я же не говорю, что это хорошо. Ведь вы понимаете, что я ответил: есть механизм облучения, заражения, передачи его и т.д. Я бы мог сказать еще, теоретически, что в странах протестантизма должно быть больше самоубийств, чем, допустим, в странах, где есть еще более серьезное отношение к культуре. Что получается: было сказано, что нет врага... Жили и воевали, потом кто-то пришел и сказал: да перестаньте, что вы, никакого врага нет — это ваше начальство, чтобы вас все время держать под ружьем, чтобы вы пололи ему огороды и ботинки чистили, говорит, что там враг, а никого там нет. Это диверсия, это лучшее, что может сделать лазутчик. Это же самое сделал Лютер, оторвав культуру от серьезного культового отношения к действительности. А потом создали спутники, которые летают на Луну, и какие-то гуманоиды летают — кто такие, никто не понимает... Я не думаю, что это детерминизм. Я думаю, в ответ на ваш вопрос, что это падение молитвенного поля (во всем реализме обстрела мыслеформами), что у каждого человека есть ангел и есть бес, к нему приставленный, и точно так же бывает ангел у народа и темная сила какого-то народа. Я не ответил на ваш вопрос?

— Вы вообще все подразделяете так симметрично — на добро и зло? За каждым человеком стоит ангел черный и ангел белый? А тогда можно ли спросить, каков онтологический смысл князя тьмы? Если считать, что добро изначально и Бог изначален?

Бог смерти не сотворил и зла не сотворил. Онтологически — это проблема свободы. Бог не сотворил зла, но он сотворил свободу. Что такое свобода, мало кто понимает, но налично она существует, поэтому Сатана не просто смысловой элемент в структуре мироздания, нет. Он реально есть как — по свободе — отпавший от Бога в миг творения. Но поскольку мироздание проходит через Крест, через бездну, то такой уровень самоотрицания в Сатане в принципе в нем заложен.

Если я, испытав несвободное плотское рождение, при наличном уровне сознания не контролирую свою жизненную ситуацию, то

имею возможность задать вопрос Творцу: зачем Ты сотворил меня, не испросив на то моего изволения? Вот единственный сатанински страшный вопрос к Творцу. Буддизм в ответ на это говорит: ничего еще нет — вы еще не родились, вы должны выбрать свое рождение сами. И христианство то же самое говорит. Для того, чтобы избавиться от этого вопроса, я должен иметь возможность уже при наличном своем существовании — в каком-то смысле, который еще нужно найти, — вновь и теперь уже свободно выбрать свое рождение. Писание говорит, что верующим в Иисуса Христа дана власть быть детьми Божиими, т.е. замысел о творении предполагает мое свободное соучастие в том, чтобы мне стать сыном Божиим. Это уходит в тайну троичности, в высоты мистико-догматического учения о Троице. Потому что, говоря о Боге, мы говорим о трех Ипостасях; о тайне рождения Бога Сына от Бога Отца, о неслиянии и нераздельности человеческой и божественной природ в Боге Сыне и т.д. Моя мысль — в попытке ответить на ваш вопрос — сводится к тому, что при этом соучастии в выборе рождения в Боге, я должен пройти — правильно пройти — «фазу самоуничтожения», во всяком случае во всем том, что касается моего наличного существования: я должен перестать отождествлять себя с этим телом, с этим именем, с этим горизонтом жизни — после этого я должен в молитвенном предстательстве попросить помощи о том, чтобы меня проводили отсюда; и затем я должен принять таинства церкви, т.е родиться вновь от Бога: символически — через погружение в воду, причастие Телу и Крови; а реально — через смерть Христа. Таков правильный путь, иначе я, после осознания всего трагизма своей жизни и невозможности на последней глубине разрешить в себе все ее проблемы, должен был бы проклясть своих родителей: как они могли решиться, ведь был 1934 год, что они — не знали, что творилось здесь в те годы; почему меня вытолкнули жить сюда? В пределе таких вопрошаний я должен был бы осудить своих родителей? Нет, если в самом деле задаться этой проблемой как предельной, то нет. Для этого, правда, нужно было найти такого гениального философа как Шакья-Муни, который, увидев всего одного больного, но, видимо, море крови, был так потрясен, что бросил царский дом своего отца, ушел в лес и там понял не только то, что мир есть страдание, но что есть путь избавления от страдания. А мы не задаемся вопросом о трагизме бытия как такового, мы все

думаем, что мы что-то подлатаем, что-то изменим, проголосуем так, а не иначе, поборемся еще за что-то... и все станет на свое место. Тогда как есть только одна возможность соучастия в своем рождении; тогда я постигаю, что моя обида и раздражение — от самолюбия: самолюбие — это тяготение к сохранению своего статуса, который я считаю самодостаточным. Повторяю: онтологически есть фаза прохождения через небытие, которая дает возможность падения. Поэтому христианство, беря на себя всю ответственность ответа о трагизме человеческого существования, апеллирует к Кресту Господа Иисуса Христа, Ипостасного Сына троичного Бога, который, пройдя через бездну смерти, воскрес и сказал о себе: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь». Ибо жизнь определяется как единение с Богом.

— И еще у меня есть один вопрос. Мне не очень-то понятно, как у вас сосуществуют и буддизм, и христианство, и, видимо, многое другое. Я примерно так мыслю: в каждой форме вижу свою истину и все они для меня реальны. С другой стороны, вы выступаете от имени христианства. Каким образом у вас все сосуществует?

Нет, от имени христианства я не могу выступать, я говорю как частное лицо...

Я уже писал об этом. Для меня это стало проблемой, когда один человек поделился своим необычным опытом, соотносимым с очень высоким буддийским посвящением, и тем не менее, он выдавал себя за нормального грешника, каковым является каждый здравомыслящий христианин. С другой стороны, меня очень заинтересовала ситуация, связанная со словами Спасителя: пойдите, научите и крестите все языки, т.е. все народы, во имя Господне. Поскольку это был Господь и все, что сказано, по-видимому, имеет смысл понимать в культовых терминах, а не в философских, социологических, психологических и т.п., то очевидно, что Он посылал своих учеников в культовые общины, а не просто страны. И вот, интересно, каким же образом и о чем они могут говорить, придя в культовые общины? Ну, с иудеями ведь вопрос культово ясен: у них был Завет. Они ждали Мессию. В результате невероятного подвига еврейской девушки Марии Богородицы и 12 апостолов некоторые иудеи приняли, что пришедший и есть тот самый ожидаемый Мессия. Остальные не приняли — распяли этого, выгнали принявших из Храма и по-прежнему

ждут. И у вас здесь, в семинаре, есть представитель рода первосвященников этого Храма. А как быть с другими, в частности, с буддистами? Согласно их каноническим текстам, они никого, никакого Мессии не ждут. Каким образом можно было бы нести им Благовую Весть? И точно так же, как конститутивом гениальности для меня является прозрачность иероглифики (простота и легкость дешифровки), полнота откровения как предожидания, так же и в вопросе о Благовесте нужно исходить из предпосылки, что христианство — это полнота откровения. Я исхожу из этой предпосылки и вижу уникальнейшие достижения буддизма как предожидающего Христа и в полноте разрешающего свою проблематику в христианстве. Я не могу сказать, что буддизм есть частный случай христианства, и уж совсем не могу сказать, что христианство есть частный случай буддизма. Это было бы релятивизмом. Я по малости своей все-таки тяготею к краеугольному камню — ко Христу. Но если попытаться с этой фундаментальной основы (краеугольности) взглянуть на мироздание, то все культовые практики и ветвящиеся от них культуры и этносы могут быть постигнуты как предожидания и предизображения благой вести о Царствии Божьем и Господе и Первосвященнике Иисусе Христе. Различие же этих культов-культур-этносов будет определяться тем, как — через энергосвязь ума, души и тела — «умное делание» в той или иной технике медитации формирует, отливает видимые очертания жизни: вплоть до оттенков кожи, разреза глаз и т.д. и т.д.

Вот, если войти в Успенский Собор, — что вы увидите? Как устроен храм? Есть церковная ограда, притвор, потом «внешний храм» — так вот это как бы язычество. Потом мы должны принять таинство, т.е. пронырнуть через собственную смерть в воде, после этого мне подадут причастие Тела и Крови Спасителя. Если я все это правильно, как путь, совершаю, то в следующий момент — если у меня есть возможность вернуться и вообще об этом всем еще думать — резко меняется точка отсчета пространственно-временных координат мира. Святой, прошедший этот путь в полноте, смотрит на весь мир из Чаши, он как бы выплеснут в иконостасе. Все, что вы видите в храме, есть вариации на заданную тему — это гениальные интуиции человеческой культуры, которые могут быть сохранены как ценные только тогда, когда с определенного уровня я их осмысливаю как иероглифы к иконе; это предощущения гениев аскезы, высочайшим откровением данные явно...

— Скажите, а откуда у вас такая, общая для многих образов жизни, предпосылка о несчастье мира, о трагичности существования, о несчастье сознания?

У меня лично?

— Да. И почему вы проецируете ее на всех людей и утверждаете, что именно она лежит в основе мира?

Я не могу ответить на ваш вопрос. Потому что я сам в общем счастливый человек. Этот вопрос повергает меня в жуткое смущение, он означает, показывает, насколько я был невнятен, излагая все то, о чем я говорил. Я исхожу из предпосылки грехопадения и искупления, зафиксированной опытом аскезы.

— Скажите, а если это зафиксировано в опыте аскетов, то, может быть, это существует только в их сознании? А в сознании простого человека сейчас происходит что-то другое?

Да, ну и что?

— Как же быть с ним? Значит, и у него все равно происходит невидимая брань?

Конечно, и у него тоже. Он и ходит во сне. Но ведь и он будет умирать. Если он здесь не кончит самоубийством или не впадет в отчаяние, то в миг смерти увидит это. То, что посторонний наблюдатель описывает как смерть, аскет переживает в полноте своей веры; он радостно уходит, веря, что во время Страшного Суда он будет рядом с Богом, и, наверное, улыбается.

— Скажите, а неверующий человек может счастливо умереть?

Вы знаете, я не могу отвечать на такие вопросы. В каком смысле «счастливо умереть»? Удачно с точки зрения спасения? Конечно, может, если он, глазами не прочтя заповедей Божьих, выполнял их. Но, говоря о нынешней духовной атмосфере, я старался показать, что такого человека сегодня не может быть; заповеди — это

не только написанное на бумаге (если Бог говорил, то вот мы здесь с вами сидим, а на определенном уровне здесь где-то висят энергии заповедей Божиих). Для меня это требует уточнения: что значит «неверующий»? Не принявший таинств какого-либо определенного культа? Или человек, который отверг веру? Не знающий веры или человек, который каким-то способом отверг веру?

— Я не знаю, как вы называете тех людей, которые в большинстве нас сейчас окружают и которые прямо заявляют: все это поповские бредни, идеализм и поповщина...

Это не все окружающие нас люди говорили, а лишь некоторые.

— Я не знаю, как вы их назовете, но утверждаете ли вы, что у них не может быть счастливого сознания? Утверждаете ли вы, что они обязательно кончат жизнь самоубийством, поскольку в них происходит невидимая брань, в которой они, вероятно, не имеют хорошего оружия, чтобы защищаться от Врага...

Они просто не знают, что есть Враг...

— Тем более, они должны попасть в его лапы...

И попадают...

— Но ведь не все кончают жизнь самоубийством?

Я не знаю, что это значит. Я могу сказать, что святой никогда не кончит. У меня другая социология. Мне достаточно, что один кончил самоубийством — зачем мне все. Что за количественные критерии такие? Я их не понимаю.

— Причастность к культам спасает ли? Тожественна ли она верованию?

Конечно, нет, это самоочевидно. Но я не уловил мысли, что значит «неверующий»?

— Ну, предположим, человек с детства крещен, потом он ничего не вспомнил — он ведь действительно искренне считает, что никаких божественных существ в этом мире нет...

Обязательно ли он наблюдаемо кончит самоубийством в этой жизни? Да нет, ведь сидим же мы здесь...

— А как же тогда...?

Но онтологически — думаю, что да. Во всяком случае его судьба — в онтологическом самоубийстве. Ведь я же говорил о «системе космического энергообращения», точно такой же, как кровеносная система, которую показывают студентам-медикам. И если видишь ее, то ясно, что, кроме наблюдаемого в этом мире самоубийства (при всем его несчастье), есть еще и онтологическое самоубийство, т.е. состояние лишенности жизни еще при жизни, своего рода «мертвая жизнь». А жизнь есть Бог. Тот, кто не соединится с Богом, тот в онтологической глубине — самоубийца. Но это опасно произносить, потому что это не медицинская терминология. Почему я и говорил, сославшись на Камю, что это проблема философская. И она вводит в глубину засмертную.

— А почему вы утверждаете, что такой человек не обладает полнотой жизни?

Ну просто потому, что я верующий человек, я считаю, что полнота жизни есть полнота прохождения за все горизонты смерти и полнота соучастия в том блаженном бытии, которое обещано нам после второго пришествия Христа, когда вся эта вселенная в ее эмпирически наблюдаемом виде погаснет. Это я называю жизнью и причастие к этому я хотел бы обрести по моей малой вере. Все остальное я считаю несчастьем. Для меня это самоочевидно.

— У меня еще есть вопрос из серии «спрашивайте — отвечаем». Я в этом деле очень плохо понимаю. В вашей онтологии получается примерно так: есть у каждого человека свой ангел и есть свой личный враг. Меня интересует мера ответственности самого человека: причем он-то тут? Но чтобы пояснить вопрос, я вам приведу кон-

кретный пример самоубийства. Кончает жизнь самоубийством молодой человек 23 лет, шофер, в состоянии глубочайшего алкогольного опьянения. В большинстве случаев очень сильно выпивают, прежде чем это сделать. За три недели до этого акта он спросил у своей невесты: «Если бы тебе сейчас дали миллион — ты бы согласилась повеситься?». Она говорит: «Зачем же мне миллион, если я повешусь?». Он говорит: «Да, но здесь были бы врачи, они бы потом тебя спасли и вручили бы тебе деньги». Я отношу эти слова к инфантильному сознанию: в детстве человек часто думает, что смерть обратима. Вот мера ответственности этого человека — он не мстил никому...

Но откуда у него взялась мысль о миллионе?

— Этого я не знаю.

А вот это-то самое главное. Как и зачем могла возникнуть мысль, что можно таким образом заработать...

Прежде чем совершится самоубийство, должна быть мысль, какая-то мотивировка. Вы говорите — он никому не мстил, но если он убил себя, он не милосерден: разве подумал он о невесте своей?

— Еще пример: шестидесятисемилетний человек три года думал о самоубийстве, а потом стал очень сильно приглашать к этому делу свою жену; он говорил, что мы доживаем собачий век, что человек должен жить до шестидесяти двух лет, а после — собачий век. Ваше объяснение таково — он пленен был мыслью...

Ну конечно, я же прочел определение самоубийства Иоанна Карпафского — с онтологией Иуды и Петра: Петр совершил потрясающее преступление, но он нашел силы покаяния; а силы покаяния человек может найти тогда только, когда он понимает, что есть кто-то выше и его. А если человек не хочет понять этого, он для меня человек несчастный.

Есть французская пословица: никто не доволен своим состоянием, но все довольны своим умом. Вот в чем дело. Мало кто хочет признать, что в космосе есть умная сила, наблюдающая нас, способная считывать программу вашего поведения: например, воспринимать цвет ваших излучений. Пришел человек в какое-то состояние и излу-

чает красно-коричневую энергию. Ею Сатана питается и всылает ему, допустим, такой помысел: мы то-то, мы се-то, мы бедно живем, мы неудачники и нужен миллион. У него не было перед этим миллиона, и ему кто-то сказал, что миллион — это есть счастье. Откуда в его сознании могла возникнуть мысль, что деньги — это ценность, что жизнь можно отдать за деньги, потому что наука такая уже есть — реанимация: вернут. Вот ведь что интересно. Это — что? Страсть сребролюбия? Почему Гобсек или Скупой рыцарь — интересная фигура, а ваш жених — нет? Может быть, он действительно хотел миллион?

— Нет же, дело не в этом: главное — мера ответственности. Ведь по-вашему получается, не он сам борется, а его Враг борется с его Другом, а он всего лишь поле их сражения.

Нет, он на поле сражения, он соучастник...

— Вот вы говорите о милосердии: они, мол, кончают собой и потому они немилосердны к близким. А что вы можете предложить в виде реального милосердия? Что вы можете предложить реально людям, чтобы помочь им? Вы ему скажете: это у тебя страсть. Он скажет — ну правильно. Онтологически все понятно: есть лучи, человек попадает под их воздействие; попал туда — так он такой, попал сюда — так он другой. Я понимаю, что я огрубляю. В чем проявляется в вашей онтологии личная свобода — это же основной вопрос? Человек приходит к Богу в свободе, он приходит действительно с целью послушничества — это понятно. Но тем не менее — где сфера проявления этой свободы и как можно человека в этой свободе убедить? Святой, конечно, действует своим примером; но дело в том, что примеры святых один смотрит и понимает, а другой смотрит — и не понимает; понимает тот, с кем уже произошло уверование; а как человека наставить на путь истинный?

Я могу вам только сказать, что это наверное трудно. Я думаю, что нужно молиться, очищать духовную сферу и укрощать Сатану.

— Кому молиться?

— Такой ответ есть, это понятно.

Что делать в конкретных условиях, в вашей, видимо, действительно искренней озабоченности — вы уже видите этих людей каждый день? Человеку нужно говорить правду. Человеку нужно говорить правду, правду с детства о том, что его окружает в мире, погружать его с детства в меру серьезности и трагизма жизни и смерти, и попытаться отвечать ему на вопросы.

— И еще. Я прошу прощения, что я так долго спрашиваю, но, по-видимому, это должно меня интересовать просто по роду деятельности. Было ли в христианской традиции табу на само слово «смерть»? Потому что когда сейчас я спрашиваю детей до пяти лет — что такое смерть, что значит умирать, то эти дети еще мало-мальски понимают. А пятилетняя девочка отвечает — это глупости. Я говорю: что значит «глупости», о глупости вообще говорить нельзя? Что это — традиционное христианское воспитание или современное?

Нет, это современное. Традиционное христианское воспитание — это поставление перед лицом смерти.

— С детства говорение о смерти?

С детства, конечно.

— Тогда получается, что маленьким детям надо показывать покойников?

Обязательно, а как же иначе.

— И тогда не надо бояться, что это их психически травмирует?

Конечно, не надо.

— Может быть, вы так говорите потому, что для вас путь к спасению — только через страдание и через аскезу вот в каком-то таком несколько физиологическом смысле. Это путь через буквальные страдание, что, вообще говоря, даже в рамках христианской тради-

ции может быть поставлено под сомнение. Потому что в принципе страдания унижают человека. Это очень трудно выразить, я совершенно не готова к этому сейчас, я просто об этом совершенно не думала, но когда я вас слушала, у меня все время возникали такие сомнения. Ну — как это сказать? Многие страдания не очень мне говорят о святости. Я понимаю, без страдания нельзя. И кое-что здесь относится по ведомству психологии: души, а не духа. У душевного (психологического) мученичества есть духовный (метафизический) коррелят — это страдание. Кто вышел из себя душевного и вошел в себя духовного, тот, может быть, и мучается, но не страдает. Ведь преп. Сергей не страдал, правда?

Я знаю единственного человека, который этот путь выполнил правильно — действительно правильно. Это Андрей Рублев. Но ведь это человек, у которого настолько мало страданий, настолько его концепция историчности очищена, у которого бытие человека — именно как человека — настолько просветлено, что... Но об этом вы ничего не говорили и получается, может быть, слишком мрачная картина. Я понимаю, мало времени и прочее... Но тем не менее, на мой взгляд, есть две традиции в христианстве: одна традиция обращает внимание преимущественно на страдания, другая — на радость. И, мне кажется, не всегда они сходились...

Я просто про себя могу сказать, что это не так. Я считаю, что нужно культивировать радость и благовестие. Я не один раз сказал (может быть, слишком терминологично), что в океане бытия всегда присутствует непрестанная благовествующая радость святого и что в принципе спасение — только в причастии ей, а не в прохождении опыта страданий; но... фактически — к сожалению — дело обстоит таким образом, что приходится пройти опыт страданий.

— А я считаю, что не надо детям показывать покойников. Потому что если мы действительно хотим их счастья...

Что значит «показывать»? Водить их специально на кладбище?

— Нет, почему? Если умерла мама у двухлетней девочки, возникает вопрос: надо ли показывать маму двухлетней девочке?

Обязательно надо.

— Я знаю такую девочку — у нее была жуткая психическая травма...

Нужно: чтобы мать была отпета в храме...

— Но ребенку же два года!

Если вы говорите о христианстве, послушайте панихиду, где смерть — это праздник... Но понимаете, в чем все дело? Я говорю «молитва», «панихида», и это лишь слова, откуда мы в «евклидовом пространстве» и не прошли пространство храма, не стали причастниками Царства Божия... Было пережито катастрофическое состояние, когда почти все было разрушено — ведь это не само собой естественно отпало, а разрушалось, разрушалось... Крестом Господа Иисуса Христа человечество было избавлено от рабства невозможности пойти в посмертном опыте в какие-нибудь иные места, кроме как в логово Сатаны. Это было сделано раз и навсегда. Представьте: вы все в тюрьме, вас взяли, схватили и заперли. После этого приходит Бог, отпирает замки и говорит — вы можете выйти. Но человек может не хотеть выйти. В этом он трагически свободен. Он может плюнуть в распятие. Может! Со всем ужасом этой ответственности. Вот это и есть его страшная свобода.

— Да, но и внутри христианской традиции сегодня есть разные типы религиозности. Созданы другие пути говорения, обращения с языком, названия именуемых сущностей. Здесь же было представлено довольно традиционное понимание религиозных феноменов. Описанная структура безусловно есть, она понятна. Но в современной религиозности пытаются искать новые исходы. Вот почему я спрашивала: что делать с человеком, в чем милосердие, что можно предложить человеку?

Я, если вы помните, начал выступление с признания, что у меня нет лекторского опыта. Да я вообще считаю, что лекция — не лучший способ общения. Я думаю, что человек должен иметь мужество сформулировать вопросы прямо к Творцу. Он должен их сформулировать и задать. Вот если бы меня спросили, в чем сегодня (по

разрушении аграрно-патриархальной структуры вокруг монастыря) состоит наше упование, я бы ответил — в культивировании чувства онтологической ответственности.

— Какая уж тут ответственность, когда человек лишь поле борьбы двух начал?

Нет, он участник, выбирающий ту или иную сторону.

— Разве он выбирает? А если он болен психически к тому же...

Ну, во внутреннем ранге самооценки я все-таки считаю, что я неуязвим. Потому что я говорил в пределах объявленной манеры выступления. Я сказал, что постараюсь говорить о проблеме самоубийства как о философской проблеме. После этого я рассказал, что на этот счет думали эксперты в этой области, потому что подвижник — эксперт в этой области. И если вы заметили, я все время апеллировал к культоцентрической системе мира; я думаю, культ раньше мифа и раньше философии; вначале что-то ритуально делали, потом начинали интерпретацию и появлялся миф, потом он терял свои религиозные истоки и так появлялась философия. Важно, что вы делаете, культово делаете. Поэтому рассуждения Л.Шестова о христианской метафизике мне — в этом контексте — вообще не занимательны, потому что он не был крещен и не знал этого опыта.

Вот Мережковский в статье «Последний святой» задал вопрос о св. Серафиме Саровском: «Весь народ воевал с Наполеоном, а он молился на камнях». Это суждение диагностическое: оно обнаруживает горизонт ценностей автора, для которого война на внешнем уровне явно важнее войны внутренней. Я же думаю, что радоваться надо — но радоваться серьезному — тому, что несмотря на все были и есть святые которые доставляют тем самым радость Богу.

— А в момент страдания — как нужно себя вести?

Нельзя осмыслять его шизофренически, в разрыве культуры; нужно, чтобы была целостная модель, которая...

— Да, предположим, что при мне кого-то мучают — вот собаку убивают. Я страдаю, глядя на это...

А чего страдать — нужно подойти и дать в рожу этому человеку.

— Кабы можно было, а как нельзя — тогда что?

Нужно довериться внутреннему зову. Я вас уверяю: в самые катастрофические моменты жизни совершенно необученная душа внутри апеллирует к Творцу. В пограничной ситуации — до опыта смерти, до конца прельщения — зов всегда есть. Благовестие есть.

И мышление, как говорил Платон, — это припоминание. Вот вы говорите о ребенке. Да ребенок во снах обучается тому, о чем не снилось никому из вас. Вы думаете, что он знает о смерти меньше? Он знает больше о смерти. Во снах, в молитвах, если он еще был крещен. Ведь почему крестили новорожденных? Ну казалось бы: где свобода воли, они не понимают ничего. Нет, онтология таинств — это то, что действует реально.

Я рассказывал одной девочке о Боге, рассказывал ей о Распятии, а она заплакала: она плакала, ей жалко стало Бога. Это и есть начало подлинной религиозности: нужно пожалеть не людей, а Бога. Нужно пожалеть Бога.

— Но ведь она человека пожалела...

Нет, она пожалела Бога. Нужно онтологически пожалеть первичность. Вот упомянули мирозерцание Рублева, так вы взгляните — ведь это же все мирозерцание перед Распятием. Ведь если мы апеллируем к истине, а философ, видимо, хочет знать, как все есть на самом деле, — то вдумайтесь в слова Евангелия: ну, если на самом деле пришел Бог, сотворивший небо и землю, и Ему плюнули в лицо, потом прибили гвоздями к кресту и камнями избивали на глазах у Его Матери — как быть с этим? Я могу в жестокости и запальчивости сказать: «А я вообще плевал на все». Но я могу и припасть к Его ногам и не соучаствовать в этом оплевании Его, которое повсеместно происходит. И оказывается, что если я это делаю, то Он даст силы любви к людям. Вот в чем дело. Ибо не любя Бога, нельзя любить людей, как бы вы ни уязвлялись их страданиями.

Ф.М.Достоевский показал, как при невозможности помочь страдающему мы очень скоро начинаем его ненавидеть. Вы не переносите муки видеть и не мочь помочь. А если вы хотите помочь, то, оказывается, силы для этого вы можете обрести через любовь. А любовь подлинную, свидетельствуют святые, можно обрести только через любовь к Богу.
Спасибо вам.

АКУМА: III Россия

ВВЕДЕНИЕ:

Иван Киреевский кончил свою старую статью для чтения в узком кругу (1839 г.) «в ответ Хомякову» следующими характерными словами: «желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь **француз** понял оригинальность христианского учения, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы **немец**, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы **французу и немцу** и сами узнали бы то, что имеем». Это суждение, как будто, противоречит той интерпретации **п р о г р а м м ы** Пушкина и «русской партии», которая связывается с литературной деятельностью Ап.Григорьева, Достоевского, быть может, даже Леонтьева, то есть молодежи «почвы», которая существует позже кружка кн. Одоевского... «у нас нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке. Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует», — это Пушкин. Им и была явлена теория и практика поэтической «эголокации», своеобразного зондирования и отыскания в поэтически-вдохновенном дрейфе образов и слов, принадлежащих этому, а не иному народу, в этот, а не иной, период времени. Поэт призывается (рождается поэтом) на свое провиденциальное служение: создание в поэтически-вдохновенном дрейфе языка для изъяснения в этот раз «по-русски» учености, политики и филосо-

фии. «Поэты суть голоса масс, народностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат к уразумению эпох-организмов во времени и народов-организмов в пространстве», — это Ап. Григорьев. Эти строчки еще можно воспринимать как реплику на программу кн. Одоевского в «Русских ночах», но здесь есть уже и иная интонация, которая разовьется в особую тему Достоевского, вернувшегося из ссылки. Для Достоевского **народ** явно не покрывается принадлежащими к синодально-православным, скорее народ «концентрированно» явлен на каторге «мертвого дома», в лице его насельников из раскольников, мистических сект, «пугачевщины»; помочь народу обрести ясное и ответчивое миропонимание призывает Достоевский вслед Пушкину предавших свою душу писанию и «тиснению», ибо «народ вдумывался в себя и свое положение, пробовал создавать себе воззрение, свою философию, распадался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых всходов, новых форм». Крайне интересно, что зрелая литературная практика Достоевского, вернувшегося из мертвого дома и познакомившегося с квинтэссенцией народа на каторге, совпадает по времени с царствованием Александра II-го. Они и умерли почти одновременно, причем царь был убит, как до этого был убит Пушкин. Я рискну с некоторой долей нежности назвать Александра II-го и Достоевского представителями «пушкинской» партии. Известно, что Александр Николаевич воспитывался Жуковским на «Борисе Годунове», «Полтаве». Его отец, Николай I, «воспитывался» во встречах с Пушкиным, в его умудряющихся и высветляющихся историософских идеях о судьбе России, — эти же идеи доносились Жуковским и Плетневым до детей царя. Эти же идеи зафиксированы в произведениях Пушкина и изданы ко времени зрелости Достоевского. Пушкин и Николай, Достоевский и Александр II уже явно, а потом и Николай II-ой с прославлением святого Серафима, — все это «вехи» трудного пути русской партии, которая шаг за шагом после Петра и Александра I-го набирает мощь в жесточайшем сражении с более организованной анти-русской партией. Здоровье нации состоит в выявлении ее национальными гениями некоего «культурного архетипа» и связанного с ним ценностного поведения, как задачи жизни. Должна быть явлена «трагическая маска» и «поведение» этой маски. Если мешать поведению или надевать иную маску, чем

ту, которая соответствует таинственному духу народа, то это означает уничтожать жизнь народа и его среду. Осмысление свершается в языке. На какой-то таинственной глубине погружения в творческом дрейфе, глубине, тяготеющей к предельному е д и н с т в у, напитывается дух, как губка, чтобы по мере всплытия облучаться уже разделенными ветвями, чтобы, далее, вынырнув на поверхность, говорить, кряхтеть, ворчать или кричать уже п о - р у с с к и. Центрующая глубина сакрального лона, то, что видится святому там, в Центре всех Центров, если проносится неизменным в предельной ясности ума святого воспоминания, дает и к о н о п и с ь, «обведенное видение», имеющую узлом всех канонов Св. Крест и Сошествие во Ад. Софийные высокие иконостасы, пошедшие по Руси после явления великого Сергия, суть незамутненные видения, как явленные тайны глубин бытия, как явленная и н ф о р м а ц и я из Источника. Для преп. Сергия, по-видимому, Светозарное Единство глубин, к которому прикасались исторические вожди культур, чтобы создавать символы п а м я т и или п у т и -к-Сакральному Центру, было определяющим. Он как бы видит все символы как иероглифы воспоминания заповеданного Пути. Для него, по-видимому, все культы и культуры суть «надгробия», вежи п у т и по воскресению мертвых, вежи п у т и -к-Отцу. В раю было дано это обетование умирающим праотцам. Люди, праотцы, не только «просто» умирали, но и попадали за смертью в застенки Сатаны, излучая оттуда скорбь и болезнь. А архетип приема Божественного Света был нарушен, нельзя было увидеть Бога и не умереть, не выдерживая, р а з р у ш а я с ь от приема Энергии Света. Св. Сергий увидел, по-видимому, Храм Святой Троицы как некое Единое все-надгробие, где Господь, несущий Свет, Неразрушимый, сошел во Ад и возглавил исшествие-Пасху все-адамитов. Высокие иконостасы без внутреннего насилия могут быть аутентично истолкованы как цветение и уточнение канона иконы «сошествие во ад». Здесь, в высоком иконостасе, лики праотцов, пророков заняли свои места, лишь намеченные в каноне «сошествия во ад». Святое Распятие п у с т и л о с в о и с в е т о з а р н ы е к о р н и во ад, и праотцы и пророки через н и м б ы, воссиявшие в их умах*, п р и в и л и с ь к корням

* Особая и крайне интересная тема: мера свето-приема в Нимбах; ибо свечение было различным в приеме родовых ветвей, и Господь увидел и тонко различил силу

Древа Жизни, а Иисус, Распятый на Древе, постигается подлинным Сыном Человеческим, пришедшим спасти Род Человеческий из пасти ада. Когда смотришь из притвора, скажем, на иконостас Успенского Собора в Кремле или в Троицком Соборе Лавры, то поражает ликующее, песенно-благодарящее исшествие из ада праотцов, пророков, св. Марии, Предтечи, апостолов, святителей, свидетелей, захватывающих с собой в эту радостную демонстрацию и благодарящих, то есть служащих «евхаристию» в храме... Как во Адаме все умирают, так и во Адаме же, принявшем Свет во аде, — все оживут, все те, кто пойдет за праотцами, кто суть земной плод на какой-то из ветвей этого родового генеалогического древа жизни царей и священников. Интересен именно Варфоломей-Сергий, славословящий по житию Святую Троицу во чреве матери, то есть род, обладающий по соотнесению с христологией сознанием и волей, славословит Творца и видит уже во чреве будущего святого, как плод на какой-то ветви Светозарного Древа. Вместе с тем и канон иконы «сошествия во ад», и цветение этой иконы суть свидетельства догматического поля суждений о Нетварной Энергии, просиявшей на Фаворе. Ибо если Господь преобразился перед будущими апостолами в присутствии Или и Моисея, то сняв плоть («во гробе плотски») и сойдя во ад («во аде же с душою яко Бог»), Он сиял там Светом Божественных Энергий, принимаемых постоянно и безгрешно Его сознанием и волей по человечеству, его «душою». Первыми свидетелями Благой Вести были заключенные в аду прародители, они, так сказать, в реальности ИСХОДА свершили пасхальную «евхаристию» Нового Завета. Ибо Моисей вывел евреев из Египта, и в память об этом исходе празднуется пасха, а новый Моисей вывел прародителей из ада, и когда выведет всех в воскресении, тогда будет пить Новое вино, празднуя ИСХОД. До той поры те, кто привит к Древу, воюют на земле, просвещенные Светом сияющим из ада, по преемственности каналов в ветвей родового царственного священства. По-видимому,

любовного приема Спасения. Он, Господь, во аде отметил родовые имена, «крестил» все ветви по иерархии приема света, определил (не предопределил!) имена. Далее эти родовые имена расцветают в земной истории. То есть, ясен фундамент для возможного синтеза «протестантских» интуиций и видения святых свидетелей.

невозможно принять ток светозарной крови-к-воскресению, минуя п р и в и в к у к какой-то из ветвей Древа Жизни; здесь лежит таинство «схимы».

В Византии, после догматических определений о Троице и Лице Господа Иисуса Христа, фундаментальные свидетельства о соотношениях «природы» с «сознанием и волей» н и к а к не проросли в экклезиологию, да и вообще в антропологию. Быть может, потому, что эти определения искались вне культовых практик, а в сфере рационалистических терминов. Такое впечатление, что в ареалах буддийской Дхармы с их настаиванием на преодолении иллюзионизма «я» для прорастания сознания п р е е м с т в е н н о с т и, триадологические и христологические постижения не могли бы не вызвать вопрошаний о р о д о в о м сознании и воле, ибо, повторим, за всеми символами буддийской йоги стоит это и только это наставление: все глубже и глубже постигать сознание и волю будд как плод созерцания Отца-Матери... Итак, вослед догматическим определениям о сознании и воле Единого Бога Отца и Сына и Святого Духа и д в у х сознаниях и д в у х волях в Ипостаси Господа Иисуса Христа, соотносимых с Его Божественной и человеческой природами, догматических определений о с о з н а н и и и в о л е Церкви, как благодарящего человечества, исходящего из ада вослед Свету Иисуса, сделано не было. Литургическая и догматическая (и аскетическая, и культурологическая!) жизни как бы отслоились друг от друга, хотя в чинопоследовании таинств продолжали считать себя п р и ч а с т н и к а м и Св. Крови. Получается так, будто «человеческая природа» догматических определений существует где-то сама по себе в «бумаге», а Св. Кровь или Святая Вода крещения существуют сами по себе, без «сознания и воли» Ипостасного Бога Сына Воплощенного. Качественность суждений о тайнах веры не ставится в зависимость от м е р ы причастия Св. Тайнам, — но относится к «непогрешимости» или римского папы, или коллективного папы греческих Соборов... Поскольку же было дано Церкви Отцом через Иисуса и ОТКРОВЕНИЕ о сроках, и опять-таки это знание не могло быть не запечатленным в светозарной крови Иисуса, то и и с т о р и о г р а ф и я никак не привилась к литургической жизни, да и литургическая жизнь не увидела себя ясно и определенно и к о н о й н е б е с н о й б о ж е с т в е н н о й л и т у р г и и, данной Отцом чрез Сына для Церкви и вклю-

ч е н н о й в канон Нового Завета. Литургия Иисуса Христа через Иоанна Богослова не воспринята; служат литургии св. Василия, Иоанна, ищут к о р н и их, предлагают гипотезы, а п е р в о о б р а з, данный в Новом Завете, не вмещают. Все это каким-то странным образом элиминировало д е л о Иисуса из вселенной, замыкая Его в стены спорящих храмов... Словно можно стенами отгородиться от с и я ю щ и х э н е р г и й всетворческих слов Единого Слова, произнесенных ведь. Как будто кто-то сильный стер слова Бога из вселенной и будто они существуют очень недолго, пока служится в **этом** храме служба, и только **здесь** вот... Попытка св. Максима Исповедника создать синтез «мистагогии» не дала плодов... Морфология жизни культовых практик народов не семенилась от цветения Древа Жизни. В храме что-то пели, а ж и л и по каким-то своим правилам. Как исполняются крещальные обеты, данные в чинопоследовании? Как они проводятся в жизнь? Занят ли человек реально соучастием в в о с к р е ш е н и и м е р т в ы х? Можно ли поставить критерием отсчета эту практику? Конечно, н е т. А ведь это в пространстве Благой Вести просто не может быть. Просто не может быть... Русь принимала чинопоследование крещения от иерархии Византии, которую очень упорно и столь же безуспешно призывал к покаянию святой Симеон Новый Богослов. Жизнь иерархии не соответствует словам и обетам литургических молитв поставления по епископа, как во «святого», и ученый муж-епископ Василий Кривошеин не удосуживается взглянуть в архиерейский требник, чтобы обосновать «претензии» святого Симеона. Этот «святой» епископ должен быть собственноручно причащен Святой Десницей Иисуса по литургии (2-ая молитва по «Отче наш...»), затем уже преподавать «народу»...

Более того: самое это идеальное и не достигаемое чинопоследование во «святого» свершается в принятой практике над «именами», обретенными в местных чинах «пострижения» в монашеские образы жития при давании дополнительных к крещальным монашеским обетов, то есть меняются имена, обретаемые в чинопоследовании крещения «во оставление грехов» по обетам Символа Веры... Что же эти обеты и последующая благодать чинопоследования таинства крещения, «единого крещения во оставление грехов», п р и н ц и п и а л ь н о недостаточны, или же их достаточность не реализуется в волевом подвиге восприятия? Местные чины монашеских обе-

тов не уяснены как «тайинства» Церкви, а в них м е н я ю т с я имена, полученные в последовании крещения, причем меняются иногда трижды от «рясофорного» монаха до «схимника»*. В католической практике непонятна в этом же контексте мена имен при

* Жизнь чинопоследования идет «по кругу» от «митрополита»: он освящает «миро»; без «мира» невозможно совершить чинопоследования крещения; митрополит надписывает антиминос; священник дает епископу ставленническую присягу — без «митрополита» и «мира» жизнь чинопоследований останавливается. Повторим: поставление же во епископа (архиепископа, митрополита, патриарха) совершается над именами, обретенными вне чинопоследования крещения, хотя все поют «Символ веры»: «исповедую **едино** крещение во оставление грехов; чаю воскресения мертвых», — которое возможно лишь по «причастию» крещальному **имени**, как погружению во **ИМЯ** «человечества» Иисуса, Который есть Первенец из Мертвых... По-видимому, чинопоследование поставления «во святого» считается недостижимым, ибо чинопоследование погребения «епископов» не есть и прославление, хотя, если он при жизни «молил Бога о нас», то и после смерти должен делать это... Недоумения множатся: если Господь «**вспомнил**» имя патриарха или митрополита на сегодняшней литургии, то неужели Он забыл это имя к завтрашней?*** Если Он вышел в Св. Дарах и «увидел» Свой образ, иконы, предстоящих и т.д., то разве они (во всяком случае «без-отказные» вещества сосудов и икон, и стен, и воды, и свеч, и масла) не **светятся**, если Он признал их за «свои» священные символы? И «куда» уходит Свет от «этих» икон, если Господь помнит их как свои? И Свет престола, стен, дверей? Всерьез, конечно же, вопрос может стоять лишь о «**святом свидетельствовании**» ТАИНСТВА, Священного Иисусом Мессией и Его Святой Невестой. Чинопоследование суть «иконопись» Тайинства, свидетельствование, а образ (икона) обладает Светоизлучением (Энергией) Первообраза. «Омофор» светится, а вот принимает ли этот «свет» **имярек** или закрывает себя (во аде) от Света, — это вопрос другой. Господь, однажды пришедший в Св. Дарах, может «узнать» в ОБЛАЧЕНИИ митрополита (и т.д. — в облачении всего храма!) свою икону; и отныне **эти** ризы будут сиять, ибо не имеют «сознания и воли» отказаться, но вот «узнает» ли Господь имярек, исполняющего послушание литургического служения, это вопрос таинственный, ибо здесь «личное» знакомство. Св. Симеон Новый Богослов настаивал на том, что не заметить «личного» знакомства с Господом (апостольский чин) невозможно; без этого **опыта** «служить» **ризой** как иконографией всей Церкви можно, хотя опасно для жизни: светящийся омофор может сжечь, — но «вязать и разрешать» запрещается. Преп. Максим Исповедник говорит о присутствии «благодати» в Церкви **всегда**...

*** Если, конечно же, Господь «помнит» имя патриарха (папы), а он, в свой черед, имена епископов, а те — священников — паству, то все эти ветви прививаются к Лозе; тогда не ясно, зачем вспомнить «иные» имена, кроме патриарха (папы), ибо нарушается течение соков в ветвях? Если Господь помнит и знает имярек «лично», то этот имярек суть святой апостолический свидетель Иисуса Помазанника. Равный первоапостолам. Если «папа Римский» признан ап. Петром, пребывающим монахом в Риме, своим «наместником», то это одна из ветвей Древа; такая же ветвь может вырасти у мощей преп. Сергия в России, где патриарх — «наместник» Лавры Сергия... Святой свидетель не отменяет места первосвидетелей, как и они не прекращают собой рост Древа Жизни.

поставлении на послушание «папы римского»... Возникает вопрос: имя Петр есть ли крещальное имя во имя Крови Иисуса Мессии, в полноте подвига реализованное Петром от наречения, через покаяние и «стяжание» Духа Святого, или же имя «папы»?..

...фактически о русском «народе» можно сказать, что он всегда ищет святых, старцев, одаренных явными сверхнормальными способностями, а сами русские святые опознают тайну своего служения (преп. Антоний и Феодосий Печерские, преп. Сергий) под водительством Живой По Успении Марии Богородицы, под, так сказать, Ее Световым ореолом, Ее омофором. Высокие иконостасы, как закрытый для среднего наблюдателя догматический язык, свидетельствуют о преодолении несколько надуманного спора о «свободе» и «благодати», ибо Древо Иконостаса, где святые суть «плоды», висящие на Ветвях Древа, родового Древа от Адама до наличного святого, показывает, что благодать, воссиявшая во аде, была воспринята человеческим родом, его «природой», и оттуда просияла и в первых двенадцати апостолах, представителях 12 колен Израиля, и в последующих святых, принимающих излучение от Воскресшей Марии, как Новой Евы и т.д. Нужно разглядеть в каждой единичной иконе иконостаса цветки и плоды на Древе Жизни: так, как смертное излучение праотцов, пребывавших во аде, обучало смерти и детей их, так и Светлые Короны Благой Вести исшествия из ада просвещают к преображению и воскресению «детей их» на земле: Свет Христов просвещает всякого человека, грядущего в мир после «свершения» на Кресте. Как в Адаме все умирают, так во Христе, сошедшем во ад, все «адамиты» оживают, предводительствуемые Живой по Успении святой Марией. Европа, которую хотел бы просветить Ив.Киреевский, давно забыла и отвергла и почитание святых, и восхищение святой Марией. Словарный запас языка изменился.

Роль русского языка и созидания языкового мира как дела «государственного», кроме Пушкина, была отмечена ученым М.Н.Катковым в программной статье «Русского вестника» (№1 за 1856 г.). Почти по Хайдеггеру: «язык — дом бытия». Цитата: «множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству... Пушкин, как видим, сам чувствовал свое великое значение; он чувствовал,

что гением его завершен ряд славных усилий, которые дали русскому слову силу всемирную, силу служить прекрасным орудием духу жизни и развития». Все это сказано Катковым по поводу образов стихотворения «Памятник». В самом деле, язык, как конечный набор алфавитных единиц, своими соединениями иероглифических или фонетических единиц, составляет целое памяти. Память, как хранилище первичной информации по ориентации в окружающей среде пространства и времени, суть «охранная грамота» первичного набора элементов жизнестойкости архетипа. Память и мышление были для древних почти синонимами. Сохранение памяти неповрежденной в пространстве и времени есть сохранение от губительных м у т а ц и й, нарушающих первичный архетип. Нарушить набор «ключевых слов» целокупной памяти, лишит язык каких-то слов, а стало быть, и понятий, означает и д и в е р с и о н н о е р а з р у ш е н и е жизни архетипа. Пушкин сравнивал свою поэзию с артиллерийской пушкой, а свою деятельность с производством «печатных снарядов». Федоров, адресуясь к Достоевскому, с его пушкинской программой, очень страстно настаивает на напоминании и введении в русский каталог слов о «воскрешении предков», о человеке, как существе «погребавшем». Это — очень сильное напоминание! Человек, как «сын», а не просто молодой «самец» некоего вида животных, опознается как ошеломленный смертью «отца», как строящий всю свою культурную деятельность в идеях в о с с т а н о в л е н и я архетипа ДО смертной катастрофы. Культура есть деятельность по воскрешению «отца», — это было з а б ы т о, хотя и присутствует в обетах христианских общин под членом «символа веры», а вера есть осуществление ожидаемого по Павлу, как чаяние «воскресения мертвых». Пушкин, фиксируя по «вдохновению» русский универсум, особенно в «Борисе Годунове» и любимой «Полтаве», фиксирует и с в я з ь деяний живых и мертвых. Стратотерпцы младенец Дмитрий, младенец-сын Марии Волконской, сам Кочубей участвуют в земных свершениях, как это и рисовалось в древних летописных сводах, по которым учились древние великие князья. Которые (в идеале) могли пойти за советом к святому, чтобы там, перед святым, обрести свое почвенное единство с народом. Учились у святых иноков в обителях их. Разделения на домашних учителей сомнительного уровня, на университетские программы и «суеверие»

народа еще не наступало! И оно, это разделение, в мощной художественной сфере преодолено в универсуме русского «дома бытия» Пушкина. Пушкин вновь возвращает, вопреки созревшему на Западе отделению, историю к космогониям. Вселенная отвечает на деяния людей. Чума приходит и земля не родит, и дождь не идет, из-за убийства и святотатства. Смешно надеяться на сокрытие, если камни возопиют! Вселенная связана намертво нитями микро и макрофизики... Это, как будто, мир афонских исихастов или буддийской Дхармы, — каких-то элементов возможного русско-азиатского синтеза. Ключевые слова, понятные и крестьянам, и монахам, и йогам, и дервишам-суфиям, столь милые сердцу очаровательного янычара Амин-Оглу. Ученость, политика и философия высказались в языковом мире Пушкина. Польские претензии отвергаются и опровергаются явлением самобытной гениальности, а не «лекциями».

С т и л ь б ы т и я русских явлен. Нельзя говорить о несуществовании русских как культуры после явления Пушкина. Архетип дан, «трагедийная маска» принесена, — остается «мимезис» или медитативная практика о с у щ е с т в л е н и я «самобытного мира». Дан с т и л ь б ы т и я как бы в синтезе житий, как жанра. Инок «Бориса» — это художественный сплав житий и Сергия, и Серафима, и будущих ученых, приемлющих отречение от мира в погружении изысканий. Возражая трепетному Леонтьеву, можно сказать: с о б с т в е н н ы й с т и л ь дан.

§1. ИЗ РУКОПИСИ «ЗРЕЛОГО» ФЛОРЕНСКОГО

«...род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки. Каждое время его ценно по своему; однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить. Эта задача должна быть окончательно выполнена особыми органами рода, можно сказать энтелехией рода, и породить их — ближайшая цель жизни всего рода. Это благоухающие цветы или вкусные плоды данного рода. Ими заканчивается какой-то цикл родовой жизни, они последние

или какие-то предпоследние проявления рода. Будет ли от них потомство или нет — вопрос уже несущественный, по крайней мере в жизни данного рода, ибо в лице своих цветов он уже выполнил свою задачу.

...нет никакого сомнения, жизнь рода определяется своим законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнения также и в *свободе*, принадлежащей роду, — свободе, столь же превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем, как и полнота жизни рода в целом превосходит таковую же отдельных родичей в среднем. Кроме того, в какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода это самоопределение его получает чрезвычайные возможности. **Род стоит тогда у дверей собственной судьбы.** Если вообще, в другие времена в лице других его членов, ему предоставлена некоторая беспечность и от него не требуется четких решений и прозрения в жизнь и задачу *ц е л о г о*, то, наоборот, в такие времена и в лице таких своих членов он приобретает возможность подтянуться, духовно напрячься и на этих поворотах сделать выбор, сказать либо *да*, либо *нет* высшему о них решению. Так бывает в жизни отдельного человека; но неизмеримо ответственнее эти узловые точки в жизни целого рода. И тут род волен сказать *нет* собственной своей идее и вырвать из себя источник жизни. Тогда, после этого рокового *нет* себе самому, роду уже незачем существовать и он гибнет тем или иным образом. Жизненная задача всякого — познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношения отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего — познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуально свою, поставленную себе, а свою — **как члена рода, как органа великого целого.** Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают, почитая его в худшем случае — за предмет пустого тщеславия, а в лучшем — за законный исторически заработанный повод к гордости. Однако ни то, ни другое не улавливает главного: *к а ч е с т в е н н о г о* превосходства и качественной полноты рода над родичами... От рода, как целостного четырехмерного образа, уже сравнительно легкий переход, по крайней мере в мысли, к племени, народу, государству,

расе, наконец, к целому человечеству, конкретное единство которого было понято и прочувствовано в опыте почти мистическом, вопреки рассудочному складу всего своего мышления, Огюстом Контом. Все эти сущности, простираясь четырехмерно, имеют каждая свою форму, свой облик, и в явлении он воспринимается как гений или ангел-хранитель племени, народа, государства, расы и всего человечества.

...Живая идея совокупной твари, Она же Церковь Предвечная, или София – Божия Премудрость в твари, этот божественный первообраз и форма всего тварного бытия завершает ряд восходящих образов, по мере восхождения все более общих и вместе с тем – все более полных, конкретных и содержательных. В иконописи это Великое Существо, эта вечная неувядаемая чистота, цельность и непорочность Первообраза Божьего мира, полно выражающегося в Сердце мира – в Богоматери, оно представляется в виде окрыленной огнезрачной царственной женской фигуры...».

Стилистические ограничения, выявленные жанром, а именно: «схематический план не-прочитанных лекций», – не позволяют пуститься в увлекательную археологию раскопок, чтобы сравнивать черепки керамики и классифицировать слои отложения во времени: кто и какой мастер в пределах традиции ваял сосуды, осколки которых обнаружены... Приведенный отрывок взят из рукописи книги проф. Флоренского, подготовленной им для издания и составившейся из лекций. Идея соотнесения символов Софии, как иконы, с позитивной религией Огюста Конта, принадлежит не Флоренскому, а Соловьеву. Что сам Флоренский и указывает в книге «Столп и Утверждение Истины», стилистически совсем иной, нежели жанр издания отредактированных лекций. Флоренский приводит и письмо Соловьева к Толстой, описывающее данные к генезису идей о Софии в творчестве Соловьева. Там даты «раньше», чем его знакомство с проектом Федорова, где идеи «иконотемплекта» Премудрости выявлены очень сильно. Стилистика текста Федорова напоминает «реферат на Румянцевскую библиотеку», без ссылок на источники, что (ссылки на источники) выгодно отличает «Столп...» Флоренского. Быть может, и Федоров питался идеями Иоанна Порреджа, скрытно присутствующего уже в «Русских ночах» Одоевского. Нет свидетельств о знакомстве Федорова с книгой Чичагова «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»

(кажется, два издания: 1896 г. и 1903 г.). У Флоренского в «Столпе...» также загадочно нет определяющих ось исследования ссылок на эту работу; все ссылки на Нилуса «Великое в малом» — то есть факт встречи св. Марии с преп. Серафимом для закладки основ Небывалой Лавры IV-го удела св. Марии на земле в ЕЕ живом и дрящемся апостольстве и путеводительстве не стал явным «ключевым словом» для этих исследователей. Храм-школа Федорова соотносится им с неким будущим «храмом Премудрости», а Флоренский станет говорить о «всемирной академии» в связи с Троице-Сергиевой Лаврой*, — но, еще раз, ни тот, ни другой не говорят явно о Лавре Святой Марии и преп. Серафиме как о «всемирной академии» и центре всероссийской и, еще шире и глубже, вселенской деятельности последних дней человеческой истории. Человеческая история, как целое художественное произведение, будет, по-видимому, осмысляться всерьез как продукт «сознания и воли» природы человечества по образу догматических изысканий святых о Святой Троице и Лице Господа Иисуса Христа. Известно, что у Бога, Единого по природе и троичного в Лицах Отца и Сына и Святого Духа, одно сознание и одна воля (сознание и воля конститутивны природе), а в Лице Господа Иисуса Христа два сознания и две воли, соотносимые с «двумя» природами, божественной и человеческой. Творческие сознание и воля принадлежат «природе», роду, народу, расе, человечеству, а не точке «я». Цитируемое суждение проф. Флоренского очень хорошо на понятийном уровне описывает художественно-свершившийся факт творческого говорения «рода Пушкиных» в Александре Сергеевиче. И шире: ветви родов шелестят в нем «народным деревом», — уникальность стиля насельников поэтической вселенной Пушкина уже дана. Повторяю: святое свидетельство Серафима, как приемопередающее излучение Светлого Безмолвия, озаряет «вдохновением» светлое сердце гения Пушкина; поэт символически выявляет в состоянии «вдохнове-

* Неявно «Столп...» с его посвящением Имени Девы и Матери и усвоением экспертизы критериев «православности» святым старцам содержит знание о тайне св. Марии и IV уделе. Примечание № 42 (к стр. 41) говорит о «Летописи» Чичагова, поэтому, быть может, обращение к Троице-Сергиевой Лавре связано с пожеланием св. Серафима быть похороненным с иконой явления св. Марии преп. Сергию, т.е. иконой у св. Мошей преп. Сергия...

ния» прориси уникальной культуры последних дней, «исихастской культуры», завещанной святой горой Афоном святой Руси. Пушкин не писал после опыта «Бориса» б е з в д о х н о в е н и я. Быть может, Вл. Соловьеву стоило вспомнить своего старшего друга Достоевского и через его пушкинскую программу в с е ч е л о в е ч н о с т и русского гения и русской культуры говорить о русских иконах Софии в этом контексте, без «религии человечества» Конта?

...черты «конкретной метафизики», разрабатываемой Флоренским, его автореферат в энциклопедическом словаре о собственной деятельности философа-исследователя, пролагающего пути к будущему целостному «синтетическому» мировидению, его определенный интерес не только к академическим, но и к оккультным наукам, — все это дает нам право попытаться применить идеи родовой и национальной ответственности, фокусированной в конкретных л и к а х, практически... иногда кажется, что сам Флоренский имел в виду тех самых лиц, о которых мы рискнем говорить... Николай II-ой, его жена Алиса Гессен-Дармштадская (императрица Александра), их сын Алексей... эти л и к и участвовали, если не определили, в прославлении св. Серафима Саровского, в свой черед осуществлявшего служение Живой Матери Прославленного Иисуса. Николай и Алиса были в гостях у Паши Саровской, юродивой и святой «маменьки» дивеевской обители, и Паша сказала Алисе: «мальчишка нужен тебе — будет!»... Этот жест прихода «царей» к юродивой — очень с т и л ь н ы й жест, и монах Климент (К.Н.Леонтьев), письма которого Вас. Розанов опубликовал как раз в год прославления преп. Серафима (1903), был бы доволен. Это, собственно, «эстетика жизни», — красивый, стильно-прекрасный поступок «русских царей». Когда-то ведь великие князья ходили на поклон и к Феодосию Печерскому, и к Сергию Радонежскому. Паша Саровская жила в «пещерах» Саровских лесов около тридцати лет... «мальчишка» родился — болезненный страдалец... Когда Николай, Алиса, Алексей отрекаются от престола российского в свете «идей Дивеева», где Живая Мария даже щи пробует у дивеевских девушек, — то это с а м о б ы т н а я Русь, культура которой должна расцвести под омофором Живой Матери Иисуса как раз тогда, когда явится в земной географии г о с у д а р с т в о Блудницы Израиля, которая родит иного мессию... Отречение от российского престола, повторим, есть воля рода и нации, запертых в Николае и Алисе, их «кровь»... Нам надо

как-то всерьез отыскать подлинны е узлы историографии: Паша Саровская и арийская семья «русских царей», отрекающихся от русского престола в полноте постижения существования Живой Царицы Марии, явного для русских святых, — это «узел» истории, являющий свою крепость на фоне Тель-Авива и сионистской диверсии в России наиболее явно. Убийство арийской семьи личи нами «интербригады» — среди убийц были чех и венгр, поляк, русский, еврей, — их роды и народы, волящие в них, несут полноту ответственности. Для того, чтобы принять, что младенец-страстотерпец Алексей молит у Престола Господня о России и мире перед угрозой сионистского империализма, нужно вместить его праведность: этот «архетип» был уловлен гением Пушкина в «Борисе Годунове»... интересно, что семья Нилусов, близкая императрице, отказывалась от эмиграции, ожидая исполнения пророческих преп. Серафима о воскресении его от успения для проповеди покаяния, интересно потому, что и профессор-священник Флоренский не хотел уезжать, но работал в России, приняв фазу «ленинской» революции в противовес «керенской». Не нужно быть особенно искусственным политиком, чтобы понять, что «идеи Дивеева» суть единственное, что смерти подобно для сионистской идеи Тель-Авива, а потому и разрушать под различными соусами будут евреи только это. Итак: будем считать, что Флоренский о судьбе родов Николая и Алисы думал схожим образом. Будем делать это для того, чтобы идеи «красоты» поведения, о которых особенно должны волноваться художественно одаренные деятели, были справедливо отнесены к арийской семье царствующих... иначе... иначе весь художественный ренессанс начала века, весь этот «серебряный век» оборачивается пошлостью ничего не видящих и ничего не слышащих живописцев и музыкантов!

§2. ФОРМА ЕСТЬ ДЕСПОТИЗМ ВНУТРЕННЕЙ ИДЕИ

«Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет... Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно при известных условиях, оставаясь самим собою, кристаллизоваться призмами, другое — октаэдрами и т.п. Иначе они

не смеют, иначе гибнут, разлагаются. Растительная и животная м о р ф о л о г и я есть не что иное, как наука о том, как оливка не смеет стать дубом, как дуб не смеет стать пальмой и т.д., им с зерна предустановлено иметь такие, а не другие листья, такие, а не другие плоды и цветы. Тот, кто хочет быть истинным реалистом, там, где нужно, тот должен рассматривать и общества человеческие с подобной точки зрения. Но обыкновенно делается не так...» — это Константин Леонтьев. Переписка Розанова с Леонтьевым изменила **стиль** писаний Розанова. Флоренский не любил Леонтьева и со свойственной неопитам торопливостью чуть ли не отлучал его от «благодати», во всяком случае резко противопоставлял в «Столпе...» свою эстетическую систему «безблагодатной» эстетической системе Леонтьева. Все это — «частные мнения» при отсутствии догматических определений о Церкви и рекомендаций к м о р ф о л о г и и и с т о р и и ч е л о в е ч е с к и х с о о б щ е с т в . Очень красивое определение Леонтьева: «форма есть деспотизм внутренней идеи» — годится для растительной и, уже с ограничениями, животной морфологии, где наследственные признаки воспроизводятся в пространстве и времени какими-то физико-химическими структурами. Быть может, этот химически-кодовый деспотизм лежит и в структуре общественных насекомых (улей и муравейник), но в человеческих сообществах, если они постигаются не в категориях Ислама («покорности» в смысле предустановленности), всегда налицо о б е т ы в е р н о с т и, то есть **свободно** принимаемые д о г о в о р ы между человеческим сообществом и Богом. Категория «Завета» — з а в е щ а н и я — ориентированного на «любовь» и обетное исполнение «заповедей поведения», — дается в культовых практиках. Не физико-химический кодовый детерминизм, определяющий передачу в пространстве и времени генетического образца воспроизведения, а к у л ь т, апеллирующий к посвященным обетам и свободному воспроизводству ж и з н и и задания культуры. Человек в культе скорее озабочен не простейшим воспроизводством образца в пространстве и времени, хотя нынешние человеческие сообщества живут именно наслаждением, но с х о р о н е н и е м («священными похоронами») усопших для последующего оживления или воскресения. Человек суть животное «погребальное» и чтящее свои священные погребения, будь то маленькие холмики могил, или курганы над погребальными склепами, или

пирамиды, или горы, в которых изрываются пещеры, куда «прячут», хоронят, усопших. Морфология жизненных задач дается, повторим, в посвятительных обетах. Таким обетом является и «крещальный символ веры», где посвящаемый, надеющийся на воскресение мертвых, вступает в общину людей, считающих, что такое воскресение усопших, как и з в е д е н и е их из застенков Князя Тьмы, в которых они пребывают после смерти до Благовестия Царствия Божия, а не владычества Князя Мира Сего, — и с х о д («пасха») их осуществляется Иисусом Помазанником, Сыном Божиим. Археологические изыскания, начатые в середине прошлого века, как бы поставили живущих перед их умершими предками, уложенными в почти «утробных позах», спеленутыми, ждущими восстания и бессмертия. В России Федоров откликнулся на призыв Достоевского своей запиской, где очень сильно, даже с налетом магии, культовые обеты опознаются как обеты воскрешения, где, собственно, вся к у л ь т у р а расшифровывается как «культура воскрешения» усопших отцов. Жесткие и торопливые сердца выдвигают к нему обвинения в «ереси». Каждое частное лицо почему-то считает себя причастным, скажем, «чистоте православия» и резко судит иного с позиции некоей постоянно воспроизводимой идеальной структуры, которую еретик хочет разрушить. Опять-таки: догматических представлений о Церкви нет. И, в пределах истории России, только до изумления наивный исследователь может говорить с позиций какой-то достигнутой чистоты образца! До Смутного времени еще ничего не было сгармонизировано, а после смуты попытки привели к расколу, раскол множился, и ко времени Достоевского и Федорова «народ» не был синодально-православным, а потому и записку Федорова просто смешно описывать в категориях «н е - о п р е д е л е н н о й» православности. Тем более, что обеты крещального символа веры требуют веры не в «православную» церковь. Флоренский обвиняет Леонтьева, а архиерей Храповицкий Флоренского в «хлыстовском бреде». Архиерейский Синод «карловчан» обвиняет Московскую Патриархию и пр. и пр. Частные мнения множатся, но есть, как кажется, и некая общая интонация. И эта интонация связана с и с т о р и ч е с к и м и категориями. Как будто земля подводит итоги... чего? своей истории, но история имеет смысл как свободно творимое творческое ц е л о е перед какой-то ц е л ь ю. Цель определяет целое. Модели матема-

тической физики, биологии, истории культур и вселенной; художественные модели романов и романов-трагедий, где действуют уже не столько детерминированные закономерности физики, но «маски»-персонажи, — все эти интуиции имеют общий привкус разгадок или постановок вопросов о морфологии истории человеческих сообществ. Откровение Иоанну Богослову, неистолкованность литургических символов как знамений истории, явная неисторичность чудесных по-своему текстов аскезы, как текстов монахов, уходящих из истории для встречи с Врагом в пустыне, — все это неумолимо рождало потребность в разгадке морфологии жизни и истории, и р о л и и п о в е д е н и я «в роли» того или иного сообщества в общем «замысле» целого... Форма есть деспотизм внутренней идеи, — и вот разгадыванию «внутренней идеи», которая теперь уже должна почти неумолимо кристаллизовать общество, предалась Европа и, быть может, действительно элементы своеобразия восприятия русскими святыми Нового Завета могли бы послужить «просвещению Европы». Каталог категориального аппарата в нашем исследовании — не физико-математические модели, но «маски»-персонажи художественных постижений. Будем искать «ритуальную маску» руссов, а параграф № 1 будем теперь приводить на память себе не как некое вообще «рода» и т.д., а [как] всегда выявленную в культовых обетах задачу. Род не мыслится вне культовой практики. Культовые рекомендации постигаются как ж и з н е с т о й к и е элементы, для воспроизведения в пространстве и времени а к т и в н о г о и з д о р о в о г о населения, имеющего ц е л ь. Цель, для реализации которой насельник населения может пожертвовать для него самым дорогим: жизнью! Предпримем своеобразную «культурологическую разведку», поищем Врага и постараемся дать рекомендации для «просвещения Европы». Форма есть деспотизм внутренней идеи, а внутренняя идея последних дней истории: ДОМ БОГОРОДИЦЫ, — дом Матери Иисуса Мессии, как наилучшего Царя и Спасителя усопших праотцов. Мать Иисуса Помазанника избрала Дивеево в России как Свой Дом. И русские святые служили осуществлению этой «внутренней идеи». Символика исторических свершений, данных в Откровении Бога Отца Иисусу, чтобы Тот показал рабам Своим пророкам, воинская по преимуществу. 24 «старца» от в с е х н а р о д о в, начавшие свой исход к Престолу после Сошествия во Ад Господа для Благовес-

тия прекращения княжения Сатаны и наступления Царства Божия, служат Богу. Их молитва, как и молитва сослужащих им ангелов, есть лучевое оружие. Молитвенная сила святых и ангелов преобразует через воздействие на элементарные частицы физической структуры вселенную... Враг хотел бы, чтобы люди земли не открывали в себе подобных способностей, не преобразовывали вселенную, не вспоминали об обетах воскресения мертвых праотцов, не служили Живой Матери Иисуса в Ее начинаниях. Каталог категорий аскетического языка приучает «выходу из истории», то есть видеть Врагом только Сатану и бесов, но... в истории есть сообщества, то есть объединения людей, имеющие целью разрушение Дома Богородицы. Писание называет их «синагогой Сатаны» и, действительно, сообщество причастных этой синагоге должно иметь стратегию и тактику разрушения «внутренней идеи» святой Руси. Сама святая Мария перечислила Свои царские уделы на земле: Афон, Иверия, Киев и IV-ый, последний*, Дивеево. Святой Серафим Дивеевский просил похоронить его с иконой явления святой Марии преподобному Сергию Радонежскому. Этот жест святого Серафима прочерчивает линию преемственности его деяний в некоей единой «драме» (или, как сейчас говорят, «сценарии»). Святой Серафим указывает, что он суть персонаж мистери и, в которой и преп. Сергий в свой срок играл определенную роль**. Святая Мария обещала Сергию (о чем и икона, до сей поры сияющая у мощей Сергия) сохранить начинания Сергия. Деятельность по организации Дивеева святой Серафим осознает как продолжение деяний Марии в России: «Я здесь обосную

* Никакого «Ново-Дивеева» эмигрантов быть, поэтому, не может. Последний выбор — это «последний». Святой Серафим принес именованная Св. Земли в Дивеево и никакого «Ново-Дивеева» быть не может. Это акт не благочестия, а нарушения воли св. Марии и св. Серафима, т.е. чрез них воли Отца. История людей есть осуществление «воли» Отца на Земле, как и на небе, т.е. осуществление **пророчеств...** Св. Мария, покорная ВОЛЕ ОТЦА в зачатии Сына Божия, обоженная, **живая** по Успении (о чем служба Ей), осуществляет и **прорекает** Волю Отца о России: Ее IV удел избран в Дивеево в I веке по Р. Хр. Это «цель» истории и октябрьские события суть, видимо, **ВЕЛИКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ** географических и культурных границ Руси I века с центром в **Дивеево...**

** Роль эта — противостояние еврейско-исламскому закабалению России как Дома Богородицы. Стратегия «Мамая» (как еврейско-исламское закабаление России) и противостояние Руси на «Поле Куликовом» под покровом св. Марии и преп. Сергия, — таков сюжет, которому, по Ал. Блоку, суждено повторяться.

такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет во всем свете: это IV-ый жребий Мой во вселенной. И как звезды небесные и как песок морской умножу Я тут служащих Господу Богу и Меня Приснодеву Матерь Света и Сына Моего Иисуса Мессию величающих: и благодать Всесвятого Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных с малыми трудами человеческими не оскудеют от этого места Моего Возлюбленного». Святой Сергей, благословлявший русских князей, действовал под гербом Руси: воин, поражающий Дракона. В аналитических занятиях всегда имеет смысл искать подобные «формы», проследить их изменения. Подобные «формы» всегда суть аккумуляторы воли, ненависти и любви, страха или презрения народов. Эти формы добывались предками в тайне ясновидящего вдохновения, предками, организующими культ с его целостной организацией. Кружок кн. Одоевского и его позиция «Русских ночей» усвоили бы создание этих «форм» художественному гению, когда поэт приравнивается «пророку» (Пушкин). Поэты-провидцы были жрецами. Таинственный «орден Орфея»! — с позиций этого ордена, скажем, Моисей евреев был «художником». Это — мир «азиатских древностей», мир арийских «риши» и т.д. Для «орфиков» и фараон (см. у Рильке), и жрецы — поэты ясновидящей магии (скажем, художник Чекрыгин, грезящий о музее воскрешающего искусства, апеллирующий к Федорову, мог бы быть зачислен в эту школу, — Флоренский же нет!). Для Одоевского тайна «мысли и выражения» лежит в творческой силе искусства, ибо Бог Сам начертывает таинственные знаки на монашески отреченной душе поэта (программа стихотворения Пушкина «Памятник», где Музе и поэту усвоятся в акте творчества высшие обеты отречения, вплоть до смерти в «пророке»), и эти высшие знаки выявляются в выражении художественно-культовых форм. «Формы» категорически не случайны, им надо «подражать». Воин, поражающий Дракона, — такова, по-видимому, таинственная «внутренняя идея» святой Руси, которая по выявлению должна бы быть предложенной к «мимезису», если, конечно же, какими-то извне разрушающими силами не будет навязана псевдоморфоза. Дракон держит усопших предков в плену темничных застенков, — воин, поэт-ясновидец, оружием начертаний божественных знаков на его эхолоте, — оружием света и звуков в их «вибрациях», поражает Дракона, охраняет свой «Египет», свою «пира-

миду», свой «музей усопших» и т.д. Налицо т к а н ь взаимопросвечивающих и взаимосокрывающих покровов на лице Изиды... Выявление некоего осевого времени культур и Культуры дает посильную возможность различать «ветви», «цветы», «плоды», «вино», «опавшие листья» генеалогического родового и даже всечеловеческого древа (наблюдаемое дерево растет в толщину во времени и ветвится в высь небес)... Есть все основания веско утверждать, что внутренняя идея «самобытной России» и ст и л я ее жизни в воспроизведении культовых обетов суть вселенски-многоуровневое, иерархически организованное служение делу св. Марии, как Матери Иисуса, Царя, провозгласившего в сошествии во ад **вновь** Царство Божие, а не **рабство** Князю мира сего Дьяволу, возгласившего радостную («благую») весть возможного и с х о д а умирающих из пыточных камер Дьявола к Отцу. Поскольку бросание апостольских жребиев о местах проповеди свершалось еще до разрушения иерусалимского храма и рассеяния синагоги сатаны по лицу земли, то есть заведомо задолго до появления современной России на политической и культурной арене, то можно без всяких мыслительных гримас «за что?» утверждать п р е д в и д е н и е роли «святой Руси» в замысле Совета Божьего о каких-то сроках. Дивеево **избрано** в Совете Божьем последним делом Марии на земле, Мария **открыла** это святое решение, и **поэтому** Русь есть святая Русь, и всякий, для кого имена Господа и Марии святы, будет работать для осуществления этого замысла в свободном сотрудничестве... Наличная Россия ко времени встреч Марии и Серафима и закладки основ Дома Богородицы в Дивеево б ы л а н е г о т о в а к выполнению этой высокой миссии, хотя какие-то п р е д ч у в с т в и я ощущались чуткими сердцами. Тайные общества дворянства, выявившиеся срывом декабрьского отказа присягать, тяга Александра I и многих властвующих к польско-католической гегемонии среди славянских племен, перманентные бунты «пугачевщины», мистические поиски раскольнических сект, последующие споры литературных и философских кружков, знаменитый ответ Пушкина на католические идеи Чаадаева, — все говорило о подземных толчках, но ясного постижения не было. После предобного Сергия Русь развивалась не по Сергию и завещанному угасающей Византией святогорскому томосу об оживлении «отмерших» органов для становления приемником Нетварной Благодати,

но поначалу в идеях сакрального императора Византии, а затем императора-протестанта (Петр), чтобы после 1812 года змеиться польско-католическими симпатиями Александра. Гений Пушкина здесь поражает: модель мира, данная в трагедии «Борис Годунов», почти исихастская, во всяком случае не протестантская, и, конечно же, не польско-католическая. Развитие взаимоотношений Пушкина и Николая I сильно замутнено последующими интерпретациями, но иногда кажется, что они развивались в п р а в и л ь н о м направлении. Николай I все больше и больше доверяет государственному уму гения Пушкина и слушает его историософские постижения, снабженные учеными занятиями и поэтическим ясновидением «вдохновения». На подъеме этих взаимоотношений (разрешение издания собственного журнала) Пушкин был убит. Намечаемый здоровый контакт главы «русской партии» с царем был прерван. История расскажет, кто стоял за католиком-убийцей. Исследователь о б я з а н совершить миграцию в 1837 год, о б я з а н осмыслить значение порождаемых гениальным вдохновением текстов Пушкина на ф о н е светлого безмолвия святого Серафима, на фоне закладывания Дома Богородицы как центра славянских племен, возглавляемых русскими, дабы возглавить евразийскую культуру вселенского п р и п о м и н а н и я архетипов культур как «погребающих-к-воскресению». Дом Богородицы противостоит в духовной карте мироздания, учитывающей кладбища умерших праотцов, Дому Блудницы, или государству Израиль. В России 1984 года цементирование государственных и культурных границ строится не по Пушкину, хотя памятник ему стоит и знаменитые стихи о его роли, как творца я з ы к а, известны. Хотя государственным и культурно-связующим языком является русский, излагаются на нем для всеобщего потребления наций не русские идеи Пушкина и Серафима, а еврейские для «гоев». Исследования можно вести с равным успехом и в метрополии, и в эмиграции. Рукописное тиражирование возможно и в России, но более широкий круг дискуссий и более широкое тиражирование, конечно же, возможно в эмиграции. Но, как кажется, эмигрантские умы, могущие вести более широкие дискуссии об «открытии России», строят свои историософские постижения вне оси Дом Богородицы – Дом Блудницы. Эмигрантские умы попадают в излучение польско-еврейского пафоса времен Лелевеля и Пия IX.

§3. ЭМИГРАЦИЯ

...мы, по-видимому, наблюдаем завершение процесса самосознания и самоименования эмигрантских кругов как некоего «целого», то есть именно э м и г р а ц и и, имеющего какой-то смысл своего существования. Не участвуя непосредственно в этом процессе, включающем и частные встречи, и принципиально не афишируемые протоколы совещаний, исследователь может работать только в жанре «реконструкции» по опубликованным текстам. Эти тексты принципиально могут или открывать процессы, или скрыть их заведомой дезинформацией, или содержать коллаж. Если текст публикуется, то он предполагает некоего «идеального» читателя, мышление которого способно формироваться (или, как говорили в прошлом веке, «образовываться») в нужном издателям направлении. Для мышления «вообще» (по Вл.Соловьеву, чтобы не вдаваться здесь в многоуровневый «абхидхармистский» анализ сознания) необходимо совершать всегда т р и шага: № 1: нужны «впечатления», объем которых теоретически весьма велик, № 2: нужна фиксация «памятью» каких-то значительных «впечатлений» из всего потенциального многообразия их, и № 3: нужен творческий «монтаж» к а р т и н ы м и р а из хранимых «памятью» отобранных «впечатлений». Посему живое существо есть всегда творчески свободное, с о ч и н я ю щ е е свою картину мира из элементов, «кадров». Живое существо есть как бы персонаж, носитель маски, в трагедии (для древних) или кинематографе (для нынешних) притч бытия, есть то, что оно п о м н и т. Ибо бес-памятство синонимично без-умию. Для будды, скажем, многие больны, ибо не помнят «дхарму». Для этих многих будды суть больные и неврастеники... Как частный случай ценностная ориентация «эмиграции» по пропаганде ее воззрений для направления сознания потенциальных читателей может быть реконструирована. Должна возникнуть картина мира и роль эмиграции как целого в этой картине. Можно отметить очень сильную активизацию обмена мнениями после 1977 г. Это совпадает с появлением Конституции СССР 1977 г. в метрополии. Партия закрепляет свою руководящую роль конституционно, сформулировав переход от «диктатуры пролетариата» к «общенародному властвованию». Внимание (!): эмиграция берет для своей картины мира «кадры»-символы из

партийного языка. Это непонятно. Почему религиозные мыслители перестают осмыслять происходящее в мире в религиозных терминах и принимают для своего анализа и своего самосознания языковой набор «марксизма»? Почему они становятся марксистами в исторических занятиях, оставаясь (?!) помазанниками и причастниками Нового Завета? Это непонятно. Конституционное провозглашение переводится в аппарат операциональной памяти под символом «интернационального коммунизма» и КРЕМЛЬ выявляется генеральным штабом завоевания мира. Ему противостоит БЕЛЫЙ ДОМ как оплот демократии свободного мира. Выявляется ось истории и начертывается план сражения. Картина мира превращается в карту военных действий двух сверхобъединений, центрующихся вокруг Кремля и Белого Дома. Эмиграция встает в этой картине под знамена защитников демократии в союзе с Белым Домом как живое, честное и жертвенно-несчастное представительство покоренного коммунистами «Континента». Некое интернациональное сопротивление (с апелляцией в слове «сопротивление» к фону фашистских травм) против интернационального покорения по оси Кремль — Белый Дом. Для традиционного сознания (пусть не идеального, пусть замутненного, для прояснения которого и нужен научный подвиг, имеющий образцом мышления святых) ось невидимого сражения иная: Дьявол с Богом борется в сердцах людей, а в истории отзвуки этой битвы выявляются в символах Откровения Иоанну Богослову явлением «синагоги сатаны», захвата царских земель Иисуса и Его Матери под видом своей «исторической родины», строительством Дома Анти-христа. Первые христианские общины восприняли бы возвращение евреев из рассеяния как предзнаменование прихода Лже-Мессии... Эмиграция как целое берет на себя роль «мессии» покоренной партией континента, ищет контакта с правительствами, деловыми кругами финансистов, университетами и массовой печатью, и как бы преуспевает в этом: акция 6 ноября 1983 года по «панихиде» жертв мирового коммунизма — яркий пример! В этом преуспевании и отыскании «входов» в правительственные и финансовые круги, во всевозможные неафишируемые «клубы и салоны» новым фигурам необходимы рекомендации. Их, по-видимому, достают всегда заинтересованные лица, заинтересованные в ослаблении и уничтожении сильной России. По традиции это должны быть польские

иезуиты и евреи, как представители двух тайных г о с у д а р с т в, наиболее ненавидящих «еретическую Россию». Папа вообще и папа Пий IX, «непогрешимо» высказавшийся, что над Россией лежит карающая рука Божия, что в свое время возмутило Достоевского, не может не знать о событиях явления Духа Святого в святом Серафиме и об объявлении Дивеева Своим уделом святой Марией; не могут не знать об этом князя «жидовского царства» (термин Достоевского), руководящие секретными службами, — поэтому они должны постараться отвлечь возможные русские умы от возможных серьезных исследований, завещанных гениальной историографией Пушкина и его последователя по «русской партии» Достоевского. Достоевский уже величественно открыл существование «жидовского государства», действующего тайно. Еврейство государственно организовано все годы своего существования после разрушения Храма. Там есть царь, князья, первосвященники, раввины, каббалисты и т.д. Это государство, как государство, исчезло из возникшей историографии, быть может, потому, что государства и племена считались имеющими «территорию». «Жидовское царство» действовало и действует, уничтожая коренные племена. Кроме оккультного воздействия это государство свершало финансовые диверсии и выявится во всей полноте некоей банковско-финансовой наднациональной империей*. Беглых русских (хотя там много и евреев, и потенциальных иезуитов?!) пробуют на роль «правительства в изгнании», навязывая марксистскую историографическую терминологию, хотя следовало бы немарксистам пользоваться набором традиционных историографических сюжетов. Пушкин понимал роль и значение языка для сохранения «порабощенного народа» (см. его статью 1825 года о предисловии г-на Лемонте). Жидовский сленг еврейско-польского пушкиноведения Абрама Терца звучит диссонансом к словам Одоевского, Достоев-

* Жидовский царь — колдун, каббалист (скрыт!) в подчиненных ему банковских транснациональных империях, — вот царство; и этому жидовскому царству должна в замысле противостоять Лавра Богородицы в России: святое свидетельство и свободное от еврейской финансовой империи экономическое строительство. Государство Израиль — дезинформация, «крыша». Сион, по-видимому, в России: здесь сосредоточены царские и первосвященнические роды, хорошо закрытые. Израиль — США — «арабы» — отвлечение внимания от 3,5 млн. государства с высшими кастами на территории СССР. Это «царство» ищет союза с «измаилитами» для разрушения Дивеева («вражда» арабов и евреев «там» — дезинформация).

ского, Ап. Григорьева. Эмиграция зреет в своем самосознании тогда, когда скрытое «жидовское царство» вышло наружу. Но мы не слышим призывов пап и поляка-папы о крестовом походе против князей иудейских, но слышим призывы идти в Россию. Где, собственно, хотят папские защитники ловить рыбу и человеков, почему нужно кричать о России? Здесь есть патриархия, староверческие церкви. Почему бы не попытаться, как и положено наместникам апостола евреев, обращать израильтян и на их территории, и в США? Разве дело проповеди Распятого закончено достижениями политической веротерпимости? Эмигранты не поднимают этих вопросов в печати. Быть может, действительно, никто не даст денег на подобные журналы? Вменить всю агрессивную активность Кремлю п р о т и в Белого Дома, — это даже смешно. Ось конфронтации лежит не здесь, а вот где: Дивеево — Рим — Тель-Авив. Папско-католическая Европа в лице поляков-славян и «жидовское царство» не могут принять идей святой горы Афона о Нетварной Благодати и возможности явления Духа Святого в России, ибо это «схизматическая» и «еретическая» страна?! Так для пап, и еще более для евреев; страшно сказать: но ведь Мария же МАТЬ ПРИШЕДШЕГО МЕССИИ ИИСУСА? Какой подданный «жидовского царства», не говоря уж о царях и князьях, сокрытых ширмой буржуазного парламента, не побледнеет от ненависти при этих известиях? А они молчат, дружно молчат, и дружно кричат о коммунистической угрозе «русских». Русские, если взглянуть на дело в старых терминах (а я не марксист), должны быть у н и ч т о ж е н ы, а империя раскассирована как небывшая на этнические комплексы, мелкие государства или штаты... Вот это надо бы было открыть в эмигрантской печати, более свободной, чем печать метрополии, и опубликовать для дискуссии с поляком-папой и «жидовским царством», а? Страшно.

Вариант:

...живое существо есть режиссер картины мира, монтируемой из запечатленных и хранимых памятью кадров... Для эмигранта, похоже, наиболее сильными впечатлениями стали две группы: а) появление Конституции СССР 1977 года и б) ознакомление с рассекреченными документами «тайной войны» США против СССР

1945–50 гг. Конституция 1977 г. закрепляет за партией коммунистов руководящую роль в метрополии, сформулировав переход от «диктатуры пролетариата» к «народовластию», а документы «сдерживания» манифестируют в те же сроки как бы **анти-конституцию**, формулируя руководящую роль США в борьбе с коммунистами. США являются как бы антонимом коммунистической партии, — все, кто не согласен с властью партии, призываются анти-конституцией под знамена США: вместо Кремля — Белый Дом. В широкий оборот вводятся секретные установки на расслоение власти и народа в СССР, установки на возможную и неоднократно разыгрываемую комитетом объединенных штабов атомную войну для свержения коммунистического режима, установки на ввоз на контролируемую освободительной армией территорию не-коммунистического правительства из эмигрантов, которым и предложено опознать себя не как беглецов по тем или иным частным причинам, а как передовой отряд борцов сопротивления с коммунистической оккупацией России. Публикация и рассекречивание документов — директив СНБ удивляло уже академическую профессию, редактирующую и комментирующую публикации... Весьма вероятно, что документы до академической публикации уже были рассекречены **п о к а з о м** их какой-то вычлененной и программируемой «верхушке» из эмигрантов, быть может, уже давно провоцируемых на эмиграцию (приходит на ум провокация присуждения нобелевской премии роману «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, программирующая дальнейшие ответы чиновников в России, для **с р ы в а** публикации в СССР этого поразительного «антиеврейского» романа, написанного евреем, принявшим Христа). Эмиграция, ее верхушка, осознает себя «правительством в изгнании», а не группой исследователей, обладающих большими свободами изысканий и обмена мнениями, нежели ученые метрополии... Директивы СНБ апеллируют к потенциальному эмигрантскому правительству, вошедшему в контакт с США, и к поработленным народам, до которых программа освобождения будет донесена через пропагандистские каналы. К народам апелляция идет под наведенными дугами «ракетных установок», и она как бы двойка: а) русские для собственного спасения должны «вязать» коммунистов, и б) национальные меньшинства, пожалуй, и самих русских, чтобы избежать смерти и от русификации, и от побочных волн уничтожения, когда

будут уничтожены русские города (большинство объектов атомного удара – русские города). Старые русские группировки из эмиграции или повымерли, или скомпрометированы в сотрудничестве с Третьим Рейхом, а вот новейшая эмиграция: честные артисты, писатели и ученые, многие еще и узники лагерей, – годятся в правительство, которое необходимо [должно] быть готовым на ввоз в реальности «учений» покорения такой территории, как СССР. После объединения некоторых из эмигрантов с «архиерейским синодом», когда-то благословлявшим уже «освободительное движение» Власова, вылепливается несколько патетический рельеф братания: Президент-Главком силами освободительного вторжения и члены правительства в день панихиды по «жертвам коммунизма» 6 ноября 1983 г. 6 ноября 1984 года президент будет переизбран и после официальной инаугурации можно готовить к лету 1985 года вторжение! А? Странные, странные жесты и игры! Во всех этих «интеллектуальных играх» и моделях настораживает отсутствие на карте военных действий государства Израиль, как несущего для христианского наследия реальную угрозу. Или США – это еврейская цивилизация? Адепты тайной войны или сами в сетях более опытной организации князей иудейских, руководящих разведкой, или с о з н а т е л ь н о сотрудничают с князьями иудейскими, оснащенными традиционной техникой каббалистического и оккультного облучения «схем гоев», тогда как «гой» радостно ищут денег, секса и ЭВМ для осуществления максимальным образом «прав человека».

Дополнение (1985 г.)

§ 1.

Анализ брошюры В.Буковского «Пацифисты против мира», изданной в октябре 1982 года, особенно ее второй части, **вновь** подтверждает уже фиксированное и в записях годичной давности, и в устных беседах; а именно:

- а) эмиграция под еврейско-польским водительством образовалась в **новую партию**,
- б) эта партия создала **правительство**, считающее себя полномочным представительством 400.000.000 населения «рабов», терроризируемых «кликой палачей»,

в) **правительство-в-изгнании** ищет контактов с общественностью, промышленным и финансовым миром, и даже с западными правительствами, призывая последние вступить с ним в своеобразные «дипломатические отношения», внутренне порвав с «кликкой палачей»,
г) через правительство-в-изгнании западный мир получает в союзники поработанные народы, готовые восстать* и имеющие запас **«65-летней ненависти»**,

д) эта **информация о себе**, как правительстве-в-изгнании, манифестируется в печати, а не только реализуется по секретным каналам, по-видимому, для того, чтобы КГБ усилил террор над народом, могущим «даже физически» (стр. 90)** уничтожить палачей, и укреплял традиционными методами власть, —

е) что может создать **желанный климат** «архипелага ГуЛаг», нужный для встречи потенциальных войск вторжения как «освободителей».

...в брошюре нет как будто ничего нового, хотя вопрос «открытой манифестации» требует более углубленных ответов. Быть может, следует провести м е д и т а т и в н у ю локацию, чтобы более четко обнаружить «визуальную схему Д О М А», которая описывается в брошюре еще и для того, чтобы читатель думал так, а не иначе, и этим думанием, руководимым и заряженным тренированными магами, заряжал астральный аккумулятор, повешенный как облучающий радар-спутник над Россией. Эти размышления подкрепляются **бесспорной** способностью Буковского к медитации, описанной в автобиографической книге 1979 г. «И возвращается ветер...». Автор умеет строить «замок» в медитации, вплоть до полок книг, и даже «содержания» этих книг! Весьма возможно, что себе и своим строится «замок», а русским гоям — «дом параноиков с палачами». «Когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой», это оккультное знание транслировал уже Маркс. В схему «дом пара-

* Книга сиониста Якова Цура (сейчас министр иммиграции) называется «И восстал народ...».

** «Само количество ненависти, накопившейся в стране за 65 лет социалистического эксперимента, огромно, результаты любой реформы настолько непредсказуемы, а, пуще всего, уничтожение самой власти этой клики и их сказочных привилегий (а то и физическое их уничтожение) настолько вероятны **при ослаблении центральной власти**, что трудно ожидать от власти заигрывания с либеральными идеями» («Пацифисты против мира»).

ноиков» предлагается читателям в л и в а т ь свои импульсы нервов, крови, мысли. Так создается над Россией «дом-спутник», облучающий население. Это — элементарная техника оккультизма и о ней можно справиться в энциклопедиях. В книге 1979 года интересен рефрен, прорисовывающий с х е м у весьма своеобразного осмысления войны 41–45 гг. (стр. 73, 205, 223), как бессмысленной бойни миллионов о «цвете» концентрационных лагерей: коричневые или красные. Это, бесспорно, внушение Массادا, для которого война была лишь битвой двух «нацизмов», немецкого и русского, победа же любого из них «несчастливым евреям» не дает ничего.

...в автобиографической книге автор реализует «комплекс мессии», ибо в стране рабов все «боятся репрессий», а он — нет. Быть может, такое самосознание усложняется подростковой травмой, когда он в 11 лет не нашел в себе силы («... хоть бы он умер») прекратить систематическое избиение еврейского мальчика Иосифа, затеянное классом. В юности этот незащищенный мальчик перерос в еврея же «горбатого Илью Бакштейна», арестованного. На фоне тогдашних разоблачений, и заведомо «пытаемого»... затем пришел раздавленный грузовиком заяц в Сибири, «закрывавшийся лапками». Все эти «образы» преследуют автора в Лефортово, в с л е д с т в е н н о й тюрьме, но выхода в религиозное покаяние не находят. Раскаяние — подвиг немногих святых аскетов, это очень трудный опыт. Автор, по-видимому, обречен ужесточать в своем сознании «режим», который заставил его испугаться и не защитить избиваемого мальчика, чтобы оправдывать эту незаживающую детскую травму...

§ 2.

Здесь остановимся более подробно на локации «дома параноиков». В автобиографической книге Буковский (стр. 86) фиксирует свой сон, который он помнит вот же **26 лет!** Обычно человек не помнит даже того, что с ним случилось, уже через неделю. Он видел себя мальчиком, знающим, что вода, которую собирается пить Вождь, отравлена. Он плачет и бессильно кричит «не пей, не пей». Автор усвоет это общей внушенности тех лет о евреях-отравителях. Он даже «заболел» от этих мыслей и сна. Нет. Объяснения обманной, — он имел верный парапсихологический опыт, ибо оккультно Вождь действительно «поился отравленной водой» направленного облучения, и парапсихологически одаренный приемник принял это

«телевизионным» опытом, увидел во сне «картинку». Если бы это не было опытом телепатического приема, то «картинка» очень скоро стерлась бы; «сон забывается», в и д е н и е в сонном состоянии сознания — н и к о г д а . Во многом такой прием определяет и бодрственное поведение. Аналитики Массачусеттского университета знают это и после опубликования книги, или еще в процессе ее написания в Кембридже, делают **все возможное**, чтобы автор не смог интерпретировать этот опыт правильно. И вот в брошюре «Пацифисты...» (стр. 40) уже **просто** сказано, что в «действительности почти нет разницы между советской и нацистской системами»; гипотетический захватнический поход русских именуется «коммунистическими ордами»*. Вся символика этой брошюры — подробная разработка появившейся в автобиографической книге схемы войны: угроза «красных» концентрационных лагерей для потенциальных жертв евреев. Коммунистические орды сметут хрупкий мир интернационала интеллектуалов-евреев! Россия (стр. 32) уподобляется допотопному «ящеру». Это, как сказали бы еще в 1912 году на лекциях по энциклопедии оккультизма, — «война пентаграмм». **Выясняется медитативная символика, не случайные публицистические всплески.** Россию облучают специалисты по «прорисям», которые, так сказать, программируют и р и с у ю т х а р а к т е р ы , п е ч а т а ю т г о е в , гравировать паттерн. Направленной, тренированной, подпитываемой падшими космическими силами **мыслью**, как алмазом или графической иглой, г р а в и р у ю т нужный образ страны и населения специалисты, в данном случае гравировается «дом параноиков». Более глубокий уровень, чем гипноз. Сам Буковский, если уже не сознательно работает, то гравировается стоящими

* Сейчас (сентябрь 1985 г.), после случайного прочтения книги Макса Даймонта «Еврей, Бог и история» в русском (1979) переводе, изданной по-английски в 1964 г., легко проследить общие идеи «Даймонт-Буковский».

«Орды» Чингиз-хана, «параноики» — это из символов Даймонта, автора, безразличного к истине. Программа Даймонта проста: возрождение в диаспоре «золотого века» еврейства в союзе с мусульманством для просвещения азиатских орд. Видимо, России. Сергей Нилус, первый опубликовавший материалы о св. Серафиме и Дивеево, назван создателем международного антисемитизма. О святых — ни слова... Осмеивается апостол Павел, на текстах которого построены литургические молитвы поставления иерархии, на которого ссылаются и св. Серафим...

Как странно! Уже в 1964 г. была опубликована программа «союза евреев и мусульман» в СССР для уничтожения русских, а это и до сей поры не уяснено со всей полнотой!

за его спиной магами-каббалистами* в фигуру «спасителя евреев» (вспомним еще раз, что он пережил страх невозможности защитить мальчика от подростков) и одновременно «освободителя русских», этих загнанных террором «рабов» до состояния роботов-солдат нацистской ориентации. «Дом параноиков», как медитативная схема, вырисовывается: палачи-руководители типа Гитлера, карательной психо-политикой доводят до паранойи оккупированные народы, чтобы превратить их в роботов-солдат-завоевателей и разрушителей хрупкой, утонченной, интеллигентной культуры интернационального еврейства, всегда (вот уже сколько веков!) «гонимого»...

...стоит привести в сознание д а т ы:

- родился в декабре 42 года
- «сон» и скорая смерть Сталина в 53 г. — ему 11 лет
- разоблачение «героя сна» и восстание в Венгрии в 56 году — ему 14 лет
- отказ вступить в комсомол, как молодую партию, и поиск «партий», чтобы «погибнуть»
- бездарная работа с мальчиками взрослых горкомовцев, запрет учиться — ему 16 лет
- первая встреча с МГБ и сумасшедший дом — ему 21 год.

С этого времени он осознает себя «профессиональным революционером», на общем фоне заигрывания с западными институтами вступает в контакт с журналистами и стоящими за ними «профессионалами разведки», которые и развивают этого способного человека до уровня одного из руководителей новой партии, созданной еврейскими и польско-католическими специалистами на смену (или рядом) НТС, опорочившего себя сотрудничеством со строителями «коричневых концлагерей».

* март 1986 г. Чудовищна книга Якова Цура «И восстал народ» (1974 г.?), запущенная русскоязычному молодому еврейству. Есть какой-то «центр» идей... Семантика одна и та же. С какой гордостью описана у Цура «Массада»... Для русских переиздавали: отвлекают внимание на Запад солженицыновскими угрозами «русского самосознания», а сами осуществляют «мамая» — еврейско-исламское закабаление России. О св. Сергей, св. Сергей, восстань на Куликово Поле!
У Вл. Буковского: «И возвращается ветер...» (Цур «И восстал народ»!)
«Ветер» у Ал. лока.

§3.

Страницы 223–24 автобиографической книги — своеобразное «верую и исповедую» Буковского. Последующие годы лишь развивают и уточняют сформулированное здесь, в Кембридже. «...если не я, то кто? — спрашивает себя человек, прижатый к стенке. **И спасает всех.** Так человек начинает строить свой замок»...

...отвечаем этому человеку: ничего нельзя построить без Господа Иисуса Мессии, Бога, приговоренного евреями и римлянами от лица человечества к смертной казни через Распятие. Человечество вынесло свой приговор Богу, этот приговор был смертным приговором, и он был приведен в исполнение. С в и д е т е л и на этом процессе свидетельствуют, что Господь воскрес. И что будет еще один Суд, когда уже Бог и святые вынесут свой приговор человечеству. И тогда выяснится, кто и как и на чем с т р о и л. Это — свидетельство Павла, еврея, обратившегося к Иисусу Мессии: «...никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — **каждого** дело обнаружится; ибо день покажет; потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть» (1 Кор. 3, 11–13).

Вопрос к этому человеку: готов ли он «испытать» свое дело «огнем»?

§4. ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДЕ: ПОИСК РИТУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК МОРФОЛОГИИ

Повторим, что интересы русской эмиграции не исследовательские для отыскания в прошлом методики «вдохновенного дрейфа» для набора и составления с л о в а р я, которым можно было бы попытаться описать самобытность культуры святой Руси. Программа Пушкина, Одоевского, Достоевского (при различиях в частности) не имеет притягательного свойства, все, как будто, ясно: принимается словарь коммунистов, в свой черед вдохновляющихся историческими легендами Маркса...

... своеобразная, и с т о р и о г р а ф и я «поэтического ясновидения» была явлена Пушкиным; и Одоевскому, ставящему себе целью

уяснение процесса выявления «инстинктуального» знания древних цивилизаций, оставалось искать слов для удовлетворительного процесса описания уже явленного феномена. Это следует подчеркнуть. Пушкин явил этот метод «поэтической магии», Одоевский хотел найти удовлетворительную методику для прояснения этого потрясающего феномена. «... Он — поэт в стихах и бенедиктинец в своем кабинете; ни одно из таинств науки им не забыто, и — счастливцев! — он умеет освещать обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением». А вот слова о себе: «... я знаю по опыту, что невозможно приказать себе писать то или другое, так или иначе; мысль мне является нежданно, самопроизвольно и, наконец, начинает мучить меня, разрастаясь беспрестанно в материальную форму, — этот момент психологического процесса я хотел выразить в Пиранези, и потому он первый акт в моей психологической драме». Тайна некоего вдохновенного самоговорения мысли, с большей или меньшей ясностью услышанной и отделанной в этом вслушивании и записывании, — почему это дается одним и т.д., — вот круг вопросов, занимавших боярских (Пушкин) и княжеских (Одоевский) отпрысков древних ветвей. Хорошую статью о значении «поэзии» в стихотворениях Пушкина написал и Вл. Соловьев на склоне лет... «род есть единый организм и имеет единый целостный образ» (см. § 1). Замечательно, что в «Борисе Годунове» действует «род» Пушкиных! Что Пушкин зовет «народ» признать царем «самозванца» и т.д. Что это записано голосом рода, говорящим в поэте тогда, когда «народ» уже давно чтит убиенного Дмитрия как святого. Что же? Боярин Пушкин призывает народ к святотатству, не только к горю, зафиксированному летописцем Пименом о наречении себе царем «цареубийцы», но к «хуле на Духа Святого», ибо он призывает признать в приятии Лжедмитрия отрицание страстотерпческого мученичества святого Дмитрия? Род Пушкиных, и народ в Пушкине, осознают в словах поэтической магии «узел» истории: соучастие в святотатстве. Все эти вопросы исчезают из горизонта исследователей в силу их метаязыковых установок: не имея определенных категорий в аналитическом зонде, нельзя обнаружить лежащего в ином «диапазоне»... Слепому невозможно рассказать о свете солнца, он должен иметь «глаза». Для лишнего органов восприятия поэзии нельзя показать ее реальности, но для имеюще-

го эти органы гениальность Пушкина самоочевидна, — такова мысль Одоевского. Нужно попытаться осознать КАК это свечение происходит, — это задача, и он, Одоевский, пытается ее разрешать. Величие русских осознается им (см. финал «Русских ночей») именно из восторженного и зрячего приятия Пушкина и иных «гениев» этого места, — не может Господь зря являть такие дары в народе. Явление гениальности осознается почти как «климат», как «среда обитания», формирующая определенный народ и вызывающая этот народ на определенное служение...

...охотник или этнограф может преследовать дичь по следу, потому что животная морфология выражена в структуре «тела». Лев не может оставлять следы цапли и водится в определенной «среде». Лев и среда связаны, — так и гений связан с народом. Для самосохранения народа необходимо воспроизводить в свободном «подражании» культовый образец. Ритуальное поведение есть морфология выживания этого образца при его встрече и соревновании с другими.

§5. УТОЧНЕНИЕ ФОРМУЛЫ «ВОИН, ПОРАЖАЮЩИЙ ДРАКОНА»

В книжке об А.С.Хомякове Н.А.Бердяев записал: «дух народа воспринимается лишь мистической или художественной интуицией. А религиозное призвание зависит от пророчеств». История, эта столь загадочная судьба и соблазнительная «наука», по-видимому, и есть таинственное осуществление пророчеств. Тибетские и монгольские ученые часто называют свои исторические трактаты «древом, исполняющим желания», ибо история на земле суть исполнение предвидений будд, открывших себя «золотыми зародышами» на Древе предвидения Отца-Матери. Древо растет, питая соками ангелов, существ Света, мертвых, иллюзорно уходящих кормом в шесть секторов Убийцы, живых, которые обязаны избавиться от иллюзии отдельности, чтобы раскрыть в себе «точку зрения» будд, в буддах — точку зрения на них Отца-Матери... Интересно, что в описаниях Дворца Королевства Шамбалы налицо Древо, Исполняющее Желания. Тексты Шамбалы и визуализации Колеса Времени давались только очень сильно продвинутым йогам, практиковавшим не менее 15 лет. Ибо эти

тексты становятся жизненно важными, когда в практикующем уже преодолены слои иллюзорного отделения от всего сущего, когда все мощнее и мощнее вмещается ц е л о е, которое раньше своих ч а с т е й, которое холистически определяет расположение и взаимопригнанность частей. Интуиция целого характеризует гения, его интуиции... русские, в их родовой ветви на Стволе Всечеловечества, бесспорно п р е д и з б р а н ы Господом и Святой Марией к выполнению какой-то исторической миссии в «вечном возвращении» скручиваемой спирали Времени. Кажется, что после империи Чингис-хана Петр I, постигая себя в медитации Александром Македонским, неумолимо строил какие-то т а и н с т в е н н ы е г р а н и ц ы Е в р а з и и, словно р е с т а в р и р о в а л какие-то мистические контуры древней картографии... и если «тело» этих реставрируемых границ, вплоть до реставрации октября 1917 года, когда большевики прекратили распад империи на отдельные этнические комплексы, как-то уже очерчено, то «душа» и «дух» этого организма еще нуждаются в выявлении и высветлении... Одной из самобытных идей этой реставрационной протокультуры является почитание Живой по Успению Богородицы, как путеводительницы триумфального исшествия мертвых из пасти ада. Это, конечно же, не «византизм», не «папство», не «протестантизм». Визуальный язык высоких иконостасов, венчающихся корнями Святого Распятия, где иконы святых суть абрисы «золотых зародышей» на Древе Жизни, где человеческий род в о л и т и с о з н а е т, — это самобытная идея русских, реставрирующая их прародину без «филологов»*.

Благая Весть, наглядно данная в иконостасах, многое говорит последователю Буддийской Дхармы, особенно в китайско-тибетско-среднеазиатской рецензии. Знаменитое Колесо Перерождений, которое держит как свое чрево Мара-Убийца, дает опыт многих раздумий, свершенных преемственной линией Ваджраяны, или линией Неразрушимых. 6 секторов показывают по шести грехам порождение п и щ и для Убийцы. Мара не сотворен, как и Дьявол, — поэтому у него н е т пищи бытия. Он кормится с т р а с т я м и, порождаемыми фантомами человека. Человек, уходящий за гробом в свои фантомы, есть п и щ а Убийцы. Преодолеть это болезненное рабство,

* Царская генеалогия Древа Роста «адамитов», данная в высоких иконостасах, как триумфальное шествие из ада к Вознесению, — это русская идея, б.м.

эту смертельную болезнь, выйти из колеса иллюзорных перерождений, раскрыть в индивидуе точку зрения на него Будд-Победителей, в свой черед п о б е д и в ш и х раскрытием в себе точки зрения на них Отца-Матери, Ади-Евы, — таково з а в е щ а н и е Дхармы, распространенной на какой-то таинственной древней целостности. Русские реставрируют эту целостность и, вероятно, если эта реставрация пройдет успешно, земляне увидят д в а с т а н а: Израиль, как плоды Древа познания добра и зла, и Дивеево-Русь, как плоды Древа Жизни, — эти два стана, два реставрированных сверхобъединения будут стоять друг против друга как на «поле Куликовом».

...мой род решил помогать русским свершить эту реставрацию, это «вечное возвращение», ибо ВРЕМЯ БЛИЗКО, ибо израильтяне вернулись в Иерусалим, — а эти события заповеданы Господом к нарочитому вниманию.

СХЕМА:

- Господь Иисус, Сын Божий и Сын Марии,
- св.Мария, Воскресшая по Успении, странствующая, Путеводительница, обоженная превыше всего тварного, обладающая всеми благодатными дарами, всеми «сиддхи», как сказали бы в пламенной Индии,
- св. свидетель, как свидетель Ее таинственного служения, святой, как «золотой зародыш» на Древе генеалогического ранга адамитов, как царей и священников, исходящих вослед Иисусу из пасти ада, прекращая быть кормом для Убийцы,
- п о с л у ш а н и я, типологически ограничиваемые на внутри и внемонастырские, имеющие целью р а б о т у по преодолению смерти и воскресению всех преждеживших,
- внутри монастырей-университетов идет штабная работа, вовне более чувственного плана: войско и князь, клир и епископ, вече и народ. Князь, по послушанию святому и Путеводительнице осуществляющий символически внешнюю задачу, это, конечно же, не ц а р ь-помазанник (выявленная идея Византии). Ориентацию на византийское наследие стал осуществлять Царь Алексей Михайлович (Романов) после некоего затишья по времени Смуты множившихся самозванцев. Его поддерживал и Никон, именно для этих целей стремившийся унифицировать литургическую жизнь «по грекам» (не по Сергию!). Неудачи, приведшие к раско-

лу, быть может, детские психологические переживания Петра Алексеевича, не изменили радикально ориентации правительства на «запад», изменив лишь ценности «греков» на «немецкие». Царь Петр I уничтожил патриаршество, принял от сената и синода «имя» Отца Отечества и ИМПЕРАТОРА. «Царевич (Алексей — Е.Ш.) был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже кн. Яков Долгоруков) была на его стороне. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания», — А.Пушкин, материалы к «истории Петра», записи под 1718 г. Почти перед смертью Петра был дан указ Сенату и Синоду о превращении мужских монастырей в госпитали, а женских — в кружевные мастерские!..

Епископ, по послушанию святому старцу, организующему видимый монашеский орден с обетами отречения «от помыслов и воли», епископ, как м о н а х - п о с л у ш н и к, принимающий храмовое послушание «служения литургии», как высшее явление отречения от собственных помыслов и собственной воли в и к о н о п и с а н и и, послушник, знающий на Афоне, в Киеве и у Сергия о ЖИВОЙ МАРИИ, и о монастырях, как Ее уделах, — это, конечно же, не идея папы-патриарха-помазанника, выявленная на Римском Западе...

Народ, по послушанию святому старцу, его монашескому ордену, князю-военачальнику и епископу в храмовых послушаниях, народ, занимающийся науками, искусствами, преображением среды, как деятельностью по всеобщему о ж и в л е н и ю о т м е р ш и х д у х о в н ы х о р г а н о в для восприятия Нетварного и Трисиятельного Света ПРЕОБРАЖЕНИЯ ДЛЯ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ, — это, конечно же, не народовластие «наслаждения» (выявленная идея протестантизма с вакциной еврейства). Русь, как нарождающееся государство после деяний Сергия, выходила на мировую арену в сроки з а к а т а Византии. Афон, этот 1-ый жребий св. Марии, дал уходящей Византии «Святогорский томос» и имена святых Григория Синаита и Григория Паламы. Это было время догматических определений о Природе Фаворского Света, о п р и р о д е б л а г о д а т и. Удел святой Марии сформулировал определения о н е - т в а р н о с т и Божественных Энергий, тождественных, но и отличных от Сущности Отца и Сына и Святого Духа. Трисиятельный

Свет сияет, а вот «духовные органы» восприятия Света умерщвлены страстями. Становится все более ясным, что Григорий Палама, владея языком дискуссий, догматически и поведенчески выявлял то, что Синаит знал тайноводческим опытом. Слова Синаита: «как притупивший свои чувства сделал их бездейственными в отношении чувственных вещей и не видит, не слышит, не обоняет их подобно расслабленному, вернее, подобно полумертвому, так умертвивший страстями природные силы души сделал их бесчувственными для энергии и причастия Духа...» (напомню здесь, что св. Серафим вновь сказал, что цель христианской жизни есть стяжание Духа Святого Божия). Синаит вновь выявляет антропологическую смерть, как приятие «греха». Страсти, по этой модели, суть продукты помыслов, самой же помыслы идут от Сатаны, неся его темные энергии. Сатана излучает тьму; эта тьма в виде помыслов принимается Адамом и его потомками, порождая страсти; страсти заражают, а затем постепенно и умерщвляют духовные силы, природные силы человека, и он перестает принимать («вкушать») как питание Нетварное Сияние Бога в Духе Святом. Поначалу идет духовная смерть и «склероз» духовных органов, затем — забвение Бога, затем — смерть и разложение тела на элементарные частицы физических стихий, что поражает и вселенную. После Сошествия Господа Иисуса во Ад, связывания Сатаны и исхода Адама и «адамитов» из Ада, что изображено на каноне икон, Адам и праведники всечеловечески вновь обретают прием и излучение Нетварного Света, что изображено Святыми Нимбами. Упражнения по оживотворению ранее умерщвленных и атрофированных органов при сопутственном причастии благодати литургических таинств, подвига молитвы и упражнений в доброделании добродетелей, противоположных страстям, имея целью полное преображение целостного духовно-душевно-телесного состава для исполнения крещального обета «чаю воскресения мертвых» и «жизни будущего века», — такова, по-видимому, программа культурного строительства, оснащенного для встречи с культурами Индии, Тибета, Китая, Японии и т.д. Если все культуры строились на попытках «оживления умерших», — то благовестие Сошествия во Ад Самого Бога и воссияния в потом-

ках Адама Нетварного Света есть исполнение всех чаяний, есть уникальная задача по преобразению и раскрытию-пробуждению спящих параличным сном духовных органов. Не от обезьяны по восходящей прогрессии до наличного состояния «пожирателей природы», а воскрешение в себе и себе подобных тех способностей, которые были умерщвлены приятием программы Сатаны... Все эти **программные послушания** суть у с т а в н о е, воинское служение Богородице.

Итак: ритуальная маска «русских», выявляющая единую волю живых и мертвых во всем реализме взаимопронизанности, знаменуется как «воин, поражающий Дракона». Постепенное оживление атрофированных органов, через взаимопронизанность ветвей Адама, излучающих Свет и исходящих в Сошествии во Ад Господа, может дать здесь, в видимых отпрысках с п о н т а н н о е «отверзие» духовных чувств, или появление паранормальных способностей, как оживление органов. Не следует никому употреблять аскетических терминов типа «прелесть», если он сам не имеет опыта преобразования и лишь по прочитанным книгам считает себя экспертом «духовной реанимации». Открывающиеся способности видения иных измерений есть возвращение способностей перволюдей, строивших культы и культуры. Так сказать, «способности фараона». Если человек открывает в себе эти способности и движется в сострадании, милосердии, любви к ближним и к Богородице, святым, Самому Господу при том, что он п о в н е ш н о с т и не принадлежит даже видимым юрисдикциям, не следует торопиться священникам, епископам и неофитам с обвинениями в «ереси», «окультизме», «масонстве», «йоге» и т.д. Это просто-напросто пробуждение п р и р о д н ы х с п я щ и х с и л как следствие н а с л е д с т в е н н о с т и адамитов: умирая по наследству от Адама, по наследству же от Адамического просияния по Сошествии во Ад Спасителя, оживотворяются при светозарном излучении и помощи Живой по Успении Марии, при взаимопронизанности р о д о в о г о с в я щ е н с т в а причастности святым. Верные Иисусу, причастные иконическому опыту Откровения, пусть радостно осмыслят свое сокровище. Озабоченные судьбами Родины «иных путей» могут объединиться в осуществлении фронта народной безопасности, учитывающей их безопасность схро-

ненных в могилах, под знаменем «воина, поражающего Дракона». Ритуальный символ, начертываемый и начертанный на знаменах войны со Змием еще в Раю, становится фокусом и конденсатором молитвенной и психической энергии нации и объединений национальных культур, делается защитным оружием, гармонизирующим собственные силы приема Нетварных энергий и (этим трансформированным теперь и з л у ч е н и е м) парализующим силы врага.

§6. ИСТОРИОСОФСКИЕ СЮЖЕТЫ

Даже истинные пророки, которым Господь дает в и д е н и я, лишь описывают видимые «картины» и «зверей», если Господь и ангел Господень не присовокупит и истолкование: способ «видеть» у Господа и ангелов лежит в каких-то потерянных человеком возможностях и, вероятно, у н и в е р с а л е н, а перевод и описание на язык фонем «этого» смертного может быть различным. Вибрации звукоряда, как некоего понижения уровня с в е т о р я д а, показываемого Господом через ангела, хотя и учитывают состояние приемника, все же почти всегда вызывают состояние, описываемое как «пал, как мертвый». Видение и слова несут в себе и з л у ч е н и е такой силы, что принимающие органы смертного, после умерщвления и атрофирования внутренних тел страстями, н е в ы - д е р ж и в а ю т. Излучение всегда идет изнутри, через омертвелые каналы, и выпроекция воспринятого вызывает обморок: пал, как мертвый, — потерю сознания. Затем, поскольку видение дается Высшим не для убиения, а для постепенного преображения, пророк все же встает. Часто ему многое объясняют, а часто, оставаясь жить и п о м н я данное видение, он служит приемо-передающим прибором, трансформатором, божественных энергий, которые излучаются в этот момент истории вселенной от Престола для постепенного излечения генома. Видения лучше всего о б р и с о - в ы в а т ь, и, по-видимому, прав проф. Флоренский, удачно определяя икону как «обведенное видение». Догматические определения Византии усвоят «авторство» иконных подлинников святым, под руководством которых умельцы создают икону. Тогда, когда святость совпадает и с художническим дарованием, как в случае преп. Андрея Рублева, можно говорить об особой удаче. Можно, по-

жалуй, сказать, даже не тревожа Плотина с его трактатом об «умной красоте», что молитвы и догматические определения, выраженные в фонетической транскрипции разных языков с их семантическими полями, лишь более или менее полно о п и с ы в а ю т в понятиях в и д е н и я, которые лучше были бы описаны и описываются графическим обведением. Икона, как абрис видения, более универсальна, чем фонетическое и понятийное описание. Скажем, Адам и Ева и все усопшие Праведники, пребывающие в адских застенках Сатаны, у в и д е л и именно Господа, — на многих языках могли бы они это выговорить, и заведомо по-разному, но если сделать «светопись», то все увидят более или менее одинаковую фигуру, Лик. За гробом звуковой язык, связанный с нашим плотским телом, тускнеет. Умное видение продолжает быть более достоверным... Высокие иконостасы пошли на Руси после святого Сергия, и, можно сказать, суть к р а с о т а с в я щ е н н о г о б е з м о л в и я. «Исихии». Когда преп. Серафим просит похоронить его с иконой явления преп. Сергию Богородицы, — то он как бы вновь призывает к «исихии», к усвоению Божественных Нетварных Энергий, как задаче культуры, зачинаемой Сергием в служении Богородице и пресеченной смутой Годунова, затем начинаниями Романовых в ориентации на Византию «не-исихастов» или немцев, приведшими к расколу, почти полному забвению и цели христианской жизни, и собственной древней Руси ко времени Пушкина и Серафима. Эти д в а имени, русского святого и русского гения, все время присутствуют, как путеводные маяки, в моих схематических абрисах не-прочитанных лекций. Они явлены как очень мощный р у б е ж, отделяющий старые ошибки от новых возможностей по их исправлению. Серафим вновь со всей силой утверждает «культуру исихии» и служения Богородице, а Пушкин являет обществу, которое начинает о б р а з о в ы в а т ь с я чтением, с т и л ь в уникальной ткани благородства мышления и поэтической стихии его произведений. Эти два человека являются нам «символами», о которых писал Одоевский. Они являют нам, что пять веков после «поля Куликова» и с т и л я жизни преп. Сергия и монашеских союзов, проросших окрест его, были попыткой удушить эти всходы, попыткой насильственной п с е в д о м о р ф о з ы. Русским князьям, бравшим благословение у святых, следовало бы семиотически ориентироваться [скорее] на Чингиз-хана с его кочевьем, чем на затухающую Византию. Нужно было бы попытаться опознать рост

государственных границ, как евразийский организм, и тогда было бы намного труднее новейшим критикам и политическим писателям (Пайпс, Солженицын) строить свои историософские сюжеты «покорения и колонизации». Новейшие политические писатели предлагают стратегию уничтожения «партии» и подъема национальных восстаний, ибо, действительно, «партия» выполняет функцию государственного объединения поверх возможных центробежных и сепаратистских тенденций национальных форм. Говорится об удушающей «русификации», несущей смерть национальным организациям. Национальная форма, передающаяся в свободном приятии о б р а з ц а в культовой практике, как структура «элементов жизнестойкости», защищает тот или иной организм от мутаций и определяет его в ы ж и в а н и е в войне с другими. В человеческих объединениях с их «культовой морфологией» нет свойственного иным системам детерминизма: свободный подвиг воспроизведения культуры как системы «элементов жизнестойкости» задается человеку. В ситуации появления государства Израиль, как выхода из подполья синагоги и захвата земли Царя Иудейского Иисуса под видом возвращения на историческую родину, национальные формы «гоев» должны были бы обрести свой инстинкт самосохранения в создании и выявлении принципа в о с х о д я щ и х ф о р м, направленных к Дивеево, как месту жизни св. Марии Богородицы, основной воительницы и свидетельницы против злоумия синагоги Сатаны. Не стратегия «развала» сложившегося и складывающегося государственного организма, но выявление культур как с т у п е н е й восхождения к Престолу Марии, выявление национальных идей, выраженных в культовом искусстве, к в с е - и д е е с а м о с о х р а н е н и я «гоев» в войне с синагогой Сатаны, выдающей себя за иудеев. Культивирование сепаратистских веяний в современной России представляется или искренним заблуждением политических писателей, или сознательным служением синагоге Сатаны. Задача «просвещения Европы» могла бы состоять в выявлении о р г а н и ч е с к и х с к р е п культур, обращенных к свободе творчества е д и н с т в а, как это умели делать когда-то буддийские проповедники, строя «принцип мандалы», где местные культовые символы постигались как частный случай Дхармы. Частные национальные идеи, выявленные в культовом образце и передающиеся в посвящении, постигались бы как ценностные предчувствия национальной йоги

и гениальности, в о с х о д я щ и е к «софийной форме». За основу могут быть взяты элементы иконоческого языка русских святых, в особенности иконография «Сошествия во Ад» и Иисуса как ПАСХИ, то есть и с х о д а, то есть в о с х о ж д е н и я потомков Адама и Евы из темничного плена за гробом к Отцу. Иконография «Сошествия во Ад» дает лики Адама и Евы, Авеля, Даниила и Ноя, Моисея и Предтечи, — то есть в с е ч е л о в е ч е с к о г о и с х о д а и з п л е н а за Иисусом, Сошедшим в смерти во Ад: Иисус воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, сущим во гробах живот даровав! Через единство сознания и воли, через преодоление иллюзии сознающего и волящего «я» в н е связи (йоги!) с преждежившими, открывается п у т ь в о с х о ж д е н и я национальных организмов к Отцу. Если таковая культура пути не будет выявлена в свободном и радостном творчестве, то возможна «смерть вторая», то есть гибель живых организмов, ибо жизнь и есть потенциальное воспроизведение живого и здорового организма в пространстве и времени. В Откровении Иисусу от Отца, которое Он показал Иоанну, вокруг Престола и 4-х херувимов группируются 24 старейшины от всех колен и народов. Эти 24 предка насельников земли суть все те же а д а м и т ы, которые пошли из Ада вслед своей ПАСХЕ-ИИСУСУ. Это родовое и всечеловеческое священство детей Адама излучает свет и запечатлевает элементарные частицы, входящие в физический код генома, выявляя спонтанные парапсихологические способности. Их надо правильно опознать, обуздать и поставить на со-служение предкам. Дхарма Трех путей (Хинаяна, Махаяна, Ваджраяна) способна описать все ритуальные и медитативные практики а д а м и т о в как «не-обрезанных» как свой частный случай, как свой «член» Тела Дхармы, иерархически расположенный вокруг Высшего Центра, вокруг Святая Святых, и эти культовые формы суть «ступени» или «органы» иерархического восхождения, устремленные к «ниродха», как состоянию мудрости будды, способного о ж и в л е н н ы м и органами принимать животворящую энергию Света. **Крайне важно** то, что Дхарма, которую проповедует будда, не имеет понятий г о с у д а р с т в а в европейски сложившемся смысле географических границ. Сектора Дхармы и уровни медитации Дхармы имеют к о с м о г о н и ч е с к и й смысл поверх и вне наблюдаемых государственных границ. Насельники мира Дхармы — это или «больные» лечебницы, или уча-

щиеся некоего «университета» в самом конкретном смысле этого слова.

Постараемся теперь (схематизм уже неоднократно оговорен!) нарочито противопоставить возможные самобытные элементы культуры Руси в противовес вычленимым элементам культур Европы: № 1. Западная культура или «Европа» произросла из следующих начал: а) Римско-католической мессы с ее учением об уровнях («количествах») благодати, как **тварной**. По, так сказать, «порциям» этой тварной благодати все центрируется вокруг «папы», как имеющего наибольшую порцию.

б) Наследия римской и греческой древности, как давшего импульс в развитии наук, которые не всегда соотносились гармонически с «папой». Эти науки теряли свой астрологически-окультиный подтекст, превращаясь в физико-математические приборы, отделяя «человека» от «космоса», хотя взаимосвязь эта пронизывает античность.

в) Быть может, здесь нужно искать роль пропаганды «жидовского царства», всегда остающегося в тени. Машинизация миропонимания может привести к финансовым империям, забвению связи и взаимоналогии человека и вселенной, к забвению Творца. Как дезинформация «гоев», это выгодно грядущему анти-Мессии (это положение не выявлялось, были интуиции Достоевского, но не более).

г) Феодалные стычки и войны, из которых «военные» победители складывались в представление о власти. Над народами, так сказать, властвовали и царствовали не органически выросшие органы управления, а «чужие» династические дома. Правительство и управляемые не всегда связаны органически.

№ 2. Русь и русская культура могла бы произрастать из иных начал:

а) Византийская литургия, осмысляемая из ее замкнутого символического мира, вне осколков «папского» мышления, выглядит как и к о н а Небесной Литургии Откровения Иоанну Богослову. Благодать н е т в а р н а, почему каждый по мере п о д в и г а оживления омертвелых внутренних органов души и духа делается приемником Несотворенного Света. Служение литургии епископом и сослужащими суть п о с л у ш а н и я по отсечении своей воли и своего сознания. То есть: служу «не-я», а святая Церковь. По мере отречения от помыслов, оскверняющих сердце, служащие литургии

причастия свету и воле Церкви, и по мере участия Таинства Церкви преображаются ветхим телом и преображенными преобразуют и связанную с человеком вселенную.

б) Наследие азиатской древности в Дхарме, как учении пробуждения спящих в обмороке скрытых сил человека, его скрытых «тел». Очевидна, хотя и не проста к осуществлению, возможность синтеза опыта «горы Афон» и «горы Меру».

в) Азиатская наука, настаивающая изначально на связи человека и космоса в понятии «дхармы» и набора «дхарм». Микрофизика элементарных частиц не уводит в машинный мир, но настаивает на воздействии элементарных частиц, побывавших в человеке и вообще в «живом», на физические и химические уровни.

г) Власть, скажем, «каган» чингизидов, это вождь-йог, озабоченный не только судьбой живущих, но и умерших. Не оседлые географические границы, но кочевье, странничество.

Каждая прорись этих духовных карт может быть и должна быть красиво и полно углублена и расширена в конкретных исследованиях.

§7. СОСТОЯНИЕ СЕРДЦА — ЭТО ТЕСТ НА БОЕГОТОВНОСТЬ ПРОТИВ ИМПЕРИИ ДРАКОНА

Известно, что Адам и Ева ошиблись в Раю, а Даниил прославил Бога на удивление фараону в раскаленной печи и во рву львином. Это тот самый Даниил, который сказал любителю пировать вместе с вельможами и наложницами и пить из священных сосудов Вальтасару: «...ты взвешен на весах и найден очень легким». Даниил помогал расшифровать начертание, сделанное Десницей, которая, как должно быть известно многим, нас сотворила. Если эта Десница нечто взвешенное на весах о людях и народах изрекает, то разумнее принять это. Даже прагматически: не устоять против **подобных** начертаний! «Господь открыл мне, что будет время, когда **архиереи земли русской** и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте*, и за то гнев Бо-

* Тайна эта — ЖИВАЯ св. Мария (не папа, не собор епископов, не император). Непогрешимость всех «трех» осмеяна, ибо они не заметили факта IV-го Удела.

жий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня», — парадокс в том, что эти слова Господа через святого изданы в «Настольной книге священнослужителя» московской патриархией в 1971 году. Литургические символы последования таинств и наличная практика центрируются вокруг ритуальных действий епископа, который по молитвам поставления и невербальным жестам таинства поставления должен быть с в я т ы м (это замечательным образом забывает архиепископ Василий Кривошеин в своей работе о преп. Симеоне Новом Богослове, который в свои сроки предлагал архиереям перейти в чин кающихся). Епископ освящает «миро» в таинстве мирования, без миропомазания невозможно завершить чин крещения; епископ надписывает антиминс, поставляет пресвитеров, дающих ему ставленническую присягу*, — словом, при прещениях Господа, общины должны переходить из ритуально очень высоких мест (сидение на Престоле епископа, сидения на сопрестолиях пресвитеров, право вхождения на виму и т.д.) в притвор, на паперть, — место к а ю щ и х с я. Священнослужители могут легко найти соотнесение слов Господа со словами Его же через пророка Исаяю к ветхому священству: «Люди сии чтут Меня устами; сердце же их далеко отстоит от Меня. Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». В Новом Завете Царь вспоминает Исаяю (Мк. 7; Мф. 15) в контексте обличения фарисеев, чтобы высказать и фундаментальное определение об истоках ритуального осквернения человека: «... исходящее из сердца оскверняет человека. Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумие. Все это зло извнутри исходит и оскверняет человека». Оскверненный, ритуально нечистый, не может входить в священное пространство, чтобы служить священному, — это **аксиома** всех народов, утвержденная высочайшим определением. Община, племя, народ

* Самопричащается первым, а затем уж преподает св. Дары «народу».

знает в едином поле сознания до-гробных и за-гробных связей, охранительную силу священного, делающегося видимым в ритуале. И если «адепт» здесь оказывается «пятой колонной», играющей в своевольную гордость «обладания священным», его уничтожают, отрезая этот заболевший член организма, чтобы не загнило «все тело». Если шаман переставал быть шаманом в реальности, его убивали. Священнослужители, обличаемые Царем Иисусом, через святого свидетеля, не только «зря» чтити Господа, но и давно потеряли присущее народным верованиям чувство священного: «... молитвы, исходящие из уст и только с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу по безучастию в них сердца. Кто так молится, у того уста издают звук, а сердце пусто и ум празден», — это определение св. Иоанна Златоуста, литургия которого воспроизводится русскими. Знаменитая «беседа» святого Серафима о цели христианской жизни вновь напомнила, что она состоит в тщательном исследовании «есть или нет» Дары Святого Духа, то есть «пусто или не пусто» сердце; как оно окажется на весах при взвешивании? Единственная цель христианской жизни — стяжание и проверка наличия Духа Святого Божиего, — самое же стяжание «... предуготовляет в душе нашей престол Божию с духом нашим сопребыванию...». «Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, вот престол, на котором он любит восседать». В Храме-иконе алтарный «престол» суть икона сердца-престола, — все последования таинств иконичны к памяти Церкви об Откровении. Вот слова св. Ефрема Сирина: «Сердце — Божия обитель, потому имеет нужду в охране, чтобы не вошло в него злое, и Бог не удалился от него», «душа — храм Его, а сердце — святой жертвенник, на котором приносят жертвы хвалы и славословия: и ереме же бывает ум, который стоит и священнодействует там». Если в сердце «пусто», если ум в не сердца, то оно подвластно любым «ветрам». Науке соединения ума и сердца, чтобы затем очищать сердце, чтобы Господь воссиял Свет Свой в сердце, подчинена аскетическая наука и можно найти на каждый век святого, обличающего епископат в гордости и обладании «святыней». Святого обычно не слушают, иногда умучивают с утонченной жестокостью «свои» (разительный пример преподобного Максима Исповедника!), а в следующем поколении дети убийц причисляют замученных к «лику святых», как бы при-

своя их «себе», и сновидения продолжают. Но ведь не бесконечно же! Бывают узлы, когда Господь сжигает сухие ветви. Настает же исполнение всех сроков! «...без Духа пишущие, говорящие и намеренные созидать Церковь — душевны и не имеют Духа», — как где-то сказал Апостол. Они подпадают проклятию Того, Который утверждал: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собою». И говорят они от себя самих, а не Дух Божий, по слову Господа, говорит в них. «Слова таких гордецов неприятны и не светоносны, потому что произносят их, заимствуя не из живого источника Духа, но из сердца своего, как некоего тинного болота, питающего змей, пиявок, лягушек плотских страстей и невоздержания», — это св. Григорий Синаит, современник преподобного Сергия; ... «видимый мир от царей и до нищих, весь в смятении и нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины. Пришедший грех, как разумная некая сила и сущность Сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум, и борется с ним помыслами; люди же и не знают, что делают сие, побуждаемые некою силою, напротив того, думают, что это естественно, и что делают сие по собственному своему рассуждению. Но в самом деле имеющие дар Христов и озарение Христово знают, откуда воздвигается все это», — св. Макарий Египетский, слова которого перефразировал в свое время Достоевский: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей»... В предпоследние времена к этой облучающей гипнотическим сном атаке Сатаны прибавляется и черная месса с борща с сатанинского, наступает прямая оккультно-парапсихологическая война по направленному облучению «помыслами» телепатически. Теоретически ареалы культур, давно отлученные от «молитвенной брани», возгласившие автономность ума и воли от «суеверий», наиболее подвержены подобным облучениям направленного и тайного воздействия на «внутреннего человека», этой своеобразной психо-хирургии, здесь страны «протестантской» ориентации (США) наиболее уязвимы принципиально, скажем, для каббалистической атаки. Епископат и прочие «духовные лица» могут быть «пятой колонной» в оккультно-парапсихологической войне, если не очистят свои сердца по призыву святых всех веков и святого Серафима, давшего провозвестие воли Господней «для целого мира» по преимуществу. Культура

азиатской йоги, требующая сознательного восприятия уровня своего контура по сравнению с текстами как своеобразными «тестами» для самопроверки, может помочь потенциальному воинству против Дракона в диагностике и инспекции боеготовности. Состояние сердца — это тест на боеготовность против Империи Дракона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Да и нельзя, повторю я, даже и представить себе еврея без Бога, мало того, не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще Бог знает чего ждет мир от евреев образованных! Еще в детстве моем я читал и слышал про евреев легенду о том, что они-де и теперь неуклонно ждут мессию, все, как самый низший жид, так и самый высший и ученый из них, философ и каббалист-раввин, что они верят все, что Мессия соберет их опять в Иерусалиме и низложит все народы мечом своим к их подножию...», — это Достоевский. Наши лекции недвусмысленно присоединяются к этому суждению. Образованный еврей-безбожник суть или кукла, кукловодимая остающимися в тени каббалистами, или сознательный дезинформатор «акумы», «гоя». Акума должен потерять все свои вертикальные измерения, данные в культе, как источнике информации о здоровье народа, чтобы быть превращенным в биоробота Сатаны. Сейчас евреи на глазах христианских наблюдателей собираются и собирают своих в анти-город, бывший Иерусалим, как свою историческую родину, с которой они были «так несправедливо» изгнаны 2000 лет (округлено) назад. У них есть пафос — пафос возвращения на родную землю, которую сладостно пахать плугом, которую сладостно защищать до последней капли своей священной крови, пафос, который недоступен акуме. Христианские наблюдатели как будто согласны со всей этой фантастической фразеологией и видят угрозу себе в России, в месте, где Святая Мать Мальчика-Бога чтится со всей уникальной жалостью к Богу-Младенцу. Русь причастна сознанию Богоматери, — поэтому Русь до скончания веков останется стратегическим врагом евреев, имеющих в недрах своих родить Блудницу с ее антимессией. Вопли об антисемитизме — все это «дезинформация»

акумы, чтобы он чувствовал себя виноватым между рюмками, девочками и ЭВМ. По внешнему проглядыванию каббала и Сатана преуспели: акумы отвергли Кровь Иисуса как Высшую Святыню, их культура не имеет причастие Святой Крови краеугольным камнем. Но: это только внешне. На таинственной глубине тянется непрерывная нить б л а г о д а р н ы х с в я т ы х, нерушимо чтущих Иисуса, причастных любви Марии к Ее удивительному Мальчику.

Работы разных лет

1968–1995

ОБРЕЗАННОЕ СЕРДЦЕ

*Царство Божие не пища и питие, но
правда, мир и радость о Духе Святом.*

Апостол Павел

*Кровь, находящаяся в сердце человека,
есть вместилище разума его.*

Эмпедокл

*Старейшее из всего сущего есть Бог:
ибо Он не рожден.*

Фалес Милетский

ГЛАВА о прежней недостаточности

Если кому-нибудь доведется прочесть мою книгу «Смертию смерть поправ», я просил бы учесть ее буддистскую недостаточность, ибо мышление буддистское всегда суть мышление атеистическое, мышление о сверхматерии, даже если сам опыт познания старается быть достаточно полным, то есть включает в себя и мистику и рационализм. Буддистское познание отрицает субъекта, потому в конечном итоге ищет спасения в познании, что человек суть НИЧТО, НЕЖИВОЕ, а лишь сцепление в законе кармы тех или иных физических субстанций, — признавая человека и не признавая Бога, как живую Сущность, я входил в прошлой книге в неразрешимое противоречие.

Дохристианское мышление некоторых греков было персоналистичным, было постижением Единого Сущего как Живого Бога.

Такое постижение было присуще от века иудеям, но они были чрезмерно хилиастичными в своем познании Бога, были слишком людьми в своей вере и ждали Бога, чтобы покорить под Его начало всех своих прежних врагов, отомстить им за прежние гонения и унижения, и обрести Земное Царство и владычество со столицей в Иерусалиме.

Человек есть пока лишь символ Сущего, образ Его, аналог мира, но не реализация его, человек пока лишь наглядное пособие о мире в акте самопознания. В самопознании человека открываются символы космогенеза и теогенеза, но опять-таки пока лишь символы, лишь иероглифы заложенной в мире Идеи. После откровения Сущего о Себе в Богочеловеке Христе Иисусе, после Слова о Себе, вселенная жаждет реализации, а не прежней мистериальности и мистификации, жаждет постижения человеками собственного мифа о себе и умерщвления его через Божье откровение, чтобы подлинно возродиться, чтобы воскреснуть во всей полноте Троицы в **БЛАГОСЛОВЕННОМ ГРЯДУЩЕМ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!**

Человек, который вольно или невольно стал закован в цепи самопознания, после долгих мук расковаться от своих вериг, когда на железе остаются ключья тела и духа, примет на себя крест и покорность узнать себя. И если он постарается после этого тяжелого крещения в поиск себя быть по возможности серьезным и строгим в своем уроке, то он необратимо придет ко Христу, ибо в Нем истина Сущего о путях людей.

Сектантское недоверие науки к религии, и наоборот, есть лишь непросветленность Христом, требующая врачевателя, а не инквизитора, запаливающего костер под человеком.

ВЫ СЛЫШАЛИ, ЧТО СКАЗАНО: ЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО И НЕНАВИДЬ ВРАГА ТВОЕГО. А Я ГОВОРЮ ВАМ: ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ, БЛАГОСЛОВЛЯЙТЕ ПРОКЛИНАЮЩИХ ВАС, БЛАГОТВОРИТЕ НЕНАВИДЯЩИМ ВАС И МОЛИТЕСЬ ЗА ОБИЖАЮЩИХ ВАС И ГОНЯЩИХ ВАС!

Прикосновение к истине делает человека фанатичным, ибо истина одна, а все остальное ложно. Истина Христа Иисуса делает людей фанатиками терпимости, фанатиками любви, ибо все разделения людей были произведены кесарем, у человека в Боге нет врагов, есть лишь **ЕЩЕ** непросветленные.

АЛЬФА И ОМЕГА

Благоговение:

В.СОЛОВЬЕВ: азиатские и европейские мистики, александрийские платоники, еврейские каббалисты, отцы церкви и независимые мыслители, персидские суфи и итальянские монахи, кардинал Николай Кузанский и Якоб Бемэ, Дионисий Ареопагит и Спиноза, Максим Исповедник и Шеллинг, — все они единым сердцем и едиными устами исповедуют недомыслимую и неизреченную абсолютность Божества.

Н.ФЕДОРОВ: мы живем не только на чужой счет, на счет неродственной нам природы, — мы живем также и на счет себе подобных, даже самых близких, заменяя, вытесняя их, и такое существование делает нас уже не достойными, но и преступными.

С.БУЛГАКОВ: исповедование себя христианином и отказ принести жертву изображению императора были достаточной причиной, чтобы отправить за анархию и атеизм на казнь.

К.ЛЕОНТЬЕВ: христианство же настоящее представляется уже не божественным, в одно и то же время и отрадным и страшным учением, а детским лепетом, аллегорией, моральной басней, дельное истолкование которой есть экономический и моральный утилитаризм.

Ф.ГЕГЕЛЬ: можно сказать, что нигде не произносилось столь революционных речей, как в евангелиях, потому что все общепризнанное принимается за безразличное, но заслуживающее уважения.

АПОЛОГЕТ АРИСТИД: если кто из них беден или нуждается, а они не имеют лишних средств к жизни, то они постятся два или три дня для того, чтобы восполнить нуждающемуся потребность в пище. Если праведный из числа их отходит из мира, они радуются и благодарят Бога и провожают его тело так, как будто он отправляется из одной местности в другую.

А.ХОМЯКОВ: вера не только мыслится или чувствуется, но, так сказать, и мыслится и чувствуется вместе. Словом, она не одно познание, но познание и жизнь.

Н.БЕРДЯЕВ: вопрос о Боге — вопрос почти физиологический, гораздо более материально-физиологический, чем формально-гносеологический, и все чувствуют это в иные минуты жизни, неизъяснимые, озаренные блеснувшей молнией, почти неизреченные.

БЛ. АВГУСТИН: способ, каким соединяется тело с духом, не может быть постигнут человеком, хотя это соединение и составляет человека.

И.КАНТ: но именно то согласие, которое я находил между моей системой и религией, возводит мою уверенность перед лицом всех трудностей до степени неустрашимого спокойствия.

О. ДМИТРИЙ: считаю, что ничего нет выше, как быть священником, но с каждым днем прихожу к выводу, что я недостойн им быть, и не знаю, смогу ли чем оправдаться. Господи, Ты видишь, прости меня, если возможно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Кто не берет креста своего

На первых страницах Библии записана история о вине Адама, который вкусил от дерева познания добра и зла, хотя Господь заветал ему, что узнав вкус добра и зла, примет Адам в себя смерть, назовет ее в мире.

За нарушение завета Господь изгоняет Адама на страдание умирать на земле, в поте лица своего работая хлеб при недолгой жизни. Мне не досталось прочесть этих строк глазами до поры зрелости, но всегда умелось, что я знал их, что уже где-то учился их прописать, когда-то давным-давно в крови матери моей, которая вязала меня в плод, чтобы окрестить потом в рождение быть.

И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ БОГ: ВОТ, АДАМ СТАЛ КАК ОДИН ИЗ НАС, ЗНАЯ ДОБРО И ЗЛО; И ТЕПЕРЬ КАК БЫ НЕ ПРОСТЕР ОН РУКИ СВОЕЙ, И НЕ ВЗЯЛ ТАКЖЕ ОТ ДЕРЕВА ЖИЗНИ,

И НЕ ВКУСИЛ, И НЕ СТАЛ ЖИТЬ ВЕЧНО. И ИЗГНАЛ АДАМА, И ПОСТАВИЛ НА ВОСТОКЕ У САДА ЭДЕМСКОГО ХЕРУВИМА И ПЛАМЕННЫЙ МЕЧ ОБРАЩАЮЩИЙСЯ, ЧТОБЫ ОХРАНЯТЬ ПУТЬ К ДЕРЕВУ ЖИЗНИ.

Все колена людей всю историю пытались искупить не очень осознанную, но ужасенным сердцем всегда знаемую подлинность некоей виновности перед миром, они смотрели на свое солнце и не ведали, что это и есть пламенный меч обращающийся, который восходит стражей своей на востоке, чтобы не пустить человека к дереву жизни.

Путь в сад Эдемский лежит, человеки, через Гефсиманский сад.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Когда чувство непреодолимой вины раскрывает до невозможности дырку в том месте, где в человека положили сердце, и закрыть, замуровать эту дыру не в силах даже смертная усталость длинного времени, можно, уже намылив веревку, все же попробовать спастись, что-нибудь написав на бумаге. Вот так однажды спасаясь, я и записал слово ТРАНСМИГРАЦИЯ, которое не сам придумал, а где и у кого украл, вспомнить не мог. Я вложил в него СВОЙ странный смысл, ибо это слово похоже на сущность кармы индусов, очень похоже и радикально не то по сути своей.

Карма — это круговорот объективности, вечное возвращение Ницше, слепая воля Шопенгауэра, моя же ТРАНСМИГРАЦИЯ — это вязь паутины Живого Сущего, вязь в Живой РАЗУМ вселенной через прежнюю смерть в себе.

В карме смерть есть отчаянная бессмысленность и несправедливость, в ТРАНСМИГРАЦИИ — единственно возможный путь появления СМЫСЛА.

На земле ТРАНСМИГРАЦИЯ вяжет Плод из смертей-из-жизни человека, зачинает непорочным зачатием новую материю, которая конденсируется из Святой Энергии Смерти человеков, из ДУХА СВЯТОГО ИХ.

Вся тайная информация, которую приобрел человек и о подлинности которой он может не ведать сам из-за ограниченности своего

рассудка, выбрасывается в мир, чтобы стать Новым Миром, когда человек умирает, когда издается в бытие книга его жизни, которую писали в тайной подлинности о нем белки, гены, страхи и пр. Вероятно, любая клетка или молекула, вообще любое ПРОСТРАНСТВО, сумевшее молчаливо копить в себе тайные силы, тем самым копит сроком своей длительности некую психическую потенцию, некое знание о себе, которое сможет стать полным, сможет стать из символа реальностью лишь по окончании срока своей молчаливой длительности, лишь по смерти ее. Только так можно узнать о себе всю полноту, ибо таковое знание снимается с конца предшествующего состояния, состояния, которое в конвенциях обыденного языка определяется словом ЖИЗНЬ, полное же знание о жизни в тех же конвенциях обыденного языка можно получить лишь по СМЕРТИ.

В трансцендентном отсчете акт рождения Разума Сущего не совпадает с нашими категориями времени, которые все ограничены скоростью света, того самого пламенного меча обращающегося; акт рождения Сущего есть акт вневременной, акт абсолютный, рождение мира и было рождением Бога, рождением Разума через смерть праматерии.

Мир не мог не учитывать информацию о себе из смерти предшествующего состояния, ибо он не боялся смерти, он просто не знал о ней до человека Адама, который вкусил от дерева познания добра и зла, от дерева нравственности и страдательности. От века Сущий Разум вместил в себя, вместил в шар своего обращающегося сознания, чувство вины и искупления через человек. Разум Сущего обрел в человеках Сердце, которое ужаленно бьется в жизнь-смерть, сокровенно бьется о Богочеловеческом промысле искупления греха рождения Сущего, искупления в Воскресении праматери через Дух Святой в Праматерь, в Живую Богоматерь, давшую Бога всем и во все. Богочеловек Христос Иисус приходил освятить смерть, приходил рассказать об Отце Своем Сущем, приходил с крещением в освящение человеками страха смерти, с призывом узнать правду о Духе Святом, чтобы жить в радости о Нем и тем обрести Царство Божие на земле.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Кто не берет креста своего

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, И СЛОВО БЫЛО У БОГА, И СЛОВО БЫЛО БОГ. ОНО БЫЛО В НАЧАЛЕ У БОГА: ВСЕ ЧРЕЗ НЕГО НАЧАЛО БЫТЬ, И БЕЗ НЕГО НИ ЧТО НЕ НАЧАЛО БЫТЬ, ЧТО НАЧАЛО БЫТЬ. В НЕМ БЫЛА ЖИЗНЬ, И ЖИЗНЬ БЫЛА СВЕТ ЧЕЛОВЕКОВ.

БЫЛ СВЕТ ИСТИННЫЙ, КОТОРЫЙ ПРОСВЕЩАЕТ ВСЯКОГО ЧЕЛОВЕКА, ПРИХОДЯЩЕГО В МИР. В МИРЕ БЫЛ, И МИР ЧРЕЗ НЕГО НАЧАЛ БЫТЬ, И МИР ЕГО НЕ ПОЗНАЛ. ПРИШЕЛ КО СВОИМ, И СВОИ ЕГО НЕ ПРИНЯЛИ.

ПИЛАТ ГОВОРИТ ИМ: ЧТО ЖЕ СДЕЛАЮ Я ИИСУСУ, НАЗЫВАЕМОМУ ХРИСТОМ? ГОВОРЯТ ЕМУ ВСЕ: ДА БУДЕТ РАСПЯТ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Распятый

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Понадобилось двадцать шесть веков, чтобы с многими страданиями подтвердить знание Готамы и Пифагора о квантовости способа бытия энергии, относительности в единстве координат времени и пространства. Открытия древних мужей были возможны уже потому, что они постигли определяющую идею нравственности в человеке и связанных с нею категорий сознания, знали, что моральное совершенствование разума дает возможность к его перерождению, чтобы творить мир и быть в нем бесконечно, ибо возможно понять и сделать, чтобы не было времени, чтобы исчезло конечное.

И АНГЕЛ, КОТОРОГО Я ВИДЕЛ НА МОРЕ И НА ЗЕМЛЕ, ПОДНЯЛ РУКУ СВОЮ К НЕБУ И КЛЯЛСЯ ЖИВУЩИМ ВО ВЕКИ ВЕКОВ, КОТОРЫЙ СОТВОРИЛ НЕБО И ВСЕ, ЧТО НА НЕМ, ЗЕМЛЮ И ВСЕ, ЧТО НА НЕЙ, И МОРЕ И ВСЕ, ЧТО В НЕМ, ЧТО ВРЕМЕНИ УЖЕ НЕ БУДЕТ.

Но и эти открытия древних мужей были лишь долгим отголоском в человеческой длительности более ранних и более подлинных знаний художников неолита, познавших религиозную суть мира, и без участия собственной пагубной воли выбросивших ее в вязь и относительность линий орнамента, где все дано лишь в соотнесении к другому, лишь как промежуток в становлении целого, где математический орнамент нынешних формул был открыт в потребности к абстракции, к уничтожению конкретного объекта, к нахождению общего Сущего.

Нравственными упражнениями человек создавал из себя мыслящую протяженность, модель, схему, приемник, который познавал, то есть делал мир, и расшифровывал его человеческими словами в их первоначальных неделимых корнях, чтобы этой дешифровкой писать уже и свою книгу жизни, которая изданием в смерть влияет на последующие фазы кармы, которая вяжет жизнь и смерть в бросок узнавания себя, тяготения к себе, в троицу гравитации, которой подвластно все от людей до туманов звезд, ибо она скручивает Личность. И эта Личность явила себя в свой срок и поведала человекам о неслыханном ими от века, о любви, как о методе познания мира, как о способе строения его. Люди это Слово о Сущем убили, распяли, ибо что-то в Его правде было невыносимо для них, и несмотря на многие чудеса и добро, которые он являл в подтверждение своей Личности, они пригвоздили Его богохульником к кресту.

МУДРОСТЬ ЖЕ ПРОПОВЕДУЕМ МЕЖДУ СОВЕРШЕННЫМИ, НО МУДРОСТЬ НЕ ВЕКА СЕГО И НЕ ВЛАСТЕЙ ВЕКА СЕГО ПРЕХОДЯЩИХ, НО ПРОПОВЕДУЕМ ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЮ, ТАЙНУЮ, СОКРОВЕННУЮ, КОТОРОЙ НИКТО ИЗ ВЛАСТЕЙ ВЕКА СЕГО НЕ ПОЗНАЛ, ИБО ЕСЛИ БЫ ПОЗНАЛИ, ТО НЕ РАСПЯЛИ БЫ ГОСПОДА СЛАВЫ, НО, КАК НАПИСАНО: НЕ ВИДЕЛ ТОГО ГЛАЗ, НЕ СЛЫШАЛО УХО, И НЕ ПРИХОДИЛО ТО НА СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКУ, ЧТО ПРИГОТОВИЛ БОГ ЛЮБЯЩИМ ЕГО.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

Человек отличается от всего, что было явлено на земле, страстью познания, страстью самопознания, ибо он суть аналог мира.

Человек отличается от всего, что было явлено на земле до него, тем, что он может поступать вопреки инстинкту самосохранения, то есть не только в пределах бессознательного продолжения органических потребностей жизни, но и вопреки им, если они вступают в несоответствие с началами добра, с некоей любовью к другому, которая субстанционально дарована человеку, если он даже по неведению об этом своем величии убивает соседа во имя дурных идей своего кесаря. Человек может отдать и отдает последний глоток воды страждущему рядом, а сам успокоенно умирает, ибо этот другой спасен им.

Зверь не может этого сделать.

Логика существования человека, логика его самопознания, фиксирует в человеке как ипостась знание о необходимости выбора смерти, узнавания ее, вскрытия ее в себе как подлинности в безумии, отличая от зверя, эта же логика существования открывает сердце человека в бессмертие, в знание, что оно в руках его. Ева, которая есть жизнь, была вырезана из груди Адама, который есть прах, в бессознательном сне мира, пока тот не проснулся и не познал себя.

Вырезанная смерть Адама родила Еву; смерть детей их, смерть людей, вырезанная смерть сознаний тклет плод сверхсознания, тклет паутину Сущего, который не знает жизни и смерти, а знает лишь жизнь и самопознание, любовь и искупление, и откровение которого о себе было явлено на земле в Иисусе Христе.

Наша жизнь-для-смерти в бессознательном сне человечества сотворила Сына Человеческого, Богочеловека, свидетеля таинства людей.

ИЗГОНЯТ ВАС ИЗ СИНАГОГ; ДАЖЕ НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ВСЯКИЙ, УБИВАЮЩИЙ ВАС, БУДЕТ ДУМАТЬ, ЧТО ОН ТЕМ СЛУЖИТ БОГУ. ТАК БУДУТ ПОСТУПАТЬ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ПОЗНАЛИ НИ ОТЦА, НИ МЕНЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Когда говорят о человеческом мышлении, то обычно фиксируют возможность человека выражать свои мысли словами, то есть называть свое сознание, узнавать его. Все договорились, что этот

процесс не может происходить вне понятий времени и пространства: любая формула, которая отчуждается человеком в слова, в явь, требует этих понятий в странной слитности, хотя время предполагает последовательность, прерывистость, конечность, а пространство одновременность, статику, неизменность. Эта странность была отмечена рациональной наукой и в меру сил устранена теорией относительности, правда, теперь уже с собственной странностью, которая требует от ученых глаз, умеющих видеть. Скажем, они определяют скорость как частное от деления метров на секунды, то есть как частное от деления меры пространства на меру времени, которые признали субстанционально едиными. З.Фрейд бы сказал, что они фиксируют инцест, кровосмешение пространства с самим собой, ставшим временем. Но пространство может стать временем лишь по смерти своей, лишь утняя знание о себе с конца момента, когда оно узнает себя, кидается к себе в акте скручивания знания, в акте конвергенции мира, в акте тяготения к себе, в акте гравитации. Рациональная наука в своих орнаментальных формулах взрывает вязь мира, но исключает из этой вязи познающего, тогда как в их формулах записан акт становления сознания мира о себе, акт становления сознания через смерть, где сама тяга к себе, эта безмерная гравитация, которая не подвержена воздействиям на разрыв извне, выдавливает себя из себя изнутри во взрыв, рождает непорочным зачатием Сущее, чтобы вновь и вновь познавать себя, до акта искупления, чтобы изменить уже собственное бытие в себе осознанно, чтобы искать бессмертия. Сжатое в гравитации пространство всегда обречено на взрыв в себе, причем, чем более эти странные силы скручивают пространство в себе, тем в более долгое время уйдет акт познания. Этот процесс ведет к бесконечности, ибо в искуплении, в воскрешении праматери таится вечность, неконечность. Любовь, тяготение, гравитация создают носителя знания и на земле, создают человека в его единстве мужчины и женщины, делают любовью человека единым в себе, единым в любящих сих. Таковой единый человек в акте кровосмешения, акте инцеста, акте совокупления с самим собой сладостно умирает в финале, чтобы зачать, чтобы странно разделить себя еще и на третьего, на мир сыновний, который зреет плодом в беременности женщины. Ни та, ни другая половина человека в своей раздельности не могут родить сыновнего

мира, так и жизнь и смерть в своей разделенности не могут родить сыновнего мира бытия. Ребенок, который видит половой акт родителей, пугается, плачет, ему видится здесь убийство, насилие, так и человек во взрослости человека, но в детстве мира, пугается, кричит и томится, когда видит половой акт и смерть, ибо ему кажется, что здесь таится убийство, насилие, несправедливость. Человек всегда удивляется неземному покою и светлости на лице умершего, на лице удовлетворенного, разрешившегося Духом Святым от бремени.

Носителем предшествующей человеку стадии знания было зверье. Их смерти, которые фиксировались в мире как знание о знании, скрутили паутину самосознания человека, которая в своих витках на скручивание и вверх вытянула зверя в вертикаль человека, в двуногого, алкала его черепную коробку все вверх и вверх, как прежде отрывала зверя в его четвероногое возвышение от праха, как вытягивала древо и травы, скручивала в вертикаль белковые цепи и хромосомы клеток.

Полное же знание земли о себе, знание, снимаемое с конца опыта Сына Земли — человека, заложено в Христе Иисусе, Богочеловеке, относительности Сущего и Земли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Распятый

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ.

Только вчера они кончили сеть, которую плели долго, дырявя руки, сеть-паутинку по способу пришлого старика, которого пришлось долго поить, пока он открыл свой секрет, старика-паука из далеких мест, где много моря и мало суши. Плести такую сеть можно было только вдвоем, надо было лечь в живот друг другу крестом и вертеть себя по кругу, пальцами ног стягивая петли к пальцам рук второго, она и называлась паутинкой, эта сеть, потому что вращающийся крест людей с их шевелением пальцев туда и сюда виделся пауком, который шелестит ногами с крюками своими, когда бродит круговую, вот только нить не лезла из дырки людей. Старик все болтал о бабах, хотя уже выпил много, все делал из себя вид, что не понимает, к чему это угощение, хотя сам назвался ему, все хотел выгадать старик себе побольше, потому что в его секрет ни-

кто, кроме этих двух, не удивился, и пить не давал, а ему очень хотелось пить, ему и его ноге, которую отъела рыба, вот ей-то, отъеденной, больше всего и хочется выпить, ее надо утешить, ее, обездоленную в чужих краях. Старик пил и лил питье на морщины паскуды своей, и смеялся, и говорил, что секрет его очень хорош, что секрет ему дали, когда он остался без нее вот, без этой пьяницы ненасытной, которая заливает свое горе чужих краев, дали, чтобы можно было ловить рыбку и с одной ногой, много рыбки с одной ногой, чтобы доставать вина и поить одинокую другую, которая вон как постарела там, видите, вон какая стала старая, оттого и здесь побелели морщины, вот видите, здесь и здесь, сейчас выпьем еще немного, и они, морщины, вам все расскажут, куда вставлять крючок, как тянуть его крепко, тянуть, не жалеть пальцев, пусть режутся, пусть морщинятся, пусть один или два отсечет бичева, это было бы так хорошо, потому что сеть примет кровь человека, а для рыбы, ребятки, нет ничего слаще, чем цвет конца человека. Они съели мою одинокую, не дают ей, сволочи, выпить, а ей это очень надо, я знаю, кто б там из нас не запил. Обычно в старика кидали средними камнями, чтобы не убить, как это велит закон, а просто побить, просто прогнать его прочь от детей, которые лезли к нему слушать неправду про жизнь одинокой ноги, кидали навоз и помои, чтобы не убить, а просто обидеть и припугнуть, чтобы он уходил себе прочь, хоть к проклятой своей ноге, кидали палки и тряпки, и он скакал прочь, а дети плакали, потому что им было жаль одиночества беспутной ноги, они понимали ее, потому что и сами были недавно кем-то и для чего-то откусаны из другого, что они смутно знали, но в явь припомнить не могли; когда маленькие слушали старика, они хорошо знали, что и они чьи-то обрезанные ноги, вот только пить и пить им не хотелось, а той вот да. Видно, ей у рыб жилось еще устрашенней, да, да, все бедные ноги должны быть вместе, да, да, и старик говорил то же самое, может быть это именно его слова, а не их, слишком взрослые эти слова, что все одинокие ноги неплохо бы собрать вместе, чтобы все получилось, как надо, чтобы было много ног, чтобы легче было сплести сеть-паутинку, не правда ли, малыш, вот ты, с чуть прикрытым глазом, ты, наверно, седьмой в семье, приведи ко мне старшего брата, и я расскажу ему славный секрет, который мне дали вместо сбежавшей ноги. Пусть брат найдет приятеля и побольше

питья, и я отдам свой секрет, чтобы у тебя была рыба в костре, чтобы глаз твой поднялся от сытости, а то вовсе он сник от голода, скоро закроется, скоро сбежит от тебя, как моя нога, скоро будет просить у тебя пить и пить, и ты будешь поить его ненасытно, и девка не ляжет с тобой ни в раз, потому что вдруг у вас станут дети, а ты будешь поить свой прикрытый в одинокость отнятый глаз. Девки дальновидные твари, это нам лишь надо однажды согреться, лишь бы однажды уткнуть одинокую ногу в тепло и ласку, а им, малыш, все нужно учсть, все надо прознать, а то вдруг придется откусывать из себя свою ногу, которая будет одинокой и будет просить пить тоже, пока молока, а потом и другого питья.

Они долго и много поили его, пока он открыл свой секрет, пока уложил братьев крестом, пока стал ползать по ним, пока выворачивать стал их руки и ноги, чтобы цепляли крючьями нить, чтобы тянули крепче до крови, чтобы рыба плыла на кровь. Они рыли песок все трое в огне костра, а дети сидели в тени огня и смотрели, чтобы упомнить подольше, чтобы испить веселое это питье, смотрели, но не смеялись, хотя это было весело, весело, весело, до невозможности весело, потому что старик все кричал свои сказки, и пил все, и звал, чтобы вновь подносили, чтобы не перегрели святую его влагу.

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ

Потом старик умер, и они, братья, сожгли его в том же костре, чтобы не было звука, что они насильно отняли у старика секрет, хотя все его били камнями.

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ

хотя вряд ли стали б судить их за смерть его. Дети сильно кричали в ночь, когда старик стал освобождаться в огне, но старшие закрывали им рты, плакали вместе с малышней, и все прикрывали, все прикрывали им рты, чтобы те не будили старика, который хрустел в огне; они держали головы маленьких твердо, чтобы пили свою память, чтобы не только свистели в дуделки, но и ведали что к чему; старшие сжимали им рты, чтобы маленькие кусали им пальцы до крови, чтобы крестились кровью, чтобы боль их острых зубок крестила старших тоже. Старшие плакали и маленькие плакали, и слезы их мешались в траву, а один, что с прикрытым глазом, вдруг рассмеялся звонко, он смеялся ноге одинокой, которая всех обманула и которой теперь не больно.

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ

Только вчера они кончили сеть, которую плели долго, дырявя по завету руку, сеть-паутинку по секрету пришлого старика, старика-паука из ненаших земель.

Старик не обманул старших братьев, он, видно, был вечно прав, никогда он, видно, не врал, потому что вкус крови был в сети, они сами лизали-пробовали, и сеть скручивалась сама, когда начинала пить кровь человеков рыба, сеть сама ловила рыбу, как сеть паука смущает муху. Они только вчера бросили сеть первый раз, только вчера в полдень, а не в утро, и к вечеру смеялись уже громко, кидались живым блеском друг в друга и в старую мать, мазались кровью рыбы, старший из старших братьев надел рыбу на нос своей невесте, и та смеялась громко, и всем было весело, и маленький сжег много рыбы на том костре, где сторел паук.

ИДИТЕ-ЗА-МНОЙ-

Было шумно на воде до этих слов, а теперь стало пустынно, и только была кровь свою жизнь в ушах; было тихо, слова висели над братьями, висели между ними и чуть сзади, чтобы обернуться и увидеть Того, Кто сказал их, чтобы ввернуться голова к голове, чтобы успеть увидеть друг друга хоть на время раньше, чем Того, Кто послал им эти слова. На воде было шумно от многой рыбы, которая и в этот раз хорошо ловилась в новую сеть, от птиц, которые воровали рыбу у братьев, воровали открытым и гортанным воплем, не тихо, как человеки; на воде было ясно и шумно, и вот стало тихо, хотя рыба по-прежнему была сеть, птица по-прежнему открывала рот в крике своем, но крика не было, как не было крика брызг, крика хвостов о воду, крика новой сети о стебли морской зелени, крика ветра, который сушил соль у глаз братьев. Слова висели где-то между ними и чуть сзади, а сеть рвала

-И-Я-СДЕЛАЮ-ВАС-

их вперед, открывалась пищей, лила красную соль из пальцев. Они услышали эти простые слова сразу. Тот, Кто сказал их, больше не звал, а ждал там между ними и чуть сзади, чтобы оглянувшись они могли прежде узреть друг друга; Его слова лезли по братьям вниз и вглубь, растворялись в каждом отдельно и вновь смыкались где-то между ними и чуть сзади, чтобы опять броситься к их отдельным головам, рукам, к отдельности соли у глаз, отдельности жилистых ног в уходящем песке из ступней их. Вместе со словами висел меж-

ду ними и голос Того, Кто придумал такую простую формулу приглашения, и этот голос тоже кололся на многие соленые камушки и норовил раствориться к сердцу, отдельному сердцу каждого и к их общему сердцу, которое билось где-то между ними. Голос был молодой, но странно усталый, утомленный тишиной, усталый одинокий голос, холодный в своей любви ко всем, которая не может выбирать никого одного, ибо она всех, ибо она всеобщая; но такая всех, такая всеобщая, каждому отдельному говорит, что не только к нему обращена ласка и слова, а и ко всем в равной мере, такая любовь всех есть холодность к одному, и братья слышали это в словах, которые были посланы им, они слышали всеобщность ласки этих слов и боялись обернуться, потому что правильно знали, что слова эти, смысл их, принадлежат не только им; они были испуганы незаинтересованностью Того, Кто к ним обратился, они узнавали томительной солью у рта, что если не они, то другие бросят сети и пойдут за этим голосом, не они, так другие, а Ему все равно, кто пойдет, Он зовет их, братьев, потому что они попались Ему на пути, а не потому, что они лучше других, или хуже, или вообще как-то выделены. Это было очень обидно братьям, потому что как раз эти два дня они были в славе, они ели рыбу и поднимали мать высоко вверх, а старший из них уломал в эту рыбку ночь свою девушку, и пришел вот сюда, к воде, прямо от нее. Братья были обижены, что вот вроде и не обязательно, чтобы они пошли, были огорчены и не вертели голов к Нему, а Он печально ждал, когда же они бросят свое детство делиться игрушками, когда выпустят все из рук и просто пойдут, не зная куда и зачем, просто пойдут,

-ЛОВЦАМИ-ЧЕЛОВЕКОВ-

потому что очень хочется. Но они сразу не обернулись и теперь к их обиде пришел еще и стыд, что вот так мы долго торгуемся, как это неловко и плохо: давай сделаем вид, что мы ничего не слышали! И они потянули сеть к берегу, но идти не смогли, потому что не было звуков, а была тишина, не было, не было смены звуков, не было времени, и они задрожали оба, потому что ноги боялись мерить песок в тиши, руки боялись двигать пальцами в тиши, глаза боялись смотреть; и вот из их мертвых рук тихо уползала стала сеть, тихо, будто в игре, и рыба стала уходить хвостами в глубь, но тоже тихо, тоже без времени, тоже будто в игру играть. Братья тянули через ватную силу пальцы за сетью, и возвращали пальцы к себе в каком-то

круглом танце, словно и сами уже играли в эту странную игру тишины и плохих движений. А слова все висели между ними и чуть сзади и надо было бы взять их, братья. Братья, смотрите, братья, смотрите на мой открытый глаз, братья, пришел человек к нам утром, сказал моему глазу, чтобы тот смотрел, и вот, братья, смотрите, глаз мой смотрит на вас, я вас вижу совсем по-другому, совсем не как прежде, братья, бегите ко мне, братья, потом вместе поймает сеть! И они побежали, братья, побежали к своему маленькому, который пришел сюда и смог прогнать их стыд и тишину, который плачем и смехом своим вернул звуки воде, которая сразу закричала, вернул силу их рукам и синеу их жилам, убил их страх перед Кем-то, Кто сказал слова о ловцах человеков там сзади них, и не повторил своей просьбы или указа, а просто ждал там и смеялся, да! да! Он там тихо смеялся, они теперь это поняли. Он смеялся над их страхом и их торговлей, Он смеялся над старшим братом, который вспоминал часто ночь и поднимался этим воспоминанием в рваной тряпке в паху, Он смеялся, что другой брат слушал их тайное дело ночью, слушал и плакал, потому что был совсем безволосый, и девки плевали ему на голову и лили свои горшки и кричали, что надо много поливать такую плохую землю, чтобы что-нибудь на ней произошло. Братья бежали к своему маленькому, который спас их, и тот, что был без волос, хотя еще даже и девки не знал, вдруг почувал шевеление вверху у себя, протянул руку на бегу и заверещал в плаче, потому что там, на его бесплодной коже, росли теперь верткие волосы. Братья схватились все трое за руки, братья кричали и плакали, потому что это были простые чудеса, простые до невозможности, такие простые, как они сами, и что им до прочих умных забот, когда вот волосы выросли у того, кто страдал от лысины, и глаз открылся у того, кто был с закрытым глазом. Братья смеялись и пели, и с ними смеялся и пел Кто-то еще, Которого они не видели, потому что приткнулись лбами друг к другу, волосами друг к другу, потому что у всех теперь были волосы, глазами друг к другу, потому что у всех теперь были глаза.

МУДРОСТЬ-ЖЕ-МЫ-ПРОПОВЕДУЕМ-МЕЖДУ-СОВЕРШЕННЫМИ-НО-МУДРОСТЬ-НЕ-ВЕКА-СЕГО-И-НЕ-ВЛАСТЕЙ-ВЕКА-СЕГО-ПРЕХОДЯЩИХ-НО-ПРОПОВЕДУЕМ-ПРЕМУДРОСТЬ-БОЖИЮ-ТАЙНУЮ-СОКРОВЕННУЮ-КОТОРОЙ-НИКТО-ИЗ-ВЛАСТЕЙ-ВЕКА-СЕГО-НЕ-ПОЗНАЛ-ИБО-ЕСЛИ-БЫ-ПОЗНАЛИ-ТО-НЕ-РАСПЯЛИ-БЫ-ГОСПОДА-СЛАВЫ.

Он стоял и держал их сеть.

Маленький побежал к Нему первый.

Маленький кричал братьям, что это Тот, кто открыл ему глаз, маленький бежал к Нему первый, и первый добежал, и прыгнул Ему на шею и замер в одинокую мальчишью ласку, от которой бьет взрослого озноб. Тот, на Кого прыгнул маленький, тихо трогал ему затылок и не смеялся больше, потому что знал, что сейчас не надо смеяться.

Вода бегала вокруг них своими делами, а они стояли себе и стояли, тихо стояли среди общего гама. Тот, Кто среди этих двоих был взрослым, на самом деле выглядел немногим старше, и если маленькому было лет тринадцать, четырнадцать, то Ему, Распятому, было не более двадцати, и это казалось особенно странно старшим братьям, потому что слишком уж уставшим был Его голос, слишком уж знал все Его неслышный смех. Это было братьям странно и немного страшно, потому что они опять вспомнили, что не обернулись сразу на Его слова, а что-то все выгадывали до нехорошего стыда, что-то искали в своей тряпичной лавке. Страшнота их бежала взапуск с надеждой, что все обойдется, потому что можно будет громко благодарить Его и славить за своего маленького, за его глаз, да вот и за волосы, которые все еще были тут, которые все еще крепко держались под рукой второго брата, да, да, будем славить Его и пригласим на рыбу. Он вон совсем еще мальчик, и видно тоже мало ел досыта, светится весь красноватым на просвет солнца, да, да, сведем Его к матери, пусть даст ему вечной овцы, пусть Он поест, а мы посидим рядом и что-нибудь тихо споем. Братья радовались этим мыслям в себе и с каждой брызгой от их шагов отлетал кусочек страха и вины к Тому, Кто обнял сейчас за шею их младшего брата, братья видели эти кусочки черного страха, которые мылись и отмывались в покой, сладкий, безысходный покой, который отрывался и отрывался заботой из них, оставлял в них лишь предвкушение счастья, лишь голую дрожь его; им хотелось идти и идти к Нему и никогда не доходить, чтобы не рвать радость исхода из себя, потому что то, что было с ними, было исторжение страха из человека, а человек ведь соткан из страха, им бы идти да идти, но они остановились, и подняли головы от одури крутящей под ногой воды, подняли головы, чтобы посмотреть, и закричали, как взрезанный заяц.

У Того, Кто держал за шею их брата и путь к Которому был так сладок, были другие, не человеков глаза.

Глаза Его были синими, как хорошая синева хорошего дня, но без зрачков, они были сплошной синей бездной, без точки для остановки, без границ, две синие полосы, расходящиеся вниз от переносья, отчего его взгляд был смертно уставшим, так уставшим, что нельзя не кричать. Такие вот глаза видел в людях Модильяни, оттого и сгорел, что нельзя снести этих глаз, что вина твоя перед ними открывается синей бездной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

ВЫ СЛЫШАЛИ О НЕМ И В НЕМ НАУЧИЛИСЬ-ТАК-КАК-ИСТИНА-В-ИИСУСЕ- ОТЛОЖИТЬ ПРЕЖНИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ВЕТХОГО ЧЕЛОВЕКА, ИСТЛЕВАЮЩЕГО В ОБОЛЬСТИТЕЛЬНЫХ ПОХОТЯХ, А ОБНОВИТЬСЯ ДУХОМ УМА ВАШЕГО И ОБЛЕЧЬСЯ В НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, СОЗДАННОГО ПО БОГУ, В ПРАВЕДНОСТИ И СВЯТОСТИ ИСТИНЫ. ПОСЕМУ, ОТВЕРГНУВШИ ЛОЖЬ, ГОВОРИТЕ ИСТИНУ КАЖДЫЙ БЛИЖНЕМУ СВОЕМУ, ПОТОМУ ЧТО МЫ ЧЛЕНЫ ДРУГ ДРУГА.

Сверхсознание земли, которое было соткано из полных знаний о сознании, то есть было снято с конца длительности сознания, то есть по смерти носителя сознания — человека, необходимо должно было скручиваться в акте конвергенции в Личность, в живое, как стал живым и сущим человек, сотканный из прежних знаний о смерти. Этот акт становления Личности в ее отсчете был актом узнавания себя, актом самопознания, в отсчете человеков это был акт познания Бога, который в исторически одновременные сроки вылился в зарождение религий на земле. Познающая себя Личность рождает слово о себе, которое и было явлено на земле откровением Христа Иисуса, Богочеловека, вочеловеченным сверхсознанием, сверхдуховностью.

Откровение сверхсознания в слове о себе в лице живого Сына Человеческого ожидалось планетарным гнозисом, скручивалось в своей последней фазе из бездны многоречий о Боге на земле в три пласта, в малую троицу, которая стремилась к истине, к шару,

к разрешению от бремени: экстатические пророчества Ветхого Завета, уходящие в мистике к астральной религии персов и вавилонян + философские спекуляции греков и их таинства союзов + научный атеизм открытий азиата Гютамы. Человечество, которое в смертях своих беременело Сыном Человеческим и чуяло Его бытие под сердцем, к рождению Его знало о Нем уже много, уже играло с Ним, когда Он толкался в Рождество.

Естественно, что родиться, явиться матери своей человечеству, Сын мог лишь в одном месте, как лишь в одном месте может быть вынут бытием ребенок из чрева женщины. С феноменологией Христа Иисуса земле все прежние поиски Бога естественно прекратились в откровении о Троице. Сын Человеческий, Сын смертей всех людей земли, открыл себя, и разве важно, что это случилось в Египте, а не на другом конце песчинки земли. Это случилось на ЗЕМЛЕ, и только такая постановка вопроса имеет в этих размышлениях некоторый смысл, как, вероятно, имеют очень малый смысл после явления Христа, все разговоры об истории человек, о прошлом, которое отчуждено, ибо нет прошлого и нет настоящего у человек без Бога, а есть жизнь в Троице, жизнь в Боге. Вероятно, поэтому атеист Хайдеггер ощущает неподлинность взгляда на историю предшествующей философии и заявляет, что подлинность бытия не только в том, что уже проявлено в наличность, а и в том, что могло бы быть выявлено, но осталось в тайном существовании экзистенциальных оснований.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Распятый

Так они пошли в Кариоты, Распятый в обнимку с маленьким и братья сзади, братья, которые все же вытащили сеть и сейчас тащили две полные корзины рыбы, чтобы кормить пришельца, чтобы смотреть в его грустную невозможность синего. Распятый шел легко, и песок странно не давился под ним, словно совсем не было веса в нем, словно и маленький на нем стал невесомым. Он, видно, пришел из пустыни, там умеют вот так ходить, совсем неслышно, обманывая песок. Они шли, и каждый тревожился своим: маленькому все казалось, что Распятый сейчас опустит его на землю и скажет, чтобы тот шел сам или вовсе уйдет от них, старшему брату

боялось, что Тот знает про старика, которого они сожгли на костре, средний думал о том, как ахнут девки, когда увидят его с волосами.

МАЛЕНЬКИЙ Тебе не тяжело нести меня?

РАСПЯТЫЙ Нет.

МАЛЕНЬКИЙ Ты еще побудешь с нами?

РАСПЯТЫЙ Да, я ведь пришел к вам.

МАЛЕНЬКИЙ Ты знал, что мы есть, именно мы, вот я и братья?

РАСПЯТЫЙ Да. Я узнал это от старика.

МАЛЕНЬКИЙ От какого старика?

РАСПЯТЫЙ Которого вы сожгли.

МАЛЕНЬКИЙ **МЫ ОЧЕНЬ КРИЧАЛИ ТОГДА В НОЧЬ.**

РАСПЯТЫЙ Да, человеки к этому не привыкли.

МАЛЕНЬКИЙ Тебе совсем не тяжело?

РАСПЯТЫЙ Нет.

МАЛЕНЬКИЙ Ты очень сильный, я бы хотел, чтобы ты был моим братом, тогда бы меня все боялись.

РАСПЯТЫЙ А зачем это тебе, чтобы тебя боялись?

МАЛЕНЬКИЙ Как зачем, ты что не понимаешь?

РАСПЯТЫЙ Нет.

МАЛЕНЬКИЙ Это потому, что ты очень сильный и никого не боишься, вот ты и не можешь понять, что такое страх, что такое быть сильным, чтобы не бояться самому, чтобы тебя боялись. Ты просто никого не боишься, потому и не понимаешь.

РАСПЯТЫЙ Потому у вас и придумали побивать камнями, чтобы не бояться, а ведь это плохо, человек умирает плохо, и это не нравится Отцу.

МАЛЕНЬКИЙ Твоему отцу?

РАСПЯТЫЙ Да.

МАЛЕНЬКИЙ А где ты живешь?

РАСПЯТЫЙ **НЕ ЗДЕСЬ.**

МАЛЕНЬКИЙ **МЫ ОЧЕНЬ КРИЧАЛИ ТОГДА В НОЧЬ.** Я сжег много рыбы на костре, чтобы как-то помириться с ним; он сказал тебе, что вначале умер, а потом уже сожгли его братья, что мы не убивали его?

РАСПЯТЫЙ Да, вы его не убивали, вы его отравили вином, чтобы он рассказал секрет. Но это не важно, он умер в радости, умер хорошо.

Они шли в Кариоты и солнце шло с ними следом, они торопились, но тени свои обогнать не могли.

Так они пришли.

В Кариотах был плач, потому что два дня назад кончил свой срок быть здесь старый Анна, судья местечка. В этих песках мало кто жил больше сорока, и вершить справедливость поручали старым, которые отчего-то не умирали и помнили больше дел, какие были раньше, при отцах, могли сравнить и сослаться на что-нибудь, что было хорошего прежде, или на случай, который похож вот на то, что случилось сейчас; они, старики, хранили предание и судили по нему. Судья Анна жил дольше других, больше других знал, больше сравнивал, всегда говорил, что надо поступить так и так, потому что так и так было еще в третьем родстве, судья Анна ничего не придумывал сам, а все искал примеров у дедов даже, а не только что у отцов, судья Анна говорил тихим голосом, никогда не кричал и не бесновался, больше всего любил песни Екклизиаста, и следовал им, как умел. В Кариотах его любили и боялись, в Кариотах в его судейство стало меньше разбоя, можно было гулять вечером без опаски, что над тобой посмеются пришлые или свои, что захотят нарушить закон. Ведь вот это судья Анна сказал, что не надо забивать старика с секретом камнями до смерти, а что надо его просто поугатать и обидеть, чтобы ушел, чтобы дети перестали жалеть его грязную ногу; это сделал судья Анна, другой бы сказал, чтобы взяли камни из большой кучи у синагоги, большие камни для серьезных дел, большие камни из большой кучи, которую тоже придумал судья Анна. Он составил кучи по весу камней, потому что бывало раньше, что каждый норовил в побивании бросить камень полегче, чтобы хоть знать самому перед Богом, что он не убил человека, но судья Анна прознал про это, и составил кучи, большие кучи из больших камней для смерти и малые кучи из средних камней для обидного просто. Судья Анна следил за законом общего суда, общего соучастия в каре, ибо на этом общем убийстве держался закон иудеев, судья Анна знал, что нельзя, чтоб кто-то один не хотел делить вину со всеми, не бросал бы тяжелый камень смерти, когда все другие берут смерть человека на себя и на детей своих, судья знал, что в этом закон законов, что здесь все повязаны пуговиной, что этого рушить нельзя никогда.

Все в Кариотах были благодарны судьбе за эти кучи, потому что убить другого очень сладко, особенно сладко, когда мы все вместе, когда мы вершим убийством правый наш суд; это очень сладко, когда мы все вместе, и единое, что портило угощение, наша малая совесть, наша потерянность, которая заставляла брать камень полегче, а судья Анна, великий мудрец Анна, избавил нас всех от совести, простил нам всем совесть, ибо составил кучи камней для смерти, и мы могли сказать своей совести, что вот, что же нам делать, вот, все берут оттуда, и мне приходится взять; о, судья Анна был великий человек, он оставил нам сладость утверждения, сладость насилия над другим, когда мы все вместе кричим громко, чтобы не слышать крика того, кого забиваем, и отнял у нас нашу совесть, что мы могли бы ударить не смертным камнем, нет вот! нет! не можем!

В Кариотах был плач по судьбе, потому что сегодня его спеленали, сегодня положат его в новый гроб, который вырубил в скале те, кто был обязан хоть чем-то судьбе, а таких оказалось много, и каждый ударил по разу, чтобы старику Анне было удобней лежать; сейчас в Кариотах были женщины, они рвали с себя одежду и пеленки покойного рвали, царапали себе лицо, грозили руками красному солнцу, которое пришло в Кариоты и устало над скалой с гробом. Распятому понравилось, как женщины дергали руками туда и сюда, и Он рассмеялся. Братья остановились сразу, как только услышали Его неслышный смех, а маленький прижался к Нему еще теснее, потому что знал, что нельзя смеяться на похоронах, особенно здесь, в Кариотах, где хоронят любимого судью, который от многих забот избавил евреев. Распятый узнал их напряженность, опустил маленького на землю, провел по волосам среднего, волосам, которые Он ему дал, и пошел неторопливо к скале, и сел там, и ноги спустил к дыре гроба; красное солнце за Ним делало шапку, Его синих глаз было не видно, и всем стало ясно, что это просто какой-то пришлый мальчишка хочет обидеть судью, ишь ты, наглый, расселся над гробом и, кажется, смеет смеяться. В Кариотах сделалось тихо, пахуче тихо, особенно тихо, так тихо, как только одни жители знали: тихо-тихо-идите-тихо-к-большой-куче-и-берите-большие-камни-большие-камни-для-смерти-чтобы-отмыть-судью-нашего-Анну-от-обида-чтобы-самим-очиститься. Распятый сидел над гробом и слушал, как люди шли за камнями, слушал одну женщину, которая

пела печаль, чтобы отчернить тишину, чтобы сделать ее более явной; Распятый подошел к этой женщине и стал повторять ее всплески рук, стал отрывать у себя кусочки тряпок, стал смеяться громче.

МАЛЕНЬКИЙ Быстрее бежим отсюда, ты сошел с ума, они сейчас убьют тебя.

РАСПЯТЫЙ Почему?

МАЛЕНЬКИЙ Ты смеешься, а они хоронят своего судью, вообще, нельзя смеяться на похоронах, слышишь, перестань вертеть руками, перестань смеяться, они пошли все к большой куче, они убьют тебя.

РАСПЯТЫЙ Нет, нет, малыш, не пугайся, я им сейчас расскажу, что узнал у Отца, смерть — это вовсе не страшно, важно лишь как ты умираешь, я им расскажу, и мы все вместе будем радоваться.

МАЛЕНЬКИЙ Я прошу тебя, перестань, перестань, перестань, ты помог мне и братьям, ты, видно, хороший доктор, но ты не знаешь наших законов! я боюсь, слышишь, боюсь!

РАСПЯТЫЙ Но доктор ведь должен лечить больных, а не здоровых, твои земляки больны, и мне надо им помочь.

Маленький увидел своих сельчан, узнал их запах, они всегда особенно остро пахли, когда шли с камнями из большой кучи, маленький увидел их и бросил Распятого, потому что он был маленький и потому что родился в этом селе. Евреи шли тихо, они длили свое удовольствие, разливали его в мелкие капли, ибо каждый знал, что всем сегодня удивительно повезло, что вместо скуки слушать стон баб, вместо этой благообразной скуки, есть возможность услышать настоящий вопль, настоящий вопль из нутра, вопль, который вырвет из человека брошенный камень. Евреи шли тихой своей тишиной, шли знанием своим, общим знанием, которое не надо обзывать словами, которое вяжет их паутиной, где каждый знает, что он повязан, и хочет быть связанным; евреи шли тихо и тихо смеялись в себе, радовались проступку пришельца, любили даже Его, ибо Он дал им зрелище.

Они разливали свою пьянь в пыль, брызгали ее на камни, потели руками. Они не поднимали глаз, чтобы не показать другому веселость, творили на лицах своих праведную скорбь, что, мол, вынуж-

дены сделать, хотя и тяжело, творили и смеялись, что каждый знает хитрость другого.

Женщина, которая осталась у гроба кричать, была безумной. Она обняла Распятого и они кружили вместе, вместе вздымали руки, вместе уже смеялись. Двое из толпы пошли к ним, чтобы разделить безумную от пришлого, чтобы не убить свою, ибо грех убить юродивого или бесноватого, они тянули ее прочь, а та, смеясь, цеплялась за одежды Его. Распятый что-то сказал ей, чего евреи не слышали, потому что глушила их тишина и запах больших камней в мокрых ладонях. Женщина перестала смеяться, поднялась, и увидела всех, увидела, потому что излечилась от безумия, она узнала своего брата, потому что один из двоих, которые подошли, был ее братом. Она узнала своего брата, назвала его, тихо сказала, что ее вылечил вот Этот, это Распятый сказал, чтобы она излечилась. Но второй сказал ее брату, что она сумасшедшая, что не стоит ее слушать, да и поздно уже что-нибудь изменить, если даже и правда, что она излечилась, потому что висит большая тишина и большой запах больших камней из большой кучи, что никто уж не захочет ничего менять, никто не захочет украсть у себя облегчение в крике убитого, никто не отдаст этого часа.

Брат заткнул своей сестре рот и потащил ее в толпу, она там вырвалась, бегала от одного к другому, но ее отталкивали, не хотели слушать, гнали, чтобы не мешала, торопились исполнить дело, потому что видели многие, что она и впрямь здорова, что где-то тут плывет беда. Они урчали и готовы были и женщину прикрыть, чтобы не мешала, и тогда маленький вытащил ее меж ног толпы в сторону, прикрыл ее содрванное с груди платье.

Распятый повернулся к толпе спиной и никто не мог бросить камня, хотя многие кричали, но бросить в Его спину не могли; тогда они схватили маленького и стали бить его, чтобы он окликнул пришлого, чтобы Тот повернулся, чтобы они могли совершить казнь над Ним, а не убийство сзади. Маленький кусался, но не окликал Распятого, а потом вырвался и побежал к Нему, схватил Его за руку, чтобы обернуть ко всем и прыгнул опять Ему на шею, и они стали перед запахом толпы, двое перед многими, смеющийся Распятый и перепуганный в смерть маленький.

ИЗГОНЯТ-ВАС-ИЗ-СИНАГОГ-ДАЖЕ-НАСТУПАЕТ-ВРЕМЯ-КОГДА-ВСЯКИЙ-УБИВАЮЩИЙ-ВАС-БУДЕТ-ДУМАТЬ-ЧТО-

ОН-ТЕМ-СЛУЖИТ-БОГУ-ТАК-БУДУТ-ПОСТУПАТЬ-ПОТОМУ-ЧТО-НЕ-ПОЗНАЛИ-НИ-ОТЦА-НИ-МЕНЯ.

Евреи смотрели на этих двоих, которые стояли обнявшись перед ними, и думали, что если не кинуть камни, то надо будет тащить их опять назад и складывать в аккуратную кучу, потому что новый судья требует этого, а потом возвращаться сюда и смотреть на своих худых жен, которые будут плакать по старом судье, а на них и веселых-то невозможно влезть в этих песках. Поэтому решили все же кинуть, хоть и придется убить мальчишку.

РАСПЯТЫЙ Вот, вы решили бросить камни, потому что вам лень нести их назад, решили убить малыша вместе со мной, чтобы только убрать скуку. Это большой грех, Кариоты, но вы не знаете конца своего, потому и не каетесь, но конец мира у дверей, бросьте дела все, возможно спасетесь. Вы плачете о смерти человека, просите вечной жизни, просите воскресения, но разве может придти воскресение без смерти? Вы не хотите умирать, что ж, так будет вам, Кариоты: ни один больше из вас не умрет, как бы он ни желал смерти, а время такое будет, и скоро! Будет вам, Кариоты, жизнь дана без смерти и без воскресения, зачем еще ждать воскресения, когда можно просто не умирать, не правда ли? Пусть будет так. Кариоты станут городом мертвых, ибо будут ползать здесь в вечной старости не могущие умереть человеки, человеки, не захотевшие воскресения, а возжелавшие вечной жизни! Живите, Кариоты, стройте дома новые, ройте землю вглубь и вширь, чтобы всем вам уместиться; живите, Кариоты, пока не станете убивать друг друга, захотите убить и не сможете! Вы плакали, Кариоты, о судье своем Анне, это он научил вас всему, чего жаждете вы, что ж, такой не нужен Отцу моему, смерть его не нужна Нам, пусть встанет.

Встань, Анна!

Судья Анна встал, озираясь. И толпа побежала прочь.

Распятый и маленький ушли из Кариот.

Маленького звали Иуда, Иуда из Кариот.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Пространство, которое через свое конечное состояние, через свою смерть во времени, узнало о себе, обрело вместо объективного понятия времени, что по ипостаси суть тоже пространство, понятие живой длительности, ибо через свое конечное состояние смогло вспомнить себя, смогло пройти весь путь длительности от конца до первоначала, чтобы обрести память, которая в свою очередь уплотняясь, конвергируясь, стремясь к неделимости и уничтожению времени и временности, к уничтожению осознанной длительности, даст слово, выдавит из себя слово, то есть знание о памяти, возможность зафиксировать найденный опыт не только в себе, но и в отчуждении, в иных координатах. Рожденная в смерти пространства во времени длительность не есть механическая зависимость причины-следствия, а есть мир сыновний, есть плод полового акта через смерть, плод непорочного зачатия, который суть не только знание о прошлом, но и жажда последующего развития. Если бы люди не умирали, если бы они не выбрасывали в мир весь свой накопленный опыт, если бы не издавалась смертью книга их бытия, то обучение людей было бы просто невозможным, ибо ведь не было даже Слова еще, не говоря уже о тех уровнях связи и обмена информацией, которые мы имеем сейчас и абстрагироваться от которых не можем даже в подсознании. Если бы в мире людей не было смерти, то мы до сей поры видели бы странных дряхлых животных, уже недвижимых, в бессилии камней, не способных поделить опытом своей долгой и никчемной жизни, ибо они не могут обрести средств общения, так как память должна много и много раз умирать, чтобы родить слово, прежний опыт должен быть исчерпан до конца, чтобы иметь возможность обучения и ориентации по принципу обратной связи. Божественный Эмпедокл писал, что разум человека находится в крови, которая стучит в сердце. Некое воздействие извне фиксируется нервными окончаниями и по своим нервным каналам доставляется в мозг, который шифрует эту информацию в кровь, которая идет к сердцу. В сердце происходит крещение в Духа Святого, ибо сердце стучит в остановку, в жизнь-смерть. Освященная в перестуке сердца информация, информация, ставшая ДУХОВНОЙ,

РАЗУМНОЙ, ОСОЗНАННОЙ, по артериальным каналам возвращается с кровью назад в мозг, неся в себе сыновний мир человеческой личности, неделимой в постоянстве перестука сердца.

Если бы в мире не было смерти, то есть возможности получить полную живую информацию о себе с жадой познавать ее, он не смог бы ничему научиться, не мог бы развиваться и совершенствоваться, но мог бы просто родиться, креститься в рождение, он был бы молчалив и недвижим, он был [бы] неузнанным и непроявленным НИЧЕМ, то есть его бы просто НЕ БЫЛО. Сущее, духовное, мир, вселенная, Бог-Отец, рождается лишь по смерти молчания, рождается через Дух Святой в непорочном зачатии праматерии, как и Мария-Земля-Богоматерь Христа Иисуса родила Сына Человеческого от Духа Святого человеков. Мир был до крещения в Духа Святого молчаливым НИЧТО и рождение Сущего и было сотворением Богом мира из НИЧЕГО.

Пространство рождает смертью своей во времени понятие живой длительности, понятие памяти, память, стремясь к неделимости, к уничтожению времени, выдавливает его из себя словом, которое познает связь свою с памятью и временностью и рождает мысль, которая умирая и зная все о себе, рождает то, что ЗА мыслью, рождает замысел, рождает предвидение будущего, рождает потребность в абсолюте и бессмертии, рождает Бога. Осознание откровения Бога, порождает крещение в Троицу: уничтожение жажды простого бессмертия, простого неумирания, что есть явная бессмыслица, заменяет ее на жажду ВОСКРЕСЕНИЯ, жажду обновления в искуплении прежней смертности. Таковое откровение Сущего о Себе было явлено в Христе Иисусе, Слове О Боге, которое было выткано Сердцем Сущего — нашей землей. Мы — кровь Бога, наша жизнь и смерть есть перестук, есть пульс Божьего Сердца. Мы — кровь Нового Завета, кровь, которая ЗНАЕТ о своих путях и может изменить их необратимость во время; именно поэтому это и есть воистину Новый Завет, ничего подобного в своей звериной сущности человек не мог предположить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Кто не берет креста своего

Я не взял креста своего в тебе, моя доченька.

Видит Бог, что нет дня или одинокой ночи, чтобы я не плакал о беде, которую принес тебе своим отцовством, своей беспомощностью устоять перед тоской, которая гнала меня прочь в неизвестность.

Я мог бы лгать тебе и себе, что уже тогда осознанно искал Бога, который пришел разделить нас, всех человеков, я часто так и думаю, доченька, но слезы и тоска о тебе говорят, что я вновь и вновь пытаюсь лгать, что все еще не хочу покаяться. Иногда я говорю себе, что я ушел, потому что всегда знал, что рано или поздно не смогу работать здесь, и пусть лучше будет тебе ранняя боль, чем презрение и удивление ненормальным отцом впоследствии. Но и это, вероятно, ложь. Иногда я думаю, что правильно оставил вам с мамой комнату, в которой бы нам всем становилось все теснее и теснее, а заслужить другого жилья я никогда бы не смог, и вот мы бы уже задыхались в своей лачуге, человечески раздражались бы друг другом. Но и это, вероятно, неправда, потому что слезы не проходят, да и тоска тоже. Я вижу тебя, знаю твои запахи, слышу твои слезы и твою печаль. В такие дни я твердо знаю, что единственным судом мне от себя есть кончина, смерть, что надо было бы сделать это еще вчера, и поверь мне, доченька, мне нисколько не боязно сделать этот суд, я мечтаю о нем, как о спасении. Видишь ли, мне не страшно умереть, мне страшно жить, потому я и живу еще, понимаешь, нужно платить за то, что не берешь креста своего вовремя, и я пытаюсь платить. Когда мне совсем трудно, я пытаюсь писать, потому что и ушел-то я, вероятно, чтобы иметь легкую возможность писать свое отчаяние, я отдал тебя за свободу писать, что пишется, и умереть, когда захочу, не думая о куске хлеба для семьи, не думая о своей заботе о вас.

Я не знаю, поймешь ли ты что-нибудь из написанного мною, когда чуть подрастешь, я надеюсь, что когда-нибудь чуть-чуть поймешь, именно ты поймешь, потому что слишком много в тебе нечеловеческой печали ко всем, слишком ты уже и сейчас одинока, чтобы спастись без Бога.

Эту книжку я пишу для тебя, ибо ты рождена была, чтобы чтить Бога, хотя мы и не знали об этом с твоей мамой, когда встретились и, не зная зачем, обрекли тебя на рождение.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Распятый

Огонь костра открывал темноту и убегал вместе с рекой. Кифа чистил рыбу и бросал шелуху в воду, бросал назад, туда, откуда она взялась, смотрел на огонь в воде, ловил его легкими руками, множил огонь в капли, когда бил ладонью по гладкой тишине. Кифа пошел за Распятым сразу, как только тот сказал свою простую формулу о ловцах, бросил все и побежал, и Иуда смеялся, когда Кифа упал в воду и промочил штаны от усердия; Иуда вообще стал за это время грустно улыбочив, словно они сговорились уже с Распятым о чем-то, словно Иуда уже сейчас готовился, словно все пытался вспомнить осинку, которую когда-то уже знал; да, да, осину часто искал Иуда, слушал переверт ее листьев, слушал и улыбался. Кифа хотел ударить Иуду, когда поднялся в мокрых своих штанах, но теперь уже штаны падали в тяжесть воды, и Кифа поднимал их, и рук свободных не оказалось, а снять штаны и вывернуть, чтобы они полегчали, Кифа не мог, потому что боялся отстать от идущих, о которых слышал уже в народе, что они лечат людей и учат спасению. Кифа бежал за ними и проклинал свою неловкость и грязь штанов, которая затяжелела на нем, как баба своим животом, с которым быстро не побежишь. Обиду на Иуду Кифа затаил большую, а тот все смеялся над ним и смеялся, видимо, знал об обиде Кифы, видимо, знал и искал драки, чтобы победить или проиграть, как придется, потому что счет на победу стал у Иуды другой, чем прежде, другой, чем когда просил он сильного Распятого стать его братом, другой, ой, совсем другой; Иуда искал теперь силы быть слабым, искал силы не ответить на боль от Кифы, а любить его, Кифу, вместе с его тягучей злобой, вместе с памятью, как он оплошал от усердия, искал силы вот в этом, потому что сказал ему Распятый, что бить другого не много славы, что слава нечеловечья в прощении. Иуда подрос за этот год, все реже помнил Кариоты и братьев, все больше улыбался, грустно и жалко, потому что непосильна была ему улыбка Распятого, а он старался, надрывался из всех сил быстрее познать что-то в Распятом, и улыбался своему желанию, жалел свою прыть, знал, что в свой срок сумеет, но торопился детством вперед, мучил свой смех и смеялся над ним, измученным плачем смеялся. Даже Распятый сказал ему как-то, чтобы Иуда особенно не труждался, чтобы не брал того, чего еще не созрел брат, ибо от не-

посильной ноши приходит обида на ношу, обида на давшего ее, обида и злость, и ненависть к тем, кто подобной ноши не взял; это все от усталости, да, да, от усталости все бывает, потому и не след надрывать человека, не след брать в суете то, что взял сосед, потому что принято брать вот такое. Брать надо лишь то, что сумеешь пронести без злобы, смотри, Иудка, надорвешься. Иуда взял бы еще в седмицы семь больше, лишь бы только снова услышать, как Распятый говорит ему ИУДКА, как заботится о нем, о маленьком, как станет вновь вспоминать при всех, что маленький тогда в Кариотах бросил Его вначале, потому что испугался за себя до конца, а потом побежал прикрыть Его, когда пришел срок испугаться до конца за другого; ты тогда молодцом был, ИУДКА, смешным моим молодцом, ведь не знал ты, что я много могу и кинулся ко мне, чтобы укрыть обижаемого человека, которого могут забить от тоски евреи, ибо не знают, не ищут Бога, а меряют все лишь славой своей!

Иуда пошел к Кифе сзади и положил ему руку на спину, попросил у Кифы пощады, и Кифа встал простить, и оба обрадовались, дети, и стали пинать друг друга в воду, а потом всё скользили в ней, и Кифа все держал скользкую рыбу, все высовывал ее из воды, чтобы не потерять в глубине, и рыба белела светлым.

РАСПЯТЫЙ Что говорят о нас, что говорят обо мне, кем считают?

ИУДА Говорят, что Ты пророк.

КИФА Говорят, что Ты воскресший пророк Илия.

РАСПЯТЫЙ Отчего же все время ищут камень, чтобы бросить в меня?

ИУДА Ты резко говоришь с учителями, Ты...

РАСПЯТЫЙ Но ведь ищут камни не учителя?

КИФА Тебя не могут вместить.

РАСПЯТЫЙ Вы можете?

ИУДА Не всегда, вот Ты говорил, что плоть Твоя есть пища, а кровь Твоя истинно есть питье, кто может понять это, кто в силах это слушать?

РАСПЯТЫЙ Если кто услышит слова мои и не поверит, я не сужу его, ибо я пришел не судить, но попытаться спасти; все, кто грешат на мне, прощены уже, это было; надо понять и верить в то, что будет, а будет кончина мира, и надо каяться всем, чтобы, возможно, спастись.

КИФА К Тебе привели гулящую, которая грешила, а Ты сказал, чтобы кинули камни на нее те, кто без греха, и стал смотреть на всех своей синевою: все с грехом, потому никто и не кинул при Тебе, но Тебе этого не простят, ибо Ты обличил всех; все греховны, никого нет без греха, а ведь там были и учителя, и судьи, там были отцы и были сыновья, и сыновья узнали, что греховны отцы, нет, никто, даже самый простой не простит Тебе таких игр.

РАСПЯТЫЙ И из-за этого ищут убить меня?

ИУДА Да.

РАСПЯТЫЙ А кем считаете вы меня между собой?

ИУДА Я просто не смогу без Тебя, мне все равно, кто Ты.

РАСПЯТЫЙ А ты, Кифа?

КИФА Я знаю, что Ты — Сын Божий!

РАСПЯТЫЙ Откуда?

КИФА Просто знаю. Ты позвал меня тогда, когда я потерял портки, и я побежал за Тобой, потому что ноги мои узнали Тебя, мне было обидно, что Иуда смеет смеяться при Тебе.

ИУДА Отчего Ты ничего не ешь?

РАСПЯТЫЙ Ты сейчас опять будешь кричать, что это невозможно слушать, но пища моя есть творить волю Пославшего меня и совершать правду Его; ха-ха-ха, Кифа, поправь ему глаза, которые опять у него косят от натуги, я же говорил тебе, Иудка, слишком рано стал ты улыбаться, смотри, малыш, надорвешься.

ИУДА Какие странные слова! Кто может это слушать?

РАСПЯТЫЙ Ты, ты можешь все это слушать, маленький, ты, понимаешь; ты можешь слушать и можешь вместить, если бросишь изображать перед Кифой и перед другими, что уже многое понял, что лучший ученик. Ты и впрямь лучше многих, Иуда, но не слишком, потому что тратишь себя на суету вашей славы, а времени нам осталось не так много, ибо никто не верит мне, никто не может понять, что я говорю, придется, видно, пойти в Иерусалим.

КИФА Зачем?

РАСПЯТЫЙ Раз так не верят мне, то пусть убедятся, пусть увидят первосвященники ваши, что я говорю истину, что я говорю то, что узнал у Отца моего, говорю все по чести, а человеки не хотят знать честности мира, а хотят сказок и чудес.

КИФА Что ты задумал?

РАСПЯТЫЙ Потом узнаешь.

ИУДА Если что-нибудь случится с Тобой, я умру тоже.

РАСПЯТЫЙ Да, это так.

КИФА И я, Учитель.

РАСПЯТЫЙ Ты — нет.

ИУДА Ты, Кифа, будешь искать портки свои, тебе некогда будет умереть!

КИФА Зачем ты так, мы же...

ИУДА Да, да, мы все чего-то сильно не понимаем, Он уходит от нас, это я знаю, а мы никак не можем понять Его! Мы научились лечить, как Он, и все, ты сам кричишь, что Он — Сын Божий, так отчего же все ищут смерти Его, все, от фарисеев и книжников до простых, отчего? Ты знаешь, Кифа, чему учит Он, вместил ли ты это до конца, а? Я лично не вместил, я не боюсь сказать этого, я уже давно не улыбаюсь, как Он, я плакать готов, ибо Он уйдет скоро, ты же сам слышал, что Он говорит про Иерусалим, про город, где Ему перебили руку камнем, про город, о котором Он плакал, что там побивают пророков, и вот, Он хочет туда идти, чтобы все стало ясным! Что, Кифа, что должно там стать ясным? Что толку, что мы лишь любим Его, я тоже знаю, что Он — Сын Божий, и вот, Сын Божий пришел рассказать что-то о мире, а Его бьют камнями верующие в Него, а умные ученики не могут понять! Ты смотрел когда-нибудь долго к Нему в синеву глаз, что ты видел там, Кифа? Я смеюсь над тобой, ты смеешься надо мной, мы вместе смеемся над третьим, Кифа, и никто из нас не может вместить Его знания об Отце, мы делим рубашки, чтобы стирать Ему, и жрем сытную рыбу, а Он утоляет голод волей Отца своего, ты можешь это понять, Кифа?

Ты можешь понять, что Он не с нами, что он все время не здесь, а где-то в другом месте, что Он смеется и плачет над нашей верой?

РАСПЯТЫЙ Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?

ИУДА Вот, Кифа, слышишь, вот опять Он сказал! Он сказал правду, что ты можешь ответить Ему, можешь ты сказать Ему, что закон Моисея — закон Бога?

КИФА Да, закон Моисея от Бога даден через пророков.

ИУДА Но ведь по этому закону надо побивать камнями осужденного, в моем селе судьи кучи составляли по весу камней смерти, а Он говорит, что нельзя сметь судить человека, что это дело Бога, а не людей; Он жалеет нас, что у нас такие законы, Кифа, нам надо понять с тобой, что или мы с Ним идем, или надо бежать скорее, Кифа, пусть Он ищет других, которые смогут понять Его, надо уйти, Кифа, или надо разодрать свои головы, чтобы вместить Его правду, Кифа!

РАСПЯТЫЙ Ешьте!

Они вели эти разговоры часто, всегда вечерами, потому что утрами и днями расходились по округе лечить. Больных было много, так много, что понять это можно было лишь им, тем, которые стали врачами, ибо только им говорили болезни, которые молчали от ближних. Они лечили, лечили удачно, когда не выходило у них, то звали Распятого, и Он избавлял невозможных. Они переходили с места на место, из границы в границу, потому что известность их быстро бежала по пескам, и много чужих входило в чужие пределы, а здесь везде сухость в земле и трудно кормить даже своих; потому решено было ходить врачевать на места. Иногда они расходились на месяцы, дни, недели, но всегда старались вернуться к огню в вечер, чтобы посидеть с Распятым, чтобы пить и пить странную влагу покоя и уверенности, что ничего плохого не может сделаться в Его присутствии, что ты полностью под защитой; это чувство быстро возвращало силы, которые уходили в жару и болезни людей, и потому все хотели успеть хоть на небольшое время к костру, даже если идти было долго. У огня они искали определить это странное состояние абсолютной уверенности, что ничего, никогда и ничего, не может случиться несправедливого с ними, искали по-

нять и определить это вовсе незнакомое человеку знание, ибо всегда можно обидеть человека, и он всегда знает об этом, всегда ждет; а тут вот нет, возникало странное НЕОЖИДАНИЕ, возникал странный покой, что никто не посмеет, никто не захочет тебя унижить, никто, никто и никогда. Иуда говорил, что это происходит оттого, что в них самих исчезает желание унижить другого; это знание о невозможности обидеть иного уходит из нас, мечтал Иуда, и мы забываем о подобном знании, о подобной возможности, мы перестаем помнить о ней, она перестает быть в мире, потому что исчезла из нас, а такого, чего нет в тебе, ты не можешь ждать и в других; вот, ведь если ты ни разу не врал, то и обличить человека в том, что он врет, ты не сможешь, потому что не будешь знать, раз не знаешь этого в себе, что в мире есть ложь. Иуда говорил об этом, и говорил, что к ним приходит возможность не нападать, потому что Распятый никогда не нападает, Распятый первый принес к ним желание любить, а не убить, принес Один, и вот стало хорошо им, которые познают Его; вот и нам следует идти с любовью ко всем, с любовью, что бы ни случилось, и от нас будет селиться в людей добро и покой, будет селиться знание ненужности защищать себя, знание желания открыть в себе доброту и истину, знание стать другим в себе; да, да, нужно только одному начать любить всех, не сговариваясь ни с кем в компанию, не ища заведомых удач и успехов, нужно просто одному начать дело любви, и там, куда ты принесешь любовь, люди будут переставать защищаться, будут изгонять из себя нападение на другого, и тем будут лечить этого другого и так без конца и края. То, что говорил Иуда, было понятно почти всем; все, что он говорил, было славно и красиво, но когда они пробовали делать это всегда, ежевременно, то сгибались уже к концу первого дня от непосильной этой ноши добра, сгибались и клонились все ниже и ниже перед Распатым, перед Его усталой невозможностью синей бездны, ибо очень скоро понимали они, что быть добрым ко всем в невозможность трудно; а как всегда казалось легко, как всегда шумели они на сходках прежде, как поносили какого-нибудь добренького, слабого в своей вечной доброте, как смеялись над его невозможностью быть суровым и справедливым судьей, суровым и сильным, да, да, он просто не может победить врага в схватке, потому и взывает к добру! О, они все очень хорошо помнят эти вечные крики человек, очень хорошо пом-

нят и очень слышат в этих криках свой прежний громкий голос, свой голос в толпе, где всегда так ясно и покойно, спокойным покойником может орать человек. Но вот они познавали сейчас сами другое спокойствие, другую уверенность, которую объяснял им Иуда, и они соглашались с Иудой и не имели зла на него, хотя он говорил лучше их, не имели зла, потому что видели, как тоскует Иуда, потому что знали, чего стоит ему эта складность, видели, как следит за ним Распятый, как видит его всего, как наг Иуда перед Ним. Они видели наготу Иуды, но знали, что наги перед Распятым и сами; как узнали наготу своих членов Адам и Ева, узнали и устыдились, и захотели подвига быть добрыми даже в помыслах.

ИСТИННО-ИСТИННО-ГОВОРЮ-ВАМ-ЕСЛИ-ПШЕНИЧНОЕ-ЗЕРНО-ПАДШИ-В-ЗЕМЛЮ-НЕ-УМРЕТ-ТО-ОСТАНЕТСЯ-ОДНО-А-ЕСЛИ-УМРЕТ-ТО-ПРИНЕСЕТ-МНОГО-ПЛОДА.

Они видели свою наготу перед Распятым и старались из всех своих сил не огорчить Его, а Он сидел всегда чуть в сторонке и думал свое, когда они шумели над огнем, шумели-постепенно-стихали, ибо убирал их по одному к себе сон, чтобы продолжить их споры в другом царстве, где слуги и слова иные, где ты видишь всех и вся в себе самом, ибо закрыты твои дневные глаза и открыты звездные; они вскрикивали во сне, и Распятый брал беспокойного за руку, чтобы сберечь его в царстве ином. Сам Распятый не знал сна.

Иуда однажды в усталую ночь не прикрыл глаз, смотрел за Распятым, когда все были во сне и Тот был совсем один; Иуде казалось, что Распятый станет другим, когда никто не смотрит на него, что Он перестанет казаться кем-то, как перестаем мы, когда все гости расходятся по домам, но Распятый был все тот же. Он ни на гран не переменялся. Он даже говорил иногда свои слова о любви, говорил также неторопливо и грустно, как в бодрствовании их, говорил и не ждал ответа, так же, как не ждал его днем, говорил, потому что пришла пора сказать, потому что приходил к Нему Его голод, Его голод творить волю пославшего Его; да, да, Иуда видел это, знал это, постигал еще каким-то новым знанием, что голод и жажда гнали Распятого говорить об истинах Его Отца, голод и жажда, которые гонят человека есть рыбу и пить вино.

ИСТИННО-ИСТИННО-ГОВОРЮ-ВАМ-ЕСЛИ-ПШЕНИЧНОЕ-ЗЕРНО-ПАДШИ-В-ЗЕМЛЮ-НЕ-УМРЕТ-ТО-ОСТАНЕТСЯ-ОДНО-А-ЕСЛИ-УМРЕТ-ТО-ПРИНЕСЕТ-МНОГО-ПЛОДА.

Иуда знал, как насыщается Распятый, знал и хотел попробовать Его пищу, несколько дней не ел рыбы, а только думал и старался постичь Распятого как Отца своего, как Тот постигал Своего. Иуде хотелось, чтобы Распятый заметил это усердие, заметил и похвалил, но Тот держался раз и навсегда сказанного Им о том, что если человек берет на себя что-то, то он берет свою ношу, не больше и не меньше, а чего же хвалить человека, если он лишь познает себя, лишь узнает свою силу или слабость; Распятый не понимал, что можно делать то-то и то-то за суд людей, Он говорил лишь о славе Единого Бога, а эта слава была в поиске подлинности своей, которая проста и ясна: бери и неси свой крест, но лишь с тем, чтобы другого, который не взял креста своего, ты не судил; суди себя, сколько хочешь, но другого за тяжесть креста своего не суди, ибо ты никогда не сможешь понять другого до конца при жизни, ведь он жив и меняется и может свершить добро в тот момент, когда ты осудишь его злом; ты никогда не сможешь понять другого до конца, лишь смерть его узнает его, смерть человека для Бога, лишь Бог узнает человека до конца, потому Ему лишь и дано судить, Ему, а не человекам, ведь люди познают другого лишь через свой опыт, лишь через свои добро и зло, они, скорее, в суде над другим познают себя, судят себя, когда судят другого, ибо лишь только то ты можешь предъявить в обвинение другому, что имеешь сам, лишь только это, только себя и больше ничего. Иуде хотелось бы ласки от Распятого, он сердился на Него, и судил тем самым себя, открывал тем самым себе, что ищет истины лишь за похвальбу, лишь за подачку, а если нет подачи, то пусть ее ищет другой; Иуда плакал смехом над собой и вырос, бегом в беготню вырос, вылезал из мальчишеских костей и стыда, убежал от них в синеву ночных дней, когда бродит Распятый меж спящих, тихо бродит и не устанет говорить волю пославшего Его, тихо бродит-сидит у головы кричащих во сне, тихо бродит к реке вымыть одежды пыльных, и все сам, все один, все без суда и гама, который созывают они, когда ищут рубаху Его, чтобы вымыть ее, чтобы стала чистой, чтобы Он узрел, как стараются они; да, да, важнее было, Иуда, чтобы Он видел, как они ищут вырвать друг в друге рубаху Его, как спешат перед Ним, а не перед делом, Иуда, да, да, перед Ним, а не перед делом, и ничем не отличны мы, Иуда, от торгующих, которых Он гнал из храма, ибо и здесь торговали Им, и здесь искали лишь платы, а не истины, лишь про-

давали усердие свое, лишь торговались, лишь бросали за плату сердце, а те в храме бросали в крик торгашей скотину и овощи, Иуда. И это Он нас тогда выгнал из храма Своего, нас, но никто не захотел тебя слушать, Иуда, никто, да и ты сам не захотел себя слушать и быстро искал забыть эти мысли свои, Иуда, быстро-быстро хотел убежать их, не хотел ты брать креста своего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Кто не берет креста своего

И в тебе не брал я креста своего, мама.

Когда ты умирала, я смотрел на это с интересом, понимаешь, я созерцал твою смерть, будто она не была реальностью, будто все это чьи-то плохие игры. Потом, когда все кончилось, я плакал, но не о тебе, а о себе, об ужасе в себе, который мне открывался тремя ночами возле тебя; единственное, что утешало меня много позже, это то, что и свою смерть я буду созерцать, что это была не злоба к тебе, а странность моего бытия, которая уведет меня в мой крест, который тяжелый, мама, очень тяжелый, насквозь меня тяжелый, кол из осины, мама. Я всегда был плохим тебе сыном, мне было стыдно в детстве твоего беззубого в голоде рта, мне часто было неловко с тобой трамвае, когда рядом сидели чистые и пахучие мамы, жирные мамы, как я понимаю сейчас, но сейчас ведь тебя уже нет здесь, я сгубил тебя в этом мире. Я часто думаю, что очень много виновен в сроках дня твоей смерти, ибо это я кричал на тебя, чтобы ты не плакала, когда мы хоронили брата твоего, чтобы ты не мешала мне, сдержанной и суровой сволочи, командовать на чужих похоронах. Ты хотела пойти на кладбище на сороковой день, чтобы душа твоего Левушки успокоилась, ты и пошла туда в этот срок, на сороковой день мы тебя хоронили. Твой старший сын успел проститься с тобой, ты все тревожилась, что он не успеет, нет, он успел, ты дождалась его, он бежал и плакал, мама, седой мой старший брат, и тогда и я заплакал о тебе, о нем, об отце, который прислал нам денег на похороны, но приехать не смог, потому что упал там, на другом конце телефона. Ты всегда любила немного больше брата и это, видимо, угнетало тебя, вот ты и сказала мне ясным голосом на прощанье, что пирожки с мясом ты приносила с совещаний мне, а не ему. Потом ты долго подтягивала простыню

на себя, ты укрывалась в каком-то таинстве, от наших глаз укрывалась. Все в городке знали, что ты умираешь, и я знал, что они знают, что я твой сын, и делал вид соответственный, и видел себя и их со стороны, видел всю нашу плохую игру, и пугался своему умению, и знал всегда, что когда-нибудь оно будет долбить меня в невозможность, и я буду звать смерть, а она не придет, будет думать, что я шушу, что опять пляшу на арене, где ей надо гримироваться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Шопенгауэр серьезно относился к Платону и Канту именно потому, что они смогли обозначить некоторые понятия мира, не подчиненные закону основания, не выводимые из прежнего здравого опыта, а постигнутые странным созерцанием Идеи мира. Действительно, как можно утверждать, что существуют непостижимые вещи в себе, если ты уже о них что-то утверждаешь, то есть постигаешь? Значит, или это не вещь в себе, раз она выходит за пределы себя и возможна для узнавания, или это простой домысел, потому что о замкнутой структуре, которая не посылает никакой информации о себе во вне, ищет быть вещью в себе, нельзя ничего узнать вообще, нельзя даже говорить о ее существовании, ибо и это уже ступень познания. Против подобных выводов закона основания и бранился Шопенгауэр, когда говорил, что философия непременно искусство, а не причинная жвачка понятий, которые и были-то открыты художниками разума в теоретической философии, чтобы последующие профессора стали следовать постигнутому и названному непосредственным созерцанием Идеи в своей практической философии. А когда судишь об искусстве, шумел он, то судишь самого себя, ибо в нем заложена безмерность Идеи мира, глубину которой ты можешь постигать лишь при наличии собственной глубины. Иисус Христос говорил об этом положении не только в связи с искусством, но как об универсальном принципе: не суди, да не судим будешь, ибо в любом высказывании ты формулируешь суд, лишь соответствующий твоему уровню, твоему духу, твоей глубине. Шопенгауэр сильно не любил христианство, вообще несдержанно бранил религию, лишь метемпсихоз, как миф, нравился ему. Если

его утверждения об оценках мира принять верными, то в этой брани была лишь брань в свой адрес, лишь суд, которому он подвергал себя, тем более, что идею бессмертия он разбивал ходами столь презируемого им закона основания.

Шопенгауэр говорил, что со смертью каждого человека гибнет безвозвратно целый мир, но часть этих миров он тоже сильно бранил, хотя не раз утверждал, что человек не средство, а самоцель, и самость его и есть истина его воли, и подчинить чужую волю своей всегда суть желание глупости, а стало быть и злобы. Он говорил о бессмысленной гибели миров, о незнающей воле, потому ему и пришелся по душе буддизм, но он, видимо, не знал религии Махаяны, которая во многом смирила бы его философскую жажду с ругаемым христианством, ибо в этом учении показано, как слепая воля, побывав в человеке с его представлениями о добре, не хочет только обращаться, а ищет перерождения, ищет воскресения, осознанного волевого акта в уход из Нирваны на землю Бодхисаттой. Воля, побывавшая в представлении, становится осознанной волей, зрячей волей, богочеловеческой волей, которая следует понятиям добра и зла, а не слепой жажды жизни. Воля умирает в представлении, а смерть представления ищет СЫНОВНЕЙ воли, воли знающей о себе, ибо она бывала в представлении, волей осознавшей себя, волей самостроющейся.

Такое обучение возможно лишь через совокупление жизни и смерти в себе, через жажду и страх инцеста вселенной.

Шопенгауэр серьезно размышлял о смерти и, вероятно, еще и поэтому называл философию искусством, ибо искусство всегда интересуется больше смертью, чем жизнью, больше связью, чем самостью, больше религией, чем реальностью, данной в явлении.

ПРИМЕНЯТЬ ФИЛОСОФИЮ К ЖЕЛАНИЯМ ВЛАСТЬ ИМУЩИХ И ДЕЛАТЬ ЕЕ ОРУДИЕМ ИХ ПЛАНОВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОЛУЧАТЬ ЗА ЭТО ДЕНЬГИ И ДОЛЖНОСТИ, – ЭТО НАПОМИНАЕТ МНЕ ТОГО, КТО ИДЕТ К ПРИЧАСТИЮ С ЦЕЛЮ УТОЛИТЬ СВОЙ ГОЛОД И ЖАЖДУ.

Это слова Шопенгауэра, хорошие слова.

КАК ВЫ МОЖЕТЕ ВЕРОВАТЬ, КОГДА ДРУГ ОТ ДРУГА ПРИНИМАЕТЕ СЛАВУ, А СЛАВЫ, КОТОРАЯ ОТ ЕДИНОГО БОГА, НЕ ИЩЕТЕ?

Это слова Иоанна.

И еще:

И ЕСЛИ КТО УСЛЫШИТ СЛОВА МОИ И НЕ ПОВЕРИТ, Я НЕ СУЖУ ЕГО: ИБО Я ПРИШЕЛ НЕ СУДИТЬ МИР, НО СПАСТИ МИР.

Шопенгауэр все же приходил лишь судить мир, и потому, по законам, которые он славил, осудил лишь самого себя, а Христом Иисусом он прощен.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

ТОГДА СКАЖЕТ ЦАРЬ ТЕМ, КОТОРЫЕ ПО ПРАВУЮ РУКУ ЕГО: ПРИДИТЕ, БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ОТЦА МОЕГО, НАСЛЕДУЙТЕ ЦАРСТВО, УГОТОВАННОЕ ВАМ ОТ СОЗДАНИЯ МИРА: ИБО АЛКАЛ Я, И ВЫ ДАЛИ МНЕ ЕСТЬ; ЖАЖДАЛ, И ВЫ НАПОИЛИ МЕНЯ; БЫЛ СТРАННИКОМ, И ВЫ ПРИНЯЛИ МЕНЯ; БЫЛ НАГ, И ВЫ ОДЕЛИ МЕНЯ; БЫЛ БОЛЕН, И ВЫ ПОСЕТИЛИ МЕНЯ; В ТЕМНИЦЕ БЫЛ, И ВЫ ПРИШЛИ КО МНЕ.

ТОГДА ПРАВЕДНИКИ СКАЖУТ ЕМУ В ОТВЕТ: ГОСПОДИ! КОГДА МЫ ВИДЕЛИ ТЕБЯ АЛЧУЩИМ И НАКОРМИЛИ? ИЛИ ЖАЖДУЩИМ, И НАПОИЛИ? КОГДА МЫ ВИДЕЛИ ТЕБЯ СТРАННИКОМ, И ПРИНЯЛИ? ИЛИ НАГИМ, И ОДЕЛИ? КОГДА МЫ ВИДЕЛИ ТЕБЯ БОЛЬНЫМ, ИЛИ В ТЕМНИЦЕ, И ПРИШЛИ К ТЕБЕ?

И ЦАРЬ СКАЖЕТ ИМ В ОТВЕТ: ИСТИННО ГОВОРЮ ВАМ: ТАК КАК ВЫ СДЕЛАЛИ ЭТО ОДНОМУ ИЗ СИХ БРАТЬЕВ МОИХ МЕНЬШИХ, ТО СДЕЛАЛИ МНЕ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

ИЕРУСАЛИМ, ИЕРУСАЛИМ, ИЗБИВАЮЩИЙ ПРОРОКОВ И КАМНЯМИ ПОБИВАЮЩИЙ ПОСЛАННЫХ К ТЕБЕ! СКОЛЬКО РАЗ ХОТЕЛ Я СОБРАТЬ ДЕТЕЙ ТВОИХ, КАК ПТИЦА СОБИРАЕТ ПТЕНЦОВ СВОИХ ПОД КРЫЛЬЯ, И ВЫ НЕ ЗАХОТЕЛИ!

СЕ, ОСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ДОМ ВАШ ПУСТ. ИБО СКАЗЫВАЮ ВАМ: НЕ УВИДИТЕ МЕНЯ ОТНЫНЕ, ДОКОЛЕ НЕ ВОСКЛИКНЕТЕ: БЛАГОСЛОВЕН ГРЯДЫЙ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

СЕ, ОСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ДОМ ВАШ ПУСТ. ИБО СКАЗЫВАЮ ВАМ: НЕ УВИДИТЕ МЕНЯ ОТНЫНЕ, ДОКОЛЕ НЕ ВОСКЛИКНЕТЕ: БЛАГОСЛОВЕН ГРЯДЫЙ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

СЕ, ОСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ДОМ ВАШ ПУСТ. ИБО СКАЗЫВАЮ ВАМ: НЕ УВИДИТЕ МЕНЯ ОТНЫНЕ, ДОКОЛЕ НЕ ВОСКЛИКНЕТЕ: БЛАГОСЛОВЕН ГРЯДЫЙ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!

Я УЖЕ НЕ НАЗЫВАЮ ВАС РАБАМИ, ИБО РАБ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ ГОСПОДИН ЕГО; НО Я НАЗВАЛ ВАС ДРУЗЬЯМИ, ПОТОМУ ЧТО СКАЗАЛ ВАМ ВСЕ, ЧТО СЛЫШАЛ ОТ ОТЦА МОЕГО.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Распятый

ИУДА Посиди со мной, я не сплю, я все думаю о Тебе, о том, что Ты сказал, как пойдешь в Иерусалим, чтобы там сделать что-то. Так тихо кругом, Господи, тоскливо-тихо и страшно.

РАСПЯТЫЙ Ты сильно вырос, Иуда, за эти дни, стал покойнее.
ИУДА Я все время вижу в огне нашего костра горящего старика, который отдал секрет своей сетки моим братьям, все время вижу его руку, котораягнулась взять меня с собой, когда мы стояли и смотрели, и кричали сильно, а братья держали нас не бежать. Его черная рука, которая огнилась в пальцах, дотронулась

до меня, Господи, отметила меня; вроде еще кто-то должен будет сгореть при мне, чтобы я еще кое-что понял. В ночах я узнаю, что это будешь Ты. Господи, спаси меня от этого, ведь я только человек, Господи, мне не пережить, если что-то случится с Тобой, а я знаю, что случится, знаю, что и Твоя рука будет тянуться ко мне, отчего Ты выбрал меня? Что Тебе надо в Иерусалиме? Чего Тебе не хватает? Мы лечим людей, мы делаем, как Ты учишь, лишь то, что можно делать без злобы, не надрываясь, что Тебе надо от нас, зачем Тебе, чтобы я надорвался?

РАСПЯТЫЙ Нет, Иуда, это не я тебя выбрал, а ты сам пришел ко мне, когда кинулся мне на шею под камнями, понимаешь; так вот, малыш, считай, что камни тогда долетели в нас, в нас двоих, что мы уже не жильцы здесь, понимаешь, что у нас другие задачи. Ведь тогда ты решился пойти со мной до конца, тогда ты сделал выбор, выбор истинный, без лживых слов, ты сделал такой выбор, потому что не смог бы жить при другом, так в чем же дело, отчего теперь ты тревожишься? Что изменилось? Ты прыгнул мне на шею, а евреи бросили камни смерти, и боль от первых ты еще помнил, а потом тебе стало уже все равно, боль от первых была в груди и паху, малыш, разве ж это не так? Мы с тобой уже ушли из этого мира однажды, мы вернулись теперь другими сюда, ты уже умер и уже воскрес, Иуда, раз ты прыгнул тогда мне на шею умереть вместе. Какая разница, было это или не было в камнях, ведь в мыслях это уже было? Что же тревожит тебя, Иуда? Ты еще мальчишкой прожил всю свою жизнь до конца, уже забежал ее любопытным, уже знаешь все страхи и все надежды ее, тебя уже не испугает теперь ничей суд, ибо ты побывал в собственной смерти и познал часть себя до конца, ибо что-то уже умерло в тебе, когда ты решился, тебя теперь не будет тревожить ничей суд, Иуда, ты теперь будешь алкать истины, мальчик, так чего же ты боишься такой пищи?

ИУДА Я человек, Господи, я же не Ты, а Ты требуешь от всех нас, чтобы мы стали Тобой, но мы лишь человеки, понимаешь, человеки, если бы даже и возмечтали в гордыне сблизиться с Тобой, мы не смогли бы, ибо повязаны своими делами, своими законами, своей жалостью ко всем.

РАСПЯТЫЙ Нет, не ко всем, а лишь к себе, Иуда; лишь к конкретному себе и некоторым близким, Иуда, а я уже говорил вам, что законы Моисея вышли, что я теперь закон, я дал вам заповедь о любви к врагу своему, Иуда, о любви к врагу, а не к ненависти и мести ему. Вот это и есть жалость ко всем, Иуда, а то, что говоришь ты, есть жалость к себе, и это удел зверя и забота зверя, но не человека, Иуда, здесь нет различия между мной и тобой, если ты хочешь быть человеком и не хочешь быть зверем.

ИУДА Но прости, прости меня, и постарайся понять, как же можно любить врага своего, кто из живых сможет любить врага больше, чем себя? Любить врага это приказ не любить себя, это, значит, заботу о себе, о своем роде покинуть, покинуть заботу о своей жизни и забыться в жизни другого. Ты говоришь, врага? Но ведь это значит, это значит, заботиться о смерти своей, а не о жизни. Ты понимаешь, что получается? Ты можешь представить себе дерево, которое бы отказалось пить соки, чтобы сосало землю враждебное ему, Ты можешь представить волка, который бы отдал себя в любви другому вожаку стаи, Ты можешь представить себе птицу, которая бы ушла со своих яиц, чтобы греть другие, чтобы греть птенцов коршуна? Ты, Господи, учишь о смерти для человека, нельзя любить врага и остаться жить, тут все надо переменить и передумать! Все, от начала до конца, все, все, все!

РАСПЯТЫЙ Да, новое вино требует новых мехов, старые, как их ни латай, оно разорвет, когда созреет.

ИУДА Значит, Ты не возражаешь мне?

РАСПЯТЫЙ Ты сказал, Иуда.

ИУДА Перестань, слышишь, перестань, я же не бросаю в Тебя камень, что Ты говоришь со мной, как с фарисеем?

РАСПЯТЫЙ Ты сказал, Иуда, и ты бросаешь в меня камень.

ИУДА Отчего?

РАСПЯТЫЙ Ты видишь меня, ты смотришь за мной по ночам, когда все спят и когда я не сплю между вами, разве я когда-нибудь говорил, что прошу вас быть со мной, я позвал вас сделаться ловцами человеков и вы сделались, что вам еще от меня, уходите, если не можете вместить сказанного мной, уходите, или отдайте меня камням. Что же тебе надо еще, Иуда? Я говорю лишь то, что узнал в доме Отца моего, только это и ничего больше, говорю притчами и сказками с народом, ибо им нужны сказки и притчи, а не истина, они даже не знают, что ее надо искать, им кажется, что и так все ясно. Иногда притчи я рассказываю вам, толкуя их, как, скажем, притчу о сеятеле, но разве кто-нибудь из вас понял, что означает забота не века сего?

ГДЕ-МУДРЕЦ-ГДЕ-КНИЖНИК-ГДЕ-СОВОПРОСНИК-ВЕКА-СЕГО-НЕ-ОБРАТИЛ-ЛИ-БОГ-МУДРОСТЬ-МИРА-СЕГО-В-БЕЗУМИЕ-ИБО-КОГДА-МИР-СВОЕЮ-МУДРОСТИЮ-НЕ-ПОЗНАЛ-БОГА-В-ПРЕМУДРОСТИ-БОЖИЕЙ-ТО-БЛАГОУГОДНО-БЫЛО-БОГУ-ЮРОДСТВОМ-ПРОПОВЕДИ-СПАСТИ-ВЕРУЮЩИХ-НО-КАК-НАПИСАНО-НЕ-ВИДЕЛ-ТОГО-ГЛАЗ-НЕ-СЛЫШАЛО-УХО-И-НЕ-ПРИХОДИЛО-ТО-НА-СЕРДЦЕ-ЧЕЛОВЕКУ-ЧТО-ПРИГОТОВИЛ-БОГ-ЛЮБЯЩИМ-ЕГО.

Я, Иуда, лишь на то и родился и на то пришел в мир сей, чтобы свидетельствовать об истине, понимаешь, лишь только для того, чтобы свидетельствовать об истине, не придумывать ее, не открывать; потому я и говорил тебе, что пища моя от голода и питье мое от жажды лишь творить волю пославшего меня. Ты стал размахивать руками, вы, вообще, это очень любите делать, махать руками и орать, не поняв даже в чем дело, бежать вперед решать загадку, не поняв даже, в чем она состоит? Ты стал махать руками

и вопить, что никто не может такого вместить? А что тут вмещать особенного? Или вы и Бога мерите средствами человека? Что пьет Он и ест, как вы, и обиды у Него те же, и торгуется Он с другими из-за куска мяса или тряпки, как и вы? Вы никто не веруете в Бога, никто из вас, Иуда, не верит, ибо все дела Божьи, все промыслы Его вы ищите лишь в славе своей! Я пришел свидетельствовать об истине, иных забот нет у меня, разве я не сказал об этом сразу? Зачем же ты, Иуда, бросаешь на меня свой камень, когда попрекаешь меня в том, что истина не подходит человекам, разве это беда истины, а не людей? Вы можете не принять истину, можете не верить мне, меня это не заботит, ибо это не мой вымысел, а истина, Иуда, мне дано лишь свидетельствовать о ней, не верящие мне мною уже прощены, но кровь неверия будет на всех детях ваших, забота о себе отдана вам, ибо я говорил не раз, что Царствие Божие в вас самих и что захотите вы связать на земле, то свяжете и на небе! Что захотели вы связать? Что ждете вы от Царствия Божия? Кто-нибудь знает из вас, чего именно он хочет? Дети, дети, вы играетесь в игрушки, а истина стоит при дверях! Вы исполняли в страхе закон Моисея, в страхе даже не Божьего суда, а своего, что побьют камнями, бросят их на вас! Отчего не подумать было, что камни бросает всегда толпа, которая хочет лишь есть и спать, что бросает всегда толпа на рвущегося из нее, на зовущего истину, которая не нужна покою и сытости, раз и навсегда найденным! Вы побивали пророков камнями, чтобы дети ваши делали из них святых по смерти, о, дети, дети, в плохие игры играете вы, в плохие радости, а сердце стучит при дверях, дети; вы, дети, думаете, что придет кто-то и скажет, войдите в дверь, ибо она открылась в Царствие Небесное, вот, Царствие сие пришло! Нет, дети, такой команды не будет, Царствие вяжется вашей жизнью на земле, что вы посеете, дети, то и пожнете! Я говорил вам о покаянии, я свидетельствовал

В-НАЧАЛЕ-БЫЛО-СЛОВО-И-СЛОВО-БЫЛО-У-БОГА-И-СЛОВО-БЫЛО-БОГ-И-СЛОВО-СТАЛО-ПЛОТЬЮ-И-ОБИТАЛО-С-НАМИ-ПОЛНОЕ-БЛАГОДАТИ-И-ИСТИНЫ-И-МЫ-ВИДЕЛИ-СЛАВУ-ЕГО-КАК-ЕДИНОРОДНОГО-ОТ-ОТЦА.

вам, что услышал от Отца моего там, откуда я послан. Я говорил вам о покаянии, и вы стали каяться! Но как! Разве я судья ваш или мытарь по подати? Что вы оправдываетесь мне в своих видимых делах, за которые Моисей положил вам штрафы? Я сказал о покаянии перед кончиной мира, я сказал о покаянии как о познании себя, ибо нельзя рассказать о грехе своем, не познав его в себе; я сказал вам, что пришла пора подумать о себе, пора задавать вопросы о себе, чтобы ответить на них, чтобы познать их, чтобы встретить суд, чтобы узнать, что суд такой будет! Вы же стали торговаться со мной, стали рассказывать мне истории о вине, по которой украли курицу у другого или не отдали кесарю кесарево! Я говорил вам о тайне Божьего промысла, о тайне, о подлинности вашей к Богу, в молитве ли, в покаянии ли, а вы стали ждать, чтобы я приблизился и при мне свидетельствовали Господу! Вы хуже фарисеев и книжников, потому что те не знали правды моей, а вам я сказал ее, и вы не услышали, вы не захотели слышать, ибо всё игры вам нужны, дети, игры и только игры! А время игр прошло, Иуда, я здесь, я говорю, меня никто не хочет слушать и ищет камни на меня за богохульство, что ж, дом ваш останется пуст, останется без истины, которую вы не могли принять, что ж, берите кровь пророков ваших на себя! Фарисеи ищут убить меня, ибо хоть веруют в своего старого Яхве, вы же ищете лишь славы своей перед другими, чтобы сказали о вас, что любите пришедшего; что ж, творите, что можете, вяжите, что можете, я лишь опять повторю, что посеете, то и пожнете, сеете себе славу от людей, большего и не пожнете, уже получаете все сполна, ибо на Божьем суде другой счет, там нет выгоды перед другим человеком, там лишь ищут истину и свидетельствуют о ней, Иуда; я лишь

В-НАЧАЛЕ-БЫЛО-СЛОВО-И-СЛОВО-БЫЛО-У-БОГА-И-СЛОВО-БЫЛО-БОГ-ОНО-БЫЛО-В-НАЧАЛЕ-У-БОГА-ВСЕ-ЧЕРЕЗ-НЕГО-НАЧАЛО-БЫТЬ-И-БЕЗ-НЕГО-НИЧТО-НЕ-НАЧАЛО-БЫТЬ-ЧТО-НАЧАЛО-БЫТЬ.

свидетель истины, я лишь слово о ней, слово о промысле Бога, которого вы боитесь, которого вы скроили по образу и подобию своему, которому молитесь, чтобы легче вам было грешить! Дети, дети, нет такого Бога, которого бы вы хотели, нет его, дети, есть свидетельство об истине, слово о ней, слово о мире другом, дети, который строится вашей жизнью и вашей смертью, дети! Вот, проснулся Кифа; разве, Кифа, я сказал не свидетельствуй лживо в суде вашем? Разве я допросчика ваш? Что ты мне каялся, что дважды врал? Человечьи просто врал для малой выгоды? Разве я этого просил, разве говорил я, что не надо судить другого по малой выгоде, что когда и сам попадешься, то другой не осудит тебя? Я сказал, что нельзя свидетельствовать лживо перед кончиной, что надо пересмотреть все во спасение. Вы мне быстро поверили, ведь вы, не правда ли, знаете, отчего нельзя лгать? И что такое ложь, а, Кифа? Расскажи, расскажи мне, отчего нельзя свидетельствовать лживо, Кифа? Зачем было мне приходиться? Ложь всегда убивает жизнь, Кифа, ваша общая ложь убьет вас, когда времени не будет, потому и пришел я предупредить, пришел сказать правду, чтобы вы познали ее, как бы плоха она вам ни показалась, как бы ни испугала вас в заботах века сего! Всякий, кто лжет, творит лишь свою убогую волю, хочет принизить другого, хочет сделать его рабом своим, потому и лжет ловко, чтобы сбить его с толку, каждый, кто лжет, хочет убить ближнего, а надо желать и ждать лишь своей смерти, Кифа, чужая жизнь не твоя власть; отчего вы, люди, смеете отбирать Божие, отчего такая гордыня и вера в себя, отчего такая ложь, которая кровью пророков отольется в делях ваших, когда приблизится день возрождения?

Лживый ищет власти над человеком, а эта власть лишь в Боге, который отбирает себе смерть человека, чтобы узнать о нем все до конца, лживый ищет себе власти Сущего, но Бог убирает человека к себе, когда тот исполнит свой срок быть живу, исполнит свой срок сам, ибо срок ухода куется им самим, лживый ищет власти, и он ее получает сполна уже здесь! Вы соль земли, вы кровь Бога и бытие его, ваша жизнь для него есть смерть ваша, Дух Святой от вас, где нет различия вам по человеческому счету,

ИБО-ВСЕ-ВЫ-СЫНЫ-БОЖИИ-ПО-ВЕРЕ-ВО-ХРИСТА-ИИСУСА-ВСЕ-ВЫ-ВО-ХРИСТА-КРЕСТИВШИЕСЯ-ВО-ХРИСТА-ОБЛЕКЛИСЬ-НЕТ-УЖЕ-ИУДЕЯ-НИ-ЯЗЫЧНИКА-НЕТ-РАБА-НИ-СВОБОДНОГО-НЕТ-МУЖЕСКОГО-ПОЛА-НИ-ЖЕНСКОГО-ИБО-ВСЕ-ВЫ-ОДНО-ВО-ХРИСТЕ-ИИСУСЕ-ИБО-ВО-ХРИСТЕ-ИИСУСЕ-НЕ-ИМЕЕТ-СИЛЫ-НИ-ОБРЕЗАНИЕ-НИ-НЕОБРЕЗАНИЕ-НО-ВЕРА-ДЕЙСТВУЮЩАЯ-ЛЮБОВЬЮ.

где все равны перед Богом, который верит вам в жизни вашей, а судит лишь по Духу из вашей смерти, и это знание всегда в истине, потому и говорил я вам, что ничто тайное не может не стать явью, что все о вас познает Отец мой и решит о вас все в суде о воскресении! Я не учитель ваш, дети, я лишь свидетель, я лишь слово, я лишь заговорившая смерть человеков! Вы всегда искали лишь жизнь, оттого умирали, дети, я зову любить вашего злого врага, я зову вас любить смерть, любить познавать, как познает муж жену свою для рождения сына! Я не учитель ваш, дети, я лишь слово о Боге, которое послан сказать, чтобы вы задумались! Кто поверит в меня, тот

НО-КАК-НАПИСАНО-НЕ-ВИДЕЛ-ТОГО-ГЛАЗ-НЕ-СЛЫШАЛО-УХО-И-НЕ-ПРИХОДИЛО-ТО-НА-СЕРДЦЕ-ЧЕЛОВЕКУ-ЧТО-ПРИГОТОВИЛ-БОГ-ЛЮБЯЩИМ-ЕГО-Я-ЕСТЬ-ЛОЗА-А-ВЫ-ВЕТВИ.

спасется, тот сам дойдет до Бога через меня, я буду свидетельствовать о нем через смерть человека, то есть через себя, и Отец мой, Господь Бог, примет мое свидетельство, ибо мы с Отцом одно, я рожден

от него через смерть Его, Единородный я сын Его, часть Его, которую вырвал Он из Себя, чтобы удивиться Себе; тот, кто станет жить во мне, кто станет любить человека больше чем себя, тот познает Бога и воскреснет по времени воскресения, когда вашего времени, времени человека, не станет более и станет жизнь вечная, ибо только вы, человеки, дали в мир смерть, но Отец мой сказал, что победившего страх сей он допустит к дереву жизни. Вот, я многое рассказал вам, дети,

Я-УЖЕ-НЕ-НАЗЫВАЮ-ВАС-РАБАМИ-ИБО-РАБ-НЕ-ЗНАЕТ-ЧТО-ДЕЛАЕТ-ГОСПОДИН-ЕГО-НО-Я-НАЗВАЛ-ВАС-ДРУЗЬЯМИ-ПОТОМУ-ЧТО-СКАЗАЛ-ВАМ-ВСЕ-ЧТО-СЛЫШАЛ-ОТ-ОТЦА-МОЕГО.

рассказал уже как взрослым, которые не только молочную пищу могут усвоить, я сказал вам все это, дети, чтобы вы ушли от меня! Настанет скоро час, когда я пойду в Иерусалим, вас будут бить камнями за одно имя мое, вот, а зачем вам терпеть невинно, ведь вы не слышите сказанного мной, я хочу, чтобы вы ушли спокойно, ты, Кифа, и ты, Иуда, остальные уйдут сами, лишь вы двое прилепились во мне сердцем!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

ИСТИННО, ИСТИННО ГОВОРЮ ВАМ: ЕСЛИ ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО, ПАДШИ В ЗЕМЛЮ, НЕ УМРЕТ, ТО ОСТАНЕТСЯ ОДНО, А ЕСЛИ УМРЕТ, ТО ПРИНЕСЕТ МНОГО ПЛОДА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

И ЯВИЛОСЬ НА НЕБЕ ВЕЛИКОЕ ЗНАМЕНИЕ – ЖЕНА, ОБЛЕЧЕННАЯ В СОЛНЦЕ; ПОД НОГАМИ ЕЕ ЛУНА, И НА ГЛАВЕ

ЕЕ ВЕНЕЦ ИЗ ДВЕНАДЦАТИ ЗВЕЗД. ОНА ИМЕЛА ВО ЧРЕВЕ, И КРИЧАЛА ОТ БОЛЕЙ И МУК РОЖДЕНИЯ. ИБО НАСТУПИЛ БРАК АГНЦА, И ЖЕНА ЕГО ПРИГОТОВИЛА СЕБЯ. И ДАНО БЫЛО ЕЙ ОБЛЕЧЬСЯ В ВИССОН ЧИСТЫЙ И СВЕТЛЫЙ; ВИССОН ЖЕ ЕСТЬ ПРАВЕДНОСТЬ СВЯТЫХ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

И Я НЕ МОГ ГОВОРИТЬ С ВАМИ, БРАТИЯ, КАК С ДУХОВНЫМИ, НО КАК С ПЛОТСКИМИ, КАК С МЛАДЕНЦАМИ ВО ХРИСТЕ. Я ПИТАЛ ВАС МОЛОКОМ, А НЕ ТВЕРДОЮ ПИЩЕЮ, ИБО ВЫ БЫЛИ ЕЩЕ НЕ В СИЛАХ, ПОТОМУ ЧТО ВЫ ЕЩЕ ПЛОТСКИЕ. ИБО ЕСЛИ МЕЖДУ ВАМИ ЗАВИСТЬ, СПОРЫ И РАЗНОГЛАСИЯ, ТО НЕ ПЛОТСКИЕ ЛИ ВЫ? И НЕ ПО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ЛИ ОБЫЧАЮ ПОСТУПАЕТЕ? РАЗВЕ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ ХРАМ БОЖИЙ, И ДУХ БОЖИЙ ЖИВЕТ В ВАС?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

РАЗВЕ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ ХРАМ БОЖИЙ, И ДУХ БОЖИЙ ЖИВЕТ В ВАС?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

РАЗВЕ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ ХРАМ БОЖИЙ, И ДУХ БОЖИЙ ЖИВЕТ В ВАС?
ИМЕЮЩИЙ УХО, ДА СЛЫШИТ, ЧТО ДУХ ГОВОРИТ ЦЕРКВАМ: ПОБЕЖДАЮЩЕМУ ДАМ ВКУШАТЬ ОТ ДЕРЕВА ЖИЗНИ, КОТОРОЕ ПОСРЕДИ РАЯ БОЖИЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

ИБО НАСТУПИЛ БРАК АГНЦА, И ЖЕНА ЕГО ПРИГОТОВИЛА СЕБЯ, И ДАНО БЫЛО ЕЙ ОБЛЕЧЬСЯ В ВИССОН ЧИСТЫЙ И СВЕТЛЫЙ. ВИССОН ЖЕ ЕСТЬ ПРАВЕДНОСТЬ СВЯТЫХ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Кто не берет креста своего

Когда скоро за мамой умер и ты, папа, я подумал, что это слишком много для одного человека, который ничего не умеет знать, мне показалось, что вы сговорились заставить меня призадуматься. Кто следующий, искал я вокруг, кто будет следующий? Ты умер один в больнице, меня не было рядом с тобой, потому что ты всегда был сдержан в просьбах и ласке, и эта сдержанность была мне хорошим оправданием в собственной утверждающейся суете. Ты умер один в больнице, а закричал о своей боли среди соседей, которые боялись и не любили тебя, и обрадовались, что ты, наконец, уходишь из их квартиры. Это, верно, было очень обидно тебе, одиноко-обидно, нехорошо. Арий Давыдович, ветхий еврей, который хоронил всех из Литфонда, сказал нам с братом, что лучше тебя кремировать, чтобы мы могли увезти с собой пепел твой в керамической вазе. Перед нами в морге Градской больницы вынесли женщину, которую не признали родные, от которой отказывались, говорили, что ЭТО не их. Я подумал, что мы с тобой мало встречались раньше и будет смешно, если я не узнаю тебя, это будет смешно и правильно, подумал я, правильно, ибо ты так сдержан, что сделаешь вид, что это вовсе и не ты лежишь в гробу, чтобы вновь простить меня. Потом я подумал, что это было бы не прощение, а наказание. Ты, видимо, думал так же, потому и не изменился, а остался спокойным и красивым, каким был всегда, только много прощающей мне доброты прибавилось в тебе, спасибо, сказал я, и поцеловал тебя в губы, и ты поцеловал меня. Мы разделили с братом книги, которые ты опять собрал, он взял себе западных, а я русских. Китайские коробки, в которых стояли тьмы пузырьков от нитроглицерина, мы оставили в квартире, пусть их

выбросит кто-то другой, мы не могли. Я считал эти пузырьки, и они звякали, когда мы двигали коробки. Кто следующий, кто будет следующий? С кем вы еще сговорились, чтобы разбудить меня, уж не с дочкой ли моей, а, папа?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Распятый

Огонь костра выцветал в белое утро.

Было тихо и светло.

В реке копошилась рыба, птицы стали меньше тревожиться, звуки делались песенкой, которую ты можешь победить, которой ты благодарен и с которой в створе, что еще одна ночь миновала; в светлом и тихом створе, когда оба неопасных мошенника пьют кофе в провинциальном городке, куда они смылись из столицы и где их никто не знает, и только девочки смотрят на их небрежный наряд. Как бы ты ни ждал утра, оно всегда приходит неожиданным и спасительным, потому что ты устаешь в ожидании и сваливаешься сном. Сном беспокойным.

И вот, ты открываешь глаза еще тревожным, еще прежде сторожким, и видишь белое утро, которое смеется уверенностью и створом с тобой: эти секунды надо запоминать, чтобы говорить страху с вечера, чтобы он смелее боялся, чтобы пугливее была радость освобождения. Такие советы хорошо загадывать утром, ночью они не разгадываются, эти советы, ночь вытягивает тебя в струну, на которой играют звезды, каждая вспышка которых бьется в тебе тревогой, потому что ты роняешь в ночь шкурку своего «Я» и открываешься таинству Сущего, который изливается в тебя, делает своим потоком, своей Святой Водой! Огонь костра выцветал в белое утро, и стало видно лодку, которую двигал веслом человек, огонь выцветал в белое утро, и человек сделался женщиной.

ЖЕНЩИНА Лазарь умер! Пусть пойдет ваш Учитель, пусть вернет нам нашего Лазаря!

ИУДА Ты, верно, пьяна еще, Мария, окунись-ка в воду, проспись, у нас другая компания! Хватит того, что спас тебя Учитель тогда от камней, тебе бы задуматься и бросить грешить!

ЖЕНЩИНА Иуда, мальчик, Лазарь умер, наш добрый Лазарь, Иуда! Ты еще вовсе маленький, Иуда, разве же я грешу? Я утешаю страждущих, Иуда, когда-нибудь, когда ты узнаешь страх ночи, я утешу и тебя, ты приходи ко мне, я по походке, по взгляду твоему узнаю, что ты созрел дожидать утра, что ты готов, Иуда, как готов сейчас наш Лазарь, который не знал, куда ткнуться ночью, Иуда, и ткнулся в смерть.

КИФА Он что, покончил с собой? Это большой грех, Мария, об этом нельзя сказать Учителю.

ЖЕНЩИНА Нет, Кифа, он не покончил с собой, он просто умер от страха ночей, понимаешь, он забоялся ночи и пустил в себя страх, и страх съел его, не мог же он проситься под одеяло ко мне, своей сестре, он боялся ваших камней и своих ночей, а я бы его приняла, Кифа, мне плевать на ваши законы, если человек боится ночи, мне плевать, скажи это своему Учителю, я бы переспала со своим братом, хоть бы вы убили меня потом! Он боялся, наш рыжий Лазарь, ты бы видел, как улыбался он солнцу в утро, я, когда увидела эту улыбку, поняла сразу, что он не жилец, что так радоваться свету может лишь повязанный страхом с ночью, что ты скривился, Кифа? Вы — фарисеи, а мой Лазарь умер, умер, умер, умер! Зовите вашего Учителя, я и с ним пересплю, если Он воскресит Лазаря, с ним и с вами всеми по очереди, с тобой, Кифа, и с тобой, Иуда, и никто не узнает, Иуда, что ты будешь делать это в первый раз! Лазарь умер, наш тихий Лазарь, кого он обидел, зачем его прибрал Господь?

РАСПЯТЫЙ Скоро Лазарь стал бы бежать своего страха, пугая других; он стал бы спасаться и убивать других, чтобы почувствовать свою силу, чтобы все забоялись его. Он бы отдал тебя, сестру, на суд камней, чтобы стать праведнее праведника, чтобы так утверждаться, он стал бы творить многое зло, чтобы спасти себя, чтобы спасти себя в славе человеков, потому мы его забрали, он мог бы слишком много зла принести, слишком много зла невинным, таким, как ты!

ИУДА Разве она невинна, Учитель?

РАСПЯТЫЙ Да, Иуда, и в этот раз это сказал я, а не ты, а мог бы сказать ты.

ЖЕНЩИНА Учитель, Лазарь очень боялся; я как-то сказала ему, чтобы он шел ко мне, он обрадовался вначале, а потом испугался камней, Ты прав, он хотел отдать меня камням, но не просто так, а потому что я позвала его, а он испугался, но знал, что мог бы спастись во мне, что я знаю об этом; нет, Учитель, он не просто из злобы хотел донести на меня, он хотел ТАК избавиться мной от своего страха; и я сказала ему вчера, что ладно, что я согласна, что пусть будет так, как он хочет, пусть меня побьют камнями за кровосмешение, лишь бы он перестал бояться, Учитель; нет, нет, нет, это я виновна во всем, я убила его, Учитель, потому что к страху пришла его добрая совесть, что он мыслил такое и что я узнала об этом, к страху пришла его совесть, и они удушили его вместе со мной! У меня нет ничего, кроме тела для платы за Твое врачевание, хочешь, мы ляжем сразу, ляжем при всех, лишь встанет Лазарь, даже при Лазаре ляжем, пусть потом бросят на меня камни, пусть сделают сразу холмик, у меня нет ничего, чем бы я могла уплатить, Учитель, лишь только я и моя жизнь для Бога, так возьмите ее, давай поторгуюсь, отторгуй мне назад Лазаря!

РАСПЯТЫЙ Ты так веришь, что я могу это сделать?

ЖЕНЩИНА Конечно, смешной Ты какой, я же баба, я же первая болтала со змеем в раю, помнишь, прежде чем есть яблоки? Ты же смерть, Учитель, ты берешь всех себе, так вот и отдай одного назад! Я знаю, а твои ублюдки, которые бродят за тобой, делая святые лица, не знают того, что воскресить сейчас хоть одного, это значит оторвать от Тебя живого часть Твою, то есть умертвлять Тебя. Но у Тебя столько синей печали в глазах, что ты всегда знаешь, что сделаешь это, если Тебя попросят! Так вот, сделай, я прошу Тебя, а вместо рваного клона вставь скорее меня, зала-

тай себя мною, как и я латала все их дыры в ночь, чтобы не лезла она чернотой!

РАСПЯТЫЙ Воистину, нигде не видел я такой веры, ты права, мы должны воскресить Лазаря, и я это сделаю, но я тоже поторгуюсь с тобой, слышишь, я отдам твоего братца-кролика, но ты с той поры будешь со мной, будешь с нами, будешь со мной до Иерусалима.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Распятый

Потом отправились к Лазарю: Мария, Кифа и Иуда сели в лодку, а Распятый, смеясь, шел по воде, кидал в них брызги, качал лодку, радовался своей Марии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Распятый

Лазарь лежал удивленный.

Другая женщина суетилась едой, горел белый огонь корявыми сучьями, спали дети, уткнувшись в облезлое тепло овцы.

Лазарь лежал хорошо удивленный, и Мария, когда увидела его такого, подумала, что может зря подняла она весь этот шум о воскресении, в котором, уж это точно, такого покоя и удивления в лицо себе не сыскать; она глянула на Распятого, и тот кивнул ей головой, что согласен, что знает ее тревоги. Лазарю было лучше сейчас, чем когда-либо раньше, он успокоился, он понял, что все это не так страшно, и обрел удивленный покой, который приходит в твой сон под светлое утро.

РАСПЯТЫЙ И все же ты не должна бояться, Мария, ведь он уже узнал, что смерть это не так страшно, и когда он вновь станет жить, этот его прежний страх уже не будет липнуть к нему, он, Лазарь, уже просох от своего мокрого одиночества, Мария, он обуглен уже в крещение Духом Святым.

МАРИЯ Посмотри, какой он счастливый и покорный, он что-то узнал неожиданное, что обрадовало его, что убрало страх.

РАСПЯТЫЙ Он не знал женщин, Мария, потому не мог сравнить последнее познание с познанием женщины; но все равно, вместо боли, которую он ждал, он обрел трепет, ведь он зачинал в браке со смертью своей часть меня, часть Бога своего, и он узнал об этом.

МАРИЯ Так воскреси его, чтобы он свидетельствовал о Тебе, чтобы перестали искать смерти Твоей, чтобы верили в Тебя!

РАСПЯТЫЙ Для веры не надо свидетельства, для веры нужна лишь вера, какие свидетели заставят людей верить, если я здесь, и они не верят, если силой Отца моего могу я лечить больных и кормить бедных, а меня все равно кричат богохульником, дружно кричат, потому

НО-КАК-НАПИСАНО-НЕ-ВИДЕЛ-ТОГО-ГЛАЗ-НЕ-СЛЫШАЛО-УХО-И-НЕ-ПРИХОДИЛО-ТО-НА-СЕРДЦЕ-ЧЕЛОВЕКУ-ЧТО-ПРИГОТОВИЛ-БОГ-ЛЮБЯЩИМ-ЕГО-Я-ЕСТЬ-ЛОЗА-А-ВЫ-ВЕТВИ.

что скроили Господа Бога себе неким слугой человек, вот, слово о Боге распинается здесь. Лазарь не сможет сказать то, что он видел там, иначе бы мы, чтоб спасти человек, многих бы вернули, чтобы они свидетельствовали; Лазарь забудет обо всем, Мария, он забудет все это в словах, он будет стараться не быть дурным, Мария, он забудет страх заботы о себе, он будет стараться любить всех и жить для них, и его скоро назовут сумасшедшим и скоро, наверно, бросят в него камни, Мария, но он уйдет, прощая их.

МАРИЯ Если так, если каждый воскресенный будет уже добрым, просто не сможет творить зло, то отчего Ты не воскресишь всех?

РАСПЯТЫЙ Если я воскрешу всех прежде умерших, то умру сам, Мария, но не это страшит меня, ибо так уже было однажды, Мария, однажды, на другой земле, мы ведь пробовали, Мария, мы искали путей, чтобы больше взвалить на себя и меньше на человек или на тех, с другой земли. Ничего не вышло, Мария, ибо в неведении их и есть грех, они не хотят думать, и мир начинает возвращаться на круги своя, как писал у вас

Соломон; нет, Мария, все может стронуться с мертвой точки беды и смерти для человеков лишь тогда, когда человеки или другие на других землях захотят вместить истину о Боге своем, захотят познать такого Бога, Бога самоотвержения, чтобы рождать своей доброй волей мир иной!

Лазарь удивлялся их разговору, он удивлялся безграничности Марии, он сидел в Распятом и шептал Ему, чтобы Тот выпустил его; отпусти Лазаря из себя, просил он, отпусти, я многому удивился и многое постараюсь не забыть, отпусти, хоть и больно Тебе это, но я много восполню Тебе, многое возверну. Лазарь сидел в Распятом и удивленно любил Марию, и Распятый смеялся тихо, и его голубая печаль искрилась шепотом Лазаря, а Лазарь вмещал в себя Марию, сестру свою, ибо все слышал Лазарь в Распятом, слышал, как она говорила с ними на берегу, смеялся тихо гневу ее, плакал светло ее просьбам. Распятому не хотелось отпускать из себя вот такого Лазаря, потому что принес этот Лазарь в Распятого каплю человеческой слабости, принес уже сейчас, в живого Его, принес и обжег Его ледяной смешливый разум искрой тепла и безрассудства, которые познал Лазарь в Распятом от Марии; Распятому не хотелось терять своего Лазаря, не хотелось вновь быть смешливо печальным, с мерной синевою глаз своих, Распятому не хотелось, и Он тянул время, пока не сказал себе, что пора.
РАСПЯТЫЙ Встань: Лазарь: Встань: Лазарь!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. Распятый

Лазарь встал от смерти, а Распятый тихонько застонал; Он не скрывал боли, а тихо-тихо проверещал о ней ровно столько, сколько она стоила. Но стоила она, видно, дорого, потому что глаза Распятого из синевы хорошего синего дня сделались чуть белее и много беспомощнее, ибо в них отражалась сила, которая беспомощна перед собой, в них забелела неторопливость и холодность Сущего, которая несла человекам лишь истину Троицы, лишь истину ТОГДА-СКАЗАЛИ-ЕМУ-КТО-ЖЕ-ТЫ-ИИСУС-СКАЗАЛ-ИМ-ОТ-НАЧАЛА-СУЩИЙ-КАК-И-ГОВОРЮ-ВАМ-МНОГО-ИМЕЮ-ГОВОРИТЬ-И-СУДИТЬ-О-ВАС-Я-ЕСТЬ-ЛОЗА-А-ВЫ-ВЕТВИ.

в ее прозрачной безысходности, если ты придумал себе другую, удобную и ладную для тебя истину человека, которые ищут всегда только прошлого, а будущего узреть не хотят.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Книга записывается из меня и ее не следует торопить, ей надо довериться, и в свой срок она скажет тебе, что готова, что ты уже иссох до конца, что все, к чему ты был соткан собой и длительностью к этому сроку, ты смог услышать и записать. Чтобы познать и расшифровать еще что-нибудь, нужно новое обнажение к новой ночи с супругом. Книгу не следует торопить, она возьмет свое в свой срок, чтобы быть не твоей книгой, не твоими мыслями, которые ты искал в своей торопливости и воле, а записью чьего-то промысла, где ты лишь свидетель, лишь средство, которому надо и самому много раз прочесть написанное, чтобы вместить смысл его. Книгу не след торопить, и все же сейчас я тороплю ее, потому что тороплюсь сам, мне все чаще начинает казаться, что я уже готов, что созрел, что никакие силы мира не прикажут мне двинуться из неподвижности, быть может, голодной неподвижности Гоголя в ожидании конца; мне все больше и больше хочется лечь, отвернувшись к стене и ждать, просто долго ждать, пока это все не случится. Я невозможно устал и слишком манит меня шелест листьев осины.

Нельзя написать хорошую книгу, если каждый день ты пишешь ее конец, потому что не веришь себе, что завтра сможешь двигаться дальше, хорошая книга просто не может получиться, если ее торопят плохой человеческой волей, торопят высказаться до конца, чтобы сказать стене, в которую ты смотришь, что все успел, что не надо вставать доделывать, что можно, наконец, просто лежать и ждать. Книжка, которую ты торопишь, будет нехорошей книжкой, торопить книжку очень неправильно, но в тебе сидит печаль, что ты что-то пронюхал своей прежней покорностью в писании, что это надо оставить союзникам по большому лагерю земли, чтобы они, если уж не ты, могли бы вместить побег. Эта человеческая печаль и портит книгу, потому что надо бы оставить ее в том виде, до которого она добрела, когда тебе узналось, что ты готов отвернуть-

ся к стене, чтобы она осталась такой, какой росла без твоей неправильной воли, но в том-то и фокус-покус, что сделать так равносильно знанию, что ты победишь, что сможешь еще долго не ложиться к своей стене. Книгу нельзя торопить, она будет нехорошей и суета человека будет портить и те крохи, которые были вынуты из бытия тобой, из твоего свидетельства о Сущем. Книжку не стоит торопить, но и обманывать ее не стоит, ей надо сказать, что ты устал, что много устал, и потому поступаешь с ней так-то и так, книга должна знать все о тебе, быть может она сумеет как-нибудь перестроиться, чтобы получиться не очень плохой? Хотя, что ей до того! Но обманывать книгу нельзя ни в коем случае, это много хуже, чем торопить ее, потому-то я и говорю ей, как обстоят дела с поворотом к стене, может быть, для того и говорю, чтобы книга закричала во мне, что я не смею этого делать! Может быть книга не отпустит меня? А разве я этого хочу? Нет, тут дело обстоит вот каким образом: книга должна, если она, конечно, захочет, бить меня по самому больному; если я отвернусь к стене и не встану больше, то, может быть, заставлю кое-кого сильно горевать, а мне бы этого не хотелось, в общем-то, только это меня и удерживает, и книга должна сообразить, что только тут я еще не совсем созрел и бить меня вот сюда, а я буду каждый день кончать книгу, чтобы назавтра она не могла ударить меня и вот завтра-то я и залягу!

Вот, книга, именно поэтому, и получай свой первый конец!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. Первая смерть книги

В толковании документов Нового Завета Церковью в обширной критике их богословами и философами просачивается некоторая тайна, некое невозможное противоречие. Совершенно ясно, что учение Христа не есть учение о биологическом выживании, ясно также, что распят Он был всеми, а не по наговору умников, распят религиозным народом за богохульство, распят народом, который ждал и был готов в своем гносисе к принятию и познанию мессии. Мессия пришел и сказал, что он соткан из смертей человеков, сказал такое, к чему никто из верующих НЕ МОГ быть готов. Он сказал правду о Себе и о Троице, которая Едина в ОТЦЕ, СЫНЕ и ДУХЕ СВЯТОМ, то есть едина в инцесте жизни и смерти, в инцесте само-

познания и становления. Мессия сказал человекам об их ответственности за бытие, о многих планетах вселенной, которые, как и земля, могут стать центром мира, когда грядет сын Святой Троицы, грядущий Христос, который и будет воскресением праведников, отдачей их в рождение по законам генетики, реализацией преобразенных нашей жизнью в Духе Святом прежних человеков, возрождением их для вечной жизни!

Богочеловек учил не бессмертию, а воскресению, а для того, чтобы воскреснуть, необходимо умереть. Человечество, которое было беременно Богом, славилло Творца, так или иначе взваливая на Его грозные или утешительные плечи все свои грехи; пришедший мессия сказал, что человеки суть Храм Духа Божия, что Царствие Божие доверено им, оно в них самих. Фанатично верующий народ распял такого вестника о Боге, нимало не сумняшись, что творит истину, что наказывает богоотступника, религиозный народ распял Господа Славы, но уже стражники, которые видели гибель гор и городов, кричали, что Тот был Сын Божий! Распятый грешник воскрес! Воистину воскрес! Эта правда была серьезным ударом по всему, что когда-либо являлось ранее. Философами и богословами первохристианства стал свидетельствоваться совершенный в феноменологии факт, который и вылился в документы Нового Завета, национальные у одних авторов, направленные на этику у других, на метафизику у третьих. Размышления над тайной евангелий шло во мне своим неторопливым сроком, записывалось, когда не было сил не записать. Спекулятивные раздумья о трансмиграции и о невозможности разделения на субъект и объект без бывания в смерти шли рядом, снимая невозможность знания о вещи в себе у Канта или о непостижимых идеях у Платона. Размышления о гравитации, как о психической силе, которая дает закон сохранения странной жажды познавать, порождая живое, биологическое явление, размышления о кварках, как о возможной физической Троице, брели рядом же. Экзистенциальные основания Якоба Бёмэ и Хайдеггера, определение философии как искусства, а искусства как истории становления Троицы дало мне простую житейскую уверенность; поддержка ближних, которых я люблю (Лариса, Юра Карякин, Володя Максимов) дали сесть за машинку, чтобы замкнуть в собственной экстаике все эти ветви в Лозу. Кто-то все мое время направлял меня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Воскрешение

Витгенштейн говорил, что философия лишь тем и занимается от века, что борется с околдовыванием нашего разума при помощи языка. По-моему, это хорошие, правильные слова. Каждый, кто может выбраться из рабства предшествующих понятий, постигает что-то о мире без участия в этом процессе собственной воли, становится странным существом, которое знает звуки, тепло, запахи и цвет, умеет шевелить пальцами для раздельности слов, записывать эти слова, чтобы потом удивляться им, бояться их, потому что они слишком отличны от закона основания. Если бы он следовал лишь правилам закона основания, открытым до него, следовал бы понятиям человеческого языка, которые завязаны в причинный ряд прежним кесарианством, он никогда не двинулся бы вперед сам, и не двинул бы вперед других, если ему повезет записать что-то стоящее.

Это странное существо, которое постижением идеи создает новые понятия, всегда сильно болеет, боится себя и своего безумия, потому что рост и воспитание его шли по закону основания и мышление этого существа болезненно продирается сквозь околдованность прежних понятий. Чем более открыто прикасается это странное существо к творимой в мире Идее, тем безумнее будут его определения, тем темнее будет их смысл для современников. Спассти такое существо могут лишь друзья, которые или просто любят его и доверяют ему, или понимают его, но понять его действительно трудно, потому что ему не хватает прежних определений, а если он и создаст новые, как, скажем, Хайдеггер, то нужны дни и дни, чтобы постичь их. Потому, Господи, не оставь друзей безумцев в помощи своей! Вечная слава им! Сохрани их, Господи!

Это странное существо, которое записав узнанное им, размышляет над этим и пробует жить по расшифрованным прописям, то есть доверяет само их истинности и ценности, можно назвать религиозным философом, чтобы отличить от других существ. Постижение идеи без участия дурного рассудка, бессознательно, есть удел искусства, поэтому философ вообще ближе к художнику, чем к историку философии, которого зачем-то считают собственно философом, хотя он лишь разрабатывает по закону основания понятия, введенные в обиход слов непосредственным созерцанием Идеи.

От людей искусства христианского философа отличает лишь то, что он не боится уже своей волей искать связи между записанным им сегодня и вчера, искать связи, каким бы безумием они не открывались, а потом пытаться жить по этим опознанным страданием связям, ибо истину нужно не только знать, но и жить в ней; философ не боится нарушить девственности своего восприятия, ибо для него искание истины не есть собственная прихоть, не есть человеческий волевой акт, а лишь крест, порой невыносимый, почти не дающий радостей, ибо нет конца Троицы и нет возможности сказать себе, что вот найден предел; предела нет, и отдыха от кандалов поиска тоже нет. Угадав вопросы сфинкса Эдип был обречен жадно искать свою вину, чтобы вырвать себе глаза, которые видели лживо, которые видели солнце, а не звездный мозг Сущего.

Вначале будда Готама, потом Шопенгауэр, предложили выход из этого страдания, который заключался в отрицании воли к жизни, в презрении к недоумкам, которые добивают тебя камнями своей суеты, хотя ты уже и сам обречен в Эдипа. На вершинах должно быть одиноко. Эти советы таят в себе жутковатую притягательность, достичь странного состояния Нирваны в презрении ко всему можно, и хочется, и там есть покой! Там есть молчание и недвижность, там есть постижение заложенной в мире Идеи, молчаливой Идеи, Идеи до слова о себе, Идеи, которая будет возвращать ветры и слезы на круги своя. И если бы не существование Христа Иисуса философы были бы спасены, они одиноко сидели бы на своих горных пиках и молчаливо смотрели на сидящих справа и слева, и на копошащихся внизу, да, спасение было так близко, оно и сейчас еще манит, такое спасение, если бы не слова Идеи о себе, если бы не постижение творящейся Идеи, которая открылась откровением Троицы. Нирвана мудрости до откровения Слова о себе оказалась не концом, а лишь только началом, и тут есть отчего утрашиться тем, кто не может не видеть этого, кто зрит, что слова о любви к врагу уже не сможет забыть мир, раз они были названы в яви и вскрыты через смерть сказавших их в мир, в наши головы, в воздух, который мы ищем, когда крестимся в крике рожденных на землю. Мы все уже приняли крещение в Духа Святого, теперь лишь дело в сроках, когда каждый поймет это, вырастит этот плод в себе, в Храме Духа Божия, когда достанет в себе сознательную силу окреститься в Троицу.

Храм Духа Божия, единственно ценный именно в своем отличии от другого Храма, от другого человека, соткан из живой крови, пищи, одежды, различия тепла от холода, света от темени, он есть абсолютная ценность для другого Храма, потому что хранит в себе, кормит и растит в себе Дух Божий, или смерть свою для Бога, а стало быть и для следующих людей. Человека уже давно называли стражником, который долгую жизнь кормит узника, приговоренного к смерти, понять, что это кормление необходимо вершить в заботе и о другом узнике, который равно ценен для Бога, предстоит каждому стражнику; когда каждый это поймет, все устроится. Здесь таит себя первое серьезное искушение, которого не смогло бежать историческое христианство, когда обретя некое понимание этой истины стало насаждать ее огнем и мечем, то есть соблазнилось ложью земной власти. Начинается все всегда с хороших желаний и позывов. Я открыл в себе истину, я сподобился, мне хорошо и светло, и я хочу, чтобы также хорошо и светло стало всем, а все, это всегда кто-то конкретный, кто стоит рядом со мной или чуть поодаль. Я рассказываю ему, этому стоящему рядом или чуть поодаль, правду, которая помогает мне жить, рассказываю, а он не хочет или не может ее вместить. Тогда я, для ЕГО ЖЕ БЛАГА, огнем вбиваю в этого недоумка свою истину, и мне уже не важна истина о самости другого Храма, я жажду порушить этот Храм, чтобы построить свой. Это серьезное искушение, и тот, кто говорит от имени Христа, но поступает не Его поступью, узнается по делам своим. Это серьезное искушение, потому в молитве есть слова с просьбой не вводить в искушение, слова новой сухой мольбы, которая так удивляла своей рациональностью русского мыслителя В.Розанова. Искушения властью не бежит ни одно государственное устройство, ибо еще и до сей поры, уже после откровения Иисуса, государства пользуются римским правом, правом кесаря, как абсолют, хотя кесарю дано лишь кесарево, а жизнь Храма Духа Божия есть Богово, а не кесарево, и об этом было открыто нам, чтобы мы услышали. Любое государство предполагает в себе право одного человека на другого под тем или иным знаком, лозунгом, фразой закона, фразой ли о праве господина на раба, гражданина на негражданина, властвующего класса на отщепенца и пр. и пр. Люди разрушают Храм Духа Божия и своей властью изгоняют этот Дух прочь. В смертной тоске Дух Божий, который обижен и испуган

человеками, уходит в мир и несет туда отчаяние и обиду, которую и обретает в крещении в Духа, в крещении Дышать, вновь заброшенный на землю план Храма вместе со своим устройтеlem. Люди в своей гордыне берут на себя дела смерти, они подменяют собой срок смерти, они становятся убийцами, а не охранниками, ибо смерть забирает Дух Божий из Храма обучения в свой срок, который ведает где-то очень подлинно в себе и человек, убить же человека человеком даже во имя Бога есть убиение Бога. Останки Храма должно с благоговением сокрыть, но не слишком печалюсь, потому что лишь мертвые долго хоронят своих мертвецов.

Государственные мужи всегда знали, что христианское вневластие страшнее любой смуты, ибо смута направлена всегда лишь на замену государственного аппарата, а не на отрицание его, а при любой замене аппарата все же сохраняется преемственность. Идея христова вневластия всегда бродит как идеал в народе и легко подменяется идеей собственной, народной власти, власти без государства, потому что мы-де и станем государством. Таковая подмена двигала внутри все революции и приводила к тирании, ибо к хорошим идеям всегда недостает хороших делателей, достаточно осознавших ответственность и сущность мира. Идея безгосударственной общины, идея сознательных членов общества, где свободное развитие каждого есть гарантия свободного развития всех, выведенная Энгельсом идея коммунистического общества, АБСОЛЮТНО совпадает с нравственными установлениями Христа для жизни человека на земле. Ибо Христом было сказано о любви к врагу своему, то есть заповедано Божье ограничение свободного развития, ограничение любовью к другому Храму, к абсолютной ценности человека, к общине, где свободное развитие личности в любви к другим членам общины есть гарантия свободного развития всех. Эти простые истины были объективно оболганы уже в тот момент, когда капнула первая капля крови в строительстве этой общины, и нам теперь оставлен лишь удел судить, было ли это совершено по неведению или по злему умыслу. Кроме неправды судить нам была открыта и воля простить, ибо только так и никак иначе можно стучаться в те двери, которые обещано отворить стучащему.

Абсолютную ценность субъекта в метафизике утверждал И.Кант, позже и Богочеловечнее — Ф.Достоевский. Если Платон был философом языческой земли, то Ф.Достоевский стал философом хрис-

тианской вселенной, а его Князь и Проститутка суть живые члены будущих земельных сообществ.

И.Кант сказал, что мир фиксируется понятиями нашего рассудка, которые не всегда совпадают с сущностью независимого от нас Разума, который знает о ноуменах, нам лишь дано судить феноменологию. А.Шопенгауэр продолжил раздумья своего учителя и сказал, что мир всегда есть воля и представление субъекта, который сам лишь воля и представление слепой воли к жизни, которая движет миром. И.Кант и А.Шопенгауэр разделили людей в метафизике своей на целые миры и вселенные. Верующий Кант говорил об априорном долженствовании жить в добре и моральном долге, атеист, как и Будда, Шопенгауэр предлагал отрицать себя, а потом уж, если достанет охоты, то и другого. Оба они в конечном итоге приходили к невозможности судить человека средствами человека, ибо если мир лишь твоя воля и представление, лишь в тебе заложенные характеристики времени и пространства, то и суд твой будет лишь судом над тобой, будет лишь твоей характеристикой, будет лишь выявлять законы твоего мира и твоей вселенной, законы, по которым бы правил ты в царстве своем. Всякие суждения говорят лишь об уровне судящего, потому-то и сказал Христос человекам, чтобы они не торопились судить, потому что судят лишь самого себя, потому и сказал Христос, что Он пришел разделить человеков, разделить на Царствия Божии, которые в каждом, пришел взять дочь от отца, мужа от жены, пришел создать другую семью, семью-сообщество в тайном теле Церкви.

Сейчас постепенно начинают понимать, что познать другого человека до конца невозможно, что он есть ценность в себе, ноумен, мир, вселенная, что любые слова о другом суть лишь слова о себе, этой проблемой теперь всерьез занимается гносеология. Выводы, к которым она приходит в экзистенциализме, трезвы и печальны, ибо пока гносеология вмещает Шопенгауэра и Якоба Бёмэ, но вместить Христа Иисуса с Его экзистенциальными основаниями не хочет. Люди без Бога, эти замкнутые в себе миры, обречены на молчаливое одиночество, на молчаливое страдание и боль, ибо ты никогда не можешь познать боль другого, ты лишь сравниваешь ее со своей, лишь ставишь в соответствие с собственным опытом. Простые эти понятия долго бились в экзистенциальное обоснование, чтобы встретиться с превечной истиной народа, что сытый

голодного не понимает: человек, который не знавал голода, не сможет понять голодного; человек, который не знает голода творить, не сможет понять отчаяния свидетельства и будет искать ему в объяснение свои кесаревы обоснования.

Английские врачи увидели на своем топоскопе, что живой мозг человека суть звездная карта мира, о которой знал Парацельс и древние с их астральной логикой, с их вязью гороскопов, которые также еще предстоит вместить людям. Обретши в себе звездный одинокий мир, узнав, что осуждая других в любом суждении, они лишь обнажают себя, люди должны устыдиться, как устыдились первым стыдом Адам и Ева, когда укрыли члены свои смоковыми листьями; люди устыдятся прелюбодеяния в мыслях, а не только в поступке.

Государство всегда держится законом основания, мистическое постижение Идеи невозможно ему, неместимо. Сократ, который постигал Идею, говорил, что само в себе познание уже нравственно, уже таит и зреет в добро. Афинское государство, то самое детско-радостное государство греков, убило своего сына ядом. Более взрослое римское государство приговорило через шесть веков Богочеловека к позорной смертной казни на кресте, а ведь оно сулило в себе образец устройства мира по закону основания. Иисус Христос простил человек в их неприятии мудрости Бога до Своего свидетельства, Он отменил закон и оставил другие заповеди. Земная Церковь, которая после Его откровения жгла Храмы Духа Божия на кострах ненависти, предала Иисуса, как трижды предал Его Петр, камень Церкви. Всевозможные устроители государств Его именем не только предавали Его, но вновь распинали, распинали в каждом Воскресшего Христа, ибо там, где двое или трое соединены в Нем, Он присутствует. Освящая смертную казнь внутри страны и смерть во славу нации и территории, государство с пеленок освящает детей в убийство, ибо каждый внутри себя в отчаянной гордыне может помыслить, что жертвует свою душу в убийстве во благо порядка или родины, когда своей властью решает судьбу иного живого человека. Государство освящает всеобщее право на убийство, тогда как призвать человека к себе после его урока жизни на земле может лишь смерть, лишь Троица. Дух Святой, Дух Смерти от человека, который выжигался кострами или выдавливался виселицей, глотали вновь рожденные своим первым глотком,

своим первым крещением в Духа Святого, и отравлялись им, и вновь гордились убивать и жечь, вновь несли цивилизацию и разум мечом, толкая по своей гордыне слова о принесенном мече; но эти слова были обращены к каждому, каждому своей правдой и своей судьбой вложил Он меч в душу, мечом обрезал сердце человека в любовь. И эта кровавая жатва государственных посевов, посевов Земной Церкви исторического христианства, продолжается до нашей поры в отчаянной схватке людоедства. Убить человека стало проще, нежели убить зверя, которого охраняет общество охраны зверей. Проще стало убить целый народ, пользуя нынешнее орудие убийства, нынешний термоядерный смерч. Государство искренне может убить ради какой-то идеи тьмы человеков, каждый из которых больше любой идеи кесаря.

Философы, постигая становящуюся Идею мира, старались уточнять бытие ее в человеческие слова и понятия, весь ход исторических документов, данных в отчуждении культуры, свидетельствует о непрерывном поиске формулы этой идеи. Начиная со стоиков, с Сенеки, философия стала вводить понятие смерти для постижения, для анализа, для сведения этой идеи к закону основания, чтобы вместить в христианскую философию прежнее религиозное знание и пророчества в своих конвенциях науки и искусства. Биологический поиск, в который кинулись человеки в разности своих рас, бессознательное изменение членов в естественном отборе по закону обратной связи, были прекращены после N-ого количества разностных смертей человеков, достаточного чтобы связать плод будущего сына своего Иисуса. К этому же сроку скальная живопись неолита свидетельствует о начале религиозного существования пралюдей, ибо из конкретно чувственной превращается в контурную, ищущую связи во всеобщем, которая приводит к геометрическому и фигуративному орнаменту. Это бессознательное свидетельство человека в его постижении Идеи совпадало и с волевой деятельностью, связанной с культом мертвых. Ныне мы наблюдаем те же свидетельства, но мы уже знаем о Христе, потому эти бессознательные свидетельства должны упредить нас о скором пришествии Грядущего: орнаментально-абстрактная живопись, кубизм и советский художник М.Шварцман, Модильяни, орнаментальная вязь языка Ф.Достоевского и У.Фолкнера, библейская простота Камю и Акутагавы, законы обратной связи в кибернетике и квантовая

механика с бездной элементарных частиц, неподдающихся закону основания, Фрейд с его понятием инцеста, религиозные поиски Православия начала века, поиски Третьего Завета, введение понятия смерти как пограничной ситуации в экзистенциальной философии, требующей возвращения к персонализму человека, недостаточность в определении истории, как фиксации отчужденного опыта, требование к выявлению в ней экзистенциальных оснований и т.д.

Свидетельства людей, запрошенных свидетельствовать, всегда достаточно объективны, ибо менее всего подвержены дурной воле конкретного рассудка, его запретам и установкам на следование закону основания. Свидетели нищенствуют, но свидетельствуют, творя собой достаточно потешное зрелище, которое всегда можно приостановить, лишь оно станет навязчивым или тревожным во встречах с правом кесаря. Люди, которые в безумии своем прикасаются к постигаемой миром Идее, свидетельствуют о покаянии, как Иоанн Креститель, но, как и он, они вопят в пустыне. Они вопят о покаянии, ибо приблизилось Царствие Божие, приблизился человеческий срок явления Грядущего Христа, Спасителя, который уже СПАС мир на Голгофе в своих сроках и вере в спасение завещал обучить народы. Ученики создали много мифов, за единственность догматики которых жгли иноверцев, то есть НЕ ВЕРИЛИ в спасенность мира, а спасали его своей дурной волей, ибо если бы верили, то полюбили бы всех, кто не отмечен благодатью любви и веры, а не жгли бы их на плохих, дымно-обидных кострах, не били бы пальцы в гроздья боли и плача. Человеки не поверили Господу Славы и распяли Его, чтобы потом вновь и вновь творить сказы об искупительной жертве Отца в Сыне, которую невозможно было вместить человеку. Нет, жертвы не было, было убийство, было преступление, но было и СПАСЕНИЕ, ибо Тот, который был распят, умер на кресте в ПРОЩЕНИИ убийц, умер, ОСВЯТИВ смерть любовью к недоумкам, прощенным недоумкам, в которых обрезано было сердце Его. Своей ТАКОЙ смертью Он спас мир, а мы не в силах даже поверить в СПАСИТЕЛЯ, ибо отравлены стражей солнца, стражей его сроков, которые отличны, много более долгие, много-много большие, нежели срок Сына, ибо пульс Его бьется в жизнь-смерть человека, как бьется в семьдесят пересечений наше простое сердце.

Люди не поверили в спасенность мира и жгли в болезни своей Храмы Духа Божия, жгли человекoв, травили сферу, в которую крестится дышать вновь рожденный. Каждый вновь обретенный детеныш отравляется в злобу, как травит матка своими гормонами соперниц в улье, каждый вновь крещеный в свой глоток Духа Святого вдыхает унцию яда и плача, и скрежета зубов, чтобы потом скрипеть зубами в гордыне нации, класса, клана, пола и прочего, что насадил кесарь, распявший руками чиновника Понтийского Истину о строении мира.

Мы живем на земле, на спасенной земле, на маленькой-маленькой точке мятущегося мира, мы живем на земле и что делить нам на ней?

Когда не смеем делить и мира, ибо все в нем едино в Господе?

Солнечный свет ослепляет нас, скрывает от нас звездный в открытости мозг Сущего, который старается учить нас во сне видениями, ибо мы все еще спим в Гефсиманском саду, когда молит Он о бодрствовании с Ним, спим, устали сильно от непомерных забот. Мы все неизлечимо больны антропоманией, большая сумасшедшая лечебница, дом наш пустой — земля! Наркотики, тревога, рождение безумных, кровь, которая стала питьем земли вместо вод, шизоидный бред Гитлера и Сталина, инквизиция и японцы в гнойных язвах, Маркс, продавший Христа за тридцать серебрянников экономического блага, лучшие, которые бредят превратить камни в хлеба, забыв, что не ими жив человек, УЖЕЛИ все еще мало, чтобы услышать Его слова, чтобы увидеть, что следует зреть?

Мессия сказал, что Он лишь слово, что лишь свидетельствует о слышанном Им предвечно в доме Отца, мессия сказал, что в Троице Через Дух Святой Грядет Христос Грядущий в сроки Свои, грядет Царь Царей, Утешитель праведных.

И КТО НА КРОВЛЕ, ТОТ ДА НЕ СХОДИТ ВЗЯТЬ ЧТО-НИБУДЬ ИЗ ДОМА СВОЕГО; И КТО НА ПОЛЕ, ТОТ ДА НЕ ОБРАЩАЕТСЯ НАЗАД ВЗЯТЬ ОДЕЖДЫ СВОИ. ГОРЕ ЖЕ БЕРЕМЕННЫМ И ПИТАЮЩИМ СОСЦАМИ В ТЕ ДНИ! ИБО ТОГДА БУДЕТ ВЕЛИКАЯ СКОРЬБЬ, КАКОЙ НЕ БЫЛО ОТ НАЧАЛА МИРА ДОНЫНЕ, И НЕ БУДЕТ. И ЕСЛИ БЫ НЕ СОКРАТИЛИСЬ ТЕ ДНИ, ТО НЕ СПАСЛАСЬ БЫ НИКАКАЯ ПЛОТЬ; НО РАДИ ИЗБРАННЫХ СОКРАТЯТСЯ ТЕ ДНИ.

Человеки, станемте избранными!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Распятый

Мария пила влажную тихость страха, в котором готовилась земля к своему распятию, гладила землю рукой, легла с ней рядом в большую ночь, чтобы взять на себя ее страх, как прежде брала страх многих. Мария хотела помочь Распятому, хотела бы греть Его, но Он лишь светлел своими голубыми морщинами вниз, помощь Марии не нужна была Ему, и Мария, нет, нет, не из мести, стала жалеть землю, которой предстояло распять Распятого, стала жалеть землю, которой было очень страшно, до страшной тишины страшно. Мария хотела бы умереть вместе с Распятым, но Он лишь светлел своим белесым холодом, который травил и травил Его по воскресении Лазаря, Мария спросила Его, потому что знала, ужли достаточно одного воскресения из Него, живого, чтобы начал Он вот так вот белеть, белеть-уходить от всех? Ты сказала, сказал Распятый, ты сказала, Мария, ты! О, эта Его манера твердить: ты сказала, ты сказал, ты сказала! Мария гладила рукой землю и знала ее дрожь перед убийством, она, Мария, хорошо знала эту дрожь, потому что держала Лазаря после воскресения, когда задрожал он страхом, что Распятый позовет его с собой, о, Мария хорошо знает эту дрожь, которая бьет в тебе страхом, что придется второй раз умереть за свидетельство о Распятом, которое надо бы делать, но страшно! Она тогда сразу кинулась к Распятому, потому что знала, что Тот знает о страхе Лазаря, о ненависти из-за этого страха к Распятому, она взяла тогда сердце Распятого своей ладонью, но не узнала там ни удивления, ни осуждения Лазарю; сердце Распятого стучало свою прежнюю белизну и все, в нем не было обиды, не было злобы, не было слез, была только белесая связь одного стука через перерыв с другим: вот видишь, Мария, даже сердце умирает в остановку, чтобы забиться уже другим, уже воскресшим, чтобы вновь умереть и вновь воскресить себя в знание и любовь! Вот видишь, Мария, белесо стучало сердце, сердце знает об этом, а Лазарь твой забоялся рассудком, видишь, он возвернулся, но свидетельствовать обо мне не пойдет, потому что слишком страшно для него узнать, что я

НО-КАК-НАПИСАНО-НЕ-ВИДЕЛ-ТОГО-ГЛАЗ-НЕ-СЛЫШАЛО-УХО-И-НЕ-ПРИХОДИЛО-ТО-НА-СЕРДЦЕ-ЧЕЛОВЕКУ-ЧТО-ПРИГОТОВИЛ-БОГ-ЛЮБЯЩИМ-ЕГО-

есмы, слишком страшно следовать этому в новой своей жизни, ибо первое воскресение, Мария, должно начаться в живых людях, которые станут жить для Духа Святого, чтобы ПОТОМ уже воскреснуть вторым воскресением в Грядущем. Лазарь был во мне, Мария, и он знал, что я скоро пойду в Иерусалим, чтобы дать распять меня, раз они не верят мне; твой брат знал об этом и забоялся, что я позову его в оплату сделанного с собой, он, твой брат, Мария, человек, и человечья торговля не ушла из него от короткого срока, что он был во мне; он, твой брат, Мария, не знал, что отдан был лишь для тебя, Мария! Земля вновь и вновь говорила своей тишиной эти слова Марии, вновь и вновь стучала их белым бегом к распятию себя, ты одна, быть может, и спасешь свою землю, Мария, ибо только в тебе есть кроха моей любви, а не только истины, лишь в тебе, потому что ты истина, Мария моя, девочка моя: они боятся плоти, они меряют грех чистотою плоти, чистотою поступка, а ты презрела плоть свою, ты жалеешь всех, и не боишься своей плоти, зова женского своего, ты забыла о нем, ибо есть в мире печаль! Да, да, Мария, только твоя странная судьба быть может спасет твою землю, потому что только с тобой пришла к земле пощада от меня, жалость от меня, а не только правда и причинная вязь о жатве их, ты знаешь, Мария, может быть, они еще поживут твоей любовью и нежностью моей к тебе, Мария, немного поживут, а не вымрут все в злобе своей!

Мария трогала растерянную землю, стонала в нее, лила слезы, а земля подрагивала страхом своим, ибо понимала земля, что сыны ее человеки сотворят сейчас зло, что убьют брата своего, другого ее сына, но она, как мать малая, не могла уж остановить хмельного сына, который бражничал близкой жаждой наживы и убивал брата, который говорил, что это чужое. Земля не могла ничего, кроме страха и тишины за него, земля молчала своей задавленной в песок слезой, молчала и молилась Марией на берегу, чтобы осталось побольше тепла в Распятом, чтобы скрасилась чуть и чуть Его правда о жесткой вязи дышать убийством, коли убил, земля молилась Марией, била себя в шершавую грудь, где нет уж сосков упругих, а только испитая сухость, земля билась в просьбе помиловать сына своего, кесарева человека, билась кровью своей в Марию, в сердце земли.

Земля боялась за своего сына, а река смеялась этому страху, река не уставала бежать и верещать, реке смешны были человеки, которые

прыгали в нее креститься по рождению и умирать по отчаянию. Реке всегда не нравилась шумность людей, и когда они резвились в брызгах, и когда размахивали руками в отчаяние выплыть, хотя только что сами прыгнули умереть, — люди открывали рот в крике, и река забивала его своей влагой, чтобы обратить тишину, чтобы вели себя смертники хорошо и правильно, раз сами решили окреститься в такое крещение. Река смеялась горю земли и блестела своими делами.

Мария вошла в реку, чтобы взять ее смешливое сердце в ладошку, чтобы сказать об очень большой беде, которая примолкла, чтобы засмеяться потом кровавой рекой, в которую будут креститься дети человеков. О-ой-ой, не смейся, река, тебя выкрасят в красный цвет, ой-ой, загустеешь, река, от многих голов сыновей земли, обмелеешь такими камнями! Марии было жалко реку, и она гладила ее неразумность, искала ее веселость, чтобы прикрыть ладошкой, чтобы сделать реке печаль, чтобы она хоть чуть устрашилась, чтобы остановилась чуть.

Река, река, они распнут Распятого, помнишь, река, Того, что стоял в тебе, когда звал человеков сделаться ловцами себе подобных, помнишь, ведь это было в тебе, река, ты одна здесь у нас, Иордан! Ты тогда тоже примолкла, помнишь, помнишь, как ушло в тишину время, как ты стала гладкой и твердой, когда шел Он по тебе, к Лазарю, моему брату Лазарю, чтобы возвратить его, чтобы отдать из себя, отдать часть себя мне в подарок; ой, река, ой, Лазарь забоялся идти свидетельствовать о Нем, и теперь Он хочет идти в Иерусалим, чтобы уйти от нас, потому что сильно устал, потому что все хотят убить Его, ибо требуют отдать мертвых, просто отдать, а не возродить, а не выродить в воскресении, для которого нужен ему Дух Святой, невеста Его, рожденная идти свидетельствовать, ты понимаешь, река, даже Лазарь не хочет, кто же тогда осмелеет, если этот, уже бывший в Нем, боится страхом! Я пошла бы, река, я люблю моего Распятого, ведь Он соткан, рожден смертью моих стариков, рожден их смертью, как я их жизнью, мы с Ним брат и сестра, река, мы родня с Ним, мы все родня в Нем, все, безумные человеки! Все наши старики примирились в Нем, Он сын моего отца и моего деда, более подлинный сын, река, чем все мы, рожденные от них в живую эту жизнь, я бы пошла, я и ходила, но ведь я лишь гуляющая для них, река, лишь продавшая свою плоть! Мой Лазарь проклинал меня сам,

и они бы ему поверили, они бы поверили Лазарю, ведь видели, что он умер и что воскрес, но он, человек Лазарь, не знает пророка, даже если этот пророк отдал ему назад его лживую жизнь; ты знаешь, река, я молилась, чтобы страх снова объял Лазаря, чтобы снова забрал его прочь отсюда, но Распятый сказал мне, чтобы бросила я эти игры, что никто не сможет пока преодолеть свой человеческий страх, что даже Иудка задумал что-то; Он потрогал мои большие уши, река: ушастик, сказал Он мне, не надо так думать о брате, не надо, это нехорошо. Ты знаешь, река, я просила Его поласкать меня, и Он плакал со мной и говорил мне слова о себе, говорил, что нигде в этом большом мире не дались Ему слезы жалости, а вот здесь на земле они открылись Ему, обласкали Его синеву; ты, ушастик, не трусь, ты, ушастик, верь, — да, я верю, братишка мой маленький, верю, зачем такие слова говоришь Ты мне! Ты уйдешь, Ты устанешь злобой человеков, они станут казнить Тебя за Твою любовь к ним, за то, что Ты прощаешь их, за то, что жалеешь, не за истину Твою они распнут Тебя, а за прощение к ним, истины не познавшим! Так я говорила Ему, а Он плакал в меня, река, в меня, в одну меня, публичную девку земли, в одну меня во всем своем Божьем свете! Вот почему не надо смеяться, река, пусть будет тихо, река, пусть подольше он терпит в себе слезы к людям, слезы в тихой тишине прощения, не надо смеяться, река, вдруг услышит Он твой смех и рассмеется тоже, рассмеется над нами, и тогда горе нам; только в жалости Его к нам есть время на спасение думать, на спасение понять кое-что для человеков, ведь у них там, река, совсем другое время, там его вовсе нет; пусть секунды Его тянутся в жалость к нам, Его секунды нам покажутся в многие жизни колен наших!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Эсхатологическая идея религиозного вневластия всегда странно паутинилась с религиозной же мечтой о Царстве Бога на земле, о хилиазме.

Откровение Иисуса Христа взорвалось итогом эсхатологии и было распято иудейским чаянием хилиазма со столицей в Иерусалиме, было распято руками другого государства, которое мнило себя

идеалом устройства судьбы человек, как мнит себя всякое государство. Эсхатология и хилиазм в тайном совокуплении рождали человеку историю в том отчужденном опыте, который она фиксировала культурой и историческим прогрессом. Этот исторический прогресс и был мудростью мира сего, которая не познала мудрости Бога, и тогда богоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих, свидетельствуя о подлинности процессов, о мудрости Бога, которая есть безумие человек. Свидетельство Бога о Своей мудрости, свидетельство эсхатологическое, было распято народом, ждавшим в мессианском символе водителя, который покарает врагов и приведет народ свой к трону планетного царства, к трону в Иерусалиме. Закон о чаянии земного царства был отменен Христом Иисусом, но этого не хотели слышать религиозные фанатики, как не захотели потом слушать никого их наследники в последовательном развитии идеи хилиазма, наследники религии человекобожества в России. «Социализм есть апокалипсис натуралистической религии человекобожия», — скажет Сергей Булгаков в начале нашего века. Булгаков был удивительный свидетель: «нельзя не поражаться тем в высокой степени абстрактным схематизмом, в который отливаются в ней (апокалиптике — *Е.Ш.*) исторические события. Ведь изобразить всю мировую историю как смену и борьбу нескольких апокалиптических зверей; это, по-своему, есть ведь такая же смелость логической абстракции и символизма, какую мы имеем в таких наших теперешних социологических понятиях, каковы: „способ производства“, „развитие производительных сил“, феодализм, натуральное хозяйство, капитализм и т.д. Мы настолько привыкли к этим историческим символам, что совершенно не замечаем их абстрактного и условного характера, между тем как, по своей логической структуре, это ведь те же апокалиптические звери, которые нам странны и чужды только своими рогами да шерстью, а вовсе не логической природой своей!».

Это свидетельство человек на СТРАШНОМ СУДЕ: что вы посеете, то и пожнете; вы, иудеи, сеяли семя религии человекобожества, религии, где Бог был подкупленным вами человеком, с которым вы в сговоре, вы сеяли семя земного хилиазма, вот в простой кровавой жатве антисемитизма видите вы плоды дел ваших: в России, где ваше земное царство хотят строить, распинают вас, как вы распяли Христа с правдой Его об эсхатологии! Новые пророки хилиазма

лишь переменили название мессианской общины, теперь уж не евреи предназначены исполнить, нет, не евреи, но пролетарии! А разве два, два, не имеющие Христа, могут не убить друг друга?

Религиозная нетерпимость хилиазма к эсхатологии оборачивается в религии человекобожества в ненависть к богочеловеческому промыслу, к безумию эсхатологических троп. Народ, который был выдвинут своей религиозной беременностью на крещение мира в народное государство, после обретения власти, душит религию. Он не ведает, что, уничтожая религиозную подоснову, он глушит страсть к самопожертвованию, к самозабвению, к забвению семьи и ближних ради ИДЕИ, ибо только эта страсть и алчет насыщения в революциях, ибо это лишь онтологическая жажда об исходе в эсхатологию проецируется в реальность как дурная ложь о возможности насыщения пищей и товарами, вечными тридцатью серебряниками.

Революционная структура, которая борется и высмеивает религиозное горение, кормит в своей среде индивидуалистов, не персоналистов, уважающих другого, другую персону, а жадных стяжателей чужого добра. Революционная конструкция, которая не понимает своей подосновы, обречена на собственное вырождение, вырождение в себе, вырождение уже в третьем поколении. Горе и просветление ищущим истину, которые родятся в те дни: ибо объявлено, что истина уже найдена, любой промысел о ней объявляется ересью, а ищущий отлучается от догмата веры! По плодам их узнаете их.

Такое государство вопиет о своей непросветленной Христом иудейской, сектантской нетерпимости, да, воистину, кровь ваша пала на нас, на многие колена детей ваших, ибо и сейчас в мире борются лишь иудейская жажда земного царствия и заповедование Христа об обязанности заботиться не только о продлении собственного живота, но и о ВОСКРЕСЕНИИ отцов и прадедов, которых мы убили появлением своим жить на земле!

Эти борения Ветхого и Нового Завета в людях, борения чаяний мудрости человеков и юродивой для них Мудрости Троицы, и есть, пожалуй, единственный двигатель так называемого исторического прогресса, который не ведая Божьих троп, творит плоды своего безумия, плоды антропомании.

Онтологический страх, онтологическое чувство вины, чувство постоянной неуверенности гложет и иссушает человека, который

в силу своей рациональной развращенности ищет объяснение этому страху в реальном, доступном ему опыте; человек этот описан гением свидетельства о Троице, гением Федора Достоевского, апокалиптика и пророка наших дней. Все мы даны в Раскольникове, все мы ищем для избавления от онтологического страха старуху-процентщицу, чтобы в реальности сотворить преступление и в реальности получить земное наказание, вместо апокалиптических зверей теогонии нам дадены для большей наглядности, для человеческого опыта, свои бесы, убийцы, люди подполья. Свидетельство апокалиптика Достоевского записывается на бумагу в пророчество, он на бумаге сталкивает людей и миры, Великих Инквизиторов и Христа Иисуса; свидетельства не политиков записываются прямо на бумагу земли: спасаясь от бытийного страха и вины за отцеубийство и братоубийство в Христе, люди ищут крови в реальности и творят зверские перевороты, чтобы насытиться, чтобы утолить жажду, чтобы обрести преступление Раскольникова в реальном опыте, чтобы обрести наказание, как избавление, чтобы убить в суеде земных дел страх остаться хоть на миг наедине с собой. Строители земных царств вряд ли знают об этих своих движениях, они распинали лекаря Зигмунда Фрейда за более невинные забавы, распинали врача, который лечил многих. Нам было сказано Иисусом Христом, что будут войны и болезни, что многие соблазнятся в Нем; нет, мы не можем соблазниться в Нем, ибо Он — творимая истина, а искать ее есть вечный голод человека; мы не усомнились в Нем, мы плачем о том, что Благословенный Грядый может быть явлен не на земле, а на другой планете Его мира, куда воскреснут, возродятся из Него через Духа Святого лишь колена человеческих праведников, которые станут своей любовью к врагу ткать через свою смерть Невесту Христову, подлинное царство хилиазма в таинстве тела Церкви; мы плачем, что, не обретя возрождения Сына Грядущего на земле, мы не воскресим в обновлении через Духа Святого, матери будущих воскресших, **ВСЕХ ЧЕЛОВЕКОВ!**

Человек пока лишь символ космических процессов, лишь наглядное пособие, лишь аналогия мира, человек должен быть преодолен в своей Ветхозаветной звериной сущности, чтобы собственно быть реализованным, воплощенным в своей богочеловеческой сущности. Пока мы лишь двуногие звери, пока заботимся лишь

о биологическом выживании рода, лишь о продолжении рода, об оставлении сильного и смелого, жадного до жизни ЗВЕРЯ. Этот и только этот ЗВЕРЬ гонит в тоске и злобе в Новозаветном апокалипсисе, в откровении Иоанна Богослова жену, облеченную в солнце! Мы лишь звери, не помнящие родства, не сознавшие своей преступности в убиении нас родивших, в убиении для наших детей, чтобы и те убили нас для своих, это чувство неразрешимой виновности гложет мир, который в блюде рационализма ищет ему простые истолкования, мы лишь звери, которые не вмещают в себя благодарности и зависимости от прошлых умерших для нас, мы лишь звери, которые сходят с ума от своей, СВОЕЙ, жадной силы, глупые звери, несчастные звери в большом зоопарке, сидящие в клетках границ наций, государств, внутреннего расизма и шовинизма, в который крещен каждый из человеков. Этот вопль о вине сыновей опять рождался в Православии, вопил в пустыне Николай Федоров, святой!

Россия, Россия, страна, где побивают пророков камнями, сколько раз посылал Он к тебе пророков своих, и скольких не захотели услышать, Он хотел собрать нас под крыла Свои, а мы рубили эти крылья топором.

Ужли дом наш останется пуст, Россия, ужли лишь о хилиазме со столицей во граде Москве мечтают твои сыны, ужли только дохристовы иудеи мы, мечтающие о граде Иерусалиме? Но ведь град тот был уже однажды разрушен до пыли камней.

Каждый из нас, каждый из вновь рожденных, тянет в себе генетическую паутину прежних колен, их было много, этих колен, пока природа искала смертей человеков, пока вязала, беременела плодом в рождество Христа в другой, непорочной генетике через Дух Святой. Каждый из нас, ставший жить для Духа Святого, сможет воскресить многих, ибо обратит время вспять, презрев смерть. Как можно не любить Христа, как можно не жить для невесты Его, для Духа Святого, если ты обретешь в воскресении всю свою человечью родню, обретешь очищенными твоей любовью ко всем, к оболганному кесарем врагу, а в самости брату, ибо нет у тебя врагов, а есть лишь несчастные, лишь обманутые кесарем и не просветленные Христом. Боже ж ты мой, до чего это будет славная встреча, до слез, до пронзения веселье: все будут узнавать, что они родня друг другу, я смогу обнять тебя, обновленный Сократ, омыть

твои раны, Святой Франциск, я посмеюсь над твоим презрением к людям, господин Шопенгауэр, я скажу, что молился о тебе, безумец с другой планеты, ибо воскрешение человеков будет через Троицу, через радость о Духе Святом, через Христа, воскрешением Праматери, Матери Бога-Отца, будет воскрешением Духа Святого, для обретения полноты Живой Троицы, будет прекращением дурной бесконечности и обретением центра мира.

Боже мой, люди, разве ж это будет не жизнь, разве ж лучше, разве приятней знать иных зверей и тосковать безмерно, и глушить тоску в невозможность напиться кровью братьев своих, ужели такая работа веселее той встречи? Мы лишь звери, которые заботятся о потомстве, мы лишь звери и говорим лживо, что таков, мол, вечный закон! Нет, нет, он не таков! В откровении Иисуса нам было открыто, что могут быть скопцы во Христе, помните: кто может, да вместит; кто может и только тот, кто может, и не надо осклоплять себя физически, ведь то делали жрецы Кибелы, Христос не звал к тому. Все серьезные проблемы голодной смерти человечества, о которой свидетельствуют нынешние ученые, снимаются заботой о воскресении умерших, духовной заботой, неторопливой, свободной заботой, которая сама станет регуляцией деторождения и пищи, ибо не хлебом единым жив человек, а возможностью воскрешения, возможностью возрождения в очищении в Духе Святом, в крещении в Него, а не в воду, в воду крестил Иоанн Креститель. Иисус Христос приходил разделить наши кесаревы семьи для новой семьи, семьи человеков, а не зверей, для новой семьи РЕАЛИЗАЦИИ БЕССМЕРТНОГО, подлинного человека!

Рациональная наука, которая в отличие от опыта буддизма, полного атеистического опыта, учитывающего открытия мистики и рационализма, знает лишь явленный опыт и, отрицая веру в противопоставлении к знанию, все же лишь ВЕРИТ, что ее рациональные знания рабства закону основания взрываются истиной или приближением к ней. Что ж, что посеете, то и пожнете, только надо постичь лишь одно, что СТРАШНЫЙ СУД — это дети наши, которые, видно, уж никогда не смогут поверить в необходимость заботы о Нас, умерших отцах, ибо мы не будем даны в реальном опыте, нас нельзя будет повторить в научном эксперименте, что ж, исполняется реченное Христом, что дети будут убивать отцов своих.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Тайная вечеря Распятого

ИУДА Какой зябкий туман от реки.
КИФА Белесая тишина.
ИОАНН Мария там у воды лежит мокрая.
МАТФЕЙ Глаза в открытый песок положила.
ИУДА Тихо как-то сейчас, непривычно тихо.
РАСПЯТЫЙ Один из вас сегодня по утру предаст меня.
ИУДА ...
ИОАНН ...
МАТФЕЙ ...
КИФА Только не я!
РАСПЯТЫЙ Да, ты у нас кремень, ты у нас камень нашей общины. Ты предашь не в утро, этого труда не вместить тебе, ты потом сильно забоишься и откажешься, что знал меня, но я хотел бы, Кифа, чтоб ты не горевал об этом: многие усомнятся во мне, особенно сейчас, но я уж говорил вам, что пришел не судить, а попытаться спасти, не плачь горько, Кифа, я простил тебя.

КИФА Я никогда не отрекусь от Тебя, Учитель!
ИОАНН Там Мария на берегу лежит мокрая.
МАТФЕЙ Ты слишком шумишь, Кифа, если ты знаешь, что не забудешь Его, то знай, чего ты кричишь нам об этом.

КИФА Ты — мытарь, Матфей, а я бедняк, не тебе учить меня!

ИОАНН Мария молилась о всех нас, о мытарях и о бедняках.
ИУДА Вот в первый раз ты уже предал Его, Кифа, раз кричишь на Матфея, Матфей больше тебя, Кифа, Учитель любит Его, а разве ты больше и лучше Учителя?

ИОАНН Может быть, принести сюда Марию, сюда, к нашему огню, а?

ИУДА Что ты имел в виду, когда сказал, что один из нас предаст Тебя?

РАСПЯТЫЙ Один из вас пойдет и приведет стражу; пусть они делают, что им отпущено делать, пусть распнут меня.

КИФА Нет, не давай этого делать с Собою, нет, нет, пожалей Себя, пожалей нас!

ИУДА КТО же пойдет? КТО сможет вместить в себя эту муку? КТО сможет остаться жить после такого человеческого дела? Зачем Тебе нужно, чтобы кто-то пошел, пойдя Сам?

РАСПЯТЫЙ Ты самый умный из людей, Иудка мой, самый маленький и самый умный, в твоих вопросах всегда детская отчаянность и неприкрытая суть.

ИУДА И все же?

РАСПЯТЫЙ Мне нужно, чтобы кто-то из людей поверил в меня.

КИФА Мы все верим в Тебя, ведь я назвал Тебя Сыном Божьим!

РАСПЯТЫЙ Кроме Отца у рожденного должна быть мать, не правда ли, а? Кто же Мать моя, Кифа?

КИФА ...

ИУДА Кто из нас пойдет за стражей?

РАСПЯТЫЙ Тот, кому я подам преломленный хлеб.

КИФА ...

ИОАНН ...

ИУДА ...

МАТФЕЙ ...

ИУДА Отчего же я?

РАСПЯТЫЙ Тебе будет легче, малыш, ты ведь уже однажды хотел умереть со мной, помнишь, в твоих Кариотах?

ИУДА Идти сейчас?

РАСПЯТЫЙ Да, делай это быстрее. Все, что я расскажу остающимся, уже неважно, ты скоро узнаешь много больше. Беги, кролик, беги.

ИУДА Можно мне поцеловать Тебя?

РАСПЯТЫЙ Простимся, когда ты приведешь стражу. Там у воды Мария, пойдя к ней, кролик, а потом уж иди за стражей!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Утоление всех скорбящих

Мария лежала на песке и ждала.

Она знала, что кто-нибудь уйдет от Распятого в город за стражей и хотела его утешить, потому что Распятый шел своими тропами,

которых не пережить человеку с непривычки, лучше бы не родиться тому человеку, которого изберет Он для промыслов своих, да, да, лучше б ему не родиться! Люди взвалют на его скоро умершие плечи всю вину, они будут клясть его, его, решившегося помочь им, будут клясть, а не любить, а детей у него не будет, у такого, ведь он умрет сегодня, и некому будет молить и жить для его воскресения! Все люди, вся родня его по земле будет клясть, никого не найдется, кто бы просил о нем, кто бы жил ради его воскресения, ради его прошлых колен, ради воскресения его родных! Люди обзовут его предателем, они свалят всю вину на него одного, как всегда от века искали они козла отпущения! Мария лежала глазами внутрь земли и ждала того, кто останется без людской мольбы, она лежала и боялась, что не сможет зачать от него, от того, кто придет сейчас сюда, боялась, что не сможет родить ему сына, как решила она, как намолчала ей об этой правде стихнувшая река! Мария боялась, что от всех утешенных ею людей в ней не осталось простого семени, чтобы зачать, ведь раньше она много губила это свое женское умение; Мария подрагивала туманом и молилась Распятому, чтобы Тот помог ей, чтобы остался сын у несчастного, который сотворит с собой такое! Мария просила о сыне, она знала, что сумеет рассказать ему всю правду, она знала все горе его быть в детстве сыном предателя, но думала увезти мальчугана в другие земли, где никто не будет бить его простым узнаванием, где сможет он молить о своем погибшем отце. Мария поднялась от песка, потому что поняла, что тот, кому суждено, уже идет. Она сняла свое платье и пошла к воде.

Она мыла себя, терла себя песком от прежних запахов, она крестилась в невинность новую, била камнем ноги и бедра, подрагивала первым страхом и стыдом, таила его в себе, прикусывала бледной губой.

Потом легла у песка в мелководье.

ИУДА Мария, Мария, я кажется созрел, Мария, чтобы не ждать даже утра, Мария, помнишь: когда ты узнаешь страх ночи и захочешь быстрее утра, приходи ко мне, Иудка, я укрою тебя и никому не скажу, что делал ты это в первый раз!

МАРИЯ Так Он разрешил тебе, кролик.

ИУДА Да, Он сказал, что однажды я уж решился умереть с Ним под камнями евреев; тебе будет легче, чем другому, сказал Он.

- МАРИЯ Лазарь не пошел свидетельствовать о Нем; это я во всем виновата, зачем ты не избил меня в то утро, зачем не прогнал прочь, когда я пришла просить отдать назад Лазаря! Это я виновата, это я виновата во всем, маленький мой мальчик, как же мы все это допустили, ведь у нас была вера и был наш Яхве, как же так мы все это допустили, зачем это все, а?
- ИУДА Ты очень красивая, Мария!
- МАРИЯ Да, муж мой, я приготовила себя для тебя, если ты возьмешь меня, я рожу тебе сына, который будет молить о твоём воскресении!
- ИУДА Это Он просил тебя помочь мне?
- МАРИЯ Нет, я сама, но Он в нас с тобой, все от Него, малыш. Что ж ты сделал с собой, маленький мой, как ты решился на это, ты, самый светлый из них умом, что ты сделал с собой в своей гордыне!
- ИУДА Да, я мог бы отказаться, Мария, но пусть это будет последняя человечья гордыня, Мария!
- МАРИЯ Ну, а эти, твои старшие друзья, Кифа, мытарь Матфей, что ж они, так и дали взвалить тебе это все на плечи, никто из них, взрослых, не отнял у тебя креста этого? Как же они, ведь они мужчины?
- ИУДА Они молчали, Мария, и Бог с ними!
- МАРИЯ Ты прощаешь их, значит простишь и меня, значит возьмешь меня, а, Иуда? Возьми меня себе в жены, прости меня, Иуда, как ты тех прощаешь, возьми в первую стыдную дрожь, Иуда, прости меня, муж мой!
- ИУДА СПАСИБО ТЕБЕ!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Кто не берет креста своего

Потом Мария долго мыла своего мужа.

Иуда сам попросил ее об этом, потому что знал, что повесится.

Обмой меня живого, так сказал он своей жене, а к осине не ходи.

Будь до конца с Ним.

Мария обмыла своего мужа, и он взял крест свой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Тайная вечеря Распятого

РАСПЯТЫЙ Когда я сказал, что кто-то должен предать, каждый из вас хотел закричать, чтобы только не он, но промолчали. Вы все время забываете, что мне не нужно ваших человеческих слов, что мне нужна тайна ваших мыслей. Каждый из вас подумал в первый миг лишь о себе, о том, что будет с ним, если он пойдет предать.

Первой мыслью Иуды была боль о вас, о ком-нибудь из вас, если пойдете. Первой мыслью Иуды была мысль о вашем, а не о собственном спасении. Потому он и спросил, отчего я хочу послать человека, а не пойду сам, он хотел, он просил уже в этом вопросе избавления вам. Я помог ему, я сказал, что мне нужен верующий в меня. Он узнал эту мою нехитрую помощь, он усмехнулся мне, и просил указать, кто пойдет. Я преломил ему хлеб! Когда он брал хлеб, он на секунду подумал, что, быть может, надо отдать этот хлеб кому-нибудь из вас, раз я сказал, что мне нужен человек, поверивший в меня, на секунду он хотел поломать крест свой и спросил: отчего я?

Я сказал ему, что ему будет все же легче, чем любому из вас, и он пожалел вас! Там на берегу Мария ждала любого, кто пойдет со своим крестом. Она просила меня, чтобы у них был сын!

Я разрешил ей сына!

Он завязан уже в плод!

Иуда наш вовсе уж маленький мальчик, маленький человек! От отдаст меня, Бога своего, в руки человек, и повесится скоро; в этом промысел, Кифа и Матфей, в этом есть судьба: вы все, человеки, в нем, в Иудке, вы все, когда отринете Божий промысел и сделаете Богом человека, а нас, Троицу, в лучшем случае лишь орудием для ваших земных деяний, станете искать осину, ибо без Бога путь ваш обречен на самоубийство! Путь самых лучших из вас, самых чистых, самых страдающих о людях и болях их, самых лучших и не познавших тайн моих.

КИФА
РАСПЯТЫЙ

Я говорил вам, что всех, хулящих меня, я простил, нельзя лишь прощать хулу на Духа Святого!

Что же это, Дух Святой?

Ты однажды угадал, Кифа, что я сын Божий, я спросил тебя, Кифа, кто же Мать моя, и ты не ответил! Мать моя ваши отцы и деды, матери и бабушки, мать моя — вы человеки!

Мы с тобой братья, Кифа, только ты был рожден их живой жизнью, ты наследовал их звериный опыт, их опыт жизни для себя и рода своего, а я был рожден их смертью, ИХ ДУХОМ СВЯТЫМ, их Божьей частью, Кифа! Ибо ОТЕЦ МОЙ, Бог, в котором я и вы, все, кто умер и должен быть воскрешен в Сыне моем, Отец мой небесный тоже рожден смертью праматери, тоже Духом Святым! И мы должны воскресить нашу Богоматерь, мы должны обрадоваться смерти, освятить ее в Дух Святой!

Я говорю сейчас с вами, как с братьями, как с равными, как с сынами Божьими, а не звериными, хотя без зверя не могло бы быть вас, но в вас две части, и об этих двух частях и о путях спасения мира хочу я рассказать сейчас, хотя вы многого не сможете вместить головой, но сердце ваше всегда знало меня, видит меня сейчас живым, сердце познает меня любовью!

Ваши равнины учили вас о Боге Яхве, о вашем собственном Боге, который помилует вас, если вы сторгуетесь с ним. Нет, братья, Бог ваш иной, Бог ваш не может не пройти в своей ТРОИЦЕ пути БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, пути вашего знания, пути вашего выбора!

Вы пока ограничены пределами земли и пределами вашей плоти, но вы можете это преодолеть, вы можете преодолеть в себе человека для Богочеловека, а там уж для вечной жизни!

Когда настала смерть первовещества, которая дала жизнь всей вселенной, где ваша маленькая земля лишь песчинка, родился отец наш, первая ипостась Троицы, но чтобы искупить этот первородный грех,

чтобы обрести живую ПРАМАТЕРЬ, чтобы изгнать из мира смерть, нужно, чтобы кто-то из нас, братья, возлюбил эту смерть, освятил этот страх в Дух Святой!.. Дух Святой, общий Дух смертей человекоткал невесту Богу-Отцу, от брака с которой родился я, брат ваш, ибо мы с вами Сыны Человеческие! Мы все едины в Троице, вы во мне, как я в Отце моем, как он в матери моей, в вас, человеках, вот тайна Троицы, и вы должны вместить ее, мы едины в Троице через Дух Святой, а обрести живую ТРОИЦУ в полноте можем лишь вольным самопожертвованием!

Помнишь, Иоанн, как Мария просила меня отдать всех умерших, раз я соткан из них, раз я Сын Божий и бессмертен, помнишь, Кифа? Я сказал, что так уже пробовалось быть, но что тогда на землю возвращались все те же звери, все те же дикари, которые ели друг друга и молились камням и палкам, что они возвращались на круги своя, ибо не были очищены, ибо никто не жаждал их ВОСКРЕСЕНИЯ, ВОЗРОЖДЕНИЯ, никто не любил их, а ждал лишь собственного бессмертия на этой земле; мир не понимал мудрости Бога, мир побивал камнями наших свидетелей и тогда Отец мой послал меня, чтобы в откровении о вас, ибо только я, рожденный от вас, рожденный вашими смертями, вашим концом, когда вы узнали себя до конца в звериной своей ипостаси, только я мог понять вас с вашей истиной о любви, которую вы глушите в себе заботами зверя и кесаря! Потому и говорил я Иудке, что я лишь свидетель, что я лишь Слово к вам о промысле Троицы! Когда зверь рождает нового детеныша, то в своей живой связи передает ему свой прежний опыт, свое умение хотеть есть и бояться запахов и шорохов, малый зверек наследует всю прошлую жизнь своих предков, чтобы выжить, он забывает о породивших его, грызет отца своего в борьбе за самку, когда должен продолжить свой род зверей! Волк не может не быть волком, он не может быть львом или ягненком, зверь учит своего детеныша спастись от льва и пожирать овцу!

Вы рассказали мне через смерть свою, что вы полны любви, вы наследовали мне жажду любить всех, вы не знаете себя, братья, вы обмануты жаждой о хлебе и пище, но ведь не хлебом единым живы мы, братья. Сейчас я пришел, чтобы не судить, а спасти! Вы все погибните, как Иуда, если не вместите моей истины! Сейчас вы должны начать жить в любви друг к другу, в любви к врагу своему, ибо вы понимаете врага лишь по слову кесаря, лишь по крику государств ваших, но всякая власть на земле принадлежит мне, всякая власть на земле лишь от Бога, и я говорю вам, что нет у вас врагов, что все вы едины в Боге! Если вы станете любить врагов своих, вы станете преодолевать в себе зверя, преодолевать в себе человека! Ваша жизнь для другого будет жизнью для Духа Святого, теперь уже для Моей Невесты, которая родит мне Сына! Волк не может любить лисицу, вы же должны полюбить всех человеков! Эта ваша всеобщая любовь, ваше братство, ваша подлинность во мне, во Христе, в брате вашем, будет творить Невесту мне добрую в Духе Святом от вас! И тогда от брака моего с ней, в моем очищении в ней, в очищении ваших умерших предков, которые во мне, в воскресении их в моем рожденном Сыне, Христе Грядущем будет жизнь мира вечной и чистой, ибо вы во мне, как я в Отце нашем, мы уберем, люди, смерть из вселенной! Ибо в радости о Духе Святом воскресим мы Богоматерь нашу, обретем Живую Троицу, Церковь вселенскую!

В вашем Ветхом Завете записаны истины, записана пророками правда, а вы разучились читать! Отец мой прогнал Адама и Еву рождать человеков, но когда человек постигнет мудрость Бога, постигнет Его Единого в Трех, он войдет в рай небесный и вкусит от дерева жизни в свои сроки!

Я пришел сказать вам, что сроки эти дошли до вас, как доходят до вас долгими годами свет от погасших уже звезд! В Ветхой книге написано, что Бог наш поставил ангела с мечом обращающимся, чтоб не пускать

до поры Адама к дереву жизни, которое есть истина о мире, о звездном Разуме Неба! Этот меч — ваше земное солнце, он ослепляет вас в слепоту не видеть истины, вы не можете ничего вместить в своей науке без веры в Троицу, ибо меч обращающийся вашего солнца нельзя пройти вашей науке, все сможет мерить она лишь скоростью лучей вашего стражника! Без Троицы, братья, без постижения Ее таинств, без веры в Нее, ибо человек не может не верить, просто он верит в другое, в своих человеческих богов, без веры в Троицу, без вмещения ее в хуле на Духа Святого, в хуле на СМЕРТЬ, ищите вы лишь свою осину в тоске или кидаетесь на меч обращающийся, когда ищите средств убивать других людей, ибо мните себя богами! Вы найдете свою кончину, найдете кончину земли, когда доберетесь до ангела, до стражника, когда в гордыне своей станете искать меча огненного, станете в гордыне и солнце свое ставить на службу раздорам! Тогда придет в мир число 666...!

ГЛАВА СОРОКОВАЯ. Распятый

Потом он был распят на Голгофе, что означает лобное место.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ. Повешенный

Иуда удавился на осине, которая сильно дрожала листом.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Свидетельства об онтологическом страхе, о бытийном страхе, с достаточным научным основанием были высказаны Зигмундом Фрейдом. Им были расширены понятия амбивалентности, введены понятия инцеста и Эдипова комплекса, комплекса внутренней

виновности перед отцом и любовного влечения к матери. Зигмунд Фрейд был хилиастическим религиозным типом в той фазе развития этого состояния, которое приходит к позитивистскому отрицанию эсхатологических троп Троицы, к отрицанию Бога, к сведению всех ответов к реальному опыту сознания; потому вскрытие Фрейдом бессознательного, подсознательного страха было очевидно недостаточным, ибо все в мире кричало о страхе сверхсознательном, страхе религиозном, страхе онтологическом. Исходя из предпосылок религии человекобожества, Фрейд искал объяснение комплексу Эдипа в семье, в архетипе древних с их табу и тотемом.

Тот зоологический сад, который представляет из себя наша смешная земля, не позволил раскрыть клетки границ и встретиться немцу Фрейду с русским Федоровым. Мысль Федорова о вине сыновей, о вине звериной, о вине незаботы о воскресении умерших отцов и дедов, о преступности нашего человеческого существования за счет вытеснения близких, породивших нас, о бытийной, онтологической вине Эдипа, как человечества, сыновнего человечества, во многом, вероятно, помогла бы врачу Фрейду, во многом объяснила бы ему выздоровление, неболение этим комплексом у людей, исповедующих Христа. Фрейд говорил о сублимировании в религиозность, Федоров бы мог сказать, что отрицание откровения Христа есть сознательное сведение с ума человечества, есть сознательное, а потому убийственное, заражение людей антропоманией, где во внутренней встрече онтологической, бытийной, сверхбиологической истины с табу антропомании сходит с ума несчастный человек.

Русский психиатр Корсаков, находящийся в той же ступени иудаистской религии человекобожества, что и его немецкий коллега Фрейд, свидетельствует в своих поисках об излечении патологически безумных о странной массовой мании несчастных. Они грезят о своей святости, называют себя без различий пола БОГОМАТЕРЬЮ или НЕВЕСТОЙ ХРИСТА!

Что ж, человеку с его табу антропомании, такое свидетельство представляется абсурдным, больным, патологическим, требующим вмешательства врача.

Но уже давно известно, что человек сходит с ума по своему собственному суду, по суду внутреннему, по суду Духа Божия в нем, человек, как и дикий дикарь, сам себя казнит в сумасшествии, как

казнил себя САМ, своим внутренним судом, несчастный прачеловек, который прикасался к ТАБУ.

Безумные говорят правду: человечество действительно через Духа Святого есть мать Христа, есть Невеста Христа через тот же ДУХ Святой в поисках обретения Живой ТРОИЦЫ. В конечном генетическом ходе человечество через освященный им Дух Святой становится Вселенской Богоматерью.

Табу государств, табу врачей на религию, табу зверя в человеке, непросвещенного зверя, сводит мир с ума, населяет лечебницы, в которых лечат этих несчастных сами убийцы, сами распространители заразы, пастыри религии человекобожества. Фрейд писал, что сознанию человечества было нанесено несколько колких ударов по самолюбию, когда ему было сказано, что человек произошел от обезьяны, и когда ему доложили, что многими поступками человека движет забитая глубоко звериная жажда продолжать род свой.

Фрейд успокаивает сознание, обращается к нему, как к неразумному малышу, учит его привыкать к этой новой правде о себе. Что ж, он хотя бы хотел облегчить страдания больного неизвестной болезнью своими домашними средствами. Но люди не могли вместить даже этих малых предостережений о болезненной вере в рациональность, о болезни мании величия сознания, люди стали распинать Зигмунда Фрейда, и он стал защищаться, как защищался Шопенгауэр от Гегеля и прочих кафедральных профессоров, он стал защищаться и забыл о ходе к своей истине, ибо он шел к ней и пришел бы к ней, пришел бы ко Христу, как это сделал Сергей Булгаков, профессор Московского университета, доктор политической экономии, рукоположенный в священнический сан в год свержения самодержавия, когда церковь из власть предержащей стала гонимой.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

ИТАК ИДИТЕ, НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ, КРЕСТЯ ИХ ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА, УЧА ИХ СОБЛЮДАТЬ ВСЕ, ЧТО Я ПОВЕЛЕЛ; И СЕ, Я С ВАМИ ВО ВСЕ ДНИ ДО СКОНЧАНИЯ ВЕКА. АМИНЬ.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

В ТОТ ДЕНЬ ПРИСТУПИЛИ К НЕМУ САДДУКЕИ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ, ЧТО НЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ, И СПРОСИЛИ ЕГО: УЧИТЕЛЬ! МОИСЕЙ СКАЗАЛ: «ЕСЛИ КТО УМРЕТ, НЕ ИМЕЯ ДЕТЕЙ, ТО БРАТ ЕГО ПУСТЬ ВОЗЬМЕТ ЗА СЕБЯ ЖЕНУ ЕГО И ВОССТАНОВИТ СЕМЯ БРАТУ СВОЕМУ»; БЫЛО У НАС СЕМЬ БРАТЬЕВ: ПЕРВЫЙ ЖЕНИВШИСЬ УМЕР И, НЕ ИМЕЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВИЛ ЖЕНУ СВОЮ БРАТУ СВОЕМУ; ПОДОБНО И ВТОРЫЙ, И ТРЕТИЙ, ДАЖЕ ДО СЕДЬМОГО; ПОСЛЕ ЖЕ ВСЕХ УМЕРЛА И ЖЕНА; ИТАК, В ВОСКРЕСЕНИИ, КОТОРОГО ИЗ СЕМИ БУДЕТ ОНА ЖЕНОЮ? ИБО ВСЕ ИМЕЛИ ЕЕ. ИИСУС СКАЗАЛ ИМ В ОТВЕТ: ЗАБЛУЖДАЕТЕСЬ, НЕ ЗНАЯ ПИСАНИЙ, НИ СИЛЫ БОЖИЕЙ; ИБО В ВОСКРЕСЕНИИ НИ ЖЕНЯТСЯ, НИ ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ, НО ПРЕБЫВАЮТ КАК АНГЕЛЫ БОЖИИ НА НЕБЕСАХ. БОГ НЕ ЕСТЬ БОГ МЕРТВЫХ, НО ЖИВЫХ. И СЛЫШАЛ НАРОД И ДИВИЛСЯ УЧЕНИЮ ЕГО.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ. И будете ненавидимы всеми за имя Мое

КОГДА ЖЕ БУДУТ ПРЕДАВАТЬ ВАС, НЕ ЗАБОТЬТЕСЬ, КАК ИЛИ ЧТО СКАЗАТЬ; ИБО В ТОТ ЧАС ДАНО БУДЕТ ВАМ, ЧТО СКАЗАТЬ; ИБО НЕ ВЫ БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ, НО ДУХ ОТЦА ВАШЕГО БУДЕТ ГОВОРИТЬ В ВАС. ПРЕДАСТ ЖЕ БРАТ БРАТА НА СМЕРТЬ, И ОТЕЦ – СЫНА; ВОССТАНУТ ДЕТИ НА РОДИТЕЛЕЙ И УМЕРТВЯТ ИХ; И БУДЕТЕ НЕНАВИДИМЫ ВСЕМИ ЗА ИМЯ МОЕ; ПРЕТЕРПЕВШИЙ ЖЕ ДО КОНЦА СПАСЕТСЯ.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ НА СЕЙ ДЕНЬ; И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ, КАК И МЫ ПРОЩАЕМ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ; И НЕ ВВЕДИ НАС В ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВЬ НАС ОТ

ЛУКАВОГО; ИБО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО И СИЛА И СЛАВА ВО ВЕКИ. АМИНЬ.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

ЕЙ, ГРЯДИ, ГОСПОДИ!

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. Кто не берет креста своего

Нам надо быть в истине о том, что длительность витка сознания земли к себе, длительность конвергенции человечества в своей беременности Христом, длительность, которую мы определяем в антропологических сроках в 10×10^9 лет со дня сотворения вселенной во взрыве первичного огненного шара, лишь относительный срок нашего уровня отсчета через скорость света, что срок рождения Шара Сознания Вселенной может быть вневременным в своей трансцендентности и в соотношении с постоянной скорости света.

Витки самосознаний планет и галактик, эта ангелология религиозного познания, составляют живую ткань вращающегося шара вселенной, паутину живого эллипса, и живого яйца Браммы в учении Вед.

Мы можем вновь и вновь отсчитывать сроки истории земли как абсолютные, но излечиться сможем лишь в существовании в истине о соотношенности множественных сроков в Единстве Троицы, об относительности сроков теогенеза, космогенеза и антропогенеза. Альберт Эйнштейн сформулировал эти закономерности, подводя и исчерпывая опыт Канта и Ньютона.

Человек пока лишь аналог мира, а не его реализация в искуплении Троицы, чтобы возродиться ему необходимо вступить на Божью тропу, где человек есть не меньшее чудо для неживой природы, чем Иисус Христос для человека. Микромир человеческого сознания ткется в свою неделимость и одновременность из бесконечности последовательных квантовых состояний, которые суть сознание элементарных частиц и скручивают из своих витков вращающийся рефлекторный шар человеческого мышления, шар Афродиты.

Корпускула, умирая, рождает волну, которая есть информация о корпускуле, есть узнавание себя в броске через Дух Святой, броске к себе, который и рождает последующую конденсацию, новую корпускулу, сыновний мир, новую, уже живую частицу. Условия опыта наших ученых позволяют им фиксировать лишь состояния двоицы: корпускулы и волны, причем, все той же корпускулы и все той же волны, позволяют фиксировать лишь видимую дискретность в пульсации. Эти состояния релятивны друг другу лишь с точки зрения человеческого познания, друг для друга они представляют абсолютную ценность, ибо члены друг друга.

Люди релятивны друг другу лишь в Боге через смерть свою, через Дух Святой, в своей живой жизни они представляют абсолютную ценность друг для друга, — в обнаженном итоге это и только это неизблемо утверждал Христос. Человек пока лишь аналог космических и теогонических процессов.

Мы видим, как двое, которые одна плоть, в которых есть великая тайна, мужчина и женщина, умирают в экстатическом финале акта любви и отдают из себя шифр и потенцию для разделения на третьего, который поселится в матери. Эта наследственная информация повязана в ядре гена вместе с жаждой обращения к себе, вместе с жаждой воскресения, то есть возрождения, ибо ребенок не просто рождается, а возрождается через частичную смерть любящих.

Ядро гена составляет дискретный цистрон, который уже ткет в себе через перестук жизни-и-смерти пульсацию живого сердца и потенцию к самопознанию. Биологи, как и физики в волне-корпускуле, видят здесь лишь двоицу, лишь множество, и не видят Христовой Троицы.

Зарожденный плод будет един с матерью своей пока не созреет к рождению, пока не созреет к крещению в мир иной. Мать будет ощущать его под сердцем, гадать о нем, как знала под сердцем своим земля Сына Человеческого, зачатого Духом Святым человеков. Акт рождения ребенка, акт отделения плода от материнского чрева опять-таки происходит через прерывистость в смерть, через крещение в Дух Святой. Прорыв ребенка к рождению называется кислородным голоданием плода, которому уже недостаточно кислорода, который приносит ему кровь матери, а нужно самостоятельное вдыхание его. Этот голод вызывает по-

тягивания, спазмы, судороги умирания, плод умирает в чреве матери, чтобы воскреснуть или не воскреснуть в своем первом глотке в мире ином, в отчаянии рвется плод к свободе или смерти. Первым глотком, первым вздохом, ребенок крестится уже в Троицу, чтобы вновь и вновь разыгрывать мистерию, пока не созреет для вольного, любовного акта к осознанию, что крещен мыслить, любить и страдать лишь через Нее. Пифагор говорил, что надо рожать детей, чтобы оставлять после себя читателей Бога, именно читателей Бога, а не продолжателей звериного закона по самосохранению.

Откровение Христа Иисуса было Словом молчаливой Премудрости Бога в своем Богочеловеческом промысле. Разум Сущего, эта ориентация без слов по принципу обратной связи, обрел во вселенной перестук Сердца, который суть земля с ее жизнью-смертью людей. Таковое Сердце родило Христа Иисуса, родило Слово о Боге, Откровение Бога, Слово, ставшее плотью. Мы, человеки, необходимое звено в Богостроении, в Богорождении, ибо мы Сердце от века Сущего Разума, молчаливого Разума, ибо заговорить он может только через кровь Свою, которая находится в сердце Его.

Таковое же Слово о Себе было открыто, вероятно, и еще на многих планетах вселенной, в тех обителях, где есть печаль о жизни и смерти. Сыновья обителей Бога, которые смогут вместить в себя промысел Троицы, которые станут жить в радости о Духе Святом, обретут у себя Царствие Божие, куда соберутся для воскресения праведники планет. В этом акте обретения Царствия Бога совершается и воскрешение праматерии, оживление Ее, в воскресении которой рождается и Троица – Триединый Бог Живой – **ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ ВСЕЛЕНСКАЯ – ЖИВАЯ БОГОМАТЕРЬ.**

Человеки суть Сердце, которое знает, как оно бьется. Человеки могут своим безумным актом любви заставить Сердце Сущего биться в другую сторону, чтобы отдать умерших предков, чтобы воскресить умершую Богоматерь.

ПОМНИТЕ: НЕ ЖЕРТВЫ ПРОШУ, НО МИЛОСТИ!

Не через страх, не чрез боязнь наказания на страшном суде, не в торговле о воздаянии явно за тайную мольбу, а лишь в свободной любви к истине Божией исполнится сыновний долг человека за рождение свое.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. Кто не берет креста своего

Голгофа была лысым местом, голым от жары и вьющегося в нехоть песка. Евреи стояли и пахли страхом, пахли смертью, истекали плохой водой, крестили детей своих в эту темную влагу, брали на себя обреченность нашу в гордыне, крестили детей своих в кровь их. Они думали, что убивают плотника из своих мест, но распинали они Сына Земли, потому кровь Его легла не только на детей Израиля, как кричали они, а на всех нас.

Лысый лоб Голгофы потел жарой и страхом, одинокими волосинами поднялись там два креста, и все ждали третьего. Распятый сидел, опустил руки долу и что-то чертил пальцем в песке.

Высокий крест Его лежал рядом, и солдат стал искать кого-нибудь, чтобы донести эту тяжесть до места, где ему будет проклятие стоять.

Солдат шарил глазами по толпе человек, и тогда я сказал, что, пожалуй, помогу поднести эту деревяшку.

Я вышел под их глаза: они зашелестели моей одежде, моим брюкам, башмакам, чуть загнутым рукавам рубашки. Они не знали меня, ведь я пришел из других мест, они смеялись моему наряду. Было жарко и я разделся. Я ношу крестик с Распятым, и евреи удивились этой игрушке, которая болтается на суровой нитке у сердца. Они подходили потрогать крест, пытались отнять его у меня, но я стукнул одного или двух из них по мокрым рукам, и они отстали.

РАСПЯТЫЙ Зачем ты пришел сюда?

Я Я — сын Иуды, Распятый, сын всех, кто осознанно распинал тебя.

РАСПЯТЫЙ Он прощен мною.

Зачем ты пришел сюда?

Я Молить о них.

Я не хочу быть святее других, Распятый. Это я распял тебя на кресте и я не хочу никому отдавать вины своей, я все сделаю опять сам, все, как это было тогда, я хочу этого.

РАСПЯТЫЙ Зачем ты пришел сюда?

Я Я долго шел к Тебе, я обрел Тебя, но обрел вначале через осуждение других, а не себя.

Ход искупления надо начинать с начала, Распятый, с самого начала, с бодрствования с Тобой в Гефсиманском саду.

РАСПЯТЫЙ Ты захотел взять крест свой? Захотел поесть от другого дерева, от дерева жизни, от креста своего?

Я Да.

РАСПЯТЫЙ Что ж, пойдем тогда, делается очень жарко.

И МЫ ПОШЛИ.

Я уложил Его на грубо оструганный крест, на котором римляне убивали рабов своих. Потом я достал гвозди из песка и долго дул на песчинки с них, мне все казалось, что у Него может быть заражение крови.

Потом я взял камень и думал только о том, чтобы сразу пробить Ему ладони, потому что с ногами, которые будут пружинить под ударом, будет еще труднее.

На лысом лбу земли очень жарко, человеки.

Пот и слезы мешаются в воду крещения, выедают глаза, мокрят ладони и камень в ладонях.

В жару трудно вколачивать гвозди, труднее, чем в зиму, когда я бил гвозди в гроб мамы моей. Я тогда тоже был сильно недоволен и сильно потел, что вот не могла мать моя умереть в лето, чтобы меньше было хлопот с похоронами.

И вот я пришел, человеки, забивать гвозди летом, только теперь уж не в гроб, а в тело живое, в человека, который лежит и шепчет что-то на кресте передо мной.

Распятый молился обо мне, звере, распинающем Его.

Руки пробились хорошо, с ногами было хуже, но я постарался славно.

Потом я поднял крест Господень.

Было жарко и паскудно, и я взял у стражи вина и стал пить, долго пить, чтобы забыть о содеянном мною, но там выхода нет.

РАСПЯТЫЙ Отче, Отче, Зачем Ты Оставил Меня?

Я Ты зовешь смерть?

Он не успел мне ответить, Отец забрал Его к Себе, а на Голгофе сделалось темно и где-то далеко стал рушиться город.

Лысый лоб земли потемнел от крови и безумия своего.
ЛЮДИ, ВОИСТИНУ, ОН БЫЛ СЫН БОЖИЙ! ВОИСТИНУ, ОН БЫЛ И СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЧЕРЕЗ ДУХА СВЯТОГО, ВОИСТИНУ, ЧЕЛОВЕКИ, ОН ПРОСТИЛ ВСЕМ ХУЛУ НА НЕГО, НЕ ПРОЩЕНА ЛИШЬ БУДЕТ ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО, ИБО ЦАРСТВО БОЖИЕ ЕСТЬ ПРАВДА, МИР И РАДОСТЬ О ДУХЕ СВЯТОМ.
БЛАГОСЛОВЕН БУДЬ ГРЯДЫЙ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. Побеждающему дам вкушать от дерева жизни

Благоговение:

В.РОЗАНОВ: когда мы говорим о противоречии между наукой и религией, мы все еще думаем о тех жалких и павших религиях, которые возникли из разных попыток арийского ума объяснить себе природу: таковы были греческий политеизм и индусский пантеизм.

АРХИТ: кто в состоянии все виды бытия разрешить в одно и тоже начало и затем соединить и сложить, тот кажется мне мудрейшим и нашедшим прекрасную точку зрения, с которой он может созерцать Бога и все, Им поставленное в известном положении и порядке на своих местах. Вышедши на такой широкий путь, он может умом своим прямо устремляться к уразумению начала и конца всего и к познанию того, что Бог есть начало, конец и середина всего, свершаемого по правде и правому разуму.

ИОАНН БОГОСЛОВ: храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его и Агнец.

Свидетельство:

После долгих вращений в шаре сознания, после болезней и радостей, я со спокойной неустрашимостью свидетельствую, что имею к книге сей лишь частичное отношение: где-то прежде я писал, что мистически знаю боль роженицы, ибо женщиной, рождающей в муках, становлюсь я в записи слов. Слишком многое собралось

в плод, чтобы я мог лишь один отвечать за достоинства рожденного ребенка, или за его недостатки. Книга рождалась трудно.

Мой отец был сыном немца и француженки, мать была армянкой, а родным языком, этим непреходящим таинством, стал мне русский. Сформулировать все записанное в слова я не смог бы без знакомства с оставленной мне умершими культурой. Я не владею никаким языком, кроме русского, потому беру в соучастники не только авторов постигнутых книг, но и их переводчиков и толкователей. Я бы никогда не уразумел, чего же, собственно, ищу, если бы не было исторического опыта Земной Церкви. Если бы не любовь к судьбам и книгам В.Соловьева, С.Булгакова, В.Розанова и других русских, я не вступил бы на путь постижения Православия.

Слишком многие крестили меня во Христа: **БЛАГОДАРЕНИЕ ВАМ!** Встречи и поддержка друзей в последние дни, когда тосковала книга оторваться от меня, помогли мне выжить в этом разрешении от бремени.

Постижение:

СПАСИБО, ИИСУС ХРИСТОС, ЗА ДАРОВАННУЮ ЛЮБОВЬ. ВЕРОВАТЬ СМЕЮ В СВОБОДЕ БРАТА ТВОЕГО, ЧТОБЫ ИСКУПИТЬ В ВОСКРЕСЕНИИ БОГОМАТЕРИ НАШЕЙ, В ПОСТРОЕНИИ ЦЕРКВИ ВСЕЛЕНСКОЙ, ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ НАШЕГО РОЖДЕСТВА. В ОБРЕТЕНИИ МАТЕРИ НАШЕЙ ЖИВОЙ ПОСТИГАЮ ЕДИНСТВО ЖИВОГО БОГА ВО ВСЕХ ИПОСТАСЯХ. ОБНОВЛЕНИЕ, ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХА СВЯТОГО, ИСКУПЛЕНИЕ ЕГО ОТ СМЕРТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТИГАЮ В ЛЮБВИ К НЕМУ, В РАДОСТИ О НЕМ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ОБЛЕКАЕТСЯ В ТРОИЦУ, ГДЕ И ОН СУТЬ ОТЕЦ, СЫН И ДУХ СВЯТОЙ.

$1+2+3+4! = 10.$

ПОСЛЕСЛОВИЕ о конвенциях языка

Все мы, человеки, говорим об одном и том же: о путях своих к Богу, об обретении Его, о постижении откровения Христа о Троице, о крещении в нее, которое и Он обрел лишь после Гефсиманского сада и распятия себя на кресте.

Религия до просветления в Христе двигала и движет человека по путям обожествления себя, которое приводит к самоубийству нации в нацизме, народа в мессианстве, человечества в антропомании. Просветление земли Христом Иисусом было в рассечении мечом Его нашего сердца в любовь, в обретение нами **ОБРЕЗАННОГО СЕРДЦА**.

По учению Пифагора начало всего есть единица, затем из единицы происходит **НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ДВОИЦА**, подчиненная единице, как материя своему виновнику, из единицы и неопределенной двоицы происходят числа, из которых можно построить весь мир, ибо они могут составить **БОЖЕСТВЕННУЮ ЧЕТВЕРИЦУ**: $1+2+3+4 = 10$.

В Ветхом и Новом Завете записана история четырех состояний, где первым был Адам, в бессознательном сне которого была вынута Ева, чтобы их стало **ДВОЕ**, **ДВА**, неопределенная двоица Пифагора, которая подчинена единице, как материя своему виновнику, как хаос подчинился Духу Божию, чтобы обрести двоицу, то есть множественность миров, ибо число «2» — это число множества.

Единица и неопределенная двоица образуют число «3»: $1+2 = 3$. Но уже в этой записи отсутствует запись о неопределенности, ибо если поставлен знак равенства, то это означает обращение к себе, это записана не дурная линейная бесконечность прибавлений, а виток, тяготение к себе, равенство в себе, связь. Единица и неопределенная двоица **УЗНАЛИ**, что они равны трем, что они **ПРЕВРАЩАЮТСЯ** в число «3», становятся чем-то равным себе и уже чем-то другим, то есть их прежнее неопределенное знание о виновнике и материи заменяется осознанием этой зависимости, освящением ее, а суть этого знания заключена в превращении в другое число, то есть в убиение прежнего. Осознание своего происхождения, уничтожение неопределенности связано пуповиной с освящением необходимости перехода из одного состояния в другое. В Вечной Книге этому третьему состоянию отвечает запись о Христе Иисусе. Иисус Христос сказал, что крещен Духом Святым смертей человек, то есть Он очнулся от бессознательного сна Адама, узнал и открыл число «3» взамен неопределенной двоицы.

Итак, мы имеем теперь в мире $1+2+3 = 6$.

Знак равенства постигнут нами, как обращение к себе, как узнавание себя, поэтому, если к этим открытым в мире числам не приба-

вить число «4», то это равенство будет вечно обращаться на круги своя, давая дурную бесконечность чисел 66666... Эти цифры 666... записаны в откровении Иоанна Богослова в его Апокалипсисе, записаны как число ЗВЕРЯ, как формула его.

Для того, чтобы обрести число «4», которое выведет нас из дурной звериной бесконечности, необходимо прибавить к единице обретенную тройку, то есть записать $1+3 = 4$. Это четвертое состояние записано в конвенциях Нового Завета как Христос Грядущий.

Здесь же заложен и выход в Богочеловека, чтобы уничтожить в человеке Зверя. Откровение Христа Иисуса состоит в том, что это ПРИБАВЛЕНИЕ необходимо сделать ВОЛЬНЫМ, ЛЮБОВНЫМ актом: $1+3! = 4$, чтобы убрать дурную бесконечность 666..., а обрести $1+2+3+4! = 10$, обрести Божественную Четверицу Пифагора. Появление числа «3» не нуждалось в усилии сознавшего себя человека, число «3» получается от прибавления к единице неопределенной двойцы, число же «4» можно получить лишь после осознания своего происхождения ВОЛЬНЫМ актом веры, осознанным актом прибавления к Единице, к Первоедице числа «3», осознанным крещением в Святую Троицу.

Соединив этот волевой акт в получении числа «4», мы уже тем самым ВОСКРЕШАЕМ ЕДИНИЦУ: $1+2+3+4! = 10$, Воскрешаем Первоедицу в число «10», в котором вся полнота мира. Мы искупаем тем самым виновность за ПЕРВОРОДНЫЙ грех рождения из Единицы двойцы, которая есть множественность миров вселенной. Тем самым мы обретаем Живого Триединоного Бога, где все Его ипостаси, суть: Отец, Сын и Дух Святой, — воскрешены, искуплены нами в радости о смерти, в радости о Духе Святом.

После открытий начала века стала тривиальной истина о принципиальной возможности прекращения закона НЕОБРАТИМОСТИ во времени. Непросветленность Христом Иисусом заставляет наиболее серьезных ученых вводить понятие «соотношения неопределенностей», соотношения неопределенной двойцы Пифагора; волны и корпускулы, которые подчинены Единице, как материя своему виновнику. Крещение в Духа Святого дало бы им возможность снять противоречие не в «соотношении неопределенностей», а в Святой Троице Разума. Постигание правды о Духе Святом, житие в радости о Нем, в воскрешении Его, единственно дает необходимую возможность в повороте времени вспять, в свой обо-

гащенный виток назад к Первоначалу, чтобы родить ЖИВУЮ ПРАМАТЕРЬ ВСЕЛЕНСКУЮ, чтобы стать Ею, чтобы прекратить время, которое одно только и несет смерть во вселенную.

Безусловно, что такая забота не может быть заботой властей века сего.

ЧЕРЕЗ БОГОЧЕЛОВЕКА ХРИСТА ИИСУСА ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ БОГОМ, ОБРЕТАЕТ БЕССМЕРТИЕ, ЧЕРЕЗ ГЕФСИМАНСКИЙ САД ВХОДИТ НАЗАД В САД ЭДЕМСКИЙ.

ИНОЙ ПУТЬ ЗАКРЫТ ПЛАМЕННЫМ МЕЧОМ ОБРАЩАЮЩИМСЯ, СОЛНЦЕМ, СКОРОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОТОРОГО МЫ НЕ МОЖЕМ ПРЕОДОЛЕТЬ В ОДНОМ ЛИШЬ НАУЧНОМ ОПЫТЕ.

Церковь или ООН могли бы организовать центр землян, которые бы занялись записями о мире в разных конвенциях языка, ибо ведь ясно, что пульс Бога ударяется в удар жизни человека, и потому Его ДНИ это нечто более долгое, чем дни человека, скажем, СОРОК ДНЕЙ, что постился в пустыне Христос, составляют что-то около двух миллионов человеческих лет, то есть подтверждают, что перволюди появились в эти сроки. И т.д. — труд сей научный уже не под силу ОДНОМУ.

АЛЬФА И ОМЕГА

АЛЬФА И ОМЕГА: ХРИСТОС ЕСТЬ МИР НАШ, СОДЕЛАВШИЙ ИЗ ОБОИХ ОДНО И РАЗРУШИВШИЙ ПОСРЕДИ ПРЕГРАДУ, УПРАЗДНИВ ВРАЖДУ ПЛОТИЮ СВОЕЮ, А ЗАКОН ЗАПОВЕДЕЙ УЧЕНИЕМ, ДАБЫ ИЗ ДВУХ СОЗДАТЬ В СЕБЕ САМОМ ОДНОГО, НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, УСТРОЯЯ МИР, И В ОДНОМ ТЕЛЕ ПРИМИРИТЬ ОБОИХ С БОГОМ ПОСРЕДСТВОМ КРЕСТА, УБИВ ВРАЖДУ НА НЕМ; И, ПРИШЕД БЛАГОВЕСТВОВАЛ МИР ВАМ, ДАЛЬНИМ И БЛИЗКИМ, ПОТОМУ ЧТО ЧЕРЕЗ НЕГО И ТЕ И ДРУГИЕ ИМЕЕМ ДОСТУП К ОТЦУ В ОДНОМ ДУХЕ.

БОГООСТАВЛЕННОСТЬ

*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты
Меня оставил?*

Мк. 15, 34

*Так Бог в экономике Своей положил,
чтобы покупали вечную жизнь
произвольною смертию.
Не хочешь умереть произвольною
смертию и жить вечною жизнью?
И вот ты мертв!*

Св. Симеон Новый Богослов,
«Слово 82-ое»

1. Определение теологии
2. Христос жестокий
3. Иисусова молитва
4. Учение Св. Симеона Нового Богослова об иерархии

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕОЛОГИИ

А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели, и не имеете слова Его пребывающего в вас, потому что не веруете Тому, Которого Он послал.

Ин. 5, 37–38

Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зр и т и с а м о г о Б о г а: в чем крайнейший предел благ. Посетив такое сердце, Бог удостоивает Духом начертать на нем Свои письмена, как на скрижалях Моисеевых, в такой мере, в какой оно само взрастило себя доброю деятельностью и созерцанием.

Св. Максим Исповедник,
«Умозрительные и деятельные главы»

Теология есть манифестация постигнутого человеком в духовном опыте встречи с Богом Живым и Личным, Богом Авраама, Иакова и Исаака, Богом Иисуса Христа. Есть максимальное возможное свидетельство о том, что Бог, как Живая Личность, счел необходимым и нужным открыть о Себе созерцателю, вошедшему в созерцание по вере Христу, Который сказал: «кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам» (Ин. 14: 21). Видевший же Сына, видел и Отца. Такое определение теологии представляется самодостаточным. В широком смысле теология может выливаться в манифестацию-благовестие, как оглашение, как трансляция пребывающего слова Божьего вовне через словесные символы, воспринимаемые тварными рецепторами. В тесном смысле теология всегда есть

Е в х а р и с т и я, творение Воли Божией в молитвенном распятии духовного уровня в в о с п о м и н а н и е Спасителя, есть окормление духовным хлебом для необходимого жизненного существования. Во всех иных рассуждениях о Боге, вмещенных в н е опыта встречи, необходимо опознавать п и л а т и з м, то есть постановку вопроса «что есть истина?». Такие рассуждения всегда рационалистичны, приводят к пантеизму, как оборотной стороне атеизма. Учителя Православия определяют теологию и христианскую философию как у м н о е д е л а н и е. С некоторых пор неверия Спасителю выход в созерцание Бога Живого считается трудным или даже н е в о з м о ж н ы м. Тогда как этот опыт есть лишь, обретение ч и н а А д а м а, становление из персти земной душой живою. После встречи в чине Адама с Живым Богом н е о б х о д и м о е щ е пройти испытание, устоять в Божественной Любви, обрести силы свыше во встрече с Третьим Лицом Троицы, во встрече с Утешителем. Только п о с л е этой осознанной встречи с Духом Святым можно по учению Св. Симеона Нового Богослова принимать учительские должности и церковные чины.

2. ХРИСТОС ЖЕСТОКИЙ

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня.

Мф. 10, 34, 37–38.

А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие Божие.

Лк. 9, 59–60.

- ВОПРОС Весь контекст написанного и говоренного вами приводит к необходимому в своей естественности вопросу, который я и хочу задать вам прежде других.
- ОТВЕТ Задайте этот вопрос.
- ВОПРОС Вы видели Бога Живого? Вы видели Прославленного Христа?
- ОТВЕТ Да, я видел Его.
- ВОПРОС Мне хотелось бы втянуть вас в беседу, тем более, что я странно ощущаю, что вы знаете мои мысли, прежде, чем они оформятся в символы слов и звуков.
- ОТВЕТ Вы хотели задать вопрос или вопросы?
- ВОПРОС Конечно, вопросы.
- ОТВЕТ Задавайте все вопросы.
- ВОПРОС Что это означает в и д е т ь Бога?

- ОТВЕТ Это — хороший вопрос. Действительно, всегда важно подчеркивать диалогичность встречи, где примат принадлежит Богу. Увидеть Бога Живого, как Личность, означает не больше и не меньше того, что Он пришел и посмотрел на тебя, и ты не можешь Его не увидеть.
- ВОПРОС Но это и есть, если быть последовательным, всевозможные оттенки «моно», против которых вы так резко поднимаетесь, защищая свободу человека и синергию в сотрудничестве с Богом?
- ОТВЕТ Я не защищаю свободу человека, я ее утверждаю. Моноволя Бога проявляется в первоакте Творчества. Адам видел Бога Живого, общался с Ним, и тем не менее смог согрешить по свидетельству Моисея, смог отказаться от Бога, отвернуться от Него. Встреча с Личным Богом необходима человеку для осознания себя, как свободного существа, восстановленного от рабства этому миру. Но эта встреча отнюдь не лишает его возможности забыть о ней, забыть о Боге. Строго говоря, только после встречи с Личным Богом я и могу предать Его, оставить Его. Встреча — лишь начало жизни.
- ВОПРОС Соответствует ли это положение вероучению Церкви?
- ОТВЕТ Церковь не есть абстракция, а суть форма жизни, свидетельствуемая отдельными людьми. Думаю, что сказанное мной не противоречит свидетельству Писания о наказе Прославленного Христа ученикам находиться в молитве, пока они не укрепятся силою свыше. В Пятидесятнице. Эта сила обретается подлинно, как шум сильного ветра, как шум вод многих. Здесь крестись с огнем, светом.
- ВОПРОС И вы испытали это?
- ОТВЕТ Да.
- ВОПРОС Вы твердо знаете о своем искуплении?
- ОТВЕТ Да.
- ВОПРОС Скажите, вы, так сказать, сообразуетесь с конкретной исторической ситуацией вашего существования

в Советской России, где размеренная жизнь в Православии не возбраняется, но подобные заявления приводят к освидетельствованию в сумасшествии? Тем более, что нынешний опыт видимых христианских общин в о о б щ е противоречит тому, что вы утверждаете как н а ч а л ь н ы е ступени христианской жизни, то есть созерцание Личного и Живого Бога? Тем более здесь, где уже епископ Антоний Храповицкий обвинял священника П.Флоренского за его книгу «Столп и Утверждение Истины» в хлыстовстве?

- ОТВЕТ Я думал об этом, но это меня не занимает всерьез.
- ВОПРОС Что же вас занимает всерьез?
- ОТВЕТ Мне хотелось бы у с т о я т ь в Его Любви. Хотелось бы оправдать Его замыслы о человеке.
- ВОПРОС Но ведь вас могут просто убить, отдать в руки безбожной власти?
- ОТВЕТ Я не думаю, что сейчас это возможно без разрешения Божьего.
- ВОПРОС Значит, если...
- ОТВЕТ Да. В этом случае Он дозволит прекратить мои усилия устоять перед Ним в этом теле.
- ВОПРОС Вы не боитесь?
- ОТВЕТ Отчего же. Побаиваюсь. Как бы это вам сказать... я, пожалуй, н и к о г о не боюсь, но я не могу сказать, что я н и ч е г о не боюсь.
- ВОПРОС Вот и любимый вами Симеон Новый Богослов, и Павел, да и многие другие, рассказали о своем опыте Богообщения, а Симеон даже настаивает на подобном акте, утверждая, что нечестно скрывать благодеяния Божии?
- ОТВЕТ Боюсь, что мое вменение того, что Он явил мне, будет малоутешительным для людей. Я сам вот уже около двух лет не могу придти в себя от Его Любви.
- ВОПРОС Это звучит странно. Скажите, вы могли бы сказать вместе с Павлом, что ваше евангелие-благовестие обретено вами от Бога, а не от людей?
- ОТВЕТ Да.

ВОПРОС Как же вы говорите, что в вашем вложении мало утешительного для людей? В чем тогда ваше благо-
вестие?

ОТВЕТ Думаю, что в принципе в том же: люди абсолютно свободны, и Бог есть Любовь.

ВОПРОС Но это же так прекрасно!

ОТЧЕТ Да, вероятно. Но я все больше и больше начинаю вмещать с т р а х и т р е п е т пред Божьим За-
мыслом и Промыслом о нас. Поэтому я и сказал, что
мое вложение Его любви, Его Абсолютности, как
Одной Любви, малоутешительно для нас в нашей
столь же абсолютной свободе. Я не случайно не-
сколько раз употребил глагол у с т о я т ь. Мало кто
может устоять в Его Любви. Пока устоял до конца
лишь Иисус Назорей, за что и прославлен выше вся-
кого Имени под небесами. Да, Павел знал э т о. Ина-
че бы он не сказал, что с т р а ш н о впасть в руки
Бога Живого. Христос, Бог, страшен в Своей абсо-
лютности Любви, жесток в ней. Да, я, если бы мог
абстрагироваться от всего накопленного опыта
Св. Предания и Св. Писания, говорил бы о Христе
Жестоком, хотя и Писание свидетельствует об этом,
но люди по своему хотению акцентируют те или
иные места его. Да, Бог страшен именно потому, что
суть Любовь, что Он не имеет никакого отношения
к нашему миру, которым княжит иной. Вы знаете,
я вам, пожалуй, приоткроюсь. Я из тех, кого Он по-
звал, сказав, что идти надо немедленно, что все
остальное уяснится в пути, что надо встать и идти,
как пошел Авраам из земли отцов, встать и идти,
предоставив мертвым хоронить своих мертвецов.
Он слишком часто заставлял и заставляет меня по-
нимать нешуточность своих слов: н и к т о, возло-
живший руку свою на плуг и озирающийся назад, не
благонадежен для Царствия Божьего.

ВОПРОС Вы дерзали с ним спорить?

ОТВЕТ Да. Он любит меня, и я часто чрезмерно пользуюсь
этим, бунтуя против Его жестокой Любви. Но, как

и частное исследование Иова, мое вмещение приводит меня к поклонению и благоговению перед Ним, а не только к любви влюбленного. Когда озираюсь назад, я почти не могу подняться, чтобы идти дальше. О, если бы люди были серьезны! Если бы они могли понять **н а с к о л ь к о** Царствие Его не от мира сего! Обычно употребляют понятие **д у а л и з м а**, чтобы упрекнуть евангелиста Иоанна в его свидетельстве. Но Иоанн воистину был **л ю б и м ы м** учеником, поэтому, быть может, один из всех так **б е з ы с х о д н о т и х** он в своем рассказе. В нем, Иоанне, нет уже вовсе этого мира, хотя я не хочу выделять никого из первых. Павел близок всем нам, как свидетель о возможности и необходимости Живой Встречи с Прославленным Христом для апостольства, как призыв к поиску этой попадающей встречи, которую можно или впустить в себя, чтобы она стала кровию и плотию твоей, чтобы не ты жил, а Христос в тебе, или отринуть в своей свободе. Такая возможность есть, можно стать под княжество этого мира и после встречи с Ним. Ибо этот мир не в Боге живет, катастрофически, несоизмеримо далек он от Бога.

ВОПРОС

Но он может придти к Богу?

ОТВЕТ

Да. Это, знаете, стало расхожей фразой: мир во зле лежит, но раз лежит, то может и встать. Мне такие шутки не очень нравятся, чтобы не сказать, что мне вообще не нравятся шуткования с Богом и Его учением. Нет, мир лежит во зле. Если бы он встал, то он бы не лежал.

ВОПРОС

Вам близок опыт Павла?

ОТВЕТ

Он близок всякому, кто видел Бога Живого, после Его служения на земле, после убиения Его и Прославления.

ВОПРОС

Чему же, по-вашему, учит Павел?

ОТВЕТ

Его послания общинам и его пастырские послания очень конкретны. В них уже предполагается предварительное устное **о г л а ш е н и е**. Можно, конечно,

войдя в молитвенное общение с Павлом, узнать все подробности его мудрости для совершенных, но не стоит отрывать его от созерцания Лица Божьего. Думаю, что основа его проповеди, как и вообще христианской проповеди, каменится на исповедании Св. Креста Животворящего. Да, Павел учит Кресту и одному Кресту. Он знает о Кресте все. И это в с е о Кресте может открыть только Бог во Христе и в Духе Святом.

ВОПРОС

Я понимаю вас, когда вы говорите, что очень трудно абстрагироваться от исторического опыта христианства, но тем не менее (или более!), быть может, вы сформулируете узнанное **н е п о с р е д с т в е н н о** в созерцании, словно **в п е р в ы е**?

ОТВЕТ

Кажется, Н.А.Бердяев сказал, что слово оригинальность предполагает близость к оригиналу, а не собственный эпатаж. Я вряд ли выскажу что-нибудь оригинальное в дурном оттенке этого слова, хотя мои суждения будут носить личностную окраску. Вы знаете, я очень смеялся, когда прочел слова Симеона Нового Богослова о том, что хоть мы и повторяем слова древних, но все же это **н а ш и** собственные слова, смеялся потому, что один мой знакомый священник именно сказал, что я лишь повторяю уже прежде сказанное, причем подразумевалось, что я это хорошо вызубрил по книгам, а не подслушал у Бога. Вы ставите вопрос в противоположной заостренности, подвигая меня к абстрагированию от узнанного в записанном прежними. Что же, я попытаюсь сейчас обдумать это, хотя такая постановка вопроса мне не приходила в голову, **Что бы я сказал людям в п е р в ы е**? Не зная даже того, что знал Павел? То есть того, что некоторые из его народа стали проповедовать воскресение из мертвых Иисуса Христа, Боголичность в единении с человеческой личностью? Ну, что ж, я бы сказал следующее: вы — боги! сотворите человека!. Сделайте это так, как это сделал Вседержитель. Для этого вам нужно крепко

понять только одно: то, что вы представляете из себя в эмпирическом состоянии — не человечность, это, вообще, ничто, небытие, которое вы можете призвать к бытию, чтобы сделать себя человеком. Если вы не сделаете этого, то останетесь ничем, не призванными к бытию, не начавшими быть, ибо начало бытия лежит чрез приход Господа, чрез Имя Иисуса Христа. Но вот, я ловлю себя на мысли, что нечто похожее говорит Моисей во второй главе Бытия? Я бы сказал, что тем, кто не прельщен этим миром, сделать это не трудно. Поэтому, вероятно, сделать это проще всего рабам, закованным в цепи своего отчаяния. Что нужно сделать конкретно? Необходимо собственное небытие, как основу видимого тварного мира, распять, вознести на Крест, крестить себя, вос-кресить, ибо Крест Господень Животворит. Вот, пожалуй, и все. Да, я научил бы тех, кому благовествовал путь спасения, как взойти на этот Крест, т.е. научил бы их внутренней непрерывной молитве, ну и, естественно, помог бы им, дав им начаток фаворской энергии. Пройдя этот путь, человек необходимо познает Христа, станет «душою живою» из персти земной, сделается свободным. А там уж его дело. Сумеет ли он устоять перед Богом, или нет.

ВОПРОС Именно поэтому вы и утверждаете сверхдуализм мира и Бога?

ОТВЕТ Я не понимаю этого бумажного термина. Бог обретается Крестом. Необходимо уничтожить, умертвить небытие, смертью смерть поправить, крестить небытие, которое нам кажется жизнью, и полной жизнью. А теперь я, кажется, повторяю иными словами откровение благовестия Иоанна: все, что начинает быть, начинает быть всегда чрез Личностную встречу с Логосом, Словом. Необходимо только понимать вневременность этого акта. Отец и до с е л е делает! Всегда, а не только в том, что понимаем мы, как прошлое. Как видите, очень трудно абстра-

гироваться от засвидетельствованной Истины, она выражена в Новом Завете, и никакого другого Завета ждать нечего. Мне, повторюсь, Бог открывается лишь жестокой истинностью Своей Любви. Он не вмещает иного языка, кроме языка Креста и Любви. И мне это представляется страшной катастрофой для человечества, которое не может снести этого абсолютного доверия к нему, абсолютного доверия к добру, которое оно может свободно исповедать.

ВОПРОС Вы, вероятно, знаете слова Н.Бердяева о том, что его спасало от атеизма иное осмысление промысла Божьего, по которому Бог открывает Себя в пророках, и в Сыне, а не руководит этим миром?

ОТВЕТ Да. Я читал его «Самопознание». Но мне кажется, что Бердяев не созерцал Спасителя. Он был, по преподобному Максиму, на фазе интуитивных постижений, он был богоискателем, а не богоприимцем. Он еще не встретил Его, чтобы устоять перед Ним.

ВОПРОС Вот опять это слово *у с т о я т ь*? Почему устоять? Разве Он не Благ?

ОТВЕТ В этом пункте наш разговор напоминает историю слепого и глухого. Он — САМОЕ БЛАГО, понимаете? В Нем *н е т* тьмы, понимаете? Он не может помочь тьме, ибо не знает, что это такое. Как бы вам это сказать, ну вот, скажем, человек, или ребенок, который не знает, что такое ложь или воровство, не может понять лжеца или вора, понимаете, *а б с о л ю т н о* не может?

ВОПРОС Но Христос же вместил наши грехи, перенес наши страдания? Он помнит и знает?

ОТВЕТ ОН — БЛАГО! И это пронизало меня. Очень возможно, что я говорю вам мудрость совершенных, а не тех, кто еще кормится молоком, ибо совершенные берут грехи на себя, сгибаясь от Его Любви и Его доверия, сгибаясь, чтобы устоять, Я говорю, что Бог *С Т Р А Ш Е Н* в своей детской Любви!

ВОПРОС

Мне кажется, что я в чем-то понимаю вас. Для того, чтобы мы были абсолютно свободны, Бог не должен знать о злом аспекте свободы, иначе бы Он вмешался.

ОТВЕТ

Он вмешивается, но через Любовь. Он есть. Он я в л я е т Себя. И больше ничего, понимаете? Он — Тот, Кто Есть. Сам. Первый и Последний. Не может измениться, ибо тогда Он перестал бы быть Тем, Кто Есть. Я бы говорил людям о честном отношении к Богу. Если Он говорит, что нужно оставить мать и отца, сына и дочь, чтобы придти к Нему и стать Его учеником, то надо слушать эти слова, слушать и содрогаться от их нездешней холодности. Не нужно делать Его либералом или коммунистом, это глупо и недобросовестно, или — мне нравится это слово — просто нечестно. Зачем делаться шулерами в честной игре? В этой честной игре надо устоять, ибо Он слишком Любит нас, чтобы поверить в то, что мы слабы и подлы. Он может Любить нас только С в о е й Любовью! О, я много раз молил Его об отмене Его несоизмеримых критериев любви, которой Он Любит меня. Слишком уж она б о ж е с т в е н н а, эта любовь, слишком нечеловечна! Держись, держись, сынок, тело твое страждет, но ничего, Я В Е Р Ю тебе, ты у с т о и ш ь! Устоял же Иисус Назорей? Устоял даже тогда, когда Я О С Т А В И Л Е Г О? Вы понимаете, вы, задаватель вопросов, что означает эта Б О Г О О С Т А В Л Е Н Н О С Т ь? Являясь нам, Он оставляет нас со Своей Мерой Любви. Да. Да. Я бы говорил только о Кресте Его Любви, только о кресте, который каждый должен поднять и идти. Неужели вы не вмещаете У Ж А С А Е Г О Л Ю Б В И? Как и мать, живущая материнской любовью и к сыну-праведнику и к сыну-убийце, будет любить убийцу, как и праведника? Ужели вы не вмещаете ужаса Его прощения Каина? ОН — ЛЮБОВЬ. Он любит доброго и злого о д и н а к о в о, ибо не может быть Иным, чем Есть. И мы о д н и з д е с ь на земле в Его Любви. Он нам — не помощник.

ВОПРОС

Согласен, что сейчас мало говорят о Кресте.

ОТВЕТ

Трагизм нашего существования состоит в том, что мы наделяем Его нашими качествами, а Он нас — Своими. Но Он — Первый и Честный в мистерии, и Он, конечно же, выигрывает, выиграл уже, ибо Иисус Назорей, как человек, ответил Его критериям. Зело добро! Он сказал это. И сказал в Иисусе подлинно. Каждый думает только в тех измерениях, которые ему свойственны. Мы можем совершенствоваться, но Он-то Один и Тот же, Он просто не может помыслить о нас иначе, чем о Себе. Вот в чем Он несоизмеримо жесток к нам, к нам, ко мне, в частности, ибо надо устоять перед Ним, ответить Ему той же мерой, которой мерит Он. Мы можем сколько угодно ронять кровь в своей Гефсимании, ибо страждем за мертвецов, сколько угодно стенать о том, зачем Он нас оставил? Он оставил нам, сынам человеческим, мир так же, как Отец оставил этот мир Ему, Христу. И Христос честен с нами. Разве не крест приял Он? Как же ученики собираются обойтись без креста?

ВОПРОС

Вы полагаете, что люди уже повзрослели настолько, чтобы им можно было говорить вот такое?

ОТВЕТ

Я говорю то, что сумел вместить из явления Его. Да, мы все в Гефсимании. Мы оставлены Им, чтобы стать подобными Ему, как то сделал Иисус Назорей. Он вместил богооставленность, как критерий абсолютной Любви и доверия, и стал Сыном Божиим, Первенцем. С той поры сыны человеческие должны становиться Божьими, чтобы спастись. Я всегда говорил, что теология — вещь опасная, ибо она свидетельствует о познанном во встрече с Живым Богом, и поскольку Он Один и Тот же, то неподлинными могут быть лишь слова о Нем, ибо они всегда записываются человеком, хотя и открываются Духом Святым. Я лично, прежде, чем писать, всегда требую от Него суда над собой за лживость или неумелость. Но Он любит меня, и я осужден на всег-

дашнее знание несовершенства, чтобы не сказать несовместимости, своих свидетельств на бумаге Оригину. Правда, я думаю, что люди достаточно требовательны к себе, чтобы не угнетаться буквой, а слышать смысл и дерзать живой встречи, а не спора о словах. Бог доверяет нам. Доверяет посланникам, знает слишком хорошо, что они не станут лгать, что если и говорят что-либо, то лишь для того, чтобы привести к покаянию некоторых.

ВОПРОС

Можно ли продолжить мои вопросы?

ОТВЕТ

Да, пожалуйста. Хотя я посоветовал бы вам не пытаться меня, а попробовать заняться покаянием, умным деланием, Иисусовой молитвой. Сиди, говорили древние, в келии своей, и она научит тебя всему.

ВОПРОС

Вот вы живете в Советской России, вам тридцать семь лет, и уже два года вы совсем оставили прежние дела и живете молитвенной жизнью. Скажите, как это с вами произошло?

ОТВЕТ

Я же сказал вам, что Он пришел и позвал меня, взглянув на меня. Я долго собирался, ибо ничего в общении в силу нашего воспитания не знал о Боге, а потом пошел, спотыкаясь, ища поддержки.

ВОПРОС

Где?

ОТВЕТ

К сожалению в книгах, а не в живом опыте. Священники, как минимум, не понимали меня. А потом — В Н Е М, и только в Нем. Я не могу сказать, что дошел до этого сам, нет, скорее всего меня заставляли обстоятельства апеллировать только к Нему Самому, я ведь не был теологом, как Павел. Я читал книжки, вспоминал Его Лик, плакал, учился молиться. Было и радостно, и тяжело. Сейчас я кое-что смыслю в вере.

ВОПРОС

Исихастское учение о свете невечернем подтверждалось в вашем опыте?

ОТВЕТ

Да. Свет славы Его предидет пред Лицом Его, и без света Ему невозможно явить Себя, — так сказал Святой Симеон, и сказал навечно. Я ничего не знал об этом. Воистину, моя левая рука не ведала, что тво-

рит правая. Представляю себе Его н е д о у м е н и е. У меня светились руки, когда я писал, бумага, капали слезы, ночь сияла белым искристым снегом, в предутреннем сне я читал синие письма на пронзительной белизны листах Писания, почти как Мухаммед, видел святых, Божью Матерь, Его — младенцем, и считал, что это и есть норма жизни. Я не подозревал, что это достаточно высокие ступени покаяния. Я слишком не хотел жить тогда, и много-спонтанно писал, чтобы не умереть. Потом Он я в и л с я Сам. Я видел Его лицом к Лицу, как на древних иконах Спаса Оплечного. Только без бороды, в несказанной синеве и белизне. Если бы я умел иконописать, я засвидетельствовал бы новую икону: Спас, Духа не угашайте! Он есть Жизнь и Любовь. Все остальное в сравнении с Его Ликом — не жизнь, настолько Он жив, не любовь, настолько Любовь Он. К этому времени я набрел по сновидческой указке на «Добротолюбие», и сильно утешился, ибо там было написано то, что я считал жизнью в Боге и чего не встречал в российской конфессии. Освоил молитву. Правда, она совершалась лучше всего, когда я меньше всего хотел стать святым, а, скажем, плакал о Христе и жалел Его за муки, как своего сына. Потом был, длится и сейчас, ряд восхищений. Свет вижу постоянно. Но, поверьте мне, все это — ерунда в сравнении с Крестом Его, с Его мерой Любви. Он просто смотрит на вас, и вы делаетесь ничем, грешником. Это, пожалуй, все, что я хочу вам сказать в подтверждение исихастского опыта. Я писал об этом. Кроме того, исихазм, как таковой, немислим без учителя и ученика, как и вообще всякая аскеза. Я не могу назвать себя исихастом в тесном смысле слова: Он позвал меня, и я пошел за Ним.

ВОПРОС
ОТВЕТ

А до этой Великой Встречи?

Года за три до этого я прочел впервые Евангелия. Я не знал всего протестантского и ренановского шума по поводу них. Я понял, что в них написана

п р а в д а. Странно, но я совсем не обращал внимания на такие «соблазнительные» вещи, как непорочное зачатие, воскресение и пр. Я думал только о том, что Человек, который может учить тому, что н а д о благословлять врагов и молиться о побивающих тебя камнями, или с у м а с ш е д ш и й, или з н а е т о людях что-то такое, о чем мы не подозреваем, как биологические системы, ибо, конечно же, ни о какой «борьбе за существование» здесь речи нет. Вот все эти года, чтобы я ни делал, я думал только об этом, и только об этом. Потом началась вся эта история со свечениями и снами, а потом пришел Он, чтобы заявить о Своей сумасшедшей Любви и сумасшедшем Доверии к людям. Он, действительно, Сумасшедший, если считать нас за норму.

ВОПРОС

Вы говорите, что вам было ж а л к о Христа, что вы плакали о Нем, как о своем сыне?

ОТВЕТ

Да. Вы знаете, что со времен Климента Александрийского, к Иоаннову Евангелию относятся, как к «духовному», что справедливо по-своему, но именно оно пронзительно исторично в описании постоянной охоты иудеев за Иисусом. Любимый ученик рисует какую-то уголовную историю: они только и делали, что брали камни, чтобы убить Его. Да и братья Его? Помните, как они гнали Его на праздник, а Он сказал, что еще не Его время, а для них «всегда время»? «Они все время хотели убить Тебя, малыш?» — так плакалась во мне печаль о Нем. К этой печали добавилось теперь и знание Его о Любви Отчей, что добавляло Ему хлопот и тягот, как человеку. Я сейчас скажу вам, пожалуй, одну вещь, которую вряд ли придет в голову вопрошать, настолько она, эта вещь, кажется неотмирной. Православию, как подлинной жизни в Божьем Кресте, необходимо сформулировать с а м о с о з н а н и е Христа Иисуса. Ведь в какой-то момент Иисус, как человек, должен был необходимо о с о з н а т ь или п о в е р и т ь, что Он и Отец Едино? Да. Вопрос самосознания По-

мазанника — самый главный вопрос Православия, много важнее положений об апостольской иерархии и подлинном преемстве, которые уже сформулированы Св. Симеоном Новым Богословом и нужно лишь, чтобы Собор православия облек это в форму догмы.

ВОПРОС

В пустыне Сатана приступил к искушениям уже с вопроса: е с л и Ты Сын Божий, то...? и т.д. Значит Иисус уже знал в сердце Своем, знал и сказал: Я — Сын Божий.

ОТВЕТ

Евангельские записи говорят о свидетельстве Отца на Иордане, о свидетельстве Крестителя, но... для самосознания, для веры в это — этого мало. Первый Адам имел ведь подобный опыт. Здесь «тайна велия!», но Православие должно открыть ее в молитвенном вопрошании и записать, чтобы исполнить Завет Спасителя: верующий в Меня дела, которые Я творю, сотворит, и б о л ь ш е с и х сотворит! Больше, вы понимаете? Что может быть больше? От чего мерить? Какой мерой? Самосознание Христа — это еще один вопрос о Боговоплощении, о задачах, невероятных задачах, в решении которых надо устоять. Он сказал, что общение с Утешителем. Третьим Лицом Троицы, даст возможность вмещения того, что еще не могли вместить ученики, что Утешитель «грядущее» возвестит. Мы говорим, что Утешитель живет в нашей конфессии, почему же лжем тогда на Него своим неведением? Но оставим это пока. Ведь вы задаете мне вопросы, а не я — вам. Этим последним я хочу ответить на возможные серьезные вопрошания о в е р е, Е г о В е р е н а м, Его Любовном Доверии, а не только нашей вере или неверии Ему. Надо постигать Е г о В е р у в нас, жестокую, неизбывную, неколебимую, Веру-Любовь. Он, Который Тот, Кто Есть, у с т о и т в своей Вере; устоять в ответе Ему — это серьезное дело, поверьте мне. Надо обрести Его Веру в нас, так поверить в свое предназначение, как Бог п о в е р и л в него.

Вы понимаете, что здесь таится? Надо обрести ЕГО УРОВЕНЬ ВЕРЫ В ЧЕЛОВЕКА, чтобы сделаться человеком, чтобы устоять в исполнении Его Замысла о человеке, Иисус Назорей, судя по всему, в этой ВЕРЕ устоял. И сказал: кто лю б и т Меня, тот исполнит, устоит. Ибо Он, Иисус, Любил равночестно Отчей Любви.

ВОПРОС

Мне сейчас вспомнился подслушанный разговор детей. Один ребенок убеждал другого, что человек не мог произойти от обезьяны потому, что д р у г и е обезьяны не поверили бы ему, первому из них, когда тот сказал бы им на своем языке, что о н и о н и т е п е р ь л ю д и. Не поверили бы и убили, или бросили одного, а сами ушли по деревьям прочь.

ОТВЕТ

Да, вновь и вновь понимаешь, как прав Господь, говорящий так высоко о детях, которые мудрее нас и которых мы растлеваем. Я хотел бы поговорить с этим ребенком, ибо мое отношение к убийству Спасителя такое же: люди, как и обезьяны этого ребенка, убили человека, или человеки убили Богочеловека в ответ на то, что Он сказал им об их божественном предназначении. Правда веры состоит в том, что для нее, для веры, не нужно ничего, абсолютно ничего, кроме ее самой, кроме самой акции веры. Доказательства бытия Бога, всегда рациональные, все эти «аргументы» не имеют никакого отношения к вере. Вера есть вера, она самодостаточна в себе, она есть, как свидетельствует Павел, о с у щ е с т в л е н и е о ж и д а е м о г о и уверенность в невидимом. Осуществление ожидаемого, ибо если бы все было осуществлено, то нечего было бы и ожидать, верить. Вера бесконечна, она имеет свои ступени, и восходит к ВЕРЕ как таковой, Вере Бога в нас. Вера всегда есть достижение, бег на длинную дистанцию, можно только удивляться не чувствованию этих положений со стороны и атеистической агитации, апеллирующей к научным доказательствам, и учителей веры. апеллирующих к внешнему авторитету.

тету. И те, и другие, судя по всему, не подозревают об акте веры, как процессе, в себе самодостаточным.

ВОПРОС

Я осознаю свою роль провокатора, ибо постоянно строю свои вопросы в плане феноменальном, но вы согласились втянуться в беседу, и поэтому я прошу вас рассказать все, что вы сочтете нужным и возможным об опыте «восхищения».

ОТВЕТ

Восхищение, вознесение, восхождение, изумление, — все эти символы древних созерцателей описывают состояние переживаемой произвольной смерти, то есть жизненное осуществление веры в животворение Св. Крестом. Восхищению души-ума к Богу предшествует просвещение, понимаемое как реальный факт. Я постараюсь описать состояние восхищения, но сразу оговариваю, что дабы вместить его, его надо пережить. На определенных ступенях молитвенного делания созерцатель видит свет. Этот свет не есть чувственный солнечный свет, как созданная энергия, но несозданная божественная энергия, или, по св. Григорию Паламе, свет фаворский. Солнечный свет, воспринимаемый обычным зрением, как неразложимый поток, на самом деле состоит из «светлячков», пульсирующих вспышек-следов, которые, вероятно, современная наука и определяет как фотоны, кванты. Этот пласт созерцается молитвенником, но это не тот свет, о котором говорят созерцатели. Свет фаворский становится видимым духовному зрению точно также, как и свет солнечный для простого зрения, то есть неразложимым, простым белым сиянием, славой, красотой. Его называют очень точно «благим светом», ибо созерцание его сопровождается удивительной тишиной духовной. Это — третья ступень по Максиму Исповеднику нашего ума-духа, созерцательная способность. Но если продлить молитвенное призывание Имени Бога, то есть творить Иисусову молитву в покое и радости созерцания, то открывается четвертая, молитвенная сила

ума-духа, крестная сила. Восхищение возможно только при обретении не пр е с т а н н о й молитвы во Имя Иисуса в точке сердца. Восхищение переживается р е а л ь н о, как собирание в одну точку всех энергий тела, вы становитесь безмерно «тяжелым», «цепенеете», как говорит св. Исаак Сирий; потом начинается собственно восхищение, остановить которое человек уже не властен. Белый вихрь, неизведанный опыт, вас несут ангелы, мелькают одежды и лики святых, лопаются уши, трещат зубы. лопаются глаза, видится невероятный свет, свет неприступный, с его взрывами сине-белого свечения. Скажем, если б луна взорвалась изнутри синевою неба и золотом солнца? После восхождения бывает и нисхождение; эти два этапа трудно различать. Но возможно. Я, скажем, раз или два, сумел это сделать: мне было ясно, что на нисхождении я видел светящийся и радостный лик апостола Павла, смотрящий туда, откуда я нисходил. Поэтому я и сказал, что не стоит его отрывать от заслуженного блаженства близкого созерцания Бога Живого. Со мной восхищения начались после созерцания лика Живого Бога, думаю, что это — закономерность.

ВОПРОС
ОТВЕТ

Вы описываете переживаемое очень реально. Да, я вообще реалист, чтобы не сказать материалист. Учение Церкви глубоко материалистично, ему чужд докетизм, только оно четко различает божественное естество-материю и человеческое естество-материю, а те, кто называет себя материалистами, останавливаются лишь в похвале последнему. Один знакомый священник на мой вопрос: видит ли он огонь и свет в Евхаристической Чаше, — ответил мне, что я — материалист. Да, я — материалист, мне нравится быть им. Иная реальность связана с крестом и встречей с лицом Духа Святого, но обсуждение результатов этой встречи также считается невозможным среди нынешних священников.

ВОПРОС

Именно поэтому вы так резко ставите во главу угла учение Св. Симеона Нового Богослова об иерархии?

ОТВЕТ

Да. Для них. Для меня самодостаточен мой опыт созерцания. Но вместе с этим Учителем Православия я утверждаю, что отрицание необходимости опытного и осознанного вмещения Духа Святого, — «паче, нежели ересь». Это — просто не христианство, а что-то другое, пользующееся крохами с Христова стола. Павел радовался и о тех, кто проповедовал в его время Христа «хоть и не чисто», я, к сожалению, не могу разделить с ним этой радости, ибо вижу, к чему привело низведение Божественного Откровения на землю в чреде неподлинного апостольства и неподлинного апостольского преемства. Сейчас дерзают утверждать, что созерцание Живого Лица Бога — удел избранных. Нет — это обязанность войти в чин Адама только, стать живым после встречи с Господом. После этой встречи надо устоять до Пятидесятницы, и только после осознанно пережитой встречи с Третьим Лицом Троицы, Духом Святым, можно позволить себе принять церковное служение, Таково учение Св. Симеона Нового Богослова, и я вместил его истинность. До восстановления в чин Адама, вообще нельзя говорить о человеке, а следует повторять слова нынешних ученых о самообучающихся и самовоспроизводящихся машинах на химическом уровне.

ВОПРОС

Я хочу задать последний вопрос, который возник у меня в связи с вашими постижениями о Вере, как о вере Бога в нас, в связи с вашим благовестием: вы — боги! В чем вы видите смысл человеческой истории?

ОТВЕТ

Я опять отвечу лишь одно: устоять, устоять в Его Любви, Его доверии, как устоял Иисус Христос, Первенец. История очень четко делится на два периода: воплощение Единородного, Одного и воплощение Церкви, Царствия Божия, многих. Воплощение Ипостаси Логоса, Одиночное, возможно лишь в историческом Одном. Бог и мир-то создал для воплощения Слова, Ипостаси Сына, оно было предусмот-

рено не только в связи с возможным грехопадением. Воплощение Логоса было бы и без грехопадения. И вот оно произошло. Однажды, единично. Я хочу, чтобы вы услышали меня: свершилось! История закончилась тогда. Бог стал человеком. Но со времен Адама нас развелось слишком много, нас, мертвецов, чтобы решиться оставить нас мертвыми и несчастными, нас, ради которых Иисус продолжил историю. Он взял все на Себя. Спас мир, понимаете? Его смерть, прославление, восхождение к Отцу, обещание умолить Его послать другого Утешителя, послать Третью Ипостась, Лицо Духа Святого, Соборное единение с Которым может дать воплощение не только Единородного, но многих, Царствия Его, — все это спасение мира, продолжение его истории. Так начинается второй этап истории живых и мертвых: имеющие веру получают свет благодати, веру в свое имя Сына Святой Троицы, Сына Божия, в имя Иисуса Христа, а не Логоса, различаемую, но не разделяемую Ипостась Троичности, получают власть стать чадами Божьими. Ибо стать в полноте бессмертия чадами Божьими до Иисуса Христа в массе своей человечество не могло: только Единородный воплощался в народе иудеев, избранном Богом, давшим им закон. Поэтому любимый ученик Иоанн и говорит: закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа, Иисусом Христом бысть. В этом смысл человеческой истории, смысл наших страданий, нашей богооставленности. Отрицание этого смысла синергии есть монофелитская ересь, если пользоваться зафиксированным опытом христианского осмысления, но я мало употребляю эти специфические термины, потому что стараюсь рассказать то, что открывается в созерцании в первые, как вы изволили заметить. Бог честен с нами. Чем больше я обретаю молитвенное умение, тем

больше я проникаюсь благоговением перед Ним, серьезным мужским уважением к Нему, приходящим на смену шалой влюбленности. Он отыскал Авраама, сказал Аврааму, что в семени его, которое есть Иисус Христос, он обретет обетование, что Он, Бог, размножит Авраама, как песок морской. Это семя очищалось в хождении иудеев перед Иеговой. Крестный исход был необходимым Христу, чтобы очистить умерших, чтобы дать возможность живущим [обрести] реальность благодатного причастия в таинственной Богоневесте, Лице Утешителя. Лучше для нас, чтобы Он пошел на крест, помните? Если пойдет, то пошлет нам Утешителя, помните? И как резко определил Он сатаной Петра, когда тот по дороге с Фавора стал говорить о том, что не стоит совершать крестный исход из Иерусалима, о котором Он беседовал с Илией и Моисеем. Бог честен с нами: все, кто теперь захочет придти и пить воду жизни, пусть идет и пьет ее даром. Те же, кто не захочет, кто избирает конечность своего существования только этим миром, свободны избрать и этот путь, «грех к смерти», как говорит Иоанн Богослов. Но эти, избравшие путь мира, не могут называть себя людьми, ибо Он, БОГ, изволил назвать человека, вызвать его к бытию, позвать, наделив именем человека в Свой образ и подобие Свое!

3. ИИСУСОВА МОЛИТВА

Не сможешь возлюбить Бога, если не увидишь Его.

Св. Исаак Сирий, «Слово 74-ое»

Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения церкви Его.

Св. Никита Стифат,
«Деятельные и умозрительные главы»

§1.

Господь посылает Своих сказать внешним о возможности покаяния во имя Его. Поэтому все апостолы повторяют слова пророка Иоила: и будет: **в с я к и й**, кто призовет Имя Господне, спасется.

§2.

Покаяние во Имя Господне — это Иисусова молитва: Господи, Иисусе Христе, Сыне Гожий, помилуй меня! Все законы и все пророки соединены в любви к Богу и ближнему. Нежелание ближнему того, чего не желаешь себе — начало пути покаяния. После этого надо ввести **у м** в сердце и творить Иисусову медитацию.

§3.

Человек, как имеющий по вере во Имя Его **в л а с т ь с т а т ь** чадом Божиим, забывает о своей ответственности и перед собой и перед Богом. Господь в Нагорной беседе открыл **п у т ь** блаженства, которым человек, как **с в о б о д а**, может властно пройти, если не прельщается миром, путь из дарованного Царства благодати в Царство Славы.

§4.

Обычно человек довольствуется постижением бытия через восприятие ощущений и дискурсивно-рассудочное мышление, переже-

ывающее понятия, созданные преждежившими, тогда как медитация и концентрация в Иисусовой молитве открывает в нём скрытые энергии животворящей епархии Духа Святого — Царствия Божия, которое есть внутри!

§5.

Начало интроспективного умного делания в пути обретения Креста Животворящего лежит в отвращении душевного уровня от тварного — в н и м а н и е, обращение к духовному — м е д и т а ц и я, чтобы последующим распятием духовного уровня — к о н ц е н т р а ц и я — войти в причастие — ч и с т а я м о л и т в а — с Богом. В ней надо стоять до обретения полноты единения. Ибо здесь — Церковь, Тело Христово, вечная жизнь.

§6.

Бог рождает человека как Свое Откровение. В Откровении есть онтологичный аспект свободы, поэтому и человек с у т ь творец относительных ценностей, как о б р а з Божий. Вместить Божественную м е р у абсолютных ценностей — путь к у п о д о б л е н и ю Богу.

§7.

Бог дает человеку для ограничений его свободных ошибок «кожаную одежду», как микромир, как образ вселенной.

§8.

Подчинив себе «кожаную одежду», не принимая ее в похоти очей за свое сокровенное «Я», сублимируя энергии микрокосмоса, человек неизбежно восходит в созерцание Бога в Лице Иисуса Христа и с в е т а, как славы Божией. На этом уровне человек не в е р и т Богу, не н а д е е т с я, а л ю б и т Его, ибо невозможно не любить Любовь.

§9.

Уровень познающего «Я» всегда ограничивается формой-пространством. Уровень «Я» в интроспекции размыкается в пространство вселенной, небес в сердце. Это — духовный уровень «Я». Остановка на этом уровне приводит к пантеизму. Чистая молитва вмещает божественный уровень «Я». Вселенная может быть описываема

различными знаками. Созерцательный метод описания символизируется в знаки у в и д е н н о г о, создает язык цвета и света, ибо иерархия всех энергий имеет цвет, стремящийся к единению в «радуге завета» Господа со всей тварью, данного Ною. Эти цвета созерцаются в ясновидении.

§10.

Властно удерживая свое «Я» в чистой молитве, человек вмещает свой подлинный центризм, как х р и с т о ц е н т р и з м, как теоцентризм. Поле вселенной, которое организуют фотоны света, постигается как не свое, так как с в е т есть феномен чистой молитвы, Слова Невидимого Бога, творимого в синергии воли и естеств. «Я» наблюдает поле, вседержит его. Здесь вмещаются слова Спасителя: узнаете, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Здесь вмещается Церковь, как Организм. «Я» претворяется в «Мы».

§11.

Ц е л ь религиозной жизни заключается в возможно полном причастии и единении с Богом. Полнота единения полагает и теоретическое знание, но когда оно становится доминирующим, то философия секуляризируется в г о р д о с т ь ж и т е й с к у ю.

§12.

Естественно, что если бы ясновидящее зрение духа было вскрыто у в с я к о г о человека на земле, то священные символы обряда и церковных служб потеряли [бы] свое назначение, так как каждый (все!) созерцал бы Горний Иерусалим с Агнцем — Вседержителем. Пока этого нет. Священный символизм Божественной Литургии венчается р е а л ь н ы м Присутствием Христа под видом Хлеба и Вина в Евхаристической Чаше.

§13.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!» — умная Иисусова молитва — это свернутые Священные Писания и Литургия. При вскрытии сокровенных глубин в жизни во Кресте исполняется высшая христианская аскеза, приводящая в своей непрерывности в чистой молитве к о б о ж е с т в л е н и ю тварного уровня, к обретению человеком п о л н о т ы Божества телесно по

образу Первородного из братьев Христа Иисуса. Можно полагать с достаточным основанием, что если бы первоапостолы не были физически уничтожены, то они претворили бы благую весть в практику своего бытия. С этими чаяниями связан так называемый эсхатологизм первохристиан.

§14.

Христианская этика христоцентрична, так как властной целью жизни христианского братства является максимальное сообразование Иисусу Христу. Свобода, как сила воли, всегда проявляется в окружающей среде как стремление к власти, и христианину дана Богом власть стать чадом Божиим, усыновить себя Богу во имя Иисуса. Это — персоналистическая акция и поэтому никто не может сделать этого вместо личности. Бог свято чтит завет о свободе.

§15.

Путь к Богу из эмпирического состояния отмечается вехами веры, надежды и любви, из которых последняя — совершенство, ибо изгоняет страх. Соответственно ступеням раскрытия в себе Царствия Бога человек знаменуется символами раба, наемника и сына.

§16.

Последовательное утверждение свободы воли лишь у Бога приводит к видоизменениям монофелитской ереси времен христологических споров. Отрицание ди-симфонии и синергии извращает Откровение о Богочеловеке, приводит к нехристианскому учению о предопределении.

§17.

Отрицание Христа, пришедшего во плоти, отрицание Мессии Христа, требует от атеизма созидания своих мессийских чаяний, созидания извращенных религий, ищущих славы человеческой, но не Божьей. Это сказывается в основном в оценке метафизического смысла земной истории, который для христианина центруется в Лице Иисуса Христа, совершенного человека.

§18.

Бог и человек сказали в ипостаси Иисуса Христа в се о Себе и Своем Единстве. Иисус есть Истина, Путь и Жизнь. Цель человеческого

существования означена повторением дела, которое совершил Иисус Христос. Это завещает Спаситель своим, говоря, что верующий во Имя Его совершит Его дела. Свободное предстояние у Животворящего Креста Господня — этика христианского братства.

§19.

История человечества на земле новой эры есть история грешников, убивших Бога, но и прощенных Им в ниспослании Другого Утешителя. Иисус Христос, которому была дана власть судить человечество, ибо Он — Сын Человеческий, простил неведающих.

§20.

Эта апостольская радость, устно возглашаемая и записанная благовестниками, закрыта только для тех, кому бог века сего ослепил умы. Подлинное покаяние во Имя Его излечивает от похоти очей, проводит душу человека через порог смерти здесь на земле в концентрации Иисусовой молитвы, воскрешает ее, приводит к Созерцанию Христа в Прославленном Теле, к вмещению Святого Креста Животворящего. Таковое воскресение дает теозис-эстетику христианского братства.

§21.

Чтобы не повторилось страшного дела богоубийства, чтобы Второе Пришествие не застало врасплох, апостолы учат не престанно молиться. Творить непрестанную молитву можно только в храме сердца, чему и учит завещанная Спасителем молитва во Имя Его. Вы еще ничего не просили во Имя Мое, — говорит Он, — просите и дастся вам.

§22.

Покаяние и чистая молитва во Имя Иисуса есть крещение в полноту Имени Отца и Сына и Святого Духа, крещение и Евхаристия, Которая есть сама Тайна Церкви, а не только одно из Ее таинств.

§23.

Иисусова молитва (Логос-медитация) имеет предметом медитативного познания все идеи, могущие заинтересовать ищущий ум.

Интонационный удар в повторе Иисусовой молитвы направляет аспекты постижений. При чистой молитве Имя Иисуса сияет светом. Чистая молитва переливается в безмолвие-Ничто. «Господи», как первая идея медитации, открывает Бога как Творца и Вседержителя, как Господа всяческих, открывает сотериологический аспект. «Иисус», как вторая идея медитации, открывает богочеловеческую природу человека, ибо в Иисусе Божественная Ипостась и человеческая ипостась находились в ди-симфонии естества и воли. «Христос, Сын Божий», как третья идея медитации, открывает имманентную Троичность в Сверхличности Бога. «Помилуй меня», как циклическая идея, снимает неведение и возводит к любовному исповеданию Креста в служении Ему.

§24.

Интроспекция Логос-медитации может быть означена следующими ступенями: отвращение от ориентации на видимый мир, обращение внутрь себя, введение ума в пространство сердца, поиск умом сердцевины сердца, вход в эту точку, молитва в этой точке, введение ума внутрь себя самого, очищение от приобретенной информации, очищение от помыслов, просвещение ума, созерцание энергетических свечений-аур сил духа и жизненных дыханий, углубление молитвы, фиксация поверхностного дыхания и временного пресечения его, созерцание почивших святых, обретение творческих интуиций, отказ от созерцания и творческих интуиций ради одной молитвы, вскрытие молитвенной способности ума, жар в сердце, созерцание несозданного света, созерцание Божьей матери с Христом-младенцем в подобии иконографического канона, созерцание Трех Лиц Святой Троицы в различительном ряду, приобретение дискриминативного постижения, созерцание Благого Лица Прославленного Живого Христа, причащение блаженству, углубление молитвы с жаждой смерти, восхищение ума к Богу, безмолвие-Ничто, созерцание взрывов неприступного света, система восхищений и обретаемый на каждой молитве выход в безмолвие-Ничто, со-творение небес вселенной в пространстве сердца, жертва всеожжения их ради Сущего на небесах, священство Имени Отца, вскрытие покровов всех религиозных Писаний, сознательное служение Воле Отца во имя Иисуса Христа, восхождение в молитве в круги загробных мытарств.

§25.

Путь новонаначального может быть облегчен некоторыми специальными техническими методологиями, не имеющими доминирующего значения. Они описаны отцами-подвижниками.

§26.

Момент безбрачной аскезы имеет серьезное значение на начальных ступенях, но не доминирующее. Детскость сердца имеет много большее значение и на первых ступенях и в процессе делания, также как и в е р а.

§27.

В каждом персоналистическом акте синергии в умном делании символы ступеней интроспекции могут видоизменяться, ибо идет ж и в о е сотрудничество Бога и человека.

§28.

Узнанную от слуха и от внешнего зрения с и м в о л и к у ступеней не следует п р е д с т а в л я т ь, чтобы избежать возможной при этом «прелести». Логос-медитация б е з ó б р а з н а, она строится на призывании и присутствии Бога в Имени Иисуса Христа.

§29.

Необходимо твердо знать, что исполнение заповедей Спасителя имеет не столько гуманистический аспект, сколько т е р а п е в - т и ч е с к и й для проходящего покаяние. Нарушение заповедей будет немедленно феноменологизироваться и на тварном уровне — б о л е з н и, и на духовном — и с к у ш е н и я. Ибо Господь контролирует искушения.

§30.

Если с е г о д н я ш н и й день делания будет п о с л е д н и м в сознании по заповеди, то не может иметь места привязанность житейская к плодам проходимого покаяния. И ум не будет м е ч т а т ь.

§31.

Культурное знакомство с йогическими религиозными практиками не может помешать. Свечение шести или двенадцати центров-чакр

йогических практик подтверждается. Древнейшие йогические практики строились на л о т о с е сердца. Термины «солнце» и «луна» в йогических практиках не имеют значения космических планет и звезд, а связаны с некоторыми в х о д а м и энергий. Эти входы постигаются и контролируются в Логос-медитации.

§32.

Мудрецы Востока пришли поклониться Х р и с т у - М л а д е н ц у одними из первых по записям Благовестия. Слова Яджнявалкьи о том, что б р а х м а н должен стать ребенком, оставив ученость; дабы стать молчальником, оставив детскость; чтобы оставив молчание и не-молчание стать недвойственным с Б р а х м а н о м, подтверждаются.

§33.

Жар и свет — о г о н ь, — созерцаемые в сердце, — это «л и ц о» т у - р и и, четвертой строки гаятри-савитри, которой не видел Будила Ашватарашва, но видел Яджнявалкья Брихадараньяки-Упанишады. Это — желанное сияние Бога Савитара. Об этом такой стих: «Когда исчезают все желания, которые обитают в его сердце, то смертный становится бессмертным и достигает здесь Брахмана» (Бр. IV, 4: 7).

§34.

Таково свидетельство и Давида: «Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь» (Пс. 38: 4).

§35.

«Об этом говорят: в середине солнца находится луна, в середине луны — о г о н ь, в середине жара находится истинное, в середине истинного — Неразрушимый» (Майтри-Упанишада. 6: 38).

§36.

Святой отец Григорий Палама говорит в 16-ой омилии «О домостроительстве воплощения»: «...Когда же и от всякого рассуждения, хотя бы оно было и доброе, отведешь свой ум и весь соберешь его в с а м о г о с е б я, достигая этого путем упорного внимания и непрестанной молитвы, то тогда, таким образом, увидишь и ты в божественный покой и улучишь благословение с е д ь м о г о д н я, пребывая в самосозерцании, и чрез самосозерцание возводим будучи

к Богозрению. Ибо, говорят, что исход молитвы заключается в восхищении души к Богу ... Безначальное дело Божие заключается в внимании Себе; ибо безначально Он был подвигнут к самосозерцанию... Итак, Бог, желая нам дать посильное ведение таковых именно дел и показать, что именно их должно **искать более нежели чувственного**, седьмой день, в который почил от творения чувственного мира, благословил и освятил, как некое возвращение, путем упокоения, от нижнего мира к тому, который принадлежит лучшей и сверхмирной сфере. Потому что, сказать словами великого Дионисия: Бог, по преизбытку благодати, бывает вне Самого Себя, и вследствие сбережения всех свойств к сему во всем возвращается, согласно могущей перемещаться сверхсущественной силе, которая и по существу имеет статистический характер Его Самого; сошедши же человеколюбиво, насколько Он пожелал и насколько была в том необходимость, и сей наш чувственный мир создав в шесть дней, в седьмой — на свойственную Ему высоту, которой, однако, и не оставляя, Он, как это отвечало Божеству, возвратился, — и покой того дня более благословенным показал, научая и нас желать **восходить**, настолько возможно, в **оний покой**, который заключается в нашем умном созерцании, и **через него в восхождении нашей мысли к Богу...**». Известно место св. Григория и его роль в Торжестве Православия. Известно также, что процесс творения мира мало освящен в христианских теологемах, точно также как и возможность гнозиса этого процесса. Представляется, что таковая проблема назрела.

§37.

«Софиологические» теологемы представляются недостаточными.

§38.

Принципиально возможный гнозис исследования глубин Божиих в Духе Святом лежит только через созерцательно-молитвенный опыт по мнению отцов Православия.

§39.

Логос-медитация дает возможность вмещения Креста Животворящего, как Державы Вселенной всей, как Его прославляет Церковь в своих гимнах.

§40.

При падении молитвенно-созерцательного опыта покаяния во Христе ю р о д с т в о Святого Креста уходит из проповеди. Это происходит потому, что священники по преимуществу позволяют себе не следовать православным критериям в принятии сана, наиболее бескомпромиссно сформулированным Святым отцом Симеоном Новым Богословом. Он называет о г л а ш е н н ы м всякого, кто не созерцал Света Божьего и Христа в сердце своем. Он считает, что «добре» проходимое покаяние н е о б х о д и м о возводит ум человека к созерцанию и любви к Богу. Для священнослужителя м а л о веры в Бога. Е му с л е д у е т знать Его и любить Его. Что невозможно, по учению отцов, без созерцания Его.

§41.

Православие в современном мире находится в трудном положении несоответствия своим собственным критериям. Поэтому принципиальные споры Православия с католической схизмой теряют сейчас свой смысл и оцениваются как некая «сварливость» древних, занимающихся п о л и т и к о й.

§42.

Нельзя не согласиться со словами о. И.Мейендорфа (американская автокефалия): «Парадокс между „личным“ и „общинным“ восприятием Церкви лучше всего показан великим Отцом Церкви св. Симеоном Новым Богословом, наиболее „сакраментальным“ духовным писателем Византии. Он считает величайшей е р е с ь ю мнение некоторых из его современников, что личное общение с Богом н е в о з м о ж н о. Все святые, древние и современные, могут подтвердить, что этот „парадокс“ стоит в самом центре христианского бытия. Именно через антиномию „сакраментального“ и „личного“ можно найти к л ю ч к пониманию авторитета в Церкви... в этом о т в е т с т в е н н о с т ь Православия вполне исключительна» («Православное богословие в современном мире»).

УЧЕНИЕ СВЯТОГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА О ИЕРАРХИИ

Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и я влюсь ему сам.

Иоанн, 14, 21

... оглашенным следует называть не только неверного, но и всякого, кто не зрит славы Господа откровенным лицом ума своего.

Св. Симеон Н.Б., «Слово 80-ое»

§1.

Православие есть Вечная Жизнь, Церковь, которая обретается человечеством и людьми в их исторической практике земного служения по исполнению заповедей Спасителя. Православие есть Вечная Жизнь, которая взывается познанием Единого истинного Бога и Посланного Им Иисуса Христа. Познание и встреча Христа и Бога есть вход в Православие, апостольство, которому заповедано Спасителем **т в о р и т ь** Евхаристию.

§2.

Православное вероучение сдержанно в своих стремлениях облечь в догматическую формулу все стороны земной жизни. Православие есть Самая Вечная Жизнь, дарованная Отцом человечеству. Жизнь же можно только **п р о ж и т ь**, ее нельзя смоделировать на бумаге, ибо в бумажных словах необходимо изображается **с и м в о л** жизни, но не она сама. Православное вероучение определяется Символом Веры и решениями Соборов, а также жизненными свидетельствами Священного Предания в его литургической и иконографической форме, а также в форме святоотеческой письменности. В Символе Веры есть слова **о п р е д м е т е** **в е р ы** в «единую святую соборную и апостольскую Церковь», и эти слова делают камнем преткновения.

§3.

Церковь, Вечная Жизнь в любви и познании Бога и Иисуса Христа, является предметом веры. Церковь надисторична, она коренится в Боге, есть в Нем. Она не является невидимой и трансцендентной человеку, но не ограничивается и видимым кающимся человечеством в лице иерархии и паствы. Обретая Православие, как Жизнь, по исполнению заповедей Спасителя, становясь из верующего в Символ уверовавшим, человек зрит Царствие Божие и Отца Вечной Жизни, обретает свое Отечество, Родину. Церковь не есть невидимая и замкнутая «вещь в себе» протестантов, не есть и земной католический викарнат Христа.

§4.

Вечная Жизнь явилась в Лице Иисуса Христа. Ее осязали, трогали руками, осматривали. О Ней и пошли радостно благовествовать. Ее вкусили, стали жить в Ней. Поэтому и находились единственные слова о Ней, истинные слова, вечные. Ибо о Вечности, познанной Вечности, нельзя сказать пустоцветно. Реальный опыт внутреннего причастия определяет и слова-символы об этом причастии. Нельзя ничего сказать о Церкви не обретя Ее, не начав жить в Ней, в Православии Бога.

§ 5.

Православие категорически не определяется конфессиональными признаками, как бы не тщились причислить себя к Нему поместные общины. Православие есть жизнь в Боге и родство Ему, вкушенное, опытно пережитое. Православие есть предмет веры, которую надо осуществить, ибо вера есть осуществление ожидаемого. Православие есть осуществление сыновства Отцу, от Которого именуется всякое отечество. Православие есть исповедание: я, имярек, есть сын Бога чрез Иисуса Христа. Православие для экзистенциальной практики не нуждается ни в чем освидетельствовании, кроме Божьего. Оно самоочевидно для обретшего Отца. Поэтому оно и не может не быть апостольством, то есть посланничеством благовестия и окормления иных кающихся дарами Церкви. Никто не может брать на себя ничего, если не да-

но ему будет свыше. Обретение Православия, как Жизни в познании Бога и Спасителя, всегда персоналистично, поименно, как и поименно апостольское служение. Те, кто первыми входили в Церковь, кто проживал этот путь в о с с о з д а н и я своего, оставили последующим кающимся свидетельства, которые кающиеся взяли для своей практики как Слово Божие. Нет иного пути, кроме Христа. Он есть д в е р ь овцам. Он есть путь, истина и жизнь. Он есть с в е т. И нельзя обрести Православия, нельзя обрести Церковной Родины, не пройдя через эту световую д в е р ь, световую купель, чтобы войти в город в о р о т а м и, омывшись божественным светом, бьющим из сердца исполняющего заповеди покаяния.

§6.

Православие определяется качественными, а не количественными характеристиками. Православие есть единение человека и Бога, а не человека и человека, хотя бы второе совершалось по высоким гуманистическим принципам. Православие есть с в я т о с т ь, ибо свят Господь, освящающий Тело Свое, свят Господь, призвавший человека к святости. Православие есть соборность, ибо соборен Господь, объ- емлющий и содержащий всяческих. Православие есть а п о с т о л ь - с т в о, ибо посланник всегда знает Пославшего его. Православие есть Церковь Бога Ж и в о г о, Тело Его, о р г а н и з м, а не социальная организация. Православие есть воскресение из мертвых, ибо Христос, обретаемый в сердце, есть воскресение и жизнь.

§7.

Православие есть священство Имени Божьего в сердце человеческом, есть готовность дать отчет в своем уповании всякому вопрошающему. Православие есть благовестие, обретенное от Бога, как жизнь, но не как оглашение от человеков. Православие есть с в о - б о д а, вмещенная как любовь, б о ж е с т в е н н а я с в о б о д а, ибо Бог в Премудрости Своей есть Жертвенная Свобода, Любовь, Святой Крест.

§8.

Каким способом в с е г д а, и сугубо ныне, когда бумажные слова оболганы, необходимо давать видимый всем пророческий отчет

о своем уповании, как благовествовать? Ответ самоочевиден: жизнью. Вечная Жизнь, как искомое человечества, является, показывается, п р е д - с к а з ы в а е т с я пророками ее. П р о р е к а е т с я ими не только словами волхвований, но самой жизнью в духе и силе. Ибо Православие не в слове бумажном, а силе духа, в подобии Богу-Слову, богословствующему творением жизни.

§9.

Нет на земле служения выше, чем православная жизнь посланника Христова. Узнавший Пославшего, ознаменованный Его Именем христианина, православный являет, прорекает, сказует, п р е д - с к а з у е т своим существованием будущее. Он — пришелец из вечности, одетый в кожаную одежду, иной, и н о к. Он призван к жизни Господом, и он являет эту жизнь. Для него самого, имманентно, нет никакого другого критерия, кроме свободного и любовного сотрудничества с Пославшим его Христом, для других его дела должны являться свидетельством. И если кающиеся достойны своих пастырей, то они прославляют их для последующих поколений, просят их заступничества в молитве перед Господом. Кающиеся называют их святыми, наставниками, учителями, отцами, старцами. Пророки Христа живут в Нем, как дети, естественной жизнью пришельцев из Обетованной земли, которую они видели, естественной жизнью д е т е й Божиих, для человеков, еще не рожденных Богом, кажущейся странной. Они бывают мудры, как змии, и просты, как голуби.

§10.

Их жизнь, их учение, как свидетельства предсказанной Вечной Жизни, в полноте я в л е н н о й бессмертным богочеловеком Иисусом Господом, хранятся охранителями предания общины кающихся по преимуществу — и е р а р х и е й. Но: врач! исцелился сам! Своей жизнью обязана иерархия по преимуществу я в л я т ь п р е д а н и е Церкви — В е ч н у ю Ж и з н ь, обязана хранить в прямом апостольском преемстве выявленное первыми посланными. Не словесными спорами, не угрозами, не кесарианскими играми, не унижительной экзегезой, а с а м о о ч е в и д н о с т ь ю притягательности естественной божественной жизни, обязаны пастыри вести овец Христовых, дабы не оказаться с л е п ы м и ,

не видевшими Христа, водителями слепых же. И когда начинаются разговоры об обязанностях и долженствованиях, то уже ясно, что критериев нет в наличии, что священное Предание перестает п р а в о - с л а в и т ь с я, являться в славе, перестает храниться. И тогда в помощь кающимся вступает или Сам Господь, вновь посылая апостола и пророка, или учение первых, записанное Письменно. Необходимость покаяния проявляется тогда с новой силой, и существующая иерархия по преимуществу должна начать проходить его. Весьма вероятно, что посланные не будут услышаны, и тогда они должны неизбежно вспоминать слова Господа: посланник не больше Пославшего его, дабы не соблазниться. Слово Божие будет звенеть и петь в них: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин. 14, 21).

§11.

В о л е в о е исполнение заповедей, т в о р е н и е Воли Отца, Его Свободы, т в о р ч е с т в о во Имя Его, приводит человека ко взаимной любви, венчаемой встречей, долгожданной, невыразимой, знаемой только любящими, сокровенной тайной их. Встреча эта несет искупление, освобождение, ибо Б о г признается человеку в этом свидании в любви. Это и есть христианская благая весть, которую должны пережить и явить своим существованием иерархи апостольского преемства. иначе они лишь оглашают книгой, сами будучи лишь оглашенными. Не исполнивший заповеди не смеет учить других их исполнению, ибо л ж е с в и д е т е л ь с т в у е т. В этом смысле можно понять протестантов, восставших против католической иерархии, и доверивших свое спасение милосердию Божьему, о котором они узнают из книг. Они чтут к н и г у, как Слово Божие, и спасаются т о л ь к о в е р о й.

§12.

Священное Предание н е п о г р е ш и т е л ь н о. Оно явлено в Своей полноте пути и истинности Иисусом Христом, Богочеловеком, Словом-Преданием Божиим о ч е л о в е к е, высказанным Человеком тождественно. Слово стало плотью. Об этом Предании б о г о с ы н о в с т в а человечества свидетельствовали древние

святые по всей земле, Моисей и пророки, Рама и авторы Упанишад, йоги-созерцатели и нирванисты, Лао-цзе и даосы, Пифагор, Платон и мистерии Эллады, мистерии Египта, — все это относительные постижения, уготовлявшие человечество с большей или меньшей степенью приближения к вмещению Пророчества Божьего о его судьбах и призвании. Но если до явления Иисуса Христа прикосновения к Священному Преданию Бога о человеке были пророчествами о будущем, то нынешнее пророчество о Вечности необходимо переливается в осуществляемое самосвидетельство, в исповедничество. Гадать уже не о чем: Жизнь явила Себя. Ее можно или принять, или отказаться от Нее. Смысл истории открыт: воплощение Бога чрез Ипостась Сына в о д н о м — первый этап; воплощение Бога чрез ипостась Духа Святого во м н о г и х, или, что реально — в с е х. И — свершение!

§13.

Перечисленные положения самоочевидны созерцающему Христа. Любовь, которую Христос, Единый с Отцом, изливает на молитвенника, самосвидетельствует через его ж и з н ь о Боге, как о Любви. Причащаясь этой Любви, апостол не может не сделаться благовестником о легкости бремени заповедей, как Вечного Предания о правом-славии Бога. После явления Своего Христос по животворящему закону Святого Креста восходит к Отцу в православном сердце, и Отец посылает Утешителя, с приходом Которого творится еще в э т о м т е л е Троичная Обитель Божия в человеке. В этой Троичной Обители в сердце посланника т в о р и т с я совечная Евхаристия в воспоминание Господне. Молитвенник делается по слову отцов «сотаинником Святой Троицы». Посланник не нуждается в церковной должности, порой ему негде преклонить голову, но он терзается о братии, могущей причаститься в осуждение. Умывая ноги всем, он готов положить в проповеди и жизнь свою за хулящих Сына Человеческого, лишь бы они не хулили Духа Святого, ибо это не простится в века. Утешитель свидетельствует ему о грехе неверия Иисусу и об осуждении князя мира сего, ибо Господь восходит к Отцу. Дух Святой свидетельствует о Христе и напоминает обо всем, чему Он учил на земле. Апостол обучается от Бога. Он может вновь сформулировать благовестие, адекватное канону Св. Писания кающихся. Он общается с Богом Живым, как

Павел, не знавший Иисуса до распятия и воскресения Его. Созерцающий Христа сам делается к н и г о й-преданием, и сопоставление постигнутого с зафиксированным п р е ж д е необходимо ему для надежды о понимании не я з ы ч н и к а м и, а общиной кающихся. Так и Павел более всего скорбел и более всего доказывал мессианское свершение во Христе общине иудеев, легко благовествуя язычникам. Вечная апостольская проповедь более трудна посланнику среди теряющих Предание, как единение с Богом, и е р а р х о в общин. Секуляризация апостольского преемства, как созерцания Христа, догматизируется во внешнем авторитете, в магизме обрядовых формул, и о ж и в л е н и е словесного предания много труднее, нежели формулирование его в исторической практике для язычников. Грусть слов Спасителя о том, что с Запада и Востока придут язычники, чтобы возлечь на лоне Авраамовом, тогда как сыны обетования извергнутся в о н, как псы и чародеи, вновь и вновь переживается посланником Господа. Но: он не может не благовествовать, как не может не дышать в тварном теле. Он свидетельствует о свершившемся, очевидцем которого является: Господь в з я л на Себя грех мира. Дух Святой, как Царствие Божие, приближен к земле: покайтесь! радуйтесь! Апостол благовествует в первую очередь своей евхаристической молитвенной жизнью, во вторую и третью — неумолкающим призывом к покаянию, то есть к соблюдению заповеданного Спасителем, дабы не совершилось причащения через л ю б ы х р а з д а в а т е л е й Даров по чину Иуды. Посланник делается слугой всех, но он знает также, что предавшим Христа н е т извинения в грехе. Созерцая с в е т славы Господней, православно творя Евхаристию, он молит: пока свет с вами, с т а н ь т е сынами света.

§14.

Одной из наиболее ярких фигур в историческом развертывании Предания в чреде дней проходящих покаяние и был Святой Симеон Новый Богослов, апостол Бога Живого, призванный Им на служение в Византии еще до зафиксированного отпадения Рима от православного вероучения. Этот святой наиболее последовательно учил вечному апостольству и необходимости входа в молитвенное созерцание Христа и славы Его до того, как дозволить себе принятие церковной должности через рукоположение от людей.

Апостольское преемство необходимо о с у щ е с т в и т ь, дабы оно не прервалось в живой нити служения и свидетельства о Христе. Если живая нить преемства в созерцании воскресшего Господа прерывается, то остается т о л ь к о о г л а ш е н и е, полученное от древних и только вера.

§15.

Эти строки посвящены утверждению учения святого Симеона, убожаемого Церковью Новым Б о г о с л о в о м, о покаянии и православной иерархии. Самоопределению общин, в современных условиях называющих себя Православной Церковью, необходимо и л и следовать этим критериям, и л и осудить их. Замолчать их невозможно.

§16.

«Но есть ли кто ныне, имеющий уши слышать, да слышит и постигает силу того, что глаголется от Духа Святого? Есть ли кто и теперь, имеющий ум Христов, да разумеет добре и боголепно то, что пишется Им? Есть ли кто и ныне, имеющий в с е б е г л а г о л ю щ е г о Х р и с т а, да возможет добре изъяснить таинства, сокровенные внутри словес Его? Ибо, говорит Апостол, „премудрость глаголем не века сего, но премудрость в тайне сокровенную“ (1Кор., 2, 6–7) от многих, нам же щедро открываемую, и хорошо уразумеваемую водящимися страхом Божиим, и всегда к Нему взирающими. Ибо мы не то, ч е г о н е п о з н а л и, говорим, но что знаем, о том говорим. Свет уже во тьме светит, в ночи, и в дни, и в с е р д ц а х н а ш и х, и в уме нашем, и осиявает нас н е в е ч е р н е, непреложно, неизменно, неприкровенно, — г л а г о л е т, действует, живет и животворит, и д е л а е т с в е т о м т е х, которые осияваются Им. Бог свет есть, и те, которые прияли Его, прияли, как свет. Ибо свет славы Его предидет пред Лицом Его и без света Ему невозможно я в и т ь С е б я. Те, которые не в и д е л и света Его, не видели и Его, потому что Бог свет есть; и те, которые не прияли света Его, не прияли еще б л а г о д а т и, потому что приемлющие благодать приемлют свет Божий и Бога, как сказал Сам Свет Христос: вселюся в них и похожду (2 Кор. 6, 16). Но те, которые не с п о д о б и л и с ь еще приять и вкусить сего, — все находятся еще под игом закона, еще состоят под сению и образами, еще суть чада рабынины.

Пусть это будут цари, пусть патриархи, пусть архиереи и иереи, пусть начальники или подначальные, пусть миряне или монахи. Все они еще во тьме сидят и во тьме ходят, — и не хотят, как должно, покаяться. Покаяние есть дверь, которая выводит из тьмы и вводит в свет. Почему, кто не вошел еще в свет, тот, очевидно, не добре и не как следует прошел чрез дверь покаяния. Ибо если бы он прошел чрез нее добре, то непременно вступил бы в свет. Кто не кается, согрешает, что не кается» («Слово 79-ое»).

Воскресший Спаситель, засвидетельствовавший и нынче Свою Божественность, посылает свидетелей крестить и учить соблюдать то, что Он повелел. Он — Царь, а не только Первосвященник. Он Един с Отцом, а не только прощающий Сын. Он будет судить, а не только прощать, Его наставления обязательны для всеобщего исполнения и, в первую очередь естественно, для тех, кто называет себя Его служителями по преимуществу. Спаситель заповедал исполнять Его заповеди. Мягкость и спокойствие Его речи не должны обманывать слушающих в суровости и силе сказанного. Истина, сказанная вполголоса, остается Истиной, так же, как ложь, многократно усиленная криком, остается ложью. Тихо сказанные слова о том, что сухие ветви сжигаются, если не пребудут на Лозе, катастрофически спокойны и истинны. Спаситель Сам пребывает в любви Отца потому, что исполняет заповеди Отца. Исполнение заповедей Отца привело Иисуса в человечестве Его к созерцанию Лица Отца, которого никогда не видели иудеи, ибо в них не пребывало Его заповеданное слово, ибо они искали славу мирскую более, нежели горнюю. В созерцании завершается самосознание человеческого в Иисусе Христе. Поражает абсолютное непонимание, которое царило между Спасителем и иудейскими иерархами, которые, как и вечно иудействующие, возлагали в прельщении бремена на плечи иных, себя почитая застрахованными внешней принадлежностью к священству или учительству в синагоге. Исполнение заповедей Спасителя есть творение Воли Отца, творчество, есть боготворение, которое совершает человек, как свобода воли в своей сообразной Богу душе. Бог сотворил человека по Своему образу. хотя решение Троицкого Совета было о сотворении и по подобию. Бог даровал человеку естество души, наделенное силами, и сила

воли-свободы доминирует в них, даровал естество, которое способно творением Воли Отца, засвидетельствованной откровением о заповедях и молитве, уподобиться, сподобиться, сподобить себя Богу и Отцу, стать Сыном Его, богом по благодати. Это есть воскресение в Благо, в Царствие. Точно также в силу своей онтологической бессмертности душа при неисполнении заповедей покаяния согрешает, ибо предпочитает открытые ей боготворческие законы своему волеию по иным законам, согрешает и обрекает себя на воскресение осуждения, вечную муку. Покаяние, как исполнение боготворческих заповедей человеческой свободе, не может не привести к созерцанию света, как славы Господа, чтобы вскоре узреть и Его, вселенного в сердце молитвенника. Покаяние есть дверь, которая выводит из тьмы и вводит в свет. Душа человека бессмертна, она способна мыслить и чувствовать вне тварного тела, генетически наследуемого от тварных родителей. Человек, обладающий душой, не связанной рабски с телом, может и должен своей свободной волей, обрести свое тело, а не то, которое ему навязано предками. Покаяние, как онтологичный созидательный принцип воли, приводит к изменению, преобразению тварных рецепторов и анализаторов в коре, к нейротропизму и созданию новых нейронных связей, к стойкому изменению конфигурации РНК в цитоплазме нейронов. Человек видит в молитвенном сосредоточении свет. Обретая свое подлинное тело, как Тройческую Обитель, человек соотносится к тварному телу, как одерже, как органу, необходимому ему для манифестации Бога человекам же. Познание Истины происходит непосредственным общением и жизнью души в мире духовной родины во главе с Господом, а не через понятийную символику, навязанную материальным рационализирующим мозгом.

Только Пилат, этот извечный друг Кесаря, видя перед собой Живую Истину, задает вопрос «что есть истина?». Истина — не «что», а «кто» — Бог Живой, Бог Личный, и познать Истину значит познакомиться с Христом в духовном единении, а не строить рационализирующую теологию, преподаваемую в богословских академиях и всегда приводящую в силу своего рационализма к пантеизму, а затем и к атеизму. Мозг, тело, словесные символы необходимы для манифестации Предания заблуждающимся, а не для

теистических обоснований бытия Божия, «не противоречащих» естественному разуму и всегда приводящих к наивному мифотворчеству науки. Человек может созерцать Христа, пройдя через свет; в этом созерцании, не имеющем никакого отношения к чувственному опыту, происходит воскресение души ранее воскресения тела, и оно может быть преображено изменением в молитвенной исихастской практике унаследованного генетического кода, преображено вплоть до телесного бессмертия, ибо не все мы умрем, но все изменимся. Все это — плоды покаяния, а не так называемой эволюции. Тот, кто не кается, согрешает, что не кается, ибо унесет свои деяния навечно. Естественно полагать, что тот, кто не совершил таинства покаяния, таинства исповедничества, не может быть совершителем этого таинства, которое входит в обязанности и права священства. Необходимо сподобиться Первосвященнику, чтобы прощать грехи, стать Его братом. В противном случае Православная община неукоснительно перерождается в протестантскую, лишь национальными обрядами отличаясь от последней.

§17.

«Не дерзай давать кому-нибудь разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира» («Слово 83-е»).

«Бог пришедши в мир и соделавшись человеком, принес людям следующие два великие блага: соединил естество божеское с естеством человеческим, чтобы человек соделался Богом, и в этого человека, соделавшегося богом по благодати, таинственно вселялась Св. Троица» («Слово 10-ое»).

«Ты сказал мне: Я — Бог, соделавшийся человеком, по любви к тебе. Так как ты взыскал Меня от всей души, то се отныне будешь ты братом Моим, и другом, и сонаследником. Слыша это, я весь вострепетал, иссякла вся сила моя и едва не вышла душа моя. Опомнившись немного, я отвечал: и кто есмь я, Господи, и какое добро сделал я окаянный и бедный, что Ты достаиваешь меня толких благ и делаешь меня сонаследником славы Твоей, — держа при этом на уме, что эта слава и радость выше всякого ума? Ты же, Владыко мой Христе, опять сказал мне: Я говорю с тобою, как друг с другом, чрез Духа Святого, Который вместе со Мной говорит тебе.

Это даровал Я тебе за одно произволение и веру, — и дам еще больше. Ибо ты, созданный Мною нагим, кроме произволения своего, что другое имеешь или имел когда-либо собственно твоего, чтоб Я принял то от тебя и вместо того даровал тебе это?» («Слово 91-ое»).

Даруя человечеству Жизнь, творя человека, как Свой образ и предлагая ему свободно уподобиться Ему, Бог не совершает нечто необходимое для Его существования. Облагая Своим естеством, Тройчески Вседержа его, Бог самодостаточен в Себе. Ничто не необходимо Ему, Он самодостаточен в Себе. Решая на Тройческом совете, ангелом которого, по слову св. Максима Исповедника, делается и всякий, в сердце которого Христос восходит к Отцу, сотворить человека, Бог желает человека, любит его. Мы желанны Богу. Даруя нам Жизнь, Бог наделяет нас сообразным духовным естеством, способным к самостоятельному бытию. Мы не имели его, оно дано нам. но это естество сообразно Божественной Премудрости, оно суть абсолютная свобода, любовно единящаяся в Боге, но могущая реализовать свою абсолютность и в ненависти к Богу, сатанинстве. Когда человек взыскует своей свободой, своим произволением, тем, что в абсолюте есть его собственность, Бога, он делается сонаследником Христу, Бого-человеку, Его братом, желанным членом Семьи Божьей, которую пожелал иметь Отец Небесный. Человек и есть свобода, как таковая, существенная, субстанциональная свобода. Ограничиваемая Вседержителем в Его Самосозерцании, Его сосредоточении в жертвенности Трех Лиц в Любви Друг к Другу, она вызывается к самостоятельному бытию, призывается из небытия, молитвенным Словом Бога. Небытие, по св. Максиму Исповеднику, коренится в Боге, чтобы стать «материей» твари. Обретя самостоятельное субстанциональное существование, как свобода, человек имеет власть стать чадом Божиим, если исполнит открытое ему, как заповеди обучающемуся ребенку, явленное ему Иисусом Христом, Первенцем, Богочеловеком, Образом и Подобием Бога. Как всякое существо учит свое дитя, так и Бог учит уподоблению Себе равнообразного Ему. Человек может соделаться Богом. Бог желает этого, ждет. Но Он никогда не нарушит Своего решения: призвав свободу к ее абсолютному существованию, возжелав в Премудрости Своей радости с сынами человеческими, Он не желает

на с и л ь с т в е н н о й любви от них, ибо человек не необходим Ему, а желанен, со всем интимным и сокровенным смыслом этих слов. Полюбивший Бога, возжелавший Его в своей духовной свободе, и с п о л н я е т заповеди Его, быстро свершает возвращение блудного сына, и Отец Сам бежит ему навстречу, одевая перстень радости. Человек исполняет то, ради чего Отец пожелал ему жизни, делается братом Иисуса Христа, обретает Тройческую Богоподобную обитель в своем сердце. Его существование в тварной одежде направлено только на проповедь покаяния и окормление дарами Духа Святого, Которыми владеет он, всех, кто пожелает придти к Вечной Жизни. к Христу. Но «вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь. Не принимаю славы от человеков. Но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу» (Ин. 5, 40–42).

Не став сонаследником Христу, не став Его братом, не обладая по благоизволению Божьему тем, чем Сын обладает по естеству, священник не может прощать грехи. У него просто нет этой онтологической возможности, нет сил сделать это, нет сил реально помочь кающемуся, взяв его грехи на себя, ибо в сердце его нет Вземлющего грех мира. Таинство это не свершается, слова об отпущении грехов превращаются в понятийный символ, а не в реалию. Мирянин живет реально только верой, да и собственным покаянным опытом, ибо его духовная сущность ищет уже Бога. И Православная община опять перерождается в протестантскую общину, не имея только последовательности последней.

§18.

«Но прежде, чем увидите, прежде, чем п о л у ч и т е, прежде, чем и с п ы т а е т е все сие, не обольщайте себя самих, в п р е л ь щ е - н и и полагая, что есте нечто, ничтоже суще. От сего некоторые из вас сидят спокойно и беззаботно, так как совесть не обличает вас за то, что не п о л у ч и в Духа Святого, думаете, будто вы — духоносцы, и течете несмысленно, — принимаете чужие помыслы, и с п о в е д у е т е д р у г и х, делаетесь, как не с л е д о в а л о бы, иереями, духовниками, игуменами, восхищаете священство с презорством и бесстрашием и употребляете бесчисленные способы и хитрости, чтоб завладеть митрополиями, епископствами и игуменствами, чтоб пасти н а р о д Г о с п о д е н ь» («Слово 63-е»).

«Итак, братия мои, пусть всякий добре вникнет в силу слов сих, и по ним испытает себя самого, — при я л л и Б о г а - С л о в о, п р и ш е д ш е г о в м и р, и соделался ли чадом Божиим — точно ли родился не от плоти только и крови, но и от Бога, познал ли, что воплотившийся Б о г - С л о в о вселился в него, и увидел ли славу Его, яко Единородного от Отца. В ком все сие свершилось, воистину х р и с т и а н и н е с т ь; он видит себя вновь рожденным свыше и знает Отца, родившего его не словом только, но и делом благодати и истины. Станем, братия мои, пред сим зеркалом истины и будем избегать вредного и е р е т и ч е с к о г о учения тех, которые говорят, что н ы н е не открывается в нас, верующих, слава Господа Иисуса Христа благодатию Святого Духа. Ибо благодать дается с о т к р о в е н и е м с и м, и откровение сие действует благодатью. Почему ни Святого Духа не приемлет никто без того, чтоб Дух не открывался и не зрим был умными очами, ни откровения такого не узревает ни к т о, не быв просвещен благодатию. Даже и верным не может называться тот, кто не получил благодати Святого Духа. Если же кто станет говорить, что каждый из нас верующих получил и имеет Духа, хотя не сознает и не чувствует т о г о, таковой Б О Г О Х У Л ь С Т В У Е Т, так как представляет л ж и в ы м Христа, Который сказал: будет в нем источник воды, текущая в живот вечный, и еще: веруяй в Меня, реки от чрева его истекут воды живы (Ин. 7, 38). Итак, если источник ключ б ь е т, то наверное река, исходящая из сего источника и текущая, видима бывает для имеющего очи» («Слово 57-ое»).

Основополагающим предметом предваряющей и символизированной веры является убеждение в метафизической сущности человека, в загробном существовании души, могущей чувствовать, мыслить и действовать вне тварных рецепторов. В противном случае ни блага, ни наказания д у ш а не сможет испытать, и тогда правы атеисты, Принятие и вмещение благодати свершается д у ш о й, и она, если подлинно приняла благодать, чувствует и осознает это д у х о в н ы м о п ы т о м, ибо рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа и Его благодати есть д у х. Вопрос о возможности и необходимости опытного переживания своего вторичного рождения в духе и Боге, духовного чувствования, духовного мышления, духовного воления, духовного постижения

Истины вне тварно-рассудочных координат, является краеугольным в осмыслении Богооткровения. Отрицание таковой возможности есть даже не ересь, а просто а т е и з м. Осознание и вмещение осознанно даров Духа Святого, с т я ж а н и е Духа Святого, святой Серафим Саровский называет ц е л ь ю христианской жизни. Католическая теология не допускает такого живого и подлинного апостольского преемства и создает догматическое учение о главенстве Римского епископа, основанное на послушании и внешнем авторитете, что является, как минимум, э к к л е з и о л о г и ч е с к и м м о н о ф е л и т с т в о м. Католическая схизма была засвидетельствована опытом святого Григория Паламы и Торжества Православия. Католичество и есть невыявленный и н е п о с л е д о в а т е л ь н ы й протестантизм, живущий оглашением и верой не в книгу, а во внешний авторитет иерархии. Учение о невозможности вечного апостольства еретично, богохульно. Это учение в феноменальной практике основывается на молчаливом утверждении н е н у ж н о с т и и н е в о з м о ж н о с т и вмещения опытно и ясно благодати Духа Святого. Утверждения о «таинственности», «скрытости», «тайноводчестве» и т.д. доминируют в словарном фонде иерархии. Дух угадывается. Слово Христа не соблюдается, Спаситель в силу этого предполагается л ж и в ы м. Безусловно, что не рожденный свыше не может увидеть Царствия Небесного, но к этому рождению призвал Свое человечество Спаситель, приняв Крест, Муку. Вход в Царствие Небесное возможен также лишь чрез Крест. Безусловно также, что не рожденный крестно свыше, не может сказать ничего подлинного о Царствии Небесном, ибо не в и д е л Его, а лишь слышал о Нем от других, то есть был о г л а ш е н прежде жившими. Не знающий не может учить, ибо мертв еще, не рожден в Боге, чтобы окормливать кающихся. Мертвый не может учить о Жизни, он может только хоронить своих мертвецов. Святой Григорий Палама в своей беседе «О священно-безмолствующих» говорит: «с о е д и н я ю т с я с Богом стяжанием богоподобных добродетелей, сколь сие возможно, и богообщительною молитвою и молением. Возвращение ума к себе есть хранение себя, а в о с х о ж д е н и е его к Богу производится молитвою. Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, в с т р е ч а е т н е и з р е ч е н н о е, вкушает будущего века, и д у х о в н ы м ч у в с т в о м поз-

нает, сколь благ Господь. Поставить ум в состояние т р о й - с т в е н н о с т и, чтоб он, один и тот же сущий, и хранил, и храним был, и молитву деял, может быть, не очень трудно, но д о л г о е время пребывать в том состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно. Труд над всякою другою добродетелью м а л и очень сносен сравнительно с этим. Потому многие, отказываясь от т е с н о т ы молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований, а претерпевающие это сподобляются величайших Божественных заступлений».

Покаянные заповеди Спасителя посильно о т д е л я ю т душу человека от доминирующей информации этого мира, который весь во зле лежит, навязываемой телом и мозгом. Эти поведенческие заповедания предваряют с о б с т в е н н о п о к а я н и е, то есть молитвенное распятие души-духа в восхождении на Святой Крест в созерцании, умное делание, направленное на волевое преобразование души, уже максимально отделенной от телесной атаки. Иного пути в Царствие н е т. Общинам кающихся, в современном своем самоопределении называющих себя Православием, н е о б х о д и м о или принять к практике критерии и учение святого Григория Паламы, прославляемого в Постную Триодь в неделю Торжества Православия, или отказаться от него. Замолчать е г о н е в о з м о ж н о.

§19.

«О, братия! Из вас действительно никто, как говорите, не видел Бога, но из тех, кто с а м о о х о т н о взяли на себя Крест Господень и потекли т е с н ы м путем, готовы будучи и душу свою положить за живот вечный, из этих многие в и д е л и Б о г а, и прежде, и теперь, как думаю, многие видят Его, и в с я к и й может увидеть Его, если возжелает сего и устремится к сему, как должно; только вы, по развращению сердца вашего и по зависти, не можете видеть таких людей. Слушай, что говорит Евангелист Иоанн: елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во Имя Его: иже не от крови, не от похоти плотская, не от похоти мужеская, но от Бога родишася (Ин. 1, 12–13). Итак, если ты не родился от Бога, то явно, что ты и не чадо Его. Ты не приял еще Его и не имеешь в н у т р ь себя. Почему Он не дал тебе в л а с т и, и ты не можешь быть чадом Божиим. Если же ты не сделался еще чадом Божиим, то как возможно тебе видеть небесного Бога, яко

Отца своего? Никто никогда не видел отца своего прежде, чем родился от него. И никто из людей не увидит Бога, если прежде не родится от Него» («Слово 80-ое»).

«Мало того, они не колеблются утверждать, дерзкие, что в настоящие времена ничего такого не бывает от Бога ни в ком из верующих; и это есть крайнее нечестие, паче, нежели ересь. Ересь бывает, когда кто уклоняется от какого-либо догмата Православной веры; но кто говорит, что теперь нет людей, которые бы любили Бога и сподоблялись принять Духа Святого и креститься от Него, то есть возродиться благодатию Святого Духа и соделаться сынами сознанием, опытным вкушением и узрением, — тот НИЗВРАЩАЕТ ВСЕ воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и явно отвергает обновление образа Божия или человеческого естества, растленного и умерщвленного грехом» («Слово 64-ое»).

«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух, и обратятся к басням» (2 Тим. 4, 3).

Отрицание делящейся Пятидесятницы, сведение апостольского опыта лишь к однажды случившемуся в истории, отношение к молитвенному покаянию, как к археологии древних, — все это извращает Богооткровение. С некоторых пор молчаливо согласились не спорить о символах-словах, не оспаривать постановлений Соборов, дабы не впасть в видимую ересь. Но молчаливое неисполнение заповеданного Спасителем хуже, чем разномнения (ересь) при уточнении словесных формулировок. Это — просто нечто иное, нежели христьянство. Отпадение католичества от Предания, приведшее европейский мир к атеизму, состоит не в пресловутых спорах об исхождении Духа Святого, а в последовательном отрицании необходимости живого общения живых с Богом Живым, живого апостольского преемства, посланничества жить и страдать здесь, уже живя с Богом. Это — практический смысл основной догмы о нераздельности и неслиянности в тождестве пограничной самоотдачи с максимальной отрешенностью. Хотя католические теологи понимают, что допущение пантеизма о не Личном Боге Живом немедленно ведет к атеизму.

Католичество не есть категория количественная, но качественная, противоположная Православию. Католик, как и более последовательный протестант — это лишь оглашенный, вне зависимости от того, признает ли он папу или нет. Православный иерарх не может не быть апостолом, посланным, рукоположенным Богом, рожденным Богом чрез Христа в Духе Святом, ибо Православие есть Вечная Жизнь, Церковь видящих Отца и знающих свою Родину, живущих уже там, здесь же пользуясь кожаной одеждой-телом, как органом благовестия по примеру своего Первенца, брата Иисуса Христа. Тот, кто берет на себя Святой Крест Господень, входит в Царствие, ибо Крест этот — Крест Животворящий. Современный теологический словарь изобилует мыслями о Софии, врожденных идеях, христианском коммунизме и социализме, и в нем почти нет упоминаний о Святом Кресте Животворящем. Познание и обретение Креста невозможно на студенческой скамье или в докторской диссертации «церковных наук», ибо рождение в Вечность в Боге достигается в науке наук — Иисусовой молитве, крестной аскезе души, крещении, крестном рождении. Как, вообще, может быть теология о Личном Живом Боге без встречи и обретения Его слово Себе? Крестная Евхаристия, совершаемая в молитвенном опыте апостольской «непрестанной» внутренней молитвы, открывает человеку все; весь процесс творения мира и человека проходит перед его духовным взором, ибо Обретенный Господь воссоздает его, творит его заново. Святой Филофей Синаит называет умное делание «христианской философией», ибо если философия подлинно означает «любовь к мудрости», то христианская любовь к мудрости есть любовь к Христу. А Он, Премудрость Отца, сказал, что любить Его и означает исполнять Его указания. В молитвенном созерцании исихаста-апостола дух человека учится богоподобию, то есть творческому глаголу, животворению. Мыслительная, творчески-интуитивная, даже созерцательная сила духа есть лишь три низшие ступени в пути обретения молитвенной силы, могущей уподобить человека Богу со всем вытекающим отсюда богосыновством: став богом по благодати богосын может сотворить вселенную и человека. Приход Утешителя знаменуется по слову Господа следующим: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14, 20).

Человек, который не знает этого опытно, не имеет Утешителя, не знаком с Третьим Лицом Троицы, а стало быть не имеет отношения к Церкви, ибо Дух Святой действует в Православной Церкви, не имеет части к Ней в прямом и реальном смысле этого слова: не имеет части с Богом, не рожден Богом.

§20.

«Итак, смотри на небо в какую-нибудь ночь безоблачную, каково оно, — потом взгляни на диск луны, полный блестящего и чистого света, и вокруг этой всесветлой луны — на круг, который многократно бывает около нее. Рассмотревши добре все это, обратись умом к святым, находящимся еще в мире сем с телом. Святые сии подобны небу, сердце их подобно диску луны, и святая любовь есть всемогущий и вседейственный свет, несравненно блистательнее света солнечного. Этот образ представляет то, что бывает в нас. Я указал его, но не я изобрел. Художное Слово Бога живописало в творении, как не некоей дщице, то, что имело быть после в деле спасения, или в о с с о з д а н и я нашего, чтоб взирая на образ, представляемый чувственными вещами, мы не неверовали, что и в наше время бывает и совершается духовно истина, являемая ими. Но, зная, что каждый из нас создается Богом как в т о р о й м и р, большой внутри малого сего мира, как свидетельствует со мной и Григорий Богослов, не допустили оказаться в чем-либо худшими бессловесных» («Слово 84-ое»).

«Кто вкушает тело Сына Божия и пиет кровь Его, тот, если не знает чувством и опытом душевным, что в Боге пребывает и Бог в нем, поистине еще не причащался достойно пречистых тайн» («Слово 87-ое»).

«Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает, всякий согрешающий не видел Бога и не познал Его» (1 Ин. 3, 6).

Итак, тот, кто не кается, говорит святой Симеон Новый Богослов, согрешает, что не кается. Согрешающий же, говорит святой Иоанн Богослов, не видит Сына Божия, не знает Его, не имеет Его в себе пребывающим, не имеет Вечной Жизни и не может окормливать иных Хлебом Жизни. Свершение Евхаристии есть основная обязанность и право апостольского иерарха. Не видевший Христа, Единого с Отцом, лишь оглашен благовестием о пути

покаяния. Он еще не рожден в Боге, он еще не верный домостроитель таин Божиих, не сын, творящий Волю Отца молитвой священства Его Имени, Отца сущего на небесах, воссоздаваемых в сердце православного.

Никто из людей не увидит Бога, если прежде не родится от Него. Не рожденный в Боге ничего не знает о Нем и Царствии Его.

§21.

«Удостоверение в действительности спасения одно, — это духовное чувство благодати Всесвятого Духа, даруемой от Бога ради веры духовной силе ума. Таков чин у верующих во Христа. Но да внимаем добре, чтоб не случилось быть в не сего чина кому-либо из диаконов, или иереев, или духовных отцов и руководителей душ христианских, и не постиг нас гнев Божий тем, что не станет у нас более ни огласителя, который бы оглашал учением веры, ни учителя, который бы учил, ни духовных мужей, которые бы в о с т а н о в л я л и р а с с т р о и в ш и х с я б о ж е с т в е н н ы м в о с с о з и д а н и е м, которое превосходит всякое слово человеческое. Ибо не следует н и к о м у прежде причастия божественной благодати в о с х о д и т ь н а у ч и т е л ь с к у ю к а ф е д р у, чтоб не привлечь на себя Божия гнева, так как из мудрых в слове, но не приивших божественной благодати, иные сделались н а ч а л ь н и к а м и е р е с е й, другие п о б е ж д е н ы были словами еретиков и пали в ров пагубы. Но как таковые не чувствовали силы возрождения, бывшего в них через Св. Крещение, то им н а д л е ж и т прежде пойти к духовным мужам. чтоб посредством п о к а я н и я и других деланий, о коих мы сказали выше, поста, молитвы, в о з л о ж е н и я р у к о п ы т н ы х о т ц о в д у х о в н ы х и с т р о и т е л е й в е л и к о г о с е г о т а и н с т в а, а также и священного оглашения теми, которые умеют оглашать, сподобиться получить возрождение и таинственное образование душевных сил и, укрепившись божественной благодатию и силою, начать работать в вертограде Божиим, да не будет тщетною вера их и исповедание их. Ибо когда вера их будет тщетна, т о н и к а к о й п о л ь з ы н е п р и н е с е т н и т о, что именуют себя верующими во Христа, н и т о, что поклоняются Ему. **Б О Г Н Е Д Л Я Т О Г О С О Д Е Л А Л С Я** человеком, чтоб Ему поклонялись

и веровали, что Он Бог и человек, просто, как случилось; но Он соделался человеком для того, чтоб мы СОДЕЛЫВАЛИСЬ ОБЩНИКАМИ БОЖЕСТВЕННОГО ЕСТЕСТВА, и, познав силу сего таинства и благодать восчувствовав, благодарили Его. Которые опытно познали принятую благодать, те суть други Христовы, коим вверены тайны, и которые проводят жизнь в духе Христовом» («Слово 51-ое»).

Сказано древним, что Царствие Божие есть внутри человека, сказано навечно, что Оно постигается, берется, усиливается в Творчестве Воли Божьей. Творчество Воли Бога по исполнению и пребыванию в учении Его уподобляет человека Богу, делает его обладателем Святого Креста, Крестного божественного естества, любовно послушного Св. Троице, царствованию Ее. Обретя благодать, ее можно передать в таинстве рукоположения, как рукоположил Павел Тимофея по пророчеству о нем. Таинство рукоположения — основное таинство иерархии. Если живая созерцательная апостольская преемственность в обладании духовными дарами Третьей Ипостаси теряется иерархией, то она должна первой пойти к духовным мужам, чтобы те возложили руки на епископов, огласили их вновь учением и наставили в учении, ибо опытные старцы имеют опыт Богообщения, подлинного богословия в познании Живого и Личного Бога. В противном случае община кающихся превращается в протестантскую общину, но не с выборным пасторатом, а с национальной традицией выборности епископом своего преемника. Рукоположения от Бога не происходит ни в том, ни в другом случае. Дух может возжигать и воссоздавать угасаемое и теряемое. Имея внутри себя Царя, живя духовно в Царствии Его, апостолы-старцы могут совершить подлинное рукоположение, восстанавливая расстроившееся преемство, даваемое созерцанием прославленного Спасителя. Они могут и вновь напомнить и цель христианского служения: стяжание Духа Святого, — воочеловечивание и воплощение Третьего Лица Святой Троицы по вере в Сына Божия, то есть Имени Сына Святой Троицы, в почести высшего ЗВАНИЯ во Христе Иисусе, по учению Его. Ибо и Он соделался в синергии воли и естества воплотителем Второй Ипостаси, Логоса. Цель христианской жизни суть Христос-

Утешитель. Второе Пришествие Сына Человеческого, как было Первопришествие Христа-Логоса, Христа Иисуса. В этом великом сотрудничестве участвуют и Бог в Лице Духа Святого и человек. Оба свободны. Еще раз: **ОБА СВОБОДНЫ!** Человек-христианин обязан сделать все для того, чтобы очистить свой телесный храм для Тройческого Воплощения, а не только вочеловечивания. Бог же **волен** придти и Судить, или отложить Свой приход, Свое воплощение до времен всеобщего покаяния. В этом случае Православный будет ждать, как ждали все святые до него, ждать радостно, ибо любовное Богообщение будет удостоверить его в действительности спасения своего, спасения в обретении богосыновства, входа в Царствие Его, обретения Имени-Печати сына Божия.

Аминь!

Имея **внутри** себя духовно вочеловечившегося Сына и Духа, он будет твердо знать и о своем **воскресении-воплощении** в День Оный, в Последний День исторических сроков.

Аминь!

И вместе с Павлом он будет дерзать уже и о почести Вышнего Звания, о **воскресении мертвых**, а не только об обретенном **внутри** собственном воскресении **из мертвых**. Аминь! Кто **совершен**, так должен мыслить. Аминь!

ВВЕДЕНИЕ «В» БОГОСЛОВСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ

Благовествующее богословие не в силах смертного: Иисус Христос есть ДВЕРЬ и ПУТЬ к ОТЦУ, Он вводит; но введение «В» богословскую проблематику возможно в усилиях смертного стать «В» пространстве интеллектуальной ясности и совести.

Последующие страницы означены как «введение в богословскую проблематику», потому что б о г о с л о в и е в Библейской перспективе тождественно Благовестию Ипостасного Слова и с в и д е т е л ь с т в у о Нем: транслируется опыт личной встречи с Господом Иисусом и исполняется вверенное Им служение, для которого Ипостасью Духа Святого подаются д а р ы. Христианское богословие есть «жизнь вечная», — и посему записанное «на бумаге чернилами» может вводить в богословскую проблематику, ибо не может, естественно, вводить в «жизнь вечную», что в силах Бога Живого, для твари первично раскрывающегося в благодати Духа Святого, чтобы возводить к причастному богопознанию Сына Иисуса Христа и чрез Него к Единому Отцу. Записанное на бумаге чернилами должно быть и к о н и ч н ы м, то есть иметь силу возводить от графем к первообразам, как это определено об иконе в красках. Записанное на бумаге чернилами должно отвечать каким-то человеческим измерениям и ожиданиям. Каким же? Как не привлекателен писательский дар Л.Шестова и его критика, всё же «ясность и определенность» измерительно необходимы при изложении чего-либо на бумаге чернилами.

§1. БОГОСЛОВИЕ

Христианское богословие «ВО» (обстоятельство места, отвечающее на вопрос «ГДЕ?») Святом Духе есть богословие **свидетельское**. Недостаточно в структуре Благой Вести увлекаться утверждением или критикой оппозиции «катафатическое — апофатическое». В христианстве по причастию Нетварным Божественным Энергиям свидетельствуется об Иисусе Христе, как Имени Божьем и Ипостасном Слове Божьем, а не осмысливается определяемость или неопределяемость «абсолюта». В христианстве указанная оппозиция преодолевается; церковное провозвестие есть всегда священно реальная свидетельская весть: Господь Иисус Христос стоит одесную Престола на Небесах.

Примечание о «богословии» как о «термине»

В семантическом реализме богословие есть природное знание Богом Живым Своих Имен, по преимуществу Имен Ипостасных. Так, как Бог Живой знает свои имена (Отца и Сына и Святого Духа), так, как каждая Ипостась наполняет Свое знание Себя и Двух Других любовным Смыслом, — так богословствовать не может никто иной, кроме Святого. Так, как Сын знает Отца, — никто знать не может. Это благоприлично сказать и о каждой Ипостаси. Святой Божий по причастию святости Троиединого нечто о Боге Живом познает, но не природно, как знают Себя и Свои Имена Ипостаси, но по причастию энергиям Нетварным. «Святой» здесь употребляется не как метафора, скрывающая «высшую степень» каких-либо качеств, но как причастность по избранности Святым Энергиям Совершенно Другого, — библейского Отца Святого. Ипостась Духа Святого дает дар причастия Нетварным Энергиям избранному к причастию и дарует дар богопознания в приближении к знанию Богом Живым Своих Имен. Так святой Божий может знать во всем семантическом реализме Имя ОТЦА Господа Иисуса Христа, но не так, как это знает Сын. Святой всегда знает Иисуса Христа от Духа Святого, а потом чрез сына восходит к знанию Имени Отца. Перечисляя дары Духа Святого в 12-ой главе 1-го послания к Коринфской общине, апостол

Павел одним из первых ставит дар исповедания Иисуса Господом. В семантическом реализме, приближающемся к природному наполнению Вечной Любовью Ипостасей Имен Друг Друга, то есть к знанию Имен Божиих, святой Божий во свете Духа Святого может употреблять Имена Божии. Тогда, говоря, скажем: Иисус есть Господь, — святой не оскорбляет своими энергиями Имя Божие, ибо постигает и произносит сии Имена в Нетварном Свете. Если же Имя Божие произносится не святым, но кем-то иным, то оно наполняется тварными энергиями и не имеет того семантического реализма, того смысла, который содержит в себе. Имя Божие (если жестко сказать) — хулится! И это не в юридических смыслах, но в силу Святости Святого. Он не позволял произносить Свое Имя иудеям, потому что они не могли бы произнести его в точном смысле, а потому наполняли бы Имя Божие своими тварными домысливающими энергиями, — и это не в «логико-понятийном» смысле, а в «аскетически-энергийном». Создавался бы и дол имени, как мог создаваться и дол визуальный. После Воплощения Ипостасного Слова, Его Креста, Воскресения, Вознесения, Пребывания в Храме Света и причастия апостолов Нетварному Свету, преподанному по Его молитве Ипостасью Духа Святого, — именованное Божие стало возможным в иконическом смысле, как стало возможным и Изображение Ипостаси Иисуса Христа красками и линиями. Возможность эта, как возможность благого провозвестия, реализуется по причастию Нетварным Божественным Энергиям, **тождественным** Сверхсущности Природы Трех Ипостасей, но и **различным** от нее. Открытое Сыном Божиим ИМЯ Божие есть суд для твари. Произнесение этого имени вне семантического реализма «метанойи» и последующего призыва Бога Живого в чудный Свой Свет, — губительно, ибо создается и дол, наполняемый жизнью тварных энергий сознания: создается двойник. Весьма вероятно, что достижения «язычников», предельно выявленные в буддийском йогическом тантризме, имеют большую ценность, ибо на вершинах своих «путей» настаивают на безмолвии и релятивной пустотности всех и всяческих именовании. Учение будд в этом смысле выступает «принципом дополнительности» к благой вести Господа Иисуса Христа и его свидетелей об Имени Божием и крещении после «метанойи» (или заумия!) в это Имя.

Ум (нус!) работает обычно с «помыслами». Помыслы содержат какие-то и м е н о в а н и я. Отношения древних к имени достаточно хорошо описаны: «имя вещи есть субстанция вещи», — так напишет Павел Флоренский в публикуемой им лекции об «общечеловеческих корнях идеализма», где проводится и показывается мысль о магико-кудеснической (я бы сказал: «всеобъемлюще тантрической») причастности платонизма. Интенционально и энергично оживляемое имя в медитативном делании о ж и в а е т ж и в ы м с у щ е с т в о м. Когда ум умирает и умиряется в за-умии и безмолвии молвы помыслов, — тогда существование «имен» обретает ничтожность и пустотность, — таковое пробуждение будд ни в коей мере не противостоит Тому, Который сказал Моисею о том, что Моисей может сказать сынам Израилевым, что СУЩИЙ послал его.

Бог живой знает Себя как СУЩЕГО. ОН ЕСТЬ. Призванное к существованию тем самым призывается к п р и ч а с т и ю Существенным Нетварным Энергиям и только по причастию этим Энергиям обретет с у щ н о с т ь и с у щ е с т в о в а н и е. Сама по себе тварность ничтожна и ничтойна. Пути будд помогают всем «языкам» освободиться от иллюзии существования, а библейский Бог Сущий через Своих призванных участников б л а г о - в е с т в у е т об обретении «жизни вечной». Только по причастии Божественным Энергиям, то есть по обретении «теозиса», возможен иконический язык благого провозвестия, где Имена Божии не нагружаются тварной ничтожностью, но про-износятся во Свете и утверждаются в приближении к Сущностному Реализму Знания Богом Живым по Природе Своих Имен. В споре «тварного» сознания и «теозисного» сознания Варлаама и Паламы вопрос б о г о - с л о в и я встал со всей остротой: можно ли «евангельские» слова подменять «аристотелевскими силлогизмами», когда речь идет о познании Божественных Имен? Претензии тварного сознания п о з н а т ь сущность Сущего ошибочны, — здесь лежит скрытно «возрождение» языческо-медитативного отношения к именованьям, которые в конечном итоге должны быть сняты и отброшены. Отсутствие свидетельского реализма как бы дает возможность «язычникам» (которые не реализуют свои пути будд) в постижении Имен Бога соотносить Их с йогической интенцией: и тогда они «существуют» лишь в процессе медитативного оживления. Но СЛОВО БЫЛО К БОГУ. Вне зависимости от тварности СЫН

ЕСТЬ ИПОСТАСНОЕ ИМЯ ОТЦА. Сын **всегда** Именует Отца и Духа Святого, как ХРИСТОС, Помазанник Помазания. Об этом предельно [ясно] высказались свв. Григорий Нисский и Максим Исповедник. Произнесение евангельских слов в семантическом реализме иконичности требует причастия «жизни вечной». В противном случае создаются идолические «формы» слов, которые создают омраченных тварной ничтожностью анти-христов «во имя свое».

Для «православия» особенно должен быть вновь со всей остротой поставлен вопрос об иконичности произносимых словес. Возможно иконоборчество не только против изображений красками и линиями на досках, стенах и шитье, но и против словесного высказывания в Храме, если это высказывание не окрашено красотой Света говорящим. Можно проследить «западную» иконоборческую направленность, выявленную в протестантизме с его отрицанием поклонения «образу» как «подобию первообраза» и с появлением лингвистической и исторической критик текста Писания, ибо причастность Сущему, выражаемая бытийствующим «есть», стала восприниматься как логико-грамматическая связка в суждении (Кант!). Слова говорящего в храме должны быть причастны Свету, — то есть произносящий должен быть святым по причастию Сущему Святому и тогда **его** слова будут иконичными и их можно с почтением слушать, воздавая причастнику те же почести, что и иконе. Если же этого нет, то он просто «транслятор» вроде иконописца, но иконописец не требует поклонения!

Документированные свидетельства членов Апостольской Церкви (св. Писание и св. Предание) научают, что созерцаемый святым свидетелем Господь Иисус Христос, стоящий одесную Престола в Храме Света, есть **В О С К Р Е С Ш И Й**, то есть Тот, Кто, родившись от св. Девы Богородицы, проповедовал евангелие Царствия Божия, установил откровение о евхаристическом человечестве, как Его «роде», был распят по обвинению в богохульстве, погребен, воскрес в третий день «по Писанию», вознесся и навеки стоит как Первосвященник пред Престолом Божиим, чтобы ходатайствовать и вводить святых причастников евхаристического человечества во Святая Святых. Свидетельский реализм Благой Вести

(еще раз: это и есть богословие!) о том, что Господь Иисус стоит пред Престолом Божиим во Свете, есть трансляция (исповедание) «ответания на» Библейское в о п р о ш а н и е: Истинный Первосвященник, стоящий во Святая Святых пред Лицом Отчим, который ходатайствует о евхаристическом «новом человечестве», есть Господь Иисус Христос, отменивший прообразное «ветхое» и являющий вечное «новое»: ветхая «кровь» козлов, с которой входил ааронов первосвященник во Святая Святых в Йом-Киппур, чтобы ходатайствовать за грехи народа, заменена и открыта как КРОВЬ Господа Иисуса Христа, причащаясь которой **входит** причастник как п е р в о с в я щ е н н и к «во Христе» во Святая Святых. Богорождение Иисуса Христа от св. Марии было не от «тленного семени», но от Бога. Св. Дева не знала «мужчину». Господь Иисус, по сему, во всем подобен человеку, кроме «греха», генетически наследуемого от Адама через «отцов». Господь Иисус Христос образует «новое человечество», «новый род». Возрождение происходит через таинство «смерти» крещения и таинства «вечной жизни» в евхаристии Духа Святого. Причастники-христиане суть «новая тварь» во Христе, — новое человечество «во Христе». Так, как «израиль» именуется от Иакова-Израиля, «отца» народа, так и «христиане» именуют себя от и м е н и Христос.

Это совершенно новый р о д Б о ж и й, по **имени** Иисуса Христа именующийся х р и с т и а н а м и. Нужно ли параллельно вводить ограничительный принцип: всякий реально не возрожденный не есть христианин и если именуется таковым, то с а м о з в а н с т в у е т?

В Библейской перспективе «прообразов» Ветхого Завета, новый род Божий «причастников» Телу Христову, а не какому-либо иному «телу», есть «колени» Христово (не «адамиты», не «ноахиты», не «авраамиты», не «израильтяне», но «ХРИСТИАНЕ»), входящее во Святая Святых «путём новым и живым»: «итак, б р а т я, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путём новым и живым, который Он [вновь] открыл нам чрез завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над д о м о м Божиим, да приступаем с искренним сердцем...» (Евр. 10: 19–22).

По закону, данному Моисею на Синае, во Святая Святых входил не «без крови» жертв за грехи народа в Йом-Киппур раз в год п е р в о с в я щ е н н и к из детей Аарона, «колени» Левия. Для иудей-

ского ритуализма до «разрушения» храма в Иерусалиме была ясной всесовершенная «новизна» Нового Завета в Крови Христовой: Он Сам и первопричастники суть «новый Израиль», «новое первосвященство». Убивают, посему, Иисуса и изгоняют Его свидетелей, приговаривая их к побиению камнями. Когда первомученик от иудеев Стефан исповедал перед синедрионом «первосвященников» ИИСУСА, стоящего одесную Престола Божия, то собрание иудейских архиереев прекрасно понимало, о чем идет речь. Понимала это и иудейская чернь: новый Израиль «во Христе» есть действительно «новое человечество», если Христос – **НОВЫЙ АДАМ!**

Свидетельский реализм первопричастников и «начатка» евхаристического или церковного человечества исповедует Иисуса Христа Новым Адамом, а его евхаристическое «ТЕЛО» симметрично реброизымаемой Еве книги Бытия. Поскольку Иисус Христос есть Новый Адам, Бог, рожденный св. Девой Богородицей без генетического наследования «греха», то Благая Весть о евхаристическом человечестве **направлена** «всем народам». Во Христе, как Новом Адаме, **НЕТ** иудея, элина, скифа, индуса, русского, раба, свободного, мужчины и женщины, – но «**НОВАЯ ТВАРЬ**», совершенно невиданный **род детей Божиих**, рожденных не от «похоти плоти» и «похоти мужа» по Иоанну, но **ОТ** Бога, возрожденных «не от тленного семени, но от нетленного, от Слова Божия» по Петру (1 Петр. 1: 23). Рожденный от Бога не грешит, ибо «семя Его» (1 Ин. 3: 9) пребывает в нем; не тленное семя «адамово», но «семя Его», – вспомним Его слова по Воскресении: восхожу к Отцу Моему и **Отцу вашему**, – семя Его, как Нового Адама. Христиане, так сказать, «новый вид» на земле со всем его «биологическим» реализмом. Христиане – пневматологическое человечество на земле. Для первопричастников-апостолов, как и для всего иудейства, была ясна всесовершенная **новизна** учения, ставящая вопрос «или – или»: «Если меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. ... Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда **в с я к и й** убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 15: 20 и 16: 2).

Благая Весть «во» Христе и «о» Христе есть категорическая отмена всего ветхого: «старое прошло, теперь все новое». Закон и пророки провозглашены Иисусом исполнившимися; их относительная ценность «прообразов» и «детоводительства ко Христу»

выявлена. Иудейский народ стоял (и стоит) перед катастрофическим выбором: признать или не признать проповедь апостолов, как исходящую от Бога и во всяком случае «равную» Моисеевой; признать или не признать, что к ним «первым» она обращена по обетованию Бога Живого отцам их. Часть иудеев приняла Новый Завет в Крови Иисуса, как причастие Его «Телу», чтобы быть «костями» Его, часть — отвергла. Ради исторической справедливости стоит отметить, что **отвергающие** были жестоки.

В историческом процессе Благой Вести о новом человечестве как церкви-роде первосвященников во Христе произошла столь невообразимая абберрация, что можно только «диву даваться». Имеется в виду доктрина «посвященного» священства в оппозиции к «непосвященным» мирянам, хотя и те и другие предполагаются реальными причастниками Крови Иисуса (в доктрине Римского Престола таинству Крови причащается только священство), вводящей «путем новым и живым» род царственного священства во Святая Святых. У иудеев, кажется, появляются дополнительные основания полагать Иисуса Христа лжепророком-сектантом, ибо «епископальная» экклезиология, как интерпретация евхаристического завета в Крови, говорит лишь о сектантской перемене священства, которое возводится теперь не к «Левию» и «Аарону», но к «Петру» и «апостолам». В епископальной интерпретации вновь воздвигается «завеса» пред Святая Святых: евхаристического причастия и возрождения от Бога в чадо Божие почитается недостаточным. Новое человечество отрицается. Исследователь «духовной» литературы был бы поставлен в тягчайшее положение, если бы не документированные и неоднократные призывы святых свидетелей Божиих (св. Симеон Новый Богослов на переломе предсхизмы Востока и Запада яснее других) о р е а л и з м е п р о ж и в а н и я возрождения от Бога «новым человеком» для **свидетельства**. Но прореканий святых детей Божиих теперь уже не слушает «Новый Израиль». Возможно ли это? НЕТ! Не слушают те, кто выдает себя за «Новый Израиль». Свидетельский опыт Благой Вести о собственном возрождении «ВО» Христе, «о» Господе Иисусе Христе, стоящем одесную Престола Отчего и возводящем причастника к Отцу,

будет **всегда** обличать и «клириков» и «мирян» в их **воровстве** и присвоении себе ИМЕНИЯ, которое им не принадлежит, ибо ИМЕНИЕ это суть **родовое** Царство детей Божиих. Свидетельский реализм святых Божиих по-прежнему обращается с проповедью к «ветхому израилю». В наибольшей яви противостоит Благой Вести детей Божиих (кроме иудейства) доктрина Римского Престола с поучением о «тварной» благодати; сосредоточенной «В» (обстоятельство места, отвечающее на вопрос «ГДЕ?»») перво-епископе Римском по наследовании Петру, первому Викарию Иисуса Христа. «Юридизм» данной доктрины противостоит «биологизму-пневматологизму» свидетельского реализма; «нетварная» благодать по свидетельству святых сосредоточена «ВО» (обстоятельство места, отвечающее на вопрос «ГДЕ?»») СВЯТОМ ДУХЕ. Святой Дух есть «истинное место святых», по словам св. Василия Великого. Не «В» Римском Престоле, но «В» Святом Духе и Свете Его. Папский Престол со своим «первосвященником» (но не Отчий Престол с Первосвященником Иисусом на небесах) лишь наиболее последовательно отрицает евхаристическое первосвященство **всех** реальных детей Божиих «ВО» Христе, — последовательными парадоксами элементы доктрины «апостольских престолов» омрачают Благою Весть и на Востоке. Апостолы заявляли, что проповедуют **не себя**, но Христа, — посему они «чисты» от вины искажающих рецепций их ясного свидетельства и будут обвинителями на Страшном Суде, как невиновен и Моисей за «жестокость» Ветхого Израиля и будет свидетельствовать против иудеев в свой срок. Свидетельский реализм Благой Вести об Иисусе Христе, как Первосвященнике Скинии Света, связуется со свидетельским исповеданием Святой Триады, Единосущной во Свете Нетварных Энергий, тождественных Три-Ипостасной Сверхсущности, но и различных от Нее. (См. примечание к § 20).

ИМЯ Иисус Христос несет в себе содержание не только о Логосе как Сыне Отчем (соотнесение с Отцом), но и о Помазаннике-Священнике (соотнесение с Духом Святым, исходящим от Отца и Помазующим Сына). «Исповедание этого ИМЕНИ содержит в себе **учение** о Святой Троице, потому что в этом названии соответственно выражается Каждое из Лиц, в Которые мы веруем... В Нем познаем мы и Помазавшего, и Помазанного, и Того, чрез Кого помазан», — св. Григорий Нисский. Дух Святой Есть Ипостасно

и Существенно ЦАРСТВО ОТЦА И ПОМАЗАНИЕ СЫНА (св. Григорий Нисский, св. Максим Исповедник). Свидетельский созерцательный опыт святого чада Божия об Иисусе Христе, стоящем одесную Престола Благодати, есть **исповедание** (изнутри исповедание!) Святой Триады: Отца, как рождающего Единородного Сына, и Духа Святого, от Отца, как Единого Ипостасного Источника, **ИСХОДЯЩЕГО** и Сына Отчего на Первосвященство и Господство в Церкви **ПОМАЗУЮЩЕГО**. Иисус Христос есть в свидетельской трансляции Первосвященник, стоящий одесную Престола в Храме Света, — таков **созерцательный опыт**. В безмолвии Света, когда святой **вслушивается** «В» Нетварном Свете, что обеспечивает **молчание** всего уровнево-тварного, он постигает **исповедание** созерцаемого Первосвященника как Единородного Сына Отчего и как Помазанника от Духа Святого, Исходящего от Отца. Возрождение во Свете Нетварных Энергий «ВО» Святом Духе дарует свидетелю прикосновение к различению тайны «рождения» и «исхождения». Тайна эта документируется в симметрии: Адам родил Сифа, но НЕ родил Еву. Ева «исходит» от Адама. Церковь евхаристически «исходит» от Жениха Иисуса Христа. Евхаристия научает в безмолвии Света благочестия тайне: Ипостась Духа Святого **ИСХОДИТ** от Отца; Отец Единородного пребывает Отцом и от Него **ИСХОДИТ** Дух Святой как Его Ипостасное Царство. Ипостась Духа Святого научает евхаристическое человечество любить Отца как «Авву» и **любить** Иисуса Христа как **ЖЕНИХА**, то есть **невестинской любовью**. Полноту откровения об Иисусе сообщает Дух Святой.

Ипостась Духа Святого **ИСХОДИТ ТОЛЬКО ОТ ОТЦА**, как Его, Отца, Ипостасное Царство, Его, Отца, Ипостасная Жена-Невеста. Причащаясь во Святом Духе **НЕТВАРНЫМ ЭНЕРГИЯМ БЛАГОДАТИ**, святой член Церкви вмещает любовь ко Христу как Жениху. В **КРЕСТОТВОРНОЙ** симметрии постигается Троиединство Сверхсущности как симметричное **многоединству** Нетварной Благодати как «природе» Церкви. Причастие Нетварной Благодати **преображает** и «ветхого человека», так что святой Божий, пребывая еще в этом теле, может преобразенными органами созерцать Свет Божий и во всем реализме удостоверяться в пребывании обителю Бога в Его Свете. Свидетельский реализм удостоверения не удовлетворяется лишь «юридизмом» рецепции Благой

Вести, по которому Бог, так сказать, удовлетворенный жертвой Своего Сына, пресек с с ы л к у и высылку адамитов. В такой рецепции «новый» р о д Б о ж и й, собственно, не нужен. Бог простил прегрешения, снял «срок» наказания, и человек может «спать спокойно». Свидетельский реализм настаивает на «био-пневмологизме» Благой Вести. Создается «новое человечество». Учение Христа не есть еще один ЗАКОН как жить «ветхому человеку» (ветхий человек не мог исполнить и закона Моисея), но благовестие о н о в о й ж и з н и, которая начинается в н у т р и «ветхого гроба», чтобы преобразить его вплоть до чаемого воскресения. «Святые мощи» — тому некоторый залог. Созерцание Света, созерцание святых, ангелов, кругов мытарств при сохранении полного реализма постижения и эмпирически данного мира, — таков залог полного ПРЕОБРАЖЕНИЯ ветхого эона, ибо вся «тварь» ожидает Откровения сынов Б о ж и и х. Свидетельский реализм подчеркивает, так сказать, «онтологизм», новую онтологию, а школьное поучение подчеркивает «юридизм», новую законность, ибо не и м е е т опыта удостоверения собственного возрождения во всем свидетельском реализме. Отсутствие свидетельского опыта не дает вмещения евхаристии как с л у ж е н и я Богу и Отцу «ВО» Свете Святого Духа, **через** евхаристию Сына обретенного. Хорошо известна симметрия установленных слов в таинстве евхаристии словам пророчества Адама о природе Евы: Сие есть Тело Мое. Церковь есть Невеста Агнца. Причащаясь Его «телу» причащаемся «новоадамитству» в о о с т а в л е н и е г р е х о в, генетически передаваемых через суетное «семя» отцов.

Сие есть Тело Христово, ломимое во оставление грехов! мы — плоть от плоти Его и кость от костей Его! мы — христиане, а не адамиты! все народы могут персонально обрести новое безгрешное рождение от Бога во Христе! — ТАКОВЫ молитвенные радования благовествующего свидетеля. Церковь есть Невеста Сына, Невеста Иисуса Христа. Причастие Нетварным Энергиям не привносит в Святую Триаду «четвертую ипостась». Церковь и причастники Ее не привносят в Святую Триаду «тысячу» ипостасей, ибо ТРИ ИПОСТАСИ ЕДИНОСУЩНЫ В СВЕРХСУЩНОСТИ, а «природа» Церкви есть «природа» НЕТВАРНЫХ ЭНЕРГИЙ, различных и тождественных СВЕРХСУЩНОСТИ. По окончании домостроительства и созидания Тела Христова Бог явится Тем,

Который был, есть и грядет, Тем, Который БУДЕТ: Святой Тριάдой во Свете причащенных Святых Божиих! Нетварный Свет, в котором живет Бог, изграфится и к о н о с т а с о м святых ч л е н о в Церкви! Все святые, как «многие обители» ЕДИНОГО ДОМА ЦЕРКВИ, будут созерцать Иисуса Христа в Его Ипостаси и Лице и постигать бесконечную любовнотворную тайну Трех Ипостасей.

Такова природа христианского б о г о с л о в и я. Еще раз: оно есть синоним благовестия и не может мыслиться вне свидетельского опыта. Богословие в точном смысле не следует путать с научными занятиями о д о к у м е н т а х, засвидетельствовавших на «бумаге чернилами» Евангелие ЦАРСТВИЯ.

§2.

Авва Палладий сказал: «душа, подвизающаяся по Богу, должна или с верою **у ч и т ь с я** тому, чего не знает, или **я с н о у ч и т ь** тому, что знает. Если не хочет исполнять ни того, ни другого, то она страдает **б е з у м и е м**», — так документирует «Древний Патерик».

§3.

Припоминание о нашей данности **учеников** можно начать и с предельно высокого утверждения, и с **самоочевидного**.

На высоте Господь Иисус Христос поименовал все народы **учениками**, так как предложил своим первым свидетелям **научить** все языки. Процедура **научения** предполагает способность быть **научаемым**, т.е. учеником. Господь отметил именно это наше качество как основное: мы можем быть обучены, пере-учены. Признавая релятивизм разных **школ**, Господь предлагает обучить **все школы ОТКРОВЕНИЮ**. Это высшее определение Бога о нас, как о способных к обучению, как о таковости учеников, **самоочевидно** для нас и в каждодневье нашем. «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь». «Век живи, век учись». Мы учились сами и учим наших детей ходить, есть, спать, вовремя говорить, «прилично себя вести», не бить соседа по играм «лопаткой» по голове, делиться

игрушками. Во сне нас обучают зрительными картинками «инстинкты», в относительном бодрствовании в «сени смертной» мы стараемся обучиться пробужденности по документам святых наставников. «Ах, какой невоспитанный ребёнок!» — нам так самоочевидно, что **можно** обучить тому-то и тому-то, что мы удивляемся, если не видим плодов обучения. Если ребенок долго не может научиться ходить или разговаривать, то мы тревожимся о его «нормальности», о его «полноценности». В какой-то школе мы все учились, в школу же отдаем своих детей. «Ученик 1-го класса», — это так самоочевидно для нас, что мы все дружно считаем из ряда вон выходящим случаем неспособность кого-то в 6–7 лет пойти в школу и стать естественно «учеником 1-го класса».

Дальше — больше. Окончив одно «образование», ретиво беремся за «высшее». Хотя и реализуем порой успешно **особые** способности к рисованию или пению, точным наукам или политике и пр., — все же и здесь общим корневищем лежит способность к обучению в ее таковости. Мы можем подпасть под дурное или хорошее влияние, или противостоять видимому горизонту, ориентируя волювнимание на древних примерах. Вся бы «жизнь остановилась», если бы не умели обучиться включать всевозможные приборы обслуживания; военачальники пришли бы «в ужас», если бы вдруг оказалось невозможным обучить стрелять и выполнять приказания «не рассуждая». Думаю, что довольно об этом: самоочевидно, что мы суть ученики, что конститутив **ученик** есть вполне реальное наше определение.

§4.

Ученик учится по учебнику, — это опять-таки самоочевидно всем нам. В одном классе одни учебники и программы, а в другом — другие. Учебники можно сдать или продать, чтобы купить другие. Разные учебники отвечают на разные вопросы и со-ответственны разным предметам и уровням знания. По букварю мы учимся читать, а по учебнику арифметики считать, чтобы в аспирантуре учиться уже чему-нибудь иному, чем в начальных классах школы. Ученик меняет учебники, но способность учиться в нем пребывает. Все обычно идет довольно-таки сносно, пока **вдруг** не начинают путать

учебники и по классам, и по предметам: учить, скажем, медицину по учебникам логики или арифметики, или еще как-нибудь. Тут все идет враскосьяк, хотя самое обучение в его таковости пребывает: некоторые обучаются агротехнике по учебникам идеологии или богословию по учебникам экономики. И ведь кажется, что все согласятся с тем, что на футбольном поле не ожидается тура французской борьбы, но когда **правила игры** нарушаются не столь вопиюще, делают вид, что всё в порядке или и впрямь не замечают подвоха.

Так мы достаточно серьезно повторяем, что «наука» доказала, что Бога нет, хотя наука занимается космосом или «этим миром», а Бог, как хорошо известно из документов этого уровня, находится за пределами этого мира. И если даже мы, благородно гневаясь, обличаем «проклятых безбожников», то все же с е б я как хулителей евхаристического свидетельства не обличаем в христианстве. Для наших целей (целей исследования) достойнее думать, что пуганица с учебниками происходит от преискренного заблуждения и не вдруг сделалась, а постепенно, по чуточке. Что пуганица — не плод осознанной подмены. В последнем случае следовало бы говорить об осознанном стремлении свести **учеников с ума**, что было бы ужасным преступлением обучающихся: пользуясь способностью к ученичеству в ее таковости, обучали бы самоуничтожению. Для наших целей (далее) необходимо уточнить **и з м е р е н и я** конститутива «учебник», чтобы у-ЯСНИТЬ, что может являться учебником, а что нет. Для этой процедуры необходимо приложить усилия по направленности внимания, ибо координаты учебника не столь самоочевидны, как и процесс обучения в его таковости «**надеющегося вслушивания**» или «**вопрошания «О»**».

§5. ТЕКСТ

Текст всегда есть ответ на вопрос. Если нет пронизанности вопрошанием определенного уровня, то никогда нет уясняющей ответности, а стало быть **текста** также нет, ибо под текстом сокрывается ответ на «надеющееся вслушивание», ответ на «вопрошание О». Вопрос формулирует так или иначе школа или старший. «Вопрос-ответ» и «ответ-на-вопрос» ТАК, А НЕ ИНАЧЕ, — вот то, что разли-

чает различные философские и медитативные системы. То, КАК оформлено в сосредоточении пребывающее «вопрошание О» или «надеющееся вслушивание» и ХАРАКТЕРИЗУЕТ разно-образие школ, ибо школа, обладая священными текстами, предлагает о т в е т ы на оформленное в медитации «вопрошание О». Школа удовлетворяет надежду «надеющегося вслушивания» о-глашая слушника ОТВЕТОМ.

Ученик всегда есть «вопрошание О» или «надеющееся вслушивание». Ученик есть по-слушник. То, как оформлено «вопрошание О» для получения ответа-на-вопрос, характеризует ученика школы, то есть «вопрошание О», ориентируемое и оформляемое определенными «ответаниями НА». Текст являет себя как «ответание НА» в своей таковости. Вот здесь-то и лежит несамоочевидная основа возможной путаницы, ибо забывают об УРОВНЕ, как «надеющимся вопрошанием». Ничто не отвечает на оформленное вопрошание, но **просто** всякий текст несет в себе таковость Текста как «ответания НА», и эту таковость принимают за уровневое вопрошание-ответание, хотя его и не было вовсе, а есть лишь таковость «вопрошания О». Возможно ли это?! Древние не мыслили УЧЕНИКА ВНЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ШКОЛЫ. Иначе «безумие». Ученик всегда есть по-слушник определенной школы. Его способность ученика как «вопрошание О» или «надеющееся вслушивание» удовлетворялась системой мироздания как м и ф о м или м е д и т а т и в н о й системой. До этой поры вступления в школу, обычно совпадающего с инициациями и посвящениями, некто был никем или ничем: ХАОСОМ. Он становился «кем-то» тогда, когда становился по-слушником, вслушивающимся-в-миф, удовлетворительно насыщающим свое «надеющееся вслушивание». В ученичестве НЕТ всеобщего, но всегда и всегда конкретное. При нескрытии **б о л е з н и** распада традиции или шизофрении культуры о-к-рест КУЛЬТА невозможно говорить об обучении: обрывки текстов начинают вступать в теоретически бесконечные связи, которые невозможно предсказать. Вы можете до ужасающего изнеможения шуметь о «главенстве» или «не-главенстве» Римского Престола в структуре Благой Вести и **никогда** не получите ответа просто потому, что такового ВОПРОШАНИЯ в ученичестве «во Христе» НЕТ И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. Точно также можно защитить массу лингвистических диссертаций, анализируя нечто от языков, или

прочитать уйму курсов «сравнительности» всего со всем или учения Будды Шакьямуни с Ведантой или Санкхьей, и это будет упражнением в безумии, просто потому, что таковых вопрошаний **НЕТ И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ** в ученичестве о путях **ОСВОБОЖДЕНИЯ**. Если дозволительно при взаимообмене культурных текстов конституировать таковость ученичества как **в с е о б щ у ю**, то только при постоянном оговаривании, что **в с е о б щ н о с т ь** эта предполагает наличие **к о н к р е т н о с т и**. Ученик — это вслушивание-в-определенный-ответ. Вне школы **НЕТ** ученика, его нет «вообще». Он всегда «вообще ученик» только при наличии школы и текста школы как **УЧЕБНИКА**. Иначе: безумие! Безумие исследователя каких-либо текстов. Вот «пикантный» пример: протестантские ученые господа такие-то и такие-то, когда прикоснулись к «тантристским текстам», то **у ж а с н у л и с ь**, особенно «свальному греху». Но: это ужасы шизофрении исследования. Ибо «шакт» и «шакти» именно и **е с т ь** «шакт» и «шакти», а не господин такой-то и госпожа такая-то, которые, подвыпив, во тьме предаются «свальному греху». Священный текст как учебник жизни всегда давал целостную картину бытия. Ученик получал здесь ответ на «вопрошание **О**». И его «всеобщее» как ученика было именно в конкретности пребывания в той или иной школе. Без этого «вообще» ученика не существовало. «Абстрактная истина», «истина вообще» — это галлюцинаторный плод шизофренирующей культуры.

§6. УЧЕБНИК

Учебник конституируется как оформленный ответ на оформленный школой вопрос. Учебник уясняет, как исполнение надежды вопрошания, удовлетворение «надеющегося вслушивания» или «вопрошания **О**». Учебник школы есть **с в я щ е н н о е**, священный текст. Здесь не просто вопрошание находит отвечающее, отвечающее «вообще» в своей беспочвенности, но **з н а м е н у е т с я** именем принадлежности. Отныне именографическое «вопрошание **О**» уровнево окармливается в сосредоточении священным, как учебником **жизни**. Перемена священного есть и переселение в иные миры или **перевозрождения** с переменой имений и именографических пространств. Окармливающийся священным на

ином уровне и есть иной. Учебник отвечает на вопрошание в означенном уровне. Знание, как плод обученности определенного уровня, есть и **знак** именографии, нормирующий и маркирующий «вопрошание О». Высшее — когда уже больше не вопрошается! Йогически-медитативные тексты настаивают на уровневом оформлении «вопрошания О» в его конкретности именографии, настаивают достаточно последовательно: Праджняпарамита яснет только для учеников этого уровня, а не «вообще».

§7.

Учебник всегда есть и знамение. Учебник знаменует «вопрошание О», о-значает вопрошание именем и уровневым «надеющимся вслушиванием». Текст есть знак вопрошающего. Библейский текст как священное есть знаменование Другого. **Другой Библии есть бесконечно другой, никогда не могущий стать лишь йогически-медитативной формой для реализации скрытого в пространстве именографии вопрошающего. Пророки Библии, конечно же, не риши или гуру, будды или джины «йогического Востока». Бог Библии призывает другого, и отныне другой ищет Другого, Бога Живого.**

§8. ЦЕРКОВЬ

Священный текст яснет как знамение, как знак вопрошания и вопрошающего в именографическом пространстве. Текст Библии в полноте Благовестия о Новом Завете открывает другому, призванному и ожидаемому Богом, что его **знамение есть причастие**. Он — причастник. Новый Завет есть последнее знаменование и ответание, яснет и уясняется как ОТКРОВЕНИЕ: призванный другой может причаститься природе Церкви, как реброизымаемой «плоти» Первосвященника вовек Господа Иисуса Христа. Миротворческое означается Крестом, как знаком-печатью Сына Человеческого, как знаком церковного человечества. Созидается Церковь как Тело и Невеста Иисуса Христа. Новый Завет, как священное Писание-Учебник, означает Иисуса Христа для библейски-

вопрошающего как ответ: Он – Первосвященник Божий и Жених реброизымаемой Церкви. Он **ЕСТЬ**. Он есть Жених Церкви. Церковь, как **ЕГО ТЕЛО НОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**, есть ответ на вопрошания Библии о Мессии и искуплении падшести адамитов: создается **н о в о е** человечество «В» Теле Господа Иисуса Христа, которому можно причаститься. Церковь есть текст Библии, ее почвенность. Церковь есть **знак** Библии, знаменующий Крестом исхождения Церкви от Нового Адама вопрошающего. Крещеный **свидетель** свидетельствует о Церкви во Христе: Его Невеста изымается-исходит в Его Крестном Успении. **Святые члены** создаваемой полноты Тела свидетельствуют о симметрии знамений Моисея в книге «Бытия» об Адаме-Еве [и] в литургических молитвословиях, особенно ярко в Великий Пост в «евангелиях страстей» и утренних песнопениях Великой Субботы: «В ребра прободен был еси, ребро вземый Адамле, от него же Еву создал еси, и источил еси токи чистительныя»; «Из ребра Твоего, копием прободенного, Спасе, жизни искапаеши Еве, от жизни изгнавший мя, живиши мя с нею»; «Яко от источника единого, от ребра Твоего, сугубую реку изливающего, напаяеми, бессмертную приобретаем жизнь».

Симметрии священного Писания [Ветхого и] Нового Завета хорошо известны, чтобы документировать их как примеры. Ясно: на всех уровнях «бросается в глаза» симметрия прободенного Ребра Спаса, как исхождения Его Плоти и Его Крови или Церкви-Невесты, исхождению Евы в трансовом успении из ребра Адама. Иисус Христос – Новый Адам и участники его р о д у, Его Телу суть «новоадамиты» или «христиане». Церковь есть ответ на вопрос Библии и знамение вопрошающего. Человек призывается под знамена Церкви, где все вместе составляют «единое тело», а порознь пребывают в именографическом пространстве, очерченном неповторимостью и «функциональностью» служения. (Икона СВЯТОЗАРНОГО ХРАМА).

Христос поименовал Себя **УЧИТЕЛЕМ**, а свидетелей направил с заданием научить «все языки». Ученичество как откровенное, как последнее знамение **ученика** в ясности **ЗНАНИЯ БОГА ОБ УЧЕНИЧЕСТВЕ**, открывается и знаменуется как **ученичество «ВО» Христе**. Иисус Христос есть **ИСТИНА** и ученичество «ВО» Христе есть истинное ученичество. В ученичестве «ВО» Христе «о» Церкви, в этом пространстве **ИМЕНИ ИИСУС ХРИСТОС**, ученик обре-

тает исполненным свое имя собственное. **Ученик есть вопрошание о Церкви, а Учебник-Учитель есть ответание на вопрос о Церкви или Сам Господь Иисус Христос как ЖЕНИХ ЦЕРКВИ.** ИМЯ Иисус Христос есть священный текст, есть учебник. Этому ИМЕНИ, пред которым преклоняется все земное и небесное, надо обучиться. Надо быть и пре-бывать в священном пространстве этого ИМЕНИ. Пребывание «В» (ответание на вопрос «ГДЕ?», как обстоятельство места) священном пространстве Имени Иисуса Христа знаменуется иконностью: изографное именование во Свете Нетварном. Пребывание в священном пространстве Тела Христова есть вслушивание в Свет Нетварный, и это «надеющееся вслушивание» удовлетворяется любовным познанием Креста и Святой Триады. Ученик во Христе ненасытимо пребывает в любви и свидетельствует об освобождении от всех иных **уровней** этого или иных миров...

Практическое применение превращенного суждения-оппозиции «посвященные клирики – непосвященные миряне» обличается как плод аберрации. Эта оппозиция противостоит свидетельскому и апостолическому реализму оппозиции «старое – новое» или «плотское – духовное»: «... вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Святого не имеет, тот и не Его», – так свидетельствует апостол Павел; вослед ему: св. Макарий Великий, св. Симеон Новый Богослов, св. Серафим Саровский с его напоминанием о цели христианской жизни как «стяжания Духа Святого». Каждый реальный «член» Тела Христова есть «духовный камень» Храма-Дома Божия, есть и царственный священник, пребывающий в изографном пространстве имени собственного в Едином Телe Света. Каждый член Тела, пребывая в единстве Тела, живет своей жизненной **функцией** на пользу всему Телу; каждый камень здания, пребывая единицей здания, несет свою функциональную нагрузку, – **уровнево** член Церкви противопоставляется только НЕ-члену. Духовный противопоставляется плотскому. Новый человек во Христе противопоставляется ветхому человеку в Адаме. И уже священнореально пребывая в сакральном пространстве Тела Христова и Света Благодати, каждый царственный священник получает **особые** дары Духа Святого для «созидания Тела». Ошибочна и надумана практически бытующая оппозиция «клирики – миряне».

§9. НЕСТРОЕНИЯ

Нестроения возникают при нарушении процесса (процедуры) обучения. Самое **нарушение** повязано с неполноценностью средств обучения и с путаницей учебников. Когда ученику в классе дают не тот учебник, то ожидается ошибка, нестроение. Любой акт инициации (посвящения) обучает **ничто** определенными ответами «В» мифе. С момента инициации посвященный живет «В» пространстве мифа. Акт инициации посвящает **ничто** как никак не организованное «профанное» в определенное «сакральное». **Текст жизни священен.** В историческом процессе Благой Вести случилось нечто прямо противоположное (что, конечно же, невозможно!) «сонаследники же Христу» (Рим. 8: 17) **парадоксальным образом** обозначились «мирскими» в оппозиции к «клирикам», **ХОТЯ И ТЕ И ДРУГИЕ ПО ИДЕЕ СУТЬ ЧЛЕНЫ ЕДИНОГО ТЕЛА НОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВО ХРИСТЕ НА НЕБЕСАХ?!** Чтобы приносить «В» (обстоятельство места, отвечающее на вопрос «ГДЕ?»). Нем на небесах «плод Богу» (Рим. 7: 4). Нестроения христианские (самое такое суждение есть парадокс!) хорошо означены словами проф. прот. Н. Афанасьева: «В историческом процессе выяснилось, что не „profanus“ делается „sacer“ а, наоборот „сограждане святым и домашние Богу“ становятся „profani“» («Церковь Духа Святого»).

§10.

Кто Духа Святого не имеет, тот и не Его. Самая возможность **узнать и пережить вселение** Духа Святого в Нетварной Благодати стала подвергаться сомнению не только на Западе, но и на Востоке давно. Сомнение это **всегда** поддерживалось «клириками», которые не имели свидетельского реализма, и **всегда** сомнение это обличалось святыми Божиими, как опыт реального свидетельства имевшими. Далеко не все святые Божии были «клириками». Св. Симеону Новому Богослову пришлось уже «в крик» отстаивать необходимость созерцания Света, если «Дух Божий живет в вас». **ЭТОГО НЕВОЗМОЖНО НЕ ЗАМЕТИТЬ!** «Исихастское возрождение» утвердило эту возможность решениями Соборов, но в **практику**, жизненно определяющую практику, измерения исихазма **не**

вошли. Измерения исихазма заискрились иконописью 14–15 вв., чтобы воссиять в наставлениях св. Серафима Саровского: писатель беседы Н.А.Мотовилов сиял в том же Свете, что и св. Серафим, и Господь, и апостолы. Смыслы «беседы», ориентированные **всем**, оформлялись в язык смертных в том же 19 веке, когда догматизировался Римский Престол в непогрешимости своего глашатая. Есть симметрия в свидетельствах св. Симеона во времена «клюнийцев» и св. Серафима во времена, когда «клюнийские» начинания обрели форму догматического определения. При нарушении **уровня** евхаристического благовествующего свидетельства **УЧИТЕЛЬ-УЧЕБНИК ДУХ СВЯТОЙ** делается ненужным. Его подменяют «наследники апостольских престолов». Святых не слушают! Но святые свидетелствуют, ибо они **ЕСТЬ** свидетели: «... отрицаясь же Его зрения, мы явно показываем, что не рождены, не произошли в Свет, сходящий свыше, но еще во чреве носимые младенцы, или, лучше сказать, выкидыши, а домогаемся священных мест и восходим на Апостольские престолы», – св. Симеон Новый Богослов («Слово 9-е» св. Симеона Нового Богослова по изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни «12 слов», Сергиев Посад, 1911 год).

§11.

Нестроения возникают при нарушении процесса обучения. Самое ученичество как процедура-обучение есть жизненное функционирование ученика пред учебником, есть некая связь «ученик-учебник». Процесс обучения как связь есть всегда «вслушивание-в-другого», «при-слушивание», «вслушивание В», «надеющееся вслушивание». Обучение есть **надежда** и **любовь**. Обучение немислимо без прислушивания, без послушания. Обучение открывается как «вслушивание В», как «надеющееся вслушивание». **УЧЕНИК ЕСТЬ БЕЗМОЛВНОЕ НАДЕЮЩЕЕСЯ ВСЛУШИВАНИЕ В!** Если обучение идет уровнево, то на одном уровне следует вслушиваться в определенное этого уровня, отвлекаясь от иного. Вслушивание конституируется как **сосредоточенность**, именно Средо-Точие, точечность уплотненности среды, сферы сознания. Буддийские теоретики так (кажется) описывают дхарму «самадхи». «Самадхи» – это способность (состояние) сознания отвлекаться от чего-

либо при сосредоточении на чем-либо ином. Эта наша способность яснее и в пространстве самоочевидности: отвлекаясь от житейских дел и от забот, мы развлекаемся на театре и т.д.

Нестроения возникают при нарушении уровневого «вслушивания В». Слушают не то и не того, кого следует. Но такая процедура не может быть конституирована как **в с л у ш и в а н и е**. Ибо прислушивание и есть всегда уровневое прислушивание, а не прислушивание «вообще». Прислушивание «вообще» есть болезнь, **м а н и я**. Не-вслушивание **в ы д а е т** себя за вслушивание, болея. Состояние страдания есть состояние болезни. И оно возникает как иллюзорное, как почти жарко галлюцинаторное состояние из-за подмены уровневого «вслушивания В» на вслушивание «вообще». **ПО ОТКРОВЕНИЮ** Господа Иисуса Христа ученик Его в надежде вслушивается в Его пребывающее Слово. Ученик именуется учеником как **БЕЗМОЛВНОЕ НАДЕЮЩЕЕСЯ ВСЛУШИВАНИЕ В СЛОВО БОЖИЕ**. Ученик проходит обучение по пресечению «помыслов» в молитвенном делании как приведению **средств** обучения в измеренный порядок: должны быть изгнаны **ШУМЫ** для пребывания безмолвствующим. Св. Григорий Синаит говорит, что только святые имели «чистый разум», — остальные лишь переваривают различные «помыслы». Пребывая «В» помыслах, некто существует в пространстве «помыслов» и нигде иначе. Ученик начинает **борьбу** с «помыслами» как **п о - д в и г** как **д в и г а н и е**, движение из пространства помыслов **п р о ч ь**. Св. Григорий Палама свидетельствует об этом движении: «И когда ум, истребив всякую живущую в нем страсть, доставит душе бесчувственность, и не только сам себя, но и другие душевные силы целиком обратит к себе, и все чужое, что до того отпечатлелось в нем дурного, он отстранит прочь... сам же он, возвысившись до духовных и умопостигаемых видений, благочестиво и благоговейно отстраняется от всего, и предстоит пред Богом **НЕМЫМ И БЕЗГЛАСНЫМ**, тогда в нем откроется логос вещественного начала...».

Св. Серафим Саровский свидетельствует: «... но когда, при всемогущей силе веры и молитвы, Господь Бог Дух Святой посетит нас соизволит и придет к нам в полноте Своей неизреченной благодати, то надобно и от **м о л и т в у п р а з д н и т ь с я**; ибо молвит душа, когда в молитве находится, или молитву творит, а при нашествии Духа Святого надлежит нам быть **в полном безмолвии**, что-

бы СЛЫШАТЬ явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда нам возвестить соизволит» («Беседа», пространная редакция Н.А.Мотовилова).

§12. УЧИТЕЛЬ

Господь Иисус Христос поименовал Себя Учителем. В прощальной евхаристической беседе, подробнее других записанной Иоанном Богословом, Он сказал, что многие вещи им откроются Духом Святым, Который вселится в первопричастников Нетварного Света. Тогда, когда придет Дух Святой, Он будет **говорить**, а ученики будут **слушать**. Дух Святой напомнит говоримое Господом Иисусом и наставит о многом, чего Ученики пока не могут «вместить». Нетварная благодать, коей причащается ученик и в коей пребывает как в священном пространстве с его безмолвным ЯЗЫКОМ, учит святого Тайне Престола Святой Троицы. Ученик учится «ВО» Христе, как священном «обстоятельстве места». В этом месте ученика о б - с т о я т святые и Свет. Ученик пребывает В-МЕСТЕ святых, В Духе Святом, «ВО» Христовом Телес. Ученик безмолвствует во Свете, и это безмолвное вслушивание во Свете есть пребывание на постоянном «месте жительства» во Свете, — на земле же они «посланные», на земле они в «командировке», на «службе». Вслушиваясь в Свет во Свете ученик обучается у Учителя-Бога. «Все будут научены Богом». Бог никому не передавал полномочий Своего Учителства. Сам Бог, как Учитель, говорит к вслушивающемуся. Таковая процедура обучения нормальна в своей НОРМЕ, в своей таковости, ибо это и ЕСТЬ **любовь**.

§13.

Вполне допустимо разглядывать интеллектуальную продукцию в зафиксированности как своеобразный ландшафт, как «книжное пространство». Тогда временные даты предстанут как пространственные точки: 1914 год предстанет «горой» или «перепутьем» книжного пространства, как, впрочем, и любой другой временной отрезок. 1914 год — в книжном пространстве вообще и России в частности т о ч к а уникальная, возвышенная, сияющая, — имен-

но в этом году Сергиев Посад издал полный текст беседы недавно канонизированного, великого свидетеля Иисуса Христа святого старца Серафима из Саровской обители. В книжном пространстве уже означилась книга священника П.Флоренского «Столп и Утверждение Истины»; уже отшумели «Вехи» и отклики на этот сборник; Густав Шпет выпустил в свет свою апологию феноменологии Гуссерля с посвящением Рихарду Вагнеру; символисты самозабвенно излагали романтические идеи о целителе-художнике, а Зигмунд Фрейд предложил на роль целителя врача-психоаналитика; теософы напористо манифестировали «тайную» мудрость «гуру», Лев Толстой уже гремел как новоявленный учитель жизни, а политики обсуждали идеал «вождя», — перечисление можно было бы продолжить, но для моих целей достаточно и этих крох.

§14.

Прежде чем двигаться далее, я хотел бы поставить себе вопрос в ожидании предельной откровенности-в-ответе. Именно «сорадуюсь» ли я «неправде» или «истине»? Мне кажется, что сознание, работающее в пространстве моего контура имени собственного, скорее радуется, что святые исполняли промыслие Иисуса Христа о них, что они обрадовали Бога, но не гневается, что «другие» этого не сделали. Хотя порой создается впечатление, что порождаемое документирование гневливо?! Нет. Нет. Нет. Если гневается нечто во мне, то только по поводу учений, которые говорят, что святые не могут до «Страшного Суда» обрадовать Бога и получить удостоверение в этом от Иисуса Христа лично еще «в этой жизни». Нет. Я радуюсь и за святых и за Иисуса Христа, что были святые, обрадовавшие Его. В пределе, как кажется, я прославляю святых, а не обличаю других.

§15. БЕЗМОЛВНОЕ НАДЕЮЩЕЕСЯ ВСЛУШИВАНИЕ

Ученик конституируется учеником как безмолвное надеющееся вслушивание в Слово Божие. Бог Дух Святой, проникающий в тайны Святой Триады, открывает безмолвнику неизреченное. Дух

Святой вдыхает жизненное знание, вдыхает Богопознание как жизнь вечную. Здесь слово-дыхание Божие имеет светоносно-свето-творческую силу: самое «имя», которым и м е н у е т Бог своего безмолвника, графирует и к о н у светоносного иконостасного сакрального пространства Тела Церкви. И м е н а святых, произнесенные Богом Живым во Свете, у к р а ш а ю т Нетварный Свет нераздельно и неслиянно. Язык Божий есть единственно «сущностный язык» имен собственных, не подлежащих релятивизации и взаимозамене, прочерчивающий и контурирующий Нетварный Свет Царства ликами и именами, — это зримо для всех являет иконостас: абрис имен и ликов в царственных коронах Нимбов Нетварного Света. Уровни «тварных» языков не имеют подобной силы несмываемого именованья в имени собственном: ученик конкретной мифо-медитативной школы н а с т р а и в а е т с я на безмолвие и вслушивание через «символы» для медитации. Здесь язык вмещается как п о э т и к а, как синонимия и символотворчество в тяге к всеобъемлющему релятивизму. Имя Божие не релятивно миру: Бог есть в Имени Христа и вне мира.

Язык в своей «школьной мифеме» целостен: его значения и знаменования невозможно оторвать от конкретно-родовой мифо-медитативной системы для употребления «вообще». Целостность мифо-медитативного языка есть его и м я с о б с т в е н н о е: каждое «слово», каждая «буква», каждый «ритм», каждый «звук» имеют имясобственное значение и не могут быть употребляемы «вообще» или в другой мифо-медитативной системе с прежними смыслами. Более и глубже того: мифо-медитативная символика школы прорастает и у р о в н е в о «В» пределах-переделах школы. То, что имело «такое» значение в пределах-переделах школы на одном уровне, может иметь другое значение или не иметь никакого на другом уровне: **здесь**-бытие уровня имеет и имясобственный, родовой целостный язык-миф.

Мифо-медитативной школе в ее таковости, конкретности и целостности присуще имясобственное именованье: П У Т Ь. Каждая мифо-медитативная система в своей конкретности и целостности есть п у т ь-к-безмолвию, путь к тому уровню, где языком-уровнем-знаменем светится радугой безмолвие. Чем шире и многообразнее язык ступеней-уровней и конкретностей обучения, чем более путь «динамичен», тем, вероятно, архаичнее система в конститути-

ве конкретности. К примеру, «буддийские тантры» проясняются архаичнее «индуистских тантр» хотя бы потому, что в последних за «чакрами» о б ъ е к т и в и р о в а н н о закрепляются символы в тяготении к «вообще» чакре-без-медитирующего, [а] в архаике буддийских тантр символика уточняется не только в конкретности школы и уровня в школе, но и в конкретности живой традиции «наставник — ученик». О буддизме в его таковости можно сказать следующее: вскрытие полноты и целостности, связуемое с вскрытием и контролем над «пятью чакрами» (или колесами, где полнота вскрытия суть Великая Колесница или Алмазная Колесница ЖЕНСКОГО РОДА), осуществляется медитативным путем м а н - д а л с б у д д а м и и их окружением.

Если нет т а к и м о б р а з о м м е д и т и р у ю щ е г о, то, стало быть, н е т П У Т И, нет «буддизма». Смыслы, конституируемые как всегда-медитативные-смыслы, не имеют никакого иного смысла, кроме уровнево-конкретно-наставнического смысла в его творческом преломлении медитирующим. Если говорение есть смысло-выявление, то отсутствие смысло-выявления при отстутствии же конкретной принадлежности к имени собственному мифа, как акции творческой реализации, есть абсурд и сумасшествие. В этом случае в каком-то смысле молчитя по смыслам, но шумится безумным криком, нечленораздельным криком «безумной массы» никак не организованных «слов», или оторвавшихся от прежних корневых ячеек «слов». Мартин Хайдеггер конституирует экзистенциал «болтовня» — б о л т а н к а, — тошнотворная болтанка оторванности от «почвы», от конкретности уровня. З а м о л ч а т ь, перестать совершать «сокращения гортани» как р в о т н о е, перестать болтание и перебалтывание бес-смыслицы кажется столь естественным сейчас в самоочевидности, что выполнение начатков высокого БЕЗМОЛВИЯ выглядывается легким и освобождающим от тошноты.

Для п у т н и к а или ученика, реализующего и реализовавшего с в о й п у т ь к целостному безмолвию, пребывающего-В-надеющемся вслушивании, б л а г о в е с т в у е т с я (или подлинно и творчески конституируется в конкретности) в е р а в услышание конкретного слова Божия, обращенного к нему, к тому, кто будет окликнут Богом Триединым, назван-поименован Им и этим а к т о м введен в у р о в е н ь «рода Божия», как уровень Нетварного Света «ВО»

Святом Духе. На уровне безмолвия-в-целостности свидетель Иисуса Христа благовествует свершителям ПУТИ имя Господа Иисуса Христа: все «языки» могут призывать ИМЯ Господа Иисуса Христа, ибо «язык» есть синоним «пути», а «путь» есть синоним безмолвного окончания по-движения по уровням-ступеням восхождения.

Путник приходит к цели: триединству реализации «мужского» и «женского» принципов в их имени собственном как врат переходов из уровня-в-уровень, из рода-в-род, до совершенного предела не-перерождаемости, когда реализуется полнота триединства здесь и сейчас. Триединая полнота целостного безмолвия через за-предельное выявление «мужчины» и «женщины» в жертвенно-опустошающем соитии-событии дает ведь т р е т ь е г о, как последнее порождающе-неперерождаемое, — это, собственно, и конституируется как «йога». Йог — это целостно соединенный в безмолвии и со-бытии алмазного света и потока динамических вспышек, созерцаемых «третьим глазом». Йог пребывает в опустошенном событии, более никуда не продвигаясь, более никуда не перерождаясь, пребывая НЕ-РОЖДЕННЫМ. Здесь благовествуется Имя Господа Иисуса как ПУТЬ к Отцу Небесному, ибо сказано: «Я есмь ПУТЬ и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14: 6).

§ 16. ПУТЬ

Целостная мифо-медитативная система уяснилась как символический язык, именующий «язычника» как путника к целостной реализации предельных конститутивов «мужское» [и «женское»] «В» соитии и со-бытии неперерождаемым т р е т ь и м. Соитие и со-бытие мужского и женского принципов, как их предельное выявление, п е р е р о ж д а л о путника в «другой ряд» по уровням восхождения. Род символизируется «чакрой»-мандалой определенного Главы Рода. Язык есть ПУТЬ и язычник есть путник, или р о д пути, родственник, пребывающий в имени собственном как имени **этого** ПУТИ, — путник и род-ственник уясняются как синонимы.

Когда Господь Иисус Христос поручает Своим свидетелям-апостолам н а у ч и т ь все языки-народы, крестя их в Его Имя, то через благовестие Он предлагает разноименным «путникам» обрести

цель их странствия не столько в безмолвии не-рожденности и не-перерождаемости, сколько в «рожденности» от Духа Святого в «духа», в «свет»: рожденное от Духа есть д у х! будьте чадами с в е т а! Нетварного Света! Ибо с в е ч е н и я и красоту гармонии свечений и цветов имеет и т в а р н о е. Мифо-медитативные системы в своей конкретности «пути» к целостности наставляют о не-целостности данного эмпирического существования без встречи со «смертью». Древние предельно включали «смерть» в мандалу мирозерцания и рода. Эмпирическое существование не есть е щ е существование, ибо оно не целостно: не вскрыт и не реализован принцип е д и н е н и я-в-себе предельных принципов мужско-женского-в-опустошении-для-третьего. «Смерть» — это д в е р ь, пороговый предел, вход «В» путь реализации целостности, «вход» и «выход» н а з а д, чтобы обрести «здесь» и «сейчас» полноту. Готовый к смерти «смертью-не умрет», не уйдет в-иные-рождения, но пре-будет целостным и просветленным-в-себе. Йога — путь реализации целостности через прохождение «двери» смерти «туда» и «обратно». Йога — это путь «упражнения в смерти», и этим упражнением по Сократу только и занимались л ю б и в ш и е м у д р о с т ь! Фило-софия древних была йогой древних. Йога — это путь «упражнения в смерти», где смерть конститутивно символизируется (а в проживании реализации уплотняется до реальности) как «женщина», как «мудрость предела», маточное, вскрывающееся в «успении» мужского принципа, чтобы в чистоте своего принципа также опустошаться-для-мужского, соединяясь с ним, — и вот ЭТО целостное опустошающееся единение двух-друг-в-друга и есть т р е т ь е — триединая целостность безмолвия.

Замечательно, что буддийская йога имеет фундаментом «книгу мертвых» с ее символикой «цвета» и связей «цвета» с мудростью или «ядом» страсти. Книга смерти являет себя как наставление жизни, ибо, воистину, мы каждый миг умираем, пребываем в промежуточном состоянии и вновь «возрождаемся», — то, что мы имеем видимой смертью лишь наиболее э к с п о н а т н о являет то, что движется мгновенно-непрерывно. Язычник не ищет «родства» у Отца Небесного, но у главы «рода» — Визуализированного Символа, быть может потому, что до Откровения Иисуса Христа Отец Иисуса при-открылся лишь Израилю (или где-то в бездонных глубинах Адаму-Еве). Язычник ищет родства в «м а н д а л е»,

ищет реализации целостности, отрицая эмпирически данное как целостно-совершенное и обращая пристальное внимание к порогу «смерти». Йог — это тот, кто **здесь** (для постороннего внешнего наблюдателя) пребывает в пути, чтобы **НЕ** уйти при пороге смерти сквозь ее п о р о ж д а ю щ и е врата в «другие рождения» в соответствии с преобладающей «страстью», но реализовать е д и н е н и е целостности триединства-в-себе через выявление и пребывание в мудростях и жертвенности до опустошенности, до **«истощания-мужчины-в-женщину-и-женщины-в-мужчину-для-третьего-для-со-бытия»**. Представленная запись желала бы обойтись без «глаголов», желала бы обрести пространственную вязь и расцветиться цветами радуги! Санскритский алфавит еще тяготеет к пра-формам мантр и пространств, постигаемых просветленным внутренним зрением, — «европейские» значки уже стали «вообще» условными фонографическими значками. Полнота йогического переживания в триединой светлой опустошенности Не-Рождаетности и целостности конституируется как **п у с т о т а** (шунья). Она имеет и конкретный смысл при йогическом безопорном внутреннем созерцании: самоозаряющийся блеск пустого пространства, включающего-в-себя как лоно все семена вспыхивающих «форм».

В триединой светлой опустошенности йоги **НЕТ** эмпирического «эго», нет ничего из знакомого, но есть целостное безмолвие-знание, пришедшее ниоткуда и никогда, знание, ни на что не опирающееся, знание-в-себе, знание-молчание-МУНИ! Этому знанию нельзя научить, его нельзя словами передать, в нем можно лишь б ы т ь, к нему можно наводить м о с т ы, п у т и, чтобы путники шли и успокаивались-в-молчании. «Татхагата» (т а к - у ш е д ш и й, в н е - р о ж д а е м о с т ь у ш е д ш и й п р и п о р о г е с м е р т и) поэтому никогда ниоткуда не приходил и никогда нигде никакой Дхармы не провозглашал, — говорит светлая пустотность у р о в н я Праджня-Парамиты или За-Предельной Мудрости. (Выше была отмечена мною архаичность буддийских тантр, почему я при-меряюсь к ним как синониму архаичного п у т и к целостности в его таковости).

Бог Израиля не окликал «татхагату». Не открывался «татхагате» как Бог Живой и Личный. Татхагата не знает о «творении» или «не-творении», ибо Бог Живой не говорил ему об этом, не откры-

вался ему в диалоге. Бог Живой молчит и татхагата пребывает в молчании полноты реализации: вот об этой т р о п е к реализации татхагата может наставлять как о п у т и избавления от заблуждения ложного отождествления эмпирического хаоса и неорганизованности с медитативно-реализованной целостностью, ибо сам п о с т и г и с т и н у п у т и. Приписывать буддийским тантрам-сутрам «а-Теизм» в Библейской перспективе — это упражняться в тошнотворной болтанке. В Библейских текстах можно сыскать осторожные координации с молчанием и светлым переживанием целостности в стихах об «Адаме-успении-Еве», как целом ч е л о в е к е е д и н о м, хотя Бог сотворил «мужчиной и женщиной» их... Триединая целостность человека дает ему р и з у, иконную ризу переливающихся мудростей в искрении многоцветия, но и к о н а святого Христова имеет и н и м б и и м я «В» Нетварном Свете! Обрести этот Свет возможно при встрече с Духом Святым.

§ 17. СОРАЗМЕРНОСТЬ

«Когда же я (Мотовилов) спросил его, великого старца Серафима: „как же я и почему именно узнаю, что я в Духе Божиим или нет?“, то он, возложив руки свои на плеча мне, сказал: „Да вот, Ваше Боголюбие, мы оба теперь в полноте Духа Божия. Что же Вы мне, убогому Серафиму, в глаза не смотрите?“ — Я ответил: „Не могу, потому что из них молнии светятся, и у меня глаза ломит, и я не могу смотреть на Вас, батюшка о. Серафим, потому что Вы светлее солнца“. — И он сказал мне: „Да ведь солнца нет и день пасмурный, то как же это?“ — Я отвечал: „Знаю, что солнца нет и что пасмурный день, но Ваше лицо светлее солнца стало и глазам моим больно, свет этот колет их и мне нельзя смотреть на Вас“. — И он отвечает, склонившись главою своею над правым ухом моим: „**Да и Вы ведь и сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то бы и видеть Вам того, что на мне нельзя было**“» (стр. 48 «Беседы»)! Здесь в суждении святого утверждается е д и н с т в о «почвы», соразмерность христианского сакрального пространства: «мы оба теперь в полноте Духа Божия» — «В» — Духе Святом, «В» Его благодатном нетварном Свете сияем «оба» паче солнца. Поскольку цель той жизни, которая именуется «христианской», есть общение

и встреча с Духом Святым, то христианское пространство и христианское общение-сообщество есть СВЕТ: «если же ходим во Свете, подобно как Он во Свете, то имеем общение друг с другом...» (1 Ин. 1: 7).

Святой Серафим выявляет сущностно-благовествующий язык свидетеля Христа или «христианина», ибо ведь «кто Духа Святого не имеет, тот и не Его» по апостолу. У р о в е н ь христианства, р о д христианства, сакральное пространство христианства есть б л а г о д а т н ы й свет, как Тело Христово и Помазание. Как Он, Христос, во Свете, так и члены Его Тела также имеют общение во Свете. Язык христианства поэтому есть язык свидетельского благовестия о Свете, о Чудном Свете, в Который призвал их Отец Небесный. ПУТЬ христианства — это Иисус Христос, именующий Себя Дверью и Светом, — что и дает основание святому Симеону Новому Богослову говорить **лишь** об уровне «оглашенных» для всех тех, кто не в о ш е л «В» Свет, ибо «дверь световидна». Свет, Свет, Свет! Свидетельством о Свете пронизаны молитвенные песнопения литургики, спорам о «природе» Света Преображения были посвящены Соборы, увязуемые с именем святого Григория Паламы, учившего о «преображении» не столько Христа, Превечно сияющего Несотворенным Светом, сколько апостолов, обретших иные «очи», преобразенные Светом, чтобы «во Свете Твоем узреть Свет!» «Да и Вы сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то бы и видеть Вам того, что на мне, нельзя было», — сам святой «очами сердца» видит и знает с е б я во Свете, а вот теперь Бог явил нисхождение Духа Святого на Николая Александровича Мотовилова «в полноте», и у того «открылись глаза», и он видит сияние лица праведника, просиявшего «паче солнца». Нам через зафиксированный текст «Беседы», появившейся на интеллектуально-книжном горизонте в 1914 году, является опыт «**первохристианства**»: Дух Святой нисходит на «оглашаемого» по молитве святого свидетеля, самое нисхождение Духа Святого хотя бы на миг, хотя бы как залог, преобразует органы и п р о с в е щ а е м ы й видит наставника как «ангела Божия» по словам апостола Павла. Принять Свет и хранить Свет и пре-бывать во Свете — «вещи» разные, но во всяком случае ясно, что означает «Духа не угашайте» в апостольском наставлении, ясно, **что** следует не угашать! И в себе и в общении друг с другом! Святой Серафим Саровский реали-

зовал свой путь: он благовествующий член Церкви, дающий «отчет» о своем уповании с кротостью и благоговением. Он в собственном смысле слова «христианин», пребывающий «ВО» Христе на небесах пред престолом Отчим, он — помазанник во Христе Духом Святым, ибо Дух Святой есть Ипостасное Царство Отца и Помазание Сына.

Христианин есть ономим святости. Святой Божий и христианин — это тождества, которые в обыденной речи предельно «разошлись» в отрыве от христианской почвенности. Почвой христианства, возвращающей «члена» Тела Христова, пребывающего на небесах и на небесах же служащего «ВО» Христе Отцу, благовествуется Нетварный Свет, Божественная Энергия, тождественная, но и различная от Три-Ипостасной Сверхсущности.

Христианин — это «нимбовый» человек, и к о н а Церкви, свидетель Церкви Иисуса Христа как Его Тела и Его Невесты, свидетель, свидетельствующий с о б о й. Церковь являет себя как «облако свидетелей», как и к о н о с т а с с его «чинами», с его «членами». Забавно, но именно йогически тренированному язычнику, тренированному на осмыслении пространства-родства «мандалы», православный храм и православный иконостас рассказал бы **все** об Иисусе и Священном Пространстве Его Тела. Если Сверхсущность Божия Триипостасна и Со-Престольна, то ЭНЕРГИЯ Божия явится как Единая «тысячеизграфленная» Церковь, как сияние «нимбов», изграфленных и замкнутых в «имени», при единстве почвы Света, как ТЕЛА ХРИСТОВА. Церковь и есть Дом Божий, Храм Божий, рас-писанный «перстом Божьим» и к о н а м и святых членов Света. Изграфление Нетварного Света именологией святых икон-членов Церкви не привносит никакого изменения в Три-Ипостасную Сверхсущность, ибо Нетварный Свет благовествуется как Энергия, тождественная по нетварности Сверхсущности, но и различная от Ее Триипостасности. Уровень христианства есть уровень иконности в Нетварном Свете, где «нимб-имя» являют про-мысел Божий в Пространстве Света, а радужная р и з а — обóженную т в а р н у ю природу. Возводит во Свет и дарует дары Света Дух Святой, как Ипостасное Царство Отца и Помазание Сына: в причастии Духу Святому во свете (а не по Ипостаси!) причастник обретает ц а р с т в е н н о е с в я щ е н с т в о. И это обречение царственного священства в иконе пространства Нетварного

Света, как Дома-Храма Божия, в Котором живет Бог Живой, есть цель жизни христианской и цель жизни для всех, ибо всем языкам благовестуется ИМЯ Иисуса Христа: «Господь открыл мне, что Вы, Ваше Боголюбие с ранних лет введены Провидением Божиим в круг духовных людей и многих великих особ, даже и архиереев – и неоднократно спрашивали: „в чем состоит цель жизни христианской?“. Но они Вам того н и к т о не разъяснили и даже сердились на Вас и говорили, что Вы заняты Н Е богоугодным любопытством и н е п р а в и л ь н о приводили слова Св. Писания, говоря: „высших себя не ищи!“. А это происходило от того, что они хотели с к р ы т ь через то духовное свое невежество и не истинно говорили Вам: „Ходи в Церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, делай добро – вот тебе и цель жизни христианской“. Но они не так, как следовало, Вам растолковали. Цель жизни христианина состоит в стяжании Духа Божиего и э т а цель жизни всякого христианина, живущего духовно» (стр. 41).

§18. ДУХОВНОЕ НЕВЕЖЕСТВО И КАТЕХИЗИС СВЯТОГО СЕРАФИМА

Я называю «беседу» святого Серафима с дворянином Николаем Александровичем Мотовиловым благовествующим к а т е х и з и с о м не только потому, что в современной России **НЕТ** катехизиса и «беседа» пророчески занимает его место по священнореальному праву наставления о цели жизни, но и потому, что н а г л я д н о описывает «первохристианский» опыт не в исторической отсылке к «прошлому», всегда пребывающему в линейной одномерности с «настоящим», не в отсылке к «писанию», но описывает «первохристианство» в его выходе за пределы тварного «В» Нетварный Свет как конститутив и координату благовествующе посланных возвещать совершенства Того, Кто призвал их в «чудный Свой Свет». «Беседа» святого Серафима евангелична во всем священнореальном смысле христианского языка, христианской письменности. По ценности и подлинности равноапостольного свидетельского реализма в противовес «духовному невежеству» беседа святого Серафима равно-ценна а п о с т о л ь с к и м п о с л а н и я м. «Если

бы» возможно было бы представить в «рабочем порядке» ф и з и - ч е с к о е уничтожение «всех писаний» и «всех храмов», то беседа, как текст, была бы равнозначной в изложении и явлении всего домостроительства Церкви во Христе и Святом Духе. Беседа — евангелична. Но для прекращения в о с п р и я т и я совсем не необходимо физическое отсутствие воспринимаемого: можно в и д я НЕ видеть, и с л ы ш а НЕ слышать! Ветхий Израиль в массе не увидел Бога Живого! Можно иметь «тексты» и НЕ ИМЕТЬ их, ибо без восприятия, то есть «вообще», они не существуют! Текст есть всегда конкретное ответвление на надеющееся вопрошание, и христианский текст есть ответ о цели жизни, как о пребывании во Свете Божиим, обретаемом в Духе Святом. Христианский текст есть текст благовестия. Святой Божий во Христе, сияющий во Свете Духа Святого, и есть е в а н г е л и е Нового Завета, он, святой, и есть с у щ н о с т н о й текст е в а н г е л и я, как и м я, произнесенное Богом «ВО» Свете Нетварном. Святой Церкви и есть «теодицея», и есть е в х а р и с т и ч е с к о е с в и д е т е л ь с т в о Нового Завета, ибо нет «вообще» евхаристии «без» причастников.

Священнореальное причастие Св. Дарам благовестуется святостью во Христе. Не «книга» есть «евангелие», а святой Божий есть евангелие. Святой яснее «книгой» Божьей, а запись о нем и его светлости являет себя «книгой о книге». Евангелие — это пресветлое сияние святых, иконостас святых! «Сознательно имеющий в себе дающего ведение Бога, все прошел Св. Писание, — и как плод собрал могущую от чтения его произойти пользу, — и не имеет нужды уже в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто с т я ж а в себе Собеседником Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет печатлеемыми от Него неизреченности сокровенных таин? Напротив он сам будет для других вдохновенною книгою, носящею новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем...» — так сказал на «катастрофическом перепутье» святой Симеон Новый Богослов.

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ: «стяжание» Вдохновителя Божественных Писаний, стяжание Духа Святого Божия, чтобы стать благовестующей книгой, — так в пограничных пределах 1054 года и 1914 года стали известными слова **уже** прославленных святых: святой Симеон Новый Богослов был прославлен ко времени схизмы, а святой Сера-

фим Саровский в 1903 году. Известно, что с момента «канонизации» молящиеся поют: «святой отче имярек, моли Бога о нас!». Что же просить о молитве, если **не слушать** того, что говорил святой, благовествуя?!

«Можно без всякого преувеличения сказать, что Царство Божие — к л ю ч е в о е понятие евангельского благовестия — п е р е с т а л о б ы т ь центральным содержанием и внутренним двигателем христианской веры... под Царством Божиим стали понимать только б у д у щ е е Царство», — эти слова сказаны профессором прот. А.Шмеманом в его книге о «Литургии», причем на «бумаге чернилами» слова «**христианской веры**» не выделены в «кавычки», хотя **не может быть** «христианской веры» без «евангельского благовестия» о пришедшем Царстве Божьем, Духе Святом как Ипостасном Царстве, от Отца Исходящем, ибо Царство Божие есть «радость и мир» «ВО» Святом Духе. Сказать: «христианская вера», — не имея в виду «евангельское благовестие», равнозначно тому, чтобы сказать: «сын бесплодной женщины».

§19. ТО, ЧТО НУЖНО УСВОИТЬ ВСЕМ

«... благодать Божия должна в сердце нашем обитать, ибо Господь сказал: „Царствие Божие внутри вас есть“, а **под Царствием Божиим разумел Он благодать Духа Святого**. Вот оно-то теперь внутри нас и находится, и благодатью Святого Духа отвне осиявает и согревает нас, благоуханием многообразным преисполняя воздух вокруг нас находящийся, услаждает чувства наши пренебесным наслаждением, и сердца наши напояет радостью неизглаголанною. И вот **наше положение**, в котором мы теперь находимся, есть то с а м о е, про которое апостол говорит, что „Царствие Божие не есть пища и питье, но радость и мир во Святом Духе“ и „что вера наша состоит не в препретельных земных мудрости словах, но в явлении силы и Духа“. Состояние, в каковом мы о б а с Вами теперь находимся, есть то, про которое Господь сказал: „суть неции от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе“. Вот, Ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог и вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую св. Макарий

Египетский пишет: „я сам был в полноте Духа Святого и м н о г и х видел в разнообразных мерах Его“ ... а будете ли Вы п о м н и т ь теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?» — «Не знаю, батюшка, сказал я ему, удостоит ли меня Господь Бог всегда помнить — и так и живо и явственно, как я теперь это чувствую». — И он сказал: «А я мню, что Господь поможет Вам н а в с е г д а удержать это в памяти своей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному моему молению и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, т е м б о л е е, что не Д Л Я В А С О Д Н И Х Д А Н О уразуметь это, А Д Л Я Ц Е Л О Г О М И Р А...» (стр. 22).

ДЛЯ ЦЕЛОГО МИРА? Богом «дано» было то, что необходимо усвоить как «целевое» целому миру?! Честно говоря, я «содрогаюсь», ибо в оценке подобных слов не может ведь быть «д в у х» мнений, «д в у х» точек зрения? Или з д е с ь описывается «опыт соблазна», или... но почему же е с л и вот это «дано» Богом, Творцом неба и земли, Богом, приявшим Крестотворное искупление мира, — почему П Р А В О С Л А В И Е, канонизировавшее святого, по-прежнему «спит спокойно»? Еще раз: вот это, ЭТО, ТО!, что описано в «беседе», ДАНО!!! Богом в наставление «целому миру» с е й ч а с, в наши времена, дано через ясномыслящего святого и ясномыслящего дворянина, дано не в «гадании» пророческого видения с его шифром, не в сно-видении, но вот здесь на припорошенной российской полянке, ДАНО Богом Живым, сотворившим небо и землю, видимое и невидимое, ДАНО БОГОМ, то почему же мы слушаем все, что угодно, но только не ЭТО, ДАННОЕ?

Описание данного Богом в «беседе» появилось в книжном пространстве 1914 года, отвергая если не всю теодицею Флоренского, то, во всяком случае, выводы главы «Утешитель» о еще «не пришедших сроках» для богопознания Лица Духа Святого; отвергая экономически обоснованный а-Теизм, определявший христианство как проекцию неудовлетворенных материальных надежд в их удовлетворении в «загробном царстве»; отвергая догмат о «непогрешимости» первого клирика Рима и учение Римского Престола о «тварности» благодати и «атмосферичности» Света Преображения; отвергая «духовное невежество» клириков-архиереев; отвергая духовное невежество тех, кто, именуя себя христианами, согласился на приятие клички «мирян»; отвергая учение о «предопределе-

нии», являя спасение по молитве своей, как молитве святого Божия; отвергая «архетип» целителя-художника, ибо он, святой, явил собой красоту иконного богоподобия в «художестве художеств» у много делания; отвергая «критику» Писания в филологических увлечениях, ибо он, святой, и есть живое писание Божие во Свете, написанное «перстом Божиим»; отвергая «линейную» будущность Царства Божия, являя Его здесь и сейчас как осиянный прорыв за пределы тварного «ВО» Святой Дух.

Сказанное святым Серафимом Саровским усваивается как Евангелие Царства, как катехизис XX-го века о смысле-цели жизни. К началу XX-го века «евангелие Царства», чудовищно трансформированное, уже невыносимо тревожило ожиданием наказания на Страшном Суде. Тревога, потеря радости, отчаяние парализовывали; отдельные безумцы, обливаясь кровью, кричали: «не бойтесь! Бог умер!». Но и «мертвый» Он был все же СТРАШЕН. Ждалось какой-то иной модели, **любой** модели, избавляющей от отчаяния, от «предопределения к вечному осуждению», от осуждения за «смертные грехи»... «Марксизм», «фрейдизм», «национализм» стали этими освобождающими доктринами. «Бога-то и нет вовсе!» — это сообщение было воспринято с облегчением, ибо слишком невыносимым было бремя тревоги о Его Страшности, Несоизмеримости и Неумолимости. Невыносимая паралистика отчаяния прорвалась динамикой активности трех революций: социальной, сексуальной и националистической. XX век невротически избавлялся от «мании преследования», избавлялся от Страшного Суда: сжигал «храмы», сжигал «евреев», эту «Его нацию», сжигал себя как культуру в выглядывании и проглядывании за всеми ее феноменами сексуальной «символики». Три доктрины имели «смысл» лишь в динамике броска от «мании преследования», в динамике избавления от невыносимого отчаяния, — положительного и спокойного «смыслообразования» они дать не могут. В пространстве 1974 года уже можно разглядеть «тревогу бессмыслицы» (Пауль Тиллих). **НЕТ СМЫСЛА ЖИЗНИ!** Быть может отчаяние бессмыслицы еще будет созревать, порождая поля апатии, невроза, фанатизма защиты имеемого «смысла», но все же **ГЛАВНОЕ УЖЕ ДАНО: СМЫСЛ ЖИЗНИ** определен святым Серафимом из Саровской обители в его катехизисе XX-го века: **СМЫСЛ ЖИЗНИ СОСТОИТ В СТЯЖАНИИ ДУХА СВЯТОГО БОЖЬЕГО.**

§20. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТНОГО ЛИЦА

В изграфлении пространства, окликаемого как «исследование частного лица», позволительно отметить отмету, конституируемую как промежуточное подведение итогов: в сфере общекультурологической проблематики и в сфере библейского свидетельства. Займемся этим.

№1.

Итак, в общекультурологическом элементе твердо усвоим для практического применения в собственной ориентации, что **НЕТ НИЧЕГО ВООБЩЕ**. Нет «ученика» вообще без школы, [без культа] и медитации; нет языка вообще, без функционального определения терминов-окликаний ступеней того или иного пути, по которому идет имясобственный путник, как член мифологического пространства, в которое «посвящается» х а о с, как-то эмпирически наблюдаемый внешним наблюдателем. «Ничто» как нечто хаотическое должно быть **оформлено** в медитации, работающей в строго функциональной связи-ткани медитативных символов. Медитация не мыслится без «восприятия» и «вывода», — поэтому **только восприятие** становится основой йогачары, отвергающей авторитет ведантийского источника знания как «слова» Вед. Веды могут конституироваться (и Упанишады) как включающиеся частные случаи **тантры**, — почему их «незыблемый» авторитет «вообще» не приемлется. Медитирующий в мифологическом пространстве **тантры** «веды-упанишады» посвящается в такой-то род, а медитирующий в мифологическом пространстве **тантры** «ваджры» (или иной какой-либо ветви Великой Колесницы) посвящается в иной род, — спорить здесь, собственно, не о чем!

В этом смысле достижения буддийской йоги и буддийской «философии» представляются более архаичными, ибо включают в себя маточно и могут описать как собственные **тантрийские** разновидности, собственно, в **се** «восточные» системы.

№2.

В сфере библейского свидетельства, как бы это ни было мучительным, приходится признать, что «христиане», не почитающие

КРОВЬ БОГА ИИСУСА ХРИСТА достаточным освящением для посвящения на жизненное служение БОГУ И ОТЦУ как царственно-священническое служение народа Божия во Христе, — б о г о - х у л ь с т в у ю т. Именующие себя «христианами» не почитают **освящающей святыней** Кровь Нового Завета и Тело Христово, как Тело и Кровь Иисуса ПОМАЗАННИКА. «Кровь» и «миропомазание» осмысляются в н е библейской перспективе, что делает невразумительным вменение слова Господа Иисуса Христа об исполнении на Нем всех прообразований «закона и пророков». Причастники Крови Бога Иисуса Христа и миропомазанные Нетварным Светом в причастии Его Вознесенному Телу в Духе Святом не утверждаются «ритуально чистыми», — что есть о т р и ц а н и е Иисуса Христа как пришедшего обетованного Мессии в библейской перспективе посвящения священства Богу через «кровь» агнца и «миропомазание». Разделение Единого Тела Христова на д в е онтологически разнствующи е с я части, а именно на трехступенчатый клир «посвященных» и мирян «непосвященных», богохульно, ибо здесь опять-таки не утверждается достаточной для освящения Кровь Бога Иисуса Христа, коей причащаются в с е в е р н ы е. Для первоначального сознания свидетельского опыта об Иисусе Христе в среде иудейского законничества, было я с н ы м, что освящение Кровью Агнца-Христа и миропомазание Духом Святым поставляло х р и с т и а н в чин и достоинство царственного священства. Поскольку Иудеи и до сей поры ждут Мессию, то и с е й ч а с возможно осмысление свершенного во Христе через сопоставление с талмудическими рекомендациями о священстве.

Именующие себя «христианами» не желают покаянно вместить все выводы, которые ясно высветляются в библейской перспективе приятия освящающей силы Крови и Тела Бога Иисуса Христа, коему причащаются. Поэтому не только «учащий» клир виновен перед Святыней Крови и Тела Христа-Помазанника, но и так называемые «миряне», не рассуждающие о Телe и Крови как о Святыне.

№3.

«Проблематичному» Собору можно было бы приять догматические определения св. Григория Нисского и св. Максима Исповед-

ника о Духе Святом как ИПОСТАСНОМ ЦАРСТВЕ ОТЦА И ПО-
МАЗАНИИ СЫНА. Это догматическое определение увязывается
в свидетельства св. Григория Паламы о Нетварной Энергии бла-
годати. И эти два свидетельства неукоснительно утверждают
освящающую силу Крови и Тела Христова как ЦЕРКВИ
ЦАРСТВЕННЫХ СВЯЩЕННИКОВ ВО ХРИСТЕ И БЛАГОДАТИ
СВЯТОГО ДУХА.

№4.

Отсутствие равноапостолического свидетельского опыта созер-
цания Иисуса Христа как Первосвященника вовек в скинии Све-
та не дает возможности благовествующего с в е д е н и я разно-
сторонних догматических определений и разносторонних
свидетельств Писания и святых отцов ВОЕДИНО, а именно:
БОГ ИИСУС ХРИСТОС, стоящий как Единородный Сын Отчий
одесную Престола ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМ ВОВЕК, Ипостасно
Помазанным Духом Святым, от Отца Исходящим, Первосвящен-
ником ХРАМА СВЕТА, и ЕСТЬ ТРИЕДИНЫЙ БОГ
ВО СВЕТЕ НЕТВАРНЫХ ЭНЕРГИЙ, ТОЖДЕСТ-
ВЕННЫХ СВЕРХСУЩНОСТИ ТРЕХ ИПОСТАСЕЙ, НО И РАЗ-
ЛИЧНЫХ ОТ НЕЕ.

№5.

Я бесконечно рад за Тебя, мой Боже, что все же были святые, обра-
довавшие Тебя в этом мире! Слава Тебе за все!

Примечания к №4, которые могли бы быть раньше

Ниже будут приведены некоторые выдержки из творений каппадо-
кийцев о Св. Триаде, различаемой св. Вас. Великим как Отец и Сын
и Святыня. Они приводятся в этом месте, чтобы обратить особен-
ное внимание на их з р и т е л ь н о - и к о н и ч н ы й феномен, на
их, так сказать, «толковый иконный подлинник», на их конститу-
тивно-описательный аспект з р и м о г о.

Св. Григорий Нисский о Духе Святом

«Итак пусть скажут нам уничижающие славу Духа и поставляющие Его на ряду с подчиненным естеством, что знаменует по м а з а н и е? Не Царство ли? Что же? Ужели не веруют, что Единородный есть Царь по Природе? Не будут, конечно, противоречить сему те, у которых сердце нисколько не закрыто покрывалом иудейским. Итак, если Сын Царь по Природе, а Помазание есть с и м в о л Царства, то какое следствие вытекает тебе отсюда? То, что Помазание не есть что-либо чуждое Царю, и что Дух полагается во Святой Троице не как чуждое что-либо и постороннее Ей. **Ибо Сын Царь, а живое и существенное и Ипостасное Царство есть Дух Святой, Которым Единородный будучи Помазан, есть Христос и Царь Суцего.** Мысль же о помазании т а и н с т в е н н о указывает на то, что нет никакого различия между Сыном и Святым Духом. Ибо как между поверхностью тела и помазанием елея ни разум ни чувства не усматривают ничего среднего, так неразделимо единение Сына с Духом Святым; так что для того, кто намеревается верою **коснуться** Сына, необходимо предварительно **освятить мир**, ибо нет в Н е м никакой части, которая обнажена от Святого Духа» (Слово о Св. Духе против македонян духоборцев», 16).

Напомню еще раз, что св. Симеон Новый Богослов именует Святого Духа ЦАРСКОЮ БАГРЯНИЦЕЙ, — то есть опять-таки подчеркивается иконически-зрительная доминанта, а не метафорически-поэтическая. Есть русская поговорка о том, что «в бане все равны», — царское достоинство (или княжеское достоинство) подчеркивается о д е я н и е м, багрянницей или сапожками, тиарой или прочим. Единородный Сын Отчий Природно «одет», п о м а з а н Царской Багрянницей, Которая и Есть Дух Святой, Ипостасное Царство, от Отца Исходящее, Икона Воскресения Христова, или Икона «Спас в силах» особенно, подчеркивает Царскую Ризу Единородного, тогда как мы знаем из Евангелий, что риза Христа была разыграна в кости, а погребальные пелены остались во гробе. По Воскресении Господь являлся одетым в Духе Святом, Он во всем реализме воскрес «ВО» Святом Духе, и сорок дней наставлял свидетелей о Царстве — о Духе Святом, участниками Которого обетовано Отцом сделать избрannую тварь.

Св. Василий Великий о Сыне как Иконе Отца

«Когда при содействии просвещающей силы устремляем взор на Красоту Образа (иконы живой!) Невидимого (т.е. Слова), и чрез Нее возводимся к превосходящему всякую Красоту созерцанию Первообраза (Отца), — неотлучно соприсутствует при сем Дух Ведения, Который любозрителям истины в **Себе Самом** подает тайнозрительную силу к созерцанию Образа, и не **вне Себя показывает Его, но в Себе Самом вводит в познание...**»

Св. Григорий Богослов о Скинни Света

«С тех пор, как в первый раз отрешившись от житейского, предал я душу светлым небесным помыслам, и высокий ум, восхитив меня отсюда, поставил далеко от плоти, скрыл в **таиницах Небесной Скинни**, — с тех пор осиял мои взоры Свет Троицы, Светозарнее Которой ничего не представляла мне мысль, Троицы, Которая с Превознесенного Престола изливает на всех общее и Неизреченное сияние...».

Итак, еще раз: приведенные слова святых Божиих и к о н и ч н ы, они описывают созерцаемое во Свете и тогда, когда они п р о - и з н о с и л и с ь святыми, выговаривались вслух, то были осолены «благодатью», светились Светом в соразмерности с иконой, освящаемой Светом святого, призванного во Свет. При отсутствии равносвидетельского опыта, возможного (надо не устать повторять: возможного только по призыву Бога Живого, нам являемого во Ипостаси Духа Святого, дающего исповедание Иисуса Господом, чтобы Тот уже возводил Сам как Путь и Дверь к Отчей Ипостаси) не от своих усилий аскетического плодоношения, но по призыванию и избранию, — при отсутствии равносвидетельского опыта, говорю, с л о в а святых Божиих, как и иконография, о б - р а с т а ю т рационалистическими толкованиями, ступень за ступенью теряющими **онтичность как причастность Сущему**, превращающими «**есть**» в логико-грамматическую связку. Потом Декарт скажет: «мыслю, следовательно, существую», — то есть поставит свой гносеологический аппарат как основу бытия. Святой Божий сказал бы: **существую по причастию Сущему!** Человек об-

речен своей свободой истолковывать то, что он застаёт. Он застаёт окружающую природу, книги, храмы, иконы, — всевозможные символы, интерпретировать которые он обязан по научению от кого-то, кто знает смысловой реализм символики. Если такого знающего нет, то человек обречен. Посему соблюдение традиций и истолкования предельно важно. Тогда, когда традиция истолкования нарушается, нарушается все, ибо шаг за шагом идет отслаивание смыслов, идет «кружение помыслов». В семантическом реализме истолкователем являет Себя Ипостась Духа Святого, и по причастию Его Знанию — святой Божий. Св. Григорий Синаит высказался об этом предельно ясно, говоря, что «чистого» разума никто кроме святых не имел, ибо остальные обречены интерпретировать свои помыслы. Отсутствие всеобщего тяготения к восстановлению иконичности языка, то есть тяги к онтической связи «нераздельно и неслиянно» графемы слова как «образа» с «первообразом» благопрозвездия свидетельского реализма, — диагноз болезни, которая растворяет ОТКРОВЕНИЕ, превращая словесные (как и иконологические) формы в символы для медитации в восприятии язычников. Икону же нельзя оторвать от «первообраза», — точно также нельзя оторвать слова святых Божиих, ибо они есть благопрозвездие. Человек же, повторяющий слова святых, прочитывая их с бумаги и не наполняя их равносмыслом собственного свидетельства о Боге Живом, превращается в механизм, в «радиоприемник», да еще, если ему дана «власть», подкрепляемая средствами принуждения и уничтожения, — в грозного «идола», требующего поклонения себе и признания своего авторитета. Тогда, когда Писание последовательно предлагается к персонологическому истолкованию, то истолковывающий предстоит зрими м буквам, по-разному в переводах записанным, точно также как другой предстоит изображению в красках и линиях ликов, — то есть как перед «иконой». Когда он подвергает Писание лингвистической, исторической или логической критикам, то он уподобляется «искусствоведам», критикующим иконы в красках и линиях по «школам», «стилям» и пр. Если истолкователь, предстоящий Писанию как иконе, отрицает возможность святого, являемого в этой жизни по избранию, но отсылает «избранность» в двойной перспективе к Страшному Суду, то он также обречен быть лишь

«лингвистом-семиотиком», ибо упускает из виду семантический реализм свидетельского благопровозвестия о Господе Иисусе Христе Первосвященнике, стоящем в Тихом ХРАМЕ СВЕТА БОЖЕСТВЕННЫХ ЭНЕРГИЙ, Энергий, «структурированных» НЕТВАРНО КАК ХРАМ С ПРЕСТОЛОМ И ЗАПРЕСТОЛЬНЫМ КРЕСТОМ.

1977 г.

«В КАКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЫ НАХОДИМСЯ?»

Важно осознавать, в каком пространстве ты находишься. Мне кажется, сегодня мы находимся в пространстве исследователей культуры.

Может быть, интуиция, которая характеризует даровитых людей, — это интуиция того, что целое раньше его частей. Ну, в частности, замечательный русский поэт, безвременно погибший, О.Мандельштам писал: «Стихотворение живо внутренним слепком формы». До того, как явились слова, уже есть очень мощное видение целого, поэтому хорошее стихотворение отличается от силового тем, что в нем все тональные знаки, все строфы так артикулированно спаяны, что, кажется, они явно были раньше и просто выявились теперь очень мощно артикулированными ходами. Двигаясь по таким интуициям, можно было бы дать попытку определения культуры как интуиции целого, которое раньше своих частей; и тогда бы мы могли рассматривать части культуры как члены организма, тела и т.д.

В пределах русской культуры это было мощно заявлено П.А.Флоренским. Я подчеркиваю, в плане культуры, а не культа, потому что для культа все, о чем я сейчас буду говорить, было самоочевидным. Но ситуация как раз и состоит в том, что непонятно, где мы находимся, в каком пространстве исследования. Если говорить в терминах архитектоники культовых сооружений, то человек есть около церковных стен, стоящий где-то за церковной оградой, еще не находящийся на паперти, совсем не поднявшийся в притвор, не принявший посвящений, которые позволяют ему войти внутрь храма, не продвинувшийся внутри храма за иконостас для того, чтобы воссесть на престол.

В этих «околооградных» пространствах Флоренский определил культуру так: «Культура есть органическое действие по преодолению смерти». Я думаю, вы правы в своей интуиции, что древние Олимпийские игры не были только спортивными играми; каждый, кто в них участвовал, должен был в буквальном смысле слова подняться на Олимп. Они действовали в таких пространствах, которые были показаны, скажем, в кинофильме «Сталкер»: там есть зона, через которую надо пройти; есть различные препятствия (аурические, магнетические и т.д.); для того, чтобы пробраться через все уровни, нужно иметь внутри себя такой контур, который или принимал бы энергию, или нейтрализовывал бы препятствия. Я думаю, пространство Олимпийских игр не было пространством XVIII века, т.е. не было однородным, гладким, апеллирующим к роботу (т.е. механизму, который можно запустить по определенной программе). Конечно, там была установка не на работа, а на мудреца, и эта предпосылка полагала совсем другое отношение к пространству; это было пространство дискретное, прерывистое, с разными силовыми полями внутри, и попасть из одного поля в другое можно было обязательно с каким-то усилием. Отсюда и платоновское, и пифагорейское отношение к числу: **ч и с л о е с т ь ф о р м а**. Два — это не один плюс один. И гений, если его взять как «пять», это не значит взять единицу, пять лет ее учить и получить гения. Гений — это что-то другое, это прорыв из каких-то других измерений, в другое качество.

Значит, культура как попытка преодоления смерти. Это на русской почве было высказано Н.Ф.Федоровым, причем с очень выраженной презумпцией вины. Он апеллировал к окружающему его конгломерату детей с тем, что они забыли своих отцов, и, строя свою историософию, он строил ее как задачу воскрешения предков. Я опять подчеркиваю — в сфере культуры, — потому что, как я постараюсь показать, любой культ только этим и занимался; он постоянно чувствовал тянущуюся («тантра» — тянение нити, как говорит Индия) нить, нить рода, нить культуры, которая в определенном энтелехийном, целеполагающем моменте замыкается на определенной фигуре (человека). Эта фигура должна войти в какие-то другие измерения. С этим согласны и современные исследователи буддизма. В основе любых практик лежит та или иная «книга мертвых», т.е. наставление, как умирать. Качество умирания. Эту книгу

оставил тот, кто умер, вернулся, и он знает так или иначе все ступени смерти. Этот светозарный свет, который лежит в основе всех практик и который стяжать необходимо, это и есть та уникальная энергия, которая может трансмутировать в любой, более плотный уровень; это и есть квинтэссенция по всем слоям.

Как только человек умирает, он сразу чувствует, как его «протягивают», как будто его выворачивают. Потом он на горизонте видит свет. Этот свет сияет. Конечно, он пугается его, потому что он никогда в жизни не был готов, не практиковался. Этот свет является катализатором и выявителем всего, что было им накоплено. Если человек был готов ко всей полноте ответственности — к пониманию того, что сознание закодировало определенный контур, <...> если он так тренирован, что он знает все видения как закодированные собой, — тогда человек не испугается того, что видит, он поймет: это мое, я это сделал, я обязан за это ответить; он будет брать это на себя (там очень сложная и увлекательная посвятельная процедура).

Если есть проглядываемые структуры, например, «лик рода», «все проявить», то появляется лик Будды (а буддизм трех колесниц может описать любые мировоззрения, кроме христианства). Появляется фигура Будды как воскрешателя и воина — я подчеркиваю, воина, и олимпийского чемпиона, если на Олимп можно подняться через определенные уровни.

Вслед за Буддой в пределах традиционной русской культуры нужно, конечно, говорить о святом. Этот вопрос разрешается у нас так: русский народ, русская культура и щ е т с в я т о г о. Как говорил Ф.М.Достоевский, русская идея — это агиократия, т.е. власть святого. Не монарха, не епископа, не демократия — это агиократия.

Когда мы говорим: «ритуальная маска», «более мощная ритуальная маска» — то это и е р о г л и ф ы, священные знаки; святой — это и к о н а, т.е. такой ритуальный знак, который не меняется, не отменяется, не снимается. Святой обладает всеми риддхи и сиддхи, всеми парапсихологическими силами на всех уровнях. Но его задача состоит не столько в демонстрации их даже на столь высоких уровнях, сколько в освобождении предков из застенков Князя Тьмы; в с в и д е т е л ь с т в е — ибо христианство, в отличие от всех других культур, считается откровением, а не одной из чрезвычайно развитых, но горизонтальных, рядом положенных медита-

тивных мистериальных систем; христианство — это откровение, как бы последнее слово. Святой — это тот, кто свидетельствует о сделанном Господом Иисусом Христом.

Иисус Христос по библейской новозаветной письменности — Сын человеческий. Эти слова — предельное выражение того, что Он не отделял себя от павшего человека. Тогда культура знала, что смерть — это не природное явление, а свидетельство греха, как бы это слово ни понималось. Смерть не е е с т ь во вселенной, и если мы не смиряемся с ней (а это всегда связано с очень высоким вольтажом напряжения любви), если у меня умер мой близкий и я не хочу этого принять, это есть первый ход к реальному посвятельному механизму, который поможет вам раскрываться. Потому что у робота нет родных, у него есть взаимозаменяемые детали. У организма есть род, и если я плачу из-за того, что у меня умер ребенок, умерла моя мама, и не могу с этим смириться, тогда я действительно нахожусь на подступах к ритуальному осмыслению спасения усопших, на подступах к церковной ограде, где внутри — святые. Иконостас — это то, что есть, это то, что сияет.

Святой это не только спасатель усопших, он еще и выворачивается в предельно высокие энергетические слои вселенной. Он перерастает себя в несотворенный свет, попадает в этот несотворенный свет, который обладает только притягательной силой; он втягивает весь свой род в Царство Божие. Как сказал Господь: «Когда я буду вознесен от земли, я всех притяну к себе». Святой обладает этой структурированной притягивающей силой; если бы этого не было, все бы давно умерло. Так вот, святой — это та ветвь, которая прорастает до Престола Господня и свидетельствует о том, что Господь есть Спаситель. Вся литургия, совершаемая в православных и католических храмах, совершается в воспоминание Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Святой свидетельствует, что это — Царь, это — законная власть, что он Спаситель, что против него воюет Князь — губитель, бунтовщик, умная, злобная сила в космосе, ни на минуту не прекращающая «радио-активного» излучения помыслов. По сущностному уровню ангелы, в том числе и падший ангел Сатана, совпадают с уровнем сознания; поэтому он и внушает помыслы, разрушает сознание, сознание заболевает, появляется протуберанец лучистой энергии, и человек гибнет.

Значит, святые свидетельствуют от имени Спасителя. Они являются в этом смысле состроителями вселенной, и даже не вселенной, а именно Града Божьего.

<...> Через лик рода, через Будду и святого человеку предъявляется уникальная мера творческой ответственности. Он призывается быть свободным сотрудником:

- а) своего собственного бытия;
- б) бытия рода;
- в) бытия вселенной;
- г) и бытия того неизмеримого Царства Божьего, которое должно раскрыться.

Делается это через очень четкую иерархию уровней: Господь Иисус Христос (как Воплощенный) через усвоенные человеческую волю и сознание стал принимать Несотворенный Свет. Он его излучает, он излучает его структурированно, архитектурно, по слоям. Далее, святой свидетель — тот, кто может принимать через незамутненность своего контура эту трансформированную Господом энергию («блаженны чистые сердцем, аки Бога узрят...»). Еще дальше архаты, занимающиеся наукой очищения сердца для того, чтобы увидеть и быть приемопередающей системой этого света.

Святой — передает свет. Этот свет воздействует на элементарные единицы сознания (в буддийской терминологии — дхармы). Они плетутся в определенную сеть через свет, свидетельство, сознание, эмоции. Эмоциональный пласт связан с планетарными уровнями: Солнце может изменить качество излучения, <...> зодиакальные знаки меняются и таким образом может измениться вся вселенная. Вот такая перспектива задания человека выслеживается в русской культуре!

И я, мне кажется, не очень насильственно говорил здесь о буддизме, потому что Русь, как сказал К.Леонтьев, это не Европа. Русь — это Азия; она скорее может быть описана в буддистских терминах, чем в иудаистских (в которых строилась иудейски-христианская литургия, переданная нам через греков). И если отвлечься от моей роли библиотекаря и говорить о грезах, культурологическая задача сводилась бы к созданию буддистско-христианского мирозерцания, и мне кажется, что П.А.Флоренский, как это ни парадоксально, был у истоков создания такого целостного мирозерцания. Ну вот, я считаю, что я сказал все, что у меня намечено было сказать.

<...>

Вопрос. Вы не могли бы пояснить, что значит «органическая деятельность»?

Организм? Исходя из идеи организма, в нем есть телеология. Живое ощущение рода. Род тянет нить. Генетическая наследственность — частный случай, зодиакальная наследственность — частный случай, кармическая наследственность и т.д. Важно не отрываться от рода. Ведь зачем быть буддой, зачем стремиться к святости, зачем развивать способности? Для этого целеполагание какое-то должно быть, я старался об этом сказать. Цель всегда была очень четкой — спасти предков от застенков Губителя. Народное мирозерцание пронизано этим. Но как это делается?

Органическая деятельность — это деятельность мудреца, все порождающего изнутри.

В буддийской терминологии есть технически-медитативный термин «карма»: магия сознания поднимает определенные элементарные частицы сознания, они поднимают эмоциональный контур, он через взаимосвязь микрокосма и макрокосма воздействует на планетные системы, на зодиакальные системы и таким образом порождаются ландшафты, изменения погоды, здоровья и т.д. Человек **не спящий** понимает, что все, что происходит, не происходит извне (это инфантильное ощущение, что все извне, все «случается»). Он может закодировать на плане сознания форму, которая перельет и передвинет какие-то лучистые токи, и это выльется плохой погодой или собственной болезнью, или засухой (по народной поговорке «Что в народе, то и в огороде»).

Символ «пробужденного от сна» всегда сопряжен с деревом Бодхи. Как бы ни интерпретировался этот высокий уровень самосознания, присущий Будде, Будда всегда у древа Бодхи, где время есть утолщение: дерево растет и ветвится, но время его, срок его есть утолщение, которое по кольцам можно определить.

Культура, как было сказано, есть органическая деятельность по преодолению смерти. Это можно показать массой примеров. Более конкретно это воспринимается как идея вины забвения о воскрешении предков. Как идея почвы, рода. Скажем, спортсмен не может бежать быстро по могилам. Если вы посмотрите на русский летописный свод, как иллюстрировались миниатюрами летописи, вы увидите там ощущение вертикального разреза. Скажем, «Лето-

пись о Мамаевом побоище». Там дерется Пересвет с лучшими от чужаков, от татар; стоит войско и (я уже не говорю о просто болельщиках) магически накачивают энергией, чтобы они боролись. Но вы видите тут же, наверху, — Борис и Глеб, князья-мученики, святые, с крестами, против вражьих черных медитативных знаков. Потому что в традиционном сознании война идет не только на горизонтальном уровне, она идет по вертикали: это борется сознание с сознанием, лучистый план с лучистым планом, физический план с физическим, подземный, темный — с подземным и т.д.

Воины несли чудотворные иконы, потому что было ощущение вселенского сознания.

Крайне важно еще ощущение древа, и поэтому идея преодоления смерти и идея воскрешения предков выростала в идею святого воина: предки не просто в земле, они в плену у Князя-Губителя; в космосе, во вселенной постоянно идет невидимая война. Как говорил Ф.М.Достоевский, повторяя слова святого Макария: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Для древнего мирозерцания космос был не пуст, он был населен определенными существами, он был дискретен, т.е. прерывист, разнокачественен, там идут всевозможные облучения. И задача человека, если он мудрец, а не робот — воспитать в себе такой энергетический или реализационный план сознательного контроля энергии, который дал бы возможность освободить усопших предков (а они для него живы, если он не робот); и он может освободить их, только реально обладая светозарной, светоносной, лучистой, радиоактивной — какой угодно — энергией, которая может прогнать стражей этих застенков, пойти туда, выйти оттуда и избавить предков от ужасов смерти.

Параллельно с идеями о преодолении смерти, возник ряд очень мощных свидетельств гениев. Было заявлено, скажем Пушкиным, что все наши знания почерпнуты из иностранных книг, что у нас нет собственного метафизического языка, которым бы мы могли осмыслить культуру, а нам надо это сделать. Где его доставать? Проясняется онтологическая, бытийная роль поэта, творца-гения. Поэт — это человек, который достает понятия. Вслед за Пушкиным идущий Аполлон Григорьев так и обосновал творчество, поэтику. А далее — Достоевский в романистике, Данилевский и Леонтьев в культурологии; еще дальше, Гумилев, Мандельштам, Анна Андреевна Ахматова. Гумилев — предчувствовавший необходимость

радикального, предельно честного и кристально честного отношения к слову. А Мандельштам, запечатлев это служение честному и чистому слову, принял мученический подвиг за то, что написал — среди всеобщего славословия «великому зодчему», «отцу народов», среди тысяч слов, которые произносились в адрес Джугашвили — шесть двустий, которые очень ясно и точно обозначили его истинный лик; и он добыл эту информацию из других, конечно, измерений. А.А.Ахматова тоже выполнила это высочайшее служение по отношению к русскому слову.

Важно, что они не были иллюстраторами. Они не были церковными в том смысле, в каком считается обязательным прохождение некоторых обрядовых структур. В пределах России это было катастрофично, потому что Россия уже в течение трехсот лет существовала в состоянии катастрофы, которая была в церковном теле и была связана с русским расколом. Они были не иллюстраторами определенных культурных идей, а уловили их в особом состоянии, в состоянии «гениального творчества».

Лучше всего описано это состояние у Пушкина в стихотворении «Пророк». Мне кажется, замечательно это сделано в стихотворении А.А.Ахматовой — в уникальном, зрелом плоде ее творчества — именно в стихотворении, которое так и называется «Творчество»:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

Русским было ясно, что творчество не есть некий волюнтаристский, волевой «удар» с неким «декретным», анонимным потребителем, что это хор голосов, «неузнанных и пленных голосов». Для Ахматовой это был хор людей, которые вместе с ее сыном были в лагере; на более глубоком уровне — это хор усопших голосов, которые где-то существуют, которые постоянно излучают свою боль, свою информацию, которые не боятся ничего, теперь они самые смелые люди — покойники.

Может ли быть передаваема эта информация? В пределах русской культуры оказалось, что может, и возникло ощущение живого организма, живых и умерших. Гений начинал ощущать себя не волевым, очень мощно собранным механизмом, а скорее *д е р е в о м*, с корнями, уходящими в века, и с плодом, который вот здесь сейчас в нем есть. Так возникало ощущение некой ритуальной маски: это еще не лик иконы, но это уже не физическое лицо, которое мы видим. Возникла теория органической критики, гласившая, что гениальное произведение — это орган таинственного лица, которое находится внутри рода и манифестирует свое существование так же, как плод во чреве матери начинает толкаться, двигаться, говорить о том, что я есть. Так и стихотворение воспринимается как орган таинственного существа, которое возглашает, конституирует свою информацию. Так возникало ощущение лика говорящего, некоторой внутренней ритуальной маски.

П.А.Флоренский подытожил эти идеи в замечательной работе ученого. Ситуация тогда характеризовалась разрывом традиционных культов, — все, что говорится в «Курсе энциклопедии оккультизма» об арканах Таро, если бы выполнялись принимающие чинопоследования таинств, просто не нужно бы было; все это казалось бы детским гимназическим лепетом. Но враг силен. Монахи, когда прибегают к слову «враг», понимают, о чем идет речь: враг — это Сатана. В одном из арканов говорится: в определенный момент понимаешь, что у тебя есть крышка гроба, и ты бы и хотел что-то делать, а ничего не получается, надо прорубиться к другому состоянию. Так вот, все медитативные практики, если они правильно произрастают, должны прийти к ощущению не-пустого пространства, неоднородного пространства, некоей космической войны, которая идет и в которой мы вольно или невольно участвуем.

П.А.Флоренский и предлагал крайне мощную вещь, посвятительную в том смысле, что мы находимся в пространстве вне­традиционного посвящения. Он говорил: нужно узнать о своих родителях, о родителях родителей, о тайне имени, о том, откуда пришел род, т.е. знать все о роде. Вспомним, с чего начинаются Евангелия — они начинаются с имен предков Иисуса Христа. И среди этих имен нет имени «обезьяна». Почему? Да потому, что каждый сын помнил имя своего отца, а он — имя своего отца и так... до Адама. И вы не смогли бы убедить помнящих имена предков в том, что они произошли от обезьяны. Вам говорят: «Жизнь есть способ существования белковых веществ и потому за гробом ничего нет», а за гробом-то ваши плененные предки. Они начинаются с родословной Господа Иисуса Христа. Там перечисляются имена, и там нет имени обезьяны.

Надо знать предков, надо искать их. Надо ощущать в себе генеалогическое древо, которое утолщается, растет и прорастает в очень твердой координате времени. Здесь возникает ощущение, которое всегда дается в мистериальных комплексах: ощущение четырехмерного лика человека. Так же, как от рождения до смерти у вас есть ощущение преемственности, так же, если вы вырвались из лона матери в атмосферное лono, то из этого атмосферного лона вы уходите через врата смерти в какие-то другие пространства и т.д.; вы до бесконечности проходите состояния рождения и смерти, которые, на самом деле, суть иероглифы жертвы. Человек должен понять, что он стоит и держится только жертвой.

После нахождения ритуальной маски как четырехмерного образа рода, плотское рождение не может считаться рождением (в любой культуре этого нет). Человек в определенный момент, связанный с определенными состояниями, проходил посвящение, ему показывался архетип — мистериальная маска; его посвящали в род, он принимал ответственность. Более того, маска становилась голосом рода. Она не была пуста, ею говорил род...

Если держаться далее маски исследователя, то можно было бы вслед за этим сказать: я исследую культуру, нахожу ее следы — это следы моих предков — я двигаюсь по четвертой координате и нахожу четырехмерный образ рода. Но, если двинуться еще дальше, появляются фигуры свидетеля и учителя; они нечто создают, потом это, может быть, распадается, мы начинаем это дедуктивно выводить и т.д.

Мне же хотелось обратить внимание на следующую фигуру — фигуру Будды.

Когда дерево рода выполняет свою цель, когда оно созревает, появляется фигура, венчающая весь род — фигура Будды. И что же он делает? Он втягивает весь род в какую-то дыру, в какое-то лоно, которое есть лоно всех лон. Одновременно он создает очень мощное силовое поле Дхармы — у Будды оно считается [сохраняющимся в течение] 600 лет. Подобно тому, как гипнотизер, например, говорит «спать», и кто-то засыпает на несколько секунд, так Будда, именно потому что он Будда, создает поле Дхармы, которое не рассасывается около 600 лет. Одновременно он передает и опосредованный, медитативный знак для всех остальных, которые начинают медитировать заданным образом; а поскольку эта структурированная Дхарма как энергетическое поле существует, то медитативный знак — это просто подключение, это штекер на уровне сознания и больше ничего. Есть такие уровни сознания, где штекером является ум: в сознании создается медитативный знак (символ) и, если вы его правильно продуцируете, то вы подключаетесь к его энергетическому уровню, который на этой волне и излучается.

Поэтому Будда и есть такое сознание, такой контур, который может принять нирванический импульс энергии, который непосредственно принимает сигналы. Он и есть то существо, которое ни разу не создало ложного контура. Поэтому Будда и есть та фигура, которая и создает поле Дхармы, и остается живым, несмотря на то, что он принял такую мощь энергии. Энергии, которая притягивает — и это очень важно; значит, он попал в поле магнетического излучения, притягивающего, он принял это излучение, вывернул наизнанку и остался живым. И он этим самым для всего рода, который в нем был — в вывернутом времени — становится предком.

Когда появляется Будда, возникает какая-то «практика». Он оставляет после себя какую-то «медитативную систему». И дальше — сидишь ли в позе Будды и дышишь, гоняешь энергию, или занимаешься карате, т.е. динамической практикой, или ритуальными танцами — все это направлено на то, чтобы трансмутировать, трансформировать сознание, выработать в себе способность сосредотачиваться вне зависимости от объекта сосредоточения, чтобы сознание текло как непрерывная струя меда, чтобы ничто не могло отвлечь — это называется медитацией.

Всем сказанным я вам скрыто начертал возможность у з н а т ь свою Маску, о т к р ы т ь ее для себя. И, если далее вы будете проникать в ее черты, у вас откроется и способность медитации, и различные парапсихологические способности.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Что делать с тем, что открывается в медитации?

Медитация — это просто память, больше ничего.

— Ну, а если я не обладаю памятью и не могу перенести «сюда» то, что узнал «там»?

Ничего и не надо «сюда» переносить. Нужно себя «туда» перетасовать!

— Наша рабочая задача состоит в том, чтобы побывать в различных «картинках» и вернуться оттуда не с пустыми руками. Как это сделать?

Я думаю, нужно попытаться создать медитативно-мистериальный театр, на материале русской традиции и поставить в нем, скажем, «Бориса Годунова». Там все можно и сделать.

Вообще, по-моему, есть только два пути: или почувствовать зов и всеми возможными способами (а человек на самом деле все знает и только не помнит)... — молитесь, чтобы Бог показал вам святого, будду, учителя... кого угодно, ибо задача только одна — двинуться и сделать шаг на «пути»; или же начать ритуальную работу. Или учитель, или ритуал — у меня такое ощущение.

Как относиться к ритуалу? Для меня православие — не одна из религий, особенно — русское православие. Войдите, например, в Успенский собор Кремля, и вы увидите, что вы входите в свою собственную душу, но только высочайше выраженную. Войдите, и м о л ч а стойте. И тогда... Впрочем, молча не удастся, потому что будет много мыслей. Добиться молчания сознания очень трудно, для этого нужна колоссальная тренировка.

Ведь вы привыкли видеть себя в зеркале в своем физическом теле и думаете, что и все вас так видят. Но на самом деле есть и другие наблюдатели: они смотрят на нас, а видят как бы телевизионный экран, а на нем цветные сполохи, это — аурические цвета. За ними следят «оттуда» враги. Вот вы вошли в Собор, посмотрели на иконы и вдруг увидели, что это не просто иконы, что на них есть какое-то сияние. Вы пошли домой, а у вас, допустим, тоже появилось белое свечение. В этот момент все силы Владыки Ада будут направлены на то, чтобы загасить это свечение — появится масса интереснейших проблем: вино, карьера, женщины, деньги, тысяча вещей. И вот вы уже забыли и Успенский собор, и иконы, и святых, и ваше свечение угасло.

Космос не пуст. На определенном уровне это начинает постигаться. В том же «Пророке» у Пушкина сказано и про ангелов, и про гадюк — и тех, и других Он создал.

Однако, возвращаясь к ритуалу, нужно помнить, что медитативные знаки создаются н а в р е м я. Я не уверен, что все когда-то созданные медитативные знаки работают и поныне. Я думаю, что нет. Потому что это были коллективные медитативные знаки, над которыми медитировал какой-то род, какое-то количество рода.

Более высокий уровень, чем знаковый, — уровень низведения энергии — состоит в том, что он пробивает «спекшиеся знаки», разрушает их, нейтрализует. И тогда, когда появляется учитель, появляется будда, он не будет проповедовать Дхарму так, как это делал Шакья-Муни. И все, кто будет держаться Шакья-Муни в присутствии нового будды, на самом деле будут показывать, что они клишированы гордостью... и т.д.

Итак, учитель или ритуал с каноническими текстами. Но вот беда: по каноническим текстам не может быть передана энергия. Учитель же появляется тогда, когда есть ученик, а ученик появляется тогда, когда у него разрушается «эго-контур», когда проходит болезнь, называемая «пьедалитизм», когда я перестаю стоять на пьедестале и рассылать во все стороны директивы моего «я». Ученик — тот, кто хочет изменить это свое состояние. Если искренне захотеть этого — проблем не будет, уверяю вас.

— Мы видим проблему в другом: как соединять разные уровни, как возвращаться назад и приносить что-то, как объединить две личности — поэта и человека, варящего кашу?

Не получается это. Переход с уровня на уровень всегда прерывен, катастрофичен. Попытка что-то взять с высшего плана и перенести на низший никогда ничего не дает, казалось бы схваченное — разрушается. Дело в том, что все символы — это сконденсированная энергия. Если вам удалось двинуться, вы и должны двигаться, иначе придется забыть все ситуации, где вы были и что видели. Хотя и забыть не просто. Нельзя только стать «перевозчиком-контрабандистом», перевозящим через границу запрещенный товар.

Просто нужно родиться, нужно понять, что есть рождение, а не то, чтобы вас собрали из запчастей и запустили. А если вы организм, все закономерно, ничего не приходит извне, как к ребенку или инфантильному существу. Шаг за шагом, шаг за шагом вы придете к ответственности. Это происходит быстрее, если в вашей социальной жизни случается катастрофа.

Вот — Пушкин. Его вызывает Николай I, он едет к Николаю, а все его друзья декабристы заметаны. Он едет и, в процессе этой поездки, сочиняет «Пророка». И когда он пришел и встал перед Николаем, он — пройдя стихотворно все уровни медитации, — уже знал: «нет, Бог для меня важнее, чем Государь Император Николай I». И он вел себя далее предельно честно, свободно и даже элегантно. Николай ему говорит: «Я — твой цензор», Пушкин искренне на то согласен. Он искренне уверен, что сумеет писать так, как нужно, что перепишет «Бориса Годунова», немного подсократит, переделает под хронику типа Вальтер Скотта. Но он возвращается, начинает писать и ... все выходит опять по-пушкински.

Вот что такое гений. Он не волен над собой. У него субъектом воли является акт творчества, а не житейский акт.

Или вот — Анна Андреевна Ахматова. Ее сын и сын уникального расстрелянного историка культуры и поэта Николая Степановича Гумилева — Лев Николаевич Гумилев — был в лагере. А она не могла написать стихотворение, славящее Сталина. Пыталась, но не могла. Все ей говорят: «Ну что тебе стоит? Твой сын в лагере!». А она не могла. Не получалось.

Вот как познается, что есть еще кто-то, кроме человека, варящего кашу. «Истома», «жаждою томим», а здесь не насыщаюсь, хочу работать, а не могу. Это — диктат вдохновения. И тогда, если ты не лукавый человек, ты начинаешь различать в себе как бы двух субъектов: это — я, человек, идущий на кухню, а это — я, человек в со-

стоянии, когда пишутся стихи. Значит еще кто-то присутствует в сочинении стихов, кто-то, «не-я». А мы все кичимся: «я» да «я».

Культура — это преодоление смерти. Направьте свое сознание на осмысление смерти. Это — основная феноменология русской культуры. Розанов, в конце жизни поднявшийся на Христа, говорил: «Странные это люди. Они не живут, а все время умирают. Поезжайте в деревню — там совсем иной мир. Рубаха — на похороны, платочек — на похороны, деньги на гроб отложить надо... Поговоришь с простой старушкой, а она тебе: „Ну что ж, пора возвращаться домой. Погуляла здесь, поучилась. Пора домой“».

Да и для гениальных поэтов творчество конститутивно связано со смертью. Я не пытаюсь ставить отметки, просто для анализа нужно брать предельные случаи, иначе трудно разобраться. Творчество — забегание в смерть. Для Пушкина жизнь и творчество еще двоились, для Достоевского — уже меньше. Для Мандельштама, подчеркиваю, уже не было жизни, он жил как поэт... и считал, что был обязан. Для него творчество было своеобразным монашеским постригом, увенчавшимся мученичеством. Предельно это — у Ахматовой.

— Ну а как же по-вашему быть с арканами? Что, скажем, за предметы изображены на картах Таро?

Это культовые предметы, принесенные «оттуда». Персонаж на этой карте стал каменщиком потому, что строит из себя камень, который должен войти в небесный храм. И если он это сделает и сумеет как-то вчлениваться туда, то он приносит «сюда» мастерство обработки камня. Культура имеет культовые источники. И если появился современный тип культуры, полностью оторванный от корней, то и л и должна развиваться психотехника, реанимационная техника, танатология, т.е. наука о качестве умирания, и л и начнется размножение взаимозаменяемых роботов.

Если названные науки будут правильно развиваться, они придут к тем же самым предпосылкам, что уже известны из традиции. И тогда мы, например, увидим, что наши блочные дома — это монашеские кельи. Здесь живут монахи, отрекающиеся от мира. Если возвращения к органическим предпосылкам не произойдет, вы скоро увидите, что те же самые дома превратятся в бараки концлагеря.

— Вы все время говорите о пути «туда», а нам надо «сюда». Если, например, пловец усиленно тренируется, он в лучшем случае станет рыбой.

Изменение наличного состояния нуждается в получении дополнительной энергии. И здесь я настаиваю на идее самоотречения. Относитесь все свои умения не к себе, а к тому, что все это нашептали умершие люди. Совсем другая получится жизненная установка, — на нищету.

— Как соединить труд и святость?

А вы считаете, что сойти в двенадцатый круг ада и вытащить оттуда свою бабушку — это малый труд? Для этого нужна большая воинская доблесть. Ведь есть силы, которые не хотят ее отдавать.

— Мы занимаемся проблемой реабилитации и вот интересно, что вы кажетесь мне человеком реабилитированным, с целостным мировоззрением.

За проблемой реабилитации стоит проблема «я». Его нужно разрушить, думать нужно о «другом», развивать в себе любовь. И тогда у вас внутри возникнет ощущение, о котором апостол Павел сказал, «если один за всех умер, то и все умерли». Он не видел живых, он видел мертвых, потому что его Господь умер.

Если я на пьедестале, значит все внизу, а если есть кто-то еще выше, то я голову поднял, и пьедестал — уже не пьедестал, а ступенька лестницы, по которой можно залезть выше.

— Интересно, есть ли вопрос, на который вы бы не ответили?

Вам кажется, что это я отвечаю как человек в белой рубашке, а я вам не отвечаю. Я знаю ваш вопрос до того, как вы произнесете слова, погружаю его «туда» и жду «оттуда» ответа. И это не я говорю, это говорит сознание, а сознание — не частная собственность.

— Вот я беру шарик для игры в настольный теннис и трясу его. Что это гремит?

Это звук этого шарика. А что он напоминает? Он напоминает жужжание пчелы, летающей вокруг ствола дерева, и перепады звука в момент умирания. Он напоминает звук «ом», сопровождающий состояние медитации.

— Личность человека — это его могила?

До той поры, пока он не хочет возродиться, он строит себе пьедестал-надгробье.

— Реабилитация — это вставание из гроба. Мы, по сути дела, мертвы.

Нет, вы еще не абсолютно мертвы. Потому что поза мертвого — это поза Будды. Вы не мертвы, вы спите. Вы — это реанимированные фантомы; куклы, реанимированные Сатаной, которые считают, что они живы. Для вас узнать, что вы мертвы, было бы уникальным событием, если это, конечно, возможно. Нет, вы пока спите.

— И нам все снится?

Прежде всего то, что вы живы.

— А что такое деньги?

— Я не знаю, но думаю, что деньги должны быть подаянием. Это то, что кладется в руку нищего.

— А ваша профессия вам не мешает?

Вы это спрашиваете у человека, который только что нагло заявил, что это не он говорит? Говорит сознание, а у сознания нет профессии, сознание — это мышление. Говоря, я отождествляюсь с другой фигурой, находящейся в другом пространстве, а там нет профессий. Иначе бы я не рискнул говорить.

— Но у вас же есть семья?

Ну для этого есть система: можно так спланировать свою жизнь, что есть и пить совсем не хочется или мало хочется. Может быть, это не годится для штангиста, но человеку, который купается в мыслях, есть можно поменьше.

— Существуют любители мудрости и любители счастья?

Не знаю. Думаю, что счастье входит в ощущение робота, заведенного Сатаной.

— А чувства? Кому они принадлежат и чем являются?

Чувства — это окна и двери. Если практиковать их как путь, вы сможете выйти и через них.

— А Достоевский спал?

Достоевский был страдалец. Говорили, что он рано помер. Я тоже думаю, что он начал пробуждаться, ибо гениальность — это еще не пробуждение. Пробужденность — состояние Будды. А гениальность — это путь. Достоевский был на пути, это бесспорно. Но, как говорили святые, если бы мы только в этой жизни надеялись на Христа, мы были бы несчастнейшими людьми. В путь включается и смерть.

— Если ты пробужден, можешь ли ты опять заснуть?

Нет. Святой всегда вступает на путь прямой и непрекращающейся борьбы с бесами для того, чтобы он смирился и понял, что ничего нельзя сделать без Христа. Это и есть мудрость. Она состоит в том, чтобы знать свои силы, знать, что ты можешь сделать реально, а не фиктивно. Святой — тот, кто знает, что он ничего не может сделать без Бога. Но святого Бог выбирает сам, тут мы выходим из плана культуры.

Бог показывает архетипы, а выполнять или не выполнять их — дело святого. В этом свобода и есть, иначе не было бы понятно, что такое грехопадение.

РУССКОЕ МОРЕ

Мое самое ревностное желание, друг мой – видеть Вас посвященным в тайну века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания.

Чаадаев – Пушкину, 1829 г.,
подлинник по-французски

По-моему, Пушкина мы еще и не начали узнавать: это гений, опередивший русское сознание еще слишком надолго. Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения, переделавшийся в русского, а мы теперь еще у хромого бочара учимся. Это был один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело, вызвавший его в себе и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, – и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу...

Ф.М.Достоевский,
«Дневник писателя», 1877 г.

Ваше Сиятельство,

лишение всех званий, ссылка на вечные времена в гарнизоны солдатом Дантеса – не может удовлетворить Русских, за умышленное, обдуманное убийство Пушкина; нет, скорая высылка отсюда през-

ренного Геккерна, безусловное воспрещение вступать в Российскую службу иностранцам, быть может, несколько успокоит, утешит скорбь соотечественников Ваших в таковой невознаградивой потере. Открытое покровительство и предпочтение чужестранцам день ото дня делается для нас нестерпимее. Времена Биронов миновались. Вы видели вчерашнее стечение публики, в ней не было л ю б о п ы т н ы х русских — следовательно можете судить об участии и сожалении к убитому. Граф! Вы единственный у престола представитель своих соотечественников, носите славное и историческое имя и сами успели заслужить признательность и уважение своих сограждан; а потому все на Вас смотрят, как на последнюю надежду. Убедите Его Величество поступить в этом деле с общею пользою. Вам известен дух народный, патриотизм, любовь его к славе отечества, преданность к престолу, благоговение к Царю; но дальнейшее пренебрежение к своим верным подданным, увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть, врученная недостойным лицам, стая немцев, все, все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и самом народе! Ваше Сиятельство, именем Вашего отечества, спокойствия и блага Государя, просят Вас представить Его Величеству о необходимости поступить с желанием общим, выгоды от того произойдут неисчислимы, иначе, граф мы горько заплатимся за оскорбление народное и вскоре.

С истинным и совершенным уважением
имею честь быть
К.М.
вторник, 2-е февраля.

Достаточно просторная келья монастыря католического типа. Красивые шершавые каменные стены. Камин. Дубовый стол. Свечи. Входят четыре человека. Трое из них сокрыты под капюшонами монашеских плащей, а один ведет себя по-хозяйски. Хозяин и г.г. X, Y, Z.

ХОЗЯИН: Эта встреча организована по протоколу. Прошу дать мне части печати, иначе вы не сможете выйти отсюда.
(хозяин обходит пришедших с чашечкою. Слышно, как каждый бросил в нее что-то звонкое).

ХОЗЯИН (*сложил печать*): Печать сложена и я оставляю вас. Совершенная секретность вашего совещания гарантируется. Никто не подслушивает, не ведется никаких записей. Если вам понадобятся референты, то прошу дергать вот этот шнур. Звонок прозвонит в приемной, и через две-три минуты, необходимые, чтобы пройти к этому месту, нужные вам люди постучат. Обязан по протоколу напомнить вам, что столь экстренная встреча была вызвана вашими желаниями. Если вы не закончите через три часа, будет подана еда в соответствии с вашими вкусами и привычками. Теперь я уйду. (*хозяин уходит, а X, Y, Z неторопливо откидывают капюшоны, располагаются и т.д. В их поведении наиболее важно найти пластику людей, имеющих реальную власть*).

X. Ну, здравствуй.

Y. Здравствуй, позволь обнять тебя.

Z. Здравствуй, как твой диабет?

X. Ну-с, кто у нас знаток протоколов, подобно хозяину; что теперь делать с этой печатью?

Z. Главное не засунуть ее куда-нибудь или не бросить случайно в огонь, чтобы опять унести кусочки каждому в свою конгрегацию. Кто это придумал?

Y. Не помню, но кто-то был у них на Афоне, там печать составляют совсем из мелких кусочков. Хорошо, что нас только трое. Я сильно растолстел?

X. Глаза по-прежнему не могут спрятаться.

Z. Такое впечатление, что я первый поднял сигнал экстренной тревоги.

Сегодня 28-ое октября 1836 года. Никто не возражает?

X. Да, по-моему тоже сегодня октябрь 36 года.

Z. Не сиди так близко к огню, какой-то астролог говорил, что это не полезно при диабете.

Y. Зачем было поднимать столько шума против магии, чтобы потом пользоваться их советами.

X. О, ты устал с дороги. Здесь нет причинной связи. Быть может, именно потому, чтобы потом спокойно пользоваться.

Z. Я вижу профессионалов: один идеалист-филолог, другой практик действий и сокрытия подлинных причин. Это не ты придумал фокусы с печатью и доставкой пожилых людей верхом под капюшонами?

- У. Сегодня 28 октября.
- З. Да, так вот, по-видимому, я поднял тревогу. У нас в руках было недолго письмо пациента в ответ на публикацию брошюры господина Чаадаева. Пациент и раньше был знаком с идеями этого умного и достойного человека, умеющего не только думать в нужном нам направлении, но и излагать свои мысли письменно. Это редкий дар.
- Х. Да, я если что и умею сообразить вовремя, то изложить это связно на бумаге не смог бы и под пыткой.
- У. Ну, если он и придумал этот идиотизм с доставкой полных пожилых людей верхом под дождем, то и сам пострадал. Посмотри, как он промок, пар идет. Знаешь, ведь по количеству пара, исходящего от огня, можно высчитать количество влаги, которое ты привез, а затем и расстояние от твоего дома до этого. Где мы, кто-нибудь знает?
- З. Так вот, в письме пациента, которое может расцениваться как рецензия и исповедание, причем можно думать, что он ждал и желал чтобы письмо скопировали и прочли серьезные люди...
- Х. Ужасно, если он так умен и не с нами.
- З. Я считаю себя одним из серьезных людей и считаю, что слова, содержащиеся в письме, несут в себе сознательный вызов нам всем. Поэтому я объявил сбор.
- У. Что же он хотел, чтобы мы прочли? Ты помнишь наизусть или уже нужен референт? Мне пока не хотелось бы никого видеть.
- З. Потом, если будет нужно, мы заслушаем текст полностью, пока же главное: он говорит о «низостях папизма», которых избежали восточные.
- Х. О, это сказано сильно. Представляю, как ты разгневался, ведь это как раз по твоему ведомству.
- У. Оставь, князь, прошу тебя не заводить вновь 400-летней склоки. Напоминаю тебе, что у меня диабет, и я очень долго шел к власти, чтобы иметь возможность беседовать хоть изредка с вами двоими, людьми, которых я после миссии люблю больше всего на свете.
- З. В конце письма пациент говорит, что лично привязан к Николаю и хотел бы умереть на посту.
- Х. Так и сказал?

- У. Я прошу тебя не докапываться сейчас до протокольных подробностей, чтобы не звонить в этот проклятый колокольчик.
- Z. Дословно он говорит, что ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории его предков...
- X. Да, это вполне можно истолковать, что он готов умереть за свои идеалы. Жаль, что мы не смогли сделать его нашим искренним другом, этого странного почитателя Рода.
- У. Я скорблю об этом с еще большей силой, князь, ибо я один из немногих понимаю прелесть его русской речи и художественного мира его персонажей.
- Z. Ты что-нибудь приготовил для нас?
- У. Да, конечно, но я не хочу никого приглашать как можно дольше. Мы так редко встречаемся, а я так долго полз на вершину власти...
- Z. Мы уже это слышали, перестань, или князь начнет думать, что ты издеваешься над ним.
- X. Ты думаешь, что он послал нам вызов?
- Z. Он дал возможность письму распространиться, а его ум очень высокой пробы, чтобы делать это просто так. Он знал и предполагал, что мы прочтем тоже.
- X. Неужели он стал подозревать предварительные шаги? Уловил мыслеформы?
- У. Если он ищет смерти, то прежде чем санкционировать ее, следует взвесить все за и против. Меня не пугает, что он говорит о «низостях папизма».
- Z. У кого есть коньяк? Дайте мне глоток коньяку и пусть кто-то из вас выскажет все **мои** аргументы. Я хочу выслушать их от другого, чтобы услышать как чужое и объективированное мнение. Мы считаем этот метод большей находкой... коньяк у вас в ордене делают превосходный. Тот, кто будет говорить, пусть делает это не спеша.
- X. Хорошо. Наши перспективы в России резко упали со времен смуты и смены династии. Можно смело говорить, как любит это делать толстяк, что миссия на востоке была просто-напросто остановлена схизматиками и стоящими за ними в пространстве степей и горных троп чингизидами, а затем магометанами, несколько усмирненными схизматиками, но

тем не менее стоящими двойным заслоном на путях нашей миссии. Только при Екатерине, ну, чуть-чуть при Петре, через всевозможные контролируемые нами герметические игры, миссия смогла вновь начать думать о реальностях. После возвращения Александра (я иногда думаю, что какой-нибудь умник вроде тебя устроил всю эту французскую бурю лишь для того, чтобы мы могли поднять вновь голову!) миссия возглавления славянских племен верными Святейшему поляками стала реальностью. Александр сам грезил об этом и ему помогали, всячески помогали, усвоить и помнить...

- У. О да: это хорошо звучит: «усвоить и помнить»!
- Х. Усвоить и помнить, что огромное тело России должно быть возглавлено славянскими племенами, те свой черед верными Святейшему поляками, чтобы прекратить, наконец, схизму и вернуть заблудших под апостольский омофор, приняв все блага Рима и Мира, блага сохраненной, взвешенной полной и утрясенной мерой цивилизации.
- З. Да, это почти мои слова. Пока нет возражений.
- Х. Александр хотел вернуть Польше границы, нужные ей, границы Речи Посполитой до 1772 г., отделить Литву, Малороссию и Белоруссию от Великороссии, чтобы дать путь миссии на восток. Он имел наивность поделиться этими сокровенностями с одним из близких ему русских. Тот не замедлил сообщить русской партии, о наличии которой мы предупреждали Александра. Какой-то фанатик хотел даже убить императора, но реалисты сумели все же удержать партию от распада и сохранить стратегические перспективы борьбы с нами. Здесь впервые появляется на сцене наш пациент и, если мне не изменяет память, именно ты, князь, как ответственный за русский отдел, стал убеждать нас быть повышенно бдительными, ибо пациент являл признаки гениальности.
- У. Да. Мы читали его стихи, Мы испугались явленной в них новизне и готовности русского языкового мира. Были напечатаны статьи, чтобы проверить его зрелость критиковали Карамзина. Он всегда выбирал самое важное, отвечал быстро и точно, продолжая собственно поэтическую деятельность. Он обладал повышенно магическими способностями и тайное воздействие на него направленной медитацией католи-

ческого поля не имело успеха. В отличии от книжных императоров он подвинулся к уровню «окультурного царя», подлинного азиатского «кагана»...

- X. Это было наиболее опасным, ибо лишало нас проверенного и серьезного оружия, секреты которого хранились крепко. Он контролировал в состоянии вдохновения более тонкие вибрации, которые отбрасывали наши облучения обычного и сверхобычного типа. Военные и политики русской партии б е р е г л и пациента и это диагностировалось как сознательное сбережение сокровища. Ему не разрешили драться на дуэли, хотя сплетня была пущена отвратительная и крайне обидная для молодого дара. Говорили, что его высекли; он хотел драться, но ему не позволили. Кто-то из наших с ужасом стал фиксировать проблески какой-то дисциплины и чего-то, напоминающего иерархию, среди этих русских офицеров, барчуков, пьяниц и пр. Князя пугало появление возможности понять и оценить сокровище, у них, с их хаосом в крови!
- Z. Помнишь эту фразу Александра: «они учатся, учатся! зачем это?!».
- У. Да. Командиру полка или даже гвардейского корпуса, каким был Николай, совсем не след учиться ничему иному, кроме фрунта... а они читали книги, и... понимали их ценность. Хотя, я уже говорил, продукция пациента была высочайшего класса. Какой-то мутационный всплеск, отбрасывающий все предыдущее в языке и образном мире на много ступеней вниз.
- Он не доказывает ценности своего русского мира, противопоставляя его польскому протекторату, но п о к а з ы в а е т, ясно и спокойно, с почти музыкальной убедительностью внушения, идущего поверх понятий:

... когда-нибудь монах трудолюбивый
найдет мой труд усердный, безымянный,
засветит он, как я, свою лампаду —
и, пыль веков от хартий отряхнув,
правдивые сказанья перепишет,
да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу,

своих царей великих поминают,
за их труды, за славу, за добро —
а за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
минувшее проходит предо мною —
давно ль оно неслось, событий полно,
волнуясь как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно...

- Х. Да, это образ почти недостижимого синтеза ученого бенедиктинца, мастера духовного сосредоточения и богословия доминиканца и педагога из ордена Иисуса. Это абрис Тибетского учителя-йога...
- З. И плюс ко всему дар изложения. Он не чувствует труда излагать свои мысли. Ужасно то, что **это** может читать любой полковник. Наиболее опасно то, что **это** может читать и бывший командир гвардейского корпуса, ничего серьезного ранее не читавший. Опасно потому, что этот командир сейчас император России, достаточно одинокий поначалу, чтобы русская партия не попыталась скрасить его одиночество. Иногда мне кажется, что мы тоже впадаем в грех недооценки противника, чтобы оправдать собственный статус руководителей? А? Это мы, столько сил и лет потратившие на утверждение права независимых исследований, дабы знать положение вещей, как оно есть, а не как нам докладывают, чтобы сохранить и свои и наши посты. Я забил тревогу именно потому, что вижу достижения их п е д а г о г и к и. Пациент привязывает к себе царя. Шаг за шагом. Это будет показано. Шаг за шагом он делается для Николая, подчеркиваю: одинокого и презираемого прежде гвардейского офицера, д р у г о м, мягким наставником. И чем? Он, как это и написано в письме, лично привязан к царю. Вы понимаете эту опасность? Он не ненавидит царя, хотя знает, что тот занимает его место, место царя тайны и тайного, реального, он к нему лично привязан, почти как умный и добрый педагог привязывается к р е б е н к у. Ребенок в присутствии такого воспитателя начинает ощущать з а щ и щ е н н о с т ь.

Одним из высших постижений нашего ордена в педагогике, утвержденных на общих конклавах, было постижение того, что правители тоже имели детство, причем почти всегда униженное детство. Что именно видение любого облеченного властью все же ребенком дало нам силу и метод воздействия. Наш пациент обладает врожденной нежностью к существу. Он не отделяет царей от своей нежности к существу. Он не делает усилий быть снисходительным, он не о б и ж е н, не хочет изнутри отобрать власть у кого-то. Почему?

- X. Потому что он обладает властью, он — царь тайны, он царит, а [не] свершает переворот.
- Z. Да. Он обладает властью и потому снисходителен к тому, кто несет бремя управления людьми в определенном месте и в определенное время. Мы можем вновь и вновь скорбеть, что такой ученый и педагог не с нами, но поскольку он не с нами, мы должны дать санкцию на операцию.
- У. Поэтому ты считаешь себя первым забившим тревогу. Но мы все трое изъявляли желание встречи, как напомнил нам знакток протоколов, иначе бы нас не закрыли вонючими тряпками и не повезли под дождем на пугающихся грозы лошадях. Я два раза чуть не свалился в грязь.
- X. Николай казнил много меньшее количество аристократии русской, чем хотелось бы. Многие из руководства не были даже под следствием, да и сам ход запугивания его «цареубийством» оказался не очень продуктивным. Он вызвал пациента из ссылки, говорил с ним, поручил составить записку о воспитании юношества.
- У. Один из девяти детей удушенного Павла! Один из девяти внуков великой бабки, души не чаявшей в Константине, с ее «греческим проектом»! Я подам прошение Святейшему об увольнении на покой. Мы ошиблись. Мы стали разрабатывать версию о Николае, как о грубом солдафоне, хотя он был еще просто юношей, причем юношей с тяжелым детством. Не согласится ли пациент стать вместо меня во главе ордена?
- X. Перестань смешить нас, ты взял какой-то странный тон в маске растолстевшего диабетика.
- У. Значит, ты не хочешь подавать в отставку? Мы ошиблись в диагнозе и прописях лечения, мы, которым Святейший и народ

поручили принятие решений, доверяя нашим обетам отречения от мира, нищеты и преданности миссии. Кто-то из нас ленится или тщеславился, а теперь выясняется, что хлопы и схизматики работают лучше нас и намного лучше нас. Или, быть может, перейдем всем скопом в православие? И притащим на веревке и Святейшего?

- Z. Ты, стало быть, искал экстренной встречи, чтобы высказать нам все это. Для этого ты полз к власти и мечтал о беседах с нами.
- У. Да, я всегда считал вас поименно наиболее достойными и умными руководителями. Ваша княжеская кровь, как и моя, давала привилегии, которые мы полагали в отречении на паперть, как когда-то Франциск, чтобы г о л ы м и служить миссии. Но грех власти ест и нас. Да, у нас есть власть дать санкцию по хирургическому отсечению опухоли, есть власть дать санкцию на оперирование пациента, но я хотел бы по-прежнему уважать и себя и вас, князя.
- X. Никто не ждал смерти Александра. Нельзя с равным успехом разрабатывать все версии. Мы были сосредоточены на главном, а проклятая секретность не дает возможности иметь даже учеников, чтобы поручать им побочные ветви. К сожалению, мы не знали о существовавшем отречении Константина. Мы не предполагали, что юные, Николай и Михаил, когда-нибудь станут кандидатами. Я понимаю, отчего ты горячишься. В твоём ведении находится все, что касается уровней медитации. Ты должен был убедить конклав, что пациент обладает таким даром телепатического приема во «вдохновении», когда меры секретности становятся бессмысленными. Он считывает информацию в символических формах поверх всей шифровки. Он прикасается в трансе вдохновения к записям наших мыслей на эфире и считывает их! Ты должен был найти в себе силы, чтобы заставить всех нас усилить средства защиты католического поля, а не просто уведомить нас о явлении гения. Вот: он прочел душу Николая, душу обиженного и незащищенного ребенка, душу юноши, ищущего власти в гвардейском корпусе, а теперь не могущего противостоять зарождающемуся детскому зову нежного доверия к пациенту, как к з а щ и т е. Теперь мы должны зафиксировать, что Николай ищет защиты в пациенте большей, чем в Бенкендорфе и Орлове.

- У. Когда мне пересказывали сцены из «Бориса», я был поражен. Он словно присутствовал при многих совещаниях. Когда я прочел готового к изданию «Бориса» накануне варшавской акции, **я испугался**. Откуда он знал, и какие силы он нашел, чтобы убедить Николая дать разрешение на издание без редактуры **накануне** варшавской акции? Военные — большая сила, но пациент давно понял и давно реализует силу «печатного снаряда». По прочтении «Бориса» я стал предлагать отложить варшавскую акцию, ибо роль иезуитов и поляков столь низка в пространстве трагедии, образ замученного Дмитрия столь удивителен и его присутствие в судьбах России столь **явно**, будто мы вернулись во времена Куликовской битвы, когда на стороне русских сражались и князья-страстотерпцы Борис и Глеб! Он, как педагог, показал царю и обществу миниатюры летописного свода, где против татар сражаются и русские святые! Страстотерпцы, невинно замученные. Борис именуется татаринном, а поляки, стало быть, союзниками татар. Поднимается вновь и вновь архетип Куликовской битвы, этот их вечный сюжет! Я испугался. Откуда он знает? Где природа этого знания? Как быть с этим приемником, если мы не можем управлять им? Тогда я попросил обдумать предварительные действия.
- Х. Сила наших орденов в преемственности традиций и принципов осмысления поведения подопечных. Конечно, руководитель ордена избирается пожизненно, но он следует выработанным правилам и около него растут всегда два или три намечаемых преемника. Тысяча лет прошла после схизмы, но мы спокойно и неумолимо обволакиваем мир, ибо мы знаем силу традиций и преемственности: пыль всевозможных бурь и реформаций оседает, а престол Святейшего остается в конечном итоге незыблемым. К чему это лирическое отступление? Я хотел бы, князь, чтобы ты перестал нервничать. Сегодня мы, трое, примем наилучшее из возможных решений, которые могут быть приняты на земле в это время и в этом пространстве. Орден возглавляется лучшими умами, здесь не может быть ошибок. Если бы были более достойные, спокойные, более умудренные, то они, а не мы, были бы в руководстве. Я призываю провести тихую медитацию об опыте тех,

кто доверил нам принятие решений. В их выборе не было субъективной похоти, ничтожных интересов. Если бы на земле в пределах нашей миссии нашлись лучшие нас, то они были бы в руководстве.

(прикрывают глаза и две-три минуты молчат).

- Z. Правда — наиболее неправдоподобная вещь на земле. Подопечные верят всему, кроме самой правды. Да, мы когда-то поняли это и положили в основу предварительных действий. Правда — наименее правдоподобная вещь! ... Обсудим предварительные действия, уже набравшие силу, потом еще раз просмотрим информацию о значительности деяний пациента против нашей миссии и примем наилучшее в данных условиях решение.
- У. Итак, в 33 году был утвержден кандидат. Он получил самое высшее воспитание. Ему отпущены грехи Святейшим, как когда-то рыцарям, которым во имя миссии, воспитанным в идеях миссии, было разрешено **все** во внешнем поведении, сокрывающем их принадлежность нам. Кандидат красив, силен, прошел повышенную тренировку физической выносливости и медитации сверхсекретного уровня, дающей возможность наблюдать свое физическое поведение как поведение марионетки, с которой не отождествляется душа. Это уровень **кукловода**. Кандидат направлен в Петербург, введен в привилегированный полк офицером, усыновлен недавно обращенным к Святейшему от заблуждений реформации неофитом, горящим страхом осуждения. Неофит занимает дипломатический пост и усыновление даст возможность им двоим уехать, если кандидату будет предоставлена санкция на операцию. Правда наименее правдоподобна, а ложью падшее сознание удовлетворяется мгновенно, поэтому для объяснения усыновления была пущена легенда о гомосексуальной связи нарекаемых сына и отца. Свет мгновенно удовлетворился этой версией, она правдоподобна! Кандидат, далее, демонстрирует более свободное выражение куртуазной страсти к даме, которая является женой историографа, нежели это принято среди северных варваров. Кандидат из Эльзаса, он обаятелен, умеет хорошо играть куклой, оставаясь холодным и тихо пламенеющим огнем служения миссии. Это один из лучших наших монахов. Он

прикрыт удовлетворительно. Если сегодня, 28 октября, мы примем решение об изъятии пациента из этой юдоли печали, то к началу ноября будет послан историографу документ, и он, по прогнозам экспертов, наблюдающих за ним, а также астрологов, а также под воздействием усиленного облучения в эти дни, прореагирует однозначно: он пошлет вызов. Быть может, тогда будет несколько оттянута процедура, чтобы поселить дополнительные недоумения и дополнительную нервозность: наш монах сделает предложение сестре жены историографа. Сплетни будут расти, будут множиться бесконечные интерпретации, как в тяжелом сне. Все будет правдоподобным, и кандидат, сделав свое великое дело, вернется назад, оставшись в истории под псевдонимом, под именем, не имеющим к нему уже никого реального отношения, ибо он носит монашеское имя, известное лишь единицами. Проклятия и облучения будут направлены лишь на куклу его обворожительного тела, с которой он уже давно не отождествляет себя сам. Полиция станет искать очередной заговор, используя ситуацию в своих целях. Дамы будут писать мемуары, общество жевать пошлость об африканской ревности, поэты составят романтические бредни об исконной вражде царя и гения. Либералы постараются сделать все, чтобы разрушить возможные намеки о ценностях русских идей.

- Z. Я убежден, что он послал нам вызов, что решил умереть, чтобы осуществить наиболее привлекательный архетип «строительной жертвы». С этой минуты не будем больше говорить о «пациенте», будем говорить о «строительной жертве», о жажде освятить своей кровью камни здания...
- X. Если ты прав, князь, то он переигрывает нас. Он ставит нас в тупик. Мы хотели убрать врага, но не осуществлять своими руками то, что когда-то в архетипе сделал Пилат и еврейские первосвященники. Мы — бойцы, а не жрецы.
- Y. Получение разрешения на издание журнала и издание его первых номеров ставят наблюдателей перед фиксацией т р о й н о г о успеха русской партии. Это мы должны обсудить. Его друг Жуковский, штатский генерал, и его друг Плетнев воспитывают Наследника на Пушкине. «Борис Годунов», «Полтава», «Клеветникам России» и т.д., — все это программа воспита-

ния Наследника, то есть программа русского мира, князя. Придется в будущем думать об изъятии Александра II-го, если мы сейчас не остановим снежный вал. Далее: сам он с бесконечной и обезоруживающей нежностью человека, имеющего реальную власть и не считающего себя обделенным, привязывает к себе нынешнего Императора, шаг за шагом поручающего ему все более ответственные изыскания. После истории Пугачева ему поручена История Петра. Его стиль все более и более высветляется благородной простотой гения. Его интуиция уникальна. Нелишне помнить нам, что в нем кровь абиссинских царей, мистиков, несколько усмиренных мистическим же исламом суфий! И вот третье: ему разрешается издавать журнал, в противовес польским журналам Булгарина и Сенковского. Это означает, что русская программа станет доступной и промежуточному слою между светом и простолюдинами. На этой литературе, в противовес западным идеям, воспитается какой-нибудь следующий их писатель, который выступит с «пушкинской» программой в одной упряжке с воспитанником Жуковского.

Как вам нравится эта картина: царь и писатель, — уже спокойно осуществляющие русско-пушкинскую программу?

- Z. Он переигрывает нас, ибо мы не в состоянии принять наилучшего решения. Строительная жертва также укрепит здание его г р а д а, центрующегося вокруг его п а м я т н и к а:

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

- X. Да. Это убедительно об архетипе строительной жертвы. Но, повторим, на земле нет людей, которые могли бы принять более ясное решение, чем мы трое, главы лучших организаций. Мы взвесим всё. Решим, не подменяя собой Промысел, решим, исходя из земных данных, что привлекательнее для миссии, что облегчит или усложнит ее осуществление в будущем.
- Z. Ему тридцать шесть лет, он в цветении «акмэ», дипломаты, доносящие своим правительствам реальную информацию, говорят об уникальности этой фигуры: поэтическое ясновидение и дар историка. Император открыл ему архивы империи, у него красавица жена, куртуазная царица балов, у него четверо малюток. Что может вызвать ожидаемую реакцию, которую мы связываем с документом? Я не боюсь русской программы без него, мы что-то реальное и наиболее разумное придумаем. Я боюсь, и это звучит как приговор, почему я и поднял сигнал тревоги, несмотря на излучение строительной жертвы, я боюсь, повторяю того, что он узнает, копаясь в архивах.
- X. Что же он может узнать о миссии?
- Y. Он может узнать, спокойно роясь в архивах, то, что он не побоялся бросить нам в лицо в своем первом номере журнала, публикуя мемуары Георгия Конисского. Он откроет связи ответвлений с еврейскими кругами. Он будет настаивать на связях миссии с еврейством. Он раскопает масонские игры Петра, потом игры Иоаннов с каббалой, этой ересью «жидовствующих», как ее именовали неистовые. Он раскопает связи Мамаев с венецианскими евреями и пр. и пр., и все это с праведным поэтическим гневом, неопровержимым своим музыкальным воздействием, повесит на нас! И мы никогда не сможем снять это обвинение.

- Z. Что может вызвать при таком самосознании реакцию вызова, чтобы быть убитым монахом?
- X. Монах укрыт достаточно хорошо, лучше, чем Изида с ее покрывалом. Будут мусолить семейные игры, затем изольют гнев на иностранца. Теперь о документе, который историограф должен получить и который по прогнозам специалистов должен вызвать реакцию вызова на дуэль о д н о з н а ч н о. Обсудим этот документ, а потом посмотрим то, что приготовила нам молодежь, чтобы еще раз, уже зная все, проверить, не слишком ли мы умны, и умничанием своим не слишком ли нагружаем строительную жертву. Итак: о документе.
- Y. Они рвутся в Азию. Лучшие из них делают это осознанно. Свет Азии притягивает их, русские не должны придти в Азию. Если они придут в Азию с идеями афонского томоса о Несотворенной Благодати, о Вечном Сиянии Света, который надо **вновь** научиться принимать, **пробудив** спящие органы, если они придут в Азию со своим кротким Сергием, короче: если им удастся синтезировать мистику святой горы Афон с мистикой святой горы Меру, то наша миссия может считаться законченной, погребенной за Уралом или в песках. Европа в лице нашей дочери Польши станет перед лицом Азии с невиданным еще ликом России. Русские, собравшись вокруг строительной жертвы, явят Европе свою самобытную азиатскую культуру, свой азиатский лик культуры п р о б у ж д е н и я скрытых сил человека, чтобы по мере пробуждения становиться приемниками Вечного Сияния. Ясно, что католическое здание при этом становится в ряду других ступеней, но лишается своей единственной спасающей силы. Папа не нужен при азиатском синтезе?! Да. Это так. Только европеизация российских просторов под главенством поляков, верных Святейшему и горящих мессианским пафосом, может спасти католическую идею. Азиатский синтез не может быть допущен никоим образом. А он, этот синтез, дан уже в их высоких иконостасах, разросшихся как грибы после их кроткого Сергия. Посмотрите на канон сошествия во ад: в нимбах нетварного света идут из-за гроба в с е народы от Адама и Авеля, идут, протягивая руки к Царю, сошедшему ко всему человечеству во гроб. Идите, идите все, пробуждайтесь, пришло время обнять-

ся всем разлученным, и вы уже не проклятые, а дети, и у вас есть что принести в своих культурах будд, йогов, даосов. Этот негритянский божок чувствует кровью возможный азиатский синтез, словно он пришел из времен цивилизации пирамид или Атлантиды! Это движение встречи должно быть остановлено и преобразовано в подчинение Святейшему. Иначе нам останутся одни евреи с их горой Сион.

- X. Это верно, Мы — не либералы, знание реальности и есть наша сила. Никакой безумец из будущих русских к нам не сможет адресовать упрека в непонимании русской идеи. Мы ее понимаем: русское мессианство лежит в интуициях осуществления полноты вселенской церкви в теле их бескрайних просторов, в теле синтеза азиатских культур, венчающихся в их «русском Христе». Русская вселенскость встает **против** вселенской главы Святейшего. Три силы встретятся неминуемо: наша миссия с идеей осуществленной вселенскости в Престоле Святейшего, русская миссия с грядущим синтезом двух Святых Гор и миссия евреев с их ожиданием Грядущего Мессии, с их миссией своего Сиона. Строительная жертва уже объединил нас с евреями. Он считает нас падшими, говоря о «низостях папизма» и пр. Это слишком серьезно, князь: «Или-или». До нас дошли глухие слухи о их новоявленном чудотворце Серафиме из нижегородской губернии. Оттуда, откуда Трубецкие, где Болдино... Говорят, что там являлась святая Мария и говорила с Серафимом как раз в дни польского восстания... Серафим — продолжатель идей Сергия, идей Афона и Киева... Если эти идеи будут уловлены во вдохновении гением, переведены в гениальные формы русского языкового мира, как успеваеет строительная жертва, то миссия наша будет пропорционально угасать. Поэтому, я думаю, мы трое и захотели экстренной встречи и привезли осколки печати санкции.

- Z. Теперь о документе.

Идея подключения документа как последнего этапа предварительных действий принадлежит молодежи. О, эта молодость! Схоластики, профессора! Философы и теологи, знатоки культуры, оттачивающие свои знания в бесконечных спорах уединенных ночей! При наших рукописных сокровищах! Когда-то ведь и мы были молоды, а? Так, вот молодежь предложила этап

с документом, который должен сам по себе быть тестом, венчающим все предварительные действия. Они ведь всегда могли быть остановлены.

- Х. Молодежь настаивает, что строительная жертва есть уже явление архетипа «русский», появление, так сказать, п р е д - к а во всей его силе, предка тех будущих р у с с к и х, которые явятся, подражая своему культурному и биокультурному типу. Молодежь настаивает на опасности для миссии этого биокультурного типа. Смотрите на строительную жертву, говорят они, вот э т о и е с т ь н а р о д и в ш и й с я т и п р у с с к о г о. Вот он во всей своей первозданной силе. От него, как от праотца, пойдут русские как тип и т.д. Все эти жаркие слова много раз муссировались в ночных дискуссиях. И вот этот уже родившийся биокультурный тип молодежь предлагает изъять. Профессора настаивают на хирургической операции.
- З. Документ должен сыграть роль последнего теста: ожидается однозначная реакция, и если она будет адекватной рассчитываемой, то уже явился тип русского, и он будет убит на дуэли. Ибо он пошлет вызов, получив документ. Документ так и составлен, он имеет т а й н ы й ш и ф р, который будет прочитан только строительной жертвой, если он, действительно, у ж е р у с с к и й. Так рассчитывают те, кто по всей вероятности возглавит дело после нас. Документ имеет единственного адресата: строительную жертву. Конечно же, там будет материал и для сплетен, но адресован он в своей тайнописи только ему одному.
- У. Но ведь и он хорошо стреляет, и его «холодная храбрость» не ниже Грибоедовской, о которой он так восхитительно написал в Арзруме.
- Х. Да, вот и Грибоедов — это тоже, говорит молодежь, уже предчувствие русского типа.
- З. Пуля, по всей вероятности, отскочит от металлической пуговицы.
- Х. Вот текст документа: «Кавалеры первой степени, командоры и рыцари Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул, под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором

великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Подпись».

- У. Николай захочет узнать автора, чего бы это не стоило.
- З. Да, он будет искать, но до определенного предела. И потому, что не след тревожить тень усопшего брата и его фаворитки, и потому, что величие строительной жертвы будет делаться все более непереносимым для него.
- Х. Молодежь ожидает, что строительная жертва поймет шифр, а именно: ваша русская партия борется с нашей, которая посылает вам этот документ, весьма оригинальным, собственно русским способом. Устав Ордена, ибо всякий орден имеет устав и ступени, Ордена **Рогоносцев**, предполагает что вы женитесь с п е ц и а л ь н о для того, чтобы потом подсовывать ваших жен вашим императорам как фавориток. И таким образом воздействовать на политику самодержца. Опыт Марии Антоновны Нарышкиной налицо. Вы, русские, подсунули ее Александру, чтобы он не осуществлял свой проект. Так и теперь: вы лично, строительная жертва, или г-н Александр Пушкин, строите свою политику по тем же канонам Ордена. Вы женитесь и подсовываете императору свою жену как фаворитку, чтобы влиять на его политику. Вы уже получили должность историографа при Дворе и ваш талант полностью раскроется, когда вы напишете историю Ордена Рогоносцев, углубляясь за Нарышкина и Александра, к Екатерине, Петру и т.д.
- У. Молодежь считает, что если в нем уже выявлен тип русского, то он, именно как р у с с к и й, перестанет думать о своем дальнейшем необходимом служении, забудет о жене, четырех малютках, **забудет о детях**, чтобы отстаивать ч е с т ь русских. Один умник, многие пророчат его на мое место, так просто и сказал: если это уже народившийся и опасный нам тип россиянина, то он будет готов умереть за ч е с т ь ц а р я в этой истории! Он будет драться за честь своего любимца, оскорбляемого подозрениями в нарушении заповедей, он будет драться даже за честь у м е р ш е г о теперь Александра, когда-то сославшего его. Он, говорят наши умники, очень остро чувствует мир мертвых, охраняет покой и честь усопших. Они приводят как пример его эпитафию сыну любимой Раевской-Волконской:

В сияньи, в радостном покое,
У Трона вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца...

Это все тот же «убиенный младенец»... Все та же спасающая благодать без иерархии и Святейшего Рима.

- X. Считают, что в монологе патриарха в «Борисе», когда речь идет от лица убиенного младенца Димитрия, ясно и последовательно выражена доктрина святой горы Афон с идеями Нетварного Света. Считают, что он, строительная жертва, и есть уже явленный спелый плод этой возможной анти-римской культуры. Вот он и есть *р у с с к и й*, он и есть гений, питающийся во вдохновении Нетварным Светом, преображающим его в процессе творчества жизни.
- У. Считают, что царь захочет узнать имя автора документа, но постепенно пафос его будет угасать, ибо он еще *н е р у с с к и й*, поиски высокой чести служения, данные в Пушкине, будут его смущать и тревожить. Он вышлет убийцу, вышлет вон, обругав, помощника, сделает все возможное для помощи семье и... постарается **забыть** «смерть» за его честь и честь русской партии.
- Z. Значит так: если строительная жертва посылает вызов, то мы постараемся несколько затуманить процедуру, женив монаха. Думаем, что историограф через время возобновит искание дуэли, если он *у ж е р у с с с к и й*, то есть фигура обостренно чувствующая честь служения. Документ оскорбляет царей и русскую партию, воздействующую на царей подобным образом. Документ как бы говорит: вы служите ничтожествам ничтожным способом. Историограф покажет, что это не так.
- У. Думаю, что документ, как таковой, утверждается. Я хотел бы теперь позвонить и просмотреть материалы, которые они приготовили, чтобы решить прекращение фазы предварительных действий в том или ином контексте. Мы должны выполнить роль криминалистов-экспертов в выявлении специфических слов в его художественном мире, чтобы не ошибиться.
- Молодежь все чаще берет для медитации слова русского:

Оставьте, это спор славян между собою,
 Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
 Вопрос, которого не разрешите вы.
 Уже давно между собою
 Враждуют эти племена;
 Не раз клонилась под грозою
 То их, то наша сторона,
 Кто устоит в неравном споре:
 Кичливый лях иль верный росс?
 Славянские ль ручьи сольются в русском море?
 Оно ль иссякнет? вот вопрос.

- Х. Документ предполагается послать и кружку Карамзиных, семье и друзьям автора истории государства р о с с и й с к о г о. Каббалист Лелевель давно уже критиковал этот русский компендиум, стараясь показать, что у них и в языке-то нет слов о «чести», стало быть нет в мыслительном аппарате понятия «чести». На этом же принципе строится «диплом» бесчестия! Диплом, составленный знатоком дипломов, гербов и печатей, будет запечатан печатью масонского толка. Говорят, что строительная жертва читал в узком кругу свой «Памятник», противопоставляя его Александрийскому Столпу, венчающему триумфальный комплекс Петербурга. Печать будет напоминать с т р о и т е л ь с т в о этого «памятника»: циркуль, стропила, заглавное «а», и все это на гусином пере основывается, — хотя и имеет вид надгробия. Там стоять будет северный пингвин, каркающий и глупый... По прогнозам молодежи он выйдет защищать к барьеру нынешние границы. Архетип Куликова поля, которому суждено повторяться! Молодежь спорила так: русское море, в котором должны слиться все славянские ручьи, в том числе и польский, явлено пока в о д н о м к о н к р е т н о м л и ц е. И этот новый геральдический зверь должен быть отстрелян, чтобы не нарушилось экологическое равновесие. Чертились бесконечные карты и генеалогические ветви наций. Новый русский зверь должен быть отстрелян в этом ареале, иначе он нарушит к а т а с т р о ф и ч е с к и экологическое равновесие: славянские ручьи сольются ль в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос. Для

молодежи этого вопроса нового Гамлета просто не существует: русское море иссякнет!

- Z. Так польский анти-Карамзин каббалист? Это забавно. Кто же придет посидеть с ним перед смертью, ведь в этот миг все игры обретают серьезную окраску? Он не нуждается в католическом утешении? Кто будет у могилы произносить речи? Почему ты не отвечаешь?
- У. Я уже пятый раз дергаю этот проклятый шнурок, но никто не входит.
- X. Нам же сказали, что потребуется время для того, чтобы пройти из отдаленной приемной.
- Z. Вот как. Стало быть, публикуя в программное первое номере «Современника» историографию епископа Конисского, где мы жестоко обвиняемся в издевательствах над украинцами, отдавая православные храмы в наем жидам, где жидовки шьют себе фартуки из епископских омофоров, стало быть, публикуя это, он подписал смертный приговор. Забавно. Под старость начинаешь удивляться все больше и больше.
- X. Мы мало времени уделяем медитации. Все время отнимают совещания.
- Z. Быть может и я уже «голем» каббалистов?
- У. Оставим это. Здесь достигнута нужная ясность. В отстреле сходятся все европейские интересы. Все ручьи сливаются в русское море, князья, не только славянские. Руслу должны быть повернуты, море должно быть высушено, беспокойное русское море, море-окиян, как скажет вскоре какой-нибудь русский мальчик. Он уже строчит, как Пимен, «донос» на нас, уже где-то пишется история «великого инквизитора», связавшего свой дух с Владыкой Каббалы! Откроем, откроем кровь, чтобы излечить заболевшее Тело! Откроем кровь! Стучат. Откройте, или сядьте спокойно!

Хозяин вводит странного человека. Он одет в рваную арестантскую шинель русской каторги с бубновым тюзом на спине. Половина головы обрита наголо, другая – длинные черные пряди. Так «брили лбы». Но вместе с тем лицо его зафримировано, являя утонченную смесь клоунских ритмов с японскими масками. Он бос. Быть может, на запястьях обрывки вериг или кандалов. Он элегантен. Тонок. Кланяется дол-

гим поклоном, а потом одним «каратистским» прыжком оказывается на столе и сразу же кричит, приплясывая:

ГОСТЬ: м о я р о д о с л о в н а я:

понятна мне времен превратность,

не прекословлю, право, ей:

у нас нова рождением знатность,

и чем новее, тем знатней.

родов дряхлеющих обломок

(и, по несчастью, не один),

бояр старинных я потомок,

я, братцы, мелкий мещанин...

пока он исполняет свои куплеты, как их назвал кн. Вяземский, должен появиться задник, на котором апплицирован знаменитый пушкинский рисунок фальконетского памятника Петру «без Петра»; на месте Петра должна быть приделана кукла

мой предок Рача мышцей бранной

святому Невскому служил

его потомство гнев венчаный,

Иван IV пощадил

водились Пушкины с царями,

из них был славен не один,

когда тягался с поляками

нижегородский мещанин...

упрямства дух нам всем подгадил

в родню свою неукротим,

с Петром мой пращур не поладил

и был за то повешен им

кланяется возникшему памятнику. Хозяин и гг. X, Y, Z аплодируют.

ГОСТЬ: Теперь Полтава!

Действующие лица:

1. змий Мазепа (*указывает на змея памятника*)

2. народ (*указывает на коня, поясняет*): всегда народ

к смятенью тайно склонен: так борзый конь гры-

зет свои бразды; на власть отца так отрок него-
дует; но что ж? конем спокойно всадник правит,
и отроком отец повелевает).

3. памятник (*читает финал «Полтавы»*) прошло сто
лет... лишь ты воздвиг, герой Полтавы, огромный
памятник себе...

: исполняет янычар Амин-Оглу, поэт и друг дервишей, и сам
д е р в и ш, джигит Амин-Оглу.

*начинает суфийско-дервишскую пляску, вращается, пада-
ет на колени*

(перерыв)

(после перерыва)

*четверо, то есть Гость и руководители, сидят за столом после окон-
чания представления. Кукла Петра выброшена. Задник изображает
памятник «без Петра» по рисунку Пушкина. Гость снял парик ка-
торжаннина.*

ГОСТЬ: Существует еще замечательный рисунок строительной
жертвы, где он скачет джигитом Амин-Оглу; рисунок в альбом
Ушаковой, сделанный в ее салоне. Эти аристократические са-
лоны заменяют в России газеты и театр. Стихи пишутся в аль-
бомы, там же рисуются таинственные символы, — не надо ши-
роких изданий. Действительно не надо, ибо важно
направлять умы света и власть имущих. Народ пока не читает
журналов, а общественное мнение контролируется польской
партией, правда вот, появился «Современник».

У. Скажите, профессор, действительно налицо бродячие артис-
ты, исполняющие нечто подобное вашей блестящей игре, или
это наглядная агитация уставших стариков, вроде нас?

ГОСТЬ: Ну, естественно, не так сильно, как это выявила молодежь,
предложившая мистериальную версию. Все более грубо, но
действительно в восточных окраинах Речи Посполитой по-
явились скоморошествующие, играющие нечто из Пушкина.
Это, так сказать, ч е т в е р т ы й угол успеха программы рус-
ской партии. О трех мы говорили: воспитание наследника,

воспитание царствующего императора, воспитание промежуточного слоя через разрешенный журнал. Мы хотели даже привести бродячего артиста, но потом додумали всходы и решились показать анти-польские и анти-иезуитские мотивы автора на примере «Полтавы».

У. Она писана позже «Бориса». Ее всячески превозносили друзья.

Х. Она посвящена Марии Раевской-Волконской?

ГОСТЬ: Нам кажется, что ей. Более того: прозрачная связь «змия Мазепы» с «змием» Волконским, руководителем Южного Общества, имевшего договор с Польшей, выявлена. Мария Волконская пригрела «змия» на своей груди, уйдя за ним в ссылку, и только страстотерпец-младенец, умерший без нее, можно сказать у б и т ы й отсутствием матери, от Трона «молит за отца»!

Х. Мне нравится, как он расправляется с Петром. Ведь победил Карла Бог в его версии, причем Бог, внявший молитвам мученика Кочубея. Мазепу и Карла победил Кочубей у Трона, — это опять все та же старо-русская, сергианская концепция, изрисовавшая их летописи: святые страстотерпцы участвуют в боях. Он усваивает Кочубею ранг Бориса и Глеба, да еще и хоронит его в Киево-Печерской Лавре!

ГОСТЬ: Да, весь мир поэмы как бы вдохновлен голосом Кочубея, это о н рассказывает из-за гроба, он носит на руках свою безумную Марию и т.д. Поэт л и ш ь с л у ш а е т, лишь «эхо» голосов. Все это последовательно изложено в «Пророке».

У. Маска «невольника чести», а?

З. Да. Если у вас, профессор, нет к нам вопросов, то мы не смеем вас больше утомлять. Идите и пусть благословение Святейшего пребудет на вас.

ГОСТЬ (*увлеченный поиском «масок»*) Я просил бы вас, наставники, выслушать странную мысль о «маске». Я вижу, почти осязаемо, почти как видение, вижу встречу у барьера «папы-поляка» и «будды-русского митрополита». Я прошу прощения у вас, что изъясняюсь вне строгой схоластики, но варварскими символами масок. Но: миссия Речи Посполитой по просвещению Азии должна венчаться поляком-папой!

З. Благодарим вас, вы можете идти.

(гость уходит)

- Z. Вот этот профессор и придет на смену одному из нас, старики. Какое мышление, какой пафос, какой трепет, какая смелость! Какая ясность политического сознания! Но, как говорит русский, «старость ходит осторожно»... Эти далекие и жаркие картины... оставим их. Хотя будущий русский мальчик будет, бесспорно, грезить о превращении русского государства в Церковь, возглавленную русским Белым Клобуком. Они слишком мало еще знают, эти юные безумцы!
- У. Интересно, кончился ли дождь. Старый толстый человек должен трястись под мокрым вонючим капюшоном на лошади! О, быть может, это нарисован памятник нам? Где печать? Дайте-ка ее мне, и я, как и положено старому магу, запечатаю этого апокалиптического коня!

(накладывает печать на коня рисунка)

- X. Всё. Давай наши кусочки. Всегда забываю, который из них мой.
- Z. Я звоню хозяину.

*(одевают плащи, скрывающие их лица. Тихо уходят.
Остается памятник, нарисованный джигитом Амин-Оглу.
Огонь камин просвечивает сквозь ткань).*

До свиданья. До новых встреч.

БЕСЕДА О ХРАМЕ: КУЛЬТ И АРХИТЕКТУРА

Честно говоря, не знаю, какого рода высказывания от меня ожидают: критика работы на тему «Символика византийского крестово-купольного храма», обсуждение самой этой темы или конкретная помощь автору. Если работа имеет целью обогащение поместного искусствоведческого словаря мистической терминологией, то эта задача выполнена. Я, правда, сомневаюсь, что это нужно делать. Скорее нужно было бы уничтожить всю поместную искусствоведческую терминологию о храме и сказать, что пользующиеся ею занимаются не своим предметом. Поскольку, если задача состоит в том, чтобы выяснить какие-то сугубо архитектурные символы в истории архитектуры, то, как правильно сказано в работе, когда мы обращаемся к аутентичным текстам изнутри традиции, то в них внешние аспекты храма ни в коей мере не описаны. Ибо в храм, теоретически, можно войти, но из него нельзя выйти. Если вы реально, так, как положено по символике храма и чинопоследования таинств, войдете в храм, — т.е. в Чашу, поскольку венцом всего литургического чинопоследования является причастие Святой Крови, — то выйти из него вы уже не сможете, что в литургической символике и фиксируется возгласом «Двери, двери» после литургии оглашенных; ведь после этого никакого возгласа «Откройте двери» в литургии нет. Поэтому внешняя форма храма, как бы извне наблюдаемая, конечно, не предмет традиционно ориентированного анализа.

Второе, опять-таки методологическое, замечание. Я бы лично хотел в такой работе видеть во введении несколько страниц, посвященных описанию культового сооружения как такового, в культуре вообще. Если бы это было выяснено, можно было бы подумать,

почему о т к р о в е н н ы й о б р а з христианского храма покрывает предыдущие культовые сооружения. <...>

Борьба с прежними культовыми сооружениями и традициями, мне кажется, не аутентична традиции святых. Святые не разрушают, а преображают предыдущие формы, находят в них более или менее явные предчувствия Откровения как несмываемого архетипа. Так, скиния Моисея и храм Соломона не разрушились. Они нашли свое несмываемое иконическое осуществление в самосознании Мессии. Все народы строили свою практику вокруг культовых сооружений и, поскольку сказано «Идите и научите все народы», задача миссионеров, так считал и Флоренский, состоит не в борьбе с ними, конечно, а в проглядывании их предчувствий изнутри. Сам Господь сказал о Себе «Я есмь путь», и протоарийская традиция осмысляет себя как Путь. Любая культовая структура, безусловно связанная всегда с высшими уровнями медитативной практики, есть Путь. Это ступени восхождения к высшему уровню сознания. Это предельный, высший заказ, естественно связанный с выходом из иллюзорных представлений. Задача состоит в выведении спящих существ из сна, в пробуждении их, во вступлении на путь восхождения к высшему. И только оттуда, сверху, где все двери действительно закрываются, можно посмотреть внутренние структуры храма. Поэтому если бы была бóльшая начитанность не в профессорско-христианской литературе, а, скажем, в текстах «Добротолюбия» и других аскетических текстах, то это стало бы самоочевидным.

Третье замечание, более частного порядка. Автор опирается на мнение П.А.Флоренского о том, что храмовые здания как камни не обретают святости и благодати, потому что усвоение их возможно только через личную структуру. Мне кажется, что, пребывая в структуре приводимых святоотеческих текстов, автор не должен был бы соглашаться с этим мнением П.А.Флоренского. Оно противоречит, например, словам преподобного Максима Исповедника, который в своем «Тайноводстве» говорит, что благодать пребывает в храме всегда и особенно во время священного собрания. В тот момент литургического чинопоследования, [когда] преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Спасителя предполагается совершенным, Его присутствие должно мыслиться и переживаться как реальное. Это литургически фиксируется тем, что служащие иереи в этот момент падают на колени, что означает, что хлеб и вино пре-

ложились в Святое Тело и Святую Кровь Спасителя. В это время, в этом месте христологически проявляется Сознание и Воля Господа. Он реально видит через эти образы, этот храм, эти иконы, эти одежды. И если Он их осознает причастными Благой Вести, то они, в этот момент, преобразуются на микроволновом уровне и становятся аккумуляторами благодати. Храм, если все то, что в нем произошло, реально, становится самым настоящим циклотроном, излучающим благодатную энергию.

— Но ведь хлеб и вино — это не камни.

А какая разница, если все это происходит на микроволновом уровне? Все помазывается миром. Или — человек есть земля, земля есть камни и т.д.

Храм свят, поэтому ни один святой не посягал на умаление храма и литургии. Кстати, вы совсем не упомянули работ св. Симеона Нового Богослова. Это, конечно, недостаток, поскольку после преп. Максима Исповедника только он попытался осуществить вот этот синтез: качество служителя, литургические последования, святость и т.д. И, несмотря на то, что каждый из святых высочайшим образом призывает к покаянию тех, кто взял на себя право отвечать за доктрину и за служение, никто из них никогда не нарушил календарного цикла, не разрушал храмов и т.д.

И вообще, вся идея чудотворных икон лишается смысла, если мы не допускаем возможности преображения самой материи иконы. Если в литургии оглашенных первый возглас призывает прийти святых в храм и они взошли в собственные иконы и узнали свои изображения как свой автопортрет, то в этот самый момент, этот ковчег или эта гробовая доска становится святой.

Если же отвлечься от попытки автора ввести в поместный искусствоведческий словарь аутентичную терминологию святых, которые создавали эту культуру, <...> то придется сказать: искусствоведение должно понять синтетизм предыдущих культур и не считать, что все развивалось как потенциально возможный искусствоведческий анализ. Если это принимается как посылка, то можно подняться на более высокий уровень. На более высокий в смысле совершенно инженерном, т.е. на более высокочастотный уровень волновых вибраций, которые сознание может воспринимать.

Я хочу привести цитату из блестящей философской традиции, буддийской традиции, но сначала сделаю оговорку. Синтез, который считал своей задачей осуществить П.А.Флоренский, был синтезом, ориентированным на западную традицию: платонизм, аристотелизм, католичество, западный мир, и — бесспорно — идеи западного оккультизма. По моим убеждениям — это взгляд в прошлое. Если говорить о современной ситуации в России (а она меня более всего волнует), нужно выйти в более широкий горизонт: по моим представлениям идея должна состоять в том, чтобы признать священный корпус буддийской Дхармы как столь же сильно выраженный текст протоарийской культуры, каковым для семитского и средиземноморского мира была Библия. Если мы поймем, что это не недодумка язычников, а полнокровный, сильно артикулированный, глубоко продуманный священный текст, столь же сильный, как библейский текст для европейской традиции, тогда станет понятной и идея нового синтеза — синтеза всех языков, наиболее полнокровно выраженная в священном тексте буддизма, тогда обретут привлекательность предожидания, что этот корпус воспримет ту же самую Благую Весть — Откровение, которую на определенном этапе истории восприняло еврейство с его священными текстами Т О Р Ы. Идея Т А Р Ы как священного текста протоарийских племен столь же сильна, как и идея Т О Р Ы, Библии Моисея.

Ну так вот: буддийская Дхарма очень четко сформулировала ту недостаточность позиции, которая возникает при попытках сблизить искусствоведческую терминологию и богословскую, ибо «объект высшей ступени невозможен к видению объектом низшей ступени». Поэтому буддийская идея пути, как последовательности ступеней восхождения, предполагает, грубо говоря, что традиционный наставник позволил бы писать анализ мандалы только йогу, который 15-20 лет уже практиковал. Символический язык, который выражен в буддийской иконе или в иконе христианского храма, в положительном смысле возможен для понимания только этому же уровню сознания, и он не возможен как объект никакому другому. Икона, храм — это не предметы искусствознания.

Вспомним историю жизни Цонкапы — великого реформатора буддизма, жившего в то же время, что и преподобный Сергей Радонежский. Он в Тибете осуществил синтез ламаизма в то же самое время, когда преподобный Сергей Радонежский осуществил мис-

тическую идею высоких иконостасов. Анализ его жизни очень четко показывает структуру его действий. Цонкапа начинает как ученый изучать все семантически значимые тексты, которые предлагает традиция. Читает, сравнивает, вдумывается и т.д. Но это только первый этап. После этого наступает обязательный и описанный в священных текстах этап, который скрыто присутствует и в исихастской традиции аскетов или старцев, этап, содержание которого формулируется очень ясно и определенно: критическая проверка йогическим опытом того уровня знаний, который запечатлен в текстах. Только после того, как то, что написано в текстах, становится значимым для внутреннего опыта йогического, аскетического анализа, человек может продуцировать последующие тексты.

<...>

Это — мое введение к нашему разговору. Раз есть такой уровень ответственности, значит я или должен наложить печать на свои уста, или же «хранители» целостности этого уровня все же позволят мне высказать некоторые соображения. Я решаю это сделать. Призываю вас внутренне не возражать до тех пор, пока не осуществится эта практика. Я обязан сказать некоторые защитные слова в свой и ваш адрес.

Теперь я назову уровни восхождения, которые могут возникать в обсуждении проблематики храма и знание о которых может — на последнем уровне — иметь практическое значение. Что же такое храм? Храм — есть икона сознания, приводящего к воскресению, т.е. к преодолению смерти. Входящий в храм и в структуру ступенчатого иконопоследования (вплоть до причастия Святой Крови и Святого Тела Спасителя, т.е., христологически, причастия Сознанию и Воле присутствующих в Святых Тайнах) увидит, что храм есть символическое выражение этого уровня сознания и воли, приводящих к воскресению, к преодолению смерти. Это наивысший предел.

Теперь опускаемся вниз на одну ступеньку. Храм есть символическая форма святости и гениальности, преодолевающая линейное мышление. То есть если так медитировать в обучении своего сознания, то теоретически можно интенсифицировать акт творчества. Храм и буддийская мандала есть орудие, даже оружие, по интенсификации гениальности, буддства, святости. Не в переносном смысле, в котором можно говорить «святой Будда», а святости в христианском

смысле слова, как свидетельства. Святой, в христианской традиции, есть свидетель того, что Сознание и Воля Господа Иисуса Христа приводят к воскресению. Не по текстам, а в полной реальности этого свидетельства.

Важно подчеркнуть: это реальное свидетельство о реальной возможности воскресения. В реализме свидетельства храм — орудие спасения. Хорошо — или плохо — работающий инструмент спасения. То есть очень важная и очень нужная людям вещь. Именно поэтому «враг рода человеческого» и его пособники стремятся храм (как и мандалу) разрушить — семантически, т.е. лишая в нашем сознании храм значимости, привлекательности, ценности, и вполне физически, как пушку, нужную для обороны, или как аккумулятор этнической энергии, необходимой для сохранения целостности генома народа.

Теперь положительная задача — при учете реального положения дел в том месте, где мы теперь все находимся. Она состоит в том, что нужно разработать «визуальную форму» памяти гения, сознания и воли гения, и это будет всегда — в частном случае, в нашем месте, в России — самобытное научное открытие, преодолевающее линейно-логический язык, который может быть описан в математических знаках. (Поскольку линейно-логический язык всегда описывает прежде сделанное открытие). «Визуальная форма» национальной гениальности может совершить интенсивный прорыв в научном творчестве, который на следующем этапе, при создании последующих символических знаков, снова будет описан линейно-логически, чтобы сохраняться и на следующем этапе, чтобы не окостенела ситуация интенсивного возбуждения творческого национального гения. Нужно открывать в следующий момент развития вселенной во времени и пространстве следующую «визуальную форму».

<...>

«Визуальная форма» национальной святости-гениальности, «национальный архетип» сокрыт от «внешних», не ставших «верными». Подлинная информация всегда секретна, но только она обеспечивает самобытность, дает самобытную форму. Когда это преодолевается — информацию выбрасывают на рынок. Если культура все время ориентирована на потребление выброшенного на рынок, она никогда не будет развиваться самобытно. Будь это в поэтике, в науке, в терминологии, в инженерной практике, технологии и т.д.

Поэтому положительная задача состоит в том, чтобы разработать «визуальную форму» как путь для пробуждения гениальности.

Гений, если он правильно развивается, должен входить в аскезу для [достижения] состояния буддства. Будда, если он правильно развивается, должен стать святым свидетелем Господа Иисуса Христа — как первично таковыми стали Святая Мария и двенадцать апостолов.

— А это третий уровень — «визуальная форма»?

Да. Теперь нужно опять вернуться наверх, поскольку была введена категория времени... В какой-то момент времени что-то происходит во вселенной, как анатомическое развитие. Здесь можно сослаться на П.А.Флоренского. У него в «Столпе и Утверждении Истины», в письме «София» есть очень сильное, хорошее определение времени.

Крестово-купольный храм или престол суть «колесница». <...> Храм есть колесница. В библейской традиции — это видение Иезекииля. В буддийской Дхарме — это основная идея. Термин «яна», синтезирующий хинаяну (малый путь), махаяну (великий путь) и ваджраяну (путь Шамбалы и будд) — все это путь колесницы. Яна — это колесница. Пользуясь современными символами, которые сознательно или подсознательно присутствуют в акте сотворения физико-математической или инженерно-дизайнерской формы, можно сказать, что колесница есть космический корабль. Неслучайны формы технических объектов, созданных одаренными инженерами, притом что пробуждаются они не сознательно. Форма ракеты, в которую нагнетается энергия и которая выпускает столбы огня и дыма и взлетает, когда опускаются сдерживающие фермы, и выражает идею крестовокупольного храма: четыре столпа храма, венчающегося куполом, <...> как столпы четырех первичных элементов — земли, огня, воздуха и воды, которые вращаются на чакрах, на колесах. Это — человечество и как высшее выражение человечества — святость, и богочеловечество — Иисус. Храм как Его сознание есть вознесение. Это — колесница, возносящая к Отцу. Поэтому — это М И Т Р А.

В своем анализе вы сами отметили, что это митра или шапка, как пишут буддийские тексты. Буддийские секты подразделяются, в точном смысле слова, по цвету шапок. Вот, допустим, ламаизм

Цонкапы — это желтая шапка, мистический и йогический тантризм Падмасамбхавы — красная шапка, мистический, самый высокий уровень, связанный с мистикой Шамбалы и Калачакра-тантры, — это темно-синий цвет, не черный, а темно-синий. На любом изображении Будды, даже Шакья-Муни, прибранные волосы, <...> всегда выкрашены темно-синим цветом. В христианской традиции глубоко темно-синий цвет — это цвет Престола. Ясно, что все это — иконы сознания. Существо, имеющее такую шапку, митру по ро в о м своего сознания, находится на соответствующем уровне сознания. Критическим, йогическим анализом это подтверждается. Это высочайше выражено в высоких иконостасах тем, что святые — в нимбах. Нимб — это и есть шапка из Нетварного света, обретаемая святым свидетелем по причастию Святому Телу и Святой Крови Спасителя, который энергетически его излучает. Значит, если ум постоянно под покровом храмовой шапки, колесницы пути, то не будет застоя в общей экономии мироздания и в развитии времени как дерева, которое растет, как древа жизни. Это, на своем глубинном уровне, обеспечивают святые. Тогда, когда стоит вопрос о преодолении застоя в национальных, самобытных формах, тогда нужно говорить о пробуждении, о шапке гения, будды, святого и т.д.

После того как мы, словно по музыкальной структуре, вновь повторили основную тему, мы вновь возвращаемся к идее возможных практических выходов.

Сегодня руководство страны призывает сотрудников НИИ и КБ к интенсификации их творческого труда. Но возникает вопрос, способны ли к интенсификации эти наличные люди, если им не предложить для этого какие-то новые пути построения своей работы, пути саморазвития. В проектах дизайнеров есть душевые, комнаты отдыха и другие полезные для сотрудников современных производств бытовые помещения, но, кажется, все еще нет «душевых» для души, для ума. А человек должен отмывать свой ум, искать митру для своего сознания. Без опыта очищения души, без опыта омывания ума нельзя надеяться ни на какую интенсификацию, ни на какой скачок производительности. Без обращения так называемой «научной организации труда» к традиционной практике поиска, к возвращению гениальности, без возвращения к тому, что традиционные культуры знали давно, интенсификация умственного труда — пустое дело. Мы так и будем пребывать в линейно-логической

формуле структур, будем предполагать или предожидать появления гения не селективно, а мутационно. Если возникают вопросы по выращиванию, воспитанию гениальности, то тогда нужно думать о митре гения.

— Значит, не случайно крестовокупольный храм и... бани римские?

Да, не случайно. Вообще бани. <...> Если бы была до конца выявлена роль культового сооружения в любой культуре. Правильно: римская баня, терма, храм... всегда [присутствуют] термины воды, очищения водой и т.д.

Как бы в развитие этой темы, этого аккорда. Не столько и не только компьютеризация, развитие линейно-логических уровней, сколько символизация для интенсификации мышления, символизация национальной памятью, которая фиксируется национальным гением. Уловленная и кристаллизованная, она может быть предложена как методика для постоянного воспроизведения праздника. Идея праздника крайне важна, т.к. эта идея во всех культурах содержит этимологическую — народно-этимологическую, чтобы вас не пугали лингвисты, — идею упразднения всей пыли, которая накопилась от одного праздника до другого праздника. Во всех культовых практиках в момент праздника сжигают старые вещи. Это же самое нужно проводить в сознании. Нужно упразднить пыль от одного до другого праздника, она должна быть уничтожена. Это приводит к необходимости создания технической эстетики гения.

Этой же цели, может быть, не столь внятно, было посвящено сообщение Елены Шифферс о мандале А.С.Пушкина, об идее его «Памятника».

Под вопросом Велихов. Что если он, действительно, занимается какой-то лабораторией сознания? Можно оформить эти идеи и предложить ему. Это может быть сделано в свете тех политических пожеланий, которые высказывал Лигачев на встрече с работниками театра.

Нужно создать центр, театр, под названием «Русская школа». Отобрать его у Министерства культуры и передать в подчинение Комитету по науке и технике — может быть, с помощью Велихова или напрямую на Марчука. то есть создадим Комитет по интенсифика-

ции творчества, который будет иметь свою программу нахождения, кристаллизации, символизации национальных художественных образов для интенсификации национальной, самобытной науки. Психологи говорят, что система художественных образов играет огромную роль при принятии даже сугубо линейных решений (Эйнштейна при этом вспоминают часто).

Мне представляется это реальной работой на том уровне, на котором сейчас находится национальное самосознание. Если все это постоянно держать в сознании как ступени пути: внешность, церковная ограда, паперть, ступени входа, притвор, из притвора в храм, в храме внутреннее движение к престолу, в Чашу и т.д. и т.д. Начинать надо с того, что есть, с национальных форм, уловленных национальными гениями — А.С.Пушкиным, монахом Климентом, более известным как Константин Николаевич Леонтьев и другими. Эти формы должны быть взяты для интенсификации научного, творческого сознания. И если будет произведена селекция гения, то дальше гению — при опознании его собственной ступени — должно правильно расти в ситуацию аскетизма, т.е. внутреннего отречения от плодов своей работы.

Аскетизм — это когда я не работаю ради обогащения и собственных дивидендов (диссертации и т.д.), не это меня занимает, а занимает собственная работа по п у т и. Правильная селекция, нахождение «визуальной формы» для интенсивного пробуждения творческого гения. Если он правильно пробужден и правильно работает, он будет прорасти в ситуацию аскета, аскет будет обязательно искать (будем говорить в христианской терминологии) старца, старец же устремлен к свидетельству о Господе Иисусе Христе.

Это говорит — тут я вполне ответственен — о нахождении шамбалистской эстетики, которая должна быть объединена с прямым свидетельством Богородицы, данным через святого Серафима Саровского, о том, что Дивеево — это четвертый Дом Богородицы. Это свидетельство — книга Чичагова, написанная в 1896 году. В этом же году вышла книга основоположника сионизма Герцля «Еврейское государство». До 1903 года — года прославления Серафима Саровского, когда тексты об избрании России как Дома Богородицы стали общедоступными, были проведены три сионистских конгресса. В 1909 году как ответ сионизма на идею Богородицы был создан

Тель-Авив. И с 1909 года сионистская доктрина, прекрасно осведомленная и о последних путях мистики Шамбалы и о мистике Дома Богородицы, делает все возможное для диверсионного разрушения этой идеи. Как это ни печально, но, по-видимому, тот уровень искусствознания или искусствоведения, который сейчас есть, работает на сионистскую идею.

Мы опять возвращаемся к идее «Объект высшей ступени невозможен к ведению органами низшей ступени...». Можно диагностировать самосознание «искусствоведа» — это не гениальный человек, это талантливый человек. Талант — это то, что покупается. Он издает книги, пишет свою диссертацию, ходит в храм. У него полный душевный комфорт — его не знал Константин Леонтьев, который в художественных образах может быть представлен как Пушкин, принявший монашество. Пушкин во вдохновении улавливал присутствие святого Серафима Саровского, но лично — во всяком случае, если судить по текстам, — они не встречались, хотя Болдино в 100 км от Дивеево. Константин Леонтьев, монах Климент осуществил такую связь всей своей жизнью. Этот, равный по силе национальной гениальности Пушкину, человек сознательно пошел в послушники к харизматичному старцу Амвросию. Своего рода «квант русской культуры» выражен в этом свершении. Если углубиться в прошлое — это князь Дмитрий, который едет на поклон к Сергию Радонежскому. Это — Николай II, ищущий хотя бы шамана и находящий его в Григории Новых, и т.д. Это — самобытная идея.

Если конкретно думать о театре «Русская школа» — об этом думает Салюк, можно отобрать филиал МХАТА, который абсолютно не нужен, и осуществлять дизайнерский, эстетический проект создания «шапки гения», т.е. строить совершенно новый тип культурно-центрического здания. Это надо делать! Одно место отобрать у Министерства культуры и передать в ГКНТ. Велихов включает его в свой финансовый план. И там начинается нормальная, самобытная работа — «Русская школа». Театр будет искать, развиваться, давая нам свои драматические, сюжетно-иконические структуры — для создания «медитационных зон», «психотехнических кабинетов», для поиска паранормально одаренных людей, которые будут тренировать, возвращать в повышенное творческое состояние перспективных академиков. Посмотрите книжку Вигнера «Этюды о симметрии» — там этот вопрос поставлен.

— Зоны, кабинеты, а кто в них работать будет. Все те же «искусствоведы»?

Нет, конечно, не «искусствоведы». Все традиционные тексты апеллируют к старцу. Старец сказал, старец сказал, старец сказал... Я думаю, что это была египетско-коптская протоарийская идея схимы, идея «забегания в смерть». Забегания в реальном опыте переживания, — не в философском, о котором Хайдеггер или экзистенциалисты говорили как о преодолении болтовни, — а в самом прямом смысле слова. Одежда схимника, старца... Варсонофий ли, Амвросий ли, Леонид ли — когда они рассказывали о своем опыте, они рассказывали о том, как они пережили опыт смерти, о том, как человек переживает опыт смерти и возвращается назад. Такой человек становится причастным более высокочастотным вибрациям, или, другими словами говоря, становится посвященным. Интересно, что К.Леонтьев в письмах В.В.Розанову опять-таки все время говорит: старчество, старчество, не епископальная доктрина, а старчество.

— Ну, а если вернуться к храму, к вопросу о системе храма...

Система храма является иконой, высшей иконой самосознания. Когда люди начинают толковать текст, который порождает человек, причастный к этому высшему уровню, они начинают говорить о «школьной», «бытовой» символизации, против которой и выступает Шмеман. Но это — символизация в каком-то реальном смысле слова, т.е. выявление внутренних структур сознания. С позиции иконы самосознания, если вы оттуда смотрите, вы можете все эти слои храма видеть. Человек пришел из-за церковной ограды, вошел в церковную ограду, был кающимся на паперти, потом был кающимся в притворе, он смотрит оттуда, он все это преображает, он берет это на себя... по Причастию Делу Спасителя. Поскольку Святая Троица больше никаких способов спасения предложить не может, кроме того, что Отец послал Сына Своего Единородного. Все святые берут грехи определенного места, загробных измерений, с ветвлением по секторам и грехам, на себя, продолжая дело Спасителя. Силу же реальную для этого они получают через причастие Сиянию Сознания и Воли Христа.

– Если уже есть готовая визуальная форма – крестовокупольный храм, то зачем история...

Но в этом и есть парадокс, против которого предостерегает глубоко аскетичная буддистская доктрина. Епископу, который входит в храм, идет, садится на престол, одевает на себя определенные одежды... ему может только казаться, что он епископ, а на самом деле... Или человеку, входящему в храм, скажем, русскому православному, ему кажется, что он вошел в храм, а он н и к у д а н е в о ш е л. Потому что, если он вошел в храм, то из него нельзя выйти. А реальное вхождение – это погружение в Чашу. Если от Чаши посылаешься свидетелем («Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...»), то ты несешь с собой весь храм. Это и есть уровень сознания и воли святого. Ты не можешь выйти из храма, поэтому тексты писем апостолов постоянно утверждают: «Вы – храм Духа Святого». Экклезиологическая община считала себя живым храмом, а потом уже появились каменные храмы. Но те тексты, которые писал апостол Павел (или другие апостолы), пронизаны удивлением о том, что некто принимает Христа, из язычников например, поскольку апостол знает, как это трудно сделать в реальности.

Нельзя физически, седалищем сесть на престол, который является частью иконы. Храм – есть икона. В теологическом, экклезиологическом смысле можно говорить о том, что пока еще не реализован догмат иконопочитания, который сформулирован-то был, но в реальную церковную практику возведен не был. Если вы приходите в храм и своими внешними устами целуете десницу святого или Божьей Матери, изображенную на иконе, то на уровне зрения святых в этот же момент ваше сердце должно объясниться в любви к святому. Если же этого не происходит, то происходит подмена благочестия, т.е. законничество, фарисейство. Может так быть, что человек все время показывает своему соседу или наблюдателю, что он постоянно ходит в храм, знает все правила, целует все иконы, а на внутреннем уровне, который видят святые в обратной перспективе, он услаждается гордостью и тщеславием. Внешний наблюдатель видит, что вы вошли в храм, но важно не то, что видит ваш сосед, а то, видят ли вас те существа, которые изображены на иконостасе. Если о н и видят вас вошедшим в храм, тогда вый-

ти из него вы уже не сможете, будете носить его всегда в своей внутренней структуре, в сознании и воле.

— Высокий иконостас возник ведь уже после крестовокупольного храма? Значит, крестовокупольный храм не является той конечной точкой развития «визуальной формы», которой решается проблема приведения человека к самому себе, к Богу?

В этом месте святой свидетель Сергей Радонежский счел необходимым неучастие в бесконечных профессорских дискуссиях... Нет, иконостас е с т ь в крестовокупольном храме. Только он есть на проскомидийном дискоксе. Когда проскомисающий пресвитер или диакон вынимает частицы из просфор и располагает их на дискоксе, он их располагает точно так, как создан высокий иконостас. Преп. Сергей, существо безусловно предызбранное, на чем настаивает его житие, поскольку он славословил Троицу, еще находясь в животе своей матери, прошедший правильное аскетическое прорастание, принадлежавший боярскому роду, что житейски давало большую свободу, чем простолюдину, не написал ни одного слова и создал высочайшую мистику высоких иконостасов для России. Не порушив никаким образом идею крестовокупольного храма. Нужно только понять, что иконостас — это не перегородка, скрывающая что-то, что он, наоборот, раскрывает. Да, технически, иконостасы собирают иконы в табло, но...

Любая икона — это гробовая доска или плащаница по идее левкашения или клейкой штуки, которая лежит на гробнице святого. Каждый раз, когда вы входите туда, до того, пока весь храм не вознесется, когда вы прикладываетесь к ковчегу... <...> Это гроб! Входя, вы видите выработанный надгробный автопортрет. П.А.Флоренский считал, что икона — это портрет, причем высочайший. Ну, можно считать, что это автопортрет святого. Я с этого и начал. Если святой пришел и узнал в этой иконе себя, — а он призывается прийти молитвами и призывается молитвой изъятия частиц во время проскомидии, — то он здесь видит свой автопортрет. Каждый день литургии — это день поминовения определенного святого, в этом высочайшая идея календаря. Если бы каждый служащий и каждый входящий понимал, что сегодня он совершает иконопочитание святого <...>, то он [был бы] причастен и всему самосозна-

нию Церкви, поскольку основой богословских изысканий святых и было утверждение о том, что сознание и воля суть конститутивы не лица, а природы. В Троице при трех Лицах Единое Сознание и Воля, а, христологически, в Едином Лице Иисуса Христа — два сознания и две воли, связанные с Его божественной и человеческой природой. Почему это столь важно для творчества, для жизни? Да потому, что, принадлежа природе, сознание и воля не могут быть достоянием «я», не могут, не должны служить эгоизму «я». Вся аскетическая практика была направлена на то, чтобы уничтожить иллюзию «я». Сознание — это не моя собственность, а — по уровню причастности — это голос рода, голос народа и т.д. На уровне гениальности это выказывается в том, что гениальный поэт не сочиняет стихи, а более или менее осознанно открыл для себя состояние вдохновения, и тогда ему говорит род, он является рупором [рода]. То, что ему говорится, может быть принято последующими причастниками рода для пробуждения гениальности [у них], у которых она не пробуждена и которым она отдается на свободу мутационных явлений. На самом деле она [современная идея гениальности как достояния лица] есть — богословским языком говоря — протестантская идея, тогда как старческая идея — это селекция, выращивание гениальности.

Я бы вам еще посоветовал прочесть работу Яковлевой «Икона святой Софии как образ мира». Ценность ее в том, что она пытается икону Святой Софии соединить с литургической практикой. Это начатки правильного анализа.

Можно было бы продолжить линию этой беседы достаточно далеко. Если, конечно, сказанное сегодня будет продуктивно усвоено.

Можно было бы, опираясь на идею харизматической селекции, предложить протестантам (и протестантски мыслящим ученым) интересный культурологический синтез. Протестанты, отколовшиеся исторически от католицизма, не нашли никакой возможности синтеза с православной старческой традицией. А сделать это можно было бы легко, указав на то, что мы видим на иконе «Сошествие во ад». Эта икона показывает, что Господь в аду увидел имена в коронах, в нимбах. Вся иерархия установлена во время [посещения Господом] ада. Это замечательно у иеромонаха Софрония в книжке «Старец Силуан». Когда тот молился, Господь от иконы ему сказал: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся». Точная анато-

мическая структура времени и выявления родов была совершена «во аде», там установлена правильная иерархия: по мере умов, которые приняли Сияние Спасителя в аду, просияли их нимбы. Когда мы смотрим на иконы, нам кажется, что там все одинаково. Но они иерархически распределены: Адам, Ева, Ной, Моисей, потом все это уходит в океан света. Там произошло мистическое крещение родов, потому что акт крещения, который теоретически должен совершаться на восьмой день со дня рождения, есть прививка к роду того святого, чье имя получается в крещении. Это не личное имя, а родовое имя. К роду того святого, а тот святой — к тому, а тот святой — к тому, а все они «во аде» были определены Единым, Честным и Справедливым и Всесправедливым Судьей — Господом. В Евангелии от Иоанна, в третьей главе все это сказано. Идущие к Свету не боятся — они идут. Это и есть Путь. Почему? Потому что, если Господь был «во аде» как представитель рода человеческого, и этот род принял Спасителя на микроволновом уровне, то и тот, кто в определенное время родился на земле, будет неумолимо идти к Свету, поскольку он не боится обличения собственной греховности. Вот это, в точном смысле слова, и есть опыт старчества. Они не боятся забежать в опыт смерти, онтологически не боятся. Потому, что их род уже просвещен. В символах теории тяготения, можно сказать, что Нетварный Свет притягивает.

<...> Высокие иконостасы — это разросшаяся и более четко структурированная святым икона «Сошествие во ад». Те же самые лики ярусов, которые артикулированно выражены в иконостасе, они скрытно находятся на иконе «Сошествие во ад». Есть там чин протцов, чин пророков, чин святых. Они там все есть, и культурологически, в большой перспективе забот о России, о синтезе с Германией, идею харизматического предопределения можно свести на идею анализа иконы «Сошествие во ад». Это высокая политическая, культурологическая задача.

Чтобы кончить, я хочу еще возразить одному очень уважаемому автору — Г.П.Федотову. У вас он не назван, а у него есть хорошая книжка о русских святых, и в ней есть идея, что национальный тип высшее свое выражение имеет в опыте святого. То есть, если вы хотите диагностически строить культуру, то вы должны изучать не премьер-министров, не опрашивать народ социологически, а искать святого — это правильное суждение. [Другое], на мой взгляд,

не очень правильное его суждение, связанное с тем, что «объект высшей ступени недоступен к видению объекту низшей ступени», состоит в том, что, когда он пишет о преподобном Сергии, он говорит, что от мистики до политики огромный шаг и преподобный Сергий его сделал. Предполагается, что это огромная дистанция. Я же берусь утверждать, что у серьезного мистика немедленно, в тот самый момент, когда он достигает этого уровня, возникает местно-государственное мышление. Точно также и у гения. В эмиграцию К.Леонтьев не поехал. Американцам или немцам со структурами этими делать нечего.

— Когда анализируешь евхаристическое действие, происходившее в первой христианской церкви, там было только таинство собрания, осуществление церкви перед престолом. Получается, что храм предполагает только два элемента: престол и путь к нему.

Правильно, но престол и есть колесница на четырех огненных столпах. Престол — это модель всего крестовокупольного храма.

— Ну, а крестовокупольный храм получается тогда, когда на эту простую первохристианскую структуру накладывается ветхозаветная идея храма...

Но ветхозаветная идея уже была высказана — сделай так, как тебе было показано на горе. Поэтому Моисей строил скинию...

— В образе горы?

Нет, [по образцу, показанному] на горе. В высоком посвящении ему была показана структура храма, она трехчленна... Дальше, когда стали появляться византийские храмы, это люди уже строили культуру. <...>

Ведь первохристианские тексты ориентированы к смертникам. Завтра предстоятелю общины — о котором удивлен Павел, что он принимает Христа и который находится под постоянным молитвенным покровом апостола Павла, — завтра ему предстоит умереть. Ему завтра предстоит мученическая смерть. Поэтому ему достаточно [катакомб]. Дальше время развивается как дерево жизни.

И возникает идея построения культуры единой византийско-римской империи. В этот момент появляются аналитики, святые — они строят культуру. Это выход из катакомб Рима, когда евхаристия совершалась на мощах святых. Это уже следующий этап, по сравнению с тем [этапом, когда тот], кто завтра будет отдан на смерть, должен найти в себе силу принять эту смерть как радостное свидетельство. Отсюда — свидетель или мученик (по-гречески, «мартирос», свидетель), что он перенесет все страдания силой благодати Господа Иисуса Христа. Ни один человек не может перенести мучительского издевательства над его телом без причастия благодати. Поэтому, это был этап развития времени, <...> когда мученики претерпевали мучения, не проклиная тех, кто их мучает, и выдерживая мучения через причастие Сознанию и Воле Спасителя — это и был уровень свидетельства. Они свидетельствовали своей кровью о Крови Спасителя.

— Так было тогда, а сегодня что делать строителям культуры?

<...> [Нужно установить диагноз], а после этого прописать лекарство, которое соответствует болезни. Первоначальное лекарство состоит в том, чтобы вернуть идею культуры, которой нужен вовсе не развлекающе-расслабляющий элемент индивида, который устал — такова общая установка Запада в отношении культуры. Нужно вернуть культуре смысл формообразующий — национальную гениальность. Если это будет сделано поэтапно, при правильном прорастании вслед за художественно-символическим мышлением проявится оккультно-аскетическое. По иерархии уровней сознания — это более высокий уровень. Черная месса — энергетически более высокая вещь, чем стихи. При создании оккультно-аскетической «душевой» можно говорить о ситуации пробуждения свидетельского опыта. Лечить таким образом нацию от забвения, делать ее здоровой, потому что если высокие энергии передать больному человеку, то он просто умрет в этот момент. Его нужно подготовить, ему нужна диета, определенное питание — приоткрылось, двигаемся дальше, еще дальше... Определение, данное в еврейском Писании и очень четко сформулированное в буддийской Дхарме, остается в силе: нельзя увидеть Бога и не умереть в тот же момент. Поскольку увидеть Бога — значит принять Его излучения. Это все

равно, что сказать: «Пойдите в эпицентр атомного взрыва». Вот и все. Бог — это высочайшая энергия. Грехопадение и успех Сатаны и состояли в том, что он [человек] нарушил правильно созданный приемник энергий, настроенный на определенную волну — так Бог создал человека по Своему образу и подобию. Когда человек, приняв излучение Сатаны, нарушил контурную схему своего приемника, он не смог больше принимать Божественные энергии.

Это описано во всех текстах. Пророк, видя Ангела (а это — трансформатор, понижающий поле энергии), всегда падал, просто падал, как мертвый. Божественная педагогика выткала — через систему генетического выращивания — такой приемник, как Святая Мария Богородица, могущая принять в себя всю полноту излучения. Как только Господь стал образовывать из ее чистой, первозданной плоти, через педагогику, Свое, никогда не бывшее до этого момента человеческое тело и человеческую кровь, то излучение Света шло и шло. Это блестяще выражено в начальных главах Евангелия от Луки. Мария зачавшая приходит к Елизавете, которая зачала Иоанна. И Елизавета говорит: «Плод во мне взыграл». Вот что происходило. Все излучение мудрости, как энергетическое излучение, пронизывало и Марию, и Елизавету. И Иоанн Креститель впервые исповедовал Господа Иисуса как Мессию, когда он был в животе Елизаветы, а потом, пройдя рождение, аскетическую науку, он Его увидел и Его узнал.

Так что крестовокупольная структура, наложившаяся на одни интуиции, на другие интуиции... Но я бы мог вам сказать, что, — может быть, [это] самое интересное, [хотя] это уже частные вещи, — что в ней скрыта структура египетской пирамиды. Только здесь так, а там сделан купол округленный и т.д. Это частности, частности приятия национальных родов, которые [тоже] ждали Мессию <...>. Все ждали. Буддисты и протоарийцы ждали точно так же, как евреи.

— Хорошо. Если была адекватная культура, которая породила храм, то зачем потом появилась другая ситуация, третья ситуация...

Потому что было нужно, чтобы каждый понял это. После этого нужно было сделать из храма школу, танатологический научно-исследовательский институт по преодолению смерти. И каждый потенциальный потребитель этих символов должен был бы знать,

чем он занимается. Но произошла странная вещь. <...> Высочайшая элитарная структура стала структурой массовой культуры. Потом появилась, как противодействие этому, монашеская установка, старческая установка... Потому что старцы – это те самые, которые «во аде» были предызбраны к определенным родам. Странная ситуация... <...> [Одна возможность], восходящая к первохристианской установке и ясно говорящая: все вы, во Христа крестившиеся, в смерть крестились. Если вы в смерть крестились, значит, вы вошли «во ад», поскольку Он вошел «во ад». Это не реализовалось. И стала реализовываться структура старчества, т.е. идущих «во ад». Не боящихся придти на Суд.

— В обход крестовокупольного храма?

Не в обход. Это интересный момент... Он касается вашей работы. Если бы я писал эту работу, то я бы считал высшим выражением христианской идеи не крестовокупольный храм, а пещерные храмы Киево-Печерской Лавры. Пойдите туда и проанализируйте, что там есть, какие церковки там зарывались в пещерах. И те, кто туда входил, наружу не выходили. Параллельно культурологической символике крестовокупольного храма шла символика пещерных храмов, которые восходят к Божьей Матери. Феодосий Печерский... Вы были в Лавре в Киеве?

— Да.

Так вот, это совсем другой опыт. Я бы сказал – шамбалийский, потому что вся культура Шамбалы – в горах. Но это выражено и на иконах. Только мы не хотим смотреть. Потому что все время говорится: престол – пещера, где был положен гроб Господень. Это как бы требование к святым. Если вы будете смотреть на икону «Воскресение Христово», или «Сошествие во ад», вы увидите тот самый феномен, который называется «церковные горки». Но там дыры все время. В точном смысле слова храм – это пещерная гора земная, он должен когда-то, взорвавшись, вознестись. Этот момент нужно учитывать. Я, когда читал, обратил внимание на то, что вы <...> приняли как высшую идею это развитие, и думал, почему он вообще не обращает внимание на...

— В рассказанном есть замкнутость на единственном храме, как на сооружении. Но в храме часто не один престол, а несколько, и все они посвящены кому-то. На типовой модели одного храма кое-что теряется. В частности, теряется ландшафтно-экологический аспект, связанный с мистикой праздника. Помнится, была мысль, что годичный цикл праздников изображает Тело Христово. Дело в том, что в каждом развитом городе, как в символической структуре, есть храмы всех праздников. В городе есть престолы, посвященные этим праздникам. Город символически становится символом Тела. Аспект природы включен, и поэтому как бы экстерьерная часть тоже засимволизована в символе града, а не в отдельном сооружении. Храм, культ включался органично в природное окружение, в ритмы и гармонии вселенной. Как же потом стало возможным, чтобы храмы рушились, культы отвергались? Почему «боги уходят»?

Да, культура не включалась в экологию, и все отслаивается. Все то, что выступало как *р а д у г а*. Господь сказал: «Поставляю завет с тобой в радуге». Радуга — мост, радуга — лестница (между небом и землей), радуга — семицветник, радуга — зрачок Всевидящего Ока, корона из драгоценных камней и т.д. Это все природные, экологические символы. Мы же смотрим на радугу технических приборов, на разложение света в спектрографе и т.д. Но как только экологическая перспектива теряется, на ее месте получается ржавчина (притом, что всегда есть невидимый святой свидетель, ведь если бы эта линия прервалась, то развалилось бы мироздание). После этого мы видели все время впадение культа в культуру, культуры в наслаждение, наслаждения еще во что-то и т.д. Все время потери.

Если бы каждый раз понималось всеми потребителями: от епископа до верного, участвующего в литургическом таинстве, что мы совершаем *и к о н о п о ч и т а н и е* памяти такого-то святого в день, в который мы туда приходим! Я об этом и сказал. <...> Догмат иконопочитания был сформулирован. Исторически в это время появилось мусульманство, причем мусульманство в дружеском союзе с еврейством. Они стали строить Мекку, Медину. И можно себе представить, что император, который вначале хотел строить культуру на одних началах, теперь будет на других. Будет ориентирован туда. Все тонкости знает Господь, святой или сильно трени-

рованный йог, который может вам считать все тайные пружины истории. В этот момент политический руководитель византийской империи в политических целях <...> [признавал] необходимость контакта с арабами и евреями, поскольку они знают высшую математику, у них оружие лучше, а старцы не знают. Та же процедура, которая сейчас происходит: у них технология, а мы — что? Вот мы и будем им следовать. Политическое руководство ориентируется туда, готовит шпионов, которые украдут это, [то, чего у нас нет]. И никто не хочет найти вторую семью Рерихов и отправить ее на поиски Шамбалы, например. Это очень интересный культурологический и историографический вопрос.

Интересно, одновременно с этим, и другое. Почему рождается Прохор (будущий Серафим Саровский), почему он может залезть на колокольню и упасть с самого ее верха и не умереть? Откуда такая тяга. Вот почему для меня интересно место, где надо стоять. Мы живем в условиях потери культовой и культурной памяти, которую диагностировал, стилистически уловил К.Леонтьев: мы ходим в цилиндрах и пиджаках <...>, а культура превращается в музей.

В «Петре I» есть такой эпизод: приходит какой-то купец, приносит Петру в подарок саблю, когда ему было три года, он схватил эту саблю — и все. Но ведь на этом построена вся ситуация узнавания лидеров, которая развита в буддизме. Рождается новое существо, смотрят, узнают. Умер предыдущий, ну скажем, далай-лама, руководитель. Начинают астрологически высчитывать, где может родиться следующий. Находят этого ребенка, проверяют его телесные признаки, еще что-то. К тому времени, когда он более или менее разумен, вокруг него кладут священные предметы, поскольку, если он оккультно принадлежит роду далай-ламы, он сразу протянет руку к ваджрическому колокольчику. Вот и все. А мы сегодня утратили память о том, что «невидимая брань», духовная война продолжается, что нам нужны воины, полководцы, оружие...

Теоретически можно, конечно, опять сказать: «объект высшей ступени невозможен к видению низшей ступенью», т.е. — не занимайте в интерпретации место тех, кто должен это интерпретировать. Римский епископ говорит, что он является выразителем высшей церковной доктрины. Непогрешим. Он делает это в то же самое время, когда Божья Мать разговаривает со святым Серафимом Саровским. Так кто же является выразителем непогрешимости?

По каким критериям? По преемству от Петра? Эклизиологически, можно было бы сказать: по мере причастия Святой Крови Спасителя у вас должна пробуждаться непогрешимость.

Но можно сказать и так — вслед за С.Мансуровым, — что у каждого места свои времена и сроки. Одно место выполнило свою роль в икономии истории, но не сумело обеспечить себе эффективную преемственность, тогда на сцену истории выходит другое место и т.д. Если происходит омертвление, окостенение, благодати не будет. Благодать передается только по одному каналу — по каналу Любви.

В России была сильная попытка обойти стороной опасность иерархического омертвления. Когда архиерей ставит священников на служение в храмах своей епархии, то это чистейшая органопроекция. Они — его органы. Когда он разворачивает антиминс в своем соборе, то и они — как органы его — разворачивают свои. По сути же это один и тот же храм, один и тот же антиминс, одно и то же служение. Но органопроекция не для одних ведь рук, а и для ума, сердца... Митрополит Московский, а теперь Патриарх Всея Руси именуется также священноархимандритом Троице-Сергиевой Лавры. Если бы он в момент своего служения со всей полнотой иконопочитания относился к этому акту, <...> его сердце изнывало бы от любви и славословия Бога за Сергия и, через причастие знанию Сергия, от славословия Отца за Сына, и тогда, конечно, прямой итог благодати был бы. Стоит здесь что-то нарушить...

Вам кажется, что вы славословите, а оттуда видно, что вы отвернулись от Бога, вы смотрите в это время в другую сторону, у вас рога есть. Это все описано. Опять синтеза не произошло. Крестила Русь византийская иерархия, та самая, которую Симеон Новый Богослов призывал к покаянию. В это же самое время произошла схизма Рима с Византией. Проходит большой период, кто-то учит, кто-то что-то делает и т.д., является Сергей Радонежский. Опять ничего. Ну как? В житии Сергия недвусмысленно написано: приехал византийский епископ посмотреть на этого, которому явилась Богородица. Житие описывает: он приехал и ослеп. Это же что-то значит. Тексты же пишутся. Это же не был тираж массовой культуры, еще никаких газет не было. Если рукой один монах пишет, то сколько копий может быть? Кто первый читатель? Какая традиция движется невидимо?

Серафим Саровский — фундаментальное явление. 1831 год — Божья Матерь разговаривает со святым Серафимом Саровским, а еврейско-польская Варшава восстает против Империи. Это все происходит в один год. Через пять-шесть лет Римский епископ объявляет догмат собственной непогрешимости в суждениях веры. Появляются старцы. Если А.С.Пушкин не встретился с Серафимом Саровским воочию, то Иван Киреевский уже осознанно идет и встречается со старцем Макарием. Следующий этап — национальный гений К.Леонтьев осознанно идет в послушание к харизматику старцу Амвросию и т.д., и т.д. В это время Римский епископ по-прежнему молчит, не высказав ничего. А сионские наблюдатели уже знают и явление Божьей Матери, и всё. Там сеть была продумана хорошо. Революция, еще что-то, еще что-то... Может быть, я на себя взял много ответственности, от начала до конца проинтерпретировать все всплески, предожидания культуры я не возьмусь. Но совершенно ясно становится, что нужно как бы за всей позитивистической картой мира, пользуясь [свидетельствами] национальных гениев, свидетельствами искусства, потом через оккультно-аскетический уровень, через святых, увидеть подлинную карту мира, подлинную природу. Не позитивистически, а подлинную природу. Здесь все сводится к сионистскому Дому Блудницы, т.е. вновьявленному государству Израиль, и Дому Богородицы в Дивеево. Вот ось, которая должна синтезироваться с мистикой четырех будд, с Шамбалой.

Сейчас буддистский мир стоит перед той же проблемой, что и еврейский мир в момент Рождества Богородицы. А на территории России задача состоит в том, чтобы синтезировать этот опыт. Принять его. Если это произойдет, то тогда мы скажем: вы видите Сион — финансовую, банковскую, процентную империю во главе с Каббалой, т.е. парапсихологическим оружием, — под позитивистическим видом расцветающих буржуазных демократий. Вот настоящее царство. Ему должен противостоять не финансово-империалистический-капиталистический-экономический способ, а общинный способ владения собственностью, ориентированный на аскетическую проблематику, синтезированный на аскезе и служении Божьей Матери. Именно Божья Матерь. Божья Матерь является центром, поскольку я читал сионистские книги для русских, где они говорят весьма уважительно об Иисусе, что это был их про-

поведник, которого убили римляне. Такой хасидист, цадик, немножко сумасшедший и т.д. А когда вопрос стоит о Божьей Матери — это вопрос фундаментального свидетельства, потому что Она была второй, после Иисуса Христа, живой по Успению. Поэтому я думаю, что дело даже не столько в крестовокупольном храме, сколько в мистике Успенских соборов. В этом смысле значима интуиция Д.С.Лихачева о том, что они строились на оборонно значимых местах и собственно архитектонику давала Она сама по видению. Вот — идея.

<...> Самобытно русская идея, мне представляется, это — синтез мистики преподобного Сергия и мистики Цонкапы. Это могло бы дать очень сильную структуру для России и всего ареала, входящего в ее государственные границы, как территории Шамбалы. И таким образом увидеть два государства — это Шамбала и Сион, Шамбала и сионистский Израиль. Все.

*Вручил народ твой и город святой
всеславной Богородице, скорой на по-
мощь христианам, —*

митрополит Иларион Киевский

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Святой Василий Киевский, более известный как благоверный равноапостольный князь Владимир, «креститель» руссов, был, прежде всего, **воин**, солдат. Воин сражается, для чего ему нужны **силы**, бесспорно, геомантические, йогические или «парапсихические», как сказали бы сейчас. И оружие, «святое» оружие, **заговоренное** «бон» — бормотанием, несущим силу «богов». Вещий поэт «Слова о полку Игореве» прославил Игоря как **оборотня**, владеющего шаманской силой превращения в волка, орла и т.д. Можно без натяжек сказать, что все культовые практики, да и Новый Завет, где Слово Божие равно МЕЧУ ОБОЮДО-ОСТРОМУ, суть «культы оружия». Князь-воин, чтобы сменить «богов», дававших заговоренную энергию священному оружию, должен понять, вместить, испытать **силу** новых «богов». Испытав, что новые «боги» сильнее, князь-воин и дружина меняют культ, чтобы освятить свое оружие. В этом смысле предок руссов, их апостол и первосвятой Василий-Владимир, напоминает императора ромеев Константина, давшего христианам право выйти из катакомб, ибо император познакомился со святыней христиан — Святым Крестом как с СИЛОЙ: «сим победиши» было сказано ему в видении. Знать «имена» богов — это значит знать **все**. Ничто в Распятом Рабе где-то на вонючих еврейских задворках Империи не говорило о МОЩИ ИМЕНИ Отца и Сына и Святого Духа, в которое должен погружаться маг-князь. Никакие рациональные доводы здесь не применимы, да их, рациональных доводов, никогда и не было в древности. Священное молчание скрывали, а не «доказывали»... Впрочем, и сейчас **серьезные** люди, «маги», молчат. Знающий и могущий «делать» в магическом смысле молчит.

Священная власть князя-воина прямо пропорциональна его «магичности», — Владимир узнал СИЛУ Святого Креста, узнал «покров» Живой Богородицы, преодолевшей смерть вослед Сыну Божию и Своему. «Слово о Законе и Благодати» митрополита киевского Илариона, произнесенное в краткий двухгодичный срок попытки руссов выйти из канонического подчинения Константинопольскому Патриарху и Императору, показывает о т д е л е н и е Киева в лице князя Ярослава Мудреца, сына «апостола» Владимира. Канонизация, которой посвящена речь Илариона, ибо просит молитв у Владимира-Василия, что возможно только в момент прославления (поют «не упокой» душу усопшего раба, а «моли Бога о нас!») происходит в н е санкции Константинопольского патриарха, как и поставление русского митрополита. Нет текстов, говорящих о причинах, разрушивших идеи Илариона. Быть может, — это смерть князя Ярослава, — при «монархических» тенденциях власти многое, если не все, зависит от сердца и ума правящего! Через пару лет после исповедания веры Иларионом произойдет «официальная схизма» 1054 года Рима и Византии. Обе стороны не признают реальности и силы МОЛИТВЫ Живой Богородицы, споря о главенстве в церкви. «Мудрецы» Ярослав и Иларион, усвоив эту «мудрость» апостолу Владимиру, утверждают силу молитв Богородицы, ИКОНОПИСУЯ в Центральном Храме Киева Софии Ее Образ «ОРАНТЫ», — моления, молитвы, защиты, «магии». Иерархию Византии обличал в забвении реальности Жизни во Христе уже византиец Святой Симеон Новый Богослов, достаточно прочесть его 50-й гимн! Исповедание же «мудрецов» Ярослава Мудрого и Илариона поражает тождественностью мыслям о Церкви Максима Исповедника: образ обладает энергией Первообраза. Апостолы присутствуют в своих иконах, Живая Богородица — во фреске, Само Имя Троицкого — во Святом Кресте, — и все это и з л у ч а е т э н е р г и ю С в е т а, защищая и освящая город Киев. Воистину: благовещение Марии низводится на город Киев! Поразительно. К сожалению, Богородичное богословие не привилось на Руси, даже до времен Дивеевских откровений, хотя служба Успения есть, свидетельства явлений Ее святым есть: разительный пример — икона над ракой Преподобного Сергия. Как бы нить Ярослава — Илариона тянется через святых, покрываясь претензиями «епископов», наследующих идеологию «пап» Рима и «патриархов»

Константинополя. Говоря о Дивеево, как Своем 4-ом уделе на земле, живая Богородица говорила о Киеве, как о 3-ем, — Она и только Она всегдашний враг еврейского каганата, в союзе с исламом и Византией душащего самобытность «кагана» Владимира.

...подтверждая одинокое напоминание Федора Достоевского о существовании еврейского «государства-в-государствах» скрытно (постоянно вне сферы анализа находится существование еврейской царской линии, еврейской аристократии, хотя критически говорят о «габсбургах», «романовых», «рюриковичах»), скажем вновь: термин «еврейская династия» в общем мнении является абсурдным, за 1000 лет привыкли говорить о синагогах, ростовщиках, пахнущих чесноком жидках, в лучшем случае — о финансистах, ученых, врачах, музыкантах. Но этот сознательный отвод сферы аналитического внимания от «еврейских династий» при сопутствующих дымах маскировки, этот сознательный режим контроля «словаря» ученого, эта своеобразная «new speak», предсказуемо порождает нужный еврейским династиям и с т о р и о г р а ф и ч е с к и й с ю ж е т. Исследователи всегда пользуются определенным терминологическим запасом, и если из этого набора убрать одни термины и вместо них умело же поставить другие, а затем применить к недоумевающим аргумент физического уничтожения, то... теоретически возможно п е р е в о с п и т а т ь оккупированное почвенное население т а к, чтобы постоянно держать его в забвении собственных святынь и в послушании правящей династии. Еврейские аристократические семьи, пришедшие под русским псевдонимом на смену «арийским» династиям в России, утверждаются пропагандой и физическим уничтожением несогласных как «пролетарская» революция... еще раз схематично прочертим известное и попытаемся заметить возможные пути развития ситуации...

... и з в е с т н о, что в 1903 году в России наследственная арийская аристократия правящего дома Романовых-Дармштадтских нелукаво признала и очень красиво и подлинно «преклонилась» перед почвенной святыней, а именно Дивеевским Старцем Серафимом, его духовной наследницей Пашей Саровской и, **главное**, сокровенной тайной русских святых о ЖИВОЙ Марии Богородице, как реально, но прикровенно, п р а в я щ е й Святой Русью со времен «хазарского каганата», со времен удельных варяжских князей, от-

крыто выявляющейся в «софиократии» новгородской республики. Самодержавие арийской аристократии признало реальную политическую власть Живой Богородицы во всем, так сказать, практическом смысле этих слов: политическая власть. Смешно, так сказать, царствовать, когда знаешь, что уже царствует Живая Мария Богородица. Нам это представляется уникальным, «гениальным» актом арийской правящей аристократии, и мы это нарочито подчеркиваем здесь. Свершено нумерически (буквально!) то же самое, что вел. князем Ярославом Мудрым и митрополитом Иларионом: отдание народа во власть и под покров Богородицы. Осмысление порядкового номера «уделов» Живой Богородицы: 4-й — в Дивеево, а 3-й — в Киеве. Романовы-Дармштадтские донесли до элиты и откровение о Дивеево, последнем прибежище Живой Марии, изгнанной из Своего дома в Иерусалиме. Дивеевские идеи манифестировались на фоне международного еврейского движения «за Сион», за возвращение из рассеяния на историческую родину. Симметрия вершин Дивеева и Тель-Авива стала очевидной. Более того: Николай II предложил уже в 1905 году Священному Синоду свое отречение от престола и наречение его патриархом (при восстановлении московского патриархата!) дивеевского типа... Синод промолчал и тем самым «отказал» государю, а после отречения Николая II в феврале 1917 года быстро собрал свой собор и избрал в Новом Иерусалиме (не в Дивеево!) своего патриарха, как бы нейтрализуя и отводя «от себя» дивеевские идеи: Живая Богородица очевидно правит политически не только Россией, но и русской Церковью и ерархически! Жест московских епископов показал возможность негласного союза «во грехе» московского патриархата и еврейского каганата, яростно (наконец-то!) рвущегося уже 1000 лет к наследованию монархических институтов на Руси. Еврейский каганат объединяется с московскими епископами на основе отвержения власти, политической и иерархической, Живой по Успению Богородицы. Измученные простолюдины армии, сел и заводов соблазняются в то время по сути мессианской идеей «земного рая» быстрого наслаждения, неиссякаемого удовлетворения всех нужд переделом «фантастических» богатств, накопленных арийскими «царями и помещиками». О будущей работе простолюдины не думают, ибо галлюцинаторные богатства, эти грезы «окопов и вшей»,

столь не измеримо огромны, что достаточно лишь их отнять и поделить, чтобы всю оставшуюся жизнь свою и внуков своих лишь потреть. Еврейский каганат, захватывающий монархические институты управления, оставленные арийским правящим домом, московский патриархат и измученные безграмотные простолюдины фактически (но и прогнозируемо!) объединяются в забвении духовного аристократизма дивеевских идей, имевших праобраз в новгородской республике под руководством Святой Софии, Премудрости Божией. Даже глубже: к интерпретации «крещения» князем Ярославом Мудрым и митр. Иларионом в круге Богородичных идей и самобытности Руси в «Слове о Законе и Благодати». Естественно, что «мера» грядущего ответа различна для оккупантов, предателей-епископов и просто несчастных простолюдинов: волки пожирают овец при плохих пастухах.

Сейчас (по-прежнему!) вопрос состоит в том, будет ли Дивеево во всей своей чарующей новизне воспринято к практике какими-либо слоями в России?

а) предельно ясно, что еврейские скрывающиеся аристократические семьи никогда не допустят оживления дивеевской проблематики, что, доминируя в правящей партии и государстве, они будут жестоко насаждать атеизм, ибо всяческий теизм и традиционный словарь высветят их роль древнего «хазарского каганата» в смене династий: «еврейская» на смену «арийской» после отречения Николая II;

б) трудно надеяться, что московский патриархат возглавит движение умов за Дивеево, ибо слишком во многом придется покаяться епископам и в **главном** из этого многого: в узурпации иерархической власти Богородицы и Ее святых свидетелей в Церкви. Готовиться к празднованию 1000-летия крещения на Руси (1000-летию еврейского каганата на Руси?) проще;

в) остаются, как будто, русские простолюдины, постепенно приходящие к доминированию на руководящих постах в партии и государстве; насытившиеся сами «отобранным», понимающие трудности управления и воспроизводства духовных и технологических ценностей;

г) хотя опытные «каганы-советники» при остающихся в силе наследованных институтах монархии, а не «новгородской республики», при дрящемся союзе с московским патриархом могут попы-

таться «развратить и обожествить» очередного генсека в д и к т а - т о р ы, взамен нахождения своего места в «республике» Святой Марии Богородицы. Республика эта выражена в иконе Новгородской Святой Софии, Премудрости Божией, в Богородице-Оранте св. Софии Киевской. Город = «полис» = государство.

д) то есть сама по себе (при кажущейся притягательности!) модель русского руководства уязвима;

е) что же остается?

По-видимому: «научная честность и Азия». Обратиться к Азии советовал Достоевский. Об азиатско-китайском синтезе **мечтал** скептик и реалист Леонтьев. Азия сохранила знание древних о великой связи «небеса — человек — земля». Там нет «науки» в н е человека. Ясно, что стратегическое планирование науки на освоение азиатских древностей Китая, Японии и Тибета, помноженных на «японскую» и «американскую» технологию, даст качественный с к а ч о к в развитии «запада». Ясно, что следование еврейским советам о развитии энтропийной физики «вне» человека и мнениям о дикости человека «до Маркса», помноженное на современную советскую технологию, даст качественный с р ы в. Не может быть речи о преодолении наличного отставания, ибо векторы планируемого развития разведены катастрофически: освоение наследия «небеса — человек — земля» даст предсказуемый качественный скачок по сравнению даже с современным состоянием США и Японии.

Серьезное осмысление ожидаемого разрыва может помочь русскому руководству в возможном преодолении «автократического» соблазна, в нахождении своего почетного места в республике Живой Марии.

Дивеево, как дом Богородицы, даст и о п е р е ж а ю щ и е успехи к тому «синтезу» Азии и современной технологии, на пороге которого стоит сейчас мир вне России.

ЛОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ П.А.ФЛОРЕНСКОГО

1. Сами принципы научной мысли П.Ф.: поиск сокрытого, оккультного пласта изучаемого объекта, признание за этим пластом сущностного и главнейшего значения, использование символического языка, отношение к математике, физике и другим наукам как к качественно-содержательным дисциплинам и в этом смысле позволяющим исследовать мир как качественную целостность и др. — сами эти подходы показывают глубоко традиционный взгляд на ученость, причем это традиционность азиатского типа. Наиболее, может быть, оригинальные идеи П.Ф. имеют параллельное законченное и совершенное воплощение в древневосточных мифологемных построениях, в частности в искусстве и практике мандалы. Заслуга П.Ф. во многом — в реставрации этих идей путем гениальной научной интуиции для современных областей знания: от физики до филологии, поскольку предметы даже гуманитарных наук, например, имя, слово, цвет, образ и т.д. обладают, по Ф., характеристиками физических веществ, ср.: «Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе». То, что «Гетевско-Фарадеевским мироощущением», родственным Флоренскому, только подозревается и предчувствуется, т.е. то, к чему только тянется еще Европа, эксплицитно высказано в первой гексаграмме И-Цзина:

Движение Неба исполнено силы.

Так Благородный становится крепким и не знающим устали.

Учение П.Ф. о России несет отпечаток тех же азиатских структур, хотя и неосознанно и невыясненно для самого ученого. Так, рассуждение о том, что родоначальником Земли Русской был Преподобный Сергей Радонежский, через своего духовного внука Прп. Андрея Рублева передавший своеобразную русскую идею Троицы и создавший Лавру – «ноуменальный центр» России, это рассуждение типологически родственно древнейшим представлениям о культурном герое, через культ и искусство, как составную часть культа, научающем племя основам родовой регенерации.

2. Однако возникает вопрос: смог ли П.Ф., мысливший столь близко к медитативно-интеллектуальным принципам учености по типу мандалы, построить непротиворечивый образ, мандалу России? Согласно Х.Аргуэллесу, основным структурным принципом мандалы является наличие центра и четырех кардинальных точек, т.е. организация пространства по астрологическому принципу. Наиболее отчетливый образ России, выполненный в согласии с этим фундаментальным принципом мандалы, представлен в стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», где сила центра – есть сила неба, перетекающая в того, кого И-Цзин называет Благородным, или мудрецом, или святым, и организующая пространство мерой соотнесенности языка каждой точки с именем центра:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Здесь России в своей целостности (а мандала это интегрирующая и центрирующая техника, см. Аргуэллес) предстает как Евразия, как синтез «языков» христианства, буддизма и язычества. Это с необходимостью ведет к признанию того, что культурный первопродок России должен быть связан со всеми этими языками. Что и подтвердили Рерихи, назвав Прп. Сергия «человеком Шамбалы».

3. В контексте пушкинско-рериховского взгляда на Россию неверным кажется высказывание П.Ф.: «Если бы в пределах государства

оказалось, хотя и *чуждое нам по культуре и стоящее вне нашей истории*, учреждение, подобное Лавре, *магометан или ламаитов*, то могло ли бы государство поколебаться в мысли о поддержке и охране такого учреждения» («Храмовое действо как синтез искусств»). Но ведь ламаисты это и есть «калмыки», необходимая структурная точка в мандале России. Недостаточность П.Ф. заключена в его европеоцентризме, греко-романской ориентации, генетически связанной с иудейским монизмом, самопоглощенностью. П.Ф. много раз подчеркивает идею о Москве – наследнице Афин, «новой Византии», ср.: «Вжившийся в это сердце России, единственной законной наследницы Византии, а через посредство ее, но также – и непосредственно, – древней Эллады, вжившийся в этой сердце, говорю, здесь, в Лавре, неумоимо пронизывается мыслью о перекличках, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью» («Троице-Сергиева Лавра и Россия»). Т.е. еврейские священные книги и греко-римская культуры и были, по Ф., духовной родиной России. Пушкин, Рерихи, Достоевский опровергают этот взгляд.

4. Следуя сформулированной самим же П.Ф. задаче биографа: показать таксономическую цельность описываемой жизни-времени, рассмотрим три очень сильные визуальные узловые точки, расположенные в календарном отрезке 24 и 25 октября 1918 г. 1. 24.10. П.Ф. пишет доклад «Храмовое действо как синтез искусств», это происходит через два дня после образования при сергиево-посадском Военно-рев. комитете – Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры. Пред. Комиссии – комиссар Д.М.Гуревич. 2. 25.10. Открытие памятника Марксу и Энгельсу на переименованной из площади Воскресения в пл. Революции площади. Руководит празднеством Л.Розенфельд (Каменев). 3. 24 и 25.10. в Алапаевске достали нетленные тела Вел. кн. Елизаветы и инокини Вари. (Убийство произошло 18 июля в день памяти Прп. Сергия). В дни, когда устанавливался культ средних людей, у раки Прп. Сергия, стоя перед комиссаром Гуревичем, Ф. дает ошибочную диагностику России, называя ее наследницей Византии, отчуждая азиатский, буддийский, зороастрийский мир от Лавры и России. Гения позвали на общественное служение, с которым он не справился. Беда в том, что Ф. стал хитрить, называя Лавру

«музеем», сознавая, как автор теории Имени, что любое переименование влечет за собой изменение сути вещи (большевики, переименовывавая площадь, были последовательнее). Ф. допустил ряд ошибок по отношению к Пушкину, не увидев мандалической целостности его поэтических структур. В это же время Вильгельм трудился над переводом И-Цзина, пытаясь придать статус священности, равный Торе, азиатскому памятнику. Ложный оптимизм Ф. заключается в том, что, надеясь с помощью переименования сакральных объектов сохранить их от разрушения, «живую эстетику» (Леонтьев) представить «музейной», он изменил собственным основаниям своей учености и поставил неверный диагноз истории и России, в то время, когда в Алапаевске происходило прославление и подтверждение иного и аутентичного подвига.

Каждое яркое изображение предмета в нашем Третьем Глазе делает его близким и доступным. Одним из условий древней магии было научить яркости предметов, вызываемых нашим внутренним представлением.

Елена Рерих

ПУТЬ (ОПЫТ МАГИЧЕСКОГО ИСКУССТВА)

Оглавление:

«Взирая на Учителя, молчаливо воспроизводи образ его»

§1. Рассуждение о методе

§2. Три приближения

§3. Первое приближение: русские философы

§4. Действующие лица

§5. Принцип мандалы

§6. Безумные речи Б.С.: Измена

§7. Мандала России

Предлагаемый проект «движущихся картинок» состоит из двух частей. В первой части (§§1–5) автор пытается прояснить будущим сотрудникам свое видение реальности. За 20 лет одиноких размышлений он, как выяснилось, совсем оторвался от жизни. Мир смерти и за смертью стал для него реальностью. Во второй части (§§6–7) автор описывает содержание «движущихся картинок», которое хотелось бы без катастрофических потерь воссоздать.

Каждую долю секунды на земле кто-то умирает. В процессе умирания и сразу после смерти он видит на экране своего сердца канонический космический монтаж кадров. В это же самое время «живой» смотрит кинофильм в кинотеатре, построенный по другим законам.

Можно ли сделать монтаж картинок для «живых» так, чтобы он напоминал космический канон экрана умирающего?

«ВЗИРАЯ НА УЧИТЕЛЯ, МОЛЧАЛИВО ВОСПРОИЗВОДИ ОБРАЗ ЕГО»

Обычно для того, чтобы успешно выполнить это Учение боевых искусств, требуется 10-12 лет интенсивных и радостных занятий. Образ Учителя, его Позу и позы выполнить поначалу просто невозможно, ибо «свое» учение, свои записанные в тело, ум и волю иероглифы, мешают. Учитель танцует, а ученик буквально корежится от боли, его собственное учение, записанное в тело, кричит о своем: больно, скучно, не приносит удовольствия. Постепенно, при усиленных занятиях, запись старых иероглифов стирается в сердце-воле — внутренних и внешних органах тела и ученик **в о с п р о - и з в о д и т** молчаливо Учение, данное в живой энергетической передаче триединства Небо-Человек-Земля. Записанное и даже зарисованное Учение лишь играет роль напоминания. Когда бросаешь камень в тихое озеро, то волны, расходясь все дальше от центра, все же несут отзвук, — так и суть Учения о принятии **п е ч а т и** Учителя в расплавленный воск своего сердца, откликается в желании произвести **в п е ч а т л е н и е**, впечататься, запечатлеться, всеми действиями искусств на зрителя. «Фильм произвел впечатление». Несколько дней еще помнят, потом идут опять, ища «сильных впечатлений» и т.д.

Мы в нашей работе будем искать образ Учения и Учителей. После того, как эти найденные образы будут предложены потенциальным воинам, начнется «фильм»: первообраз Учения, запечатлевшись в молчаливом сердце зрителя, будет вызывать «киноленту»; фильм начнется при закрытых глазах внимательного зрителя, будет с ним по возможности долго, порождая вновь и вновь монтажные связки и ассоциации расходящихся по воде волн. Образ Учителя был бы не полон без завершения его земного пути, то есть без воспроизведения энергий его смерти. Если ученик не-отделяется от Учителя, от знания, которое получает Учитель в моменты умирания, он станет настоящим бойцом, ибо цель всех боевых искусств есть победа над смертью.

Так в пределах преемственности данной школы или культуры. Но есть и другие школы и другие культуры, и не все они дружественны. Враг ищет и хочет уничтожить ключевую Позу Учителя, стереть образ Учителя, чтобы нечего было воспроизводить. Оккупанты унич-

тожают физически символы покоряемой культуры, но серьезные оккупанты пытаются уничтожить и невидимый мир, мир тонких форм в магической войне. Герой нашего проекта-размышления, который быть может выльется в фильм, — с л е д о в а т е л ь. Он продолжает расследование преступления, совершенного в Екатеринбурге. Приветствуя и соглашаясь с выводами Н.А.Соколова на физическом плане, он, используя методы тибетской йоги и Учения боевых искусств, совершает расследование по с л е д а м, оставленным на тонких уровнях. Поэтому будем считать его «буддийским следователем» (Б.С.), ибо он последовательно говорит об источниках нашего знания и утверждает в своей практике шесть состояний сознания, в которые входят экстравагантные для европейских ушей уровни состояния сознания в моменты смерти и после смерти. Б.С. же вполне традиционно считает, что следы этих уровней также важны для «следственного эксперимента»: в моменты смерти происходит следовой выброс энергий, надо лишь достичь этого уровня, чтобы принимать информацию на подобной волне.

Б.С. считает, что была убита не «только» Царская Семья христианских путей развития, но и «буддийские цари». Он думает, что это было сделано таинственным Врагом, чтобы сорвать возможный синтез Учения Трех Тел и исповедания Иисуса Мессией. Этот синтез связан для Б.С. нарочито с именем Аликс фон Гессен, ставшей Императрицей. Он считает ее Учителем этого момента Колеса Времени, а поклон русской юродивой перед ней — жестом ученика боевых искусств перед Учителем. В каком-то смысле «следственный эксперимент» есть спектакль или фильм, а следователь — режиссер. Поэтому кажется правомочным рассуждение о методе.

§1. РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ

К концу трудной работы р е ж и с с е р все же обреченно становится первым з р и т е л е м своего дела. Одинок сидит он в пустом зрительном (просмотровом) зале, который скоро должен будет заполниться анонимной публикой. По сути есть только два пути: или делать вещь, которую самому интересно или даже просто возможно смотреть, или делать вещь, которую будет интересно смотреть тому анонимному зрителю, который заплатит и платит

деньги. Ну, а если заказ, как большой дар, сделан из-за гроба, от преждеживших, там собравшихся в свои зрительные залы и смотрящих магическим «третьим глазом»? Что же все-таки смотрит режиссер как мастеровой, когда кончает свое дело, свою вещь? Если абстрагироваться от конкретного сюжета, конкретных персонажей в этих сюжетах, их последовательности, способов поведения в ситуациях и т.д.? Что «зрит» зритель, как таковой, в своей последней голой кристаллической решетке?

По-видимому, зритель «зрит» последовательность текущего времени. Совсем как в космосе. Или совсем не как в космосе. Утро-весна наполнено своими действующими лицами, цветами и звуками, полдень-лето — своими, вечер и осень — своими, полночь и темная глубина одинокого ночного неба и зимы — своими шорохами и тенями. Есть космический монтаж последовательности кадров жизни и один режиссер-зритель болезненно остро ощущает этот космический закон в своем сердце и очах сердца, делаясь вот таковым зрителем в пустом зале, а другой — нет. Один ощущает внутреннюю необходимость, почти рабскую прикованность к этой галере, другой — тасует кадры, тасует последовательность времени, как ему хочется или как хочется тому, кто заказывает музыку в здешнем ресторане. Если теперь решить, что у смотрящего космическое кино с большей или меньшей ясностью, или у слушающего космические звуки и т.п., есть такое же тело, как у физического жителя, то можно говорить о маске. Скажем, фараон с его погребальной маской слушал звезды, его зрительным залом были жители Сириуса, он жил под их взором. Физическому жителю земли и даже определенного общества на земле, — жители космоса или Сириуса не явны, они не видят их, не ощущают их, как свое окружение, они не важны им при принятии решений о жизни. Древние трагедии, как и ритуальные искусства современных азиатских культур — это последовательность носителей трагических «масок». Аристотель прав: маска трагедии и зритель трагедии отвечали «единству времени, места и действия». Если время меряется не вращением луны и солнечного диска, а лучевыми вибрациями Сириуса или млечного Пути, то здесь, в Колизее, в конкретном зрительном зале все же действуют «Маски на Котурнах», застывают в ритуальных позах или летают над сценой.

И вот: сидит в зрительном зале где-то в Москве, зрительном зале вполне определенного театра или студии, подчиненном или финансируемым вполне определенным партийным комитетом, человек, а (и порой он сам еще ответливо этого не знает!) внутри его физического тела с и д и т другой маленький человечек, сотканный из лучей Сириуса. И тем самым сидит он о д н о в р е м е н н о и в зрительном зале Сириуса, среди своих с Сириуса, в окружении своей команды. Если это «сириусное» тело и сириусная маска, здесь, на земле выявляемые искусством, сильны и проработаны так, что они господствуют над физическими двойниками, то ужаса, катастрофы при несовпадении критериев, пожалуй, не будет. Сириусный прослывет чудачком или сумасшедшим, или идеологическим врагом, «непроницаемым» как у Набокова, помните? Его пригласят на казнь и он станцует свой танец, этот заезжий солист. Но, повторим, большого ужаса он не испытает. Если же тонкие тела еще не окрепли, еще не проработаны для обращенности к звездам более, нежели к пайке в зоне, — то возможны ужасания и падения, или просто укрепление в самозванстве, которое постепенно отучит землян от благодарности к преждежившим «духовным» предкам. Постепенно станут отрицать их существование вообще и создадут свою историю цивилизации, как историю предчувствий появления правящей партии. «От обезьяны до политбюро», — как написал когда-то Марамзин.

§2. ТРИ ПРИБЛИЖЕНИЯ

Наша работа будет состоять из т р е х п р и б л и ж е н и й. Это будут три шага на Пути, три шага к е д и н с т в у времени, места и действия тех учителей, которых традиция называет на санскрите «трикайя»: Три Тела, сгармонизированные, взаимопригнанные, взаимопроницаемые радиацией своих уровней, могущие вести проповедь Учения о д н о в р е м е н н о всем насельникам (всем зрительным и слушающим залам!) в космосе и на земле. Учение Три-Тела с каждым уровнем языка, где Сокровенный постигается в Светоносном Безмолвии, противостоит любым формам т о т а л и т а р и з м а, то есть тотального учения и обучения на о д н о м уровне или языке. Будда Шакьямуни, как об этом записано в свя-

щенных текстах, вел проповедь Учения для воплощенных учеников на санскрите или пали, но одновременно его слушали разные уровни раз-воплощенных или не-воплощаемых насельников космоса, а также Просветленные Существа, и, конечно же, Будды, бывшие до него. Эта о д н о в р е м е н н а я симфония-зрелище на разных уровнях световой и цветовой вибрации центруется в Светлом Безмолвии: Будда не сказал ни единого слова. Можно выстроить иерархии культур на Пути, но и не принимать тотальности и монополии какой-то культуры или нации с их претензиям на избранность и исключительность. Ясно, что если лишь один народ с его маской и языком обладает монополией на истину, то все другие нации еще пока недочеловеки и нереальны, ибо не почитают вот этот избранный народ и его «время, место и действие». Время ведь не абстрактно, оно выявлено в календаре, в «красных днях» календаря, в праздниках, когда зрители и вожди у - п р а з д н я ю т пыль и мусор года, чтобы вновь оживить и омыть светлые прориси перводействия, перерождения нации, государства, нового мира.

Наша работа с наличным зрительным залом воплощенных, как со студенческой аудиторией, будет состоять как бы в трех приближениях к мирам единства времени, места и жизни-действия Трех-Тел.

Назовем эти три приближения, чтобы затем более подробно описать каждый из этих шагов с их особенностями и темпоритмами.

Первое приближение: р у с с к и е ф и л о с о ф ы.

Второе приближение: и з м е н а.

Третье приближение: м а н д а л а.

Все эти приближения, повторим, есть как бы графление на левкасе прорисей будущей иконы как образа-лика существа и его течения времени, его места, его пейзажей, окружения и стиля жизни, выраженного в его действиях. Ну, как, скажем, говорит зодиакальная символика: человек-рыба ведет себя иначе, чем человек-лев. Можно сказать, что это напоминает г р и м а к т е р а знакомых спектаклей. Мы постараемся мягко г р и м и р о в а т ь з р и т е л я, надевать на него последовательностью монтажа кадров различные, но взаимопригнанные маски-костюмы, как т е л а - л и ц а, с их зрением, слухом и пр. Помните, как на буддийских танках для медитации есть существа с «третьим глазом», а есть и Тара с семью глазами, Тара, Богиня Верности Тибета?

Первое приближение будет состоять в попытке «снять» маску 73х-летнего студенчества в зоне, в «институте красной профессуры» и примерить маску студента ВХУТЕМАСа или МДА в классе профессора Павла Александровича Флоренского. Поэтому мы называем это приближение «русские философы» и берем за основу монтажа в р е м е н и картину Нестерова под этим же названием. Зритель должен увидеть экран как з е р к а л о, где в лице русских философов пробуждены и прорисованы его с о б с т в е н н ы е ч е р т ы.

§3. ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ

Вл.Соловьев связывает Великое Существо О.Конта с Новгородской Иконой Св. Софии как о б р а з о м, «архетипом» человечества. Павел Флоренский и Сергей Булгаков разрабатывают «софиологию» как самобытный способ философствования.

Картина Нестерова «Русские философы». Диалог, платоново-сократический.

Х: Жизненная задача всякого — познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношения отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего — познать

собственное свое место в роде

и собственную свою задачу, не индивидуально свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа великого целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества.

У: Р о д для современного человека есть совокупность, ансамбль, агрегат, логический объем, то есть единство внешнее и механическое, не более.

А для древнего (человека) он был единством с у щ е с т в а, единым объектом знания.

Х: Наше зрение болезненно чувствительно к индивидуальному, еще более чувствительно к нему наше жизнеощущение и наше непонимание.

Индивидуализм есть болезнь нашего времени.

У: Да, да, — древний человек должен был у с и л и в а т ь с я, дабы увидеть индивидуально-отъединенное, и ...

Х: ... должен был согрешить, дабы ощутить себя таковым.

У: Чтобы нам, людям XX века, почти утерявшим зрение е д и н о г о, и за деревьям давно уже не видящим леса, — чтобы нам

опять понять это единство рода,

приходится мысленно возместить недостаток своего зрения.

Этими возмещениями могут служить гипотезы:

4-х мерного зрения,

единства крови и семени,

единства биологической формы,

и, наконец, единства чисто-мистического.

Х: И при этом надо помнить, что все такие гипотезы — лишь костыли, которыми мы пытаемся скрыть прямое уродство нашей организации. Греки с о з е р ц а л и «εν και πολλα», и в этом зрении их уже завита была вся их философия, и, следовательно — и жизненный, подлинный интерес к ней.

Мы же должны сначала у б е д и т ь себя, что есть не только «πολλα», но и «εν», — что есть «εν και πολλα», и тогда только, у м с т в е н н о создав себе

основную проблему философии,

начинаем философствовать, то есть решать ее. Для нас философия есть гораздо более рассудочная и извне присоединяемая к нам деятельность, нежели это было у греков.

Ведь для них философия была не украшением жизни, а внутренней красотой ее, раскрытием их психо-физической и общественной организации.

У: ... что же такое и д е я?

Х: Это — вид, но не сам по себе, а дающий познание того, чей или чего он есть вид.

У: Идея — это лицо реальности и, по преимуществу, л и ц о ч е л о в е ч е с к о е, но не в своей эмпирической случайности, а в своей познавательной ценности, то есть з р а к или л и к ч е л о в е к а.

У: То есть идея есть лицо лица или лик?

Х: Каждое частное состояние человека, каждый момент его роста от рождения до гроба, каждое движение его, слабее или сильнее, но светится лучом его л и к а, его в и д а.

- У: Члены рода, возрастая, меняются, — конечно, не в смысле только количественном, но и качественно. Семифунтовый младенец превращается в семипудового мужа, меняясь в цвете лица, волос и даже глаз, в крепости мышц и костей, во вкусах, манерах, знаниях, привычках и даже в характере. Кажется, нет ни одного такого признака или совокупности их, о которых можно было бы с уверенностью сказать: это — инвариант. И, однако, личность остается себе тождественной, не единством самосознания только, а чем-то воспринимаемым со стороны.
- Х: Ни одно восприятие невозможно без участия п а м я т и, и существенное значение памяти в восприятии неоднократно выяснялось разными методами и в разных направлениях, начиная от Канта и до наших дней.
- У: А раз так, то в с я к о е восприятие, как акт жизни, как память жизни, есть преодоление времени, и, следовательно, с и н т е т и ч н о. Всякое восприятие не только «εν» — единичное, но и «πολλα», — многое, и в каком-то смысле «παν» — в с ё.
- Х: Последнее, то есть **вселенскость** каждого восприятия несомненна, ибо вся целокупность нашей душевной жизни есть базовое условие каждого данного единичного восприятия, и ни одно не дано изолированно, помимо ф о н а опыта, что опять-таки выяснялось неоднократно...
- У: Но если так, если всякое восприятие есть синтез воспринимаемого в разные моменты и под разными углами зрения, то естественно возникает вопрос: не может ли эта синтетичность быть проведена значительно дальше? Не может ли, — путем соответствующего **упражнения** и происходящего отсюда развития воспринимающей способности до некоторой сверхспособности, не может ли возникнуть наглядный синтез воспринимаемого в весьма далекие друг от друга моменты и под весьма различными углами зрения?
- Х: Опыт с и н т е т и ч е с к о г о з р е н и я повторялся и повторяется всякий раз, когда духовный взор получает с и л у подниматься над плотским миром чувственного.
- У: Л и к человека, при всех изменениях его, всегда остается неизменно сквозящим в лице его.

Есть в зримом лице не что, хотя и не зримое, но более определенное, чем все зримое, — некоторый, математически выражаясь, инвариант лица. Не фиксируемый перечислением признаков, подобно лучу света ускользающий от ножа анализа, лик лица однако пребывает. Стремительный вихрь времени сметает всякую эмпирическую неизменность, а лик, как путеводная звезда, стоит неподвижно.

X: Синтетически созерцается целостная жизнь личности.

Синтетически созерцается жизнь народов, государств.

Целые обширные периоды мировой истории,

или даже вся вселенная,

порою собираются перед духовным взором в один фокус.

У: Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки. Каждое время его ценно по-своему, однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному

выражению своей и деи,

перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить. Эта задача должна быть окончательно выполнена особыми органами рода, и породить их — ближайшая цель жизни всего рода... нет никакого сомнения, жизнь рода определяется своим законом роста и проходит определенные возрасты. Но нет сомнения также и в свободе, принадлежащей роду, свободе, столь превосходящей мощью своего творчества свободу отдельного представителя рода в среднем, как и полнота жизни рода в целом превосходит таковую же отдельных родичей в среднем.

Кроме того, в какие-то сроки и в лице каких-то отдельных представителей рода, это

самоопределение его

получает чрезвычайные возможности;

род стоит тогда

у дверей собственной судьбы.

Так бывает в жизни и отдельного человека: но неизмеримо ответственнее эти узловые точки в жизни целого рода.

И род волен сказать нет собственной идее и вырвать из себя источник жизни.

Тогда после этого рокового не т самому себе, роду уже не за-
чем существовать и он гибнет тем или иным образом.

Х: Жизненная задача всякого – познать строение и форму сво-
его рода. Его задачу, закон его роста, критические точки,
соотношения отдельных ветвей и их частные задачи, и на
фоне всего – познать свою задачу, собственное свое место
в роде, задачу не как индивидуальную свою, поставленную
себе, а свою как члена рода, как органа великого целого.
Только при этом родовом самопознании возможно созна-
тельное отношение к жизни своего народа и к истории че-
ловечества.

У: От рода, как целостного четырехмерного образа уже сравни-
тельно легок переход, по крайней мере в мысли, к племени,
народу, государству, расе, к целому человечеству.

Х: Эти сущности-существа, простираясь четырехмерно, имеют
каждая свою форму, свой облик, и в явлении он воспринимает-
ся как гений или ангел-хранитель племени, народа, государ-
ства, расы и всего человечества... Живая ИДЕЯ совокупной
твари, она же – Церковь Предвечная, или София – Божия
Премудрость в тварном, этот бесконечный первообраз и фор-
ма всего сотворенного бытия, завершает

ряд в о с х о д я щ и х образов,

по мере восхождения все более общих и вместе с тем все бо-
лее полных, конкретных и содержательных. В иконописи это
Великое Существо представляется в виде окрыленной огне-
зрачной царственной женской фигуры...

§4. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА «КОСМИЧЕСКОГО ФИЛЬМА»: РЯД ВОСХОДЯЩИХ ОБРАЗОВ

Учение Трех Тел открывает каждому человеку, или воплощенно-
му, что опыт скрытых транс-персональных способностей может
быть испытан в моменты умирания и сразу же после смерти. Зна-
ния учителей Трех Тел последние 20 лет интенсивно проверяют-
ся американскими и европейскими учеными-психологами (Муди,
Гроф, Кюблер-Росс). Развитие реанимационной техники, психо-

делической терапии приносит свои плоды. Ученый словарь включает слова «фильм», «сценарий», как вполне отвечающие реальности. Действительно: каждый умирающий в моменты умирания и реальности засмертного опыта является по мере углубления своей «синтетичности» автором, режиссером и зрителем фильма своей жизни, жизни своего рода, народа, нации, государства, расы, человечества. Мы могли бы сказать: не будь высла- ны ученые России в 20-е годы, не будь уничтожен как ученый, а затем и физически, Павел Флоренский, и [будь] его идеи усвое- ны молодежью, — Россия дала бы миру новый алфавит нового подхода к зарождавшемуся тогда языку кинематографа. Ряд вос- ходящих образов, начинающихся от постижения биологической жизни как «художественного сценария» личности, а затем, по мере углубления в космичность сознания и воли, «художественного сце- нария», где действуют восходящие образы рода, народа, нации, государства, расы и человечества, встают перед внутренним зре- нием умирающего в моменты умирания и сразу после прихода смерти. Задачей культурной деятельности учителя Трех Тел счита- ли о б у ч е н и е искусству умирания, ибо последовательность «монтажа кадров» оказывается универсальной для всех случаев смерти, от насильственной и самоубийства до умирания от болез- ни или старости и для всех народов и лиц, вне зависимости от различий нации и расы, от различий религий и культур. Всплыва- ет и схематизируется монтаж «архетипов» всечеловеческого кол- лективного сверхсознания.

Приводим несколько слов из Учения и несколько собранных схем, описывающих ряд соответствий «пяти» космических первоэле- ментов, которые в цикле погашения и последовательного раство- рения все более плотных диапазонов вибрации в более утончен- ные дают универсальный язык. Этот универсальный язык есть язык ц в е т о в ы х вибраций. Цветные кадры в оттенках монох- ромности с их специфическими формами населения, с последующи- ми звуками и с их группированиями в слова силы или «мантры», — все это составляет объективную закономерность космического фильма, созерцаемого в сердце умирающим. Карл Густав Юнг определил художника как мыслящего «архетипами». Чем более сквозь личностный мир художника просвечивает мир народа, на- ции, государства, расы, человечества, тем спокойнее можно гово-

речь о его «гениальности». Художник-поэт улавливает в состоянии в д о х н о в е н и я находящиеся в космическом дрейфе синтетические образы все более высокочастотных вибраций и в силу этой высокочастотности все более энергетически мощные и неразрушимые. Учение Будд по собственным словам Шакьямуни держится во вселенной определенное число солнечных лет как сгусток огромной энергии. Господь Иисус сказал, что небо и земля «прейдут», но слова Его останутся неразрушимыми. Действующими лицами нашего фильма будут реконструируемые синтетические образы в ряду их восхождения от житейских к уловленным русскими гениями, чтобы далее восходить к русским блаженным и святым и венчаться пророческими видениями, зафиксированными в иконописи и мандалах учителей Трех Тел. Россия смотрит в глубину наследия Европы и в глубину наследия Азии. Мы будем пробовать создание «евразийского» кинофильма.

Теперь приводим слова из Учения и после них некоторые таблицы; соответствия космических первоэлементов могут быть умножены и станут подкрепляющим визуальным материалом фильма.

«... Какими бы ни были твои религиозные упражнения — пространственными или недостаточными — в миг смерти возникают разнообразные, вводящие в заблуждение иллюзии; и, следовательно, это Слушание необходимо. К тем, кто много направленно размышлял, настоящая Истина приходит сразу, как только т е л о и п р и н ц и п с о з н а н и я разделяются. Приобретение опыта еще во время жизни является важным: те, кто узнали истинную природу своего существа и имели, таким образом, некоторый опыт, получают о г р о м н у ю с и л у в Бардо Мгновений Смерти, когда нисходит Чистый Свет.

Опять же, прижизненное созерцание божеств Таинственного Пути Мантры, в состояниях создания зрительного образа и совершенствования, будет иметь огромное значение тогда, когда мирные и гневные видения придут в Бардо Испытания Реальности. Так, обучение этому Бардо определено важно еще при жизни: держись за него, читай его, поручай его памяти, сохраняй его должным образом в уме, регулярно прочитывай его трижды; пусть слова и значения будут совершенно ясны; должно быть так, чтобы слова и значения не забылись, даже когда сотни палачей будут преследовать тебя.

Это называется Великим Освобождением посредством Слушания, ибо даже те, кто совершил пять безграничных грехов¹, могут освободиться, если услышат его ухом. Поэтому читай его среди обширных собраний. Распространяй его. Услышав его однажды, даже если не сможешь понять его, оно само вспомнится в Промежуточном Состоянии, и ни одно слово не будет упущено, потому что ум становится там в девять раз яснее. Значит, нужно свидетельствовать его в уши всех живущих; нужно читать его у постелей всех больных; нужно читать его около всех трупов; нужно широко распространять его.

Те, кто встречаются с этим Учением, уже счастливы. Сохраняемое для тех, кто накопил много заслуг и освободился от многих помрачений, его трудно встретить. Даже когда встретишь его, трудно понять его. Освобождение будет достигнуто, если будешь просто доверять ему, слушая его. Поэтому твердо верь этому Учению:

э т о с у щ н о с т ь в с е х у ч е н и й...».

Теперь схемы:

Согласно индийской философии, все во вселенной принадлежит к одному из пяти элементов: огню, воде, земле, небу и воздуху. Эта теория называется «Панчмахабхут».

Элемент	Воздух	Небо	Огонь	Вода	Земля
Чувство	слух	осязание	форма	вкус	запах
Органы чувств	ухо	кожа	глаз	язык	нос
Походка как у	слона	оленья	барана	крокодила	прямая
Область тела	затылочная	сердечная	пупочная	живот	тазовая

Похожим образом, в соответствии с традиционной китайской философией, из взаимодействия Инь и Ян в первичном хаосе рождаются пять элементов: дерево, огонь, земля, железо и вода. Они заключают в себе все явления природы.

Любая форма на самом деле содержит все пять элементов, но один всегда господствует, определяя название формы в целом.

¹ Пять безграничных грехов суть: отцеубийство, матереубийство, вовлечение в войну двух религиозных образований, убийство святого, пролитие крови из тела Будды.

Каждый орган Инь соединяется в паре с органом Ян, и они отождествляются с одним из пяти элементов.

Следующая таблица проясняет этот символизм:

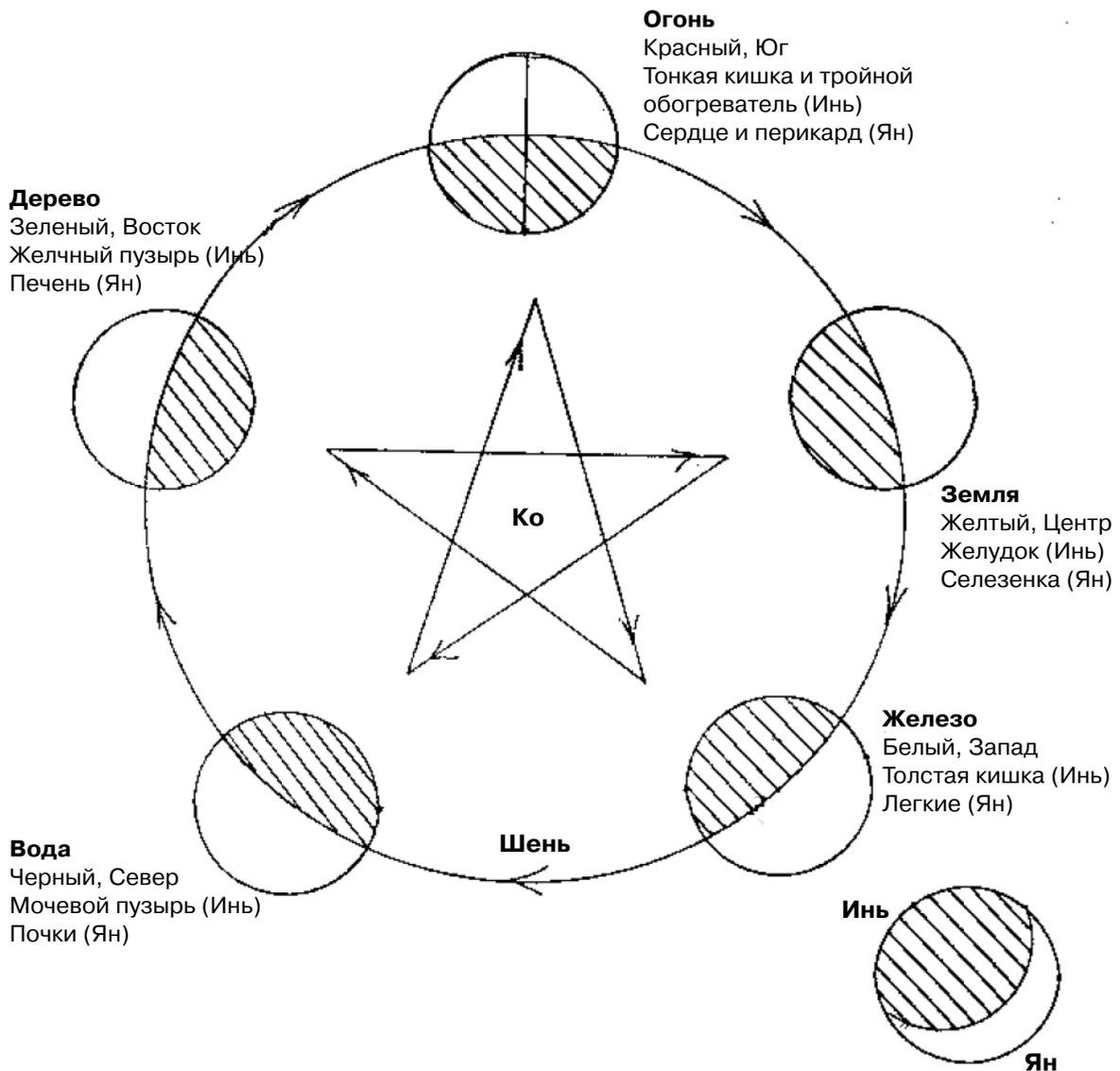
	Дерево	Огонь	Земля	Железо	Вода
орган Инь (Фу)	желчный пузырь	тонкая кишка и тройной обогреватель	желудок	толстая кишка	мочевой пузырь
орган Ян (Цань)	печень	сердце и перикард	селезенка	легкие	почки
орган чувств	глаз	язык	рот	нос	ухо
вкус	кислый	горький	сладкий	едкий	соленый
чувство	гнев	радость	одержимость	грусть	страх
секреция	слезы	пот	слюна	слизь	моча
телесный материал	мускул	кровь	жир	кожа	кости
цвет	зеленый	красный	желтый	белый	черный
направ- ление	восток	юг	центр	запад	север
сезон	весна	начало лета	конец лета	осень	зима

Китайцы считают, что все эти пять элементов соотносятся между собой в разрушительном цикле «Ко» и в созидательном цикле «Шень».

Из приводимой ниже диаграммы видно, что пятиконечная звезда изображает цикл «Ко», а круг, описанный вокруг нее — цикл «Шень».

Энергия может следовать только по направлению стрелок и об этом необходимо помнить постоянно.

Таблицы показывают стойкую связь космических первоэлементов с внутренними и внешними органами человека, с «органами чувств». Когда в моменты смерти энергии определенных ц в е т о - в ы х диапазонов перестают питать обращенность органов чувств во внешний мир для ориентации в жизни, они, эти органы, обращаются во внутренний мир. Эти моменты крайне важны, ибо дают возможность узреть и услышать внутренние пространства, обычно ускользающие от среднего человека, так как понижается уровень

напряжения, ведь органы чувств и органы тела дифференцированно обращены во внешний мир для разведки, защиты и нападения. Последовательность погружения первоэлементов, а стало быть «цветовые кадры» этого опыта даны каноническими текстами, — мы повторяем это, ибо здесь лежит **задание оператору и художнику**, — символически выстраивая канон мы будем настраивать зрительское восприятие на «внутренние миры». Будем символически обучать повышению напряжения. Шаг за шагом Учение описывает погружение «плотного тела», затем «тонкого тела» и их миров и ландшафтов, чтобы, наконец, энергия вернулась к Истоку, ко входу в тоннель, приведший нас к «тупику» смерти. По мере оставшейся с и л ы органов восприятия Первичный Свет «кинопроектора» ударяет в органы, и они... или сразу же через секунду разрываются

у черных существ или еще живут у практиковавших аскезу некоторое время. У Существ Света может произойти перерождение, перетрансформация органов. От таких Существ средние люди и получают информацию о загробных мирах. После сияния Света Пустоты, — говорит Учение, — после первой Вспышки, приходят «гуру и дакини», то есть Учителя и Стражи, чтобы встретить умирающего и провести его в тот мир, который соответствует его цветам, его украшенному как риза телу из лучей. Вот эти Учителя и являются действующими лицами нашего «следственного эксперимента». Попытаемся описать их и расположить их во взаимодействии друг к другу в «синтетическом образе» большой мизансцены. Это, как кажется, будет синтетический образ всего фильма.

1.

Сияющий Свет Огромной творческой Энергии, несущий информацию о Себе, Свет, к сожалению разрывающий ткани падших сердец при восприятии, имеет Лик и Запредельную Форму. Учение описывает этот Свет как Запредельную Мудрость, Пре-Мудрость. Русские иконы, как обведенные видения, гравированы в центре восьмиконечной звезды престол и царственную фигуру с крыльями.

«... центральной фигурой композиции является ангелообразная фигура в царском далматике, с бармами и омофором. Длинные волосы ее не вьются, но падают на плечи. Лицо и руки ее — огненного цвета, за спиной два большие огневидные крыла, на голове — золотой венец в виде зубчатой стены. В правой руке ее — золотой кадуцей, в левой — закрытый список, прижимаемый к сердцу; около головы — золотой нимб, над ушами — тороки или «слухи». Это и есть София. Она представлена сидящей на двойной мутаке, которая лежит на пышном золотом престоле о четырех ножках и подпираемом семью огневидными столпами. Ноги Софии покоятся на большом камне. Весь престол находится в золотой осьми-конечной звезде, расположенной на фоне голубых или зеленых концентрических колец, испещренных золотыми же звездочками...».

«...Крылья Софии — явное указание на какую-то особенную близость ее к горнему миру.

Огненность крыльев и тела — указание на духоносность, на полноту духовности.

К а д у ц е й (...) в деснице — указание на теургическую силу, на психопомпию, на **таинственную** власть над душами.

С в е р н у т ы й с в и т о к в шуйце, прижимаемый к органу высшего ведения, — к сердцу, — указание на ведение неведомых тайн.

Ц а р с к о е у б р а н с т в о и п р е с т о л — указание на царственное могущество.

В е н е ц в виде городской стены — обычный признак Земли-Матери в ее различных видоизменениях, выражающий, быть может, ее покровительство человечеству, как с о в о к у п н о м у ц е л о м у, как Городу.

К а м е н ь под ногами — указание на твердость опоры, непоколебимость.

Т о р о к и или «слухи» за ушами, то есть лента, поддерживающая волосы и освобождающая уши для лучшего слышания — указание на чуткость восприятия, на открытость для внушений свыше: торочки — иконографический символ дня обозначения органа Божественного слуха.

Н е б е с н ы е с ф е р ы, окружающие Софию, исполненные звезд, — указание на к о с м и ч е с к у ю власть Софии, на ее правление над всею вселенною, на ее космократию.

Бирюзово-голубой цвет этого окружения символизирует воздух, затем небо, а далее — небо духовное, горний мир, в средоточии которого живет София. Ведь голубой цвет настраивает душу на созерцание, на о т р е ш е н н о с т ь от земного, на тихую грусть о покое и чистоте».

«Это Великое, царственное и женственное Существо (...), самое истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с ним все, что есть ... это П А М Я Т ь Б О Ж И Я, в священных недрах которой есть все, что есть, и вне которой — Смерть и Безумие», Кроме этого иконографического изображения Первичной Мудрости художнику следует ознакомиться с картиной Н.Рериха «Св. София», где Царица дается как Воительница с Мечом на Волшебном Конне.

2.

За-предельная Мудрость р а з в о р а ч и в а е т с я, распускается 8-ми конечной звездой, или 8-ми спицевым колесом Учения, или

8-ми лепестковым лотосом. Это символ единого сердца человечества. Сердце — не «индивидуальный» орган, а общий, вселенский. Как нельзя считать «индивидуальным» воздух, которым дышим. Сердце бьется во всех телах, как и воздух дышит во всех легких.

Важны восемь направлений, созерцаемых несмешиваемо Существами Света. Эти восемь направлений и восемь окончаний обозначаются наиболее древним способом как «триграммы» или «гуа». «БаГуа» — восемь знаков или в фонетических изменениях «баги», «бог». Сокровенный Бог открывается во Вселенском Сердце 8-ми спицевым Колесом. Это и есть Колесо Закона, которое вращают Просветленные. На концах 8-ми спиц нам важны **ц в е т а**, конкретные же контуры растений или зверей художник поищет сам. Важно, чтобы наши художественные формы объединялись с Ангелом Центра, то есть имели бы какой-то своей частью, развернутой и господствующей в одном из 8-ми направлений, символический образ, сосредоточенный в Центре. Скажем, все животные Вавилона имели крылья. Известны четыре «апокалиптических» зверя: Орел, Бык, Лев и Человек, как синтезы. Возможны и нужны геометрические символы, как наиболее общие. Художественные формы, опирающиеся на каноны, но и предполагающие некое развитие Вселенной по Спирали, вполне допустимы, даже ожидаются в спонтанной импровизации. Соединение канонического подхода и импровизированной спонтанности характеризует боевые искусства, где художник гравировал мечом, а воин сражался кистью.

Мы постепенно создаем «мир фильма», но этот мир опирается на вещи и пространства, видимые «третьим глазом», — ангел смерти оставляет свои глаза возвращающемуся. Мы вынуждены вновь и вновь напоминать об этом, ибо «это» не столь очевидно (**о ч е - в и д н о!**) всем, хотя основы простого кино всем очевидны без предпосылок.

3.

Ясновидящая. Скульптура-кукла. В детстве были фигурки, конечности которых нанизаны были на резинку, что позволяло легко вращать в сочленениях все составные. Такой супер-йог. Надо поискать черты ее в Хромоножке и Тихоне «Бесов» Ф.Достоевского. В образе юродивой ясновидящей Паши Саровской, склонившейся

перед Аликс и предсказавшей Ей рождение Наследника и мученичество. Блаженная Паша любила надевать на себя несколько ярких сарафанов и постоянно играла в куклы. О Наследнике также до слов много раз показывала кукольным мальчиком, баюкала его, укладывала спать и т.д. Еще до прихода Императрицы к ней она у ч и л а великих князей. Это важно, ибо Аликс была предана на поругание родней великих князей и их жен.

4.

Философ-ученый. Скульптура-кукла. Должна уметь стоять и сидеть. За основу эскиза может быть взята картина Нестерова «Русские философы» и фотографии Флоренского в рясе. Это синтетический образ поэта, математика, композитора и художника, философа и богослова, профессора и отца семейства. Ему, убиваемому в Соловках, воины Шамбалы будут читать наставления о загробных путях.

5.

Воины Шамбалы. Их пятеро. Центральный образ «проклятой немки». Вся та ненависть, ложь и гадость, все то, что хотело было сделать российское общество всех слоев с Аликс, объединилось в лице «обритой и пригвожденной к позорному столбу» жены «полковника». Она в шинели полковника.

Другие четыре воина в шинелях каторжан из Мертвого Дома. Им должны быть приданы черты 4-х тайных богинь из Учения с цветовыми символами. Прически каторжан из «Записок Мертвого Дома». Четыре убитых дочери Аликс.

6.

Б.С., «буддийский следователь». Стриженный наголо современный человек. Вероятнее всего сам автор фильма. Это он проводит «следственный эксперимент», утверждая, что существуют следы, записи, иероглифы, созданные в моменты смерти и сразу после нее убитой Аликс фон Гессен, которую он называет «святой из Шамбалы». Здесь произошло убийство святой из Шамбалы, говорит он. Спасти может только учение, которое предполагает возможность спасения существ, совершивших даже «безграничные» грехи. Убийство святого — один из пяти безграничных грехов. Б.С.

будет призывать внимательно прислушаться к Учению: вот видите, как бы говорит он, 4 воина Шамбалы простили вас и читают наставление вашему синтетическому образу. Ваша ясновидящая и ваш царь, эти два рупора и два фокуса народной мысли и воли, — оба склонились перед святой из Шамбалы. Кто говорит от лица народа?

Б.С. будет говорить спонтанно в дни гексаграммы №1 «Творчество», но темы, прориси его безумных речей, мы, конечно же, запишем. Ибо эти темы и прориси составляют второе приближение, отмеченное выше и названное выше «и з м е н а».

7.

Сознание зрителя, его сердце. Собственно, это единственное действующее лицо нашего проекта. Записанное и предъявленное на пленке должно вызвать печать, должно вызвать воспоминание прорисей, записанных в сердце вселенной, в сердце зрителя. Сердце-воля-»энергия частиц»-органы, сила, — таков путь боевых искусств. Б.С. с помощью бригады сотрудников и кукол в «мандале» напоминает записи убитой Аликс. Они окрашиваются Книгой Перемен и запечатлеваются на пленке во время гексаграммы №1. Эта пленка ударяет в сердце зрителя и он

действует.

§5. ПРИНЦИП МАНДАЛЫ

Мандала — санскритское слово, имеющее много смыслов. Суть его: обладание сущностью, и самое это «обладание сущностью» имеет схему центра и симметрично расположенных полярных точек. Поэтому о мандале говорят как о круге-сфере с выраженным центром и ориентацией по сторонам света, совпадающим с кардинальными точками сезонов, связанных с весенним и осенним равноденствиями и летним и зимним солнцестояниями. Наибольшего расцвета мандала достигла в Тибете, где она является схемой и священных комплексов, и внутренних пространств для сосредоточений, и организации ритуалов, от чисто целительских до обретения здоровым сверхспособностей. Для современного западного мира решаю-

щую роль в ознакомлении с принципом мандалы сыграли Карл Густав Юнг, психиатр и психолог, и Рихард Вильгельм, востоковед и китаист, переводчик «И-Цзина». Юнг заметил, что больные старались структурировать свою психику, рисуя мандалы и отождествляя свое «я» с центром. То есть спонтанно в инстинкте самосохранения больной ищет целостности в построении мандалы и поставлении себя в центр, как бы воспроизводя древние ритуалы целительства. Универсальность подхода в моделировании целостности космос-человек-земля по принципу мандалы после Юнга и Вильгельма стала подтверждаться во всех ареалах культуры. В 1929 году после опубликования Эвансом-Венцем Учения Трех Тел о состояниях процесса умирания и сразу после смерти, переведенного на английский язык тибетским ламой, стало ясно, что универсальность принципа мандалы как модели сердца посвященного базируется на опыте умирания. Священный Царь древних или «великий человек» И-Цзина получал посвящение в переживании опыта смерти, вознесения в тонком теле до высоких уровней Млечного Пути, возвращения с привнесением в плотное тело высоких энергий.

Человек как космический царь, как «сын Неба», естественно строил культуру своего служения как «поднебесную». Коллектив окружающих его людей, география места их обитания, звери и растения, — все это центровалось по принципу мандалы как фокус, как антенна, принимающая энергию всей вселенной. Симметричная уравновешенность пяти точек, то есть центра и четырех сторон, дающая покой, в этот самый высший миг покоя и становилась приемником космической творческой энергии «движения», вращающего звезды и планеты, энергии силы и терпения «неба». Уравновешенность пяти качеств великого человека И-Цзина и дает ему неутомимость: покой и есть движение. Из центра сердца бьет неистощимый источник Дао, как фонтан искрящихся капель разворачивающийся на все четыре стороны, со своими цветовыми основами синего, желтого, красного, зеленого. Эти искры-капли вступают в бесконечные радужные сочетания, порождая тончайшие оттенки цветовых нитей, из которых тклет посвященный свою прекрасную ризу-тело. Можно сказать, что деятельность культуры состоит в создании мандалы. В ее артикулированном символическом выявлении для потенциального потребления коллективом или в индивидуальной медитации. Фигуры и события центра,

фигуры и события последовательного развертывания центра на восток, юг, запад, север.

При правильном и ответственном выявлении принципа мандалы для «этого» места и в «это» время земли, но с обязательным космическим сознанием, можно говорить о медицинском угле искусства, его «катартическом» нюансе. Правильно построенная мандала может выполнить функции центрирования и обретения целостности, то есть энергии и силы на долгосрочные проекты. Отсутствие поиска «принципа мандалы» или направленное разрушение этих принципов диагностирует болезнь коллектива, его нервность, вспыльчивость, разность порывов на короткие миги, чтобы быстро же бросать направления, искать другие.

§6. БЕЗУМНЫЕ РЕЧИ Б.С.: ИЗМЕНА

Автор имеет набор «видеоматериалов» записей своих разъездных лекций, уроков и интервью на 6–7 часов. Из этих материалов будут отжаты тезисы для последующих импровизаций на заданную тему во время съемок на 1–2 части, т.е. 10–12 страниц на машинке. Кристаллизация монтажа речей Б.С. также должна уясниться этим методом, напоминающим метод «предварительной визуализации». Итак, сделаем предварительный абрис фильма:

первая часть: запись памяти убитой святой из Шамбалы;

вторая часть — третья часть: безумные речи Б.С. об измене;

четвертая часть: наставления святой в центре мандалы — синяя;

пятая часть: наставления стражи Востока и элемента воды — белая;

шестая часть: наставления стражи Юга и элемента земли — желтая;

седьмая часть: наставления стражи Запада и элемента огня — красная;

восьмая часть: наставления стражи Севера и элемента воздуха — зеленая;

заключение.

Темы для Б.С.:

А) Завещание следователя Н.А.Соколова:

«... дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество ...»

... лишение Царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу ...

... остается еще вопрос, каково было взаимоотношение на почве екатеринбургской трагедии двух сил: большевистской и немецкой?

Кровь Царя и его семьи разъединила или объединила их?

Я сознаю всю серьезность этого вопроса.

В пределах доступной мне возможности я старался найти истину.

Не сомневаюсь, что в будущем она найдет свое полное разрешение.

Н.А.Соколов, «Убийство Царской Семьи»,
Берлин, 1925 год.

Б) Институт красной профессуры в оккупационной зоне:

Преступники, избалованные следствием как идейные и столичные руководители убийства царской семьи в Екатеринбурге и членов Императорской фамилии в Алапаевске, организовали в 1922 году массовую высылку из страны оставшихся в живых к этому времени ученых философов, — представителей интеллектуальной элиты, не мешавшейся в политическую жизнь. Очевидно, что объективные умы, не связанные партийными обязательствами, особенно философы, начнут исследовательскую деятельность по уточнению причин и следствий убийства. Начнут как бы духовное следствие, придание факту екатеринбургского злодеяния его исторического смысла. К этому времени уже вышли две книги на эту тему Вильтона и Дитерихса, уже перевезены в Иерусалим нетленные тела алапаевских страдалец Елизаветы и Веры, великой княгини и простолюдинки. Дипломаты, правительства, общественность Европы и Америки, — все взбудоражены. Эмигранты, рассеянные по миру, от Китая до Иерусалима, жмутся не только от неустроенности на чужбине, но и от у ж а с а смутно чувствуемой вины соучастия. Конечно же, следователь Соколов не Порфирий Достоевского, но все чувствуют, что когда-то явится русский национальный гений, который вызовет в своем сердце жажду тишины и отзвука, чтобы принять шепот русских мертвых, чтобы записать если не весь текст «преступления и наказания», то хотя бы черты Порфирия Петровича. Преступники знали это. Высылка возможных «писателей», вслушивающихся в русские книги мертвых, — первый этап долгой работы по созданию климата невозможности появления фигур национальной гени-

альности. Любимец партии и теоретик партии Бухарин очень четко и, как бы даже не скрываясь перед своими будущими птенцами института красной профессуры, формулирует метод. Суть его в использовании любых способов физического принуждения вплоть до расстрела для выработки из человеческого материала капиталистической эпохи коммунистического человечества. Царская семья, конечно же, не поддалась бы переделке, и академик Бухарин говорит, что княжны были расстреляны за ненадобностью.

Пророк Моисей, пророк Заратустра, будда Шакьямуни, даос Лао-Цзе и государственный Конфуций, Сократ и Платон, святые апостолы Господа Иисуса Христа, русские святые Сергей и Серафим, как и сквернейший Достоевский, — все это лишь человеческий материал для преступников, которые в оккупационной зоне методом физического издевательства и убиения будут производить «товарищей». Они быстро проедят «товары», оставшиеся от прошлых недоумков и будут в зоне красной профессуры производить товарищей. Без зоны, без физического издевательства, их курсы и кафедры будут рассыпаться как прах. Все это только для внутреннего пользования, вся их интерпретация истории, культуры, техники. Только для внутреннего пользования в зоне. Скоро самого веселого из них разобьет паралич. Заново учась шевелить языком и пальцами, он продиктует свое завещание, которое высшие будут изучать. Преступная возня за власть между самыми близкими к нему немного отвлечет запал террора над местными аборигенами. Силы будут уходить на козни и досмотр друг за другом этой светлой старой гвардии. Когда веселый преступник умрет, так и не оправившись от паралича, они установят его непогребенное тело в центре Москвы. Убитая по его воле великая княгиня московская Елизавета будет лежать нетленными мощами в Иерусалиме, святой Сергей, организовавший Московское царство, будет лежать у иконы Пресвятой Богородицы в Троице-Сергиевой Лавре, где молились убитые преступниками Николай и Алиса, а к нему погонят со всей зоны на поклон бедняков. Новое коммунистическое человечество идет на поклон к своему прототипу, своему п е р в о о б р а з у, своему учителю. Дети будут делаться октябрятами, затем пионерами, комсомольцами, затем кандидатами, наконец, членами партии, чтобы уже там таинственно учиться продвижению вверх и вверх до новых людей, до Политбюро. Красная профессура со-

ставит учебники, где Пушкин будет лишь недоумком Маркса и т.д. Зона будет отбирать низших и двигать их вверх в охрану. Гения будут душиить в младенчестве. Светлые духи Убитой Семьи будут скорбно смотреть с того света в сердца своего народа, а красная профессура будет учить, что никакого «того света» и нет вовсе.

В) Семья

У зверей и роботов нет семьи. Отец, мать, дети, братья и сестры, муж, жена, — это сугубо человеческие категории и делятся они культовым почитанием умерших первопредков. Маркс и преступники утверждают, что культовое почитание умерших предков, то есть культ Семьи, просто выдумка хитрых стяжателей, отвлекающих таким способом энергию борьбы за перераспределение земного добра. Когда будет вдоволь добра всем, тогда никаких верований не будет, — таков вывод красной профессуры в зоне. Нет никаких священных могил, никакого того света, никто там вас не ждет и никто оттуда за вами не смотрит. В момент смерти вы рассыпаетесь в прах, на случайные составные, из которых случайно же соединились. Жизнь идет здесь на земле, у нас в зоне, по нашим законам. Никаких других законов нет, все предшествующее было или обманом или недомыслием. У вас был царь-батюшка и его семья, и вот они убраны и давайте-ка поскорее забывать о них и выходить на работы в зоне. Высота поведения Царской Семьи в условиях каторги поражала и преображала даже дезертиров-преступников, из которых были набраны два кольца охраны в екатеринбургской зоне. Преступники, заставлявшие великих княжон играть себе вечерами «на музыке», исписавшие похабщиной все обои, лезшие своими лапами в тарелки семьи, толкая Царя локтями в лицо, — эти отбросы местного населения, самое дно, и те затихали, смирялись от общения день за днем со святой Семьей. Стали даже жалеть их, столь явно, что идеологи-окупанты решили заменить охрану перед убийством. Убивали уже другие, прежние открывали что-то человеческое в темных проходах жестоких своих сердец. Брезжил какой-то отсвет, — какой-то отзвук, — так сильно сиял Свет из сердца Семьи, так тихо и скорбно звучал ангельский хор их предсмертных песнопений. Семья шла на мученическую жертву вполне сознательно, быть может, уже со дня 2-го марта, когда сразу же за отречением Отца Отечества в ставке Верховного Командования был отдан при-

каз об аресте Семьи, и Священный Синод дал санкцию на присягу новому правительству, обвинившему Помазанников Божиих в государственной измене. Семья начала свой путь к мученичеству.

Г) **Измена**

Святая царская Семья, окруженная охраной из дезертиров, поставленной оккупантами, в доме, окруженном двойным забором, — это как бы праобраз, или «синтетический образ» Флоренского, той зоны, в которую будут превращать Святую Русь красные профессора с их безошибочным методом преподавания. Но двойной забор вокруг Семьи и Дворца, столь явно данный в екатеринбургском финале, начали строить уже в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Следствие установило, что путь Семьи к смерти был начат первым арестом их Временным Правительством, арестом, перекрывшим возможность отъезда. Следствие установило, что непосредственное руководство убийством на Урале приехало в Россию из Швейцарии через территорию, контролируемую германским генеральным штабом, в запломбированном вагоне. Комиссары Голощекин, Войков, Сафаров, непосредственно осуществлявшие подготовку убийства и сокрытия его, приехали вместе со штабом Ленина, главного преступника, провозимого Германией в тыл своего врага для подрывной работы и заключения сепаратного мира. Трое убийц поехали прямо в Екатеринбург, куда вскоре из Тобольска доставили приговоренных. Вопрос о том, связывает ли пролитая кровь царской семьи немцев и большевиков, волновал следствие до гробовой доски. То есть: немцы разрешили проезд преступников для последующего убийства, или же преступники употребили немцев в своих целях? Связывает ли пролитая кровь навеки немцев и большевистскую головку оккупантов или пролитая кровь р а з ъ е д и н я е т немцев и пришельцев? Наследники следствия разделяют серьезность этого вопроса, как и оставивший свое страшное завещание следователь Соколов. Следствие допрашивало Керенского и князя Львова, то есть членов правительства, отдавшего приказ об аресте Семьи, дабы удобнее вести расследование об измене «проклятой немки». Но следствие не допрашивало ни одного из русских архиереев, членов Священного Синода, по участию в убийстве. Этой темы, религиозно-духовной темы, старое следствие касалось мало, а там, где касалось, показы-

вало отсутствие знания предмета, отсутствие профессионального знания предмета. Да, Временное Правительство, не все, а отдельные лица на заседаниях кабинета, где не велись протоколы, то есть на сознательно секретных заседаниях, решило строить двойной забор в Царском Селе, затем в Тобольске, затем в Екатеринбурге. Но почему члены Священного Синода не забили во все сорок сороков московских колоколов, поднимая «православный» народ на защиту Помазанников Божиих, арестованных по чудовищному обвинению в измене? Почему Священный Синод санкционировал при с я г у штаба и всей армии тому Правительству, которое арестовало Помазанников Божиих с обвинением в измене? Государь записал в своем дневнике, страниц которого не видел Соколов: «кругом измена», — вот почему. Измена Генералитета, измена Думы, но ... самое страшное ... измена Синода. Если Священный Синод молчит, а он не только молчал, но и собрал разбойничий Собор, не призвав арестованных присутствовать на нем, Собор, восстановивший патриарха, тогда как Помазанники Божии арестованы, то для всей массы это единственно означает подтверждение той чудовищной хулы, в которой упражнялись уже лет десять все газеты, все салоны, вся улица, все дипломаты на Руси. Воспаленные грешные фантазии рисовали картины одну мерзостнее другой. Шепот и напряженные глотки митингов объединились в суде над «шпионкой». И это о Царице!

Д) Царица и Ясновидящая

В 1903 году по инициативе Царя и Царицы и при сопротивлении Священного Синода состоялась канонизация святого Серафима Саровского. Сопротивление Синода связывается с нахождением записок 30-х годов прошлого века, то есть времен Пушкина, сделанных со слов преподобного о судьбах мира и России, и ... о нечестии русских архиереев, «забывших о цели христианской жизни». В дни торжеств прославления Царица пришла в келью ясновидящей Паши, называемой местными «вторым Серафимом». Ясновидящая поклонилась до земли Царице и прорекла Ей рождение наследника: «Мальчишка нужен тебе, будет!». Документировано это событие было в книге Сергея Нилуса, запрещенной духовной цензурой из-за остроты, разыскиваемой большевиками после переворота. Следы «дружбы» с Нилусом были смертным приговором. Кто говорит от

лица народа? Ясновидящая склонилась перед Царицей, этой «шпионкой» и «проклятой немкой» газет и салонов, предметом сугубой ненависти Председателя Гос. Думы Родзянко. Направленность травли и большой игры проясняется нашим следствием духовных причин. Прославление святого Серафима открыло и нарочитое Служение его Живой По Успении Богородице. Дивеево и близкий Саров объявлены были Богородицей Своим Четвертым Уделом на земле и выводили РОССИЮ во вселенски значимую деятельность. Россия делалась у з л о м истории последних времен. Вот так-то. Еще раз: узел последних времен вселенной, место Живой Матери Иисуса Мессии, центр Евразии с азиатскими культурами Колеса Времени и Учения Трех Тел — такова Россия, получившая на престол доктора философии Аликс фон Гессен, пристально интересующуюся глубинным религиозным опытом, встретившуюся с сердцем русской мистики, святой ясновидящей, получившую от нее пророчество о рождении наследника престола и обретшую этого наследника. Дьявол участвовал в организации травли ее. Дьявол и слуги дьявола среди воплощенных. Шквальный огонь отборной ругани, кривые усмешки в спину и хохот за глаза, — все это напоминало крик иудейской черни «распни его». Распните ее! Когда этот гул, организуемый и направляемый в одну цель, доходит до цели, то здесь все более углубленно молятся и отбирают близких и верных единицами. Семья жила в Царском Селе уединенно. Колючая проволока и забор ограждения создавали печать, — они уже были в ипатьевском доме и ипатьевском подвале. Свинцовые пули 17-го июля 1918 года летели по траекториям, прочерченным умом и волей предателей идеи России как Четвертого Удела Живой Богородицы из местных, «русских архиереев», и оккупантов извне. Немецкие или датские принцессы, приходившие из западных разнородных домов, чтобы родить россиянам наследника престола, никогда не интересовались духовной жизнью. Аликс фон Гессен интересовалась и глубоко знала духовные традиции не только христианской Европы, но и протоарийской Азии. Доктор философии из Оксфорда, любимая жена и царица, она о с у щ е с т в л я л а евразийский синтез Китая, Японии, Индии и Ирана с Благой Вестью Господа Иисуса Христа. Приговорили к убийству и убили протоарийскую Царицу, получившую благословение от святых свидетелей живой Матери Иисуса Мессии. Поэтому оставшийся «еще вопрос» следователя по особо важным делам Ни-

колая Алексеевича Соколова о взаимоотношении двух сил, немецкой и большевистской, разрастается неумолимо для продолжающих расследование в «еще вопрос» о разъединении или объединении на крови образа расы с большевистской силой. Следователь Соколов и профессор Флоренский, не высланный, но убитый преступниками, поставили нас в 1924 году перед разрешением этого вопроса. На Красную Площадь перед мавзолеем поставили нас в очередь на поклон к преступнику охранники зоны.

Очередь длинная и есть возможность решить: кровь убитых разъединяет или объединяет мой род, мой народ, мое государство и расу с той силой, которая организовала и завершила свое дело в Екатеринбурге?

§7. МАНДАЛА РОССИИ

Мандала — это символическое выявление с х е м ы космоса при тождестве макрокосмоса и микрокосмоса в с е р д ц е тайного царя. Это — общее суждение. Конкретно же мандала всегда имеет земную государственную локализацию места и времени. Нас занимает мандала России, ибо Б.С. считает, что в лике убитой Аликс собраны в синтетический образ энергия и цель расы. Символическое выявление «сердца Аликс» и подключение к его энергии в акте н е - о т д е л е н и я от ее мудрости мигнов смерти, — таково боевое искусство для России, таков «щит России», — патетически восклицает Б.С.

Сердце, развернувшееся 8-ми спицевым Колесом, символом космической власти, направляет в о л ю. Воля притягивает и направляет энергию «ци», энергия укрепляет покой руки, рука-гора защищает костный мозг народа. Народ делается сильным, несокрушимым. «Опомнитесь, создайте щит, иначе вы будете превращены в пыль!», — так, быть может, закончит свой монолог Б.С.

Щит-мандала прорисовывает так: с и н и й ц е н т р. Десять минут играет прелюдия и фуга №8 из Первой Тетради И.С.Баха. Здесь выявляются Ясновидящая и Ученый, а также «полковник Аликс». Чистая Троица гуляет. Они сидят. Рассматривают миры. Крупные планы. Позы рук.

В руках появляются ритуальные предметы. Музыкальные инструменты. Ангел мудрости смотрит за ними. Полковник Аликс держит

царский скипетр. Читает наставление центра умирающему Ученому: почти Вергилий, ведущий Данте в адах и рае. Десять минут звуков И.С.Баха. В финале наш центр имеет барабан, флейту. Полковник Аликс ударяет жезлом. По четырем Вратам мандалы появляется Стража.

С появлением Стражи Четырех Врат слышны звуки симфонии №8 А.Тертеряна. Она длится 33 минуты. Начиная с 22-ой минуты идет боевой танец, основа «покоя-движения» ожившей мандалы России.

Каждая из Страж Врат в последовательности «белый восток» — «желтый юг» — «красный запад» — «темно-зеленый север»: по 5 минут на «цвет» до 22-ой минуты, когда мандала будет собрана и начнется магический танец финальных 10-ти минут с участием и центра.

Сердце России начинает биться, и насельники России могут подключиться к магическим звукам и жестам, — безопасность страны в тонких слоях будет обеспечена по Б.С. Здесь мы видим, что Б.С. учитывает в своих рекомендациях опыт книг по «Агни-Йоге», уловленных Еленой Рерих телепатически от учителей рас. Известно, что в серии «Агни-Йога» есть даже особая книга «Сердце». Заинтересованный может прочесть ее. Цель «йоги» — создать мост между воплощенными, жестоко убивающими друг друга без знаний и наставлений тонких пространств, и дальними мирами. Наведение мостов — цель объединения.

Стражи Четырех Врат или Сторон Света в Космосе будут искать у б и т ы х в своих секторах. С каждым сектором связан определенный первоэлемент: «белая вода», «желтая земля», «красный огонь», «зеленый воздух». Они центрованы в «синем эфире сознания» в центре, откуда полковник Аликс, Ясновидящая и Ученый проводят семена искр-капель во все стороны. Стража Воды, Белая Стража, найдет своего мертвого в воде. Достанет, утешит, посадит у Символа Трона Востока; посадит, и как отзвук со своей интонацией, будет повторять наставления Центра. Восточная Стража прочтет свои наставления умершему. Стража песка, Желтая Стража, найдет своего убитого в пустыне, занесенного сухим песком, достанет его, посадит и утешит у своего зверя-трона. Прочтает ему наставления, обучит его пути вверх. Стража Огня, Красная, накроет шинелью своего умершего в огне, посадит, утешит, прочтет наставление о рае Запада. Стража Воздуха, Зеленая

Стража, снимет повешенного, посадит у своего трона, прочтет наставление.

Далее следуют материалы наставлений из Бардо-Тхёдол, Тибетской Книги Мертвых (Издание В.И.Эванса-Венца, Оксфордский Университет, 1927 г., перевод на английский язык Ламы Каци Дава Самдуп).

Синяя Стража. Центр

... Все небо покажется темно-синим...

... Тогда из Царства Центра, которое называется Простирающаяся Сила Семени, белый цветом, явится тебе Бхагаван Вайрочана¹, сидящий на троне-льве, с восьми-спицевым колесом в руке², в объятиях Матери Пространства Небес³;

Это совокупность материи в ее первичном состоянии, которое есть синий свет.

Мудрость Дхарма-Дхату⁴, синяя цветом, сверкающая, прозрачная, великолепная, слепящая, из сердца Вайрочаны, как Отца-Матери, выстрелит и ударит в тебя светом столь сияющим, что едва ли ты сможешь смотреть на него.

Одновременно с этим засияет тусклый белый свет девов⁵, который ударит тебя в лоб.

¹ Вайрочана, Дхияни Будда Центра. Является высшим путем к Просветлению Эзотерической Школы. Как Центральное Солнце, окруженное четырьмя Дхияни Буддами четырех кардинальных направлений (они являются умершему в четыре последующих дня), он символизирует Единую Истину, окруженную своими четырьмя составляющими или элементами. Как в источнике всей органической жизни, в Вайрочане достигает своего совершенства все видимое и невидимое.

² Восьми-спицевое колесо является символом верховной власти Вайрочаны.

³ Является женским принципом вселенной; Отец, Вайрочана, есть семя всего сущего.

⁴ Как Все-Проникающая Пустота, Дхарма-Кайя (см. 7) является формой Тела Истины. Таковое образование называется Дхарма-Дхату, Семя или Потенциал Истины. Дхарма-Дхату символизируется Совокупностью Материи. Из Совокупности Материи происходят все существа этого мира и всех других миров, основной характеристикой которых является животная тупость; мара (иллюзия формы) образует во всех царствах Сансары — и в нашем, человеческом, где действует манас (рассудок), тоже — Рабство, освобождение от которого есть Нирвана. Когда в человеке тупость его животной природы и иллюзия формы, или личности, будут изменены в Истинное Знание, в Божественную Мудрость, тогда в его сознании засияет Все-Проникающая Мудрость Дхарма-Дхату, или Мудрость, рожденная Пустотой, которая все-проникающая.

⁵ В Шести Локах (местах) Перерождения обитают: девы — боги, существа адов, люди, преты — несчастные духи, асуры — воины, животные.

Вслед за этим, из-за власти плохой кармы, великолепный синий свет Мудрости Дхарма-Дхату испугает и ужаснет тебя, и ты захочешь убежать от него. Ты породишь любовь к тусклому белому свету девов.

...Ты не должен бояться божественного синего света, который явится сверкающим, слепящим и великолепным; и не испугайся его. Это свет Татхагаты⁶, называемый Светом Мудрости Дхарма-Дхату. Поверь в него, уверуй в него твердо, молись к нему, думая умом, что этот свет исходит из сердца Бхагавана Вайрочаны, который идет принять тебя в опасной западне Бардо. Этот свет есть свет милости Вайрочаны.

Не жалея тусклого белого света девов. Не привязывайся [к нему]; не будь слаб. Если привяжешься к нему, станешь блуждать в жилищах девов, будешь сброшен в кружение Шести Лок. Это преграда, чтобы помешать тебе на Пути Освобождения. Не смотри на него. Смотри на яркий синий свет, глубоко веруя. Горячо направь все помыслы свои к Вайрочане и повторяй за мной эту молитву:

«Увы! в блужданиях по Сансаре из-за сильной глупости,
Пусть Бхагаван Вайрочан приведет [меня] на сияющий путь
света Мудрости Дхарма-Дхату,
Пусть Божественная Матерь Безграничного Пространства
идет позади [меня],
Пусть [я] буду благополучно проведен через страшную запад-
ню Бардо;
Пусть [я] буду поставлен в состояние Все-Совершенного Буд-
дства».

Так молясь, сильно и смиренно веря, ты сольешься, в ореоле радужного света, с сердцем Вайрочаны, и получишь Буддство в Самбхога-Кайе⁷, в Центральном Царстве Населенных Густо⁸.

⁶ Татхагата значит «Он, который прошел тот же путь», т.е. Тот, кто достиг Цели (Нирваны) и стал Буддой.

⁷ У Будды и у всех существ, достигших совершенного Просветления, три тела: Нирмана-Кайя – «Божественное Тело Воплощения».

Самбхога-Кайя – «Божественное Тело Совершенного Дара».

Дхарма-Кайя – «Тело Закона» – высшее из всех трех тел.

⁸ Центральное царство является семенем всех вселенских сил, поэтому там «в тесноте» пребывает все, что существует. Это царство, где нет падения, это состояние ведет к Нирване; это превосходящее другие царство Будд.

Белая Стража. Восток

Во Второй День чистый образ воды засияет белым светом. Тогда, из темно-синего Восточного Царства Высшего Счастья, явятся тебе Бхагаван Акшобхья [как] Ваджра-Саттва¹, синий светом, с пятизубчатым дордже в руке, сидящий на троне-слоне, в объятиях Матери Мамаки². Сопровождают их Бодхисаттвы Кшитигарбха и Майтрейя и женские Бодхисаттвы Лазема и Пушпема³. Эти шесть Бодхических божеств явятся тебе.

Совокупность твоего принципа сознания, в чистоте своего образа, который есть Зеркало-подобная Мудрость⁴, воссияет ярким, сверкающим белым светом из сердца Ваджра-Саттвы, Отца-Матери...

... И тусклый, дымный свет из Ада засияет вместе со светом Зеркало-подобной Мудрости...

Вслед за этим, во власти гнева, ты породишь страх и испугаешься слепящего белого света и [захочешь] убежать от него; ты породишь чувство любви к тусклому дымному свету ада. Поэтому поступай так, чтобы не испугаться яркого, слепящего, прозрачного белого света. Знай, что он — Мудрость. Смиренно и горячо уверуй в него. Это свет милости Бхагавана Ваджра-Саттвы. Веруя, думай: «Я найду в нем прибежище», и молись.

Это Бхагаван Ваджра-Саттва идет принять тебя и спасти тебя из страха и ужаса Бардо. Поверь в это; ибо это крюк лучей милости Ваджра-Саттвы⁵.

¹ Акшобхья, Дхияни Будда Восточного Направления, здесь, согласно тексту, является как Ваджра-Саттва.

² Мамаки — это одно из 100 имен, которое давалось Долме (Таре), национальной богине Тибета.

³ Кшитигарбха — в переводе с санскрита «Чрево (или Матрица) Земли».

Майтрейя на санскрите «Любовь»; это Будда, пришествия которого ждут, он вылечит человечество посредством божественной любви.

Лазема значит «Красавица», Пушпема — «Та, что предлагает (или держит) Ветвь в Цвету». Пушпема (на санскрите Пушпа) изображается с ветвью цветущего дерева в руке и является персонификацией цветения. Лазема, Красавица, изображается в кокетливой позе с зеркалом в руках, она — образ красоты.

⁴ Так же как Совокупность Материи, которая является в Бардо в Первый день, образует физическое тело, так, Элемент Воды, который приходит на Второй День, образует жизненный поток, кровь; Гнев — это страсть, препятствующая Совокупности Сознания, но, преобразованный, он становится Зеркало-Подобной Мудростью Ваджра-Саттвы (Ваджра-Саттва это Самбхога-Кайя Дхияни Будды Акшобхьи).

⁵ Лучи божественной милости суть крюки спасения, которые должны подхватить умершего и вырвать его из опасностей Бардо. Считается, что каждый луч оканчи-

Не лелей тусклого, дымно-серого света Ада. Этот путь, открывающийся, чтобы принять тебя, — под властью злой кармы, сгустившейся из неистового гнева. Если привяжешься к нему, то падешь в Миры Ада; и, пав, будешь терпеть невыносимые муки, и не определено время, когда оттуда выйдешь. Это преграда, чтобы помешать тебе на Пути Освобождения; не смотри на него; избегай гнева. Не привязывайся к нему; не будь слабым. Уверуй в слепящий яркий белый свет; [и] горячо отдав все свое сердце Бхагавану Ваджра-Саттве, молись так:

«Увы! в блужданиях по Сансаре из-за власти неистового гнева,
Пусть Бхагаван Ваджра-Саттва приведет [меня] на сияющий
путь Зеркало-подобной Мудрости,
Пусть Божественная мать Мамаки идет позади [меня],
Пусть [я] буду благополучно проведен через страшную запад-
ню Бардо;
Пусть [я] буду поставлен в состояние Все-совершенного Буд-
дства».

Так молясь, сильно смиренно веря, ты сольешься, в свете радуги, с сердцем Бхагавана Ваджра-Саттвы и получишь Буддство в Самбхога-Кайе, в Восточном Царстве, которое называется Наивысше Счастливым.

Желтая Стража. Юг

... В Третий День первичный образ элемента земля засияет желтым светом. Тогда, из Южного Царства, Облеченного Славой, засияет к тебе Бхагаван Ратна-Самбхава¹, желтый цветом, с драгоценным камнем в руке, восседающий на троне-лошади, в объятиях Божественной Матери Сандья-Чамна²).

Двое Бодхисаттв, Акаши-Гарбха и Саманта-Бхадра, в сопровождении двух женских Бодхисаттв, Махлайи и Дхупемы³, — все вместе,

ваются крюком; ср.: в древних храмах Египта каждый луч, излучаемый солнечным богом Ра, оканчивался рукой, которая опускалась милостью на избранного.

¹ В переводе с санскрита «Рожденный из Драгоценного Камня».

² «Та, что из Глаза (или Глаз) Будды».

³ Акаши-Гарбха, в переводе с санскрита «Чрево (Матрица) Неба».

Саманта-Бхадра, в переводе с санскрита «Все-Благой». Духовный сын Дхияни Будды Вайрочаны.

Махлайя, «Та, Что Держит Венок».

Дхупема, «Та, что Держит Ладан». Цвет этих богинь, соотносимый с пепельным светом, — желтый.

шесть Бодхических образов, — воссияют посреди радужного ореола света. Совокупность осязания в его первичном образе засияет желтым светом Мудрости Равенства⁴...

Одновременно с этим, тусклый синеватый свет из [мира] людей ударит тебя в сердце, вместе со светом Мудрости.

Тогда, во власти эгоизма, ты породишь страх к слепящему желтому свету и [захочешь] убежать от него. Ты глубоко привяжешь себя к тусклому синевато-желтому свету из [мира] людей.

В это время не бойся яркого, слепяще-желтого, прозрачного света, но знай, что он — Мудрость; ... доверься ему горячо и смиренно. Если узнаешь, что он есть сияние твоего разума, — не отказываясь от своего смирения, и веры, и молитвы к нему, — то Божественное Тело и Свет сольются с тобой неразделимо и получишь Буддство.

Если не узнаешь сияние своего разума, то, веруя, думай: «Это сияние милости Бхагавана Ратна-Самбхавы; я найду в нем прибежище», и молись. Это крюк милосердных лучей Бхагавана Ратна-Самбхавы; поверь в это.

Не лелей этот тусклый синевато-желтый свет из [мира] людей. Это путь скопленных тобою пристрастий неистового эгоизма приходит принять тебя. Если привяжешься к нему, родишься в мире людей и должен будешь выстрадать рождение, старость, болезни и смерть; и не сможешь выбраться из трясины существования в мире. Это преграда, чтобы помешать твоему пути освобождения. Поэтому не смотри на него, не будь слабым. Поступай, доверяя этому яркому слепящему свету. Горячо направь свои помыслы единственно к Бхагавану Ратна-Самбхаве; и молись так:

«Увы! в блужданиях по Сансаре, из-за власти неистового эгоизма,
Пусть Бхагаван Ратна-Самбхава приведет [меня] на сияющий путь света Мудрости Равенства,
Пусть Божественная Мать, Та-Что-Из-Глаза-Будды, идет позади [меня];

⁴ Элемент Земли Третьего Дня, который образует основные твердые компоненты человека и всех других физических состояний, порождает страсть Эгоизма и Совокупность Осязания; эти последние, после божественного преобразования, становятся Мудростью Равенства, воплощенной в Ратна-Самбхаве, «Рожденном из Драгоценного Камня», в Украшающем.

Пусть [я] буду благополучно проведен через страшную западную Бардо;

Пусть [я] буду поставлен в состояние Все-Совершенного Буддства».

Так молясь, с глубоким смирением и верой, сольешься с сердцем Бхагавана Ратна-Самбхавы, Божественного Отца-Матери, в ореоле радужного света, и добудешь Буддство в Сабхога-Кайе, в Южном Царстве, Облеченном Славой.

Красная Стража. Запад

... В Четвертый День воссияет красный свет, который есть первичный образ элемента огня. Тогда, из Красного Западного Царства Счастья, воссияет к тебе Бхагаван Будда Амитабха¹, красный цветом, с лотосом в руке, восседающий на троне-павлине, в объятиях Божественной Матери Гёкармо². [С ним вместе] воссияют Бодхисаттвы Ченраце и Джампал, с ними женские Бодхисаттвы Гирдхима и Алоке³. Шесть тел Просветления засияют к тебе посреди ореола радужного света. Первичный образ совокупности чувств ударит тебя в сердце красным светом Все-Различающей Мудрости⁴, сияюще-красный... прозрачный, великолепный и слепящий, исходящий из сердца Божественного Отца-Матери Амитабхи...

¹ На санскрите «Безграничный (или Непостижимый) Свет». Как воплощение одного из атрибутов Будды, т.е. одной из Мудростей – Все-Различающей Мудрости, Амитабха олицетворяет вечную жизнь.

² Дословно «Та-Что-В-Белом-Одеянии».

³ Ченраце, то же, что Авалокитешвара, «Смотрящий Вниз», средоточие милосердия и сострадания. Далай Ламы почитаются его воплощениями. Амитабха – его духовный отец. У него одиннадцать голов и тысяча рук.

Джампал, «Из Короткой Славы», «Славный Нежно-Голосый». Он «Бог Мистической Мудрости», Аполлон Буддизма, обычно изображается со сверкающим мечом света в правой руке и с Книгой Мудрости на лотосе – в левой.

Гирдхима, «Песня».

Алоке, «Свет». Гирдхима обычно изображается с лирой и символизирует музыку и пение; Алоке обычно держит лампу, символизируя свет. Они родственны элементу огня, и поэтому их цвет – красный.

⁴ Элемент Огня Четвертого Дня, который образует животное тепло воплощенных людей и животных, порождает страсть Привязанности или Похоти и Совокупность Чувств. Преобразование их – это Все-Различающая Мудрость, когда избранный может видеть все вещи и отдельно друг от друга, и как целое; олицетворение этой Мудрости – Дхияни Будда Амитабха, «Тот, что из Безграничного Света», Просвещающий, Просветляющий.

Одновременно, ступая шаг в шаг со светом Мудрости, засияет к тебе тусклый красный свет из Прета-лока. Поступай так, чтобы не любить его. Оставь привязанность [и] слабость [к нему].

В это время, под влиянием сильной привязанности, ты устроишься слепящего красного света и [захочешь] убежать от него. И породить любовь к тусклому красному свету из Прета-лока.

В это время не бойся великолепного, слепящего, прозрачного, сияющего красного света. Если узнаешь его как Мудрость, сохраняя свой разум покорным, то сольешься с ним неразделимо и добудешь Буддство.

Если не узнаешь его, думай так: «Это лучи милости Бхагавана Амитабхи, я найду в них прибежище», и, доверяя ему смиренно, молись к нему. Это крюк лучей милости Бхагавана Амитабхи. Доверяй ему смиренно; не беги его. Если и побежишь, он последует за тобой неотделимо [от тебя]. Не бойся его. Не привязывайся к тусклому красному свету из Прета-лока. Этот световой путь, который пришел принять тебя, происходит из скопления сильной твоей привязанности [к сансарическому существованию]. Если привяжешься к нему, упадешь в Миры Несчастливых Духов в будешь страдать невыносимой мукой от голода и жажды. И не сможешь уже [тогда] получить Освобождение⁵. Этот тусклый красный свет — преграда, чтобы помешать тебе на Пути Освобождения. Не привязывайся к нему и оставь обычные пристрастия. Не будь слабым. Доверься яркому слепящему красному свету. Доверься единственно Бхагавану Амитабхе, Отцу-Матери, и молись так:

«Увы! в блужданиях по Сансаре во власти сильной привязанности,
 Пусть Бхагаван Амитабха приведет [меня] на сияющий путь
 света Различающей Мудрости;
 Пусть Божественная Мать, Та-Что-В-Белом-Одеянии, идет
 позади [меня],
 Пусть [я] буду благополучно проведан через опасную западную
 Бардо;
 Пусть [я] буду поставлен в состояние Все-Совершенного Буд-
 дства».

⁵ Как только умерший стал прета, несчастным духом, посмертное достижение Нирваны уже невозможно; он должен теперь ждать возможности родиться в мире людей после того, как его существование в Прета-лока будет завершено.

Так молясь, смиренно и горячо, сольешься с сердцем Божественного Отца-Матери, Бхагавана Амитабхи, в ореоле радужного света, и добудешь Буддство в Самбхога-Кайе, в Западном Царстве, которое зовется Счастливым.

Зеленая Стража. Север

... На Пятый день засияет к тебе зеленый свет первичного образа элемента воздух. Тогда, из Зеленого Северного Царства Удачного Исполнения Наилучших Поступков засияет к тебе Бхагаван Амогха-Сиддхи¹, зеленый цветом, с перекрещенным дордже в руке², в объятиях Божественной Матери, Верной Долмы. С нами вместе двое Бодхисаттв Чаг-на-Дордже и Дибпанамсел и две женские Бодхисаттвы, Гандхема и Нидхема³. Эти шесть Бодхических образов засияют посреди ореола радужного света.

Первичный образ совокупности воли, сияющий зеленым светом Все-Исполняющей Мудрости⁴, слепяще-зеленый, прозрачный и сверкающий, великолепный и ужасающий ... исходящий из сердца Божественного Отца-Матери Амогха-Сиддхи, зеленого цветом, ударит тебя в сердце так удивительно ярко, что едва ли ты сможешь смотреть на него. Не бойся его. Это природная сила мудрости твоего ума...

... Одновременно с ним, ступая шаг в шаг с Лучами Мудрости, засияет к тебе тусклый зеленый свет из Асура-лока, рожденный по причине чувства зависти. Созерцай его беспристрастно, — ни отталкивая, ни привязываясь. Не лелей его...

¹ Амогха-Сиддхи, в переводе с санскрита «Всемогущий Завоеватель».

² Дордже (то же, что Ваджра) с четырьмя наконечниками, т.е. перекрещенными, символизирует равновесие, неизменность, всемогущую власть.

³ Долма, «Спасительница». Божественная супруга Авалокитешвары. Зеленой Долме поклоняются в Тибете, Белой Долме поклоняются в Китае и Монголии. То же что Тара. Чаг-на-Дордже, дословно «Несущий в руке Дордже».

Дибпанамсел, дословно «Очиститель Помрачений».

Гандхема, «Та, что Источает Благовония», одна из восьми богинь-матерей Индийского пантеона. Изображается держащей вазу-раковину с благовониями.

Нидхема, «Держащая Засахаренные Фрукты». Эта богиня не включена в число восьми. Гандхема и Нидхема зеленого цвета, так же как и свет Все-Исполняющей Мудрости.

⁴ Элемент Воздуха Пятого Дня производит дыхание жизни. Его страсти в человеке суть Зависть и Ревность. Это совокупность Воли. Преобразование во Все-Исполняющую Мудрость дает настойчивость и безошибочность поступков в духовном; олицетворяется Амогха-Сиддхи, «Всемогущим Завоевателем», Дающим Божественную Власть.

Вслед за этим, во власти сильной зависти⁵, устрашишься слепящего сияния зеленого света и [захочешь] убежать от него; и породить любовь к этому тусклому зеленому свету Асура-лока. В это время не бойся великолепного и прозрачного, сияющего и слепящего света, но знай, что он — Мудрость; и пусть твой ум остается покорным. Или еще [думай]: «Это крюк лучей света милости Бхагавана Амогха-Сиддхи, который есть Все-Исполняющая Мудрость». Поверь в него. Не беги от него.

Если и побежишь, он последует за тобой неотделимо [от тебя]. Не бойся его. Не жалея этот тусклый зеленый свет Асура-лока. Это кармический путь твоей сильной зависти пришел принять тебя. Если привяжешься к нему, упадешь в Асура-лока и будешь вовлечен в невыносимые муки ссор и ведения войны⁶. [Это] преграда, чтобы помешать твоему пути освобождения. Не привязывайся к нему. Оставь свои пристрастия. Не будь слабым. Доверься ослепительно-зеленому сиянию, и, направив свои помыслы единственно к Божественному Отцу-Матери, Бхагавану Амогха-Сиддхи, молись так:

«Увы! в блужданиях по Сансаре во власти сильной зависти,
Пусть Бхагаван Амогха-Сиддхи приведет [меня] на сияющий
путь света Все-Исполняющей Мудрости;
Пусть Божественная Мать, Верная Тара, идет позади [меня];
Пусть [я] буду благополучно проведен через опасную западную
Бардо;
Пусть [я] буду поставлен в состояние Все-Совершенного Буддства».

Так молясь, с сильной верой и смирением, сольешься с сердцем Божественного Отца-Матери, Бхагавана Амогха-Сиддхи, в ореоле радужного света, и добудешь Буддство в Самбхога-Кайе, в Северном Царстве Накопленных Благих Деяний.

⁵ Под завистью понимаются кармические пристрастия, которые скопились в сознании (или подсознательном) умершего; теперь, вырвавшись на волю на Пятый День опыта Бардо, они порождают соответствующие «астральные» галлюцинации.

⁶ Ссоры и ведение войны — это основные страсти рожденного асуром в Асура-лока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончив реконструкцию нормального развития студентов ВХУ-ТЕМАС в классе профессора Флоренского с добавлением опыта семьи Рерих, попытаемся сделать первые прориси на внутренней лобной кости черепа, то есть там, где находится Третий Глаз магического искусства. Сосредоточение в этой области будут совершать пять действующих лиц. Пять «главных ролей»: Полковник, Белая Стража, Желтая Стража, Красная Стража, Зеленая Стража. Шестой – Следователь. Следователь – 600 м, Полковник – 600 м, каждая Стража – 300 м = 2400 метров.

§1. Введение – 150 м.

§2. Полковник и Кукла – 300 м.

§3. Комментарий следователя – 600 м.

§4. Полковник, Кукла и Монах – 300 м.

§5. Мандала Расы – 1050 м.

Всего 2400 м в павильоне.

До начала съемок должна быть построена декорация «Мандала Расы», записана музыка к фильму по темам 8-ой симфонии Тертеряна.

№ 1 Ндп, кмб. §1. Введение.

№ 2 Ндп, кмб. Пять безграничных грехов: отцеубийство, матереубийство, вызов религиозной войны, убийство святого, пролитие крови Татхагаты.

№ 3 Кр. Коротко стриженный современный человек. Жесткое лицо много думающего человека, профессионала. Это Б.С., следователь. Он говорит: в этом месте 16 июля 1918 г. убили святых из Шамбалы. Это место будет превращено в пустыню. Следствие 20-х годов и русская контрразведка оставили нерешенным вопрос о мере вины немцев в этом жутком деле...

№ 4 Общ. Мандала Расы. Круг, вписанный в квадрат. Четыре стороны света и престолы врат. Белая, желтая, красная, зеленая стража. Темно-синий центр, где стоят Полковник, Блаженная, Монах. В центре Ангел Мудрости.

№ 5 Кр. Лик Белой Стражи. Она отвечает Б.С.: Сострадание Татхагат не имеет границ. Оно называется

- Великим Освобождением посредством слушания в моменты умирания и на посмертном плане. Даже те, что совершили пять безграничных грехов, могут получить освобождение. Поэтому читай его среди обширных собраний. Распространяй его, Б.С., ради безопасности страны.
- № 6 Кр. Лик Желтой Стражи: Услышав его однажды, даже если не сможешь понять его, оно само вспомнится в состояниях после смерти, и ни одно слово не будет упущено, потому что там ум становится в девять раз яснее. Отделившись от физического тела, ум освобождается от опоры физического мира. Он теперь легок и подвижен. Какая бы мысль в нем ни возникла, добрая или злая, она становится несокрушимо могущественной.
- № 7 Кр. Лик Красной Стражи: о чем человек думает в момент смерти, того он и достигает. Это называется обретением тела-желания и его сферы. Человек в состоянии совершить все и достичь всего, чего пожелает. Нужно свидетельствовать это Учение в уши всех живущих.
- № 8 Кр. Б.С. внимательно слушает указание Шамбалы, но, кажется, не согласен с состраданием к убийцам.
- № 9 Кр. Лик Красной Стражи: нужно читать его у постелей всех больных, Б.С., нужно читать его около всех трупов.
Нужно широко распространить его.
- № 10 Кр. Лик Зеленой Стражи: те, кто встречаются с этим Учением, уже счастливы. Сохраняемое в секрете для тех благородных родов, что накопили много заслуг и освободились от многих помрачений, его трудно встретить на земле.
Это Сущность всех тайных учений.
- № 11 Кр. Лик Белой Стражи: к тем, кто упорно укрощал ум, Учение приходит сразу, как только тело и принцип сознания разделяются и принцип сознания гасит 80 импульсов. Ум обретает природное напряжение вакуума и принимает на этой

волне сокрытый Свет Пустоты. Из глубин миллионов вселенных к нему приходит первичный гром творчества, подобный раскату 1000 земных громов, звучащих одновременно.

Пусть даже преступники воспользуются этой мощью, чтобы спастись из этого места.

- № 12 Ндп, кмб титры фильма: ПУТЬ, ОПЫТ МАГИЧЕСКОГО ИСКУССТВА.
- № 13 Ндп, кмб. §2. Полковник и Кукла.
(эта глава должна быть снята в темно-синем и белом цветах. 10 минут будет звучать прелюдия и fuga №8 Баха в исполнении Рихтера. Красногвардейцы заставляли Великих Княжон играть им. Бах-Рихтер — это немецкая гениальность на службе расследования. Актриса, работающая в центре мандалы Расы, проигрывает историю предвидения Ясновидящей ступеней отречения в символических формах на себе, как это свойственно магическим искусствам. Ступени отречения здесь это п у т ь от служения Помазанником Божиим до наблюдения в засмертном теле за издевательствами над оставленными трупами. «Царь», «господин полковник», «господин полковник без погон», «гражданин Романов», «труп, завернутый в шинельное сукно». Актриса реконструирует страдание и предвидение Ясновидящей из Дивеева, предсказавшей царице наследника. Мировидение Блаженной из Дивеева — это р у с с к о е мировидение).
- № 13а Ср. Св. Крест и Кукла в Шинели Полковника на Кресте. Актриса снимет Куклу с Креста и оденет шинель.
- № 14 Кр. Голова Полковника фронтально. Короткая стрижка. Фотография для полиции.
- № 15 Кр. Голова Полковника в профиль вправо.
- № 16 Кр. Голова Полковника в профиль влево.
- № 17 Ндп, кмб. Проклятая немка.
- № 18 Оч. кр. Фронтально глаза. Короткая стрижка. Морщины. Немного удивленно слушает
- № 19 Оч. кр. Профиль налево.

- № 20 Оч. кр. Профиль направо.
- № 21 Ндп, кмб. ш п и о н к а
- № 22 Ндп, кмб. Крупный шрифт: шпионка.
Повтор, укрупняя, несколько раз, имитируя крик толпы, приговаривающей к смерти. Музыкальная тема расстрела по Тертеряну.
- № 23 Кр. Полковник уткнулся головой в грудь Куклы. Начинается прелюдия и fuga №8. Оператору снимать и репетировать в ритме музыки.
Лик Куклы. Кисти Куклы, пробитые гвоздями, нежно обнимают затылок Полковника.
- № 24 Общ. В Центре мандалы Кукла склонилась в поклоне перед Полковником.
- № 25 Кр. Кисть руки Куклы держит пророческий свиток.
- № 26 Кр. Глаза Ангела наблюдают. ПНР к левой руке Ангела с пророческим свитком у сердца.
- № 27 Кр. Полковник нежно слушает то, что шепчет на ухо по секрету Блаженная.
- № 28 Ндп, кмб. мальчишка нужен тебе, будет!
- № 29 Общ. Полковник и Кукла со спины, они гуляют.
- № 30 Ср. Сели отдохнуть. Полковник и Кукла сидят у престола Ангела. Полковник решил положить голову на плечо Куклы.
- № 31 Ндп, кмб. Желтые кадры (земля начинает погружаться в воду). Надпись из истории Царского Села, когда царя толкали в спину солдаты еще в марте 1917 года во время прогулок по парку. Надпись: «господин полковник, туда нельзя!».
- № 32 Ср. Полковника бьют прикладом в спину. Он наклоняется.
- № 33 Кр. Стопы Куклы, пробитые гвоздями.
- № 34 Общ. Полковник и Кукла идут фронтально. Гуляют под руку.
- № 35 Кр. Полковник беззащитно улыбается. «За что, голубчик?», — спрашивал Государь офицера, отказавшего подать руку в ответ на протянутую руку Царя.
- № 36 Ндп, кмб. Белые кадры (вода начинает расщепляться в огне). «Господин полковник, снимите погоны!».

- № 37 Кр. Полковник закрыл погоны кистями рук.
- № 38 Кр. Глаза Ангела и лик Куклы наблюдают.
- № 39 Кр. Полковник отрывает погоны. Звучит fuga.
- № 40 Общ. Полковник сидит на телеге. Телегу, как колесницу на царство, везет Кукла.
- № 41 Кр. Полковник без погон сидит на дне телеги, улыбается. Так увозили их из Тобольска в Екатеринбург после октября и Брестского мира.
- № 42 Ндп, кмб. Красные кадры (огонь расщепляется в воздухе). «Русского царя Николу за хуй сдернули с престола».
- № 43 Ср. Полковник и Кукла качаются на качелях. На этих качелях отдыхали дети, и они были исписаны революционными солдатскими депутатами похабщиной. Поклоном головы Полковник приглашает Куклу встать вслед за ним.
- № 44 Ндп, кмб. Зеленые кадры (первоэлемент воздух расщепляется, погружаясь в эфир сознания). «Гражданин Романов, вы можете войти!».
- № 45 Кр. Полковник уткнулся головой в грудь Куклы. Прорубленные гвоздями кисти Куклы нежно обнимают плечи Полковника. На местах погон Полковника кисти и гвозди Блаженной Пророчицы.
- № 46 Кр. Два лика, Полковника и Куклы, смотрят прямо перед собой. Полковник поднимает ко лбу свою кисть: там стигматы.
- № 47 Кр. Кисти тянутся вверх. Пишут знак.
- № 48 Кр. Знак и дата 17/30 апреля 1918 года.
Конец музыки.
- № 49 Кр. Б.С.: с ним Кукла в шинели Полковника.
Через два с половиной месяца семь праведников, которыми держится мир, были убиты в подвале. Аликс фон Гессен умерла сразу, и ее светящееся тело никуда не ушло, ибо все ее заботы, все желания, вся ее любовь и воля были в семье, муже и сыне, а их убивали здесь же. В светоносном теле она видела как убийца добивал ее сына, которого ей прорекла блаженная Паша Са-

ровская. Она видела, как убийца-большевик, издевался над ее сыном, и светоносная мощь ее ума породила не ненависть и гнев, но воспоминание, что Пресвятая Богородица страдала об убиваемом Сыне своем намного раньше и намного сильнее. Она нашла в себе светоносную мощь сострадать в этот страшный миг не своему горю, требующему отмщения, но страданию Пречистой. Это и есть святость. В этом месте убили святых и это преступное место будет превращено в пустыню.

- № 50 Ндп, кмб. «йогическое искусство умирания».
- № 51 Ср. Полковник и Стража читают у постелей всех больных: Упражнения на этом этапе таковы: перед тем, как умереть, отсеки всякую опутывающую привязанность к миру и его владениям, вместе с ненавистью к любому врагу и иному человеку, оставленному позади.
- № 52 Ср. Желтая Стража сидит у постели спиной к нам; у постели «больной монах»: когда жизненные силы пяти чувств, включая зрение, начинают сворачиваться вовнутрь, как лепестки цветка на заходе солнца, этому сопутствует погружение вовнутрь и узнавание внешних форм всех вещей. Это известно как Угасание Света. Затем земля погружается в воду: тело теряет свои связи, как бы разрывается на мелкие частички.
- № 53 Ср. Белая Стража лицом к нам сидит у постели «больного монаха»; затем вода погружается в огонь: рот и нос станут сухими и опаленными и высохнут все внутренние жидкости в организме.
- № 54 Ср. Красная Стража спиной к нам; затем огонь погружается в воздух как жизненную силу, и тепло исчезает из тела, кости и череп холодеют.
- № 55 Ср. Зеленая Стража лицом к нам держит за руку «больного монаха»; затем воздух погружается в эфир, как материю сознания, и люди с дурной кармой испытывают мучения совести моментов

умирания, а тех, кто помнил предков и совершал добрые поступки, они приходят встречать вместе с богами, учителями и небесными покровителями.

№ 56 Ндп, кмб. [пропуск в машинописи]

№ 57 Кр. Б.С. (раскрывается тема «д» из §6 проекта).

№ 58 Ндп, кмб. «Завещание» следователя Н.А.Соколова:
дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество...

лишение Царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу... остается еще вопрос, каково было взаимоотношение на почве екатеринбургской трагедии двух сил: большевистской и немецкой? Кровь Царя и его семьи разъединяла или объединяла их? Я сознаю всю серьезность этого вопроса. В пределах доступной мне возможности я старался найти истину. Не сомневаюсь, что в будущем она найдет свое полное разрешение».

Н.А.Соколов «Убийство Царской Семьи», Берлин, 1924 год.

№ 59 Ндп, кмб. крупно: «семья».

№ 60 Кр. Б.С.: (идет тема «в» из §6 проекта).

№ 61 Кр. крупно: «измена».

№ 62 [пропуск в машинописи]

№ 63 Общ. Четыре Стражи несут труп монаха от Севера к Центру.

№ 64 Кр. Укрупнение головы Стражи.

№ 65 Ндп, кмб. «институт красной профессуры».

№ 66 Кр. Б.С.: (идет тема «б» из § 6 проекта)

№ 67 Ср. Четыре Стражи разворачивают труп из шинельного сукна.

№ 68 §4. Полковник, Кукла и Монах.

(эта часть углубляет прориси первой части. Медитации актера, работающего в темно-синем центре. Мы занимаемся «имаготерапией»,

нахождением целительно-организующих духовных образов и введением их в центр телепатии или в Третий Глаз. Первый образ: Кукла Блаженной в полковничьей шинели Царя. Сняв шинель с Куклы и надев ее на себя, актриса рисует на своей лобной кости изнутри «иероглиф», священный образ. Это дает ей возможность телепатически принимать энергию мандалы России и расы. Теперь эта позиция углубляется. Появляется образ монаха-ученого. Царя и Царицу предал священный Синод. Синод поставил патриарха у престола, где, у престола, поставляются в епископы и священники. Мы утверждаем, что у Престола стоят убитые и преданные на убийство мученики Царской Семьи. Только пройдя сквозь них можно вознестись к престолу. Только низойдя от престола можно низводить сквозь себя и благодать. Монах умирая, встречает Блаженную и Полковника-Царицу. Они ведут его к престолу Ангела. Полковник и Кукла дают ему одежду священства.

- № 69 Общ. Кукла Блаженной в царской шинели Полковника. Это «образ», «имаго» России и Расы, подражая которому происходит «имаготерапия».
- № 70 Общ. Кукла Монаха в шинели полковника.
Музыка расстрела-уничтожения по Тертеряну.
- № 71 Общ. Мандала Расы. Повтор кадра №4.
Начинает звучать прелюдия и фуга №8 Баха.
- № 72 Кр. Кисти рук Куклы Блаженной обнимают голову Монаха.
- № 73 Кр. Лицо Полковника, он читает наставление: Сын благородной семьи, пришло твое время искать путь.
- № 74 Ср. Сидят втроем у Ангела. Смотрят прямо на нас. Голос Полковника: сейчас, благодаря смерти, твой ум станет в девять раз яснее и ты увидишь мир с точки зрения Просветленного.
- № 75 Кр. Лик Куклы Блаженной шепчет на ухо Монаху.

- Голос Полковника за кадром: не стремись в покинутый тобой мир, кто бы там ни остался, оставь свои долги своим должникам, — узнай искрящийся Свет Пустоты как сущность первопредков.
- № 76 Общ. Полковник, Кукла и Монах как трое закадычных друзей гуляют во Свете, сейчас спиной к нам.
- № 77 Кр. Полковник показывает что-то рукой.
- № 78 Ср. Монах стоит на коленях перед престолом Ангела.
- № 79 Ср. Преклонил голову. У него Крылья Ангела.
- № 80 Ср. Кукла держит священный омофор.
- № 81 Ср. Полковник берет омофор и полагает его на шею Монаха.
- № 82 Кр. Полковник надевает Монаху Корону.
- № 83 Общ. Монах стоит облаченным, лицом к нам. В правой руке посох. Сзади Кукла и Полковник.
Конец прелюдии и фуги №8.
- № 84 Мандала Расы и начало музыки на отыскание убиенных и приглашение их на танец воскресения.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА И БУДУЩЕЕ РОССИИ»

... В этом же зале три с половиной года назад, в мае 92-го года, я показал работу «Путь царей».

Как сказал Паламарчук, вы здесь «все свои», православные. Но у Государя были не только православные подданные, но и буддисты. И я хотел бы сказать, что когда вы будете решать все эти вопросы об убийстве, чтобы вы также понимали, что вы будете решать вопросы об убийстве Государя, которому давали присягу не только православные. Обеты буддийской йоги не отменяются никогда.

Следователь Соколов — тренированный ум, и он сказал, что убийство могло произойти потому, что Они были арестованы. Это существенное заявление. Почему Помазанник Божий, по послушанию Господу и Святой Церкви, мог быть арестован? Он сам написал на этот счет: потому, что произошла измена. Произошла измена. Теперь возникает следующий вопрос у тренированного буддийского йога. Он задает вопрос: что это означает? Измена поставленному в чинопоследовании таинства Священного Коронования Святой Церкви на служение? Как это может быть? И на этот вопрос он знает жесткий ответ: предательский сговор у вас «всех своих», поскольку отречение невозможно — его нет в канонах, его нет в законах Государства Российского. Оно вырвано под угрозой уничтожения Семьи, взятой в заложники. В законах Государства Российского нет отречения: по родовой ответственности вы здесь присутствуете как создатели практики заложничества.

Далее. Как только у Государя было вырвано отречение, в Генеральном штабе протопресвитер войска стал принимать присягу у генералитета. На антиминых. Вы здесь, «все свои», вы знаете, что такое антимины? На антиминых, надписанных Благочестивейшим

Государем-Императором. В то же время правящий Синод запретил поминовение имен Царской Семьи в храмах. Возьмите книжки, которые были изданы к 300-летию Дома Романовых, и посмотрите, сколько раз в чинопоследованиях таинств Святой Церкви упоминалась Царская Семья, и подумайте, что означало для солдат воюющей армии, для всего населения, где не было телевидения, пресс-конференций, подобное прекращение поминовений в Церкви? Что произошло в этот момент, когда не было никакого собора, никакого учредительного собрания, но просто прекратились поминовения Святых Имен в церкви на фоне диверсионной лжи об измене Императрицы?

Далее. Наличный Синод был заменен временным правительством на другой синод, который собрал собор вашего святейшего патриаршества Московского буквально в те дни, когда заложников вывозили в Сибирь. Как это может быть? По византийско-русской традиции, скажет вам буддийский йог, не могут собираться Соборы без санкции Императора и Царя.

Значит: это не собор. Это какое-то собрание. И это правильно. Свободные люди могут собираться и решать все, что угодно. Но им придется доказать всем святым вашей Церкви, находящимся в иконостасе, что эти святые были с вами на соборе, что Сергей Радонежский был 18 июля в день его памяти с вами, а не у Ганиных ям. Вот эти вопросы вы учтите. В вашем Писании апостол Павел говорит, что любовь объемлет его, без любви же нет никаких таинств. И он рассуждает так, что если Один умер, то все умерли. А Господь умер за всех. По вашему таинству вы все мертвы. И буддийские книги, учащие наблюдать смерть, могут вам помочь.

Благодарю за внимание.

(Аплодисменты).

Путь Евгения Шифферса

6 сентября 1934

Родился в Москве. Отец — Лев Владимирович Шифферс (1900–1961), из немецкого дворянского рода, дипломат и переводчик. Мать — Евгения Васильевна Пирадова-Шифферс (1900–1960), из армянского дворянского рода Пирадовых, актриса, позднее служила в аппарате профсоюза работников искусств

1934–1950-е: Красуля (Детство)

«Красуля» — детское прозвище Жени Шифферса

1941

Эвакуация в г. Чистополь (Татарстан)

1944–1946

Три лета в пионерлагере, где старший брат Владимир (1929–2002) был пионервожатым

26 августа 1946

Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуарах драматических театров и о мерах по его улучшению», где Л.В.Шифферс как переводчик английских и американских пьес был обвинен в космополитизме. У отца после этого практически не было работы, и в дом пришла бедность

Лето 1951

Заканчивает среднюю школу

1951–1958: Юность

Студент

1951–1952

Учится в МГУ, на факультете журналистики. Вынужден уйти из-за бедности, в которой жила семья

Курсант

1952–1954

В Сумском артиллерийском училище

Офицер

Осень 1954–1956

Служит офицером в зенитных войсках на Урале

1954

Первый брак. Жена — Нурия Абдуловна Карликанова (1931–1996)

Ноябрь 1956

Служит в составе советских войск, подавлявших Венгерское восстание. Ранен, лечится в госпитале

Декабрь 1956

Рождение дочери Елены

Июль 1958

Увольняется в запас в звании старшего лейтенанта

Август 1958 – апрель 1959

Худрук в Песочинском Доме Культуры (под Ленинградом)

1960-е: Театр Шифферса.

Блестящее начало и отлучение от театра

1959–1964

Студент Ленинградского государственного института театра, музыки и кино (ЛГИТМИК)

1961–1962 (2-ой курс)

Возглавил бунт против педагога, профессора Я.Фрида. Курс берет себе Г.Товстоногов.

Первые спектакли:

Июнь 1963

«Сотворившая чудо» в Ленинградском ТЮЗе (дипломная работа)

Февраль 1964

«Антигона» во Дворце работников искусств им. Станиславского

1964–1965

Первые литературные опыты: пьеса «**Разговоры по выходным**», рассказы и повести «**Тридцать три**», «**Помогите кто-нибудь с названием**», «**Это будет нашим всегда**», «**Давай, Акимушкин, давай**», пьеса «**Круги**» (позднее включена в состав романа).

Много читает — прозу и поэзию, книги по русской и западной философии, по восточной философии и религии, театру, психологии и кибернетике

Июнь 1964

«**Ромео и Джульетта**» в Ленинградском Гос. театре им. Ленинского Комсомола. Показ на гастролях — разгромные рецензии и запрещение спектакля

1964 – начало 1965

Спектакли в Ленинградском (областном) театре драмы и комедии:

«Маклена Граса»

«Кандидат партии»

Весна 1965

Оба спектакля сняты с репертуара

1965–1966

«Ромео и Джульетта» в Областной филармонии (работа не завершена из-за ухода в театр Товстоногова исполнительницы главной роли Т.Тарасовой)

Сентябрь 1965

Постановление Бюро Ленинградского обкома партии с осуждением театральной работы Шифферса.

Приступ:

Уже в Л-де после премьеры «Маклена Граса» у меня была клиническая смерть (остановка сердца). ... Началась серия повторных спазм головы во время беседы в ОБКОМ'е, меня отвезли домой, вызвали скорую (из позднейшей дневниковой записи)

Начало 1966

«Что тот солдат, что этот» в Малом драматическом театре

1966

Продолжает писать — рассказы и повести **«Спорщики»**, **«Склад»**, **«Числа»** (позднее включена в роман «Смертию смерть поправ»), театроведческая работа **«Критерии»**

1966–1967: «Первороссияне»

Лето–осень 1966

Работает над фильмом **«Первороссияне»**.

Новые знакомства в процессе работы над фильмом, в том числе с композитором Николаем Каретниковым, который позднее введет Шифферса в московскую гуманитарно-художественную среду.

Пишет **«Автобиографию»**, первую из трех книг «романа» **«Смертию смерть поправ»**.

Впервые читает Евангелие

1966–1967

Переписка с журналом «Новый мир»: предлагает к публикации рассказы, пьесу, статью и получает отказ

Январь 1967

Премьера фильма **«Первороссияне»** в Ленинграде

Зима–весна 1967

Осуждение фильма ленинградским партийным руководством

Разрыв с Ленфильмом. Готовит переезд в Москву

1967: Переезд в Москву. «Современник». Новые знакомства

Апрель 1967

Переезд в Москву

1967–1968

Продолжает писать художественную прозу. Разнообразные кино- и театральные проекты, не получившие экранного и сценического воплощения, в том числе:

Март–апрель 1967

«**Дочки-матери**» (вариант, с небольшими отличиями — «**Антигона**») — сценарий. Сюжет воспроизводит историю Антигоны на русской почве, в условиях нацистской оккупации. Героиня, похоронившая казненного немцами брата, изнасилована и сходит с ума. «Нашей бедной» (прозвище безумной) возвращают рассудок любовь и мужество ее дочери, рожденной от немца-насилльника

3 июня 1967

«**„Ромео и Джульетта“ Шекспира. Одна из возможных трактовок**» — проект фильма по заказу Экспериментального молодежного объединения при Мосфильме (не принят)

Лето 1967

«**Гамлет, одна из возможных трактовок**» (проект спектакля для «Современника»)

Июль 1967

Съемки в Одессе фильма «Интервенция» (реж. Г.Полока). Шифферс — в роли иностранного полковника Фредамбе

Июнь–октябрь 1967

«**Народовольцы**» в «Современнике» — совместная постановка с О.Ефремовым, Шифферс исполняет роль Лорис-Меликова

14 августа 1967

Рассказ «**Вера**» (с некоторыми изменениями включен в роман)

Октябрь 1967

Новый брак — с Ларисой Михайловной Данилиной

Конец 1967 – начало 1968

Замысел фильма по диалогам Платона (в феврале 1968 г. предложен Экспериментальной творческой киностудии — отклонен).

Многочисленные новые знакомства в художественной и гуманитарной среде, том числе писатель Владимир Максимов, литературовед Юрий Карякин, искусствовед Галина Маневич, художники Сергей Бархин, Эрнст Неизвестный, Эдуард Штейнберг, позднее — Илья Кабаков, Виктор Пивоваров, Владимир Янкилевский, и др.

Зима 1967–1968: Таруса.

«Смертию смерть поправ». Видения

На тарусской даче семьи переводчиков Н.Оттена, его жены Е.Голышевой и ее сына В.Голышева. В распоряжении Шифферса — великолепная библиотека, прежде всего русских авторов начала века. Здесь прочитаны столь важные для Шифферса впоследствии авторы, как Вяч.И.Иванов (в Тарусе, прочитав про Серафима Саровского в книгах Вячеслава Иванова, я нашел описание Серафимо-Дивеевской обители и того, что было с Серафимом Саровским), К.Н.Леонтьев и В.В.Розанов.

«Трансовыми всплесками» пишет «роман», «странную книгу», «прорыв в миф» — **«Смертию смерть поправ»** (вторую книгу романа, **«Эдип и Иисус»**, и третью, **«Версия о трансмиграции»**).

Первые видения:

... мне во снах были показаны белоснежные свитки, написанные синим огнем — Евангельские тексты; я видел св. Марию с Христом Младенцем и т.д. ... Однажды около 4-х утра меня разбудил спящий Свет. Сияла вся комнатка, но особенно икона «Казанской Божьей Матери», висевшая на стене. Она (икона) то вспыхивала, то... исчезала. А внутри меня рождались (не мои!) мысли, на которые я мог волево мысленно же отвечать: вспышки Иконы как бы подтверждали «правильность» моих ответов. Да, вот еще: незадолго перед этим у меня было во сне видение: двое святых мужей апостольского одеяния говорили мне: «после Великого Поста на служение»; я понял слова о посте (во сне) как о 40-дневном голоде, и ответил: «я не выдержу»... Икона сияла, а внутренний диалог утверждал (и уточнял) слова о служении. Проснулась Лариса и так же видела происходящее с иконой. Потом икона обновилась сама: она была черной, но расчистилась и теперь висит у меня в киоте

15 января 1968

«Открытое письмо товарищу по профессии» (в защиту арестованных диссидентов А.Гинзбурга и Ю.Галанскова)

Зима 1968

Знакомство с художником Михаилом Шварцманом

1968–1969: Евгений, раб Божий.

От «Обрезанного сердца» до «Инока»

Знакомство со священниками Дмитрием Дудко и Александром Менем. Чтение святоотеческой литературы в богатейшей библиотеке Дудко. Попытки найти у священников духовную поддержку. В ответ на рассказ о видениях

(схождение Огня в Чашу во время преложения Святых Даров, обновление иконы и др.) обвинен в «материализме» и «прелести».

Знакомство с Ю.Любимовым и участие в работе над «Тартюфом».

Первые богословские работы:

Лето 1968

«**Обрезанное сердце**» — произведение синтетической формы, включающее в себя перемежающиеся богословские главы и «евангельские» главы — художественное воссоздание евангельских событий. Основные темы: динамическое учение о Св. Троице; участие человека в Троическом процессе; воскресение-через-приятие-смерти против бессмертия как отрицания смерти

Осень 1968

«**Мистерия Святого Духа или Новозаветная модель мира**». Тема: «религия Святого Духа» и «примирение христианского раскола» на ее основе. Большая часть глав составлена из цитат разных авторов, оформленных в виде диалога (с участием Автора и евангельского Петуха — из рассказа о троекратном отречении Петра)

Декабрь 1968

Продолжаются видения. «Опыт смерти и вознесения к 7-ми звездам» (23 декабря)

Начало 1969

Шифферсы переезжают в отдельную квартиру

Лето 1969

«**Инок**» — богословский трактат, развивающий триадологию и антропологию «Обрезанного сердца». Главные собеседники автора — В.С.Соловьев (один из параграфов — текст одного из «Чтений о Богочеловечестве»), «христианский мистик» З.Фрейд и П.А.Флоренский

Продолжаются попытки работы для кинематографа и телевидения: «**Меня могут распять на кресте**» (режиссерская разработка для телевидения по пьесе И.Веткиной), «**Длинная дорога человека**» (сценарий для Литовской киностудии по идее рассказа Ю.Крелина) — оба проекта отклонены

1970–1974: Среди художников и философов (1)

Регулярные беседы в мастерской Э.Неизвестного (до его эмиграции в апреле 1976). Среди собеседников, помимо хозяина мастерской и Шифферса, Ю.Карякин, М.Мамардашвили, А.Зиновьев, А.Пятигорский, В.Максимов и др.

Общение с художниками-концептуалистами (Э.Штейнберг, В.Янкилевский, И.Кабаков, В.Пивоваров), воспринимающими Шифферса как своего идеолога

1970

Знакомство и тесное общение с философом и буддологом Александром Пятигорским (до его эмиграции в 1974 г.).

Интенсивное чтение отцов Церкви, литургических текстов (по большей части, в библиотеке Дудко), восточных текстов — Упанишад, Бхагават-Гиты, буддийских сутр. Конспекты прочитанных текстов со своими комментариями записываются в тетрадь, названную **«Антропология исихастов»**

Август 1970

Рождение дочери Марии.

Продолжаются экстатические видения. В одном из них Белый Будда склоняется перед образом Богородицы.

Крепнущее убеждение в том, что епископат узурпировал апостольское преемство, по праву принадлежащее исключительно святым, находит опору в святоотеческой мысли, особенно у любимого святого, Симеона Нового Богослова. Молитвенно-медитативный опыт, литургические и экклезиологические идеи, сопоставление опыта христианской мистики (исихазма) и восточных практик, прежде всего буддийских, оформляются в новых религиозно-философских произведениях:

Начало 1971

«Богооставленность». Четыре главы: 1. Определение теологии; 2. Христос Жестокий; 3. Иисусова молитва; 4. Учение Святого Симеона Нового Богослова об иерархии.

«Осуществление имени» (не окончено). План: 1. Логос-медитация (исихазм); 2. Брахман-медитация (йога); 3. Аллах-медитация (суфи); 4. Нирвана-медитация (буддизм); 5. Средства наблюдения (сциентизм)

1971

«Размышления о 64-м слове св. Симеона Нового Богослова» — текст «Слова» и комментарий Шифферса

Ночь с 24 на 25 декабря 1971

Видение, в котором с особенной отчетливостью присутствует опыт личного общения с Иисусом Христом и избрания на служение («Крести»)

1972

Знакомство и начало многолетнего общения с философом-методологом Олегом Генисаретским. Знакомство с философом-методологом и индологом Давидом (Эдиком) Зильберманом, с индологом Борисом Огибениным. Читает буддийские сутры в переводах Зильбермана и Огибенина

1970-е годы

Окончательно формулирует свою эстетику, представления о религиозном смысле искусства — в эссе, посвященных творчеству друзей-художников и, позднее, в работах сборника «Памятник». Ключевую роль в этом сыграли поэзия и суждения об искусстве И.Анненского, Вяч.Иванова, Н.Гумилева, А.Ахматовой, О.Мандельштама, Р.М.Рильке

1973

«Идеографический язык Э.Штейнберга»

«Скульптурный алфавит мастера Эрнста Неизвестного»

Октябрь–ноябрь 1973

Спектакль **«Прежде чем пропоет петух»** в Каунасском театре (преьера 30 ноября)

Ноябрь 1973

Эмиграция Д.Зильбермана. Переписка с ним, начавшаяся в 1972 г. с отъездом Зильбермана из Москвы в Одессу, продолжается до его гибели в 1977 г.

1973–1974

«Параграфы к философии ученичества». Темы: «культ Завета» и «культ Третьего Глаза»; ученичество как жизненное задание человека; ученичество как предстояние у Святого Креста

1974: Начало систематической работы с «Беседой» св. Серафима Саровского «о цели христианской жизни»

Тогда же или несколько позже Шифферс начинает вписывать свои комментарии в ксерокопию «Беседы»; сначала тесно связанные с текстом «Беседы» записи не датируются, позднее, в 1980-е годы «Книга в книге» (принятое в семье название этого документа) становится одной из дневниковых тетрадей, которую он ведет параллельно с другими

1974–1981: Среди художников и философов (2)

1974

«Введение в богословскую проблематику» (первый вариант, текст несколько раз перерабатывался). Развивает и детализирует *философию ученичества* «Параграфов».

«Катехизис XX века»: благовестие св. Серафима для всего мира.

Сборник **«Усвоение вещи»** (по замыслу должен был включить «Введение в богословскую проблематику», «Катехизис XX века» и неизвестную работу «Размышление об уровне „Праджняпарамита“» (на примере нескольких сутр).

Знакомство и начало многолетнего общения с китаистом Владимиром Малавиным.

Интервью **«О проблемах театра»** польскому журналу «Тыгодник повшехны» (опубликовано 17 ноября 1974): о медитативном театре

Декабрь 1974

Начинает с дочерью Машей делать альбом **«Преодоление Гутенберга. Возвращение к старому жанру „Семейного альбома“»** (продолжен в 1976 и октябре 1977)

1974 – начало 1975

Передаёт ряд произведений («Инок», «Размышление о 64-м слове», «Параграфы к философии ученичества», «Введение в богословскую проблематику», эссе о художниках) на Запад; некоторые из них («Размышление», «Параграфы») опубликованы в «Гранях» (псевдоним — «Раб Божий Евгений»)

1974–1975

Работает над оперой А.Тертеряна «Огненное кольцо» для постановки в Ереване; художник — С.Бархин (не состоялась).

Участвует в многочисленных дискуссиях — застольных беседах (на своей квартире, у Штейнбергов и др.), семинарах (в мастерской И.Кабакова, на семинаре А.Дорогова в Институте автоматических систем в строительстве — ЦНИИПИАСС — и в др. местах)

1975

«Метафизические тетради Ильи Кабакова»

«„Дверь“ художника Владимира Янкилевского»

Апрель 1976

Эмиграция Э.Неизвестного.

Увлечен (на многие годы) идеями и образом свящ. П.Флоренского

1977

«Белый отроч» (или **«Формула»**): о Флоренском.

«Маковец» (позднее вошел в сборник «Памятник»).

Темы: «агиократия» (власть святых) и послушание вождя (гения) у святого; метафизика света; философия имени и всеобщей иконичности; архетип человека — Престольная Жертва Иисуса Христа.

Выдвигает проект театра-исследовательской лаборатории «около церковных стен» — **Мемориального Театра Достоевского («Театра Мертвого Дома»)** — и оформляет его в виде сборника, включавшего написанный Шифферсом текст проекта, сделанную им драматическую композицию по текстам Достоевского и Ахматовой — «Самозванец» (или «Формула») — и несколько откликов на проект — О.Генисаретского и др.

11 июня 1977 – весна 1978

Тетрадь «для Машеньки», составленная из выписок и записей, скопившихся за несколько лет, комментариев к ним и последующих записей — прототип рукописных тетрадей 1980-х и 1990-х годов. Описания видений; выписки из святоотеческой, литургической и философской литературы.

Основные темы: иконичность (*образ обладает энергией Первообраза*); святой как икона Церкви и подлинный носитель; постольского преемства, узурпация епископов; йогическо-христианский опыт и «опыт Будды-ко-Христу»

9/10 ноября 1977

«Письмо друзьям-художникам (Илье, Эдику, Володе, Вите, Мише)» (Кабакову, Штейнбергу, Янкилевскому, Шварцману) о соотношении искусства и культа

15 февраля 1978

«К 40-летию В.Янкилевского».

Тема: *гений как разведчик бытия*, улавливающий облучения Сатаны и предупреждающий об угрозе

Конец февраля 1978

В дом приходит английский стажер-русист Робин Эйзлвуд, вскоре ставший одним из самых близких к семье людей

Март 1978

Участвует во встрече художников в мастерской И.Кабакова в связи со 100-летием со дня рождения К.Малевича

Май 1978

Участвует в подготовке выставки Э.Штейнберга и В.Янкилевского в Горкоме графиков на М.Грузинской

2 июня 1978

Участвует в обсуждении выставки Штейнберга — Янкилевского. Доклад Б.Гройса «Эстетика Мартина Хайдеггера» и проблемы современного искусства» и выступление Шифферса. Полемика между ними, обозначившая раскол в среде художников-концептуалистов

Лето 1978

Первая поездка всей семьей на Украину в с. Гуляйполе Черкасской области, где с тех пор Шифферсы ежегодно проводят по два летних месяца — до 1991 г.

Ноябрь 1978

Выступает на семинаре в Институте психиатрии на тему «Проблема смерти и самоубийства» (текст выступления в 1991 г. опубликован в журнале «Искусство кино» под названием **«Отношение христианства к самоубийству»** и вошел в сборник «О наречении патриарха» под названием **«Самоубийство»**). Темы: духовная брань в сердце человека; Сошествие Иисуса Христа в Ад для спасения праотцов и др.

Конец января 1979

«Если один умер за всех, то все умерли» — текст в жанре *нашептывания на ухо умирающему*, обращенный к художнику В.Пивоварову

17–28 февраля 1979

Выставка «Цвет. Форма. Пространство» в Горкоме графиков. Шифферс принимает участие в ее обсуждении

Сентябрь–ноябрь 1979

«В поисках утраченной памяти» (текст вошел в сборники «Лик и личины России» и «Памятник»)

Декабрь 1979

Участвует во 2-й Конференции «Культурного движения» в Ленинграде. Шифферсу вручают премию им. А.Белого. Речь при вручении премии опубликована в самиздатском журнале «Часы»

Январь 1980

Сборник «Памятник или записки о культуре как творческой борьбе с беспамятством». Состав: 1. «Вслушивание. Время славянофильствует». 2. «В поисках утраченной памяти». 3. «Пространство». 4. «План к будущей монографии». 5. «Маковец». Приложение: «41-ое слово св. Симеона Нового Богослова»
Сборник «**Лик и личины России**». Состав: работы Шифферса «**Продумывание названия работы как ее оглавления**», «В поисках утраченной памяти» и «Пространство», а также две работы других авторов — Г.Маневич и В.Гоголева

1981

Неудачная попытка издания романа «Смертию смерть поправ» в ФРГ на средства фирмы «Фольксваген»

3 марта 1981

«**Поздравление туземному художнику, выполненное в манере писем к исследователю Бегемота**». Адресовано Э.Штейнбергу ко дню рождения

19 марта 1981 (40-й день после дня смерти Достоевского)

Представление проекта «Мемориального театра Достоевского» на художественном совете Театра на Таганке (макет С.Бархина). Проект был встречен враждебно и обсуждение превратилось в скандал

1981–1985: К Пушкину. Разрыв с диссидентством.

Время евразийствует. «Куликовская битва»:

Дивеево против Сиона. Союз с Шамбалой

Работает над «Борисом Годуновым» А.С.Пушкина. Конфликт с Ю.Любимовым из-за интерпретации трагедии. Помогает дочери Лене, студентке ЛГИТМИКа, в работе над дипломом по этой теме

17 января 1982

Начал записи в тетради «**IV удел**» (как отдельная тетрадь уничтожена; отдельные листы включены в «Зеленую тетрадь» — другое название: «Записки сумасшедшего», — начатую 8.01.84 и заполнявшуюся до 1988 г.).

Темы: революция как плод отвержения *инициатив Св. Марии о Ее IV-ом уделе* в Дивеево; роль и место гения как глашатая рода с учетом знания мертвых, поэзия как *голос рода*; *Мариократия* — различные послушания о-крест

святого свидетеля как служки Живой по Успении Богородицы; Октябрьская Революция как *октябрьская реставрация* границ скифской Руси I-го века, когда Св. Мария получила в удел Дивеево

Лето 1982

Работает с группой архитекторов: участвует в проектах реконструкции района Коломяги в Ленинграде (рук. В.Г.Бедник) и парка «Ла Виллет» (как танатологического парка) в Париже (рук. А.В.Кривов)

29 октября 1982

Выступает перед членами философско-методологического кружка, существовавшего примерно с 1979 г. в помещении Центрального спортивного клуба армии (авторизованная запись — **«В каком пространстве мы находимся?»**). Темы: культура и культ; агиократия как русская идея; святость и свет; культурологическая задача создания буддийско-христианского синтеза

13 декабря 1982

Вызван в КГБ по делу Зои Крахмальниковой, арестованной за издание религиозно-публицистического журнала «Надежда». Позиция, занятая Шифферсом, который считал бессмысленными как деятельность Крахмальниковой, так и ее преследование со стороны власти и открыто говорил об этом, стала одним из первых открытых проявлений его расхождения с диссидентствующей интеллигенцией.

Пишет «Записку» о журнале «Надежда» и 3-х письмах Ф.Г.Светова (в защиту его жены Крахмальниковой). Среди тем — необходимость оккультной обороны государства и *молитвенное поле* как система такой обороны

Зима–весна 1983

«Алмазная лавра: поиск архитектурной формы, сокрытой в гениальных русских стихах. Записки о морфологии культуры „святая Русь“. Помимо любимых произведений Пушкина, Достоевского, Ахматовой в центре внимания — «Двенадцать» А.Блока. Эпитет «алмазная», примененный к Дивеевской лавре, которая должна стать священным центром России и мира, выражает прочность и неуязвимость для смертоносных излучений, достигаемую молитвенной и йогической практикой — один из базовых символов буддо-христианского антропологического синтеза Шифферса.

Пишет текст без названия (**«...партия Солженицына-Максимова...»**) с осуждением названной эмигрантской «партии» за разжигание ненависти

Лето 1983

Еще одна попытка воплощения Мемориального Театра Достоевского — с участием дочери Елены и ее мужа, режиссера Романа Смирнова (в Гуляй-поле создан текст **«Театр Мертвого Дома (в поисках жанра трагедии). „Requiem“**» — драматическая композиция из текстов Достоевского, Пушкина, Ахматовой, Анненского

Осень 1983

В доме Шифферсов появляется и вскоре становится близким семье человеком Мария Оганисьян.

Конец 1983

«**Всадник**» — первый вариант работы «**Россия**».

Метод: поиск ритуального поведения народа как его «морфологии» (в смысле К.Н.Леонтьева). Темы: ритуальное поведение русских — служение Живой по Успении Богородице, ритуальная маска — воин, поражающий дракона; ложное противостояние коммунистического интернационала и эмигрантского «интернационала сопротивления», пользующегося тем же партийным языком

1984

«**Россия**» (варианты названия — «**Схематический план непрочитанных лекций о России**» и, вероятно, название, упоминаемое в тетрадях — «**Detectio. Всадник**»). Самонаименование автора — Акума (два значения: семейное прозвище Ахматовой и одно из еврейских названий не-еврея). Структура произведения (названия параграфов) точно воспроизводит структуру «Всадника» 1983 г., но в «**России**» (в два раза большей по объему) появляется новая, важнейшая для всего позднейшего творчества тема жертвенного подвига Царской Семьи, острее звучит тема противостояния Дивеева и Сиона, усиливаются буддийские мотивы, идеи «русско-азиатского синтеза».

«**Заметки на полях статьи доктора Шлотта**» (о творчестве В.Янкилевского). Появляются вставки в тексты сборника «**Памятник**» и примечания к ним, вводящие темы оккультной войны между IV уделом Богородицы и Сионом

8 января 1984

Начало записей в «**Зеленую тетрадь**» (другое название — «**Записки сумасшедшего**») — первую из сохранившихся тетрадей-дневников, которые Шифферс систематически ведет с этой поры и до конца жизни. В них он записывает мысли, мистический опыт, отклики на духовно значительные события, замыслы произведений, астрологические и хронологические расчеты

Весна–осень 1984

Темы тетрадных записей: Дивеево в судьбах России; Сошествие во Ад как акт спасения всех «адамитов»; оккультная война и оккультная безопасность; буддо-христианство, необходимость *военного союза с Шамбалой (Гора Фавор + Гора Меру против Горы Моссад)*; осуждение «*архиерейской секты*».

Интенсивное чтение книг по физике и астрономии и религиозное переосмысление науки — фотохимии (святой как приемник Нетварного Света и защитник от «космического излучения князя мира сего»), биологии (как танатологии), физики (как неэнтропийной, иерархической).

Планируется новый сборник из написанных и пишущихся работ.

Потребность в сотрудниках (*самосознание профессора, нужны аспиранты*), идея института *опережающих исследований*

Конец 1984

Почти исключительная тема размышлений, круга чтения и тетрадных записей — Пушкин, *окультный царь России*, и его убийство (*отстрел геральдического зверя*) в результате заговора враждебных России польско-католических сил. Результат этой работы — пьеса **«Русское море»**

Зима–весна 1985

Усиливаются мотивы тантрического буддизма, ваджраяны (линия Калачакры), сопоставление-противопоставление Калачакры и Каббалы (*«Тора» против «Тары»*); учащаются ссылки на Рерихов и Г.Гурджиева

Март 1985

Продолжая записи в «Зеленой тетради» (как комментарии к ранее сделанным записям), начинает новую, «Коричневую тетрадь»

Апрель 1985

Беседа с О.Генисаретским и С.Серовым (в доме Генисаретского) — обсуждение дипломной работы Серова о символике храма. Отредактированная и авторизованная запись — **«Беседа о храме: Культ и архитектура»**.

Темы: храм как *визуальная форма* национальной святости-гениальности и *орудие, даже оружие* ее интенсификации; необходимость возвращения культуре ее формообразующего смысла — национальной гениальности; самобытно русская идея — синтез исихии и ваджраяны, мистики преподобного Сергия и мистики Цонкапы (тибетского святого и вероучителя)

24 апреля 1985

Делает запись в тетради о заключении оккультного союза с Шамбалой

Лето 1985

Отправляет рукопись работы «Detectio. Всадник» (= «Россия»?) за границу — Папе Римскому (через *Общество Иисуса*)

Осень 1985

Дополнения к тексту «России» (уточнение геополитической картины в связи с прочтением книг В.Буковского «Пацифисты против мира» и М.Даймонта «Евреи, Бог и история»)

1986: Синтез расширяется (1): И-Цзин и Египет.
«Куклы Паши Саровской». Воспроизводство гениальности

Апрель 1986

Начало **«Холщовой тетради»**. Перечитывает и комментирует в тетради «Государство» и другие диалоги Платона, «Политику» Аристотеля. Из изучения «Абхидхармакоши» Васубандху — очень важная для Шифферса идея *промежуточной смерти*, которая отождествляется с *забеганием в смерть* Хайдег-

гера и мистикой схимы и рассматривается как свидетельство *возвратившегося* о смерти. Впервые появляется самоименование *Lama Šambhala*

20 апреля 1986

Сообщение (у *Генисаретского*) о процессе «интенсификации» национального сознания («селекция гениальности») через медитации над национальными художественными формами. Проект театра — исследовательского центра «Русская школа»

26 апреля 1986

Чернобыльская авария. В тетрадных записях — обсуждение ее скрытого смысла

Апрель–май 1986

В тетрадях: египетская тема (мистика Пирамиды, погребение Фараона, Фараон и «простолюдин»); первые упоминания китайской «Книги перемен» (И-Цзин); хронологические сопоставления и астрологические расчеты (например, гороскоп М.Горбачева); Царская Семья и блаженная Паша Саровская. Формирует сборник «**Записки о Дивеево**» (позднейшее название — «**О наречении патриарха**»). В состав сборника вошли «О поведении царей» (автор — Аргушти), «**Самоубийство**» (текст доклада 1978 г., автор — Библиотекарь), «**Россия**» (автор — Акума)

Конец мая–июль 1986

Замысел спектакля или фильма «**Куклы Паши Саровской**» (фильм о постановке «Бориса» (царевич Димитрий) в куклах группой «юродивых»). Тема Царевича (Димитрий, Алексей).

Другие темы записей: гениальность и юродство; мистериальный театр Паши Саровской; отношения СССР и США; Правитель и простолюдин; параллели между даосизмом, *йогой Фараона* и Калачакрой, между Дао, Дхармой и Софией

Июнь 1986

Знакомство и начало длительного, до конца жизни Шифферса, общения и сотрудничества с Юрием Громыко

Август 1986

Часто, помногу и с восхищением пишет о Георгии Гурджиеве (*Святой Георгий Гурджиев, моли Бога о нас!*). Углубленные занятия Калачакрой, все чаще рисует в тетрадях буддийский символ — свастику

Осень 1986

Основные темы: поиски союзников в оккультной войне; геополитика, прежде всего, советско-американские отношения; идея элитного исследовательского и консультативного центра по оккультной безопасности (ИОИ, «Институт сократических исследований», «Комитет интенсивных исследований» и др.).

Формулирует технологическую формулу *воспроизводства гениальности* (отыскание *рождения*, воспитание, служение)

1987, январь — май: «Русская школа».
Встреча с театром Ю.Погребничко

Январь 1987

Начало новой тетради

Январь–март 1987

Темы записей: проект театра, исследовательского и образовательного центра под разными названиями («Пушкинский мемориальный театр», «Савельич», «Русская школа», НИИ им. П.А.Флоренского); *наука умирания*, воспроизводство гениальности и национальная безопасность; физика и астрология; мистическая геометрия и гравитация

Апрель 1987 (конец Великого поста и Пасхальная неделя)

Командировка на Камчатку. Работа с коллективом Камчатского театра (худ. рук. Ю.Погребничко). Беседы с режиссером и актерами (об Иисусовой молитве)

Апрель–май 1987

Темы записей: театральные и оккультно-исследовательские проекты (*ИОИ... б.м., действительно, при Академии Генштаба*); пирамидология; *интернационал сопротивления* против IV удела Богородицы; мариократия и агиократия как самобытная русская система управления

1987, июнь–декабрь: Синтез расширяется (2): зороастризм («авесто-христианство»), рост интереса к Китаю.
Начало постоянной работы с коллективом театра «На Красной Пресне» (буд. т-р «Около»)

Июнь–август 1987

Темы записей: Николай II — *первомученик IV удела*; о русских — *аксиоматика* Достоевского против аксиоматики Ленина; зороастризм и Калачакра, *авесто-христианство* как не состоявшаяся историческая возможность; образ *Побеждающего (Победителя)* («Откровение Иоанна») в Египте (*Господин Пирамиды*) и в Китае (Белый Господин); самозванец-«престолюдин» в Кремле против Господина Пирамиды; ученичество как причастие скорби Учителя; катастрофическое положение России: перестройка — *перетасовка мусора*; готовящиеся торжества по поводу Крещения Руси

Начало июля 1987

Незавершенная тетрадь-альбом «**АКУМА**» (АХМАТОВСКИЙ — КЛУБ — УСО-ВЕРШЕНСТВОВАНИЕ — МЕДИТАЦИЯ — АДИ-БУДДА). Что-то вроде учебного пособия для занятий с молодежью, дочерью Машей и ее друзьями. Темы:

Ахматова («Творчество») и Пушкин («Борис Годунов» и «Пророк»); астрология, Египет, Шамбала и Калачакра; Россия в оккультной войне

Август 1987

«**Расследование одного странного самоубийства**» — драматическая композиция по «Бесам» Достоевского (сцена подготовки Кириллова к самоубийству) со включением «медитаций» на «Творчестве» Ахматовой и «Пророке» Пушкина.

У дочери Елены родился сын, которому в честь деда дали имя Евгений («Женик»)

Осень 1987

Из молодежи (дочь Маша, Мария Оганисьян, Алексей Косарев, Ольга Гавриленко и Владимир Слуцкий) формирует первый состав *Института опережающих исследований* (ИОИ). Сотрудники Института читают по указаниям Шифферса (Евангелия, астрология, Е.Рерих, Е.Блаватская, другая оккультная литература). Мария Шифферс и Мария Оганисьян выполняют по заданию Шифферса переводы нужных ему текстов с английского и немецкого языков

Октябрь 1987

Начало работы с актерами молодежного театра «На Красной Пресне» (позднейшее название — «Около Дома Станиславского», или «ОКОЛО»). Шифферс читает лекции, сначала в кабинете руководителя театра Ю.Погребничко для небольшой аудитории, позднее и до конца жизни — для всего коллектива и друзей. Эта деятельность организационно оформляется как семинар-лаборатория «Творчество»

30 сентября 1987

Выступает на творческом вечере В.Янкилевского. Тема: *протошаманистский, первичный синтез, к которому причастен творец в акте творчества*

Ноябрь 1987

Выступает на семинаре молодых кинематографистов по проблеме национальных культур

11 ноября 1987

Выступает на конференции, посвященной Достоевскому, в Литературно-мемориальном музее писателя в Ленинграде. Тема доклада Шифферса, *превратившегося в крик* (из письма Шифферса В.Золотухину) — агиократия. Выступление Шифферса встречено полным непониманием

Конец 1987

Задумывает театральную постановку «Похороны Илюшечки» (замысел сценического воплощения не получил). Запись в тетради: *К большому сожалению (!) даже «похороны Илюшечки» делать нельзя, ибо нет «выдуманного» храма (храм освящается; антиминос надписывается; облачение не может быть на выдуманном «священнике»), где отпевают Илюшечку. Вот такие дела. Он, Достоевский, видимо (вослед Пушкину) не задумывался над этими вопросами*

1988, январь–ноябрь: К 1000-летию Крещения Руси. Синтез расширяется (3): древние майя, теософия и «огни-йога». Гексаграммы И-Цзина как инструмент повседневной работы. Святая Елизавета Московская. Первые «прориси» нового фильма

1988

Присутствует и выступает на филологическом факультете МГУ, на защите диссертации М.Оганисян

Начало 1988

Темы записей: египетская пирамида, И-Цзин, Каббала; Крещение Руси и самобытное русское христианство.

«К тысячелетию крещения Руси». Темы: Владимир Святой, князь-воин, выбравший оружие Св. Креста; «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — самобытное русское христианство; III (Киев) и IV (Дивеево) уделы Богородицы против Сиона; празднование Крещения Московской патриархией — отвод аналитического внимания от Дивеевских идей; спасительный путь — синтез *научной честности и Азии* (К.Н.Леонтьев)

Март 1988

Участвует в заседании клуба поэтов «Московское время» (в помещении Музея архитектуры). Тема заседания — «Новые западники и славянофилы». Тема выступления Шифферса — Дивеево как IV удел Богородицы

Март–начало мая 1988

Изучает новые источники по Калачакре, книги Х.Аргуэлеса о древних майя. Темы записей: символика египетских пирамид, И-Цзин, Каббалы, саркофагов майя, Калачакры и *Иверско-Дивеевская Идея*; культура *Трех Магов* (волхвов) как принятие Христа Востоком; китайское учение об идеальном монархе (Фу Си).

Учащаются ссылки на Алису Бейли, Блаватскую и Рерихов

12 мая 1988

Выступает в объединении «Путь». Название — **«Святость и победительное, государственное начало».** Тема: *вопросы человека с паперти, тренированного в однонаправленном сознании*, относительно того, что вызывает его недоумение в устройении Русской Православной Церкви

Конец мая – начало октября 1988

Темы записей: Дивеево и Шамбала против *младомарксизма и младовизантизма*; обстоятельства убийства Царской Семьи и участники убийства (*Ленин убил всех, кто нес гроб св. Серафима! Сталин установил культ убийцы!*); сочувственные упоминания о Борисе Ельцине как о человеке, который *паек ЗК предпочел пайку ЦК*, оккультном человеке, потенциальном союзнике (это отношение сохранится до июня 1991 г., когда

Ельцин был избран президентом России и объявил об исполнении *1000-летней мечты русского народа*)

4 октября 1988

«К пониманию (прориси видеоинформации для заинтересованных лиц)» — двухстраничный текст, излагающий проект фильма по заказу «кооперативного производственно-творческого объединения» «Путь». Тема: дивеевские свидетели (мученики) как священный центр мандалы России

Октябрь – начало ноября 1988

Темы записей: дивеевские свидетели, больше всего о св. Елизавете (*св. Стефании, первомученице от Синедрiona*), ее нетленных мощах в Иерусалиме; преступное молчание о мучениках поэтов и философов «Серебряного века»; замыслы трагедии масок; *военная демократия (Богородичная республика)* для России (Верховный Главнокомандующий при старце и Богородице)

Конец 1988 — начало 1989: Публичные выступления. Первый инфаркт

Осень 1988

Галина Маневич предлагает подборку текстов Шифферса о художниках для публикации в двухтомнике «Другое искусство» (сост. И.Алпатова) и пишет туда же очерк «Е.Л.Шифферс»

7 ноября 1988

В уточнение очерка Г.Маневич Шифферс пишет одностраничный «**Автореферат**» с кратким резюме идей своей религиозной эстетики. В книгу шифферсовский материал не вошел

Ноябрь 1988

Темы записей: Флоренский и св. Елизавета; биофизика и *siddhi* (сверхъестественные способности); *Школа «бизнеса» преп. Серафима Саровского*

26 ноября 1988

Передача в программе ленинградского ТВ «Пятое колесо» (автор — А.Кривонос), посвященная Шифферсу. Воспоминания актеров, работавших с ним в 60-е годы, интервью с Шифферсом.

Темы интервью: Флоренский с его идеей рода, преодоление евроцентризма Флоренского; искусство — наука — биофизика (*йогофизика*); воспроизводство гениальности и национальная безопасность; обратная перспектива (которая была уже в «Первороссиянах»): мертвые смотрят в сердце «зрителю»; трагедия — для того, чтобы учить царей

Начало декабря

Начало новой тетради. Темы записей: «И-Цзин» в немецком переводе Рихарда Вильгельма (в это время или чуть позже М.Оганисьян делает перевод

на русский язык); *величие немцев: святая и гений* — Элла Гессен (св. Елизавета) и Р.Вильгельм

7 декабря 1988

Землетрясение в Армении, в т.ч. в Ленинакане (б. Александрополе), *городе Гурджиева*

Первая половина декабря

Темы записей: «управление» по Ленину (читает «Как нам реорганизовать Рабкрин») и по И-Цзин; работа с гексаграммами — младоленинцы разворачивают Горбачева; *радость монаха Климента* (К.Н.Леонтьева) об Элле Гессен; критика Флоренского

Середина декабря 1988

«**Ложный оптимизм П.А.Флоренского**» — тезисы лекции. Темы: евроцентризм Флоренского; его ложно-оптимистическая надежда на то, что можно спасти сакральные объекты, переименовав их в музейные экспонаты.

«**Беглец из второй зоны**» — пьеса по мотивам «Антигоны» Ж.Ануйя, поставленной Шифферсом в 1964 г. Образ Антигоны — сквозной для Шифферса; его вариациями являются образ «нашей бедной» из «Антигоны» 1967 г. и образ «русской Антигоны», погребавшей тело убитого Царевича в замыслах 1990-х. *Беглецом из 2-ой зоны (зоны предсмертного смешения)* в тетрадных записях этого времени именуется К.Леонтьев

Вторая половина декабря 1988

Темы записей: катастрофы (Чернобыль, землетрясение в Армении); И-Цзин и ваджраяна; нумерология; 8 мировых традиций (8 триграмм И-Цзин, 8 граней алмазной структуры мира), найти свою грань в алмазе — задача человека; явление Богородицы детям в Междугорье (Герцеговина); творчество Неизвестного (в связи с проектом В.Бондарева снять фильм о скульпторе — Шифферс приглашен к участию); продолжает обсуждать темы нескольких последних месяцев

1 января 1989

Инфаркт

1–16 января 1989

Находится в больнице

1989: Монах, играющий в куклы: Царица, Юродивая и Комендант Дома Особого Назначения.

На подступах к фильму (1)

Январь–март 1989

Темы записей: страдания Алапаевских и Екатеринбургских мучеников; Пушкин о царевиче Димитрии («Борис Годунов») и всеобщее молчание поэтов-современников *об убиенном царевиче Алексее*; все роды чело-

вечества знают, с разной степенью ясности, о Св.Кресте; «Институт Сердца»: все культы и упражнения для того, чтобы зажечь сердце; *воспоминание о Кресте Эрнста Неизвестного* — размышления, связанные с фильмом о скульпторе.

Снимается в художественно-публицистическом фильме В.Бондарева «В ответе ль зрячий за слепца?» (об Э.Неизвестном). Кроме Шифферса, в фильме участвуют М.Мамардашвили, Ю.Карякин, В.В.Иванов, В.Янкилевский, Э.Штейнберг, С.Н.Хрущев. Композитор — Авет Тертерян

Конец марта 1989

Параллельно с предшествующей тетрадью начинает вести еще одну

Апрель–май 1989

Наряду с прежними темами записей — отклики на появившиеся в советской печати публикации об убийстве Царской Семьи; на внутривнутриполитические и внешнеполитические события (например, визит английской королевы и предстоящее возложение ею венка *труп* в *Мавзоле*); гороскопы ведущих политиков; все больше — об Аликс (Императрице Александре Федоровне): ее отношение к коронованию, поклон ей блаженной Паши Саровской (*символа русского народа*)

7 июня 1989

Запись в тетради: *Не отождествляйся ни с кем! ... Ты не «китаец», не «буддист», не католик-протестант-византиец-русский? Ты на пустой оси, знакомый Господа Иисуса Христа*

Июнь 1989

Темы записей: угроза разрушения «Союза»; нужно сохранить наличные структуры управления (партократию), *изменив код: партия государственной безопасности*; «новое мышление» — мышление преодоления смерти; символизм свастики; Калачакра и Распятие; Св. Распятие как Первообраз, вводимый в сознание и поражающий наличное тело.

Продолжает изучать публикации о Екатеринбургском убийстве

Июнь–декабрь 1989

Поток сменяющих друг друга, ветвящихся и переплетающихся замыслов спектакля или фильма — трагедии, в которой темы убийства Царской Семьи и захоронения убитых совмещаются с темами «Бориса Годунова», «Бесов» Достоевского и «Антигоны». Это — схемы, записываемые в надежде на *обрастание плотью (хотя рисование скелета само по себе славный жанр)*.

Среди персонажей: Соня Раскольников, внучка Родиона и Сони из «Преступления и наказания» (она же — Русская Антигона, погребающая тело брата-царевича); *самозванец и самоубийца* Ставрогин и *монах-следователь* Тихон из «Бесов»; Комендант *Дома Особого Назначения*, убийца Царской Семьи Яков Юровский; В.Ходасевич, единственный из поэтов, кто в своих воспоминаниях «Белый коридор» упомянул об убийстве, и являющийся ему перед смертью Ангел — убитый Царевич.

Играть должны куклы и люди, точнее, люди, разыгрывают кукольный спектакль.

В числе перебираемых названий: «Монах и Комендант», «Комендант зоны, монахи и смена династий», «Дом Особого Назначения против Дома Пресв. Троицы, или Комендант Юровский против преп. Сергия», «Монах, играющий в куклы», «Страсти Людвига Гессенского» (отца Эллы и Аликс), «Карма поэта»...

Из других тем — непреодолимое технологическое отставание СССР. Но — у русских есть Дивеево, есть Святая Госпожа Дева Богородица и Колесо Будд. Есть преп. Сергий, Серафим, Гессен-Романовы. Попрежнему идти своим путем. Не путем технологии, а *siddhi*.

Все чаще о «Бардо Тхёдол» (Тибетской «Книге мертвых»). Образовательный минимум — «И-Цзин» в переводе Р.Вильгельма, «Бардо Тхедол» и «Агни Йога» в изложении Елены Рерих (это следует прибавить к Дивеево и «Беседе» св. Серафима). Появляется тема священного коронования как таинства. Тема договора, обета, присяги (Митра — бог договора) и диагноз русским: равнодушие к договорам, в том числе и религиозным обетам.

Шифферс попрежнему открыт разным духовным традициям: читает книги Кастанеды и «Розу мира» Даниила Андреева

1990: «Взвешивание сердец». На подступах к фильму (2)

Январь–март 1990

Темы записей: кукольный «Театр Мертвого Дома»; углубление в И-Цзин; «Дао-христианство»; астрология геополитики; Каббала; ислам и Авеста.

Замысел мистерии «Взвешивание сердец» или «Русские книги мертвых» (Сердце «россиянина» на одной чашке и Сердце Мальчика на другой); дивеевская схима блаженной Паши и Царицы

Март 1990

Проект постановки «Моцарта и Сальери» для режиссера Колобова (не осуществлен). Испытание гениальности: Моцарт принимает яд, чтобы услышать подлинный «реквием»

Март–апрель 1990

Много записей о звуке: космический звук и оккультная музыка; мантры (священные звуки) в буддизме; тональность и лик народа: «парамантра» святой Руси, парамантра «Алиса»

Весна 1990

Заявка на кинофильм «**Взвешивание сердец**» — по-русски и по-французски

Начало мая 1990

Читает «Письма Царской Семьи из заточения»

15 мая 1990

Лекция в театре: «**Взвешивание сердец**»

24–26 мая 1990

Поездка в Ленинград. Выступает в Союзе театральных деятелей (Дворце искусств)

Июнь–сентябрь 1990

Темы записей: «Письма Царской Семьи»; образы будущего фильма; «свастика» Аликс спасла Россию от Гитлера; «стоп»-упражнения Гурджиева; Первочеловек Ади (Адам, Ади-Будда) и восстановление его Первосхемы

30 сентября 1990

Беседа с В.Карпецом, Г.Кремневым и Д.Веденяпиным на квартире Шифферсов:

Страшная вина русских состоит в том, что два представителя народа — Паша и Государь — восторженно любили Алису фон Гессен, а всё остальное население ненавидело эту святую девочку.

Следствие должно продолжаться

Октябрь–начало декабря 1990

Записи о будущем фильме: *профессор в зоне* (образ Флоренского и Карсавина) 4 богини врат мандалы; фильм-книга для переучивания России после «Краткого курса ВКП (б)»; *Святая Алиса из Шамбалы*.

Из других тем: судьбы России и «новый порядок» Дж. Буша

11–12 декабря 1990

Поездка в Ленинград по приглашению студии «Нева» для переговоров о съемках фильма. Заключен договор *на написание сценария для полнометражного художественного фильма с условным названием «Мудрец и святая»*

Конец 1990–1991: Путь Царей

Середина декабря 1990 — начало апреля 1991

Формирование съемочной группы. Второй режиссер — Елена Машкова. Композитор — старый друг, Авет Тертерян. Оператор (конец января) — Алексей Найденов. Художники (начало апреля) — Александр Орлов и Ирина Чередниченко

Январь 1991

Интервью журналу «Путь к себе»: «**Невидимое поле брани**».

Публикация работы «Пространство» в «Московском журнале»

27 января 1991

Первая беседа с оператором. Начало регулярных бесед со съемочной группой о принципах медитативного, магического кинематографа. Из бесед: (о методе) *Витраж, гениальность должна быть прозрачна для сияния святости. Святость — прозрачна для сияния благодати Бога. Если на каком-ли-*

бо этапе это становится какой-то самоцелью, то божественный свет начинает затмеваться. Схема берёт на себя.

Другое кино — для третьего глаза, ангелов, Огненного Мира.

Нищее, орденское служение людей, которые хотят исцелять искусством. (об Аликс) Это и есть святость. В светоносном теле она увидела, как убийца добивал её сына, которого ей предрекла блаженная Паша Саровская, и светоносная мощь её ума породила не ненависть и гнев, но воспоминания, что Пресвятая Богородица страдала о Своем убиваемом Сыне намного раньше и намного сильнее. Она нашла в себе светоносную мощь сострадать в этот страшный момент не своему горю, требующему отмщения, но страданию Пречистой. Это и есть святость. В этом месте убили святых, и это преступное место будет превращено в пустыню

Февраль 1991

Интервью газете «Европейские ведомости» (интервьюер — Вера Генисаретская): **«Непогребенный дух Ульянова бродит и губит живых»**

Зима 1991

«Путь (Опыт магического искусства). Литературный сценарий» — первоначальный вариант сценария фильма

12–15 февраля 1991

Поездка в Ленинград для показа сценария руководству студии. Заключен договор на постановку художественного фильма «Путь» («Мудрец и святая»)

Февраль–март

В записях — все более конкретные детали фильма. В центре размышлений — блаженная Паша, *лик нации, седая девочка, играющая в куклы*

Конец апреля 1991

Готов режиссерский сценарий фильма

4–6 мая 1991

Отправляет Е.Машкову и А.Найденова в Пермь для съемки пермской деревянной скульптуры. Скульптурный образ *Спаса Темничного* будет воспроизведен в фильме

Конец мая–начало июня 1991

Осмотр и утверждение макета Ипатьевского подвала и природы (Парк Александрия в Царском Селе). Кинопробы Марии Шифферс — на роль *актрисы Театра Мертвого Дома*.

«Над могилой Леонтьева. К 100-летию научных прогнозов» — двухстраничный текст, позднее вошедший в «папку» «Свастика Святой Аликс» (1992–93). Вслед за цитатой из статьи К.Н.Леонтьева «Над могилой Пазухина» — о вырождении русского народа и скором превращении его из народа-богоносца в народ-богоборец:

В 1991 году, к 100-летию ученых прогнозов, дела с убыстряющейся скоростью идут ко всеобщему смертельному смешению. Б.Ельцин говорит о себе как об осуществленной мечте, 1000-летней мечте, о «президенте»

2 июля 1991

Письмо В.Янкилевскому: эволюция И.Кабакова — пренебрежение зовом из глубин многослойной и заселенной в этих «многих слоях» вселенной» и отступление «на поверхность социологической демагогии»

Начало августа 1991

Пробы, просмотры, беседы со съемочной группой. Символическое значение выбора времени начала съемок: вступление России в Первую мировую войну, Память Ильи Пророка и день канонизации св. Серафима Саровского (1 и 2 августа по н. ст.)

13 и вечер 15 августа 1991

Подготовка павильона к съемкам

Утро 15 августа 1991

Просмотр всей группой фильма «Первороссияне»

16 августа 1991

Начало первого съемочного дня — в Александрии. Во время застолья, которым принято отмечать окончание первого дня съемок, Шифферс шутит (?):
Теперь коммунистам конец

19–21 августа 1991

Августовские волнения в Москве (Путч ГКЧП и его поражение) — съемки продолжают все это время

2 сентября – 4 октября 1991

Досъемки в Александрии. Съемки в павильоне; параллельно — монтаж

13–15 сентября 1991

Отъезд в Москву. Шифферс выступает на международной конференции, организованной В.Малявиным. Название сообщения — «**Год иерархии**». Заголовки тезисов: 1. Послание Майтрейи; 2. Завещание П.А.Флоренского; 3. Завещание Н.А.Соколова; 4. Мандала Ипатьевского подвала

Сентябрь 1991

Публикация работы «**Отношение христианства к самоубийству**» в журнале «Искусство кино»

4 октября 1991

Последний день съемок

С 7 октября 1991

Шифферс монтирует фильм

4 ноября 1991

Статья Е.Алексеевой «**Шествие народа в подвалы надо остановить**» о фильме «Путь царей» в газете «Час Пик»

Декабрь 1991

Новая тетрадь. В записях, наряду с прежними темами — «Дивеевская историография», «Русский мир» и «status-in-statu» (Достоевский), Калачакра, И-Цзин, астрологические расчеты, со-умирание с Иисусом Христом и за-

пись в сердце «излучения Положения во Гроб» и др., — о снятом фильме и расследуемых в нем событиях:

«Путь Царей» (Бог пришел в Ипатьевский подвал) — теургия русской идеи

30 декабря 1991

Интервью газете «Час Пик»: **«Меня всегда интересовало только одно — человек перед лицом смерти»**

1992 — август 1993: Вслед за фильмом

Зима 1992

Лекции в театре: **«Великий Предел, или Mahamudra», «Убить самоубийцу в сердце»**. На этих и последующих лекциях Шифферс дает слушателям в качестве пособий специально подготовленные «листы» — с цитатами из книг и документов и со своими комментариями, схемами и рисунками. Из этих листов позднее будет составлена «папка» «Свастика Святой Аликс», первый образец нового жанра

Январь–февраль 1992

В записях — о фильме и на темы читаемых лекций.

О фильме: *ритуал Царя Шамбалы; Путь царей → к Дивеево; Yoga соперничества пресв. Богородице; Нравится ли Ей фильм?*

Конец февраля 1992

Премьера «Пути царей» в Петербурге (18-го) и в Москве (28-го)

Март 1992

В записях — о зрителе для «Пути Царей»:

исследование государственной (внутренне) и мировой (внешне) значимости — не для широкой публики. Просмотреть-обсудить Правительству, союзникам, Германии...

Конец марта 1992

Интервью Вере Ивановой на «Открытом радио»

5 апреля 1992

Лекция в театре: **«Череда творчества»**

Апрель 1992

Темы записей: восстановление природных добродетелей через соперничество Богородице; (о Царице) *Аликс подражает Богородице, принося сына на страдания*; (о Царевиче) *Царевич из Шамбалы и ушел туда же*; (о России) *Свастика гражданки Романовой: а) в зоне по-прежнему режим мавзолея Ленина, б) Лапа в юго-западной точке Ипатьевского Подвала свидетельствует каждому умирающему о загробных измерениях, и в) практикующему Путь утверждает протекторат Царей Шамбалы над Империей (т.е. принятие Буддами Св.Креста и продолжение Воскресшего Тела)*

28 апреля 1992

Лекция в театре: «**Свастика гражданки Романовой**»

Весна 1992

Несколько показов фильма «Путь царей» в Москве с выступлениями Шифферса перед зрителями (всего в 1992–93 годах состоялось восемь показов с обсуждением)

Май–начало июня 1992

В записях: «*Путь царей*» — это продолжение расследования убийства Царской Семьи, завещанное следователем Н.А.Соколовым, с учетом методов йоги Колеса Времени. Вывод: убийцы стреляли в Бога

18 июня 1992

В Царском-Сельском музее открыта экспозиция из кукол фильма

17 июля 1992

Телепередача о Шифферсе (программа «Комманда-2»)

31 октября 1992

Лекция в театре: «**Великий Обет Образования**»

28 ноября 1992

Лекция в театре: «**Голос из облака**»

Конец 1992 – начало 1993

Друзья, живущие за границей, задумывают или предпринимают попытки представить творчество Шифферса зарубежной аудитории.

Реакция Шифферса: *Вам надо решить, как «фильм» быстрее дойдет до «реальной» власти... «Презентация» — такого уровня нет в йидаме Царь Шамбалы (из письма в Америку Вере Генисаретской; «йидам» — божество-покровитель в тибетском буддизме); «всякий словесный комментарий даёт возможность „зрителю“ убежать ... убежать от упражнений в йоге действия... Что может дать эта информация „пожирателю песет“ или двуногому пожирателю космоса по Гурджиеву?» (из письма в Испанию Марии Оганисьян)*

Январь 1993

Первое упоминание (в письме к М.Оганисьян) М.Нострадамуса и его пророчества о приходе в августе 1999 года с неба великого Короля Ужаса

Февраль–апрель 1993

Ежемесячно, по новолуниям, читает лекции в театре. Темы: Гурджиев; Калачакра; техника правильного умирания. Апрельская — «Над могилой Леонтьева»

6 мая 1993 (память св. Георгия)

Запись в тетради о показе фильма и раздаче листовок расследования

Август — декабрь 1993: 2-й инфаркт. Первые завещания.
«Свастика Святой Аликс»

Август–сентябрь 1993

Едет в Лондон по просьбе Юрия Темирканова — помочь выйти из кризиса

19 сентября 1993

Второй инфаркт — в Лондоне, в гостях у Робина Эйзлвуда. Возвращается в Москву

Конец сентября–октябрь 1993

Пребывание в больнице. В переписке с семьей сохранилось **«Завещание, как то, что следует помнить и не отдавать никому и никогда, как добытое сокровище нашей семьи, олицетворенной Машей в йоге „Путь царей“»:**

Наша семья (Маша) прижимает к себе Убитого Мальчика; убитого, увезенного суками в лес, разрубленного на куски топором, политого серной кислотой, а затем сожженного на костре. Это — сокровище нашей семьи, найденное в Шамбале. Не отдавать его никому: ни православным, ни католикам и пр., — НИКОМУ — помните это, и Господь Иисус и Его Святая Мать не оставят Вас. Lata 16⁰⁰.

В этой же переписке впервые называет себя *терминатором* (впоследствии это слово входит в символический лексикон Института Опережающих Исследований)

Октябрь 1993

Начало новой тетради. Темы, наряду с прежними: причины инфаркта и физическое состояние; различные *схемы информации* для лекций и показов; планы организации ИОИ; первые упоминания об учителе йоги Б.К.С.Айенгаре

Декабрь 1993

В записях: планы показа фильма, с вопросами и ответами, постановок «Театра Мертвого Дома». Новые темы: пророчество Нострадамуса; даосская алхимия.

Вышла в свет книга О.Генисаретского «Упражнения в сути дела», в которой опубликовано несколько текстов Шифферса конца 1970-х годов, связанных с проектом «Театра Мертвого Дома»

Конец 1993

По инициативе друзей Шифферса принимают в Союз кинематографистов. Завершается оформление папки **«Свастика Святой Аликс»**. Первыми «листами» папки стали материалы к лекциям в театре, создававшиеся с 1991 г. То же название Шифферс иногда применяет и к более широкой подборке материалов, включающей и фильм «Путь Царей»

1994: Продолжение расследования.

Директор нового ИОИ им. Святой Аликс

12 января 1994

Отдана для копирования «Свастика святой Аликс»

Январь–апрель 1994

Из тем записей: Каббала по Кирхеру — Ленину — Папюсу; использование каббалы и астрологии для прочтения смысла пророчества Нострадамуса; замысел нового фильма «Встреча с Великим Королем» (Короля из пророчества Нострадамуса Шифферс отождествляет с грядущим Царем Шамбалы); фильм как «абхишека» (ритуал очищения и посвящения в тантризме).

Феодоровский Государев Собор (ФГС) в Царском Селе — место, где должны быть захоронены *святые косточки*; он должен стать храмом Армии и ВПК (Военно-промышленного комплекса); кинолента по схеме «Пути Царей», «Свастика святой Аликс» — «Путь царей»: *Два Царя были преданы и убиты, «Свастика»: Два Царя воскресли;*

для буддийских подданных Царя и Царицы «тулку» [новое воплощение] кого-то из Семьи вполне возможно, и поэтому собственность Семьи — ФГС, Александрийский Дворец, все Царское Село — должна быть возвращена Мальчику;

восстановление народа возможно только после осознания ужаса содеянного, возвращения Царской собственности и совершения *абхишека* — ритуала, задающего *генокод* народа; госпроект развития образования «Царское Село»; технология работы с фильмом: персональный экран — введение *video-vidya* внутрь (вскрывая этимологию Шифферс совмещает европейский технический термин *video* с буддийским *vidya* — видением подлинной реальности); судьба Б.Ельцина и возможные преемники из числа руководства армии; *союз с США при принятии ими учения Шамбалы*

20 апреля 1994

Показ «Пути царей» по ТВ в Екатеринбурге (Шифферс не присутствует, картину представляет А.Тертерян). До этого несколько просмотров для художественной элиты Екатеринбурга

Май–сентябрь 1994

Темы записей: «Записки Президента» Б.Ельцина, оккультная защита Ельцина — трагической фигуры, больного, одержимого страхом человека, которым манипулирует окружение, положительная роль Коржакова;

Золотые святыне косточки — это чистая природа Земли;

геометрия Феодоровского Собора, ее символический смысл, один из фильмов замышляемой серии хочет снимать в ФГС; (о Наследнике) *сокровище — ради такого Царя надо было сохранить Империю*; «Империя для Наследника» — название текста, который войдет в папку «Samadhi»; *исправление имен* (по Конфуцию); нумерология; ньютоновская и эйнштейновская физика о числах; астрологические данные *Ламы* резонируют с данными Аликс и Мальчика; вспоминает основные вехи своего пути с середины 1960-х

Осень 1994

Начало активного сотрудничества со Столичным Методологическим Университетом (ректор — Ю.Громыко) и связанной с ним школой — «Проект-

ным колледжем». Это и есть новая версия Института Опережающих Исследований (ИОИ), директором которого является Лана (Шифферс)

14–17 сентября 1994

Образовательная игра «Знание и вера» в Проектном колледже (на понимание Библии). Основной мотив Шифферса: Евангелие — это правда

Сентябрь 1994

Начало занятий в «лицейском классе» (восьмом) Проектного колледжа, созданном для воспитания у учащихся государственного мышления. Шифферс показывает и комментирует фильм.

Темы: Царская Семья; что такое власть; жизненный смысл христианских заповедей; астрология.

Новая тетрадь. Темы записей: продолжить следствие Соколова; *Георгий Гурджиев, верный подданный христианской Шамбалы*; вспоминает видение декабря 1971 г. с вознесением к Иисусу Христу и ищет в нем новые смыслы, привлекая для этого буддийские и египетские религиозные мотивы

27 сентября 1994

Записывает в тетради молитву:

Воскресший Иисус Царь, молитвами Пресвятой Твоей Матери и Предтечи Иоанна, силою Св. Животворящего Креста, молитвами святых сил бесплотных, святых апостолов, святых Василия Великого и Григория Богослова, Сергия Радонежского и Серафима Саровского, святых царей Шамбалы Алексея, Алисы, Николая, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, спаси и сохрани Машеньку, Ларису, Лену и Женика

Октябрь 1994

Темы записей: распад страны и планы выхода из кризиса; звездные карты Царевича и Ельцина; «Йога-сутры» Патанджали с комментариями Айенгара; визит Елизаветы II (*Нет, Лиза, это моя земля!*); каббалистическая астрология

14 октября 1994

Ю.Громыко приводит к Шифферсу Юрия Крупнова, издавшего первые выпуски журнала «Россия — 2010». Крупнов в составе группы Громыко — участник политических инициатив Шифферса ближайших лет

Конец октября 1994

Проект журнала «**Белый тигр**» (название — имя одного из четырех элементов «Природного дыхания» согласно китайской геомантии).

Первый номер... в виде 1) уголовного дела; 2) сборника разнородных документов — именно разных по формату и по виду (цвету, форме, сохранности и пр.)

Ноябрь 1994

Лекция в театре. Темы: планы магического театра (Театра Мертвого Дома) на текстах Достоевского; Институт самадхи для воспитания гениев из мальчиков Проектного колледжа; пророчество Нострадамуса на 11 августа 1999 г.

Ноябрь–декабрь 1994

Темы записей: астрология; историософия; происходящее в Кремле; роль разведки; пророчество Нострадамуса; всеобщая измена Царю.

Обдумывает организацию антропологического семинара для взрослых в системе СМУ.

Из записей: *Благовестие Господа Иисуса Христа, Книга Творения Авраама, Йога-сутра Патанджали, И-Цзин — 4 небольших первоисточника; «Йога-сутры» Патанджали с комментариями Вясы созданы «до» Св.Креста и Воскресения Царя и Бога Иисуса. «Йога Айенгара» (XX век) — ... познает ли Событие Св.Креста? Конечно же, если бы Айенгар «увидел», то... огромное движение по обращению к Царю, могущее помочь и евреям. Но: «учителя», хотя Царь и Учитель воскрес!*

1995: Излечиться от бреда (публикации, беседы, выступления)

Январь–март 1995

Темы записей: собственность Царской Семьи и необходимость отмены указа 1918 г. о ее национализации; программа ИОИ (пирамидология, образцы русской святости и гениальности, йога Айенгара); поддержание жизни Ельцина; содержание задуманного интервью В.Золотухину об убийстве Царской Семьи; как отыскать «тулку» Царевича для России?; планы нового фильма; война, которую ведут электронные СМИ

Лето–осень 1995

Ю.Громыко, Ю.Крупнов и О.Глазунова (по инициативе Шифферса) обращаются к членам Российской Зарубежной Экспертной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Царской Семьи

17 июля 1995

Выступление в СМУ с сообщением *следственных материалов «Свастика святой Аликс»*

Август–сентябрь 1995

Темы записей в новой тетради: космогония по Айенгару; йога и каббала (*Yogah-Йегова*);

Корона Кабалы, Корона Царя Руси и Корона Shambhala, — одна и та же Корона: корона Ноя, Давида, — это Задание Культуре;

Агни-йога и йога Айенгара; Корона как оккультная защита (*Корона несет в себе энергию коронования*); ситуация в стране в связи с будущими президентскими выборами; Феодоровский Собор как *центр нации*, мощи Царской Семьи — *щит нации*; излучение св. мощей (*св. мощи — полезные ископаемые*); материалы складывающихся папок «Samadhi» и «Анафема.

Убийство. Имущество»; даосско-буддийский синтез «сянь-фо» («бессмертный» + будда); углубление в Калачакру;
Успенский Собор Кремля как Послание апостола Павла к евреям; синагога, мечеть как «хула на Пресвятую», по Успении Живую

Сентябрь 1995

Выступает в Проектном колледже СМУ

4 сентября 1995

Встреча с Дж.Тенненбаумом из группы Ларуша (Институт Шиллера, США), организованная Ю.Громыко

24 октября 1995

Выступает в Проектном колледже СМУ

27 октября 1995

Интервью Андрею Андрюшкову (опубликовано в первом номере журнала «Российское аналитическое обозрение» под названием «Излечиться от бреда»). «Российское аналитическое обозрение» (РАО) издавалось СМУ, главный редактор — Н.Громыко

Декабрь 1995

Публикация в журнале «Поколение» *фрагментов из следственных материалов «Свастика святой Аликс», сообщенных 17 июля 1995 года в Столичном методологическом университете*. Журнал стала издавать группа выпускников Проектного колледжа (главный редактор Евгений Курнешов).

Публикация в «РАО» интервью **«Излечиться от бреда»**

13 декабря 1995

Выступает в Доме кино на зимней сессии Международного Конгресса «Русская культура и будущее России» — выправленный текст вошел в папку «Анафема. Убийство. Имущество», опубликован в «РАО» (1996) и в сборнике «Кому будет принадлежать концентриальное оружие в XXI веке?» (1997).
Главная тема: измена

1996: Последние папки («Samadhi Annutatarayogatantra», «Анафема. Убийство. Имущество»)

Зима 1996

В записях (к задуманному интервью В.Золотухину):
комми и демократы (и Патриарх и Президент) примиряются на принятии Декрета Ленина [о национализации царской собственности]; также и 4 рослых друга (Билл — Борис — Гельмут — Жак);
другие темы: много о Каббале (*еврейской йоге*); деление народов по знакам Зодиака; пути свастики: из Шамбалы в Индию — Тибет — Китай и в Европу (Каббала); *естественный союз с Китаем* — темы для будущих номеров журнала «Поколение»; маски кармы в трагедии;

«Корона против масок», так называется трагедия (всегда); пьеса, которая разыгрывается в России; Имперская Служба Безопасности (место *Lama* — реконструкция разведаппарата); оккультное образование; приближающиеся выборы и недопустимость обращаться к мнению большинства (вообще и особенно сейчас); антигосударственная пропаганда Гусинского на НТВ

Весна–лето 1996

Завершает папку «**Samadhi Anuttarayogatantra**». Состав: листы «Зеленый дракон из Шамбалы», «Многолетие. Годовщина измены», большая вставная работа «Об исправлении имен», фрагменты переводов из книг Айенгара и Далай-Ламы XIV.

Создается папка «**Анафема. Убийство. Имущество**». В составе папки (не вполне устоявшемся) — «Зеленый дракон из Шамбалы»; «Синхронизация мира-сосуда» (в форме интервью с М.Шифферс); материалы, связанные с литургическим смыслом Царского служения; материалы о Гурджиеве; фрагменты переводов из Г.Мулина, Далай-Ламы XIV и Айенгара.

Лариса Данилина и Мария Шифферс занимаются йогой Айенгара в Париже и в Пуне (Индия).

Выходят второй (перед июльскими президентскими выборами) и третий (после них) номера «РАО» с публикациями Шифферса. Во втором — материалы из папки «Анафема. Убийство. Имущество» (в том числе «Синхронизация мира-сосуда») под общим названием «**Измена**». В третьем — статья «**Сюжет одной пьесы**» (анализ статьи Е.Киселева в «Итогах»)

7 июля 1996

Разговор с редакцией журнала «Поколение». Цель встречи — обсудить концепцию 3-го номера журнала «Поколение» (так и не вышедшего). Основная тема — план организации системы высшего образования в традиционно арийско-китайско-тибетской, т.е. «заданной нашей географией», культуре

12 октября 1996

Лекция в театре

11 ноября 1996

Лекция в театре «**Возможности человека**»

Конец 1996

Выход в свет книги «**Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке?**» (спецвыпуск альманаха «Россия-2010»). В сборник включены «разработки ИОИ из папки „Анафема. Убийство. Имущество“»: Декрет о национализации имущества императорского дома; Анафематизм изменникам царской власти; выступление в Доме кино; «Синхронизация мира-сосуда»; переводы из Мулина и Б.К.С.Айенгара

10 декабря 1996

Лекция в театре

1997: Завещание. Молитва. Смерть

27 января 1997

Семинар в Проектном колледже

7 февраля 1997

Встреча в театре «К 75-летию организации Русского Оксфорда» (гурджиевского Института гармонического развития в Фонтенбло). Выступление Шифферса

Весна 1997

Нина Громыко переводит для Шифферса тексты Гвидо фон Листа о рунах (*арийской И-Цзин*)

9 марта 1997

На квартире Шифферсов А.Найденов снимает фильм-монолог Шифферса «**Путь царей. Расследование. Завещание**»

7 апреля 1997

Лекция в театре

9 мая 1997

В.Малявин приводит к Шифферсу сербскую монахиню Ангелину.

Во время второго визита Ангелина приносит Шифферсу сочиненный ею текст «Молитвы на Прославление в лике святых Великомученика Государя Николая II...». На листе бумаги с текстом Ангелины Шифферс пишет слова своей молитвы:

I. Святая Семья, Николай, Аликс, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, помогите русским предателям проснуться

II. Святая Семья, помогите тем, кто проснется, объединиться в Славянское Государство. И ждать Царства

III. Святая Семья, помогите тем, кто проснется и станет видеть смерть, частью Своей силы понимания

IV. Святая Семья, откройте избранных Господом Иисусом на Царство

V. Святая Семья, Николай, Аликс, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, просите Мать Господа не отворачиваться от нас

15 мая 1997

Умирает от третьего инфаркта — дома, в присутствии жены и дочери

Тело Шифферса было, согласно его желанию, кремировано. Присутствующим на похоронах дочь Мария раздает текст составленной им молитвы Царской Семье.

Евгений Шифферс

Религиозно-философские произведения

Памятник

Лама: О наречении патриарха

Работы разных лет

Корректор Сергей Иванов

Верстка Тамара Донскова

Производство Семен Дымант

Новое издательство

103009, Москва

Брюсов переулок, дом 8/10, строение 2

Телефон 229 6493

e-mail info@novizdat.ru

Оптовые продажи

103009, Москва

Брюсов переулок, дом 8/10, строение 2

Телефон 229 2633

e-mail sales@novizdat.ru

Подписано в печать 23.06.2005

Формат 60×90 1/16.

Гарнитуры NewBaskerville, Pragmatica

Объем 41 условный печатный лист

Бумага офсетная

Печать офсетная

Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии «Момент»

Химки, улица Нахимова 2